ТРУДЫ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Том II

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

В трех томах

Том II

Красноярск, 6–10 октября 2025 г.

Красноярск
СФУ
2025

УДК 902(066)
ББК 63.4
Т782

Ответственные редакторы:
академик РАН А. П. Деревянко,
академик РАН Н. А. Макаров,
профессор РАН А. В. Поляков,
доктор исторических наук П. В. Мандрыка

Редакционная коллегия:
Е. В. Акимова, О. М. Аношко, А. Е. Арефьев, Л. А. Беляев, К. В. Бирюлева, А. П. Бородовский, А. П. Бужилова, Ст. А. Васильев, М. В. Вдовенкова, А. С. Вдовин, Д. А. Виноградов, А. М. Воронцов, А. А. Выборнов, И. О. Гавритухин, П. Г. Гайдуков, О. Н. Глазунова, И. С. Гнездилова, О. С. Громоздова, А. В. Дедик, М. В. Добровольская, Е. Н. Дубовцева, И. И. Елкина, А. В. Епимахов, А. Р. Канторович, М. Т. Кашуба, О. С. Комарова, Д. С. Коробов, Л. В. Крапивина, А. А. Кудрявцев, В. Д. Кузнецов, В. С. Курмановский, Л. А. Максимович, А. А. Малышев, С. П. Нестеров, А. В. Сазанов, П. О. Сенотрусова, О. С. Советова, Л. В. Татаурова, А. А. Тишкин, Е. С. Ткач, Ю. Б. Цетлин, М. П. Черная, М. В. Шуньков, А. В. Энговатова

Т782 **Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда** : в 3 т. Т. II. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2025. – 500 с.

ISBN 978-5-7638-5128-1 (т. II)
ISBN 978-5-7638-5126-7

Приведены материалы VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда, состоявшегося в Красноярске в октябре 2025 г. Во втором томе собраны статьи по разделам, отражающим культурно-исторические процессы в раннем железном веке, проблемы изучения переходного периода от древности к Средневековью, вопросы античной археологии Причерноморья и Северного Кавказа, культурно-исторические процессы в Средневековье, археологическое изучение средневековых городов и поселений, вопросы археологии Золотой Орды и средневекового Причерноморья, изучение кочевых культур Южной Сибири и Центральной Азии.

Издание предназначено для археологов, историков и специалистов смежных и естественно-научных дисциплин.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Электронный вариант издания
см.: http://catalog.sfu-kras.ru

УДК 902(066)
ББК 63.4

ISBN 978-5-7638-5128-1 (т. II)
ISBN 978-5-7638-5126-7

© Сибирский федеральный университет, 2025

Организаторы VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда
(Красноярск, 6–10 октября 2025 г.)

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда

Председатели:
М. М. Котюков – губернатор Красноярского края;
академик РАН *А. П. Деревянко* – научный руководитель ИАЭТ СО РАН;
академик РАН *Н. А. Макаров* – вице-президент РАН, директор ИА РАН;
профессор РАН *А. В. Поляков* – директор ИИМК РАН;
канд. филос. наук *М. В. Румянцев* – ректор СФУ

Заместители председателей:
чл.-корр. РАН *А. И. Кривошапкин* – директор ИАЭТ СО РАН;
чл.-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* – заместитель директора ИА РАН;
канд. ист. наук *О. И. Богуславский* – заместитель директора
по научной работе ИИМК РАН;
канд. филос. наук *Р. А. Барышев* – проректор по научной работе СФУ

Члены оргкомитета:
академик РАН *Х. А. Амирханов*, академик РАН *А. П. Бужилова*,
академик РАН *Е. А. Ваганов*, академик РАН *Н. Н. Крадин*,
академик РАН *В. И. Молодин*, академик РАН *М. Б. Пиотровский*,
чл.-корр. РАН *Л. А. Беляев*, чл.-корр. РАН *М. В. Добровольская*,
чл.-корр. РАН *Н. В. Полосьмак*, чл.-корр. РАН *В. В. Седов*,
чл.-корр. РАН *Е. Н. Черных*, чл.-корр. РАН *М. В. Шуньков*,
д-р ист. наук *В. В. Бобров*, д-р ист. наук *С. А. Васильев*, д-р ист. наук *Н. И. Дроздов*,
д-р ист. наук *А. Р. Канторович*, профессор РАН *Д. С. Коробов*,
д-р ист. наук *В. В. Майко*, д-р ист. наук *П. В. Мандрыка*, д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*,
д-р ист. наук *А. А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н. М. Чаиркина*,
канд. искусствоведения *М. В. Вдовиченко*, канд. ист. наук *М. С. Нестерова*,
канд. ист. наук *Е. С. Ткач*, канд. ист. наук *А. В. Энговатова*

Секретариат оргкомитета: канд. ист. наук *А. В. Дедик* (СФУ),
канд. ист. наук *Е. В. Суханов* (ИА РАН), *Е. Н. Бочарова* (ИАЭТ СО РАН),
В. Б. Трубникова (ИИМК РАН)

Организаторы

Институт археологии РАН

Институт археологии и этнографии СО РАН

Институт истории материальной культуры РАН

Сибирский федеральный университет

Соорганизаторы

СЛУЖБА ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА

При поддержке

Министерство образования и науки Российской Федерации

Партнеры

Культурно-исторический центр «УСПЕНСКИЙ»

Дивногорский художественный музей

ЕНИСЕЙСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова

Музей археологии им. Е. С. Аннинского, обособленное подразделение Музейно-выставочного центра г. Железногорска

Красноярское отделение Русского географического общества

ИСТОРИЧЕСКИЙ КВАРТАЛ

ПСК ПроектСтройСервис
КРАСНОЯРСК

ГЕОРГ
СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ

Спонсоры

УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМПАНИЯ «НОК ГРУПП»

НОВОАНГАРСКИЙ ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ

СТРУКТУРА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Том I
Пленарные доклады
Становление и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите
Культурные процессы в неолите и энеолите
Проблемы археологии бронзового века

Том II
Культурно-исторические процессы в раннем железном веке
Проблемы изучения переходного периода от древности к Средневековью
Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа
Культурно-исторические процессы в Средневековье
Археологическое изучение средневековых городов и поселений
Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья
Кочевые культуры Южной Сибири и Центральной Азии

Том III
Археология позднего Средневековья – Нового времени
Проблемы изучения первобытного искусства
Междисциплинарные исследования в археологии
Антропологические и палеогеномные исследования в археологии
Компьютерные технологии и недеструктивные методы в археологических исследованиях
История и историография отечественной археологии
Сохранение и популяризация археологического наследия в России
Археология и музейное дело

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ…….. 21

Борзунов В. А.
Иткульская культура и зауральский очаг металлургии раннего железного века: коррекция образов……. 22

Бородовский А. П.
Деревянные погребальные конструкции эпохи раннего железа Верхнего Приобья (вопросы технологии и хронологии)……... 25

Виноградов Д. А., Дедик А. В.
Погребения в сосудах из тесинского кургана в Красноярске……... 28

Герман П. В.
Тагарская культура Мариинской лесостепи: некоторые итоги изучения за последние 10 лет…… 30

Денисенко В. Л., Лямина В. А.
Реконструкция миграционного маршрута саков из Центральной Азии в Северную Индию…… 33

Дураков И. А., Мыльникова Л. Н.
Элементный состав изделий из цветного металла из кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы (саргатская культура)…… 35

Дьякова О. В., Сидоренко Е. В.
Янковская культура раннего железного века Приморья: проблемы и факты……. 37

Ефремова Н. С., Молодин В. И., Мыльникова Л. Н.
Вариативность погребальной обрядности в археологических культурах раннего железного века (по материалам элитных курганов Барабы)……. 39

Иванов Г. Л.
Керамические материалы раннего железного века из Кудинской долины (западная часть Байкальской Сибири)…… 42

Канторович А. Р., Маслов В. Е.
Ритуальное сооружение в курганном могильнике Новозаведенное-V на Ставрополье……... 45

Козьякова П. С., Перескоков М. Л.
Археологический комплекс памятников раннего железного века в бассейне р. Сидяха в Среднем Прикамье…… 48

Комиссаров С. А., Кудинова М. А., Соловьев А. И.
Памятники Кэлэ (провинция Гуйчжоу) и их значение для исследования этнокультурной истории юга Китая……... 50

Краева Л. А.
Возможности историко-культурного подхода в изучении керамики кочевников железного века Южного Приуралья…… 53

Лазаретова Н. И., Малютина А. А.
Могильник Смирновка-4: манипуляции с телами умерших……. 56

Лихачева О. С.
О способах ношения кинжалов по данным с изображений на «оленных» камнях….. 59

Мокробородов В. В.
Наконечники стрел с доантичных поселений юга современного Узбекистана….. 61

Мокрушин В. П., Нарожный Е. И.
Керамика раннескифского времени на территории Центрального Предкавказья..... 64

Ненахов Д. А.
«Луновидный» орнамент-знак на кельтах тагарского времени…… 67

Окороков К. С.
Раннесарматские погребальные традиции в памятниках кочевников Средней Азии и Казахстана во II в. до н. э. – I в. н. э……. 70

Прокопенко Ю. А.
Предметы звериного стиля IV–III вв. до н. э. из могильника у хутора Августа (юго-восточные окрестности г. Ставрополя)…….. 73

Садыков Т. Р.
«Аржанский горизонт» как локальный субкультурный исторический феномен.... 76

Сарапулкина Т. В.
Особенности оборонительной системы городища скифского времени Петропавловка в Доно-Днепровской лесостепи……. 79

Селин Д. В.
Особенности гончарной технологии носителей кулайской культурно-исторической общности в Приобье……... 82

Семашкевич В. Э.
О некоторых строительных технологиях тагарской культуры (по материалам выявленных каменоломен на территории Минусинской котловины)…….. 84

Столяров Е. В.
Культурно-исторические процессы в верховьях Оки и Дона в первой половине I тыс. до н. э……... 87

Фролов Я. В.
Петельчатые бляхи-накладки скифо-сакского времени как индикатор культурных взаимодействий на территориях Верхнего Приобья и Саяно-Алтая..... 90

Цембалюк С. И.
Ритуальные комплексы красноозерской культуры на поселении Марай 1……. 92

Чемякин Ю. П.
Место городища Барсов городок I/20 среди кулайских древностей Барсовой горы (по результатам сравнительно-типологического анализа керамики)…….. 94

Шарапова С. В., Грачев М. А., Зимина О. Ю., Приходько Н. В.
Пространство в структуре могильников саргатской культуры……. 97

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ…… 101

Воронцов А. М.
Верховья Оки и Дона в период формирования системы культур позднеримского времени…….. 102

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.
О портупее боспорских воинов в позднеантичную эпоху……. 104

Гавритухин И. О.
Ассимиляционные процессы в ходе раннеславянских миграций……. 107

Горбунов В. В.
Развитие длинноклинкового оружия у кочевников Центральной Азии в хунно-сяньбийское время…… 110

Губенко Е. В., Губар Ю. С., Давыдов Р. В.
Технологическая характеристика бусин из таштыкского могильника Тесинский Залив-3……. 113

Нестеров С. П.
Малмыжская культура в системе культур населения Дальнего Востока позднего этапа раннего железного века и кануна Средневековья…… 116

Перескоков М. Л.
Хронология поздней фазы раннего железного века Пермского Приуралья…… 119

Письмарова А. В.
Раннесредневековые бусы круга «древностей антов»: сравнение бус I и II хронологических групп……... 121

Плетнева Л. М., Коробейников И. Н.
Хронология курганов Тимирязевского курганного могильника-1..……. 124

Родинкова В. Е.
Раннеславянское население бассейна Верхнего Псла в системе связей эпохи раннего Средневековья…… 126

Сабирова Т. М.
Планиграфические особенности Варнинского могильника (конец IV – X в.)..….. 129

Серегин Н. Н., Матренин С. С.
Алтай и сопредельные территории в жужанское время: основные результаты исследований…… 132

Слюсаренко И. Ю., Гаркуша Ю. Н., Уткин М. В.
Хронология погребений Оглахтинского могильника (Республика Хакасия) по данным дендрохронологического и радиоуглеродного анализа……. 135

Стоянова А. А.
Украшения в позднеримском полихромном стиле в предгорном Крыму: разновидности, хронология, прототипы…….. 138

Трубникова В. Б.
Перспективы выявления сяньбэйских культурных традиций в памятниках Восточного Забайкалья……. 141

Хомякова О. А.
Женский убор Юго-Восточной Прибалтики I–V вв.: от данных к гипотезам……. 144

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА…… 147

Бонин А. В.
Хронология Ильичевского поселения по результатам раскопок 2015–2016 гг….. 148

Бутягин А. М.
Новые результаты исследований Мирмекия……... 150

Вахонеев В. В.
Особенности планировки некрополя Херсонеса Таврического в I–III вв. н. э. (по материалам раскопок Южного пригорода)……... 153

Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н.
Каменные ящики в погребальных традициях Фанагории……. 156

Горланов С. С.
К вопросу о внутрибоспорской колонизации в Прикубанском регионе: по материалам грунтового могильника Елизаветинского городища……... 159

Горончаровский В. А., Павличенко Н. А., Григорьева О. В.
Эпиграфические исследования русских ученых на территории Греции и Малой Азии в конце XIX – начале XX в……. 162

Журавлев Д. В.
Семибратнее городище: новые исследования……. 164

Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И.
Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в эпоху эллинизма и римское время…… 167

Ильина Т. А., Свиркина Н. Г., Прохорчук Е. Б., Жур К. В., Быданов А. С., Леонова М. В.
Жизнь и смерть на северной периферии Римской империи (по материалам раскопок Гермонассы 2016–2022 гг.)……... 170

Кашаев С. В.
Грунтовые склепы из раскопок некрополя Артющенко-2……..……... 172

Колосов В. П.
Зольник II в системе городской застройки эллинистического Мирмекия……... 174

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.
Меотские всадники Прикубанья в VI – начале III в. до н. э……..…… 177

Мастыкова А. В.
Византийское поселение Горзувиты на Южном берегу Крыма:
современные исследования……... 180

Новичихин А. М.
Каменные гири-разновески из Горгиппии и ее окрестностей……... 182

Сазанов А. В.
Проблемы типологии и хронологии понтийских амфор III–V вв.
из Северного Причерноморья……... 185

Смекалова Т. Н., Бунин Д. С., Терехин Э. А., Деваев А. С., Кецко Р. С., Гаврилюк А. Н., Фридрихсон С. К., Базилевич Л. О., Горбачева О. А.
Комплексные исследования антропогенных структур античного времени
на западном берегу балки Бабчик в Крымском Приазовье……... 188

Супренков А. А.
Краткие результаты работ на античном городище Сююрташ
в Крымском Приазовье в 2010–2024 гг……... 191

Требелева Г. В., Столярова Е. К.
Храм на Маркульском городище: корреляция данных раскопок и археометрии
стеклянных изделий……... 194

Требелева Г. В., Юрков В. Г., Егоров И. В.
Маркульское городище и его связь с Гюэносом по данным раскопок
и геоархеологических исследований……... 196

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ…….. 201

Арсенова Н. Е., Тимошинова Е. О.
Варианты преемственности белоглиняной гончарной традиции по материалам
средневековых селищ юга Подмосковья Богданиха-7 и Богданиха-8..…….. 202

Арсенова Н. Е., Томилин Д. А., Клещенко Е. А.
Новые данные Боршевских курганных могильников на правом берегу
р. Воронеж: вопросы хронологии и интерпретации материалов…….. 204

Бирюлева К. В.
Раннесредневековая тонковаликовая керамика
в таежной зоне Подкаменной Тунгуски и Енисея…… 207

Герасимов Ю. В., Корусенко М. А.
Памятники тюркского времени в лесостепном Прииртышье:
итоги и перспективы изучения……. 209

Гриб В. К.
Бронзовая средневековая фигурка «уродца» с левобережья Днепра…….…….. 211

Жилина Н. В.
Судьба скандинавского искусства на Руси……. 213

Илюшин А. М.
Культурно-исторические процессы на территории Кузнецкой котловины
в развитом Средневековье…… 216

Колоколов А. М.
Верховья Оки и Дона в эпоху формирования древнерусского государства:
новые данные о хронологии памятников…… 218

Королева М. С.
Головные уборы с грушевидными подвесками из могильника Стексово-2…… 221

Логинов Я. С., Кондрашин В. В., Шайхутдинова Е. Ф., Калашников М. Г.
Ассортимент кузнечных изделий в составе погребального инвентаря
Танкеевского могильника……. 224

Милованова А. П.
Об орнаменте на керамике Тискинского могильника…… 227

Никитина Т. Б.
Этнокультурные процессы в Поветлужье в начале II тыс. н. э.
(по материалам погребальных памятников)…… 229

Подосёнова Ю. А.
Изделия прикамских ювелирных центров XII–XIII вв. в материалах памятников
Зауралья и Западной Сибири…… 231

Полякова О. А.
Изображение украшений на половецких каменных изваяниях…… 234

Потемкина Т. М.
Проблемы типологии и эволюции половецких изваяний…….. 236

Русланов Е. В.
Динамика культурного развития и освоения лесостепного Предуралья
в XII–XIV вв……... 238

Сарапулкин В. А., Соловьёв Д. С.
Формирование памятников салтово-маяцкого типа в дельте Волги…… 241

Сенотрусова П. О.
Распространение средневековой керамики ладейского типа
в лесостепных районах Красноярского края……... 244

Смертин А. Р., Подосёнова Ю. А.
Железная поясная гарнитура со следами лужения и инкрустации из материалов памятников Пермского Предуралья……. 247

Собольникова Т. Н., Суркова А. В.
Средневековые городища бассейна Конды……. 249

Сорокина Е. Г., Коробейников И. Н.
Изделия художественной металлопластики эпохи раннего Средневековья Западной Сибири: археологический контекст…… 252

Суханов Е. В.
О происхождении некоторых форм глиняных сосудов салтово-маяцкой культуры Среднего Дона……... 255

Халимуллина Л. Р.
Особенности расселения носителей именьковской культуры на Нижней Каме…. 258

Харитонов Р. М., Мясников В. Ю., Воробей И. Е., Федорченко А. Ю.
К вопросу о происхождении металлических узкопластинчатых ламеллярных шлемов у населения крайнего Северо-Востока Азии…… 261

Шалахов Е. Г.
К вопросу о присутствии носителей аскизской культуры в ареале расселения древнемарийских племен в X–XI вв…… 263

Яншина О. В.
Эквенский могильник: проблемы культурной атрибуции…… 266

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ……... 271

Артемьева Н. Г.
Социальная топография городов государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) (на примере Шайгшинского городища)……..…. 272

Астафьев А. Е., Богданов Е. С.
Аспабота Клавдия Птолемея Александрийского……... 274

Васильев М. А., Деркач В. А., Журавлева Ю. И., Калинина Е. М.
Археологические памятники восточной округи Изборска: новые данные и перспективы изучения…… 278

Волков Д. П.
Новые данные о «городищах даурского типа» в Западном Приамурье……... 281

Ганцев В. К., Науменко В. Е.
Северный пригород Мангупского городища (Юго-Западный Крым) по результатам современных археологических исследований……. 284

Горячев И. О., Доброва О. П., Осипова Е. В., Милованова А. П., Григорьев А. М.
Новое в изучении средневековых поселений Серпуховского Поочья……. 286

Григорьева Н. В., Бачура О. П., Лобанова Т. В.
Итоги археозоологических исследований Земляного городища в Старой Ладоге.... 289

Денисов С. А.
Археологические комплексы замков Тевтонского ордена на левобережье
Немана в XIV–XV вв……. 292

Зайцева И. Е., Милованов С. И., Очеретина С. В.
Кресты и энколпионы городища Городок в Нижнем Новгороде……. 295

Иншаков А. А., Иншакова А. В.
Юго-восточные территории Карачевского княжества XIV в. – начала XV в..…… 297

Коваль В. Ю., Русаков П. Е.
Фортификация Волжской Булгарии……. 300

Косовец К. С., Васильев М. А., Аракчеева И. С.
Археологические исследования селища Выбуты: некоторые итоги работ
и перспективы исследований (Псковский район Псковской области)……..…… 302

Крухмаль А. И.
Итоги изучения Судбищеской битвы 1555 г. в 2021–2024 гг……... 305

Кудрявцев А. А., Решетова И. К.
Кладбище церкви Георгия на Торгу в топографии
Ярославова дворища и Торга в Великом Новгороде…….……. 307

Курмановский В. С.
Средневековые поселения Смоленской земли: опыт комплексного изучения….. 310

Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С.
Новое в археологии Старой Ладоги……. 313

Массалитина Г. А., Болдин И. В.
Пограничные московско-литовские городки в Поугорье по данным археологии.. 315

Матвеева Н. П.
О фортификационных сооружениях западносибирских городищ
(раннее Средневековье)……. 318

Матросов М. А.
О склепах необычной конструкции на «Юго-Восточном пригороде Херсонеса
Таврического» (по результатам работ 2024 г.)…….…….. 320

Модин Р. Н.
Средневековые деревянные постройки Московского Кремля
по данным новейших археологических исследований ИА РАН…….. 323

Науменко В. Е.
История и археология византийского Мангупа-Дороса…… 326

Олейников О. М., Гайдуков П. Г.
Новые данные по исторической топографии Людина конца Великого Новгорода…. 328

Панченко К. И.
Позднесредневековый погреб из г. Дмитрова и его заполнение…….. 331

Половников Л. В.
Новый взгляд на конструктивные особенности жилищ городища Анюшкар Пермского Предуралья…….. 334

Сайберт В. О.
Особенности оборонительных сооружений городищ раннего Средневековья лесостепного Алтая……... 338

Салмин С. А., Салмина Е. В.
Развитие северной части псковского Завеличья в X–XIII вв. по данным археологии……... 341

Смертин А. Р.
Средневековые металлургические сооружения бассейна р. Чусовой (к проблеме интерпретации)……. 343

Точилова Н. Н., Гринев А. М.
Деревянные одноручные резные чаши Восточной Европы VIII–XI вв……... 346

Хомякова О. А., Сходнов И. Н.
Оборонительные сооружения городищ древних пруссов: к изучению особенностей и датировок…… 349

Яворская Л. В., Антипина Е. Е.
Древняя Русь и Золотая Орда: мясное потребление в городах..……... 351

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ…… 355

Бадеев Д. Ю.
Ремесленные комплексы с территории торгово-ремесленного района средневекового Болгара…… 356

Байбуртский А. М.
Армянские древности Крыма XIII–XVIII вв.: типология и периодизация археологических памятников……... 358

Баринов Д. Г., Курочкина С. А., Баринова С. В., Зеленцова О. В.
Аткарский могильник средневековой мордвы (история изучения, планиграфия, погребальный обряд)……. 361

Болдырева Е. М.
Исследования 2022–2024 гг. в ремесленном квартале золотоордынского города Сарая (Селитренное городище)…… 363

Бочаров С. Г., Масловский А. Н.
Закономерности в эволюции городов Золотой Орды (по материалам новейших археологических исследований)……... 366

Бугарчев А. И., Ушакова С. В., Фёдорова Е. А.
О булгарских пулах XIV в. «Али Дервиш» (по фондам ГИМ и БГИАМЗ)……. 368

Василиненко Д. Э.
Морские торговые пути в Восточном Причерноморье в средневизантийское время……. 372

Гончаров М. Ю.
Комплекс жилищ XIV в. из раскопок по ул. Измайлова, 48 в г. Азове в 2016 г…. 374

Громоздова О. М.
Территориальное распространение поясных наборов монгольского времени в Сибири……. 377

Дукомбайев А. Т.
Сырцовая архитектура как часть историко-культурного наследия…….. 380

Зеленеев Ю. А.
Археология западной части Среднего Поволжья периода Золотой Орды……... 383

Зиливинская Э. Д.
Строительное дело в Золотой Орде: каменное строительство.……. 385

Карепин К. В.
Структура поселенческих памятников среднего течения Северского Донца как особой зоны землепользования в золотоордынский период…….. 388

Коваль В. Ю.
Импортная поливная керамика из раскопок в Болгаре…….. 390

Курочкина С. А., Баринов Д. Г., Ширяев Л. А.
Глиняные формы из коллекции Ф. В. Баллода по материалам раскопок на Селитренном городище в 1922 г. (из фондов Национального музея Республики Татарстан)…….. 393

Макласова Л. Э.
Средневековое производство и различия в конструкции некоторых боктаг с территории Поволжья и Южного Урала…….. 396

Масловский А. Н.
О крупных подвальных помещениях из раскопок золотоордынского Азака…….. 398

Недашковский Л. Ф., Волков И. В., Шигапов М. Б.
Мордовская керамика с Багаевского селища…….. 401

Пигарёв Е. М.
Исследование стеклоделательной мастерской Селитренного городища……. 404

Точилова Н. Н., Ениосова Н. В.
Проблемы стилистической и технологической атрибуции золотоордынских металлических украшений из Великого Новгорода (по материалам с Троицкого-XVII раскопа)…….…… 407

Цымбал М. Л.
Города и замки Таврики XIII в.: комплексы разрушений…….. 410

Шкалюкова А. А., Демирова Н. И.
Материалы ГИМ о раскопках А. П. Смирновым бани «Красная палата» в 1938–1940 гг……. 413

КОЧЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ….. 417

Васютин С. А.
Проблемы культурной идентификации погребений по обряду кремации Ур-Бедаринского археологического микрорайона……. 418

Выборнов А. В.
Курганы кочевников X века у аула Тебис в Барабинской лесостепи……... 420

Герасимов Ю. В., Корусенко М. А.
Археологические памятники южного ареала потчевашской культуры: к проблеме интерпретации……..…….. 423

Головченко Н. Н.
Курганный могильник Камень-2 в формате поликультурности памятников эпохи раннего железа Верхнего Приобья...…… 426

Дашковский П. К.
Некоторые аспекты интерпретации погребений вторичного характера в памятниках пазырыкской культуры Алтая (по материалам могильника Ханхаринский дол)…… 428

Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.
Уюкские курганы в Долине царей (Тува)…… 431

Киреев С. М., Тишкин А. А.
Кинжалы раннескифского времени из Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина…….……. 433

Кубарев Г. В.
Поминальные комплексы тюркской знати на территории Российского Алтая…... 436

Марсадолов Л. С.
Новые аспекты изучения «оленных» камней» Центральной Азии и их ландшафтного окружения……. 439

Митько О. А.
Пластины от защитного доспеха в погребениях кыргызов Усинской котловины.. 442

Половников И. С.
Технологические особенности изготовления роговых свистунок на стрелах из погребальных комплексов Саяно-Алтая I тыс. н. э……... 445

Радовская Е. А.
Опыт построения классификационных схем металлических зеркал из памятников Алтая скифо-сакского времени (историографический аспект)….. 447

Радовский С. С.
Гривны из памятников северных предгорий Алтая скифо-сакского времени…… 450

Семенов А. В.
Резные изделия из рога с зооморфным орнаментом из захоронений позднескифского времени Тувы (III–II до н. э.)…….…… 453

Сиражева Б. А.
Каталогизация предметного комплекса косторезного дела Казахстана…….. 456

Соловьев А. И.
«Аллея духов» и кочевой мир…….. 459

Таиров А. Д.
Ранние кочевники Южного Зауралья и Саяно-Алтая: этнокультурные связи в раннесакское время……. 462

Тараканов В. В.
Керамика развитого и позднего Средневековья Хакасско-Минусинского края..... 466

Тишкин (мл.) Ал. Ал.
Форма и орнаментация щитов древних кочевников Внутренней Азии (по материалам изображений на «оленных» камнях)……..... 467

Тишкин А. А.
Роль и место «оленных» камней на мемориальных комплексах древних кочевников Внутренней Азии…….. 470

Тишкин А. А., Автушкова А. Л.
Рентгенофлюоресцентный анализ некоторых изделий из цветного металла, обнаруженных на памятнике Колыбелька-4 (фонды Новосибирского государственного краеведческого музея)…… 473

Трубникова В. Б., Лурье В. М.
Тувинские компоненты в могильниках тесинской культуры (Минусинские котловины)…… 476

Харинский А. В., Снопков С. В.
Производство железа жителями западного побережья Байкала в конце I тыс. до н. э. – начале II тыс. н. э……... 479

Чугунов К. В.
Сопроводительные могилы погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I в Туве…….. 482

Шульга П. И.
Особенности двухчастного могильника каменской культуры Камень-2
в Новосибирском Приобье и вопрос о существовании фратрий…….. 486

Хотылев А. О., Ольховский С. В.
Импорт строительного камня в Фанагорию в VI–IV вв. до н. э…… 489

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……..... 493

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В. А. Борзунов
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ИТКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА И ЗАУРАЛЬСКИЙ ОЧАГ МЕТАЛЛУРГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: КОРРЕКЦИЯ ОБРАЗОВ

Аннотация. Анализ материалов 464 памятников раннего железного века горно-лесного Зауралья и соседних лесных равнинных территорий позволил исключить из характеристики иткульской культуры остатки иных образований (гамаюнской, исетской, кульминской, юртоборской культур), а также скорректировать содержание и хронологию этапов развития зауральского очага металлургии VIII/VII – IV/III вв. до н. э.

Ключевые слова: иткульская культура, зауральский очаг металлургии, новые характеристики

Исследование выполнено при поддержке Гос. задания Минобрнауки РФ № FEUZ-2023-0018.

В начале железного века в горной тайге восточного склона Урала и на прилегающей с востока лесной равнине, включая Нижнее Притоболье, появилось до десятка новых культурных образований. В их числе: гамаюнская (X–IV вв. до н. э.), исетская (IX/VIII – IV вв. до н. э.), иткульская (VII – III/II вв. до н. э.), юртоборская (IX/VIII – VI вв. до н. э.), носиловская (VII – VI/V вв. до н. э.), баитовская (VII/VI – IV/III вв. до н. э.), воробьевская (VI – V вв. до н. э.), гороховская (VI/V – II вв. до н. э.) и зеленомысская (около середины I тыс. до н. э.) культуры, а также группы с керамикой гафурийского типа (V – IV/II вв. до н. э.).

Данные монокультурные и «полиэтничные» объединения локализовались как по отдельности, так и «чересполосно». Они сформировались базе местных бархатовской и межовской культур периода поздней бронзы при участии пришлого населения из таежного Приобья, южных лесов и северной лесостепи Тоболо-Иртышья и Урало-Казахстанских степей. Эта трансформация происходила на фоне катастрофического плювиала начала I тыс. до н. э. и последующей постепенной стабилизации климата. Разнообразию культур способствовала «пестрота» природных ниш, существовавших на этой небольшой зауральской территории (около 300 – 350 × × 350 – 400 км), а также углубляющееся разделение труда между лесными, лесостепными и степными коллективами.

Иткульская культура выделена К. В. Сальниковым [1962] и Е. М. Берс (под названием исетской) [1963]. Впоследствии объединена в одно образование и детально охарактеризована Г. В. Бельтиковой наряду с зауральским (иткульским) очагом металлургии [Бельтикова, 1997; 2005].

По представлениям Г. В. Бельтиковой иткульская культура и данный очаг сформировались в VIII–VI вв. до н. э. в верховьях р. Исети и на оз. Иткуль в процессе выделения кланов металлургов-литейщиков-кузнецов из общей массы позднебронзовых общин, прежде всего межовских. Впоследствии очаг расширился, прошел три этапа (VII–VI, VI–V и IV–III вв. до н. э.) и включил семь «гнезд»: Аятское, Исетское, Иткульское, Иртяшское, Полевское, Багарякское и Андреевское. Иткульские металлурги выплавляли в большом количестве медь, производили из нее изделия по скифо-сарматским и ананьинским образцам, а главное – поставляли основную часть своей продукции окружающему лесному и степному населению, напрямую контактируя с ним. Около V в. до н. э. они освоили производство черного металла, но в ограниченных количествах и только для собственных нужд. Помимо этого, иткульское население занималось охотой, рыболовством, разведением и содержанием лошадей, а также крупного и мелкого рогатого скота. У них существовало два типа керамической посуды. Первый –

© Борзунов В. А., 2025

круглодонные емкости с прямой вертикальной или слегка отогнутой наружу шейкой равной толщины, покрытые гребенчатым орнаментом, изредка – треугольными вдавлениями. Второй – сходные невысокие круглодонные горшки, но с резко отогнутой наружу и утолщенной изнутри шейкой, украшенные поясками ямок разных форм и струйчатыми декорами, нанесенными мелкозубчатой гребенкой. Производилась и особая техническая керамика: массивные глиняные емкости с ушками для захвата их рогатинами, а также мелкие тигельные формы.

Анализ автором статьи 464 памятников горно-лесного и равнинного лесного Зауралья, в том числе 207 иткульских, выявил, что из-за малой мощности культурных слоев разновременные и разнокультурные материалы находятся в них в смешанном состоянии. Это привело к многочисленным ошибкам при характеристике зауральских культур, включая иткульскую.

Так, Г. В. Бельтикова включила население с исетской керамикой, которую она называла «иткульской второго типа», в состав иткульской культуры. Между тем оказалось, что исетская культура, в отличие от иткульской, сформировалась раньше и на иной основе. Дело в том, что пришедшие с севера, из Западной Сибири, группы с вагильской керамикой, предки гамаюнских племен, не застали в лесном Зауралье в IX–VIII вв. до н. э. аборигенов края, представителей поздних межовских (межовско-березовских) общин, основы иткульского «этноса». По этой причине таежные охотники-рыболовы вступили в тесные контакты со скотоводами бархатовской культуры, часть которых продвинулась из Нижнего Притоболья в Уральские горы с целью поиска медных руд. Результатом стало сложение гетерогенной исетской (бархатовско-гамаюнской) культуры. Ее следует отличать от одноименной, предложенной Е. М. Берс и вошедшей в состав иткульской [Борзунов, 2019].

Иткульская культура, согласно выводам К. В. Сальникова, которых я в основном придерживаюсь, сформировалась, скорее всего, на южных территориях лесного и лесостепного Зауралья, в зоне первых контактов между формирующимся иткульским и пришедшим на север степным населением. Впоследствии ее носители продвинулись на север – вплоть до верховий Чусовой, Пышмы, Исети и Тагила. Особенно тесно представители обеих сторон начали взаимодействовать в VI–IV вв. до н. э. Именно в это время отдельные курганы степняков появились в бассейнах Миасса, Синары, Багаряка и на оз. Иткуль. На этом же этапе связи ананьинских литейщиков и кузнецов Приуралья переориентировались с юга на восток – в иткульское Зауралье, откуда стал поступать основной поток «чернового» металла для производства орудий и оружия – меди [Кузьминых, 1983, с. 174–182].

Главной причиной формирования иткульской культуры и зауральского очага металлургии были не столько динамика развития местных позднебронзовых обществ, сколько острая потребность в цветном металле и оружии из него у соседних степных и лесных коллективов, прежде всего сакских, савромато-сарматских и ананьинских. У них иткульские мастера позаимствовали основные типы своих орудий (кельты ананьинского облика) и оружия (скифо-сарматские наконечники стрел), которые были резко отличны от предшествующих межовских форм.

Этапов в развитии зауральского очага металлургии было действительно три, но с несколько иной хронологией и содержанием (исетско-иткульский: VIII/VII – начало VI в. до н. э.; иткульский: VI–V вв. до н. э.; позднеиткульский: IV–III/II вв. до н. э.). Главной особенностью является участие в становлении и развитии очага исетского населения.

За пределами основной территории обитания иткульских общин (горно-лесное и предгорное Зауралье) иткульская керамика «первого типа», тем более техническая, не встречается. Главное: ее нет в Притоболье. Сейчас даже тюменские археологи согласны с тем, что «иткульская керамика второго типа» – это исетская. Тем не менее они до сих пор официально

не признают неправомерность использования термина «восточный вариант иткульской культуры» [Зимина, Зах, 2009] для характеристики населения Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (IX/VIII – VI вв. до н. э.). Это общество с хозяйством комплексного типа (скотоводство, охота, рыболовство) я предложил именовать юртоборской культурой. По всем параметрам оно отлично от культуры иткульских металлургов. Иткульских памятников нет и в верховьях Тавды. Г. В. Бельтикова ошибочно учла как иткульские [2005, рис. 1, 1–5] пять поселений с гребенчато-ямочной керамикой кульминской культуры VII–III вв. до н. э. Более того, находки исетской, а не иткульской керамики за пределами Зауралья – от Камы до Верхнего Приобья – предполагают участие именно исетских групп в «торговых» операциях с иткульским цветным металлом.

В VI–IV вв. до н. э. в Нижнее Притоболье из лесостепного Ишимо-Иртышья начинают продвигаться многочисленные и сильные коллективы скотоводов саргатской культуры. Под их явным принуждением большая часть аборигенов края включается в состав населения саргатских городищ и селищ. Не покорившиеся пришельцам группы носителей гороховской и отчасти баитовской культур бегут на северо-запад и запад, на территорию обитания иткульских, гамаюнских, исетских и гафурийских общин. В итоге под эгидой иткульских металлургов формируются поселки со смешанным населением.

В IV–III вв. до н. э. остатки гамаюнского и исетского населения окончательно вливаются в состав иткульского общества.

С уходом в конце IV–II вв. до н. э. на запад больших масс сарматских племен, основных потребителей иткульского цветного металла, а также по причине повсеместного распространения черной металлургии, Зауральский очаг металлургии прекратил свое существование как некая целостность во II в. до н. э.

Список источников

Бельтикова Г. В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.

Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 162–186.

Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. 84 с.

Борзунов В. А. О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // РА. 2019. № 3. С. 131–146.

Зимина О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Сальников К. В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») // Краеведческие записки Челябинского областного краеведческого музея. Челябинск: Челябгиз, 1962. Вып. 1. С. 21–46.

А. П. Бородовский
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ДЕРЕВЯННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ)

Аннотация. Деревянные погребальные сооружения эпохи раннего железа являются источником по обработке древесины и изготовлению из нее различных конструкций. В Быстровском некрополе на Верхней Оби сохранилось значительное количество деревянных сооружений, которые удалось датировать естественнонаучными методами (дендрохронология, радиоуглерод) и создать их виртуальные 3D-реконструкции.

Ключевые слова: Верхняя Обь, эпоха раннего железа, деревянные погребальные сооружения, дендрохронология, радиоуглерод, 3D-моделирование

Деревянные погребальные сооружения эпохи раннего железа юга Западной Сибири являются важным и информативным источником по истории, культуре и технологии своей эпохи. На территории Верхней Оби могильные перекрытия (Быстровка-1, 2, 3, Милованово-2, 8, Масляха-1, Новый Шарап-2, Усть-Алеус-3, Ордынское-1) выполнялись из бревен, полубревен, плах, уложенных вдоль или поперек могильных ям. Сечение комлевой части бревенчатых конструкций составляло 16–15 см, что свидетельствовало об использовании не очень толстых деревьев. Скрепление срубов из бревен осуществлялось в обло (Усть-Алеус-3). Из бревен получали плахи, которые имели длину от 0,5 м до 1,5 м и ширину от 5 до 15 см при сечении от 3 до 5 см. Плахи использовались для перекрытия могильных ям – как продольные, так и поперечные, а также как рамы обкладки с пазовым креплением. В некоторых случаях (погр. 7 кург. 1 Милованово-8) могильные перекрытия представляли собой комбинацию из нескольких поперечных плах (13 экз.), опирающихся на два продольных бревна по краям могилы с одним запорным бревном по центру сверху, упирающемуся по краям еще в две плахи. Вертикально установленные плахи (6 экз.) использовались так же для перекрытия входа в единичные подбои (Милованово-8, кург. 1, мог. 16) [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 67–69, рис. 13]. Таким образом, развитая обработка изготовления плах и досок для сооружения внутримогильных конструкций является одной из региональных особенностей эпохи раннего железа на территории Верхнего Приобья. Материалы масштабных некрополей эпохи раннего железа Верхнего Приобья, формировавшихся в течение продолжительного периода времени, имеют особое значение для решения вопросов датирования. Объектом мультидисциплинарного исследования проблем датировки погребений стала курганная группа Быстровка-2, состоящая из 10 насыпей, под которыми расположено 237 захоронений, по которым получена 41 радиоуглеродная и 38 дендрохронологических дат [Хронология…, 2003, с. 79–92; Евразия, 2005, с. 215; Бородовский, 2009]. В ходе перекрестного датирования образцов деревянных погребальных конструкций из отдельных погребений, сгруппированных по курганам, были созданы обобщенные древесно-кольцевые хронологии для курганов № 3, 4, 5, 9 и 10. В результате предложена модель относительной хронологии могильника Быстровка-2, согласно которой наиболее ранним является курган 4, за ним следует курган 3, далее – курган 5, а наиболее поздними являются курганы 9 и 10, причем последние два существовали практически синхронно. Следует отметить, что в силу минимальности отрезка синхронизации дендрошкалы кургана 4 со сводной шкалой всего некрополя (83 года) его место в последовательности курганов как самого раннего не является строго доказанным.

© Бородовский А. П., 2025

Количество погребений, по которым создавались «плавающие» шкалы для курганов, изменяется от 4 (кург. 9) до 16 (кург. 4). Курганы 7 и 8 были представлены каждый только одним погребением. Полученные для отдельных курганов средние кривые погодичной изменчивости синхронизировались между собой с целью построения относительной хронологии быстровского некрополя в целом. По количеству годичных колец, составляющих шкалы курганов, они имеют следующий вид: кург. 3 – 203 кольца; кург. 4 – 186; кург. 5 – 141; кург. 7 (1 погребение) – 70; кург. 8 (1 погребение) – 98; кург. 9 – 156; кург. 10 – 204. Особое значение имеют колоды (рис. 1), задействованные в дендрохронологических исследованиях, позволяющие датировать естественно-научными методами захоронения этого времени [Хронология погребальных.., 2003, с. 79–92; Бородовский, 2009]. Эти погребальные конструкции являются реперными для разработки относительной и абсолютной хронологии некрополя Быстровка-2 на основании естественно-научного датирования (дендрохронология, радиоуглерод). Дендрохронологическое датирование одной из колод Быстровки-2 (кург. 3, погр. 25) в комплексе с радиоуглеродной хронологией последовательности ее древесных колец (АА37808, 2 435 ± 41 л. н. – АА37823, 2 200 ± 22 л. н.) позволяет достаточно точно определить время произрастания таких лесов, что соответствует периоду не позднее 289 г. до н. э. с учетом потери нескольких поверхностных колец относится к 280 г. до н. э.

Погребальные колоды Быстровки-2 являются еще образцами деревянных сооружений, изготовленных путем различных способов раскалывания цельного бревна. Сырьем для таких колод являлись деревья достаточно значительного возраста, более 300 лет, которые происходили из ленточных боров Верхней Оби. Произрастание такой древесины для указанного региона имеет исторически периодический характер, что определяется особенностями экологической обстановки и интенсивностью использования лесных ресурсов. Существенное увлажнение в эпоху раннего железа, безусловно, благоприятно отразилось на более комфортном произрастании древесины, при этом наиболее массивные деревья, произраставшие длительное время, требовали специального поиска пе-

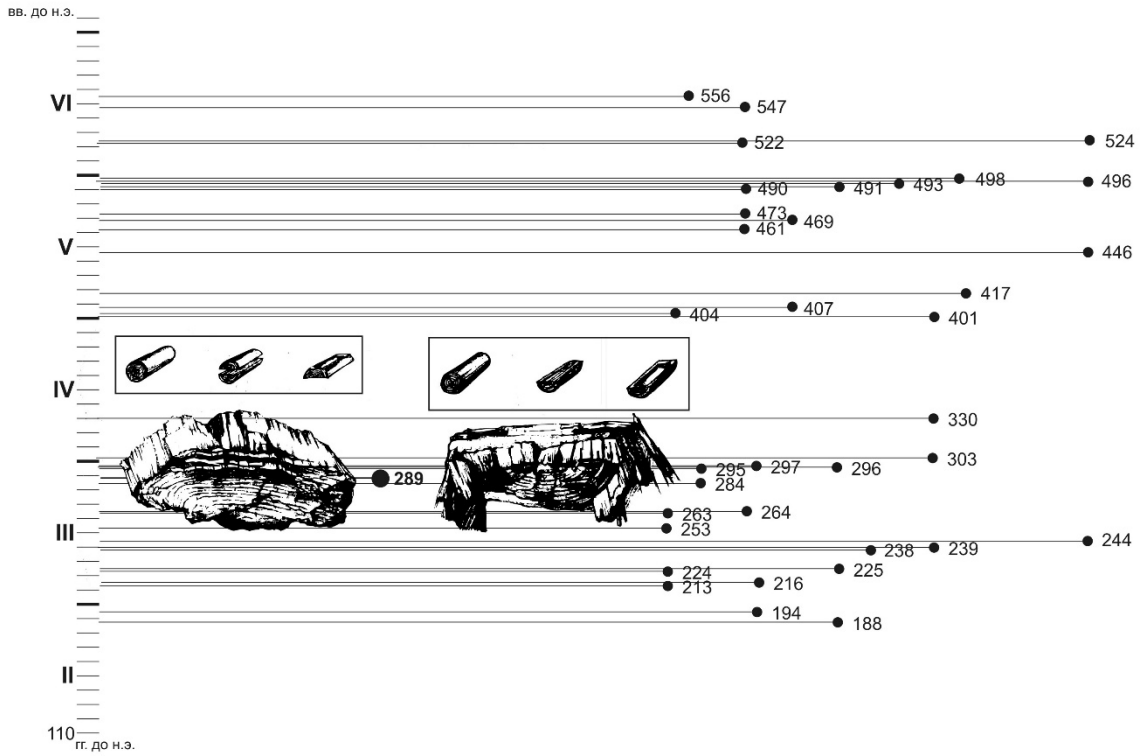

Рис. 1. Дендрохронология деревянных погребальных конструкций Быстровки-2 (Верхняя Обь)

ред изготовлением погребальных колод. Следует отметить, что наличие погребальных деревянных колод в быстровском некрополе (Быстровка-2) является одним из признаков, который сближает население эпохи раннего железа Верхней Оби с носителями пазырыкской культуры Горного Алтая.

Кроме этих деревянных конструкций определенное культурное влияние прослеживается в керамике, как в морфологии, так и в орнаментации сосудов. Наиболее ярким примером являются керамические сосуды с имитацией швов (кожаных или роговых вместилищ) [Бородовский, 1984] известных в материальном комплексе пазырыкской культуры. Не менее показательно, что в реперной колоде из Быстровки-2 (кург. 3, погр. 25) обнаружены бронзовые украшения (бляшки, обтянутые золотой фольгой), аналогичные найденным в колоде Башадарского кургана. Металлические бляшки с ушками для пришивания из погребения 25 кургана 3 имеют аналогии среди предметов сопроводительного инвентаря первого Башадарского кургана в Горном Алтае [Руденко, 1960, табл. XXIV/6]. Этот погребальный комплекс датируется в пределах второй половины IV или начала III вв. до н. э. [Руденко, 1960, с. 336]. Таким образом, предметный комплекс позволяет синхронизировать одну из колод Быстровки-2 с Башадарскими курганами. Однако колоды из Новосибирского Приобья дополнялись достаточно сложными конструкциями из плах и досок. Такая особенность, очевидно, отражает локальное своеобразие деревообработки, распространенной еще и в пазырыкской культурной традиции на Северном Алтае (Чултуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4) [Бородовский, Бородовская, 2013].

Визуальная реконструкция исследованных деревянных погребальных конструкций быстровского некрополя осуществлялась в несколько этапов. Сначала была проведена традиционная графическая реконструкция для получения представления об общих параметрах и особенностях погребальных конструкций в наиболее репрезентативных ракурсах. Завершающим этапом стало 3D-моделирование как самого объекта, так и его основных деталей в программном продукте Blender 4, трехмерной графики и анимации [Серова, 2021; Краудер, 2023]. В программном обеспечении представлен широкий выбор текстур деталей объекта и ракурсов его освещения. Функция рендеринга позволяет «запекать» результаты виртуальной реконструкции в статичные изображения. Такая визуализация позволяет на современном уровне выполнить реконструкции деревянных конструкций быстровского некрополя.

Список источников

Бородовский А. П. Об имитации швов кожаной посуды на керамике по материалам курганной группы Быстровка-1 // СА. 1984. № 2. С. 231–234.

Бородовский А. П. Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. 112 с.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Краудер С. Рендеринг в реальном времени в Blender. М.: ДМК-Пресс, 2023. 352 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Серова М. Н. Учебник-самоучитель по графическому редактору Blender 3D. М.: Солон-пресс, 2021. 272 с.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 183 с.

Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) / А. П. Бородовский, И. Ю. Слюсаренко, Я. В. Кузьмин, Л. А. Орлова, Дж. А. Кристен, Ю. Н. Гаркуша, Дж. С. Бурр, Э. Дж. Т. Джал // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. 3 (15). С. 79–92.

Д. А. Виноградов, А. В. Дедик
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ПОГРЕБЕНИЯ В СОСУДАХ ИЗ ТЕСИНСКОГО КУРГАНА В КРАСНОЯРСКЕ

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот и обсуждаются новые материалы о погребальном обряде тесинской культуры, полученные при раскопках кургана в г. Красноярске. Обнаруженные в склепе керамические сосуды, в заполнении которых отмечены кости, интерпретируются как новый вариант парциальных погребений, вероятно, имевших отношение к захоронениям детей.

Ключевые слова: погребальный обряд, погребения в сосудах, парциальные погребения, тагарская культура, тесинская культура

Курганные могильники тесинского времени представляют собой сложные погребальные комплексы, сочетающие разные варианты обряда. Центральное положение в могильнике отводилось коллективному погребению в склепе (часто с последующим сожжением), вокруг которого совершались грунтовые одиночные, коллективные, парциальные (частичные) погребения, реже захоронения кремированных останков. В результате раскопок в 2021–2022 гг. кургана «на Шинном кладбище» в Красноярске, отмечена ситуация, не типичная для тесинского погребального обряда и заслуживающая отдельного внимания.

По всей западной стороне ямы склепа в грунте был выполнен приступок шириной около 1 м и глубиной около 0,5 м от дневной поверхности. Глубина приступка соответствовала уровню бревенчатого настила/потолка склепа, на котором также укладывались погребенные. Частично скелеты лежали и на приступке, что предотвратило их обрушение в яму склепа при его горении. В южном секторе приступка сохранились останки двух индивидов, лежавших бок о бок, ребенка 12–15 лет (Juvenilis I) и мужчины 25–35 лет (Adultus). В 1 м севернее скелетов отмечен раздавленный и перевернутый кверху дном толстостенный сосуд баночной формы (рис. 1, *1*). Сосуд был заполнен землей с сажей и обожженными костями детского скелета. Плотная россыпь костей распространялась на незначительное расстояние от горловины сосуда, что в совокупности с перевернутым состоянием может указывать на его опрокидывание в древности. Кости из заполнения сосуда и кости, лежавшие рядом, представлены: фрагментами черепной крышки (теменные, затылочные, лобные кости, каменистая часть височной кости (правая и левая), мыщелковая часть затылочной кости (правая и левая)); тремя фрагментами ребер; правой проксимальной (верхней) частью бедренной кости; правой проксимальной (верхней) частью большой берцовой кости, – принадлежали ребенку до года (Lacteus). Кроме того, среди костей отмечено ребро индивида в возрасте 3–5 лет (Infantilis I). Цвет костей практически не изменился, что может быть признаком невысокой температуры горения.

Похожая ситуация выявлена в юго-западном углу склепа. Здесь на приступке сконцентрированы шесть раздавленных керамических сосудов, среди которых отмечено скопление обожженных костей нескольких детей. Установить связь костей с каким-либо из сосудов не удалось. Однако в этом же секторе, за пределами приступка, в пространстве между грунтовой стенкой и срубом, на разной глубине обнаружено несколько целых сосудов, упавших с верхнего яруса во время горения склепа. В заполнении двух из них отмечены детские кости.

В первом сосуде (рис. 1, *2*) обнаружены кости ребенка возрастом около 3 лет (Infantilis primus), представленные грудной

© Виноградов Д. А., Дедик А. В., 2025

частью туловища: фрагментами ребер, телом и рукоятью грудины, фрагментом левого нижнего края лопатки, четырьмя фрагментами тел и отростков грудных позвонков, седьмым шейным позвонком. Белый цвет костей может свидетельствовать о высокой температуре горения. Кроме того, среди костей обнаружены метаподий и первая фаланга барашка.

Во втором сосуде (рис. 1, *3*) найдены три шейных позвонка и шесть фрагментов дуг шейных позвонков ребенка около 3 лет (Infantilis primus), а также ребро и тело грудного позвонка новорожденного (Natus). Цвет костей насыщенно белый, что говорит о более высокой температуре горения. Любопытно, что шестой шейный позвонок совместим с седьмым позвонком из предыдущего сосуда, что позволяет с высокой долей вероятности полагать, что в двух сосудах находились останки одного индивида.

Представленные материалы позволяют рассматривать данные сосуды как емкости для парциальных погребений. В пользу этого свидетельствуют комплектность костей, в основной массе относящихся к определенным частям тела, что исключает случайное попадание в сосуды, а также их принадлежность только детям. Общей характеристикой костных останков является отсутствие на них деформаций и трещин, что указывает на горение сухих костей, лишенных мягких тканей. Учитывая набор костей, это свидетельствует о помещении их в сосуды в связке с мягкими тканями, которые со временем истлели. Отличие костей в разных сосудах по цвету может объясняться тем, что один из них находился на грунтовом приступке, а два – внутри склепа, практически в эпицентре горения. Присутствие в одном из сосудов костей барашка может трактоваться как сопроводительная пища или остатки шкуры.

Прямые аналогии такому виду погребения пока неизвестны. Схожий случай отмечен в тесинском грунтовом погребении, где вместе с захоронением двух женщин было обнаружено парциальное захоронение ребенка, накрытое перевернутым кверху дном берестяным туеском [Кузьмин, 2011, с. 153]. В целом в тесинской культуре для парциальных случаев характерно захоронение мягких тканей с остатками костей, упакованных в бересту или кожу [Там же, с. 167]. Наряду с этим имеется параллель среди особой группы объектов с отдельными захоронениями сосудов, встреченных в некоторых тесинских могильниках. Их наземные и внутримогильные сооружения ничем не отличались от парциальных погребений, однако никаких останков человека ни в сосуде, ни в могиле не обнаружено [Савинов, 2009, с. 57]. Гипотетически в сосудах могли находиться мягкие ткани детей, мелкие кости которых со временем истлели.

Позднее погребения в сосудах (кремации) отмечены в таштыкской культуре. Ввиду этого высказывалось предположение о возможной взаимосвязи между захоронением мягких тканей тел умерших и появлением обряда сожжения [Савинов, 2009, с. 131; Кузьмин, 2011, с. 125].

В склепах указанной эпохи подобные случаи пока не выявлены. Это должно объясняться сложностью фиксации, которая обусловлена смешением материала при горении и плохой сохраняемостью детских костей.

Нельзя игнорировать присутствие в сосудах в незначительном количестве костей других индивидов. Если до финального захоронения частичные погребения могли

Рис. 1. Курган «на Шинном кладбище» в Красноярске: *1–4* – керамические сосуды

длительное время храниться в каком-то общем месте (временная могила) [Кузьмин, 2011, с. 168], то, вероятно, эти кости могли попасть в сосуд непреднамеренно. При этом нельзя исключать и возможного «парного» погребения [Савинов, 2009, с. 56].

Любопытно, что в одном из котловидных сосудов, найденных в том же скоплении между стенкой грунтовой ямы и срубом, находился миниатюрный сосудик с ручками (рис. 1, *4*). Учитывая контекст находки, не исключено, что она могла быть связана с детскими погребениями в сосудах. Если исходить из гипотезы, что сосуд является вместилищем молочного напитка и выражает идею «сакральной чистоты и оплодотворения, рождения» [Савинов, 2022, с. 72], то для рассматриваемых случаев можно думать о проявлении особого погребального обряда для мира детей.

Представленные материалы демонстрируют существование неизвестного до этого варианта погребения детей в тесинское время и иллюстрируют сложные процессы трансформации культуры и мировоззрений общества, выраженные через разнообразие погребального обряда.

Список источников

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Савинов Д. Г. Курганы с захоронениями сосудов в Центральной Туве как отдельный вид археологических памятников // Записки ИИМК. 2022. № 26. С. 64–78.

П. В. Герман
ФИЦ угля и углехимии СО РАН,
Кемерово, Россия

ТАГАРСКАЯ КУЛЬТУРА МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

Аннотация. Широкомасштабные полевые исследования в Мариинской лесостепи проводились в 1950–1980 гг. С 2013 г. в результате раскопок на курганных некрополях и поселениях получен новый материал, позволяющий уточнить специфику лесостепных памятников тагарской культуры. В статье представлен краткий обзор исследований тагарской культуры Мариинской лесостепи за последнее десятилетие.

Ключевые слова: Мариинская лесостепь, ранний железный век, тагарская культура

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № FWEZ-2024-0021 проект «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

1. Мариинская лесостепь – участок северной лесостепи на территории Кемеровской области, граничащий с лесостепью Назаровской котловины. Это крайний северо-западный район распространения памятников тагарской культуры. Археологическое изучение этой территории началось во второй половине XIX в. [Герман, 2020а]. Основные источники по раннему железному веку Мариинской лесостепи были получены в 1950–1980-х гг. [Мартынов, 1979; Мартынов, Абсалямов, 1988]. В результате раскопок на 12 курганных могильниках и восьми поселениях была выделена отдельная тагарская культура лесостепного района. В 1960–1970 гг. в основном были проведены отдельные естественно-научные исследования. Опубликованы единичные радиоуглеродные даты [Dolukhanov, 1970, p. 145, 146], результаты химического анализа бронзовых изделий [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966]

© Герман П. В., 2025

и антропологические данные [Дремов, 1973; Козинцев, 1977].

2. Археологические работы в Мариинской лесостепи возобновились в 2007 г., и до 2013 г. это были разведки с уточнением сведений о ранее известных объектах.

В 2013 и 2016 гг. раскопаны курганы 13 и 16 могильника «Большепичугинские курганы», который в литературе известен как наиболее ранний из тагарских объектов Мариинской лесостепи, устроенный на месте андроновского некрополя. Именно на этом объекте А. И. Мартыновым в 1956–1959 гг. исследован ряд раннетагарских одиночных захоронений в прямоугольных могилах. Другая часть могил представляла собой склепы. Под насыпями курганов 13 и 16 была обнаружена каменная ограда «упрощенной» конструкции [Герман, 2020б], аналогичная известным в Назаровской котловине [Вадецкая, Субботин, Красниенко, 2018]. Особый интерес вызвала конструкция «входа» в кургане 16, которая ранее в лесостепном районе не фиксировалась. Таким образом, на Большепичугинском могильнике для раннего пласта тагарских комплексов Мариинской лесостепи были выявлены архитектурные компоненты, характерные для степного ареала тагарских некрополей. По комплексу обнаруженного погребального инвентаря захоронения Большепичугинского могильника относятся к биджинской группе тагарских памятников.

В 2024 г. исследован одиночный позднетагарский курган Алчедат III, расположенный на крайней западной периферии тагарской ойкумены, на р. Кия. Впервые для Мариинской лесостепи в насыпи кургана зафиксированы комплекс впускных захоронений и кромлех из 12 камней. Основной объект кургана – лепешкинский склеп – практически полностью ограблен, сожжен. Тем не менее и здесь были сделаны некоторые важные находки [Исследования…, 2024].

В 2018, 2020, 2021 гг. исследованы несколько участков тагаро-таштыкского поселения Шестаково II, при этом несколько раскопов были заложены по данным геофизической съемки. В результате работ изучены остатки очагов и участок рва [Первый…, 2020]. В ходе раскопок зафиксирован многочисленный поселенческий материал – фрагменты керамики, костяные и глиняные изделия, обломки костей животных [Герман, Савельева, Онищенко, 2019].

3. В результате проведенных полевых работ были получены новые материалы по периоду изначального освоения «тагарцами» территории Мариинской лесостепи и специфике значительно более поздних, т. н. лепешкинских (позднейших сарагашенских) позднетагарских комплексов.

Заселение тагарским населением Мариинской лесостепи связано с временем бытования памятников биджинской группы. Для погребальных комплексов характерно наличие каменных оград, в том числе с «входом»; специфика могильной архитектуры, трупоположения и погребального инвентаря не отличаются от характеристик биджинских погребений Минусинских котловин. Учитывая наличие биджинских комплексов только в восточной части Мариинской лесостепи (курганный могильник Ягуня, Серебряково), в непосредственной близости к р. Урюп, можно предположить, что дальнейшего массового продвижения на запад тагарского населения в это время не происходило. По аналогиям и радиоуглеродным датам освоение «биджинцами» Мариинской лесостепи началось не позднее VII–VI вв. до н. э.

Материалы позднетагарского кургана Алчедат III дают основание пересмотреть специфику подобных одиночных погребально-поминальных комплексов. В целом, лепешкинские склепы лесостепи демонстрируют значительную трансформацию погребально-поминальной практики и материальной культуры при сравнении с комплексами среднетагарского (биджинско-сарагашенского) пласта [Герман, Субботин, Боброва, 2023]. Данные различия фиксируются и на материалах степного ареала тагарской культуры [Кузьмин, 2011, с. 58]. В это время в лесостепных тагарских комплексах фиксируется значительное разнообразие форм керамической посуды, в том числе с декором, аналогичным для сосудов каменской, шеломокской (кижировской), староалейской культур

Верхнего Приобья. Это указывает на тесные контакты с культурами большереческой общности в этот период и их влиянии на формирование культурного облика «тагарцев-лепешкинцев» в Мариинской лесостепи. Согласно радиоуглеродным датам можно говорить о широком распространении лепешкинских склепов в лесостепной зоне уже в III в. до н. э.

За последние годы проведены различные естественно-научные исследования по ранее полученным, так и новым материалам раннего железного века Мариинской лесостепи. Получены серия радиоуглеродных дат и первые результаты по палеодиете лесостепного тагарского населения. Большая работа по изучению элементного состава бронз из погребальных комплексов Мариинской лесостепи проведена А. С. Савельевой [Савельева, 2018]. Опубликованы первые данные химического состава стеклянных бус из тагарских комплексов [Калинская, Созинов, 2024]. Возобновляется изучение антропологического материала лесостепных «тагарцев» [Ковзунова, 2024]. Отдельное внимание уделено изучению зооахеологических коллекций с поселений и могильников [Герман, Онищенко, 2019].

В настоящее время одной из первоочередных задач по изучению тагарской культуры Мариинской лесостепи является введение в научный оборот новых археологических материалов, обобщение результатов проведенных аналитических работ.

Список источников

Вадецкая Э. Б., Субботин А. В., Красниенко С. В. Ашпыл – некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 296 с.

Герман П. В. Древности Мариинской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020а. Т. 22. № 3 (83). С. 584–594.

Герман П. В. Новые данные об архитектуре тагарских погребальных комплексов Мариинской лесостепи // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020б. Т. II. С. 43–45.

Герман П. В., Онищенко С. С. Локально-хронологические особенности зооархеологических комплексов погребений тагарской культуры // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 103–105.

Герман П. В., Савельева А. С., Онищенко С. С. Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 21–32.

Герман П. В., Субботин А. В., Боброва Л. Ю. Курган 29 Берёзовского могильника (раскопки М. Н. Пшеницыной 1981 года): к атрибуции позднетагарских погребальных комплексов в лесостепном районе // Записки ИИМК РАН. 2023. № 29. С. 132–146.

Дремов В. А. Антропологические материалы из тагарских курганов Кемеровской области // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 7. С. 190–225.

Исследования позднетагарского кургана в Мариинской лесостепи / П. В. Герман С. Н. Леонтьев, А. В. Калинская, П. В. Ковзунова, Ю. В. Ширин, Д. Р. Голованов, С. А. Васютин, А. Р. Лесникова, А. А. Зимин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2024. Т. XXX. С. 463–470.

Калинская А. В., Созинов С. А. Первые исследования древнего стекла Мариинской лесостепи // Актуальная археология 7. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 431–434.

Ковзунова П. В. История палеоантропологического изучения населения тагарской культуры // Археология евразийских степей. 2024. № 1. С. 159–168.

Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 145 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Мартынов А. И., Богданова-Березовская И. В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. 1966. Вып. I. С. 66–104.

Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 123 с.

Первый опыт использования геофизических методов в исследовании археологических комплексов Мариинской лесостепи / П. В. Герман, П. Г. Дядьков, Д. А. Кулешов, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, А. С. Савельева, А. В. Веретенников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 372–380.

Савельева А. С. Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава): автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2018. 34 с.

В. Л. Денисенко[1], В. А. Лямина[2]
[1] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2] Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева, Новосибирск, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ МИГРАЦИОННОГО МАРШРУТА САКОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СЕВЕРНУЮ ИНДИЮ

Аннотация. В докладе актуализируется проблема миграции саков на территорию Северной Индии через Каракорумский регион. Реконструкция миграционного маршрута основана на комплексном анализе археологических и эпиграфических свидетельств с применением ГИС-технологий.

Ключевые слова: саки, миграции, Северная Индия, ранний железный век, петроглифы, эпиграфика, случайные находки

Исследование выполнено по теме НИР ИГМ СО РАН 122041400252-1 при поддержке Минобрнауки РФ.

Саки, прибывшие из Центральной Азии в северную часть Южной Азии, оставили материальные следы своих миграций в виде захоронений, петроглифов, эпиграфики и различных случайных находок. Цель данной статьи – реконструировать маршрут миграции саков на территорию Северной Индии на основе опубликованных материалов по археологическим и письменным свидетельствам. В задачи исследования входит анализ случайных находок, петроглифов и надписей из Гилгит-Балтистана. Основной метод – комплексный анализ с применением ГИС-технологий для графической передачи результатов исследования.

Петроглифы в зверином стиле и антропоморфные с кочевническими атрибутами выявлены в долине Верхнего Инда и находят аналогии с петроглифами Западного Памира [Денисенко, 2023; Ранов, 2016, рис. 34, 103]. Особенно важны наскальные изображения из Гилгит-Балтистана, территория которого связана через сеть горных плато с Центральной Азией. В данном регионе обнаружены 9 местонахождений с указанными петроглифами. Однако их малое количество и неравномерное распределение демонстрируют кратковременное пребывание кочевников в данном регионе, который, вероятно, служил коридором, по которому перемещались носители скифоидных культур.

Основным источником по определению маршрута миграционных волн являются случайные находки, так как археологические раскопки в Гилгит-Балтистане не проводились. В 1940 г. близ Имита в Ишкоманской долине к северо-западу от Гилгита был обнаружен медный котелок с двумя округлыми ручками и протомой в форме головы лошади [Литвинский, 2000, рис. 1]. Данная находка аналогична медным котелкам из погребений памирских саков (IV по III вв. до н. э.). В этом же году в Имите обнаружен бронзовый ритон с носиком в форме кентавра, держащего горного козла [Neelis, 2007, fig. 3.1]. В Гилгит-Билтистане были случайно обнаружены множество бронзовых бляшек в виде оленей, горных козлов и лошадей в жертвенных позах, а также бронзовое навершие от курильницы со скульптурным изображением оленя. Они находят прямые аналогии в торевтике памирских саков [Литвинский, 2000, с. 287; 1972]. На территории Гандхары были обнаружены аналогичные золотые бляшки, которые, по-видимому, являются подражанием сакским изделиям. Кроме изделий из бронзы, на территории Гилгит-Балтистана в Паттане были обнаружены изделия из золота: браслет, гривна и нашивки [Rahman, 1990, p. 5–17, fig. I–XV]. Особый интерес вызывает гривна, которая аналогична гривне из Аржана 2, но в 8 раз меньше, а также гривне из коллекции Петра Великого. Наиболее вероятно, что данный предмет был изготовлен в степной зоне Центральной Азии. Недавние исследования пакистанских археоло-

© Денисенко В. Л., Лямина В. А., 2025

гов на территории Ясина, Ишкомана, Дареля и Тангирской долины Северного Пакистана привели к обнаружению новых находок: ножей, украшений, выполненных в характерном скифо-сакском зверином стиле [Neelis, 2007, p. 66]. Вполне вероятно, что больше материалов, демонстрирующих связь Северной Индии с Центральной Азией, появится, когда будут раскопаны погребальные памятники, которые были обнаружены в XIX в. в Каракорумском регионе [Dani, 1998, p. 156].

На памятнике Чилас II в Гилгит-Балтистане обнаружены три надписи письмом кхароштхи с упоминанием индо-скифского правителя Мауэса (Мога) с царским титулом «Махатакаса» [Dani, 1983, p. 96–98, 100–101, 110; pl. 72–74]. На раннем этапе своего царствования он использует титул на кхароштхи «Махатака», который использовался поздним греко-бактрийским царем Эвкратидом I. После прихода Мауэса в Гандхару он имитировал парфянские и индо-греческие царские титулы, а именно титул «Царь царей».

На основе географического расположения могильников памирских саков, местонахождений с петроглифами, надписей и случайных находок, мы можем определить миграционный маршрут саков (рис. 1). Так, племена саков продвинулись из Памира через Ишкоман и верхнюю часть долины Гилгит в Кандию, с одной стороны, и к Инду, с другой, продолжая свой путь

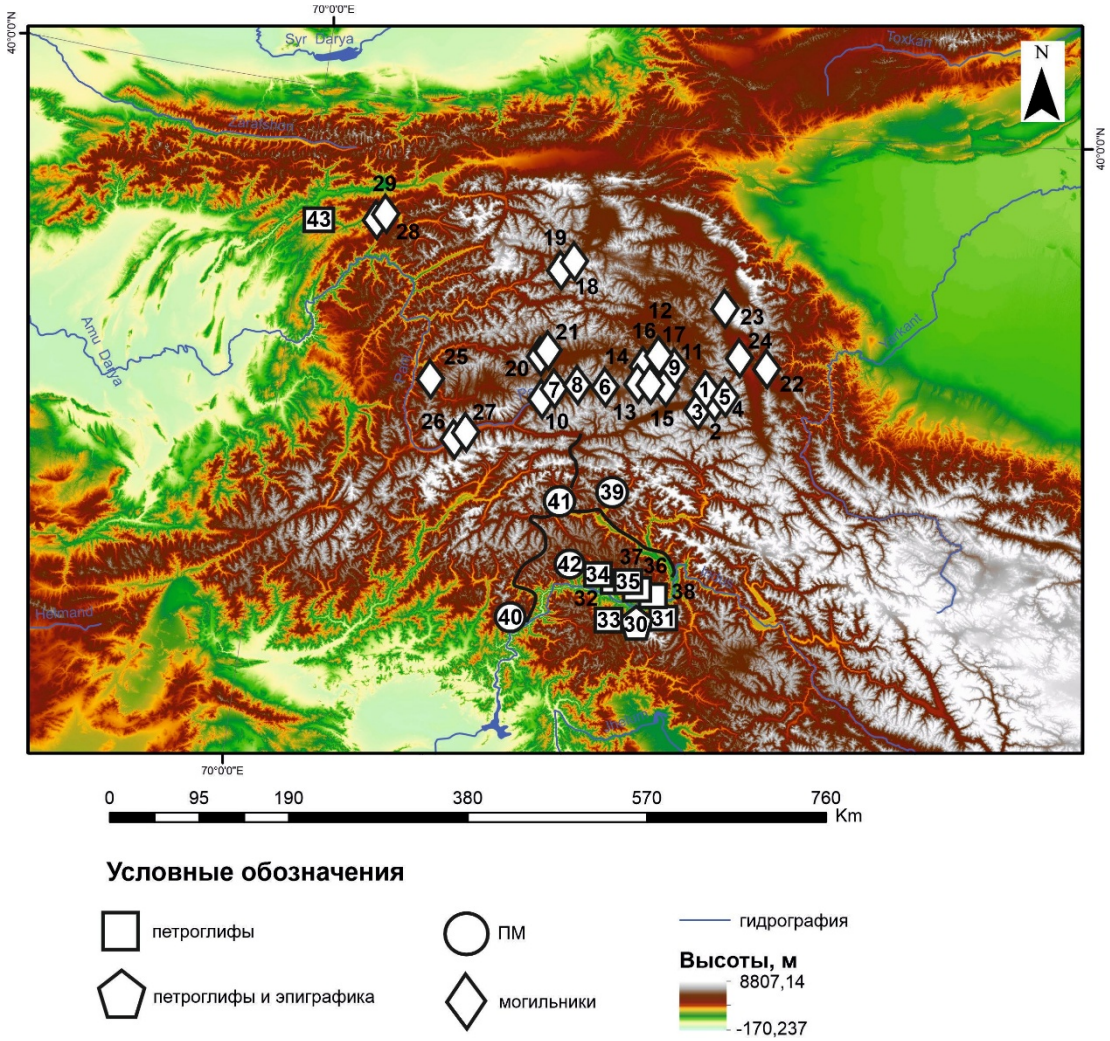

Рис. 1. Распределение типов памятников и случайных находок. Могильники памирских саков: *1* – Кзыл-Рабат; *2* – Можуташ; *3* – Шаймак; *4* – Акбеит; *5* – Тегермансу; *6* – Памирская I (Тамды); *7* – Ичкилик; *8* – Харгуш; *9* – Андемин; *10* – Айдынкуль; *11* – Сарыкурум; *12* – Чеш-тепе; *13* – Жарты-Гумбез; *14* – Зоркуль; *15* – Малый Истык; *16* – Истык; *17* – Койджилга; *18* – Карабулак; *19* – Кокуйбель; *20* – Аличур; *21* – Яшилькуль; *22* – Сяподи; *23* – Сянбабао; *24* – Йерзанкале; *25* – Поршинев; *26* – Чильхана; *27* – Ямчун; *28* – Ричив; *29* – Касвир. Петроглифы: *30* – Тхалпан; *32* – Минар Гах; *33* – Ходар; *34* – Дадам Дас; *35* – Гичой Дас; *36* – Ошибат; *37* – Хомар Дас; *38* – Дарбарати Дас. Эпиграфика: *31* – Чилас. Подъемные находки: *39* – Имит; *40* – Паттан; *41* – Ясин; *42* – Дарель; *43* – Лянгар

дальше на юг. Маршрут из Ташкургана на Малый Памир и далее в Вахан был путем вдоль реки Вахджир. Здесь перевал Борогил служит главным проходом на юг, в сторону перевала Даракот, который ведет к долине Ясин. Данные перевалы Восточного Гиндукуша являются одними из самых легких для прохождения и располагают прекрасными пастбищами.

Таким образом, большинство археологических свидетельств связаны с миграциями памирских саков (с IV по III вв. до н. э.) (медные котелки, бронзовый ритон, зооморфные бляшки). Письменные свидетельства из «Хань Шу» сообщают, что притяньшаньские саки прошли через горные перевалы Вахана/Памира/Каракорума и завоевали Гибинь/Кашмир [Литвинский, 1972, с. 193]. Тем не менее крайне мало археологических подтверждений данных упоминаний. Надписи из Чиласа II свидетельствуют о том, что они были созданы до прихода первого индо-скифского царя Мауэса на территорию Гандхары и связаны с установлением его власти и упрочением его могущества. Однако вопрос относительно того, выходцем из какого сакского объединения он был, остается дискуссионным и может быть разрешен только в междисциплинарных исследованиях Каракорумского региона.

Список источников

Денисенко В. Л. Звериный стиль в петроглифах долины Верхнего Инда (Ладакх, Гилгит-Балтистан) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10. С. 9–21.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 274 с.

Литвинский Б. А. Медные котелки из Индостана и Памира: (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 277–294.

Ранов В. А. Бегущие по скалам: Наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш, 2016. 412 с.

Dani A. H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // Journal of Central Asia. 1998. Vol. 21. No. 1. Pp. 158–170.

Dani A. H. Chilas: The City of Nanga Parvat (Dyamar). Centre for the Study of Civilizations of Central Asia, Quaid–i–Azam Univ. 1983. 251 p.

Neelis J. Three Passages to India: Sakas and Kusana Migrations in Historical Contexts // On the Cusp of an Era–Art in the Pre–Kushana World. Leiden, Brill's Inner Asian Library, 2007. Pp. 55–94.

Rahman S. Unique Find of Gold Ornaments from Pattan/Kohistan // Journal of Central Asia. 1990. Vol. 13. P. 5–17.

И. А. Дураков, Л. Н. Мыльникова
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ИЗ КУРГАНА № 51 МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ТАРТАССКИЕ КУРГАНЫ (САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА)

Аннотация. В работе представлены результаты исследования состава изделий из цветного металла из кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы, расположенного в Венгеровском районе Новосибирской области. Выделены изделия из серебра и медные сплавы, состоящие из чистой меди, латуни и одно свинцово-медное изделие. Таким образом, металл изученной коллекции демонстрирует значительные отличия от цветного металла региона и, видимо, является импортным.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Обь-Иртышская лесостепь, эпоха раннего железа, саргатская культура

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи».

Основной задачей данной работы является анализ состава изделий из цветного металла из элитного саргатского кургана № 51, могильника Усть-Тартасские кур-

© Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., 2025

ганы. Данный памятник расположен на краю надпойменной террасы левого берега р. Тартас в 3,9 км к юго-востоку от окраины с. Венгерово Венгеровского района Новосибирской области. Курган исследован экспедицией ИАЭТ СО РАН под руководством В. И. Молодина в 2022 г. В насыпи и на окруженной рвом сакральной площадке обнаружено 22 погребения, разной степени сохранности. Полученные по ^{14}C даты предполагают непродолжительный временной интервал формирования кургана в промежутке между 220 и 50 гг. до н. э.

Из погребений и расположенного на краю рва ритуального приклада происходит значительная серия изделий из цветного металла: украшения, инструменты, наконечники стрел. При помощи портативного РФА-анализатора «МетЭксперт» было исследовано 39 предметов. Выявлены сплавы на основе серебра и меди.

Серебряные изделия представлены серией серег из трех погребений (№ 11, 13 и 15). Интерес представляет проволочная серьга из погребения № 15 в виде двух колец, соединенных перемычкой, на которую в виде спирали накручена еще одна проволочка. Наиболее близкая аналогия найдена в могильнике Лихачево [Корякова, 1988, рис. 18, 122]. Обе части украшения сделаны из сплава серебра с медью. Основная часть из более высококачественного, в нем содержание серебра составляет 83,94 %, меди – 16,06 %. Украшающая перемычку спираль – из менее качественного, здесь серебра 55,552 %, меди – 44,448 %.

Серьга из погребения № 11 представляет собой проволочное кольцо диаметром 1,8 см. Изготовлена из чистого серебра, процент которого составлял 99,787, количество меди незначительно (0,213 %) и, видимо, является естественной примесью.

Серьга из погребения № 13 также изготовлена из чистого серебра. Она представляет собой изогнутый в виде знака вопроса стержень с припаянным к нему каплевидным щитиком, обрамленным бортиком и двумя пирамидками зерни. Украшение имеет внушительный круг аналогий из элитных курганов саргатской культуры: Сидоровки, Абатского-3 Тютринского могильника. Кроме этого, аналогичные серьги присутствуют в составе так называемой «золотой коллекции Петра I».

Сплавы на основе меди составляют наиболее значительную часть проанализированной коллекции. Выделяются три группы: изделия из чистой меди (содержание 99,952–96,377 %), из медно-свинцового сплава и латуни. Предметы из чистой меди представлены наконечниками стрел из погребения № 9 (центральная могила), иглой из ритуального приклада и зеркалом из могилы № 7.

Нужно отметить, что использование чистой меди в культурах раннего железного века Западной Сибири часто связывают с импортом с территории иткульской культуры, для которой такой состав металла характерен [Кузьминых, Дегтярева, 2015, с. 58]. Кроме этого, имеющее в составе наиболее чистый металл (99,952 %) зеркало находит многочисленные сарматские аналогии и само, по всей видимости, импортное [Мыльникова, Дураков, Титова, 2023]. С другой стороны, на территории Западной Сибири увеличение использования чистой меди фиксируется с эпохи поздней бронзы и может объясняться дефицитом олова [Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997].

Серьга из погребения № 14 состояла из сплава, содержавшего свинец (29,95 %), цинк (10,682 %), медь и явно имитировала серебряное изделие, так как такое добавление свинца придало ему светло-серый цвет. Цинк в сплав попал, видимо, как сопутствующий элемент свинца в составе свинцово-цинковой руды.

Значительный интерес вызывает серия из 4 латунных предметов: 2 серьги из погр. № 7, еще одна из погр. № 14 и ажурная пряжка из могилы № 18. Одна из сережек могилы № 7 латунная (содержание цинка 19,619 %), вторая, парная ей, биметаллическая. Она представляет собой медное (92,857 %) кольцо, обкрученное латунной (содержание цинка 1,175 %) проволочкой. Следует отметить, что для изучаемого региона медно-цинковые сплавы (латуни) начинают применяться только с I тыс. н. э. [Тро-

ицкая, Галибин, 1983, с. 37]. Хотя отдельные предметы из латуни отмечены в синхронных культурах Минусинской котловины, Прибайкалья и Забайкалья [Хаврин, 2007, с. 119].

Подводя итоги, следует отметить, что состав металла из погребений элитного кургана № 51 могильника Усть-Тартасские курганы очень разнообразен и демонстрирует значительные отличия от цветного металла региона, где преобладают оловянистые или оловянно-мышьяковые бронзы [Троицкая, Галибин, 1983, с. 40]. Видимо, или сам металл, или изделия из него являются импортными.

Список источников

Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 100 с.

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Цветная металлообработка иткульской культуры (предварительные результаты аналитических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 57–66.

Мыльникова Л. Н, Дураков И. А., Титова А. В. Импорт в материалах могильника Усть-Тартасские курганы (Барабинская лесостепь) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 60–82.

Троицкая Т. Н., Галибин В. А. Результаты количественного спектрального анализа предметов эпохи раннего железа Новосибирского Приобья // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: АГУ, 1983. С. 35–47.

Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–122.

О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

ЯНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИМОРЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ФАКТЫ

Аннотация. Анализируется основная проблематика янковской культуры раннего железного века Приморья: территория, генезис, хронология, локально-хронологические варианты.

Ключевые слова: палеометалл, янковская культура, локально-хронологический варианты, прибрежный, континентальный, юго-восточный (валентиновский), куналейский

Эпоха раннего железного века в Приморье открывается янковской культурой, именуемой первоначально «культурой раковинных куч» из-за морских поселений, жилища которых были заполнены раковинами моллюсков [Окладников, 1959]. Диагностические признаки культуры включают:

1. Лепные плоскодонные сосуды горшковидной и амфоровидной форм с крашеным орнаментом (малиновый и черный цвет), вариантами врезного меандрового декора, инкрустированными валиками; чаши с овальным дном; сосуды доу (блюда на высоком цилиндрическом поддоне).

2. Каменные шлифованные ножи полулунной (жатвенные) и прямоугольной форм.

3. Железные изделия (кельты, насады на землеройные орудия).

Изначально территорию распространения таких памятников ограничивали южным и восточным побережьем Японского моря. К опорным памятникам культуры относятся: поселение на п-ве Песчаный (раскопки А. П. Окладникова), Малая Подушечка (раскопки Ж. В. Андреевой), поселение Черепаха-13 (раскопки С. В. Батаршева, Е. Б. Крутых). С накоплением новых

© Дьякова О. В., Сидоренко Е. В., 2025

материалов оказалось, что ареал культуры гораздо шире и захватывает равнинные и горно-таежные области Приморья. Сравнение классификационных характеристик материала позволило исследователям выделить три локально-хронологических варианта: прибрежный, континентальный и юго-восточный (валентиновский) [Андреев, 1959; 1963, с. 106–113; Андреева, 1970; 1977; Андреева, Жущиховская, Кононенко, 1986; Бродянский, 1968; 1969; 1983, с. 65–108; Жущиховская, 1986; Окладников, 1963]. Работы Сихотэ-Алиньской (руководитель В. И. Дьяков) и Амуро-Приморской (руководитель О. В. Дьякова) археологических экспедиций на восточном побережье привели к выделению лидовско-янковских (куналейская группа) и янковско-кроуновских памятников, что расширило ареал янковской культуры в северо-восточном направлении [Дьяков, 1984, с. 50–72; Дьякова, Сидоренко, 2002, с. 5–45; Сидоренко, 2007, с. 91–110].

Тип хозяйства янковцев оказался комплексным. Кроме аквакультуры на побережье моря, он включал земледелие (возделывание проса), животноводство (свиноводство), речное рыболовство, охоту, собирательство, а также гончарное и железоделательное ремесло.

Помимо поселений и могильников, выявлен новый тип памятников – горное террасированное укрепление Моленое-1, контролировавшее проходы в бассейн Аввакумовки со стороны бухты Ольга Японского моря и с горных перевалов Сихотэ-Алиня. Укрепление представлено фортификацией типа детинца на вершине сопки, искусственными террасами с жилищами на крутом каменистом склоне, защищенными горизонтальными и поперечными каменными валами, образовывавшими многоуровневую систему обороны, и стрелковым гнездом в виде каменной западины [Культурная идентификация…, 2022].

Первоначальная широкая датировка культуры IX–VIII вв. до н. э. – V–III вв. до н. э., аргументированная аналогиями вещей, в настоящее время проверяется 30 датами по ^{14}C. Нижняя граница янковской культуры опускается в XII–X вв. до н. э., что подтверждает предположения А. П. Окладникова и Г. И. Андреева, датировавших ранний этап янковской культуры эпохой бронзы [Окладников, 1959; Андреев, 1959]. Верхняя граница поднимается до рубежа эр, что косвенно подтверждается кельтами памятника Биджуво (Южная Маньчжурия) и Песчаного, совпадающими не только по форме, но и по химическому составу [Окладников, 1963]. Памятник Биджуво датирован ханьской монетой I в. н. э. Кроме того, на поселении Малая Подушечка встречается керамика с квадратным оттиском круга на дне сосуда, что является характерной технологической деталью керамики культуры хунну. Не противоречат этому и даты по ^{14}C горного укрепления Моленое-1 – 2 080 ± 20 л. н. (IGAN AMS-9572) (cal BC 147–139; 108–47; 162–42), 2215±20 л. н. (IGAN AMS-9571) (cal BC 357–347; 314–278; 233–205) [Работы…, 2022]. При этом хронология памятников янковской культуры по-прежнему остается слабо разработанной и требует доказательной базы [Сидоренко, 2006]. Первоначально исследователи на основе типологии материала считали появление в Приморье янковской культуры результатом миграции с территорий Китая и Кореи. Позднее стали обосновывать ее местное происхождение и находить связь с неолитической зайсановской культурой, территорию которой она заняла. В настоящее время проблема остается открытой и ждет своего решения.

Список источников

Андреев Г. И. Побережье Южного Приморья в III–I тысячелетиях до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИМК АН СССР. 1959. 16 с.

Андреев Г. И. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 г. // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 106–113.

Андреева Ж. В. Древнее Приморье (железный век). М.: Наука, 1970. 145 с.

Андреева Ж. В. Приморье в эпоху первобытно-общинного строя. Железный век (I тысячелетие до н. э. – VIII в. н. э.). М.: Наука, 1977. 240 с.

Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Кононенко Н. А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 216 с.

Бродянский Д. Л. Майхинский вариант культуры сидеми // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968. С. 172–179.

Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. 20 с.

Бродянский Д. Л. Ранний железный век южного Приморья (янковская культура) // Диков Н. П., Бродянский Д. Л., Дьяков В. И. Древние культуры тихоокеанского побережья СССР. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1983. С. 65–108.

Дьяков В. И. Железный век на западном побережье Японского моря // Д. Л. Бродянский, В. И. Дьяков. Приморье у рубежа эр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. С. 50–72.

Дьякова О. В., Сидоренко Е. В. Древние и средневековые культуры Северо-Восточного Приморья (по материалам Куналейского городища) // Актуальные проблемы Дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 5–45.

Жущиховская И. С. К вопросу о локальных и временных вариантах янковской культуры Приморья (по данным анализа керамики) // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 39–50.

Культурная идентификация памятника Моленое-1 в свете стратиграфических композиций / О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко, В. Э. Шавкунов, И. В. Саяпина // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 35. С. 120–143.

Работы Амуро-Приморской археологической экспедиции в Восточном Приморье / О. В. Дьякова, Е. В. Сидоренко, В. Э. Шавкунов, И. В. Саяпина // Археологические открытия 2020 года. М.: Наука, 2022. С. 439–441.

Окладников А. П. Начало железного века в Приморье // Труды Академии наук СССР. Серия историческая. 1959. Т. 1. С. 13–36.

Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // Материалы к древней истории Дальнего Востока. 1963. № 112. 355 с.

Сидоренко Е. В. Янковская культура: хронология и датировка // Дальневосточные древности: каменный век, палеометалл, Средневековье. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. С. 133–146.

Сидоренко Е. В. Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 271 с.

Н. С. Ефремова, В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭЛИТНЫХ КУРГАНОВ БАРАБЫ)

Аннотация. Доклад посвящен анализу погребального обряда элитных курганов раннего железного века Барабинской лесостепи. Отмечены устойчивые элементы: объемные курганные насыпи, рвы, остатки жертвоприношений и тризн, сопроводительный инвентарь, а также своеобразные компоненты: прокаленная почва, особенности конструкций погребальных сооружений, расположения могил. Выявлены варианты погребальной обрядности.

Ключевые слова: погребальный обряд, эпоха раннего железа, курган, жертвоприношение, идеологические представления

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-19-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)».

Исследованные в последние годы элитные курганы Барабинской лесостепи в Обь-Иртышском междуречье пополнили корпус источников, позволяющих реконструировать особенности мировоззрения населения региона в эпоху раннего железа. Зафиксированный ритуал захоронения включал как ряд устойчивых элементов обрядовой практики, так и своеобразные детали, индивидуальные для каждого памятника. Характеристика погребального обряда базируется на материалах элитных

© Ефремова Н. С., Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 2025

захоронений курганных могильников Сопка-2, Преображенка-6, Государево Озеро-1, Венгерово-6, Тартас-2 и памятника Усть-Тартасские курганы, расположенных в Венгеровском районе Новосибирской области [Элитные курганы…, в печати].

Даже незначительное количество рассмотренных курганных памятников позволяет говорить о бытовании на территории Барабы двух групп некрополей – курганных могильников и единичных курганов. Последняя группа, куда можно отнести и курган Государево Озеро-1, по-видимому, являлась немногочисленной, а ее существование было обусловлено периодом проживания здесь определенной группы носителей саргатской культуры. Более объемной по количеству погребальных объектов является первая группа. Так, упоминающаяся С. М. Чугуновым группа курганов близ села Спасское (совр. Венгерово) насчитывает 256 насыпей, отличающихся по величине [Чугунов, 1900, с. 11].

Все исследованные насыпи имели большой диаметр, отличаясь по высоте. Однако этот параметр к настоящему времени достаточно условен, поскольку курганы имели признаки разрушения. Отличаются насыпи и по наличию надмогильного сооружения и следов использования огня в погребальном ритуале. Наиболее ярко эта деталь обрядности проявилась на Усть-Тартасском 51 кургане и кургане 7 могильника Тартас-2, отличающихся мощностью прокаленной почвы и наличием обгоревших остатков надмогильной конструкции. В некоторых курганах присутствуют только прокалы, иногда незначительные по мощности.

Все изученные элитные курганы имели маркер границы сакрального пространства в виде рва. Еще одной общей чертой является наличие обязательных перемычек, позволяющих в определенные моменты пересекать эту границу. При этом ров каждого кургана имел особенности. Зафиксировано отличие в количественном отношении – ров чаще был единственным, реже, как на памятнике Венгерово-6, мог быть продублирован, а стратиграфическая колонка и планиграфическая ситуация подтвердили разновременность сооружения этих объектов. Рвы неоднородны и по морфологическим характеристикам. Отмечена разница в основных параметрах, прежде всего в глубине: так, ров углублялся в материк от 0,42 м (внутренний ров кургана Венгерово-6) до 1,75 м (у кургана могильника Тартас-2). Отличия по ширине оказались не столь значительными, как и форма: лишь в одном случае мы можем предполагать шестиугольную, а не округлую конструкцию (Тартас-2). Здесь же зафиксирована неординарная конструктивная особенность, нехарактерная для данной территории: разорванный в юго-западной части ров был замкнут ровиком в виде полукруглой дуги диаметром до 11 м. Разнообразие в ориентации входа на сакральную территорию могло быть обусловлено не только разницей в представлениях о потустороннем мире, но и зависимостью от времени года и положения солнца в момент захоронения умершего. Обнаруженные в заполнении рвов находки, вероятнее всего, являлись остатками тризн или жертвоприношений, подобные реалии отмечены во многих культурах в широком хронологическом диапазоне.

Погребения под курганными насыпями можно условно разделить на три группы. Грунтовые погребения, врезанные в материк, сооружались в первую очередь, как правило, одновременно с возведением насыпи, поскольку последнее являлось одним их этапов погребального обряда. Единичные захоронения отмечены реже коллективных. Так, курган с единственным грунтовым погребением зафиксирован на могильнике Тартас-2. В других случаях под насыпью кургана располагалось несколько могильных ям, отличавшихся по ориентации и планиграфическому расположению на площади сакрального пространства, ограниченного рвом. Ориентация ям, по-видимому, могла зависеть не только от установок погребального обряда, но и от количества локализованных на данной территории погребений.

К другой группе можно отнести захоронения, расположенные непосредственно в насыпи кургана, чаще всего вторичные. Подобным образом могли хоронить членов

одного родового коллектива, иногда досыпая насыпь. Как правило, даже у фрагментарно представленных скелетов погребенных обнаруживался сопроводительный инвентарь, позволяющий интерпретировать их именно как захоронения членов социума. Третья группа, достаточно неординарная, была выявлена при исследовании кургана 7 могильника Тартас-2. Особенности обнаруженного в северной части насыпи коллективного захоронения позволили интерпретировать погребенных как остатки человеческого жертвоприношения. Выложенные в ряд у подошвы кургана человеческие скелеты напоминают по деталям обряда зафиксированные на противоположной стороне насыпи скопления костей животных, где среди выложенных рядами голов и челюстей лошадей также встречались фрагменты керамики и включения костей со следами обжига. Отмеченное сходство, фрагментарность представленных скелетов и уникальность расположения некоторых из них позволили предположить их размещение в насыпи кургана в качестве жертвенного приношения в процессе отправления ритуальных обрядовых действий либо сопровождения в загробный мир представителя социальной «элиты».

Имевшие место антропологические остатки в некоторых насыпях других курганов сложно трактовать однозначно ввиду немногочисленности костей скелетов погребенных и порой отсутствия сопроводительного инвентаря. Были ли это вторичные погребения, имевшие отношение к захороненным в грунтовых могилах, или здесь также человеческие жертвоприношения являлись составляющей погребального обряда – по сохранившимся антропологическим материалам сказать сложно, семантика может отличаться в каждом конкретном случае.

Что касается сопроводительного инвентаря, то отдельные его категории могли иметь, наряду с утилитарной, и определенную сакральную коннотацию, например, каменный алтарик (Тартас-2) или глиняный жертвенник (Сопка-2), явно связанные с обрядовой сферой. В иранской религиозной традиции подобные алтарики, широко распространенные и у кочевых племен Евразии в скифское время, связывались с культом огня и солнца, последний же имел тесную связь с культом коня [Дашковский, 2009, с. 51–52]. На украшениях, обнаруженных в погребениях, присутствуют зооморфные сюжеты (например, на бляшке из кургана Венгерово-6 или в виде фигурки головы кабана из рога, оформленной в скифо-сибирском зверином стиле из погребения Усть-Тартасского кургана 51). Семантика подобной тематики также может отражать и идеологические представления саргатского населения, а зооморфные мотивы в контексте погребального обряда – выполнять не только эстетическую, но и сакральную функции.

Таким образом, для территории Барабинской лесостепи в эпоху раннего железа характерна вариативность погребальной обрядности. Варианты прослежены на всех этапах отправления обряда захоронения, что может быть связано и с этническими, и с социальными процессами, сформировавшими ритуальный синкретизм [Дашковский, 2009]. Отсутствие единообразия в погребальном обряде носителей саргатской культуры Барабы отмечалось еще на начальном этапе ее изучения [Савинов, Полосьмак, 1985], в том числе и в рядовых курганных захоронениях. Вариации отмечены в конструктивных особенностях насыпей курганов и рвов вокруг них, в количестве погребений под насыпью и их взаиморасположении, в составе погребального инвентаря и остатков жертвоприношений или тризн, в наличии или отсутствии надмогильных сооружений, следов использовании огня в процессе погребения и в других деталях погребального обряда. Подобная вариативность могла быть обусловлена локализацией рассматриваемого региона в пограничной зоне между лесостепью и тайгой, где наблюдалось постоянное передвижение населения, смешение и взаимовлияние элементов идеологических представлений различных культур. Отмеченные особенности характерны и для элитных захоронений, что может свидетельствовать об относительной гибкости аспектов мировоззрения не только у рядовых членов коллектива, но и в высших кругах общества.

Список источников

Дашковский П. К. Элементы религиозного синкретизма у населения Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху поздней древности // Религиоведение. 2009. № 1. С. 48–61.

Савинов Д. Г., Полосьмак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 75–103.

Чугунов С. М. Материалы для антропологии Сибири. X. Курганы Каинского округа Томской губернии // Известия Императорского Томского университета. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1900. Кн. 16. С. 1–70.

Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область) / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, И. А. Дураков, Н. С. Ефремова, Д. А. Ненахов, В. П. Мыльников, Т. А. Чикишева, А. С. Пилипенко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2025 (в печати).

Г. Л. Иванов
Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского,
Иркутск, Россия

КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ (ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ)

Аннотация. Публикация посвящена обобщению керамических материалов, собранных на памятниках раннего железного века в долине реки Куды (Предбайкалье). Фрагменты сосудов происходят с нескольких стоянок и предварительно разделяются на три разновидности – гладкостенные, с оттисками шнура и отощенные. Характеристики материалов позволяют соотносить обследованные стоянки с культурой плиточных могил.

Ключевые слова: керамика, река Куда, ранний железный век, культура плиточных могил

Кудинская долина – степной регион, представляющий собой естественный коридор, связывающий между собой долины рек Ангара и Лена и западный берег озера Байкал. В связи с этим археологические объекты, расположенные здесь, имеют важное значение для реконструкции и анализа культурно-хронологических процессов, протекавших в Байкальской Сибири в древности.

На сегодняшний день в Кудинской долине известен ряд археологических объектов, датируемых ранним железным веком. В первую очередь это два могильника: Урлэхэ-Хушун 1 и Манхай 3 – и несколько стояночных комплексов, среди которых для настоящей работы наибольшее значение имеют памятники Капсал 6, Манхай 4 и Балин 1.

В Кудинской долине погребения раннего железного века представлены исключительно объектами культуры плиточных могил. Их расположение в одном из предбайкальских степных регионов сейчас рассматривается исследователями в контексте различного рода связей между сообществами степных кочевников-скотоводов (носителей традиций культуры плиточных могил) и таежных охотников-собирателей [Цыбиктаров, 2023].

Стояночные комплексы Кудинской долины, датируемые раним железным веком, стали исследоваться с конца 2010-х гг., и на сегодняшний день известен ряд археологических объектов, содержащих стратифицированные материалы этого периода. Среди них наиболее важными являются памятники: Капсал 6 (1-й и 2-й к. с.), Манхай 4 (4-й к. с.) и Балин 1 (4-й к. с.).

Самая многочисленная категория инвентаря стратифицированных археологических объектов в Кудинской долине – это фрагменты керамических сосудов ручной лепки. Керамические материалы можно разделить на три разновидности (на основании особенностей технологии изготовления и характеристик декора):

© Иванов Г. Л., 2025

1. Керамика с техническим декором (с оттисками шнура), представленная фрагментами сосудов тышкине-сеногдинского типа (рис. 1, *1–3*). Этим термином в археологии Байкальской Сибири определяется керамика, декорированная сочетанием оттисков шнура и налепных валиков (и других вариантов орнамента). На данный момент в Кудинской долине подобная керамика зафиксирована в отложениях стоянки Капсал 6 (единичный фрагмент обнаружен в отложениях стоянок Балин 1 и Манхай 4, имеется и некоторое количество подъемного материала). Наряду с налепными валиками (гладкими и рассеченными) керамика тышкине-

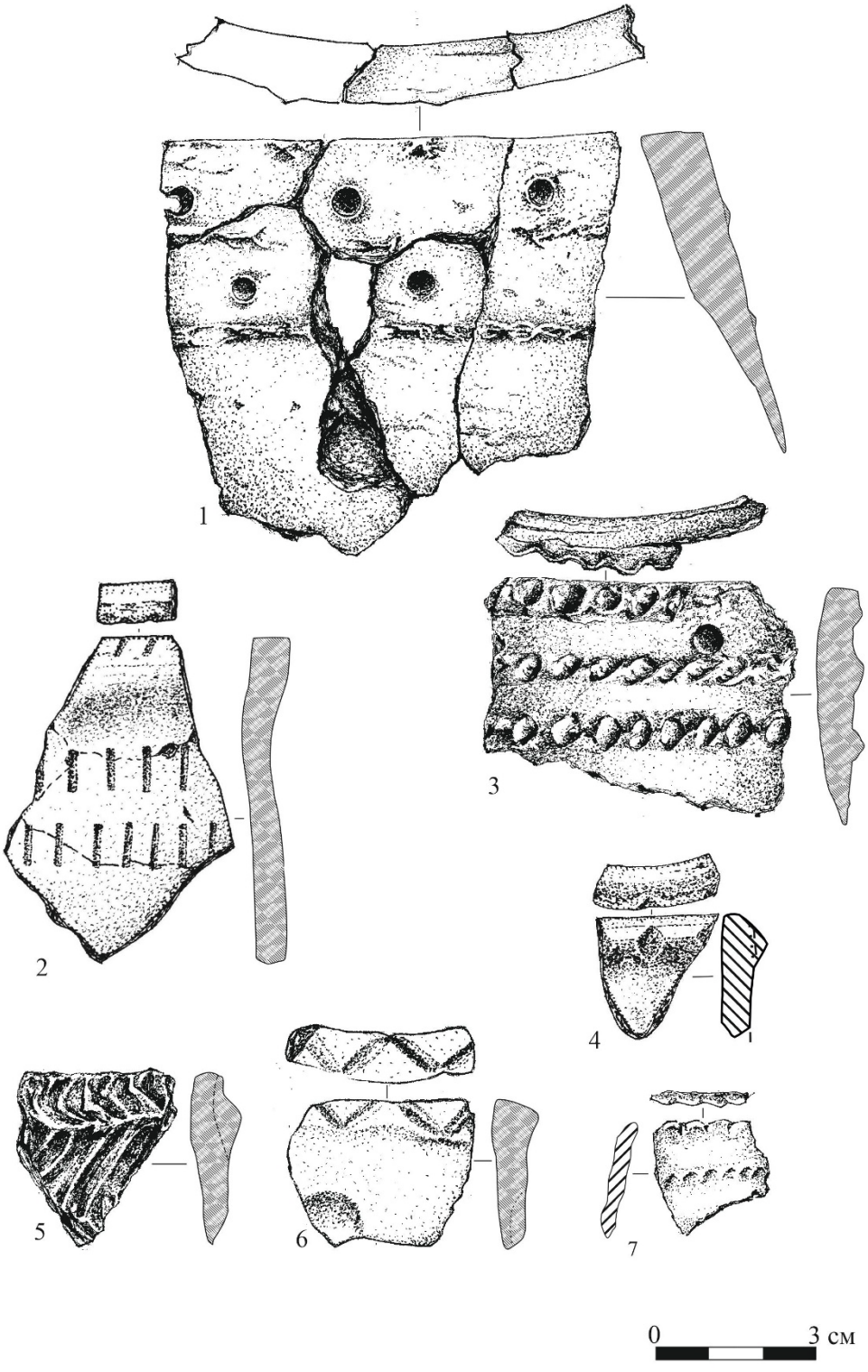

Рис. 1. Керамика раннего железного века Кудинской долины:
1–3, 5, 7, 8 – стоянка Капсал 6 (2-й к. с.); *4, 6* – стоянка Балин 1 (4-й к. с.)

сеногдинского типа украшена округлыми вдавлениями. Налепные валики расположены горизонтально, по диагонали и перпендикулярно друг к другу. Обнаружено также 5 фрагментов донышек сосудов плоской формы и один фрагмент поддона [Иванов, Шергин, 2023].

2. Гладкостенная керамика представлена в материалах стоянок Капсал 6, Манхай 4 и Балин 1 (рис. 1, *4, 6*). Фрагменты декорированы налепными валиками и рядами прямоугольных вдавлений [Балин 1..., 2017].

3. Гладкостенная отощенная керамика на сегодняшний день представлена в материалах 2-го к. с. стоянки Капсал 6 (рис. 1, *5, 7, 8*). Эта разновидность отличается большим разнообразием декора, среди которого представлены налепной валик, рассеченный зигзагообразной прочерченной линией, округлые вдавления и др. От вышеперечисленных разновидностей эта керамика отличается значительным содержанием песка в тесте сосудов и цветом фрагментов, а именно коричневым и темно-оранжевым, в то время как фрагменты 1-й и 2-й разновидностей отличаются серым цветом.

Обобщая вышеперечисленное, следует сказать, что керамика тышкине-сеногдинского типа рассматривается в качестве индикатора культуры плиточных могил, гладкостенные сосуды также фиксируются в комплексах этой культурной общности [Харинский, 2005]. Две перечисленные разновидности существенно преобладают над третьей. Керамика 3-й разновидности, сильно выделяясь среди общей массы, может гипотетически рассматриваться как свидетельство контактов носителей традиций культуры плиточников с инокультурным окружением.

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день облик археологических объектов раннего железного века в долине реки Куды определяют материалы, связанные с культурой плиточных могил, в контексте традиций которой необходимо анализировать все имеющиеся источники.

Список источников

Балин I – стоянка железного века в долине реки Куды / Г. Л. Иванов, А. В. Харинский, Р. Дж. Лозей, Т. А. Номоконова, А. М. Клементьев // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Том 13. Вып. 2. С. 44–69.

Иванов Г. Л., Шергин Д. Л. Предварительный анализ материалов стоянки Капсал VI – памятника поздней бронзы – раннего железа Кудинской долины (по итогам полевых археологических работ 2022 года) // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая. Иркутск: ИГ им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 97–101.

Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Цыбиктаров А. Д. Взаимоотношения населения разных экологических зон Монголии, Забайкалья и Прибайкалья как источники по изучению дипломатии древних кочевников Центральной Азии эпохи бронзы и раннего железа (часть IV, к постановке проблемы) // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая. Иркутск: ИГ им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 90–97.

А. Р. Канторович[1], В. Е. Маслов[2]
[1] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[2] Институт археологии РАН, Москва, Россия

РИТУАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ НОВОЗАВЕДЕННОЕ-V НА СТАВРОПОЛЬЕ

Аннотация. Представлены предварительные результаты исследования в 2024 г. ритуального кольцевого сооружения – площадки, окруженной рвом и валом, расположенной на территории курганного могильника Новозаведенное-V в Ставропольском крае. Этот тип археологических памятников зафиксирован в различных районах Центрального Предкавказья. О его хронологии и назначении продолжается дискуссия.

Ключевые слова: кольцевое сооружение, аэрофотосъемка, космосъемка, ров, ботрос

В первые десятилетия XXI в. значительно возрос интерес к т. н. кольцевым сооружениям. Памятники этого типа были в разные годы раскопаны в Южном Приуралье [Моргунова, Купцов, 2018], на Нижнем [Файферт, 2021; 2024] и Среднем Дону [Разуваев, 2020а; 2020б], а также в степном Поднепровье. Нам представляется, что лишь по недоразумению в эту группу было включено принципиально иное святилище (?) позднего бронзового века близ ст. Трехостровской в Волго-Донском междуречье, этапы возведения которого реконструированы на основе данных естественно-научного анализа [Файферт, 2021, с. 144–145; 2024, с. 114; Итоги естественно-научного изучения…, 2001].

Следует подчеркнуть, что размеры и детали кольцевых конструкций, их хронология и интерпретация различны. Однако в ряде случаев достоверно установлено, что эти памятники относятся к раннему железного веку, датируются от IV в. до н. э. до II–III вв. н. э. и оставлены различными группами степного кочевого населения.

Для территории Центрального Предкавказья число кольцевых конструкций, открытых в основном в последние десятилетия, неуклонно растет. Импульсом к этому стало широкое использование материалов спутниковой фотосъемки. Однако они практически не исследованы раскопками. Взгляды исследователей на эти сооружения диаметрально противоположны. С одной стороны, для них приводятся параллели с памятниками неолитических и энеолитических культур Западной и Центральной Европы, исходя из чего подобные сооружения интерпретируются как культовые и зачастую именуются с ориентировкой на европейскую терминологию – «рондела/рондел», «хендж» [Белинский Фассбиндер, Райнхольд, 2012; Файферт, 2021; 2024]. С другой стороны, обосновывается их связь со скифо-сарматскими древностями, что не отменяет возможности их культовой интерпретации [Прокопенко, 2022; 2024][1].

Недавно опубликована работа, где приводится ряд находок (в основном предметов конской упряжи) IV–II вв. до н. э., которые связываются с кольцевыми конструкциями [Прокопенко, 2022]. Между тем эта гипотетическая связь основана на сообщениях людей, «нашедших предметы», отнюдь не являющихся краеведами старой формации. Попытка соотнести с конкретными памятниками вещи определенного культурно-хронологического облика исключительно на основании мифологизированных рассказов не может служить полноценной научной информацией.

В связи с этим рассмотрим полевые исследования 2024 г. Ставропольской археологической экспедицией Исторического факультета МГУ могильника Новозаведенное-V в Георгиевском городском округе Ставропольского края (авторы раскопок – А. Р. Канторович и В. Е. Маслов).

© Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2025

[1] Мы не рассматриваем галечный кромлех кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища, на который ссылается Ю. А. Прокопенко, как эквивалент кольцевого сооружения.

Между двумя курганами: № 2 (раскопан в 2024 г., сооружен в среднем бронзовом веке) и № 1 (раскопан в 2022–2023 гг., сооружен в среднем бронзовом веке, содержит впускные погребения раннего железного века, в т. ч. серию элитных раннесарматских захоронений), по данным аэрофотосъемки люфтваффе июня 1942 г. и спутниковой фотосъемки в программе earth.google.com, а также высотной модели микрорельефа, выполненной М. О. Жуковским в 2020 г. с использованием дрона, была обнаружена кольцевая западина рва ритуального сооружения 1 внешним диаметром около 40–45 м, неразличимая визуально при осмотре местности. Только на аэрофотоснимке 1942 г. снаружи вокруг западины рва просматривается внешнее кольцо из материкового выброса, шириной 5–10 м, но однозначно нет следов какой-либо насыпи. При этом к началу наших работ обваловка была полностью уничтожена многолетней распашкой.

По космоснимкам был рассчитан условный центр конструкции, которая была вписана в квадрат разбивки раскопа со сторонами 60 м, ориентированный по сторонам света. На местности через этот центр были заложены четыре крестообразно пересекающиеся траншеи, соединяющие центры противоположных сторон квадрата.

В каждой из траншей открыты линзы заполнения рва, переходящие в его заглубленную придонную часть. Было установлено, что внешний диаметр рва составлял около 38–40 м, а внутренний – 24–26 м. В заполнении рва в раскопах с западной, восточной и северной стороны были найдены кости животных – КРС, МРС и лошадей, фрагменты керамики, обломки зернотерок и/или жертвенников из галечных камней, древесные угли. По составу керамического теста и обработке поверхности часть фрагментов можно уверенно отнести к раннему железному веку. При исследовании южного участка рва выяснилось, что в этом месте он имел разрыв. Скругленное окончание рва было зафиксировано нами пока только с западной стороны от этого разрыва. В придонной части оно было покрыто завалом из разрозненных костей лошади – конечностей, лопаток, нижней челюсти, тазовых костей (не менее двух особей). Здесь же была найдена и кость МРС.

На внутренней площадке вокруг условного центра был заложен раскоп площадью 64 кв. м, в ходе исследования которого открыта яма-ботрос, очевидно, предназначенная для посвятительных жертвоприношений[2]. В ее заполнении находился лежавший вверх дном развал крупного горшка с закопченными стенками и отдельные кости лошади: лопатка, ребра, зуб, позвонки.

Проведенное нами исследование данной конструкции явилось первым опытом масштабных раскопок подобных сооружений раннего железного века в Центральном Предкавказье.

В восточной стратиграфической траншее за пределами рва была обнаружена линза заполнения второго рва, выборка которого показала, что это кольцевая конструкция (условно названная ритуальное сооружение 2), которая, очевидно, окружала погребение. Наружный диаметр рва данного сооружения – 12,5 м, внутренний – около 7 м, глубина – 0,8–1,3 м. В восточном – северо-восточном секторах ров имел перемычку шириной 5,5 м.

Ров сооружения 2 также был вырыт в материковой почве и находился сразу под пахотным слоем. Никаких следов насыпи на площадке, окруженной рвом, обнаружено не было. Следы насыпи как будто слабо различимы на аэрофотоснимке 1942 г. Выброс изо рва сооружения 1 должен был частично перекрыть ров и насыпь более раннего сооружения 2. Вероятно, небольшой курган (до 1 м высотой), окруженный рвом сооружения 2, был полностью уничтожен распашкой.

В западной части рва сооружения 2 на его дне зафиксирован скелет собаки, лежавшей на животе. На этом же участке в верхней части заполнения рва была

[2] От древнегреческого βόθρος – искусственное углубление, имеющее ритуальное назначение (ср.: Гомер, Одиссея 11, 24–37).

найдена бронзовая накладка на деревянный сосуд. В заполнении южной части рва на разных глубинах были найдены отдельные разрозненные кости лошади.

В центре площадки, окруженной рвом, обнаружена подпрямоугольная могильная яма, верхними размерами 2,35×1,1 м, ориентированная длинной осью в направлении запад – восток. Яма находилась практически на оси, проходившей через центр ритуального сооружения 1. На дне могильной ямы, на глубине 1,6 м от уровня дневной поверхности, вскрыто воинское погребение, которое по погребальному инвентарю можно отнести к скифской культуре. На подстилку из тростника был уложен молодой мужчина в вытянутом положении, головой на запад.

Весь погребальный инвентарь был размещен с северной стороны от погребенного. Вдоль тела лежал длинный меч-акинак, а близ его острия – скопление железных втульчатых наконечников стрел. Под акинаком, ближе к перекрестию, находился каменный оселок. С портупеей, очевидно, были связаны бронзовая бляшка с арочной петлей и костяная ворворка.

В северной стене, у дна, были сделаны три небольшие ниши. В крайние ниши установлены два кувшина – гончарный, боспорского производства, и чернолощеный, изготовленный в Центральном Предкавказье. В центральную нишу помещена заупокойная пища – передняя нога с лопаткой и часть бока МРС. Вместе с ними находился железный нож. Предварительная дата захоронения – IV в. до н. э.

Итак, культовый характер сооружения 1 весьма вероятен: следует отметить необычно большое количество разбитых плиточных терок в заполнении рва. По керамике из ямы-ботроса памятник предварительно можно датировать IV–I вв. до н. э. Однако возможно уточнение его хронологии в ходе дальнейших исследований. Само по себе соседство сооружений 1 и 2 требует объяснения, но едва ли оно случайное. Также велика вероятность, что ритуальное сооружение 1 имело какое-то отношение к группе впускных захоронений IV в. до н. э., открытых нами ранее в кургане № 1 могильника Новозаведенное-V.

Список источников

Белинский А. Б., Фассбиндер Й., Райнхольд С. Загадочные древние кольцевидные сооружения Северного Кавказа и европейские параллели // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 29–31.

Итоги естественно-научного изучения археологического памятника у станицы Трехостровская в Волгоградском Задонье / В. А. Демкин, Т. В. Алексеева, И. В. Сергацков, А. О. Алексеев, Т. С. Демкина // Нижневолжский археологический вестник. 2001. Вып. 4. С. 78–91.

Моргунова Н. Л., Купцов Е. А. Кольцевое святилище сарматской культуры у поселка Переволоцкий // Евразийский перекресток. Оренбург: Изд.-полиграф. комплекс «Университет», 2018. Вып. 9. С. 19–29.

Прокопенко Ю. А. Кольцевые святилища раннего железного века Центрального Предкавказья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Печатный Двор, 2022. Вып. 15. С. 121–149.

Прокопенко Ю. А. К вопросу о кольцевых святилищах раннего железного века Центрального Предкавказья // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. XXXIII Крупновские чтения. М.: ИА РАН, 2024. С. 212–214.

Разуваев Ю. Д. Раскопки культовой площадки сарматского времени севернее Воронежа // Filo Ariadne. 2020а. № 4. С. 23–34.

Разуваев Ю. Д. Раскопки поселения и культовых сооружений скифо-сарматского времени на северной окраине Воронежа // Filo Ariadne. 2020б. № 2. С. 1–18.

Файферт А. В. Кольцевые курганы (хенджи) Нижнего Подонья // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 3. С. 142–161.

Файферт А. В. Кольцевые курганы Нижнего Подонья // Наследие Кубани. Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2024. Вып. 2. С. 112–122.

П. С. Козьякова, М. Л. Перескоков
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ Р. СИДЯХА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ

Аннотация. В статье представлен краткий обзор памятников, располагающихся в бассейне р. Сидяха Среднего Прикамья. Территория представляет собой компактный комплекс укрепленных и неукрепленных поселений: 5 городищ и 13 селищ, относящихся к ананьинской и гляденовской культурам. Исходя из особенностей планиграфии и вещевого материала памятников выдвигается гипотеза о процессах заселения и освоения территории.

Ключевые слова: городище, селище, ананьинская культура, гляденовская культура, река Сидяха

Река Сидяха, левый приток р. Тулва, левого притока р. Кама, относится к ее среднему течению и располагается в административных границах Осинского городского округа Пермского края. Рельеф бассейна р. Сидяхи равнинно-ухабистый, всхолмления на левом берегу достигают отметки 200 м над уровнем моря.

Первые памятники территории, Большое Никольское I и Малое Никольское II городища, были обнаружены краеведом Ф. И. Петровых в 1926 г. [Перескоков, 2018, с. 163]. Совместно с В. А. Белоусовым и отрядом КАЭ Молотовского университета в 1949 г. были проведены первые разведочные работы. Полученный, сравнительно небольшой, археологический материал позволил О. Н. Бадеру предварительно датировать памятники гляденовским и ломоватовским временем [Бадер, 1953, с. 17–18]. Полномасштабное археологическое обследование, вызванное строительством Воткинского водохранилища, началось во второй половине пятидесятых годов и связано с именами В. А. Оборина и Ю. А. Полякова.

Рассматриваемый археологический комплекс представлен восемнадцатью памятниками, чей период бытования укладывается в хронологические рамки раннего железного века. Общая характеристика расположения памятников: одиннадцать селищ в правобережной пойме р. Сидяхи, одно селище в пойме правобережного притока, р. Малая Сидяха, одно селище на водоразделе этих рек; пять городищ, выявленных на левобережных террасах р. Сидяхи.

Особый интерес представляют городища, четыре из которых были исследованы раскопками. Наибольшей площадью (404 кв. м.) исследовано Больше-Никольское I городище [Оборин, 1961], укрепленное одним валом и рвом. В раскопах исследованы объекты, которые можно интерпретировать как остатки жилых и хозяйственных построек. В. А. Оборин выделял два хронологических горизонта функционирования городища: ананьинский и ломоватовский. Ананьинский слой относится к позднему этапу существования культуры, который маркируется появлением в Пермском Прикамье городищ (V–III вв. до н. э.). Современные данные по Тулвинскому микрорегиону и анализ хронологии комплексов [Перескоков, 2018, с. 89–105; Перескоков, 2020] показывают, что достоверно ломоватовских материалов ни на одном из исследованных памятников не обнаружено, таким образом, комплексы, относимые В. А. Обориным к ломоватовским, необходимо относить к позднему этапу гляденовской культуры и датировать не позднее периода культурно-хронологического горизонта Тураево-Кудаш (4 четверть IV – рубеж IV/V вв. н. э.).

Схожая ситуация представлена на Мало-Никольском I городище, которое также имеет один вал и ров с напольной стороны. Раскопки (104 кв. м) выявили

© Козьякова П. С., Перескоков М. Л., 2025

остатки построек и аналогичную хронологию керамики и материала[3].

Более любопытная картина на Мало-Никольском II городище, которое имеет две площадки. Южная отделена от мыса небольшим валом, а северная ограничена двумя валами. Раскопы (общая площадь 128 кв. м) также выявили поселенческие объекты. В. А. Оборин отмечал наличие как позднеананьинского, так и гляденовского материала на северной площадке и позднеананьинского комплекса на южной, который датируется бронзовым наконечником стрелы (IV–III вв. до н. э.)[4].

Больше-Никольское II городище имеет простую систему фортификации из одного вала и рва. Раскопки (общая площадь 36 кв. м.) выявили остатки поселенческих объектов, датируемых гляденовским временем[5].

О Туганаевском I городище известно значительно меньше. Памятник расположен на высоком мысу левого берега р. Сидяхи, с востока, юга и запада ограничен крутыми склонами мыса, с севера – валом и рвом. По немногочисленному керамическому материалу относится к гляденовскому времени [Перескоков, 2018, с. 165].

Из тринадцати селищ бассейна Сидяхи раскопки проводились только на Мало-Никольском I. Раскоп площадью 36 кв. м. не выявил объектов, вещевой материал практически отсутствовал. Вероятнее всего, это связано с активным сельскохозяйственным освоением правобережной, пойменной, части. Вместе с тем В. А. Обориным зафиксировано массовое распространение подъемного керамического материала преимущественно гляденовского времени, а также костей в распашке по всей территории расположения комплекса селищ[6].

Информация об остальных селищах немногочисленна. Известно, что период бытования этих памятников укладывается в рамки раннего железного века. В некоторых случаях с опорой на керамический материал из шурфов селища относят к гляденовской культуре [Перескоков, 2018].

Таким образом, археологический комплекс бассейна р. Сидяхи представляет собой довольно интересное явление: компактная территория с четко выраженной системой расселения и определенным периодом бытования. Укрепленные поселения располагались на возвышенностях по левому коренному берегу, селища – в пойменной части, на возвышенностях и пойменных террасах. Прослеживается ряд общих черт и в планиграфии городищ: вытянутый мыс, с севера ограниченный валом/валом и рвом. Несмотря на скромный археологический материал, имеющийся на данный момент, можно предположить следующую реконструкцию развития памятников. Расстояние между крайними городищами группы не превышает 3,5 км, что исключает вероятность их самостоятельного существования и подтверждает существования данного комплекса как единой социально-экономической структуры [Перескоков, Козьякова, 2024], которая ограничивалась естественными границами долины р. Сидяха, причем в разные периоды могли функционировать разные памятники. Для периода позднего этапа ананьинской культуры характерно возведение небольших одновальных городищ (Больше-Никольское I, Мало-Никольское I и II), которые, судя по наличию исследованных объектов, были жилыми. Их площадь не превышала 4 000 кв. м. Вероятно, этих укреплений хватало для защиты территории долины и имеющегося населения в тот период. На позднем этапе гляденовской культуры, когда происходит очередное обострение внутри населения Пермского Прикамья [Перескоков, 2018, с. 111–112], появилась необходимость в реконструкции фортификационных систем и расширении защищенной площади городищ. Это, вероятно, связано с увеличением количества населения территории Тулвинского микрорегиона в позднегляденовское время. Восстанавливаются Больше-Никольское I и Мало-Никольское I городища в старых границах. Расширяется Мало-Никольское II

[3] Оборин В. А. Отчет о работе Осинского отряда Камской археологической экспедиции Молотовского университета в августе – сентябре 1956 г. Молотов, 1957 // Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 31. Л. 18, 22–23.
[4] Там же. Л. 13–17.
[5] Там же. Л. 4, 6.
[6] Там же. Л. 23–24.

городище (к 1 200 кв. м прибавляется 8 000 кв. м), которое укрепляется уже стандартной для данного времени двухвальной системой фортификации [Мингалев, Перескоков, 2021]. Строятся новые крупные городища Больше-Никольское II и Туганаевское I. В таком виде группа населения в долине р. Сидяха существует вплоть до рубежа IV–V вв., пока территория не забрасывается населением [Перескоков, 2018, с. 112].

Поскольку хозяйственно-культурный тип в раннем железном веке представлял собой скотоводство отгонного типа [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2018], в комплексе с весьма развитым земледелием [Орлова, Шумиловских, Перескоков, 2023], потенциал для освоения имела в большей степени пойменная часть территории. Таким образом, можно реконструировать следующую модель расселения: функционирование на левом берегу р. Сидяха городищ и селищ (?) круглогодичного цикла с использованием некоторых укрепленных поселений в качестве городищ-убежищ в случае внешней угрозы и сезонных поселений на правом берегу. Не исключены и более дальние отгоны в летнем хозяйственном цикле в долину р. Тулвы и широкую Камскую пойму с возвращением сюда на зимовку.

Список источников

Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // Ученые записки Молотовского гос. ун-та. Молотов: 1953, Том IX. Вып. 3. С. 17–18.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Возникновение и развитие производящей экономики в таежной зоне Среднего Приуралья (поздний энеолит – начало раннего средневековья) // Тверской археологический сборник. Мат-лы 18-го – 20-го заседаний науч.-метод. сем-ра «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2018. Вып. 11. С. 18–30.

Оборин В. А. Больше-Никольское I городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М.: 1961. Вып. 2. С. 272–285.

Орлова Е. М., Шумиловских Л. С., Перескоков М. Л. Земледелие у населения мулянской племенной территории в эпоху раннего железа // XVI Бадеровские чтения. Пермь: ПГНИУ, 2023. 340 с.

Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Фортификация многовальных городищ в Пермском Приуралье в эпоху Великого переселения народов: теория и интерпретации // Поволжская археология. 2021. Вып. 1 (35). С. 155–169.

Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.

Перескоков М. Л. К вопросу о верхней дате существования гляденовской культуры: динамика культурной трансформации // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 1 (48). С. 35–49.

С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова, А. И. Соловьев
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПАМЯТНИКИ КЭЛЭ (ПРОВИНЦИЯ ГУЙЧЖОУ) И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЮГА КИТАЯ

Аннотация. В докладе представлены материалы культуры Елан, мало известные российским археологам. Главные находки обнаружены на памятниках Кэлэ в Западной Гуйчжоу. В инвентаре выделены заимствования из культур Дянь, Ба-Шу, Чу, а также Хань, но при сохранении устойчивой локальной традиции. Число ханьских заимствований возрастает, но культура государства Елан сохраняется и после вхождения в состав империи Хань.

Ключевые слова: памятники Кэлэ, государство / культура Елан

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 23-28-00820.

Общее название Кэлэ объединяет группу поселений, производственных площадок и могильников (всего 386 захоронений), расположенных на холмистых

© Комиссаров С. А., Кудинова М. А., Соловьев А. И., 2025

склонах по обоим берегам реки того же названия в уезде Хэчжан городского округа Бицзе в западной части пров. Гуйчжоу[7]. Округ знаменит своими антропологическими находками, а также ранними каменными артефактами из пещеры Гуаньиньдун, которые китайские археологи отнесли к леваллуазской традиции [Late Middle Pleistocene…, 2019].

Не менее интенсивными были и исследования более поздних периодов, проводившиеся в основном в районе (волости) Кэлэ. Первое обследование имело место в 1958 г., после чего раскопки велись в 1960–1990-е гг. с публикацией материалов, в т. ч. большого предварительного отчета [Хэчжан кэлэ…, 1986]. Апофеозом работ стали раскопки 2000 г., в ходе которых было изучено 110 захоронений, а результаты опубликованы в особой монографии [Хэчжан кэлэ…, 2008]. Но исследование памятников, занимающих площадь ок. 10 кв. км, продолжается. В 2022 г. местные археологи провели десятый сезон раскопок, главной целью которого было составление карты археологического микрорайона. Удалось дополнительно зафиксировать более сотни объектов, для чего, помимо массового шурфования, использовались съемки с дронов, RTK-методики и т. п.[8] [Чжоу Яньлин, Ин Тэн, 2022].

Основной материал (св. 8 тыс. артефактов) был получен при раскопках могильников. Помимо небольшого числа ханьских гробниц (кирпичные камеры со сводчатым входом, часто с дромосом; с характерным инвентарем) львиную долю всех захоронений составляли грунтовые могилы представителей местных племен. По сведениям китайских летописей, на западе пров. Гуйчжоу располагалось царство Елан, правитель которого получил золотую инвеститурную печать от ханьского императора, но в 107 г. до н. э. оно вошло в состав империи Хань, учредившей там свои округа.

Даты по радиокарбону указывают на конец Чжаньго (IV–III вв. до н. э.), но находки монет *у-чжу* задают хронологическую границу после 118 г. до н. э. Кроме того, найдены монеты *Да цюань уши*, отлитые при династии Синь, с 7 по 20 г. н. э., однако использовавшиеся до середины Восточной Хань (I в.) [Чжан Сяочао, Ся Баого, Юань Вэйюй, 2019].

В составе инвентаря, обнаруженного в Кэлэ и на сопредельных территориях, выделяются ханьские вещи (керамические лампы, бронзовые поясные/портупейные крючки, монеты), следы лаковых изделий из Чу, бронзовые кинжалы из Шу и клевцы из Ба. Найдены бронзовые барабаны (рис. 1, *1*), характерные для юэских (вьетских) племен, многочисленные дяньские клевцы (рис. 1, *5*) и кинжалы, а также украшения – бронзовая пуговица с личиной (рис. 1, *2*) и крючок с фигурой кошачьего хищника (рис. 1, *4*) (последний, вероятно, получен дяньцами у ханьцев, которые, в свою очередь, заимствовали образ у северных народов). Но при большом количестве внешних заимствований в культуре Елан сохраняется устойчивая местная традиция, которая проявляется в одном из вариантов погребального обряда (рис. 1, *7*), когда голова и, часто, ноги покойного помещались в бронзовые котлы (рис. 1, *3*), а также в изготовлении бронзовых и биметаллических мечей и кинжалов с навершием рукояти в форме волют на кронштейне (рис. 1, *6*).

Судя по находкам, еланцы во многом повторяли путь своих соседей дяньцев. Оба «царства», соответственно, в 109 и 107 гг. до н. э. были подчинены Ханьской империи, но до установления прямого управления в течение двух-трех десятилетий существовали как протектораты, достигнув наивысшего уровня развития [см.: Комиссаров, Соловьев, 2023].

---

[7] Та ши чжунго ши да каогу синь фасянь чжии [Это одно из 10 больших новых открытий в археологии Китая] [Электронный ресурс] // «Бицзе вэньмин» [Цивилизация Бицзе]). URL: http://gzbj.wenming.cn/tdbj/202411/t20241118_8727435.html (дата обращения 25.12.2024).

[8] Чжоу Яньлин, Ин Тэн. Гуйчжоу кэлэ ичжи ин цзуйда гуймо каогу каньтань; сяньи фасянь ицзи сяньсян бай юй чу [Памятники Кэлэ в пров. Гуйчжоу встречают самые масштабные археологические изыскания; уже найдено ок. 100 объектов исторических памятников] [Электронный ресурс] // Сайт Chinanews online. URL: https://www.chinanews.com/cul/2022/03-29/9714413.shtml (дата обращения 25.12.2024).

Рис. 1. Находки на памятниках западной части провинции Гуйчжоу: *1* – барабан из Фучу, уезд Хэчжан; *2* – пуговица-личина из могилы М373, Кэлэ; *3* – котел из могилы М274; *4* – поясной крючок в виде кошачьего хищника из Вэйнин-И-Хуэй-Мяоского автономного уезда, округ Бицзе; *5* – клевец из уезда Синъи, Цзяньсинань-Буи-Мяоского автономного округа; *6* – биметаллический меч из могилы М189, Кэлэ; *7* – реконструкция могилы М274, Кэлэ (*1–5* – бронза, *6* – бронза + железо). Фото выполнены М. А. Кудиновой в ноябре 2024 г. в экспозиции Музея пров. Гуйчжоу

В целом, памятники культуры/государства Елан демонстрируют высокую адаптивность местного населения эпохи палеометалла, которое заимствовало достижения других этносов, но при этом сохраняло собственную культурную основу. Ханьский раздел в составе находок постепенно увеличивался, однако и после включения Елан в состав империи Хань местные захоронения и, очевидно, поселения преобладали над памятниками мигрантов из Центрального Китая.

Список источников

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. К вопросу о дяньских поселениях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10. С. 22–33.

Хэчжан кэлэ фацзюэ баогао [Доклад о раскопках памятников Кэлэ, уезд Хэчжан] // Каогу сюэбао. 1986. № 2. С. 199–251, 275–282.

Хэчжан кэлэ эрлинлинлин нянь фацзюэ баогао [Доклад о раскопках в 2000 г. памятников Кэлэ в уезде Хэчжан]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. 476 с. + 73 цв. илл.

Чжан Сяочао, Ся Баого, Юань Вэйюй. Гуйчжоу хэчжан кэлэ M20 няньдай сяньи [Наши сомнения по поводу датирования могилы M20 в Кэлэ, уезд Хэчжан, пров. Гуйчжоу] // Сычуань вэньу. 2019. № 3. С. 60–66.

Чжан Хэжун. Елан цинтун вэньмин таньвэй: Гуйчжоу чжаньго цинь хань шици цинтунци яньцзю [Анализ цивилизации бронзового века Елан: Исследование бронзовых изделий периода Чжаньго – Цинь – Хань в Гуйчжоу]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2018. 374 с.

Late Middle Pleistocene Levallois stone-tool technology in southwest China / Hu Yue, Warwick B., Zhang Jiafu, [et al.] // Nature. 2019. No. 565. P. 82–85.

Л. А. Краева
Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ КЕРАМИКИ КОЧЕВНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация. В статье представлены основные выводы по многолетнему исследованию керамики сарматских культур Южного Приуралья в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским.

Ключевые слова: керамика, историко-культурный подход, сарматы

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 23-68-10006.

Историко-культурный подход (ИКП) был разработан А. А. Бобринским [Бобринский, 1978; Бобринский, 1999, с. 5–109; Цетлин, 2017]. В основе подхода лежат: изучение технологии изготовления археологической керамики под стереомикроскопом, данные об этнографии гончарства, научное экспериментирование.

Цель настоящего исследования: реконструкция гончарного производства как источника по этнокультурной истории сарматских племен.

В рамках ИКП было изучено ок. 2 000 сосудов сарматских культур VI в. до н. э. – III в. н. э. Южного Приуралья (РФ, Западный Казахстан) в основном из курганов, а также из святилищ и временных стоянок. В результате выделена специфика гончарства ранних кочевников [Краева, 2017, с. 235–245].

1. Разнообразие приемов изготовления посуды на всех ступенях гончарного производства при существовании общих гончарных традиций. Открыты неизвестные ранее способы орнаментации (подушечками пальцев) и конструирования сосудов (двухслойный налеп из коротких лент),

© Краева Л. А., 2025

особенности формообразования и др. [Краева, 2017, с. 219–222, 227, 232–245]. Проведенные эксперименты и анализ технологии керамики позволили выделить признаки искусственной и естественной примеси талька [Краева, 2017, с. 22–23].

2. Отсутствие жесткой привязанности к одному глинищу, многообразие источников добычи сырья. Сарматские гончары вынуждены были использовать сырье из разных источников в связи с перекочевками, это приводило к незнанию свойств илов и глин, которые отбирались лишь по внешним признакам, что порой приводило к браку.

3. Отсутствие специальной обработки сырья в виде отмучивания. Иногда глины и илы не очищались даже от очень грубых естественных примесей.

4. Активное использование в гончарном производстве продуктов жизнедеятельности животных (навоз, шерсть, кость, кожа, овчина). Зафиксированы следы от кожаных форм-емкостей и сухого навоза как подсыпки при формообразовании, искусственные примеси обожженной кости, шерсти и навоза в формовочных массах [Краева, 2017, с. 214–217, 223, рис. 156–157, 363, с. 236–245].

5. Наличие заимствований и подражаний формам и отдельным технологическим приемам из иных гончарных центров [Краева, 2019, с. 136–146]. К заимствованиям отнесены: керамический импорт из Средней Азии (Хорезм), Кавказа и др. регионов; технологические приемы (ангобирование, окрашивание, обваривание); технические средства (гончарный круг в качестве поворотного столика для формообразования и заглаживания в позднесарматское время).

Отмеченные выше технологические приемы не характерны для сарматского гончарства, видимо, их происхождение связано с заимствованием гончарных традиций из оседлых центров.

Следы от непрерывного заглаживания, отпечатки на днищах, симметричность сосудов позволили зафиксировать использование гончарного круга при формообразовании, заглаживании и иногда орнаментации во II–III вв. н. э., но это лепная керамика, которая была изготовлена жгутовым налепом и обожжена в кострищах.

Следует отметить, что определить уровень использования гончарного круга довольно сложно. К сожалению, среди исследователей широко распространено ошибочное мнение, что если форма сосуда симметричная, то сосуд изготовлен или «подправлен» на гончарном круге. Между тем, обладая высокими навыками в изготовлении посуды, можно слепить «идеальную» форму, не прибегая к гончарному кругу.

Кроме своей лепной посуды и импортной круговой посуды в сарматских захоронениях иногда находят лепную посуду, которая отличается от продукции местных сарматских гончаров. Такая посуда могла попадать в результате контактов с обществами, которые находились на одном уровне социально-экономического развития с ранними кочевниками, но имели иные гончарные традиции в изготовлении лепной керамики.

Определить такие «лепные импорты» довольно сложно, и эта проблема требует дальнейшей кропотливой работы с выделением признаков как в формах и орнаментации, так и в технологии изготовления.

Видов подражаний в сарматском гончарстве значительно больше: подражание формам керамических сосудов импортного происхождения; подражание металлическим сосудам; имитации кожаной утвари и отдельных ее элементов; копирование объектов природы.

Существуют сосуды, изготовленные по местной лепной технологии, но копирующие внешний вид круговых сосудов из Хорезма, Кавказа и др.

Выделены признаки, характеризующие передачу в глине отдельных деталей, которые свойственны сосудам из металла, а также признаки копирования целых бронзовых котлов в керамике. Это вертикальное или горизонтальное канеллирование сосуда; орнаментация в виде вертикальных прочерченных линий по всему тулову; наличие горизонтальных «валиков-обручей» и др.

Для подражаний кожаной посуде характерны: грушевидная форма, похожая на кожаные оригиналы; боковые ручки-ушки для подвешивания; орнаментация в виде имитации веревочек в верхней части сосуда. Установлено вторичное подражание керамическим среднеазиатским флягам.

В урало-илекском регионе были обнаружены сосуды с ножками со сквозными отверстиями, которые имитируют вымя животных. Существуют имитации вымени коровы с четырьмя сосцами и козы с двумя. Встречены также скульптурные орнаменты из сосцевидных налепов («шишечки») на керамике.

6. Наличие особенных форм керамики. К таковым отнесены «курильницы».

Проведенные эксперименты и анализ поверхностей керамики позволил отнести вымевидные сосуды к курильницам и высказать альтернативную гипотезу об использовании «сосудиков с одним боковым отверстием» в качестве светильников, а не курильниц [Краева, 2021, с. 144–163].

Также было установлено, что в «курильницах» на рюмкообразных поддонах (VIII тип по К. Ф. Смирнову) в основную емкость (чашу) наливали жидкость, а в поддоне сжигали травы.

Сарматы часто помещали в погребения посуду, которая уже употреблялась в быту.

Выделены признаки бытового использования: наличие нагара на внутренних и внешних стенках сосудов; жировые пятна и следы подтеков от убежавшей жидкой пищи; следы ремонта (просверленные отверстия, замазка трещины); старые сколы керамики с завальцованными краями (отбитые ручки, края сосудов и т. д.) и утраты; следы потертости, бытовая полировка; цветовые изменения поверхностей сосуда и слоев излома черепка.

Наблюдение за пятнами на керамике позволило их классифицировать и высказать ряд предположений о связи их с особенностями технологии (обваривание) или бытовым и сакральным использованием такой керамики.

К признакам специального изготовления сарматской керамики для обряда погребения отнесены: использование неочищенного сырья с грубыми естественными примесями; некачественный промес формовочных масс; небрежности в изготовлении формы или, наоборот, тщательность исполнения; кратковременный обжиг ниже 450 ºС; отсутствие следов бытового использования.

Каждый из перечисленных признаков в отдельности не является веским аргументом в пользу тезиса о неиспользовании сосуда в быту перед помещением в могилу, и, чтобы сделать данное предположение более аргументированным, необходимо учитывать сочетание признаков [Краева, 2017, с. 246–267].

Анализ керамики по методике А. А. Бобринского позволил сделать выводы историко-культурного характера.

В раннем железном веке Южного Приуралья можно выделить несколько волн миграций, под влиянием которых происходили изменения в формах посуды и технологии ее изготовления.

В частности, установлено, что на рубеже V–IV вв. до н. э. фиксируется появление лепной круглодонной посуды, отличной от «савроматской», связанной с волной мигрантов из Зауралья.

В IV в. до н. э. происходил процесс интеграции местного населения с мигрантами, что проявилось в возникновении смешанных технологических навыков в изготовлении посуды на всех ступенях гончарного производства и в появлении массы переходных форм керамики.

Со второй половины или с конца IV в. до н. э. фиксируется приход носителей традиции изготовления керамики с костью, которые также участвовали в сложении раннесарматской культуры. Как результат появляются смешанные рецепты формовочных масс (кость + шамот; кость + шамот + тальк). Безусловно, волн миграций инокультурного населения могло быть и больше, но не все они отразились на изменениях в гончарстве [Краева, 2017, с. 268–277].

Таким образом, историко-культурный подход позволяет выделить проблемы в изучении гончарства сарматских племен и наметить пути их решения [Краева, 2018, с. 140–150], а также извлечь максимум информации из анализа керамики.

Список источников

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Краева Л. А. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. Алматы: ИА им А. Х. Маргулана, 2017. 352 с.

Краева Л. А. Гончарное производство сарматских племен Западного Казахстана и проблемы изучения // Археология ранних кочевников Евразии. Самара: Книжное издательство, 2018. С. 140–150.

Краева Л. А. Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – V в. н. э.). Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2019. Вып. V. С. 136–146.

Краева Л. А. Трасология и экспериментальное изучение сарматских курильниц // Вестник «История керамики». М.: ИА РАН, 2021. Вып. 3. С. 144–163.

Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Н. И. Лазаретова, А. А. Малютина
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

МОГИЛЬНИК СМИРНОВКА-4: МАНИПУЛЯЦИИ С ТЕЛАМИ УМЕРШИХ

Аннотация. В работе рассматриваются свидетельства посмертных манипуляций с черепами и посткраниальными скелетами индивидов из курганного могильника Смирновка-4. Данные действия с человеческими костями можно атрибутировать как следствие изготовления погребальных кукол, производство и погребение которых стало популярным в раннем железном веке у населения нескольких археологических культур Южной Сибири.

Ключевые слова: Минусинские котловины, ранний железный век, манипуляции с телами умерших

Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) и «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

В результате спасательных археологических раскопок девяти курганов раннего железного века на могильнике Смирновка-4 в 2020 и 2022 г. были получены значительные антропологические материалы. Работы проводились Южно-Сибирским филиалом ИИМК РАН на территории Восточно-Бейского угольного разреза, расположенного в Бейском районе Республики Хакасия.

По существующей периодизации основные комплексы курганов 1–8 относятся к биджинскому и сарагашенскому этапам тагарской культуры [Комплекс…, 1979, с. 3–6] и содержат 15 коллективных захоронений скифского времени. Как выяснилось в ходе раскопок, данные курганы были устроены поверх уже существовавших оград позднего бронзового века. На рубеже эр в кургане 9, содержавшем в то время погребение биджинского периода, был сооружен новый склеп, а в насыпи скифских курганов 1–8 было впущено свыше 220 объектов тесинской археологической культуры: захоронения взрослых и детей в грунтовых ямах, разнообразных каменных и деревянных конструкциях; парциальные погребения, содержавшие отдельные части человеческих скелетов (часть грудной клетки, надколенники, фрагменты безымянных костей), срезанные вместе с мягкими тканями; кенотафы; ритуальные ямы с отдельными сосудами и костями животных. Большая плотность

© Лазаретова Н. И., Малютина А. А., 2025

разновременных захоронений, обилие деревянных конструкций и бересты отрицательно сказались на сохранности костного материала. Учет точного количества погребенных, определение их половозрастных данных возможны далеко не во всех случаях.

Период существования тесинской культуры в истории Хакасии интересен одновременным существованием двух совершенно разных погребальных традиций: коллективные захоронения в курганах-склепах (до 200 покойников) и грунтовые могильники, зачастую впущенные в насыпи курганов предшествующих эпох. По состоянию на 2011 г. было исследовано 33 больших кургана-склепа, один малый курган-склеп, а также 880 грунтовых могил [Кузьмин, 2011, с. 26]. Характерной особенностью погребального обряда для курганов-склепов является массовая посмертная трепанация черепов, в отдельных случаях зафиксировано изготовление на основе человеческого скелета куколманекенов, обтянутых кожей, чаще – обмотка костей жгутами травы, берестой.

Захоронения людей в тесинском склепе могильника Смирновка-4 были представлены преимущественно отдельными частями человеческих скелетов плохой сохранности. Большинство костей располагались на верхнем и нижнем уровнях хаотично, отдельными сочленениями. В связи с этим не представлялось возможным сделать подробное описание погребального обряда всех скелетов. На некоторых черепах обнаружены гипсовые маски, иногда с красной раскраской. Почти на всех черепах, в т. ч. фрагментированных, фиксируется глиняная обмазка. В таких случаях предварительно следуют подготовительные действия: подрезание или удаление мягких тканей, трепанирование, обработка и наполнение различными консервирующими составами. Неудовлетворительная сохранность костных останков из-за большого количества гипса, бересты деревянных конструкций не позволила установить, были ли вообще в тесинском склепе черепа без манипуляций.

Из-за фрагментарности и плохой сохранности изучение посткраниальных скелетов по стандартной остеометрической программе оказалось невозможным.

Однако на длинных костях зафиксированы следы рубки, резки и других воздействий. Данные следы были изучены с помощью трасологического метода. Поверхностные надрубы, насечки на диафизах и эпифизах свидетельствуют о воздействиях острым лезвием по свежей пластичной кости. Также зафиксированы следы на диафизах (бедренных) в виде отщеповотделения надкостницы с замятием, что указывает на удары тупым твердым предметом, возможно, для размягчения мышц, сухожилий, облегчения процесса отделения мягких тканей, мускулатуры. Разрубов – повреждений, образующихся при полном разделении кости лезвием орудия, на материалах тесинского склепа Смирновки-4 обнаружено не было. Не исключено, что это связано с плохой сохранностью остеологических материалов.

Для грунтовых могильников подобный обряд не характерен и встречается лишь в единичных случаях. Так, в грунтовых могильниках Каменка III и Каменка V, раскопанных Я. А. Шером в 1964–1967 гг., были обнаружены несколько обмазанных глиной и гипсом трепанированных черепов [Шер, Хлобыстин, 1966; Шер, Григорьев, Подольский, 1967; Курганы и писаницы…, 1968]. Такие «глиняные головы» отнесены Э. Б. Вадецкой к позднетесинским куклам и датируются III–IV вв. н. э. [Вадецкая, 2018, с. 169]. Наличие раскрашенных масок, по ее мнению, также хронологически приближает их к таштыкскому времени.

Однако в грунтовых объектах и верхних слоях заполнения могил скифского времени могильника Смирновка-4 посмертные манипуляции путем удаления кусочка черепной крышки зафиксированы у четырех погребенных: один – из кургана 3, три – из кургана 5. Все трепанированные черепа из кургана 5 женские. Локализация отверстий отмечается слева в височно-теменной области и справа – в височно-теменной и теменной (чуть затронут край затылочной кости) областях. Как было отмечено, лобную кость обычно не резали [Трасологическое..., 2020, с. 144–147]. Череп из кургана 3 трепанирован в затылоч-

ной части и принадлежит мужчине в возрасте около 25 лет. Кроме того, череп данного индивида оказался пробит в трех местах (лобная кость, правая и левая теменная) разными орудиями, по-видимому, чеканами, имевшими овальные и круглые в сечении бойки. Еще один череп, поврежденный чеканом и, вероятно, плоским топориком, обнаружен в заполнении могилы 1 кургана 2. Здесь наблюдаются три круглых отверстия от чекана на лобной кости и чуть выше с захватом правой теменной – пробоина от топорика. Этот скелет датируется сарагашенским временем. Подобные черепа с повреждениями орудиями разного сечения встречаются и в других курганах на территории Хакасско-Минусинских котловин.

У погребенного в объекте 27 кургана 8 сохранность костного материала не позволила зафиксировать наличие трепанации на черепе. Однако череп, набитый травой, и обернутые берестой отдельные кости свидетельствуют, видимо, о наличии берестяной куклы, т. е. когда весь скелет обматывали жгутами из трав и обшивали берестой [Вадецкая, Поселянин, 2011, с. 13–18; Вадецкая, 2018, с. 167–168]. Такие куклы-мумии названы Э. Б. Вадецкой «белоярскими» и отнесены к самым ранним образцам. Вероятно, в объекте 27 кургана 8 на дне могилы рядом лежали две таких куклы-мумии. От второго скелета сохранились только единичные кости и тлен.

Несомненно, манипуляции с телами умерших могильника Смирновка-4 хронологически более ранние, нежели операции с телами из археологических памятников Каменка III и Каменка V, описанные в публикациях.

Характерная для склепов традиция мумификации тел умерших в могильнике Смирновка-4 свидетельствует о взаимодействии двух групп тесинской культуры, совершавших захоронения в курганах-склепах и грунтовых могильниках по разным обрядам. Возможно, в дальнейшем при работе с антропологическими материалами других грунтовых памятников тесинского времени будут найдены дополнительные подтверждения этого, что позволит увереннее говорить о единстве культуры и взаимных контактах групп населения Присаянья, хоронивших своих усопших по таким разным обрядам.

Очевидно, что манипуляции по удалению внутренностей и мускулатуры, мозга и других мягких тканей были предназначены для мумификации, для создания «кукол». Подобные действия с умершими зафиксированы в данную эпоху на Алтае, Туве и Притяньшанье.

Список источников

Вадецкая Э. Б., Поселянин А. И. Реконструкции кукол-мумий из кургана Белый Яр VI под Абаканом // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2011. Вып. 1. С. 11–24.

Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 149–173.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М. П. Грязнов, М. П. Завитухина, М. Н. Комарова, С. С. Миняев, М. Н. Пшеницына, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

Кузьмин Н. Ю. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: [б. и.], 1987. С. 112–116.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) / Е. Ю. Гиря, Е. Н. Учанева, А. А. Малютина, В. С. Бусова, Н. И. Лазаретова // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. С. 135–171.

Шер Я. А., Хлобыстин Л. П. Раскопки на среднем Енисее // Археологические открытия 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 10–12.

Шер Я. А., Григорьев Г.П., Подольский Н.Л. Находки на правобережье Енисея // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 145–147.

Курганы и писаницы правобережья Енисея / Я. А. Шер, Д. Г. Савинов, Н. Л. Подольский, С. Г. Кляшторный // Археологические открытия 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 150–151.

О. С. Лихачева
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

О СПОСОБАХ НОШЕНИЯ КИНЖАЛОВ ПО ДАННЫМ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ

Аннотация. В представленной работе приводятся статистические данные о месте расположения изображений кинжалов на «оленных» камнях Монголии. На основе этой информации реконструируется способ ношения данного вида оружия у ранних кочевников Центральной Азии. Помимо непосредственной локализации воссоздается также способ крепления этого вида короткоклинкового оружия к поясу.

Ключевые слова: «оленные» камни, Монголия, военное дело, кинжал, реконструкция

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

В комплексе вооружения народов, населявших Южную Сибирь и Центральную Азию, одно из наиболее значимых мест начиная с энеолита до Средневековья занимает такой вид короткоклинкового оружия, как кинжалы [Тюрина, Грушин, 2009, с. 10, табл. I. 28–30; Лихачева, 2020, с. 78; Горбунов, 2006, с. 80–81]. Помимо вещественных источников большой блок информации о них для позднего бронзового – начала раннего железного века указанного региона содержат монументальные скульптуры – «оленные» камни, на которых одной из наиболее часто изображенных реалий составляют кинжалы [Савинов, 1994, с. 97; Тишкин, 2016, с. 118]. Главным преимуществом указанных объектов является возможность реконструкции тех аспектов военного дела, которые невозможно воссоздать по синхронным погребениям. В частности, состав индивидуальных воинских комплектов и способ ношения (транспортировки) отдельных видов оружия. Последнее возможно благодаря тому, что, как отмечают исследователи, представленная на них «схема размещения предметов вооружения» отражает их реальное расположение [Грязнов, 1992, с. 173; Тишкин, 2013б, с. 51]. В рамках данной работы нами рассматриваются особенности локализации этого вида короткоклинкового оружия на «оленных» камнях Монголии и на основе него реконструируются возможные место и способ их ношения.

Вопрос об особенностях расположения изображений кинжалов на данной категории изваяний ранее не раз затрагивался. Наиболее часто встречается мнение о том, что местом их стандартной локализации является лицевая грань камня [Кубарев, 1979, с. 62; Грязнов, 1992, с. 173; Тишкин, 2013б, с. 51; 2013а, с. 78–79]. В. Д. Кубарев объясняет эту традицию как парадный вариант ношения, «направленный на демонстрацию дорогого оружия представителем высшей прослойки общества» [Кубарев, 1979, с. 62]. Другой вариант, который выделяется авторами: на боку слева или справа [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 60–61]. При этом не уточняется, какой из способов является превалирующим. Таким образом, мнения кардинально расходятся, что оставляет вопрос открытым. Кроме того, никем из исследователей не указывается выборка, из которой они исходят, хотя именно количественные данные наиболее показательны. Если сведения по месту расположения изображений на плоскостях изваяний в литературе расходятся, то в реконструкции способа ношения исследователи единодушны: они подвешивались к поясу при помощи ремешка, отходящего от ножен [Маннай-оол, 1970, с. 26; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 62]. В то же время сам фактический материал дает больше вариаций, которые тоже заслуживают внимания.

© Лихачева О. С., 2025

Значительное количество изображений кинжалов позволяет работать с репрезентативными сериями, формируя на их основе базу данных, облегчающую статистическую обработку материала [Лихачева, 2023][9]. При проведении анализа нами использовалась подборка, включающая 205 «оленных» камней, происходящих с территории Монголии и имеющих изображения кинжалов. Рассматривались следующие параметры: на какой из граней выбито изображение, положение кинжала относительно пояса; в том случае если такой привязки нет, то соотношение с другими реалиями.

Из указанных 205 объектов грань, на которой выбит кинжал, определяется у 139 изваяний. В 66 случаях в данной выборке ее невозможно установить, поскольку от камня сохранился только фрагмент или он изначально имел аморфную форму. Там, где грань определима, преобладающей является левая – 62 случая. Примерно в равном количестве идет распределение между лицевой и правой гранями – 38 и 39 соответственно.

Мы привели данные только относительно общего положения кинжалов на гранях. Наиболее же важным показателем для реконструкции способа их ношения является их взаимосвязь с поясом. Она читается у 122 проанализированных источников. Под поясом, т. е. в классическом положении, в котором наиболее часто носился этот вид оружия, изображено 79 предметов. Из них 32 размещено на левой грани, 17 – на правой и 13 – на лицевой. У 17 грань не определяется. Важно отметить, что с точки зрения реконструкции способа ношения этого вида оружия «лицевая» грань – весьма условное понятие, поскольку при реальном подвешивании к поясу кинжал не располагался строго по центру, а тяготел к правому или левому боку. Именно это отражают и сами изображения. Во всех 13 случаях, когда кинжал выбит с лицевой стороны и при этом имеет привязку к поясу, он изображен наклонно: навершие направлено вправо вверх. Следовательно, их можно рассматривать как подвешенные на левом боку. Таким образом, явно преобладающим в тот период являлся именно такой вариант крепления к поясу (45 случаев против 17). Это вполне логично, ведь он более удобен для правшей.

Фиксируются и другие способы расположения кинжалов относительно пояса. В 4 случаях их изображения выбиты прямо поверх него. Вероятно, это можно трактовать как то, что кинжал заткнут за этот элемент снаряжения. Такое ношение, как наиболее простое, совершенно не исключено. Сложным для интерпретации являются композиционные решения, при которых кинжал пристегнут к поясу ремешком, но расположенным над ним (6 случаев). Еще одна близкая вариация, когда кинжал также размещен над поясом, при этом ремешка нет, но он показан в ножнах, что должно предполагать не боевое положение, а транспортировку (17 случаев). Какой смысл закладывал автор в такие изображения, пока сказать достаточно сложно.

Более очевидной, на наш взгляд, является трактовка изображений кинжалов в верхней части изваяния без ножен. В 21 случае кинжал изображен непосредственно под ожерельем или тремя полосами, как правило, с небольшим наклоном, клинком вниз. На наш взгляд, таким образом передавалось боевое положение данного оружия [Лихачева, 2023, с. 115–116]. Еще одним вариантом, фиксирующимся один раз, является изображение кинжала, перекрещенного с топором, при этом кинжал развернут клинком вверх. В рассмотренной серии это единственный случай такого разворота этого вида оружия.

В 28 оставшихся случаях кинжалы располагались хаотично без какой-либо конкретной привязки к другим объектам.

Таким образом, на рассмотренном материале видно, что превалирующим местом размещения изображений кинжалов на «оленных» камнях являются левая и лицевая грани. Относительно других реалий выделяются две зоны: пояс, когда кинжал продемонстрирован в момент транспортировки, и условно боевая позиция, когда он выведен на уровень «груди» (сразу

[9] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023621733.

под ожерельем или тремя полосами) и при этом вынут из ножен. Подвешенные к поясу кинжалы, судя по рассмотренному материалу, носились в подавляющем большинстве случаев с левой стороны, на что указывает также наклон всех изображений с лицевой грани. Вариант подвешивания к правому боку связан, скорее всего, с физиологическими особенностями владельца (левша). Открытым остается вопрос об интерпретации изображений, где кинжал над поясом, но при этом показан ремешок для крепления или ножны, что предполагает не боевую позицию. Возможно, трактовка такого расположения может быть связана с областью мировоззрения или художественного стиля, а не военного дела.

Список источников

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. Т. 11. С. 161–178.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. 304 с.

Лихачева О. С. Разработка базы данных о кинжалах, изображенных на «оленных» камнях Внутренней Азии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во. Алт. ун-та, 2023. Вып. 3. С. 258–262.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время: уюкская культура. М.: Изд-во Наука, 1970. 130 с.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. 209 с.

Тишкин А. А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине реки Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013а. Т. 7. № 1. С. 73–90.

Тишкин А. А. «Оленные» камни как отражения культа предков и вождей: результаты изучения археологических комплексов в долине Буянта (Монгольский Алтай) // КСИА. 2013б. Вып. 229. С. 44–56.

Тишкин А. А. Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением меча и панциря // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 117–123.

Тюрина Е. А., Грушин С. П. Эпоха энеолита (афанасьевский металлокомплекс) // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 7–23.

Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с.

В. В. Мокробородов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ДОАНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮГА СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В докладе суммируются данные о наконечниках стрел (в том числе обнаруженных в 2010-е гг.) из культурных слоев поселений VI–IV вв. до н. э. юга современного Узбекистана – территории с весьма высокой концентрацией исследованных раскопками памятников ахеменидского периода в истории Средней Азии.

Ключевые слова: наконечники стрел, Средняя Азия, раннежелезный век

Хотя наконечники стрел эпохи раннего железа чаще присутствуют в археологических комплексах степной полосы Евразии, находки данной категории встречаются и на синхронных объектах вне традиционного ареала кочевнических культур. Не являются исключением и поселенческие памятники юга Средней Азии, где в комплексах типа Яз III (середина I тыс. до н. э.) наконечники, типологически весьма близ-

© Мокробородов В. В., 2025

кие «степным», отмечались неоднократно. Объединив разрозненные и отрывочно опубликованные сведения по наконечникам стрел с поселений юга Узбекистана (территории, отличающейся значительной концентрацией объектов указанного периода, существенная часть которых, что важно, исследована раскопками) с последними находками, автор предпринял попытку проанализировать этот блок вещественных источников, рассматривая данные изделия именно как составляющую стратиграфически выделенных археологических комплексов. Хотя проблематику, связанную с ранними наконечниками стрел со среднеазиатских поселений, нельзя назвать непопулярной[10], автору неизвестно о точных соответствиях предпринятому исследованию.

В 2010–2018 гг. на Кизылтепа – крупнейшем поселении юга Узбекистана эпохи раннего железа – интернациональной группой археологов проводились масштабные раскопки, в которых участвовал и автор настоящего сообщения. В ходе этих работ было получено значительное количество материалов, в том числе рассматриваемого вида. Предметы вооружения из Кизылтепа опубликованы лишь частично [Сверчков, Син, Бороффка, 2013, рис. 11–12; Сверчков, Син, 2019, рис. 26. 1]. Всего из раскопок происходит 5 бронзовых наконечников стрел, за единственным исключением все были найдены при раскопках цитадели городища[11]. Два наконечника втульчатые двухлопастные с листовидной головкой и выступающей втулкой; на расширяющейся вниз массивной втулке более крупного из них сохранились следы литника. Третий двухлопастной втульчатый наконечник типологически близкий предыдущим, но с менее четко выделенными лопастями и скорее ланцетовидной формой головки. При раскопках на территории прилегающего к цитадели поселения также найден черешковый трехлопастной наконечник, с выделенными утончающимися лопастями, треугольной головкой и сужающимся вниз черенком (конец обломан). В стене цитадели найден втульчатый трехгранный наконечник, отличающийся куполовидной формой головки и скрытой втулкой.

Анализ новых находок в совокупности с систематизированными результатами предшествующих работ позволяет заключить, что коллекция состоит из двух каменных, костяного и не менее чем 49 бронзовых изделий. Металлические наконечники происходят из соответствующих слоев таких памятников, как Кизылтепа (помимо вышеперечисленных, имеются сведения об обнаружении в верхних слоях раскопов 1970-х гг. неясного количества наконечников стрел [Сагдуллаев, Хакимов, 1976, с. 28; Сагдуллаев, 1987, с. 33, 40]), Кизылча 6 [Сагдуллаев, 1987, с. 33, рис. 32. 4–6], Джандавляттепа [Ртвеладзе, Хакимов, 1973, с. 14–15, рис. 4. 2; Абдуллаев, Станчо, 2009, с. 19 (точное количество находок из раскопок 2000-х гг. неясно – ср. Abdullaev, 2018; специальная публикация анонсирована, тип находок автору известен)], Кучуктепа [Аскаров, Альбаум, 1979, с. 44–47, 61–66, рис. 19, табл. 24–25; Аскаров, Рузанов, 1992, рис. 1], Талашкантепа I [Ртвеладзе, Пидаев, 1993, с. 141–143, рис. 9. 11; Шайдуллаев, 2000, с. 66–67, рис. 46]. Встречавшиеся автору утверждения о находках наконечников стрел на поселениях Бандыхан II и Газимуллатепа [Сагдуллаев, 1987, с. 37], Пшактепа, Кизылча 1 и некоторых других памятниках зоны исследований, к сожалению, не находят документальных подтверждений ни в публикациях по раскопкам этих объектов, ни в материалах архивов (также недавно частично опубликованных).

[10] Особое значение для темы имеют работы Б. А. Литвинского, И. Н. Медведской, В. Н. Ягодина; среди исследований по данной категории находок с памятников смежных территорий и (или) периодов можно выделить публикации М. В. Горелика, Ф. Грене, О. В. Двуреченского, С. С. Иванова, С. Клёзью, В. М. Массона, В. П. Никонорова, О. В. Обельченко, З. И. Усмановой, Э. Шмидта, Х. Юсупова, Л. Т. Яблонского.

[11] Исследованиями 2010-х гг. установлено, что время обживания цитадели городища датируется в пределах VI–IV вв. до н. э., тогда как на большей части собственно поселения найдены материалы только последней трети IV в. до н. э. [Сверчков, Син, Бороффка, 2013].

Типологический анализ данных (автор руководствовался классификационными схемами, предшествующими исследованиями комплексов наконечников стрел середины I тыс. до н. э. [Ягодин, 1984, с. 35; Литвинский, 2001, с. 67–68]) выявил относительное разнообразие типов и вариантов металлических наконечников (9 основных типов) с количественным преобладанием изделий двух типов. Это тип черешковых трехлопастных наконечников с различными вариантами оформления головки (преимущественно подтреугольной) и длинным, как правило, сужающимся вниз черешком (более трети всех находок) и тип втульчатых двухлопастных наконечников с листовидной головкой и выступающей втулкой (немногим более четверти от общего количества).

Даже при том, что рассмотренные комплексы нельзя считать археологически «закрытыми», осуществленная систематизация данных по находкам наконечников стрел на поселениях юга Средней Азии середины I тыс. до н. э.[12], позволяет не только более полно представить археологические комплексы типа Яз III, но и расширяет фактологическую базу по проблематике взаимодействия оседлого и кочевнического населения Евразии эпохи раннего железа.

Список источников

Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические раскопки Джандавляттепа. Сезон 2006 года, сентябрь – октябрь // Археологические исследования в Узбекистане. Ташкент: Фан, 2009. Вып. 6 (2006–2007 гг.). С. 18–23.

Аскаров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979. 112 с.

Аскаров А. А., Рузанов В. Д. Результаты спектральных исследований металла из поселения Кучуктепа. // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: Фан, 1992. Вып. 26. С. 211–225.

Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950–1951 гг.). // МИА. № 37. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 253–293.

Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе // Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1971. Вып. 2. С. 80–101.

Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. II (Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте). М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 528 с.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. № 73. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 217 с.

Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I // РА. 1993. №. 1. С. 133–148.

Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1973. С. 10–34.

Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 140 с.

Сагдуллаев Т. (А. С.), Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (по итогам работ 1973–1974 гг.) // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.: Наука, 1976. С. 24–30.

Сверчков Л. М., У Син, Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // Scripta antiqua. М.: Собрание, 2013. Т. 3. С. 31–74.

Сверчков Л. М., У Син. Храм огня V–IV вв. до н. э. Кизылтепа // Scripta antiqua. М.: Собрание, 2019. Т. 8. С. 96–128.

Шайдуллаев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент: Изд-во народного наследия им. А. Кодири, 2000. 126 с.

Ягодин В. Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1984. Вып. 3. С. 33–57.

Abdullaev K. Layers of Early Iron Age in Dzhandavlattepa (Sherabad District, Surkhandarya Region of Uzbekistan) // A Millennium of History. The Iron Age in Central Asia (2nd and 1st millennia BC). Berlin: Dietrich Reimer, 2018. Pp. 123–142.

Cleuziou S. Copper Arrowheads Typology and Chronology // The Archaeological Map of the Murghab Delta: Preliminary Reports 1990–95. Rome: IsIAO, 1998. Pp. 119–121.

[12] Полученные результаты вполне коррелируют с количественно более скромными комплексами находок из слоев VI–IV вв. до н. э. памятников Южного Таджикистана и Северного Афганистана (соответственно не менее 7 наконечников [Дьяконов, 1953, с. 280–281; Зеймаль, 1971, с. 93–94, 98, 101; Литвинский, 2001, с. 66 и сл.] и 12 наконечников (включая 2 подъемных) [Ягодин, 1984, с. 37–40], отметим, что по типологическим выкладкам Б. А. Литвинский допускает вероятность отнесения ко времени IV в. до н. э. и старше около 50 разнообразных наконечников из тахти-сангинской коллекции), близки к данным исследователей поселений Юго-Восточного Туркменистана [Массон, 1959, с. 45–48; Cleuziou, 1998] и прочих прилегающих территорий.

В. П. Мокрушин[1], Е. И. Нарожный[2]
[1] НАО «Наследие Кубани»,
Краснодар, Россия
[2] Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева,
Карачаевск, Россия

КЕРАМИКА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Аннотация. В VII–VI вв. до н. э. в пределах нынешнего Ставрополья, а также на прилегающих с юга равнинах Северной Осетии и Кабардино-Балкарии сложился своеобразный набор лепной посуды, часто декорированной оттисками «многоконечных орнаментиров». В его составе отмечают и так называемые «грушевидные» корчаги. Материалы подобного рода представлены в том числе в некрополе у с. Комарово и на поселении Кишпек-2.

Ключевые слова: поселение Кишпек-2, Комаровский могильник

Сложившийся в VII–VI вв. до н. э. в Центральном Предкавказье своеобразный набор глиняной посуды следует признать «новым культурным явлением», демонстрирующим «выразительные особенности» и «внутреннее единство» [Маслов, 2006, с. 92]. Он, пожалуй, лучше всего представлен в грунтовых захоронениях у с. Комарово, оставленных, очевидно, оседлыми автохтонными обитателями рассматриваемого региона. Тут в первую очередь заслуживают внимания пять корчаг с расширявшейся книзу «усеченно-конической» горловиной (тип I); две из них сохранились целиком. Их тулово грушевидной формы; наибольший диаметр приходился на нижнюю половину, реже – середину изделия [Абрамова, 1974, с. 195–199, рис. 1–3].

Сходный инвентарь получен в 2009 г. в ходе охранных изысканий на поселении Кишпек-2, скорее всего, наиболее активно функционировавшем в перв. пол. VII в. до н. э. [Мокрушин, Нарожный, 2018]. Изученный здесь крупный хозяйственный комплекс, занимавший семь квадратов 5×5 м (№ 7, 18, 28, 4, 5, 27, 29; три первых полностью), эксплуатировался, надо думать, не слишком долго и, предположительно, представлял собой немудреный столбовой навес, а может, даже некое помещение. Внутри параллельными неровными рядами на минимальном удалении друг от друга расчищено почти два десятка округлых в плане ям, величиной до трех метров в поперечнике. Они, вероятно, выкапывались поочередно; некоторые соприкасались краями и явно использовались не все сразу, так как иначе доступ к ним был бы затруднен, а стенки, несомненно, начали бы обваливаться при перемещении людей [Мокрушин, Нарожный, 2020, с. 130, рис. 1Б].

Доминирующая часть черепков лепной керамики, собранной при расчистке описанных объектов, принадлежала горшкам разных габаритов – никак не декорированным или украшенным весьма скудно. Помимо некрупных овальных продолговатых лунок, вытянутых цепочкой (рис. 1, *7*), на них по плечику и шейке засвидетельствованы прерывистые неряшливые горизонтальные бороздки толщиной 2–3 мм (рис. 1, *4*), составлявшие однообразные неровные рифленые зоны, обычно достаточно широкие, нередко завершавшиеся снизу «бахромой» из густо расставленных в один ряд мелких наклонных насечек, либо вытянутых вдавлений (рис. 1, *5, 6*). По очертаниям внешнего контура в этой группе гончарных изделий, наверное, следует различать четыре основных вида: профилированные 1) незначительно; 2) слабо; 3) хорошо; 4) резко.

Если миниатюрные тонкостенные сосудики (рис. 1, *8*) фиксировались единично, то обломки корчаг типа I попадались регулярно; к их «покатому плечу» иногда крепилась пара небольших ушек для подвешивания (рис. 1, *2, 3*). Однако лишь одна ем-

© Мокрушин В. П., Нарожный Е. И., 2025

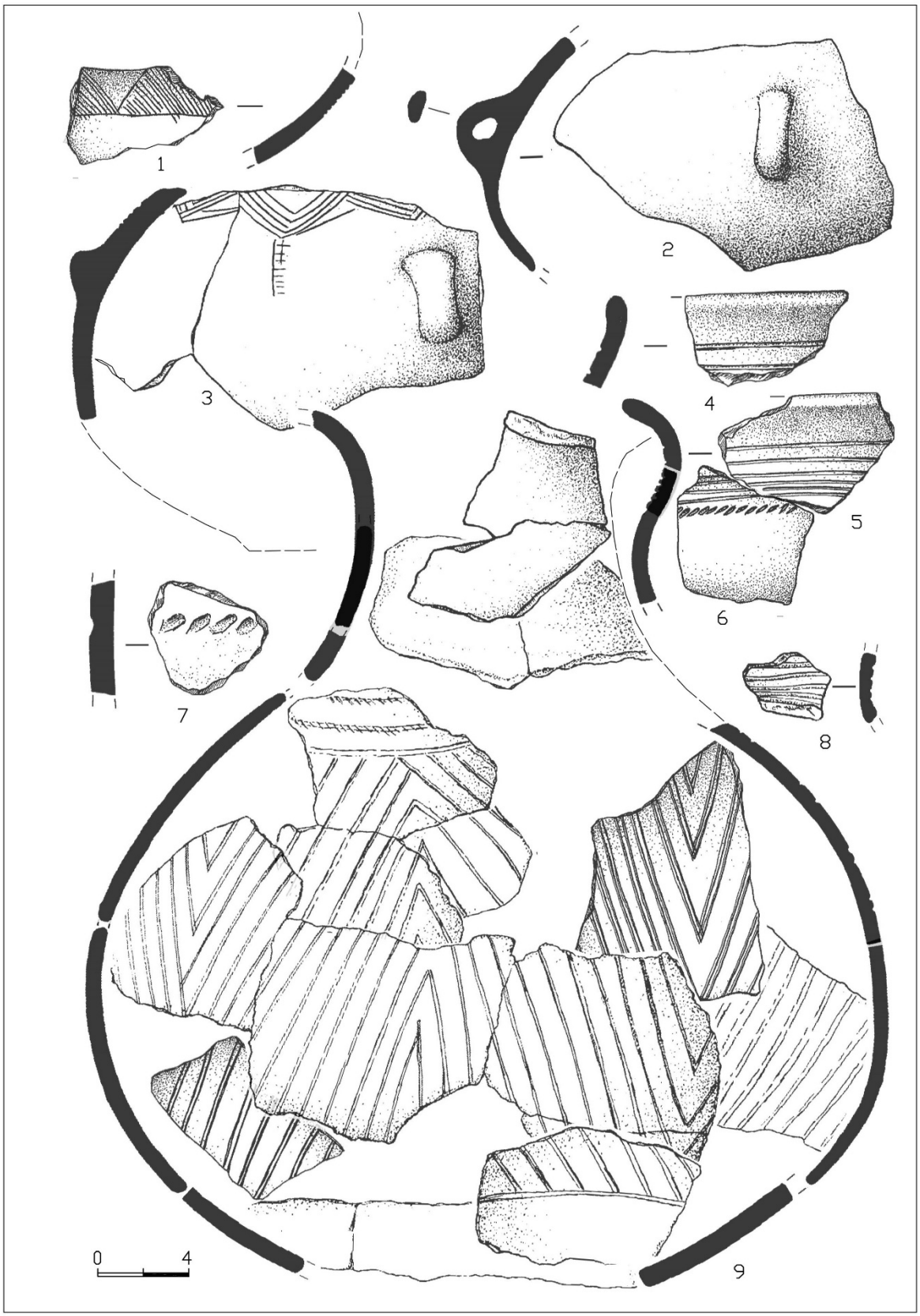

Рис. 1. Поселение «Кишпек-2». Керамические находки из большого хозяйственного комплекса; яма № 55

кость такого типа высотой 27 см оказалась практически без повреждений; ее отличают развитая «естественная структура формы» и полный набор «функциональных» элементов. Другой подобный экземпляр без дна и горловины, максимальным диаметром 51 см, наверное, использовался в качестве тары.

По тулову корчаг нередко располагался эффектный широкий декоративный фриз (рис. 1, *9*). В данном случае в самом верху шел дважды повторявшийся узкий бордюр из частых косых насечек, заключенных между двумя прочерченными горизонтальными линиями. Размещавшаяся ниже композиция, полученная при посредстве «многоконечного» орнаментира, состояла из вложенных друг в друга острых углов, поочередно ориентированных основанием вниз и обратно. По мнению исследователей, «многоконечные» инструменты, снабженные острыми шипами (преимущественно двумя-тремя, иногда их насчитывалось больше – до пяти), весьма традиционны для рассматриваемого региона в раннескифский период. Шипы оставляли на поверхности предмета узкие полосы из соответствующего количества параллельных линий, создавая различные узоры: треугольники, вертикальные «столбики» и т. д.

К категории массовых находок на памятнике принадлежат не всегда орнаментированные плоскодонные миски с круто загнутым внутрь С-видным верхним краем. В основном обнаруживались осколки незначительных размеров, хотя встречались и экземпляры, пострадавшие несущественно либо практически целые. Чаще всего при их украшении, наряду с «многоконечными» инструментами, применялись аккуратные тонкие прочерченные линии, из которых составлялись нарядные узоры в виде плотно заштрихованных изнутри геометрических фигур, преимущественно треугольников, обращенных вершинами навстречу друг другу (рис. 1, *1*). В результате формировался поясок из ромбиков, а чаще – относительно широкая пильчатая разделительная полоса, посередине которой могли наносить зигзаг, как на небольшом керамическом обломке из могильника Красное Знамя [Петренко, 2006, с. 136, табл. 73, кат. 144].

В Нартанских курганах орнаментированные приземистые миски с С-видным верхним краем (18 шт.) датируются VII в. до н. э. и к концу следующего столетия, кажется, уже почти полностью выходят из употребления [Батчаев, 1985].

Список источников

Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2. С. 195–212.

Батчаев В. М. Древности предскифского и раннескифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии / Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2. С. 7–115.

Маслов В. Е. Глиняная посуда // в кн. Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 2006. С. 87–92. (Степные народы Евразии; Т. III).

Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. «Кишпек-2» – поселение предскифского времени (Центральное Предкавказье) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Краснодар: Наследие Кубани, Кубаньархеология, 2018. Вып. 16. С. 65–74.

Мокрушин В. П., Нарожный Е. И. Хозяйственный комплекс в центральной части поселения «Кишпек-2» // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Краснодар: Наследие Кубани, 2020. Вып. 18. С. 129–139.

Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Берлин; Бордо; М.: Палеограф, 2006. 179 с.

Д. А. Ненахов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

«ЛУНОВИДНЫЙ» ОРНАМЕНТ-ЗНАК НА КЕЛЬТАХ ТАГАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Исследование сосредоточено на своеобразном знаке луновидной формы, который встречается на кельтах тагарского облика. Этот «луновидный» орнамент-знак в какой-то мере напоминает «копытовидные» знаки. Предполагается, что со временем последние могли изменить свою форму и предстать в более абстрактном формате, хотя изначально и были реалистичными и выполнялись в строгом каноне.

Ключевые слова: кельт, ранний железный век, тагарская культура, «луновидный» знак, «копытовидные» знаки

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001.

Кельты с особыми знаками периодически встречаются на страницах научных изданий. Речь идет о специфических отметках на изделиях тагарского облика – «квадрат», «копыто», «спираль» [Радлов, 1902; Грязнов, 1941; Членова, 1967; Гришин, 1981]. Ранее проведенные исследования позволили автору дополнить эту картину знаками типа «скоба» и «крест» [Ненахов, 2012, с. 255].

В Музее истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ) хранится представительная серия бронзовых кельтов тагарского облика. У двух изделий на их фасках обнаружен ранее не привлекавший внимание орнамент-знак в форме молодого месяца (рис. 1, *1, 2*).

Кельт № 2 829 – случайная находка из с. Бея, был пожертвован музею И. П. Кузнецовым (рис. 1, *2*) [Прибавление…, 1890, с. 168]. Размеры изделия: длина – 100 мм, ширина в средней части – 39 мм. Размеры втулки кельта составляют 39×29 мм, глубина втулки около 70 мм. На широких гранях кельта видны следы от шпеньков-упоров, которые крепились на створки литейной формы. Лезвие сильно расковано. От валика на лицевой стороне кельта спускаются два знака в форме месяца, повернутые спинками друг к другу. Размеры знаков колеблются в пределах 15×7 мм. Судя по всему, это штамп, оставленный на створке литейной формы. Изделие тяготеет к кельтам теслам V группы по типологии М. П. Грязнова [Грязнов, 1941, с. 249].

Кельт № 3 144 передан в музей И. Г. Гадаловым (рис. 1, *1*) [Прибавление…, 1890, с. 187]. Длина изделия 160 мм, ширина в средней части 54 мм. Размеры втулки кельта 67×45 мм. Устье ровное, слегка усилено наплывом металла. На узких гранях от края втулки спускаются ушки. Боек симметричен. Форма полотна прямоугольная, заужено к лезвию, четырехгранное в сечении. Лезвие слегка закруглено. На дне втулки – литейный брак в виде небольшого неравномерного углубления. Посередине и краям полотна спускаются три выпуклых линии. С одной стороны полотна под устьем прослеживается некое вдавление прямоугольной формы. Внутри этого вдавления, ближе к ушку, знак в форме месяца. Размеры знаков колеблются в пределах 18×7 мм. Кельты такого облика по типологии М. П. Грязнова относятся к III типу [Грязнов, 1941, с. 249].

В фондах Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова обнаружен обломок кельта[13], аналогичный кельту № 3 144 из МАЭС ТГУ (рис. 1, *3*). Под устьем с обеих сторон читается знак в форме месяца размером около 20×9 мм. Знак расположен у края устья втулки и ориентирован так, что его «спинка» с одной стороны расположена у ее края, а с другой – он повернут к втулке «рожками».

© Ненахов Д. А., 2025
[13] (МКМ А ОФ 439).

Рис. 1. Кельты с «луновидными» и «копытовидными» знаками: *1, 2, 4* – МАЭС ТГУ; *3, 5, 6* – Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова; *7–11* – изменение формы знака «копыто»

Несмотря на то что кельты относятся к разным типам, расположение «знаков» носит системный характер – преимущественно это пара знаков на полотне, расположенных у устья втулки. Более всего «луновидный» орнамент-знак похож на «копытовидные» знаки. Л. Ю. Китова, заметив разницу в образе знака копыта, предположила, что это отпечаток переднего и заднего копыта [Китова, 2007, с. 30]. Действительно, можно заметить разницу в форме и образе знака.

Первый вариант представлен большим круглым штампом, с ровной окружностью и ровными линиями (рис. 1, *5*). Зафиксирован на 5 экземплярах, два из них кельты IV и три – V типа. В среднем отпечатки расположены ближе к устью по центру полотна острыми краями вверх. В одном случае знак сильно меньше, спущен до середины полотна и ориентирован острыми краями к лезвию.

Второй вариант представлен более стилизованным образом копыта (рис. 1, *6*). Линии неровные, пропорции нарушены, углы более скругленные. Место расположения все так же тяготеет к устью втулки. Появляется пара знаков на одном предмете («копыто» + «копыто»). В одном случае это разная пара – «копыто» + «скоба». Второй вариант встречается на кельтах III, IV, V типов. Всего обнаружено 4 экземпляра.

Самым интересным будет кельт из фондов МАЭС ТГУ № 6 272–372 (рис. 1, *4*). Изначально знак в форме копыта был отнесен ко второй группе. Это было до обнаружения нового образа в форме «луновидного» знака. Сегодня нам кажется, что знак на кельте № 6 272 – 372 носит некую промежуточную форму – между второй группой и «луновидным» знаком.

Не секрет, что морфология предмета изменчива [Бобров, 2022; Мандрыка, Юрьева, 2023]. Вероятно, меняется и форма «знака». Сначала она более строгая и каноничная, затем линии теряют четкость, острые углы закругляются. В конце концов образ начинает теряться, и привычное «копыто» превращается в «луновидный» знак (рис. 1, *7–11*).

В литературе особый знак «копыта» уже становился предметом исследования. Предметы с копытовидными знаками указывают на маршрут перемещения представителей «скифской» культуры [Членова, 1999, с. 231]. Существует предположение о связи лошадиного копыта с оружием и защитной функцией этого элемента орнамента для тагарской культуры [Китова, 2007. с. 28]. Возможно, копытовидные знаки также представляли собой символ (тамгу) определенной группы людей [Кисель, 2021, с. 98]. Мы не опровергаем эти выводы, а лишь дополняем их. «Луновидный» орнамент-знак на кельтах тагарского типа можно рассматривать как стилизованный образ копыта. Остается открытым вопрос семантики – произошли ли изменения в коде его дешифровки.

Список источников

Бобров В. В. О восточной периферии ареала сейминско-турбинской традиции металлообработки в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Археология евразийских степей. 2022 (2). С 186–193.

Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 181 с.

Грязнов М. П. Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1941. Т. 1. С. 237–271.

Кисель В. А. Мотив копыта лошади в искусстве древних кочевников (генезис и символика) // Camera praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 82–105.

Китова Л. Ю. Семантика знака копыта на тагарской бронзе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 28–30.

Мандрыка П. В., Юрьева В. В. Образ хищной птицы в металлопластике культур раннего железного века лесостепных и южно-таежных районов Средней Сибири // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. № 3. С. 62–81.

Ненахов Д. А. К вопросу о тамгообразных знаках на тагарских кельтах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 254–257.

Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета / сост. В. М. Флоринский. Томск: Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1890. 337 с.

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1902. Т. 2. Вып. 1 (4). 38 с., 6 л.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 298 с.
Членова Н. Л. След копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 231–234.

К. С. Окороков
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

РАННЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПАМЯТНИКАХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА ВО II В. ДО Н. Э. – I В. Н. Э.

Аннотация. Начиная с середины XX века на территории среднеазиатских республик исследуется круг памятников, представленных курганными могильниками, как правило, находящимися за пределами возделываемых в древности земель. Анализ погребального обряда и инвентаря показывает тесную связь комплексов с культурой населения раннесарматского времени Южного Урала и Нижнего Поволжья.
Ключевые слова: Средняя Азия, раннесарматская культура, курганный могильник, кочевники

На обширной территории Средней Азии и Казахстана известны многочисленные курганные могильники, обнаруживающие сходство в погребальном обряде и в предметах материальной культуры с сарматским миром Поволжья и Южного Урала [Скрипкин, 2010, с. 8–10]. К заключительному этапу раннесарматского времени, когда на Южном Урале наблюдается сокращение сарматских погребений, в Средней Азии относится значительное их число. В данной работе анализируются 205 комплексов раннесарматского времени из 39 курганных групп и в виде одиночных памятников. Могильники, содержащие памятники раннесарматского облика, чаще всего находятся на водоразделах, на останцовых возвышенностях среди переплетения древних русел и протоков, недалеко от земледельческих оазисов, но за пределами возделываемых земель, в подгорных речных долинах, и вытянуты цепочками как в меридиональном, так и в широтном направлении в зависимости от топографии местности.

Курганы представляют собой округлые насыпи, современная высота которых варьирует в достаточно широком диапазоне – от нескольких сантиметров до полутора метров, единичные курганы достигают большей высоты (к. 31 Туз-гыр – 1,68 м). Большая часть курганов (58) имеет высоту от 0,5 до 1 м – 42,03 %, 29 курганов имеют высоту от 0,3 до 0,5 м – 21,01 %, высоту свыше одного метра имеют 32 кургана – 23,19 %, высоту меньше 0,3 м – 19 курганов, что составляет 13,77 % (в этой выборке 138 курганов, чьи параметры восстанавливаются по архивным данным или опубликованы).

Диаметр курганов варьируется от 4 м до 30 м. Наиболее часто (64) диаметр курганов носителей раннесарматских традиций варьируется от 10 м до 15 м – 46,38 %, 63 кургана имеют диаметр от 5 до 10 м – 45,65 %, диаметр свыше 15 м имеют 10 курганных насыпей – 7,25 %, диаметр меньше одного метра имеет один курган, что составляет 0,72 %. Наибольшее количество массивных насыпей, имеющих высоту свыше 0,5 м при диаметре свыше 10 м, находится в Бухарском Согде (89,58 % по отношению к общему количеству курганных насыпей в регионе), в четырех близких географически и хронологически могильниках. Половина этих насыпей имеет высоту, превышающую 1 м, что составляет 68,75 % всей выборки.

Все изученные курганы были насыпаны из земляного грунта. Исследователями единично отмечены каменные кольца (курганы подгорной полосы Копетдага)

© Окороков К. С., 2025

или бесформенные каменные выкладки (Тумек-кичиджик, к. 62) вокруг погребений, перекрытые насыпями.

Под курганной насыпью, как правило, находится единственное погребение.

Значительное число рассматриваемых курганов было ограблено в разные исторические эпохи (в могильнике Туз-гыр ограблено 85,37 % погребений), кроме того, на территории Согда и Хорезма в насыпи курганов часто помещались оссуарии с очищенными костями, поэтому иногда сложно выявить или разграничить следы поминального обряда. В насыпи кургана или на древнем горизонте под насыпью встречаются отдельные фрагменты керамических сосудов (Шахри-вайрон, к. 2), угли и следы золы, прокаленные площадки (Хаз-Кяриз, к. 1).

В подбойных конструкциях совершено 93 погребения, что составляет 45,37 % от общего числа погребений. Входные ямы имеют узкую подпрямоугольно-продолговатую или овальную форму. Их глубина варьирует от 1,1 м до 2,5 м, ширина – от 0,6 до 2,4 м, длина – от 1,4 до 3,95 м. В большинстве случаев камеры-подбои устраивались в западной длинной стенке. Единичные случаи подбоев в восточной стенке (4,3 %) известны в Бухарском и Самаркандском оазисах, а также в Сумбарской долине.

В катакомбах совершено 75 погребений, что составляет 36,59 % от общего числа погребений.

Все катакомбы относятся к типу II по классификации К. Ф. Смирнова (камера и дромос расположены по одной оси. Погребенные лежат ногами к входу в камеру) и типу III – разновидности типа II (камера и дромос располагаются под тупым углом друг к другу).

Известно 19 случаев, когда индивидуальные захоронения совершены в простых ямах, что составляет 9,27 % от общего числа погребений. В данный тип объединены ямы прямоугольной или подпрямоугольно-овальной формы, имеющие простое устройство, без дополнительных конструктивных элементов. Длина колеблется от 1,5 м до 3,08 м, ширина от 0,65 м до 1,4 м, глубина от 1,1 м до 1,63 м. К этому типу погребений, вероятно, относятся дюнные захоронения, очертания ям которых невозможно восстановить.

Известно 3 случая, когда коллективные (парные) захоронения совершены в простых ямах, что составляет 1,46 % от общего числа погребений. В данный тип объединены ямы прямоугольной или подпрямоугольно-овальной формы, имеющие простое устройство, без дополнительных конструктивных элементов. Размеры их варьируют: длина от 1,75 м до 4,25 м, ширина от 1,4 м до 3,25 м, глубина от 1,35 м до 1,9 м.

Среди исследованных комплексов встречено 4 ямы с заплечиками, что составляет 1,95 % от общего числа погребений. Как правило, яма имеет прямоугольную форму, за исключением одного случая, когда яма имела форму неправильного овала (Кулкудук, к. 7). Длина верхней ямы может достигать 4,07 м, ширина от 0,9 м до 1,85 м, глубина достигает 2 м, плечики находятся на высоте от 1 м до 1,45 м от дна ямы.

Входы в могильные ямы различных конструкций имели перекрытия и заклады из камня, дерева или камыша.

Простые ямы перекрывались на уровне погребенной почвы, о чем говорят следы древесного тлена на закраинах, остатки рухнувших перекрытий встречаются в заполнении и на скелетах. Единично встречено перекрытие из каменных плит (Телькетау, к. 3).

Ямы с заплечиками перекрывались камышом или каменными плитами (Кулкудук, к. 7).

Перекрытия входных ям у подбойных захоронений встречены в 3,23 % случаев (3 погребения) в виде камышового тлена в заполнении, на стенках и дне входной ямы. В кургане 60 могильника Тумек-кичиджик перекрытие состоит из восьми досок, рухнувших во входную яму.

Перекрытия входных ям у катакомбных захоронений встречены в 2,67 % случаев (2 погребения) в виде древесного и камышового тлена в заполнении, на стенках, ступеньке и дне входной ямы.

Входы в погребальные камеры запечатывались каменными плитами (поставлен-

ными вертикально или уложенными горизонтальными рядами), сырцовыми блоками, камышовыми фашинами или деревянными закладами. Как правило, следы заклада из органических материалов сохраняются в виде тлена, несмотря на ограбления, а каменные плиты или сырцовые блоки чаще всего сдвинуты, но не выброшены на поверхность. В данной выборке удалось зафиксировать наличие перекрытия или заклада в 112 случаях. Характер заклада не одинаков в разных могильниках. Например, в могильнике Тузгыр 87,8 % погребений имеют заклад, состоящий из горизонтально уложенных рядов известняковых плит, иногда скрепленных глиняным раствором, 7,32 % погребений имеют заклады из сырцовых кирпичей и/или материковой глины. В могильнике Тумек-кичиджик 37,5 % погребений имеют заклад из дерева и 25 % из камня и кусков материковой глины. В Бухарском Согде 42,04 % погребений имеют заклад из камышовых фашин, 15,79 % – из сырцовых кирпичей, 14,04 % – деревянный заклад, 3,51 % – из камыша и сырцовых блоков.

В 11 случаях на дне камер и среди костей погребенного отмечены фрагменты деревянных носилок или гробовин, в трех из них зафиксированы сохранившиеся конструкции из продольных досок/жердей и поперечных перекладин. В одном случае деревянный тлен имеет следы воздействия огня (Культобе, к. 3).

В 31 случае погребенные уложены на подстилку или циновку из органических материалов.

Наиболее часто покойного укладывали вытянуто на спине, с вытянутыми ногами и уложенными вдоль тела руками. Различные вариации поз связаны с положением конечностей: руки согнуты в локтевых и плечевых суставах, кисти рук на тазе, под тазом, на поясе, на груди; ноги вытянуты, согнуты в коленях и бедренных суставах, перекрещены в голеностопах. «Атакующая поза» и «поза всадника» характерна для погребений в могильниках на территории Бухарского Согда [Обельченко, 1992, с. 118–120; Очир-Горяева, 2019, с. 814].

Одним из важных элементов погребального обряда у сарматов считается ориентировка погребенных. Устойчивая южная ориентировка является маркером раннесарматской культуры. В исследуемых комплексах все погребенные, чью ориентировку можно установить, головой направлены в южный сектор. Костяки при этом, как правило, расположены параллельно длинной оси погребальной камеры, ногами ко входу.

Для погребального инвентаря характерны особые формы курильниц, сложносоставные луки, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, «ханьские» мечи, длинные мечи с прямым перекрестием без навершия, кинжалы с кольцевым навершием, бронзовые рамчатые пряжки с изображением лежащего верблюда или сцен терзания тигром верблюда, гагатовые пряжки с разноцветной инкрустацией, различные типы бус. В качестве заупокойной пищи в погребение помещалась передняя нога мелкого рогатого скота с лопаткой.

По широкому кругу вещевых аналогий памятники датируются в пределах II в. до н. э. – I в. н. э. Черты погребального обряда показывают тесную связь с погребальными традициями сарматского населения Южного Урала и Нижнего Поволжья.

Список источников

Обельченко О. В. Культура античного Согда. М.: Наука, 1992. 256 с.

Очир-Горяева М. А. Поза всадника по археологическим и этнографическим данным // Oriental Studies. 2019. 5. С. 812–821.

Скрипкин А. С. К вопросу о происхождении позднесарматской культуры // Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград: ВолГУ. 2010. С. 8–10.

Ю. А. Прокопенко
Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия

ПРЕДМЕТЫ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ IV–III ВВ. ДО Н. Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА У ХУТОРА АВГУСТА (ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ ОКРЕСТНОСТИ Г. СТАВРОПОЛЯ)

Аннотация. Статья посвящена хронологическому и типологическому анализу предметов, найденных в районе немецкого хут. Августа (юго-восточные окрестности г. Ставрополя) в 1914 г. В числе находок 8 изделий, оформленных в зверином стиле. Основная часть предметов относится к IV–III вв. до н. э. В трактовке образов наблюдается влияние прикубанского варианта скифского звериного стиля и сохранение традиций искусства кобанской культурно-исторической общности.

Ключевые слова: скифы, звериный стиль, конская упряжь, украшения, кобанская культурно-историческая общность

В 1956 г. Т. М. Минаева опубликовала ряд предметов раннего железного века (мечи, конская узда и др.) из фондов Ставропольского музея, происходящих из района Мамайки (юго-восточные окрестности г. Ставрополя). По словам исследовательницы, все они имели паспорт с одинаковым содержанием: «Найден в Ставрополе, Мамайка, близ немецкого хутора Августа. I.V. 14 г. Дар Е. Р. Ходарина». Е. Р. Ходарин работал хранителем фондов Музея им. Г. К. Праве. По сведениям Т. М. Минаевой, археологическая коллекция имеет отношение к строительству в 1913–1914 гг. у немецкого хутора Августа ставропольского участка Туапсинской железной дороги [Минаева, 1956, с. 334].

В настоящее время в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве представлено 32 бронзовых и железных предмета, а также каменные и стеклянные бусы. В числе находок 8 изделий, оформленных в зверином стиле:

1–2 – Г-образные зооморфно-оформленные псалии из овального в сечении прута с двумя отверстиями в восьмерковидном расширении – бронза (литье) (рис. 1, *1*). Загнутая часть завершается головкой хищника неясной видовой принадлежности. Челюсти широко раскрытой пасти соединены слегка изогнутой перемычкой.

Изображение головы, оформляющей псалий, скульптурное, рассчитанное на объемное восприятие, с предпочтением профильного ракурса. Голова перпендикулярна шее. Хищник показан с открытой пастью (с оттянутой вниз челюстью). Отображение зубов хищника сводится к слиянию их (клыков?) в единую, слегка выгнутую наружу перемычку, соединяющую верхнюю и нижнюю челюсти. У экземпляра № 1 нижняя часть трактована в виде копытного животного – с копытом на конце. Нижняя часть экземпляра № 2 – слегка расширенная на конце (рудимент копыта?).

Подобные псалии с образом фантастического, синкретического животного с головой хищника и ногой копытного (12 экз.) А. Р. Канторович включил в тип 3 «Скифская могила – Макеевка» (V–IV вв. до н. э.) [Канторович, 2022, с. 85–86; 2022а, с. 27, 181–182, рис. 5]. Наиболее близкие изображения происходят из Майкопского клада (2 экз. – бронза) [Leskov, 2008, Cat. № 158] и Тенгинского (вт. пол. IV – нач. III в. до н. э.) могильника (биметаллические экз.) [Эрлих, 2011, рис. 13.2, а, б; 28. 3, 4; 102. 9, 10].

3 – S-видный (концы стержня загнуты в противоположные стороны) псалий из круглого в сечении прута с двумя отверстиями в восьмерковидном расширении с окончаниями, завершающимися приостренной шишечкой и уплощенной лопастью подовальной (крыловидной) формы – железо (ковка) (рис. 1, *4*). Уплощенная – крыловидная лопасть завершается завитком – профильное изображение сидящей хищной птицы?

© Прокопенко Ю. А., 2025

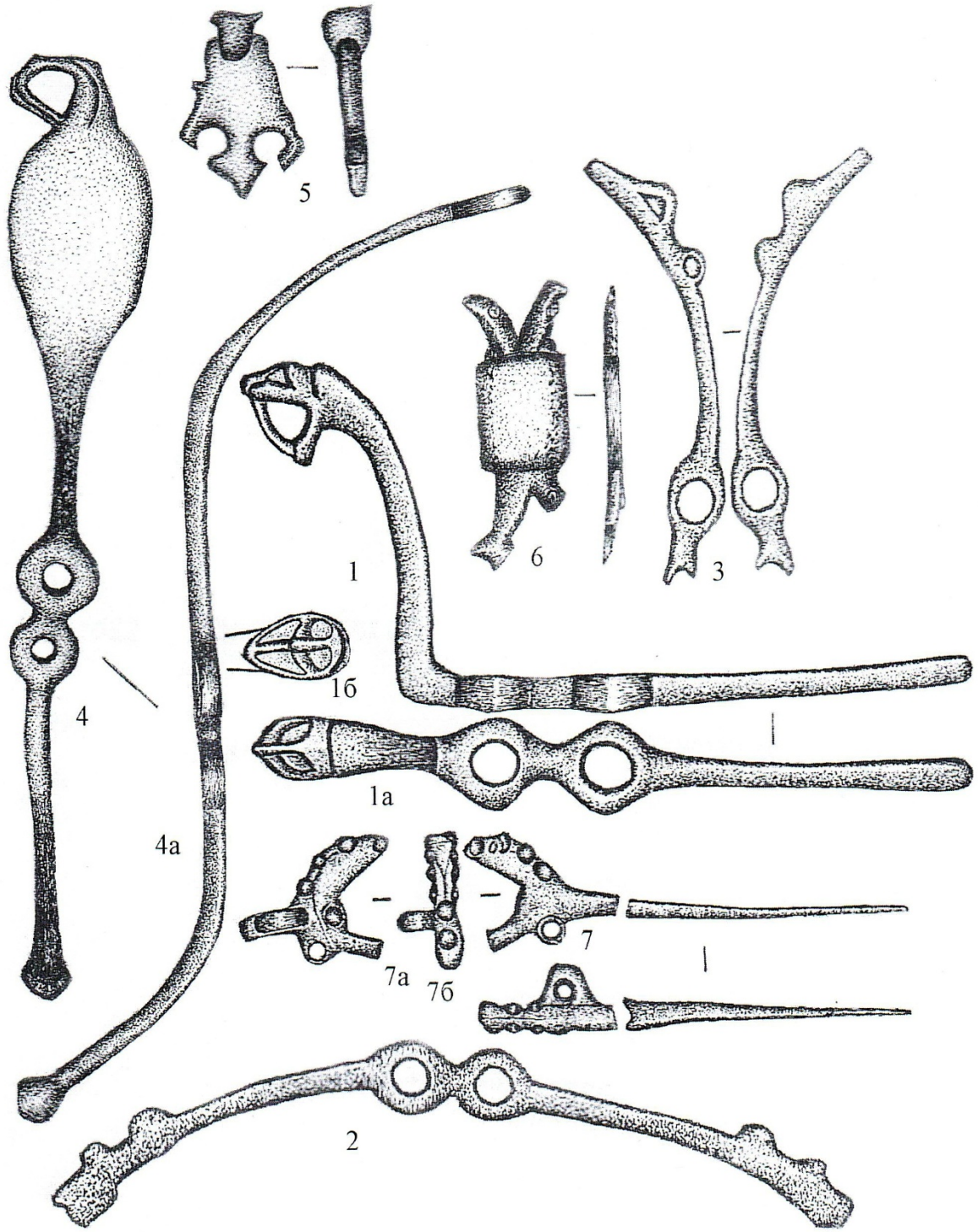

Рис. 1. Предметы, оформленные в зверином стиле, из могильника у хут. Августа:
1, 1а, 1б, 2, 3, 4, 4а, 5 – псалии и их фрагменты, накладка; *7, 7а, 7б* – булавка; *1, 7* – бронза; *остальные* – железо

Псалий данной разновидности условно относится к разделу II, подразделу I, типу III, варианту 5 псалий из памятников Центрального Предкавказья (вт. пол. V–III в. до н. э.) [Прокопенко, 2014, с. 254].

4–5 – С-образные (оба конца симметрично загнуты в одну сторону) зооморфно-оформленные псалии из подпрямоугольного в сечении прута с двумя отверстиями в восьмерковидном расширении с зооморфными окончаниями – железо (ковка) – 2 экз. (экз. № 2 – фрагментирован) (рис. 1, *2, 3*). Концы стержней оформлены в виде схематичного изображения в профиль морды зверя неясной видовой принадлежности. Отдаленно данные предметы напоминают псалии варианта 1.2 (по А. В. Симоненко) – с зооморфными окончаниями, представ-

ленные в «странных» комплексах последних веков до н. э. (Нововасильевка, Квашино, Веселая Долина, Ногайчинский курган, Гэвани) [Симоненко, 2009, рис. 122. 4; 134. 3; 135. 3, 4].

6 – трапециевидный предмет неясного назначения, предположительно, лопасть несохранившегося Г-образного псалия – железо (ковка). Расширенная часть лопасти напоминает геральдическую лилию или трехпальчатую (птичью?) лапу (рис. 1, *5*).

7 – Х-видная зооморфно оформленная накладка – железо (ковка) (рис. 1, *6*). Верхнюю часть предмета занимает редуцированное профильное (геральдическое) изображение двух голов со слабо выраженными клювовидными выступами (птица?), с шеями, как бы вырастающими из продольно вытянутого прямоугольного щитка (условная трактовка туловища?). Двуглавый зверь имеет прототипы в изображениях эпохи бронзы на территории Малой Азии (изображения на печатях; хеттский двуглавый орел, изображенный на воротах царской столицы Хаттусы (городище Аладжа-Хююк) XIII век до н. э.; рельефы Язылы-Кайя; стела из Хамы; изображения Мидии VI в. до н. э. и др.) [Chariton, 2011, p. 4; Перунова, 2016] и на уздечных бляхах раннескифского времени с территории Среднего Поднепровья – образ двуглавой птицы с шеями, как бы вырастающими из ажурной «киммерийской розетки» – тип 10 «Поповка – Аксютинцы» [Канторович, 2022, с. 260–261]. Известна находка бронзового конского налобника второй пол. IV – нач. III в. до н. э. с изображением подобной двуглавой хищной птицы на городище Калеж.

8 – зооморфно оформленная булавка (фрагментированная) с округлым в сечении стержнем – бронза (литье). Верхняя *Y*-образная часть предмета оформлена в виде объемного изображения протомы зверя неясной видовой принадлежности (возможно, ящерица?) (рис. 1, *7*). Подобные *Y*-видные навершия бронзовых булавок, оформленные как голова и передние ноги собаки, появляются в Закавказье (Тлийский мог.) в эпоху поздней бронзы [Техов, 2006, с. 191, рис. 46. 14].

Все перечисленные изделия из могильника у хут. Августа, выполненные в зверином стиле, датируются IV–III вв. до н. э. Бронзовые псалии и булавка относятся к IV в. до н. э., скорее всего, к его первой половине. Остальные железные предметы датируются второй половиной IV – III в. до н. э. В числе отмеченных образцов местного звериного стиля выделяются изображения, не встречающиеся в IV–III вв. до н. э. в других вариантах скифского зооморфного искусства: двуглавый зверь (птица?), окончания железных псалий в виде профильного изображения вытянутой морды зверя (хищника?), ящерицы (?). В последнем случае наблюдается сохранение традиций искусства кобанской культурно-исторической общности. Появление бронзовых псалий с зооморфными окончаниями и железного псалия с крыловидной частью, возможно, связано с влиянием прикубанского варианта скифского звериного стиля.

Список источников

Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в 2 т. М.: Изд-во МГУ, 2022. Т. 1. 431 с.

Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в 2 т. М.: Изд-во МГУ, 2022а. Т. 2. 359 с.

Минаева Т. М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 1956. Вып. 8. С. 329–342.

Перунова Н. В. Имперская символика двуглавого орла хеттов // Культура и время перемен. 2016. № 1 (12). С. 7.

Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Печатный двор, 2014. Ч. 1. 446 с.: ил.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 326 с.

Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II: IV в. до н. э. М.: Наука, 2011. 212 с.

Chariton J. D. The Mesopotamian Origins of the Hittite Double-Headed Eagle // UW-L Journal of Undergraduate Research. 2011. XIV. Pp. 4–12.

Leskov A. M. The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archeology and Anthropology, 2008. 304 p.

Т. Р. Садыков
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

«АРЖАНСКИЙ ГОРИЗОНТ» КАК ЛОКАЛЬНЫЙ СУБКУЛЬТУРНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. Место «аржанского горизонта» в культурогенезе ранних кочевников может быть пересмотрено. Это не археологическая культура и не этап «скифской культуры», но короткий и локальный субкультурный феномен, который оказал решающее влияние на облик последующих кочевых культур на всем пространстве Евразии, но сам по себе является отражением жизни конкретного сообщества и конкретного исторического события.

Ключевые слова: Аржан, Туннуг, скифы, киммерийцы, ранние кочевники

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН FMZF-2025-0008.

В конце IX в. до н. э. на территории Тувы (или на более обширной территории с центром в Туве) формируется относительно сложное в социальном отношении общество, способное построить грандиозные памятники Аржан-1 и Туннуг 1. Культура части этого социума уже включает в себя «скифскую триаду». В VII в. до н. э. «триада» и ее носители представлены почти во всем степном поясе, фиксируется определенное культурное единство, основанное на взаимодействии разных сообществ. Эти два факта принято интерпретировать в едином эволюционном ключе – как культурный импульс с востока, носители которого за 100–200 лет постепенно добрались и до европейской степной зоны. Возможно, однако, что исторические и культурные процессы на открытых пространствах происходили гораздо динамичнее, а с учетом новых данных можно разделить эту «восточную волну» как минимум на два хронологически и культурно разных исторических события.

Второе событие реконструируется вполне отчетливо – не позже середины VII в. до н. э. (может быть, и раньше – в конце VIII в. до н. э.) «скифы» двигаются на запад, где они появляются не только в ассирийских хрониках, но также в археологической реальности Северного Кавказа и Причерноморья. Процесс этот довольно динамичный, а дискуссии о деталях этого процесса ведутся с точностью до десятилетий, иногда до отдельных лет. При описании и реконструкции этого исторического события, как правило, учитываются и упоминаются материалы кургана Аржан-1, а в последнее время и кургана Туннуг 1, но, в общем-то, они в отношении этой реконструкции не существенны и служат только дополнительным подтверждением более раннего появления «триады» на востоке по сравнению с западом.

Реконструкция исторических процессов в евразийских степях в предскифскую эпоху гораздо более проблематична. В европейской части среди «предскифских» (иногда по историографической традиции именуемых «киммерийскими») памятников есть и такие, которые, очевидно, оставлены уже кочевниками, всадниками, и иногда это сильно военизированные всадники. У них нет звериного стиля (по крайней мере, в погребальном инвентаре), но появляются «киммерийские стелы» (как очевидное развитие традиции «оленных» камней), конская узда и оружие в погребениях, в том числе чеканы (иногда именуемые клевцами), а также достаточно крупные

© Садыков Т. Р., 2025

курганные насыпи и отдельные золотые вещи. На этом основании можно было бы утверждать, что с конца IX – начала VIII в. до н. э. с востока на запад уже идет значительный миграционный поток или, как минимум, сильное культурное влияние. Это часто и утверждается с разной степенью категоричности, но всякий раз упирается в важный хронологический контраргумент: если во Внутренней Азии еще в конце IX в. до н. э. распространился звериный стиль, то почему эти гипотетические азиатские мигранты принесли все, что угодно, но не его?

Для разрешения этого кажущегося противоречия необходимо внимательнее рассмотреть сам феномен «аржанского горизонта». Его важная особенность – все исследованные и однозначно относящиеся к нему памятники (Аржан-1, Аржан-5 и Туннуг 1) представляют из себя «элитные» комплексы, а вопрос о синхронной им культуре рядового населения однозначно не решен. Пока на эту роль претендует всего два кургана [Боковенко, 1995; Кисель, Хаврин, 2012], где исследованы погребения на поверхности в сопровождении коня, но это несопоставимо мало. Более вероятно, что рядовое население продолжает придерживаться предыдущей монгун-тайгинской погребальной традиции [Чугунов, 2020].

В исторически «нормальной» ситуации общество, проживающее на определенной территории и относительно однокультурное, придерживается схожих норм для всех своих свободных представителей даже при сильном социальном расслоении. Как минимум во всех культурах скифского типа имеются огромные курганы, но гораздо больше совсем небольших насыпей, а разница между ними заключается именно в масштабе, богатстве, но не в принципиальных различиях в ритуалах, обрядах и представлениях. Такая же «нормальная» ситуация наблюдается и в Туве как в предшествующее, так и в последующее время.

Сосуществование на одной территории двух культур, когда одна из них занимает явно господствующее положение, возможно в случае вторжения и оккупации, но в рассматриваемом случае нет никакой соседней, предшествующей «аржанской» традиции. Однако такое же разделение может произойти (вероятно, под воздействием внешнего импульса) и в результате какого-то революционного культурного, социального или религиозного события, а для рассматриваемой эпохи эти сферы практически невозможно уловить археологически и они представляются неразличимыми.

«Аржанский горизонт», по всей видимости, можно интерпретировать именно в таком ключе – как субкультуру нового, относительно небольшого, но хорошо вооруженного и организованного сообщества, занявшего господствующее положение и четко отличающего себя от окружающих. Ее носители проживали в инокультурном (хотя, возможно, и родственном) окружении, но не принимали чужую культуру и широко не распространяли свою, а культивировали и выражали свою инаковость. В этой новой субкультуре для погребения лидера по какой-то причине потребовались огромные сооружения, жертвоприношения коней и людей, золотые украшения и оружие. Все это необходимо умершему в загробном мире, но эти новые ритуалы вели и к укреплению нового самоопределения их участников. Так и звериный стиль появляется, по всей видимости, как явная манифестация этой субкультурности. Однако даже в Туве эта «протоскифская» субкультура характерна лишь для очень небольшой группы, не говоря уже о Внутренней Азии в целом. Более того, даже внутри этой субкультуры звериный стиль еще не стал общепринятым, что можно проследить как по материалам Аржана-1, так и по новым материалам Туннуга 1.

В Аржане-1 звериный стиль представлен довольно скудно. В одном случае это украшение оружия: кабан на навершии акинака возле центральной камеры; в камере 26 найден кабаний клык с изображением кабана и пять однотипных наверший с фигурами баранов (возможно, это комплект от одной колесницы); в камере 2 – знаменитая «пантера» и миниатюрная роговая голова коня. Важно отметить не только общую малочисленность, но и то, что весь звериный стиль зафикси-

рован только в трех точках, при том, что М. П. Грязнов представлял Аржан-1 как 29 отдельных закрытых комплексов [Грязнов, 1980, с. 54]. Еще один важный аспект – звериный стиль представлен украшениями узды и оружия, но не человека. Это до какой-то степени объяснялось полной разграбленностью центральных погребений, но ничто однозначно не указывает на наличие звериного стиля и в них. Как минимум золотая гривна, найденная в переотложенном контексте, в зверином стиле оформлена не была.

Схожие наблюдения сделаны и на материалах примерно синхронного Аржану-1 кургана Туннуг 1. В кургане раскопано два нетронутых погребения с золотыми украшениями, но без звериного стиля. Весь найденный здесь звериный стиль – на оружии, конской узде и, возможно, колесничной фурнитуре. И то же с планиграфической ситуацией – материалы четко разделяются на отдельные комплексы [A spectral cavalcade..., 2024], но звериный стиль представлен не во всех. Т. е. среди племен, построивших Туннуг 1, как и Аржан-1, звериный стиль был присущ не всем, а скорее даже немногим сообществам.

Важный вывод из этих наблюдений: из Внутренней Азии люди с традициями строительства больших курганов, наличия золотых украшений и оружия в погребениях, традициями установки каменных стел и жертвоприношений коней при совершении ритуалов, традицией использования конской узды с металлическими удилами, трехдырчатыми псалиями и просверленными кабаньими клыками могли двигаться на запад. И звериный стиль на этом этапе – еще не маркер таких передвижений.

«Явлением ранжированной, социально обусловленной субкультуры» называл зарождение звериного стиля еще Д. Г. Савинов [2002, с. 69]. В рамках развития этого тезиса можно предположить, что в конце IX в. до н. э. при сложении «аржанского горизонта» появляется и распространяется мода на звериный стиль, но некоторое время он остается исключительно субкультурным конкретно для того сообщества. Уже после его распада и, возможно, на основе повествований и преданий об этом сообществе звериный стиль становится общераспространенным способом представления себя как кочевника и охватывает уже все слои населения. В таком качестве он и распространяется по степному поясу далеко на запад, где уже есть и схожая в целом конская узда, и погребения с оружием, и, главное, уже перешедшее к кочевому хозяйству население, – и в этой среде восприятие звериного стиля происходит уже совершенно естественным путем.

Список источников

Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 85–90.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

Кисель В. А., Хаврин С. В. «Странный» курган Вавилинского затона в Туве // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб.: Изд-во МАЭ, 2012. С. 46–54.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.

Чугунов К. В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // Археологические вести. 2020. Вып. 26. С. 136–143.

A spectral cavalcade: Early Iron Age horse sacrifice at a royal tomb in southern Siberia / T. Sadykov, J. Blochin, W. Taylor, D. Fomicheva, A. Kasparov, S. Khavrin, A. Malyutina, S. Szidat, G. Caspari // Antiquity. 2024. Vol. 98 (402). P. 1 538 – 1 557.

Т. В. Сарапулкина
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДИЩА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПЕТРОПАВЛОВКА В ДОНО-ДНЕПРОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Аннотация. В докладе дается интерпретация оборонительных сооружений городища скифского времени Поосколья (междуречье Дона и Днепра) Петропавловка. При раскопках зафиксированы линия обороны из двух валов и рвов с напольной стороны и частокол по периметру городища. В напольной оборонительной линии прослежено как минимум два хронологических горизонта.

Ключевые слова: лесостепь, Доно-Днепровское междуречье, скифское время, городище, оборонительная система

Городище Петропавловка (80×160 м) расположено на мысу высокого берега р. Ольшанка (приток р. Оскол). Разрез (ширина – 4 м) напольной оборонительной линии показал наличие достаточно сложной оборонительной конструкции из валов, рвов, деревянных сооружений (рис. 1, *1–3*).

Ранний горизонт представлен рвом (ров 3). В пользу его ранней хронологической позиции свидетельствует характер заполнения – горизонтальная слоистая структура. Также к раннему периоду можно отнести северную часть рва 1, имеющую схожу структуру заполнения. К ранним объектам отнесены траншеи 1, 3 и 6, а также столбовые ямы внутренней стороны внутреннего вала. Все они имеют заполнение с горизонтальным членением. Траншеи и ямы северной линии укреплений к тому же заполнены пережженной глиной и перекрыты поздними линзами суглинка.

К позднему горизонту отнесен ров 2 и южная часть рва 1. Их заполнение свидетельствует в пользу естественной археологизации объектов. К этому же периоду относятся траншеи 2, 4, 5, 6. Все они, за исключением траншеи 6, имеют вертикально расчлененное заполнение, где часть, представленная гумусированным суглинком, вероятно, заместила сгнившее дерево, а глинистая часть представляет собой уплотненный грунт, призванный удерживать помещенную в траншею стену в нужном положении. Выход за пределы траншеи глинистого заполнения и формирование из него линзы по древней дневной поверхности это предположение подтверждает. Траншея 6 не углублена в материк, однако она прорезает толщу раннего вала, пересекает линзы и прослойки.

Южный вал ограничивался со стороны площадки городища траншеей, служившей для крепления деревянной стены. Северный вал ограничивался с напольной стороны траншеей 3, со стороны площадки – линией столбовых ям.

Прекращение функционирования северной линии обороны, вероятно, связано с пожаром. Массивы обожженной глины, заполняющей в том числе и объекты, свидетельствуют в пользу этого. Южная линия, напротив, не имеет в ранних объектах следов огня.

Поздний хронологический горизонт связан с перестройкой укреплений. В южной стенке южного вала сооружается траншея 5, траншея 6 прорезает тело старого вала. Оказавшийся между ними ров засыпается, в том числе и продуктами горения. Северная линия укреплений также смещается к югу. По дну рва прокладывается траншея 4, другая располагается в 5 м к югу. Южная часть северного рва засыпается, ров расширяется к северу.

Исследования на восточной окраине городищенской площадки показали наличие следующей ситуации. Вдоль площадки зафиксирована неширокая канавка протяженностью 9 м, конусообразная в профиле, с наклоном (рис. 1, *4, 5*). Канавка проходит по границе площадки городища и склона.

© Сарапулкина Т. В., 2025

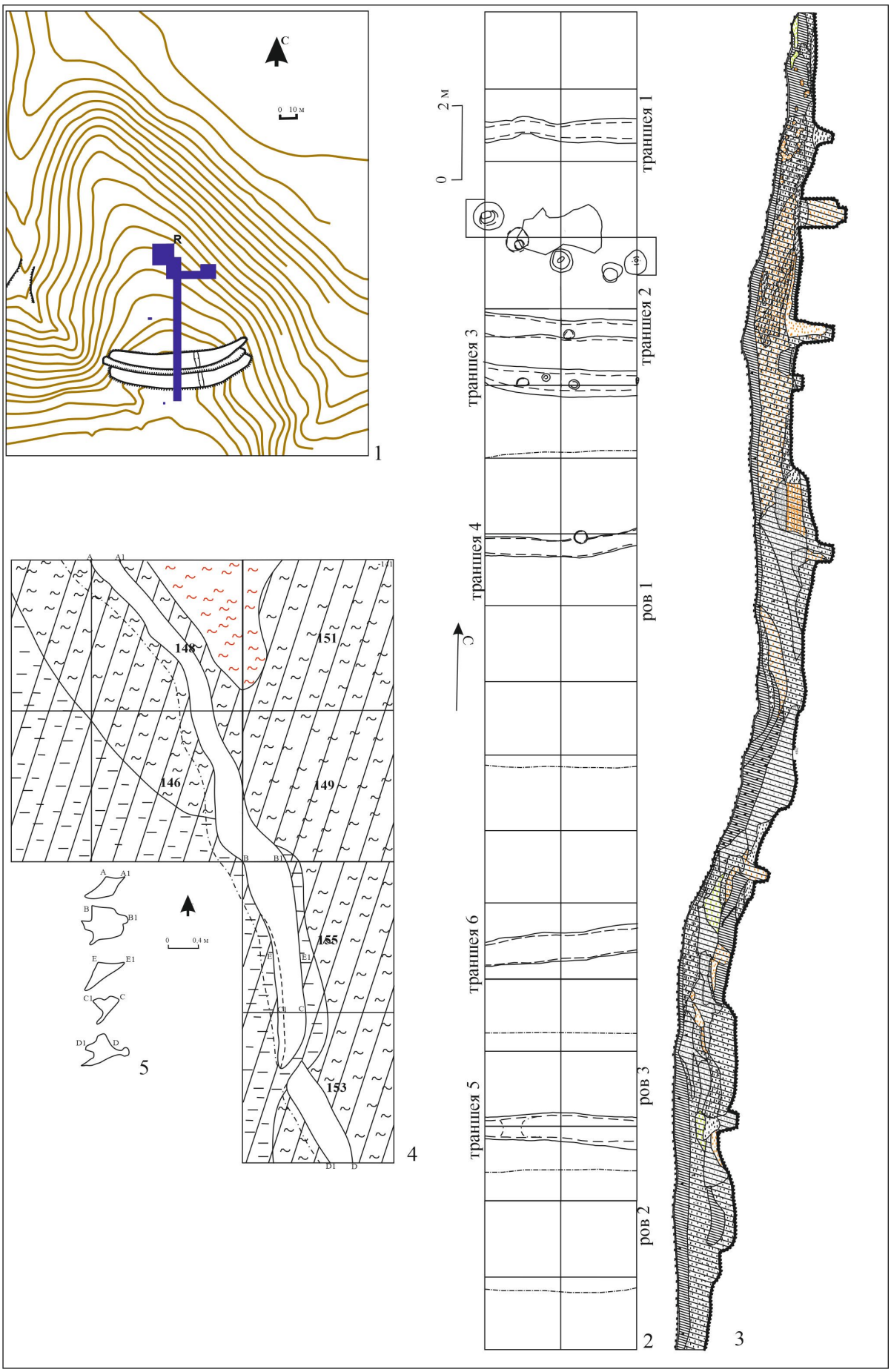

Рис. 1. Петропавловка городище-1: *1* – план памятника; *2* – план разреза оборонительной линии с напольной стороны; *3* – разрез оборонительной линии с напольной стороны; *4* – план раскопа у склона городищенской площадки; *5* – разрезы канавки

Можно предположить, что она является производной существовавшего здесь оборонительного сооружения в виде наклонного частокола. Погребенная почва сформировалась только в непосредственной близости от канавки, выявленный здесь культурный слой обращает на себя внимание насыщенностью культурными остатками по сравнению со слоем городища.

Полной аналогии описанной системе обороны среди городищ скифского времени лесостепи обнаружить не удалось. Однако сочетание оборонительных сооружений с напольной стороны и по периметру городища является довольно распространенным и всеми исследователями выделяется в отдельный тип [Моруженко, 1985, с. 162–163; Гречко, 2010, с. 28; Шевченко, 2010, с. 11]. Городища по периметру чаще окружены валом и рвом или эскарпом [Либеров, 1965, с. 10; Моруженко, 1985, с. 161, 167, 171, 172], наличие оборонительных стен в виде тынов фиксировалось на городищах Посеймья [Пузикова, 1997, с. 101]. Для городищ, где в настоящее время без раскопок видны валы и рвы только с напольной стороны, не отрицается возможность существования деревоземляных конструкций по периметру [Моруженко, 1985, с. 161], что подтверждено раскопками А. И. Пузиковой [Пузикова, 1997, с. 13, 14, с. 71]. А. А. Моруженко видит для этого две причины: недостаточность крутизны склонов мыса городища и стремление превратить городище в мощный укрепленный пункт [Моруженко, 1985, с. 163]. Неоднократная гибель деревянных конструкций валов и перестройка линии обороны также имеет широкие аналогии. По типологии А. А. Моруженко городище Петропавловка на раннем этапе относится к VI типу, на позднем этапе к VII типу, по характеру деревянных конструкций к I типу – с дерево-земляными сооружениями на уровне дневной поверхности [Моруженко, 1985, с. 163, 169], по А. А. Шевченко тип V [Шевченко, 2010, с. 11].

Географическое положение городища, анализ выявленного керамического материала [Сарапулкина, Суханов, 2025], наличие расположенного рядом грунтового могильника [Сарапулкина, Алиев, 2018], отсутствие поблизости курганного могильника выделяют его из круга памятников скифского времени лесостепи. Несмотря на небольшую площадь, городище имеет развитую оборонительную систему и для памятников Доно-Днепровского междуречья достаточно насыщенный культурный слой.

Список источников

Гречко Д. С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ. 2010. 286 с.

Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / Свод археологических источников. М.: Наука, 1965. Вып. Д1–31.112 с.

Моруженко А. А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. 1985. № 1. С. 160–178.

Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.: [б. и.], 1997. 126 с.

Сарапулкина Т. В., Алиев Т. М. Грунтовый могильник скифского времени у с. Захарово в Поосколье // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 72–80.

Сарапулкина Т. В., Суханов Е. В. Керамический комплекс скифоидных племен на пограничье локальных вариантов Доно-Днепровской лесостепи // 2025 (в печати).

Шевченко А. А. Городища скифского времени на территории Среднего Дона (как исторический источник): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 24 с.

Д. В. Селин
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В ПРИОБЬЕ

Аннотация. По результатам комплексного анализа керамики кулайской культурно-исторической общности (далее – КИО) с разных территорий Приобья можно предположить наличие нескольких региональных групп, которые не существовали изолированно, а взаимодействовали с другими регионами, что проявилось во взаимопроникновении различных гончарных навыков. При этом гончаров кулайской КИО объединяли общие представления об облике керамики и отдельные специфичные технологические приемы.

Ключевые слова: Приобье, ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность, керамика, технико-технологический анализ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01192, https://rscf.ru/project/23-78-01192.

В раннем железном веке территорию таежной зоны Западной Сибири осваивало население различных археологических культур (белоярская, калинкинская, богочановская, новочекинская и др.). На обширной территории от Нижнего Приобья до горно-лесных районов Алтая существовала кулайская культурно-историческая общность [История Сибири, 2019]. В настоящее время исследователи выделяют несколько вариантов КИО: новосибирский, сургутский, томский и др. На памятниках этой общности наиболее распространенными находками являются фрагменты керамической посуды. Изучение гончарной технологии позволяет выявить содержательную сторону процессов изготовления керамики и реконструировать отдельные историко-культурные процессы, происходившие в древности у отдельных групп населения в разные эпохи [Бобринский, 1978; 1999].

К настоящему моменту по единой методике выполнен анализ посуды кулайской культурно-исторической общности с Новосибирского, Томско-Нарымского, Сургутского Нижнего Приобья, бассейнов крупных рек (Васюган, Конда, Аган и др.) [см. напр.: Селин, 2021; Селин, Чемякин; 2022а; 2022б; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021].

Вся посуда кулайской КИО изучалась с применением технико-технологического анализа [Бобринский, 1978; 1999] и комплекса методов естественных наук – петрографии, рентгенофлуоресцентного, рентгенофазового и термического анализов [Физико-химическое…, 2006].

На территории Новосибирского Приобья на могильнике Каменный Мыс определено, что гончары отбирали ожелезненные слабо- и среднезапесоченные глины. Выделено шесть рецептов формовочных масс, среди которых преобладает несмешанный глина + дресва (68 %). Также были обнаружены рецепты с шамотом (10 %) и смешанные рецепты с этими минеральными добавками (14 %) [Селин, 2021]. Похожая ситуация наблюдается и на поселенческих памятниках. На городище Дубровинский Борок-4 зафиксированы два несмешанных рецепта с дресвой и шамотом, а также составы, использующие эти добавки вместе. На Дубровинском Борке-3 основным является рецепт с дресвой, при этом шамот применялся только в сочетании с другими добавками. На этом памятнике также были найдены следы использования навоза жвачных животных.

На территории Томско-Нарымского Приобья существовали несколько групп носителей кулайской КИО, которые отличались различными гончарными навыками. Первая группа включает более южные памятники, такие как Киреевское III городище, Аникино I и Тимирязево III. Их

© Селин Д. В., 2025

объединяет доминирование рецептов, где единственной минеральной примесью выступает дресва. Полое тело конструировалось при помощи лоскутов. Шамот употреблялся редко, в несмешанных и смешанных составах. Вторую группу составляют Малгет 6 и Саровское городище. Для лепки посуды с этих памятников характерно использование ожелезненных слабозапесоченных глин и рецептов с искусственной добавкой песка [Селин, Чиндина, в печати]. Эта группа не существовала изолированно, о чем свидетельствует обнаружение на Саровском городище добавок дресвы и шамота. На обоих памятниках преобладает использование лоскутного налепа, хотя встречаются и случаи использования лент. Третью группу представляют памятники, где основным рецептом является несмешанный состав с шамотом, например Карбинское I городище [Степанова, Рыбаков, 2021].

В Сургутском Приобье на кулайских памятниках Барсовой Горы наблюдается высокая степень смешанности в приспособительных и субстратных гончарных навыках. Зарегистрирована вариативность в выборе исходного пластичного сырья, когда гончары использовали различные месторождения, расположенные в пределах одного региона. Например, на Барсовом городке I/5 было выявлено девять различных рецептов. Основным способом конструирования полого тела является лоскутный налеп, однако случаи использования ленточного налепа также обнаружены. Обработка поверхностей осуществлялась с помощью различных комбинаций технологических приемов и инструментов. На Барсовом городке I/4 было выявлено 39 таких комбинаций. Эти особенности гончарной технологии могут указывать на то, что на территорию Барсовой Горы в разные периоды приходили различные группы кулайского населения из соседних регионов. Носители этих групп обладали своими уникальными гончарными навыками, и в процессе их взаимодействия на территории Барсовой Горы происходило смешение различных гончарных традиций [Селин, Чемякин; 2022а; 2022б].

В Нижнем Приобье на памятнике Усть-Полуй для производства посуды использовалась слабозапесоченная ожелезненная глина алевритового состава. Было выделено шесть рецептов формовочной массы, из которых основным является глина + дресва. Установлены два типа начинов: донный и донно-емкостный. Поверхности трех сосудов были раскрашены охрой. Фрагменты керамики также применялись в металлургическом производстве, выполняя функцию тиглей или льячек. Эта региональная группа отличается от других тем, что полое тело и поддоны сосудов формировались исключительно с помощью ленточного налепа, что не характерно для других территорий [Селин, Максимова, Гусев, в печати].

Несмотря на имеющиеся региональные различия в отдельных технологических навыках, на всей территории Приобья на посуде кулайской КИО зафиксировано два специфических технологических приема: оформление венчика снаружи или изнутри дополнительным жгутиком и заглаживание зубчатым орудием на внутренней поверхности перехода от плеча к тулову.

Таким образом, по имеющимся данным можно предположить наличие нескольких разных региональных групп кулайской КИО, для которых характерны свои отдельные приспособительные и субстратные гончарные навыки. При этом носители этих групп не существовали изолированно, а взаимодействовали с группами из других регионов, что проявилось во взаимопроникновении различных технологических навыков, не характерных для этих территорий. При этом, несмотря на имеющиеся различия в технологии, гончаров кулайской КИО объединяли общие представления об облике керамики и отдельные специфичные технологические приемы.

Список источников

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

История Сибири. Том 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.

Селин Д. В. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. № 7. С. 86–96.

Селин Д. В., Максимова А. А., Гусев А. В. Керамика раннего железного века сакрально-производственного центра Усть-Полуй: особенности технологии // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022а. Т. 21. № 5. С. 71–88.

Селин Д. В., Чиндина Л. А. Технология производства керамики кулайской культуры с Саровского городища // Поволжская археология (в печати).

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Технология керамического производства населения кулайской культурно-исторической общности (сургутский вариант) городища Барсов городок I/4 // РА. 2022б. № 4. С. 35–50.

Степанова Н. Ф., Плетнева Л. М., Рыбаков Д. Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Томск. гос. ун-та. История. 2021. № 69. С. 55–61.

Степанова Н. Ф., Рыбаков Д. Ю. Предварительные результаты изучения керамики Карбинского городища I раннего железного века Прикетья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 662–668.

Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / В. А Дребущак, Л. Н. Мыльникова, Т. Н. Дребущак, В. В. Болдырев, В.И. Молодин, Е. И. Деревянко, В. П. Мыльников, А. В. Нартова. Новосибирск: СО РАН, 2006. 98 с.

В. Э. Семашкевич
Хакасский НИИ языка, литературы и истории,
Абакан, Россия

О НЕКОТОРЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫЯВЛЕННЫХ КАМЕНОЛОМЕН НА ТЕРРИТОРИИ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ)

Аннотация. На материале выявленных каменоломен тагарской культуры приводятся сведения о некоторых строительных приемах, использовавшихся при добыче, обработке и транспортировке плит песчаника, из которых возводились каменные конструкции курганов. Высказываются наблюдения относительно специфики разработки каменоломен в зависимости от времени сооружения тагарских курганов.

Ключевые слова: тагарская культура, каменоломни, древние технологии

Камень являлся одним из основных строительных материалов при сооружении погребальных конструкций практически всех археологических культур Минусинской котловины, геология которой представлена широким спектром каменных пород. Наибольший размах каменное строительство получило в период тагарской археологической культуры (VIII–II вв. до н. э.)[14]. Массовое строительство погребальных сооружений, в том числе с использованием крупных плит весом в несколько десятков тонн (например, элитные курганы Салбыкской степи), обусловило практически повсеместную разработку каменоломен. Наиболее подробно описана, возможно, самая крупная тагарская каменоломня на горе Хызыл-Хая (Усть-Абаканский район Республики Хакасия), где добывались блоки для постройки салбыкских курганов, расположенных на удалении до 16–20 км от места добычи [Кызласов, 2022, с. 14–20; Марсадолов, 2010, с. 38–39; Сунчугашев, 2016, с. 50–51]. Од-

© Семашкевич В. Э., 2025

[14] В настоящей работе к тагарским автор также относит памятники позднетагарского периода, выделяемые рядом исследователей в т. н. тесинскую археологическую культуру. В контексте рассматриваемой темы разделять эти периоды представляется нецелесообразным, так как тагарские строительные технологии продолжают существовать в тесинское время.

нако, за редким исключением, изучение каменоломен остается за рамками научных изысканий археологов.

В первую очередь интерес представляют каменоломни, на которых удается проследить особенности технологий добывания, обработки камня и транспортировки готовых блоков к месту строительства погребальных сооружений. На сегодняшний день подобные памятники являются редкостью: в результате активной разработки скальных пород для строительных и хозяйственных нужд, начавшейся с сер. XIX в., многие древние каменоломни оказались уничтожены.

В ходе полевых работ в 2023–2024 гг. автором обнаружен ряд тагарских каменоломен, которые позволили выявить некоторые строительные приемы добычи, обработки камня и транспортировки стел.

1. Каменоломня на правом берегу р. Биджа в 3 км к юго-востоку от с. Московское (Усть-Абаканский район) на горном хребте Тастых хыр, который представляет собой куэстовую гряду с пологими склонами, сложенную породами песчаника. На террасе вдоль хребта с востока на запад расположен раннетагарский могильник, представленный цепочкой курганов с оградами небольших размеров. В непосредственной близости от курганов на привершинной части северного пологого склона хребта выявлена каменоломня в виде ряда линейно расположенных воронкообразных углублений, размеры которых в длину до 3 м, в ширину до 2,5 м, в глубину до 0,4 м. В результате изучения участка выявлены два расположенных компактно (около 40 м друг от друга) выхода коренных осадочных пород, в открытых трещинах которых найдены фрагменты песчаника клиновидной формы размерами до 0,25 м в длину, до 0,1 м в толщину. Нахождение клиньев в трещинах имеет антропогенный характер. Так, в одном случае клин не имеет видимой слоистости, которая присуща породе, слагающей трещину, в другом – слоистость клина перпендикулярна слоистости пород трещины. По-видимому, применявшаяся строителями курганов технология получения плит предполагала их продольное отделение от породы по трещинам, для чего, вероятно, использовались деревянные заостренные рычаги. После расщепления в образовывавшийся просвет вставлялись каменные клинья, которые препятствовали возвращению плиты в исходное положение и создавали необходимое напряжение в пласте скальной породы, приводившее к поперечному откалыванию плиты. Клинья не забивались – на верхней и нижней частях расклиненных плит характерных следов (царапины, борозды) не наблюдается. Судя по размерам расклиненных плит (до 1,0×0,7 м), последние, очевидно, предполагалось использовать в качестве угловых вертикальных стел для оград раннетагарских курганов, строившихся в непосредственной близости от мест добычи камня.

2. В окрестностях аала Аев (Аскизский район) обнаружена мастерская по обработке плит песчаника, очевидно, предназначенных для сооружения могильных конструкций либо оград курганов раннетагарского могильника, расположенного поблизости. В мастерской сохранилось два своеобразных «верстака». Один из них представляет собой несколько вкопанных плиток, между которыми вертикально вставлена плита песчаника для обработки (длина до 1,0 м, высота до 0,6 м, толщина до 0,1 м). Для фиксации она дополнительно расклинена мелкими плитками, которые вставлялись между вкопанными плитками и обрабатываемым камнем. На втором «верстаке» с одной стороны вместо вкопанных плиток положен массивный блок песчаника, а с другой вкопаны плитки. Между ними помещен обрабатываемый камень, который также расклинен мелкими плитками. В итоге получались своеобразные каменные тисы, фиксирующие плиту. То есть плиты обрабатывались в вертикальном положении, удары (каменным молотом?) наносились по краю вдоль слоев песчаника. Мастерская располагалась на возвышенности, вблизи выходов коренных пород песчаника, откуда и брался строительный материал. Сама площадка мастерской (в диаметре до 7 м) усыпана мелкими сколами – отходами обработки. На каменоломне Хызыл-Хая блоки песчаника также обрабатывались

в вертикальном положении, для чего их опирали на массивные подставки [Кызласов, 2022, с. 18, рис. 39, 40; Марсадолов, 2010, рис. 53, 54].

3. Тагарская каменоломня Барсучья-1 находится в 7 км к северо-востоку от д. Ковыльная Усть-Абаканского района. Расположена на небольшой возвышенности и в геологическом отношении представляет собой выход коренных слоев песчаника на поверхность. На объекте велась добыча крупных блоков песчаника, из которых изготавливались вертикальные стелы курганов (угловые и простеночные). На каменоломне обнаружено три заготовки стел, которые разломились в процессе обработки или подготовки к транспортировке. Вес каждой не менее 10 т. Блокам придана характерная для вертикальных стел вытянутая форма – зауженная книзу и имеющая скос верхней грани. Одна из стел положена на каменные подставки и приподнята над дневной поверхностью, очевидно, подготовленная для погрузки на грузовые сани и транспортировки к месту строительства [Семашкевич, 2024, с. 5–6]. Однако отколовшаяся верхняя грань привела стелу в негодность. Предположительно, добыча блоков на Барсучьей-1 велась для возведения сарагашенских (позднетагарских) курганов вблизи с. Московское либо в урочище Барсучий лог, расположенных на расстоянии около 7 км от каменоломни Барсучья-1[15].

Помимо реконструкции технологий добычи и обработки камня, изучение тагарских каменоломен позволяет высказать ряд предварительных наблюдений относительно специфики разработки карьеров по добыче строительного камня в зависимости от времени сооружения тагарских курганов (ранние, сарагашенские, позднетагарские). Раннетагарские каменоломни часто располагались вблизи могильников (возможно, наоборот (?) – могильники устраивались ближе к источнику строительного материала), что обусловливалось многочисленностью курганов, которые необходимо было строить постоянно. Начиная с сарагашенского этапа конструкции становятся более монументальными, что требовало добычи крупных блоков определенной формы с учетом особенностей курганной архитектуры. Это определяло необходимость разработки соответствующих карьеров. При отсутствии близлежащих выходов пород добыча камня велась на каменоломнях, удаленных на значительное расстояние (до 10 и более км) от объектов строительства (типа каменоломен Хызыл-Хая, Барсучья-1). В свою очередь, это дает представление о транспортных возможностях тагарцев по доставке массивных стел к месту возведения курганов, свидетельствуя об отработанной технологии доставки. С появлением коллективных склепов, возможно, уменьшилась необходимость в постоянном источнике строительного материала.

Перспективными направлениями изучения тагарских каменоломен представляются: их классификация в зависимости от техники добычи и «специализации» карьеров (добыча плит для оград, вертикальных стел, оформления могильных конструкций); выявление специфики производственной деятельности по камнедобыче в различные периоды тагарской культуры; реконструкция отдельных этапов работы с крупными блоками (добыча из пласта горной породы, обработка, погрузка на грузовые сани и т. п.).

Список источников

Кызласов И. Л. Древности Хакасии. М.: ИА РАН, 2022. 108 с.

Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. 128 с.

Семашкевич В. Э. К вопросу о технологии транспортировки крупных плит для строительства элитных курганов тагарской культуры в Салбыкской степи в Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2024. № 1(41). С. 4–18.

[15] Иногда на подобных тагарских карьерах встречаются сложенные в штабели отходы тагарской камнедобычи. Такие кубические конструкции следует датировать с сер. XIX в. и позднее. Складирование камней «сподручной величины» в штабели объемом в кубический сажень для их последующего вывоза в качестве бута рекомендовалось Урочным положением для строительных работ от 1869 г. [Урочное положение, 1895, с. 175].

Сунчугашев Я. И. Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: Знак, 2016. С. 50–51.

Урочное положение для строительных работ (Высочайше утверждено 17 апреля 1869 г.). СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. 366 с.

Е. В. Столяров
Государственный музей-заповедник «Куликово поле»,
Тула, Россия

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕРХОВЬЯХ ОКИ И ДОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

Аннотация. Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку (XII–IX вв. до н. э.) в регионе связан с постпоздняковскими или близкими бондарихинской культуре древностями. Горизонт VIII–VII вв. до н. э. представлен лепной керамикой, как гладкостенной с тычковой орнаментацией, так и текстильной. Конец VII–V вв. до н. э. – это древности лесостепной скифоидной культуры с традициями юхновской культуры.

Ключевые слова: ранний железный век, верховья Оки и Дона

Материалы финала эпохи бронзы и начала раннего железного века на территории верховьев Оки и Дона изучены неравномерно. Проблема «темных веков» остро стоит не только для исследуемой территории, но и для всей лесной зоны Восточной Европы [Столяров, 2022].

Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку в регионе связан с древностями, близкими материалам постпоздняковского круга [Екимов, 1992] или бондарихинской культуры [Буйнов, 2006]. Этот круг древностей оценивается исследователями по-разному, порой с диаметрально противоположных точек зрения. Вероятно, население бондарихинской культуры под давлением ранних кочевников вынуждено было переселиться из бассейна Северского Донца, верховьев Сулы, Псла и Ворсклы на север – на Правобережье Сейма, в бассейн Десны и верховья Оки. Вполне возможно, что переселенцы из Днепро-Донского лесостепного междуречья могли принять участие в сложении культурных образований лесной зоны раннего железного века [Буйнов, 2006, с. 47].

К рассматриваемому типу древностей относятся выразительные (с точки зрения определения их культурной принадлежности) неполные развалы сосудов с городища Гора Услань (рис. 1, *1–3*). Горшки орнаментированы по шейке ямчатыми округлыми вдавлениями, по краю венчика – насечками, а по плечикам – косыми прямоугольной формы вдавлениями от палочки. Близкая аналогия этим сосудам происходит из материалов раскопок поселения и могильника Щербинино в подмосковной Мещере. Неполный развал сосуда из объекта 9 по преобладающим признакам был отнесен авторами работ к позднему этапу поздняковской культуры. Но, как отмечают исследователи, он обнаруживает сходство и с керамикой бондарихинской культуры в ее поздней стадии [Поселение…, 2015, с. 62–63, рис. 18. 1]. Предварительно этот горизонт древностей в регионе можно датировать в пределах XII–IX вв. до н. э.

Следующая волна заселения верховьев Оки и Дона приходится на VIII–VII вв. до н. э. Она связана с носителями традиций изготовления грубой лепной керамики – гладкостенной с тычковой орнаментацией и текстильной (рис. 1, *4–10*). Среди памятников, на которых такие материалы известны на основании раскопочных данных, следует отметить поселение 1 у д. Жабынь,

© Столяров Е. В., 2025

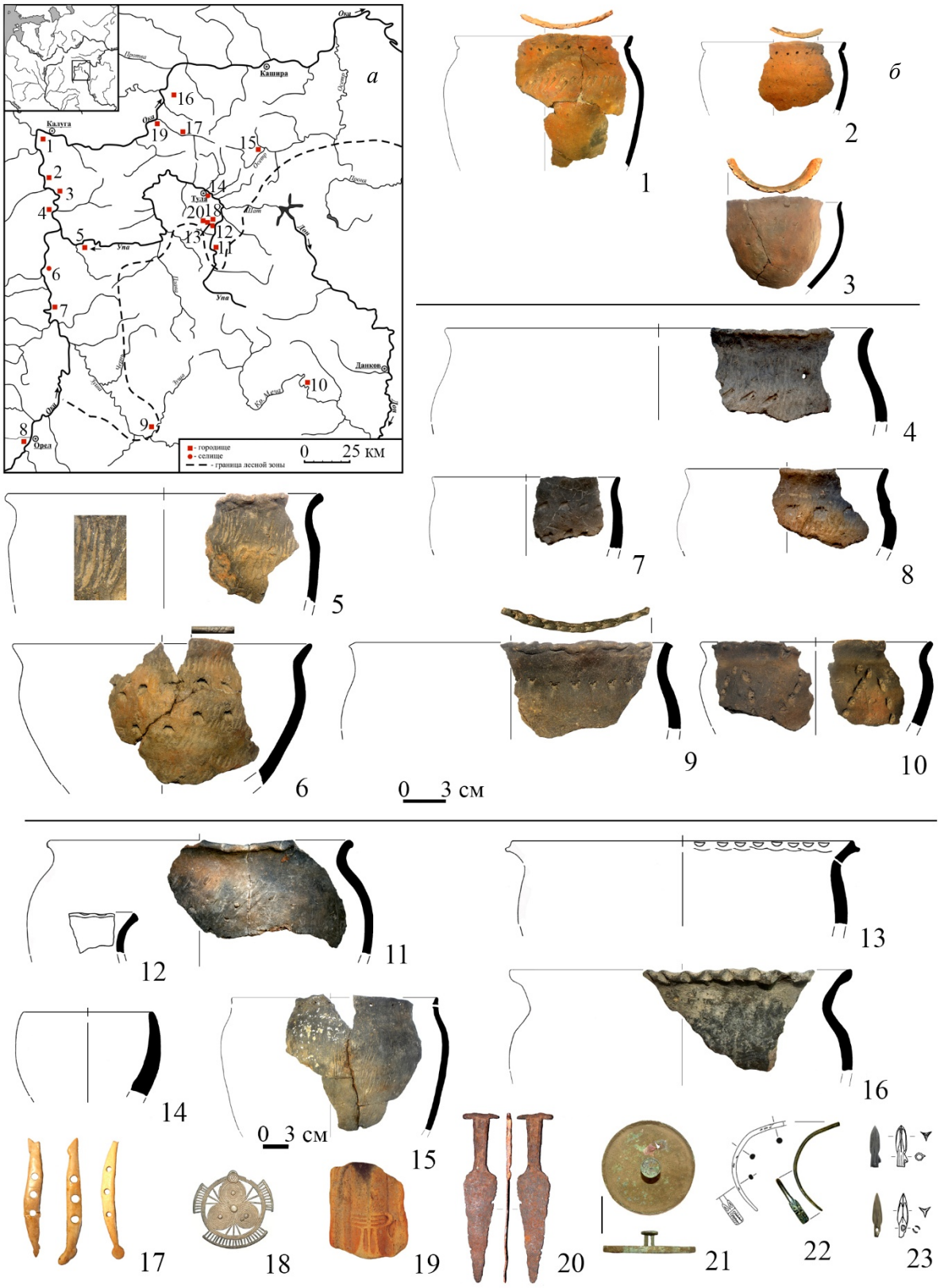

Рис. 1. Карта памятников первой половины I тыс. до н. э. *(а)*: *1* – Ромоданово, *2* – Вороново, *3* – Гремячево, *4* – Дуна, *5* – Петровское, *6* – Жабынь 1, *7* – Федяшево, *8* – Надежда, *9* – Воротынцево, *10* – Дубики, *11* – Сатинка, *12* – Гора Услань, *13* – Малая Стрекаловка, *14* – Малевка, *15* – Махринка, *16* – Велегож, *17* – Никулино, *18* – Лобынское, *19* – Буныревo; *20* – Залесный; *б)* грубая лепная керамика (*1–16*) и отдельные хроноиндикаторы (*17–23*). *1–3* – эпоха перехода от бронзы к раннему железному веку; *4–10* – гладкостенная и текстильная с тычковой орнаментацией; *11–23* – лесостепная скифоидная культура; *1–3, 10, 23* – Гора Услань, городище; *4–14, 22* – городище Петровское; *15–16* – городище Лобынское; *17–19* – городище Сатинка; *21* – Гора Услань, селище 4; *20* – случайная находка (верховья р. Дон)

городища Сатинка, Петровское, Гремячее, Лобынское и Гора Услань (рис. 1, карта).

Сравнивая эти две керамические традиции, на наш взгляд, более архаичной следует считать гладкостенную керамику с тычковой орнаментацией. Как отмечает А. П. Медведев, на основании раскопок городища Пекшево на р. Воронеж, эти две керамические традиции появляются вместе как единый комплекс с более «ранним» гладкостенным тычковым компонентом и более «поздним» текстильным. По его мнению, они были оставлены «одной из групп северного, лесного по происхождению, населения, у которого еще не вполне завершился процесс ассимиляции племенами текстильной керамики носителей гладкостенной посуды с тычковой орнаментацией» [Медведев, 1999, с. 36]. С приходом в конце VII в. до н. э. на территорию Окско-Донского водораздела южного, лесостепного, населения традиция изготовления текстильной керамики на территории Окско-Донского водораздела постепенно исчезает.

На рубеже VII–VI вв. до н. э. в верховья Оки и Дона проникает южное по происхождению население. Его материальная культура была близка скифской культуре, а точнее, испытала сильное ее влияние (рис. 1, *11–23*). Древности скифского времени (прежде всего скифской архаики конца VII –VI в. до н. э.) известны по материалам городищ у д. Сатинка, Петровское, Гора Услань, Лобынское, а также поселения 1 у д. Жабынь [Столяров, 2022]. А. Е. Алихова отмечала, что уже в раннескифский период в Посеймье проникали отдельные группы лесостепного населения скифоидной культуры. Их материальную культуру отличали металлические изделия, изготовленные по образцам, широко распространенным в скифской лесостепи и на Кавказе. Это движение шло с низовьев р. Сейм и далее вдоль северной границы лесостепи вплоть до бассейна верхней Оки [Алихова, 1962, с. 91–92]. Возможно, что в этих миграционных процессах финала скифской архаики могло участвовать население юхновской культуры, памятники которой известны в курском Посеймье и Окско-Сейминском междуречье. Лесостепные традиции очень четко прослеживаются в юхновских древностях верховьев Оки [Седов, 1965, с. 59].

В северных, глубинных районах Верхнего Подонья в ходе этих миграционных процессов к середине I тыс. до н. э. возникло этнокультурное новообразование, в котором органически слились элементы «пришлой» лесостепной скифоидной и «местной» лесной городецкой культур [Медведев, 1999, с. 45], что прослеживается на керамике (рис. 1, *15*).

Регион Верхнего Поочья и Подонья представляет собой, с одной стороны, контактную зону «лесных» и «лесостепных» культур, с другой – Окско-Донской водораздел стал коридором, по которому с южных территорий в лесную зону проникали различные племена. Опыт реконструкции историко-культурных процессов показывает, что рассматриваемый регион являлся одной из ключевых территорий для понимания механизма культурных трансформаций на обширных пространствах Днепро-Волжского междуречья в раннем железном веке.

Список источников

Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 113. С. 86–129.

Буйнов Ю. В. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. 2006. № 2. С. 39–50.

Екимов Ю. Г. Поселения поздняковской культуры под Тулой // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992. Вып. 1. С. 62–76.

Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Поселение и могильник Щербинино – археологический памятник мезолита – бронзового века и Средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) / А. Е. Кравцов, Е. С. Азаров, Е. В. Бабкина, Т. А. Марьенкина, Р. Н. Модин // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 11. С. 20–88.

Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье // СА. 1965. № 4. С. 52–62.

Столяров Е. В. Ранний железный век // Археология Окско-Донского водораздела. В 2 кн. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 99–141.

Я. В. Фролов
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

ПЕТЕЛЬЧАТЫЕ БЛЯХИ-НАКЛАДКИ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ КАК ИНДИКАТОР КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И САЯНО-АЛТАЯ

Аннотация. Поясные петельчатые бляхи-накладки являются одним из индикаторов, позволяющих определить векторы этнокультурных связей населения юга Верхнего Приобья в скифо-сакское время. Выделяется два основных направления контактов – северное и южное. Отчетливо проявляются связи с шеломокско-кижировской культурой и приангарскими комплексами. Основным является направление контактов с уюкско-саглынскими группами.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, скифо-сакское время, поясная гарнитура, староалейская культура, уюкско-саглынская культура

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (FZMW-2023-0009) государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

При изучении комплексов инвентаря, содержавших предметы поясной гарнитуры и различные варианты бронзовых блях-накладок и подвесок, являющихся маркерами культурных связей, некрополей начала скифо-сакского периода юга Верхнего Приобья – Фирсово XIV, Обские Плесы II, Староалейка II, достаточно четко выявились направления культурных контактов населения юга Верхнего Приобья для VI–V вв. до н. э. [Фролов, 2008, с. 159–160; 2018, с. 193; Килуновская, Фролов, 2020, с. 133].

Все предметы поясной гарнитуры, встреченные в староалейских памятниках, относятся к такому типу поясных наборов, где основным элементом выступают петельчатые бляхи-накладки: бабочковидные, бантовидные изделия, бляхи с прямоугольным щитком из совмещенных попарно дисков или выпуклостей (шестисекционные, бусинные), различные варианты блях с зооморфным щитком, изображающим кошачьего хищника, кабана, волка, стоящую лошадь и т. д.

Поясных наборов с обоймами, характерными для культур Саяно-Алтая и Казахстана раннескифского времени, в староалейских комплексах не обнаружено. Это говорит о начале контактов населения Верхнего Приобья, а затем и других культур Томско-Нарымского Приобья (шеломокско-кижировская, кулайская культуры) и Приангарья (нижнепорожинская, шилкинская, цэпаньская культуры) с кочевниками Саяно-Алтая в определенный период – начиная с конца VI–V вв. до н. э.

Южное и юго-восточное направления представляются основным вектором контактов для населения юга Верхнего Приобья начала скифо-сакского периода. Наиболее отчетливо прослеживаются связи с группами населения Тувы периода ранних кочевников. Новые находки из уюкско-саглынских комплексов, полученные в ходе раскопок последних лет, демонстрируют еще больше параллелей между приобскими и тувинскими комплексами [Реконструкция…, 2024]. В этом же векторе контактов находятся и отдельные быстрянские могильники и раннепазырыкские некрополи, где находок деталей поясной гарнитуры в виде петельчатых бляхнакладок по сравнению с Тувой и югом

© Фролов Я. В., 2025

Верхнего Приобья значительно меньше. Южное направление связей культур Верхнего Приобья и северных предгорий Алтая (староалейской, быстрянской) через тувинские комплексы все больше параллелей обнаруживает в памятниках скифского времени Северного Китая – в культурах шацзин, янлан и мауцингоу [Килуновская, Фролов, 2020, с. 133; Шульга, Шульга, 2023, с. 974].

Выделявшийся раннее юго-западный вектор культурных связей [Могильников, 1997, с. 4, 81, 87], который определялся контактами с тасмолинскими группами и ранними саками Приаралья, по новым данным, не является ведущим. Об этом говорит в том числе практически полное отсутствие петельчатых блях-накладок, наиболее типичными из которых являются бабочковидные бляхи, в Казахстане в материалах тасмолинской культуры и еще западнее – у саков Приаралья и савроматских памятниках. Это достаточно четко ограничивает западную границу межкультурных взаимодействий, реконструированную на основе распространения петельчатых блях-накладок. Также не прослеживаются на материале состава поясных наборов связи и с культурами скифо-сакского круга, расположенными к востоку от Верхнего Приобья, прежде всего с тагарской (подгорновские, сарагашенские комплексы), в ареале которой известны лишь единичные случайные находки петельчатых блях-накладок из «бабочковидного комплекса». Несколько больше их встречается на северной лесостепной и лесной периферии тагарского ареала (могильник Алчедат, культовое место Лысая Гора).

Достаточно специфичным является северное направление связей – контакты с населением скифо-сакского времени Западной Сибири и сопредельных территорий, оставившим памятники шеломокско-кижировской и новочекинской культур, памятники васюганского этапа кулайской культуры и приангарские комплексы (нижнепорожинская, шилкинская, цэпаньская культуры). Появившиеся в начале скифо-сакского периода в материалах этих культур петельчатые бляхи-накладки бытуют в их ареалах достаточно долго. Об этом говорят в том числе находки подобных изделий в лесостепной зоне Западной Сибири и на сопредельных территориях – в комплексах каменской, богочановской, саргатской, гороховской, новочекинской культур, датирующиеся IV–III вв. до н. э. и позднее.

Материалы серии поясных наборов и комплексов блях и подвесок из женских погребений могильников староалейской культуры Фирсово XIV, Обские Плесы II, Староалейка II показывают, что особенности применения поясных петельчатых блях-накладок в староалейской культуре, и прежде всего использование их не по прямому назначению как поясной гарнитуры, а в качестве подвесок – украшений костюма женщин (головных уборов, нагрудных подвесок), как шумящих привесок к поясу или сумкам, как предметов, задействованных в ритуалах (находки их в составе прикладов и в культовых комплексах), свидетельствуют о размывании традиций скифоидных культур в среде мигрировавших в Верхнее Приобье групп кочевников и у подвергшегося их влиянию местного населения лесостепной и лесной зон Западной Сибири.

Механизмы распространения петельчатых поясных блях-накладок в Верхнем Приобье и севернее – в среде лесостепных и лесных культур Западной и Восточной Сибири – не до конца ясны. Появление поясных наборов с петельчатыми бляхами-накладками в северных предгорьях Алтая и в Верхнем Приобье, возможно, связано с проникновением на эту территорию групп мигрантов-кочевников из Саяно-Алтая, повлиявших на формирование раннепазырыкских, быстрянских и староалейских комплексов. Достаточно длительное существование этих групп населения в лесостепной и лесной зоне долины верхнего течения р. Оби, взаимодействие с местным населением, переход к новым формам ведения хозяйства привели к изменению традиционной культуры скифоидного типа. Распространение поясных блях севернее и северо-восточнее Верхнего Приобья, возможно, связано уже с механизмами обменного характера. Массовое присутствие

«классических» поясных петельчатых блях-накладок в составе культовых комплексов говорит о появлении традиции использования определенного типа изделий, прежде всего «бабочковидных» и «бантовидных» блях в культовых целях.

Сходные механизмы распространения специфических деталей поясной гарнитуры – блях «бабочковидного» комплекса – говорят о формировании в лесной и лесостепной зоне Верхнего Приобья и Обь-Иртышского междуречья буфера культур (староалейская, шеломокско-кижировская, новочекинская, богочановская), демонстрирующих смешение черт кочевнических культур и групп населения лесостепной и южно-таежной зоны. Население, оставившее памятники этих культур, являлось посредниками в контактах скифоидных культур степной зоны Саяно-Алтая (уюкско-саглынской, тагарской, пазырыкской, тасмолинской, каменской) с группами лесного населения Сибири.

Список источников

Килуновская М. Е., Фролов Я. В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда. М.: РГГУ, 2020. С. 126–138.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Реконструкция этнокультурных процессов второй половины I тыс. до н. э. в Центральной Туве (по данным памятников урочища Саускен) / М. Е. Килуновская, И. Э. Альборова, О. В. Аникеева, С. Браун, В. С. Бусова, Е. И. Кожухова, Х. Х. Мустафин, Вл. А. Семенов, Е. Н. Учанева // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 263–295.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я. В. О параллелях в материалах скифского времени культур Верхнего Приобья и Тувы // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.: [б. и.], 2018. С. 192–194.

Шульга П. И., Шульга Д. П. Варианты использования накладных поясных бляшек скифского времени в Южной Сибири и Северном Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. XXIX. С. 969–976.

С. И. Цембалюк
Тюменский научный центр СО РАН,
Тюмень, Россия

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ МАРАЙ 1

Аннотация. В работе рассмотрены уникальные ритуальные комплексы, связанные с бронзолитейным производством и почитанием умерших (кенотаф), совмещенные в рамках одного жилого пространства, что позволяет реконструировать сложный мир верований красноозерского населения переходного времени от бронзового века к железному.

Ключевые слова: Приишимье, красноозерская культура, ритуальный комплекс

Работа выполнена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

Раскопками 2019 г. на поселении Марай 1 было исследовано два ритуальных комплекса красноозерской культуры. Один, обнаруженный в северном углу жилища, представлял собой комплекс предметов, сложенных в определенном порядке. На дно небольшой ямы был поставлен перевернутый сосудик, заполненный рыбьими костями и чешуей, к северу от него были размещены два перевернутых глиняных тигля, заполненные рыбьей чешуей, к западу лежала каменная наковальня.

© Цембалюк С. И., 2025

Сверху на них были уложены кости человека (фрагмент диафиза бедра и позвонок), диких (лось, медведь, лисица) и домашних (КРС, МРС, лошадь) животных. В самом углу жилища находился терочник (?) из песчаника (рис. 1, *1*) Данный ритуальный комплекс можно отнести к группе производственных, связанных с бронзолитейным делом [Ефремова, Молодин, 2018, с. 247].

Второй комплекс представлял собой площадку, находящуюся в 5 м к западу от жилища, ограниченную округлым рвом на которой располагался, по всей видимости, кенотаф. Объект представлял собой могильную яму прямоугольной формы, размерами 1,4×1 м, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад, по краям фиксировались столбовые ямы, вероятно, от надмогильной конструкции. В самой могиле, заполненной мешанной с углями супесью, обнаружены кости животных, в том числе длинные кости конечностей, выложенные вдоль могилы на дне, кости рыб и птиц, стоящие сосуды краснозерской культуры, костяные наконечники стрел, роговая мотыжка (рис. 1, *2*).

О сакрализации жилищного пространства краноозерским населением свидетельствуют и перевернутые сосуды, обнаруженные в углах жилой камеры жилища 2 и в коридоре, ведущем в хозяйственную камеру [Цембалюк, 2015, с. 7]. Таким образом, исследованные комплексы можно с полной уверенностью отнести к ритуальным, которые довольно часто встречаются на памятниках переходного времени от бронзового века к железному и показывают удивительный синтез повседневной жизни с верованиями краснозерского населения в границах одного жилого пространства.

1

2

Рис. 1. Ритуальные комплексы краснозерской культуры поселения Марай 1:
1 – производственный комплекс; *2* – кенотаф

Список источников

Ефремова Н. С., Молодин В. И. Разновидности ритуальных памятников на юге Западно-Сибирской равнины (неолит – позднее Средневековье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Том XXIV. С. 246–250.

Цембалюк С. И. Хозяйство и быт населения краснозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 5–16.

Ю. П. Чемякин
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

МЕСТО ГОРОДИЩА БАРСОВ ГОРОДОК I/20 СРЕДИ КУЛАЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ БАРСОВОЙ ГОРЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ)

Аннотация. Впервые рассматривается керамический комплекс городища кулайской культуры Барсов городок I/20, известного своей бастионной обороной, кладом и погребением. Определено его место среди других кулайских памятников Барсовой горы.

Ключевые слова: ранний железный век, кулайская культура, городище, керамика

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века Сургутского Приобья», № 24-28-00650.

Городище Барсов городок I/20 находится в широко известном урочище Барсова гора (правый берег р. Оби, 8–15 км к западу от г. Сургута), где на площади ок. 6 кв. км выявлено свыше 400 археологических объектов от неолита до Нового времени. Среди них более 60 памятников сургутского варианта кулайской культуры: селища, городища, могильники, культовые места, клад [Чемякин, Зыков, 2004; Чемякин, 2008]. Первый план памятника был снят еще в 1925 г., а в 1978, 1986–1988 и 1991 гг. городище подверглось частичным раскопкам. В. А. Борзуновым памятник отнесен к числу бастионных городищ. Анализ его обороны дан в ряде работ [Очерки культурогенеза…, 1994, с. 324; Борзунов, 2002, с. 82–86, рис. 10].

Городище имело два бастиона и выделялось среди других кулайских укрепленных поселений урочища Барсова гора. Оно представляет интерес еще и потому, что на его территории были обнаружены клад культовых вещей и погребение, предположительно, шамана. Клад и погребение, а также характеристика оборонительных сооружений памятника неоднократно публиковались. Но до сих пор во всех публикациях отсутствует анализ керамического и вещевого материала самого городища, сравнение его с комплексами других памятников, что необходимо для уточнения характера городища, установления его места в стратиграфической колонке кулайских памятников урочища Барсова гора и Сургутского Приобья в целом. Нами был выполнен планиграфический и стратиграфический анализ коллекции из трех раскопов[16], в ходе которого выявились инокультурные включения, связанные с предшествующим заселением данного участка берега. Установлено, что они залегали вне жилищных комплексов кулайской культуры. Неожиданным оказалось большое количество керамики, найденной в восточном бастионном выступе (раскопки Н. В. Федоровой, 1978 г.). Это заставляет пересмотреть точку зрения на выступ как на чисто оборонительный объект.

Анализ полевой документации показал, что оборонительная система городища была более мощной, чем это предполагала Г. В. Бельтикова. Глубина рва составляла, видимо, не менее 1,5–2,0 м при ширине до 2,5–3,0 м.

Для анализа был взят керамический комплекс из двух жилищ и пространства вокруг них – 99 сосудов, в том числе 80 кулайской культуры (раскопки 1986 г., рис. 1). Среди последних 48 экземпляров горшковидной формы (60 %), 12 – котловидной (15 %), 18 – переходной, или горшечно-баночной (22,5 %), и две небольшие чашечки (2,5 %). Все емкости, вероятно, круглодонные. Преобладают скошенные внутрь венчики с карнизиками, обращен-

© Чемякин Ю. П., 2025

[16] Автор выражает искреннюю благодарность директору Сургутского краеведческого музея Марине Юрьевне Селяниной за уникальную возможность работы с коллекциями.

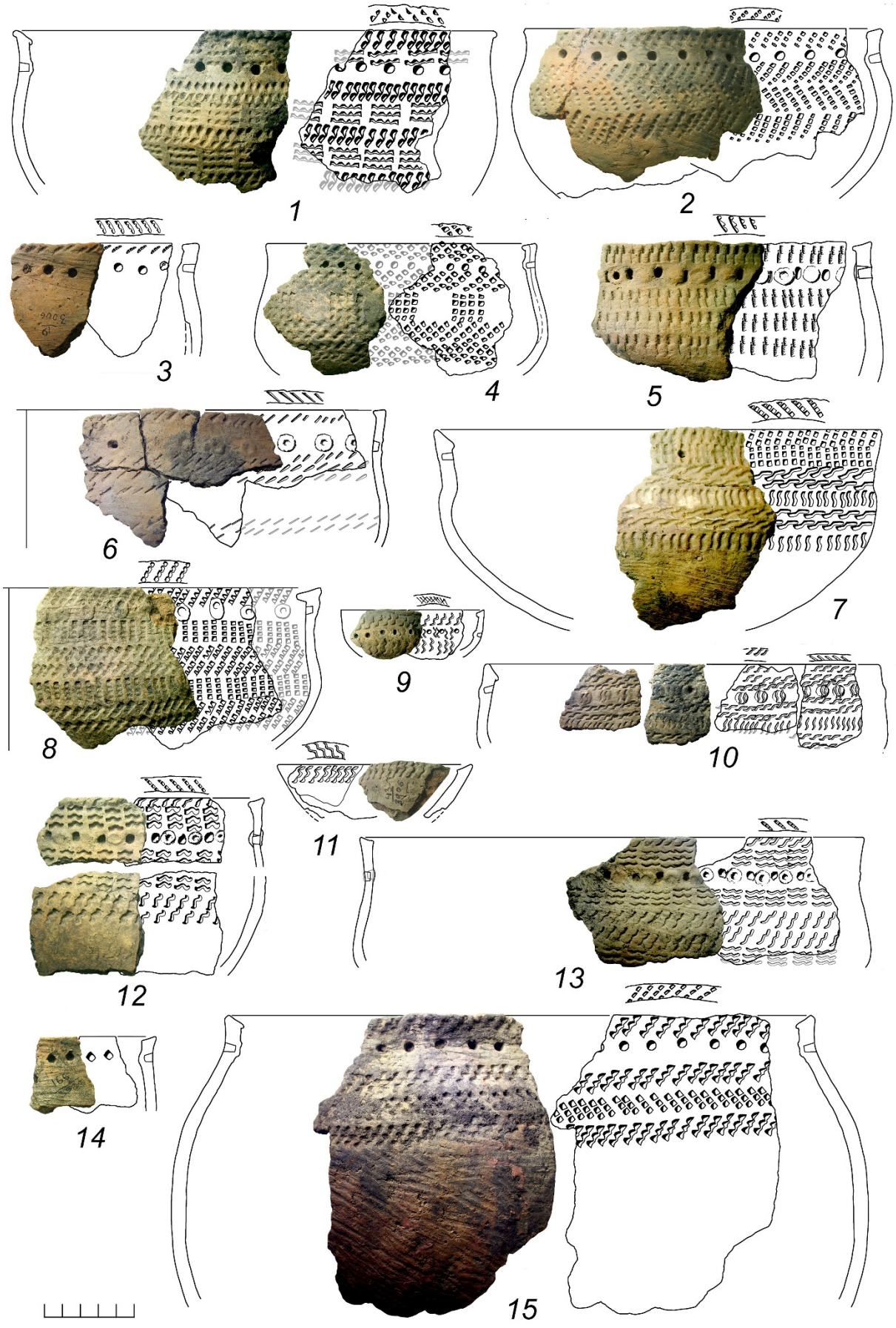

Рис. 1. Городище Барсов городок I/20: керамика кулайской культуры

ными внутрь или в обе стороны (26,25 % и 31,25 %), есть расширяющиеся наружу горизонтальные (10,0 %) и скошенные внутрь (8,75 %). Остальные формы единичны. Необычно большое число неорнаментированных венчиков – 13,75 %. Среди декорированных преобладают украшенные гребенчатым штампом с наклоном влево (36,9 %) или вправо (34,4 %). Единичны оттиски гладкого штампа и в виде птички.

Разделительный поясок на переходе от шейки к плечикам выражен ямками (46,25 %), жемчужинами (11,25 %, в том числе приплюснутыми – 10,0 %) или их сочетаниями (31,25 %). На семи сосудах ямки или жемчужины чередуются с вертикальными (6,25 %) или горизонтальными (2,5 %) оттисками штампа. На двух небольших емкостях разделительный поясок отсутствует.

Верхняя треть (шейка и плечико) большинства сосудов с внешней стороны украшена, иногда узор спускается на верхнюю часть тулова. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных поясков разнонаклонных оттисков штампов. Среди последних резко доминирует гребенчатый. Им украшены 63 емкости (78,75 %), в том числе исключительно им 54 сосуда (67,5 %), еще на 9 сосудах отпечатки «гребенки» сочетаются с оттисками других штампов. Соответственно, гладким штампом декорированы 5/4 сосуда (6,25/5,0 %), уточкой – 11/5 сосудов (11,75/5,0 %), птичкой – 8/5 емкостей (10,0/6,25 %), змейкой – 2 сосуда (2,5 %). На одном сосуде, кроме разделительного пояска из ямок, узора не было. В композициях преобладают пояски из оттисков штампов, поставленных с наклоном вправо (65,5 %, в том числе одинарные 49,1 %, сдвоенные 13,1 %). Пояски вертикальных оттисков составляют 13,5 %, левонаклонных – 7,8 %, разные виды горизонтальных – 10,6 %.

Сравнение кулайского керамического комплекса с коллекциями других кулайских городищ Барсовой горы по таким показателям, как форма и орнаментация венчика, разделительный поясок, штампы и орнаментация внешней стороны сосудов [Морозов, Чемякин, 2005, табл. 2, 3], показали его наибольшую близость с городищем Барсов городок I/5 и селищем Барсова гора IV/13. К такому же выводу на основе технико-технологического анализа керамики пришел Д. В. Селин [Селин, 2022]. Эти памятники предварительно датируются рубежом эр – началом I тыс. н. э. В Нарымском Приобье с сургутскими сравнимы кулайские сосуды 5 и 6 групп [по: Чиндина, 1984].

Кроме кулайской, в раскопе 2 найдена керамика белоярской культуры (фрагменты 12 сосудов). Стратиграфический и планиграфический анализы показали, что они концентрируются в основном на площади ок. 20 кв. м в центре раскопа и залегают ниже кулайских. Вероятно, здесь была белоярская постройка, на месте которой позже сформировался кулайский слой.

Список источников

Борзунов В. А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рожд. В. Ф. Генинга). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 201–230.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири / под общ. ред. Н. В. Лукиной. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 485 с.

Селин Д. В. Особенности гончарного производства носителей сургутского варианта кулайской культурно-исторической общности (по материалам городища Барсов городок I/20) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 706–713.

Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский печатный двор, 2004. 208 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

С. В. Шарапова[1], М. А. Грачев[2] , О. Ю. Зимина[3], Н. В. Приходько[4]
[1] Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия
[2] НПЦ «Архео»,
Омск, Россия
[2] Омский государственный педагогический университет,
Омск, Россия
[3] Тюменский научный центр СО РАН,
Тюмень, Россия
[4] Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

ПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ МОГИЛЬНИКОВ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Предлагаются к обсуждению вопросы организации пространства могильного поля и формирования некрополей носителями саргатской культуры, иерархии разных курганов и погребальных комплексов. Научным полигоном полевых работ выбраны памятники на правобережье Омского Прииртышья, исследование которых помимо раскопок сопровождается неразрушающими методами изучения археологических объектов.

Ключевые слова: саргатская культура, воздушное лазерное сканирование, социальный ландшафт

I. В археологии саргатской культуры (V в. до н. э. – III в. н. э.) проблемам социальной планиграфии могильников уделено не так много внимания. Различия в объеме насыпи объяснялись локальными особенностями культуры [Корякова, 1977, с. 138–139, табл. 1; Могильников, 1992, с. 299; Стоянов, 1973, с. 45, табл. А, Б], а разное количество захоронений в одном кургане – динамикой обрядности [Корякова, 1988, с. 130; 1994, с. 146–169]. Расположение курганов в границах некрополя исчерпывались описанием «группами, цепочками или одиночно» [Корякова, 1988, с. 47]. В этой связи необходимо отметить, что в основе всех предложенных социальных реконструкций – археологический материал, полученный в ходе полевых работ 1960–1990 гг., проводимых на методическом уровне того времени. Фактор случайности выявления курганов и, как следствие, некая субъективность определения границ могильников не обсуждались, и вопросы формирования некрополей, иерархии разных курганов и погребальных комплексов не ставились. Между тем на археологической карте появляются новые названия [Информационный…, 2023; Курганы…, 2024], дополняющие картину освоения саргатским населением лесостепных ландшафтов [Могильников, 1992, с. 291–311; Матвеева, 2000, с. 19] и в то же время наглядно демонстрирующие степень изученности саргатских древностей. Социальное направление в археологии все чаще рассматривает ландшафт как ареал взаимодействия социальной активности и природной среды, т. е. как совокупность физико-географических особенностей и культурных традиций. Применительно к скотоводческим культурам Евразии археологическим проявлением структурирования территории и социального ландшафта являются «элитные» или «царские» курганы с подобающими атрибутикой [Крадин, 2021, с. 179–181] и ритуалами [Ольховский, 1999].

II. Заметный рост интереса к геоинформационному пространственному моделированию, новые технологические решения и технические возможности позволяют апробировать существующие наработки неинвазивного изучения разных археологических объектов. Эффективность воздушного лазерного сканирования в условиях труднодоступной местности, а также для объектов, скрытых лесными массивами или подлесками, делает не только возможным, но и актуальным использование лидарной съемки в ареале саргатской культуры. Куст памятников у с. Новопокровка (Горьковский район Омской обла-

© Шарапова С. В., Грачев М. А., Зимина О. Ю., Приходько Н. В., 2025

сти) включает городища и многочисленные курганы, среди которых выделяются две группы «царских» курганов. Эта местность не только хорошо изучена в ходе наземного обследования, здесь также идет процесс накопления новых материалов, получаемых в результате раскопок и лидарной съемки погребальных комплексов в разных частях обширного могильного поля. Совмещение полевого и картографического методов позволило не только оценить особенности топографии разных по величине и удаленности друг от друга курганов, но и выдвинуть первые гипотезы относительно их иерархии.

III. Опираясь на комплекс полученных нами данных [Информационный…, 2023; Курганы…, 2024], можно предположить, что около середины I тыс. до н. э. происходит освоение местности на правобережной террасе Иртыша: выбираются относительно ровные участки берега; курганы образуют условно компактные группы, внутри которых прослеживается линейность расположения отдельных насыпей. Для малых курганов характерны более низкие гипсометрические отметки, отчетливо фиксируется их локализация близ истоков оврагов. В то же время очевидно, что такие черты, как приуроченность к водоемам, минимум трудозатрат на сооружение и явная аскетичность в сопроводительном инвентаре, характеризуют местную линию развития в формировании саргатской культуры, на что прежде обращалось внимание [Стоянов, 1973, с. 45–46; Корякова, 1988, с. 84; Могильников, 1984, с. 4, 6]. Синтез местной лесостепной традиции, проявившейся в первую очередь в керамике, и материального выражения степного облика, отраженного в господстве курганного способа захоронения, наиболее ярко обнаруживается в появлении крупных курганов с радиальными перекрытиями. Время их появления относят к IV–III вв. до н. э. [Стоянов, 1973, с. 55; Могильников, 1992, с. 299; Корякова, 1994, с. 126, 152]. Результаты пилотного исследования соотношения изотопов стронция (87Sr/86Sr) в останках индивида из центрального захоронения кургана из группы «царских», позволили высказаться о неместном происхождении погребенного [Информационный…, 2023, с. 78]. Это допущение не противоречит гипотезе об участии населения тасмолинской общности в формировании саргатской культуры [Хабдулина, 2017, с. 54–55]. Согласуется оно и с имеющимися данным палеогенетики, в которых отмечается хорошо выраженное (хоть и не такое значительное в плане доли в генофонде) влияние с юга – ираноязычных племен из южных и юго-западных по отношению к Барабе регионов [К вопросу…, 2020, рис. 3; Два мужских погребения…, 2020, с. 371–372]. Как показали полевые исследования, приуроченность группы «царских» курганов к доминирующим высотам в глубине террасы кардинальным образом меняет первоначальную картину освоения окружающего пространства: появляются своеобразные маркеры территории, природный ландшафт трансформируется в социальный. Фокусируя ландшафт посредством сооружения специфических символов власти, социальная верхушка заявляет право собственности на значимые ресурсы [Крадин, 2021, с. 180], среди таковых в скотоводческих культурах принято считать пастбища. Археологическим проявлением этого является не только сооружение внушительных по своим размерам курганов – формируется элитарная субкультура с соответствующими символикой и обрядностью, которая, в свою очередь, предполагает значительные людские ресурсы как при сооружении кургана, так и в многоактных церемониях. В этой связи разнообразные примеры сакрализации пространства посредством ритуалов дает этнография: курган становится центром притяжения не только для современников, но и для потомков [Руденко, 1960, с. 326–329; Янушкевич, 2006, с. 184–185]. Эти и другие аспекты, которые ранее не получили должного развития, предполагается обсудить в докладе.

Список источников

Два мужских погребения из кургана саргатской культуры: биоархеологический и палеогенетический обзор / С. В. Шарапова, А. С. Пилипенко, Д. И. Ражев, Р. О. Трапезов, С. В. Черданцев // Stratum Plus. 2020. № 3. С. 353–378.

Информационный потенциал разрушенных погребений саргатской культуры: курган Новопокровка 16 в Среднем Прииртышье / С. В. Шарапова, О. П. Бачура, М. А. Грачев, М. К. Карапетян, Д. В. Киселева, П. А. Косинцев, В. М. Костомаров, Т. Г. Окунева, Е. С. Шагалов, А. С. Якимов // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. С. 65–96.

К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) / А. С. Пилипенко, С. В. Черданцев, Р. О. Трапезов, М. А. Томилин, М. А. Балабанова, М. С. Пристяжнюк, А. А. Журавлев // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 4. С. 17–50.

Корякова Л. Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1977. С. 134–151.

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Корякова Л. Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 113–169.

Крадин Н. Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021. 336 с.

Курганы саргатской культуры Среднего Прииртышья: новые подходы к оценке социального ландшафта / М. А. Грачев, О. Ю. Зимина, Н. В. Приходько, С. В. Шарапова // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 4. С. 53–74.

Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Могильников В. А. К характеристике культуры лесостепного Прииртышья в VII–VI вв. до н. э. // КСИА. 1984. Вып. 184. С. 3–7.

Могильников В. А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 274–311.

Ольховский В. С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 114–136.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Стоянов В. Е. О могильниках зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973. Вып. 12. С. 44–57.

Хабдулина М. К. Итоги изучения улубай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 35–58.

Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Павлодар: ТОО НПФ, ЭКО, 2006. 390 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

А. М. Воронцов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ВЕРХОВЬЯ ОКИ И ДОНА В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КУЛЬТУР ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. На территории Окско-Донского водораздела выявлена новая группа памятников типа Воздремо (сер. III–IV в.). Она отличается своеобразием («западные» влияния, ремесленный характер поселений), занимает часть территории мощинской культуры (граница лесной зоны) и включает поселения и могильники с трупосожжениями. Ее открытие корректирует понимание процесса сложения системы культур позднеримского времени в регионе.

Ключевые слова: мощинская культура, памятники типа Каширки-Седелок, середина III века, фибулы типа Альмгрен-VII

Исследование проведено в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

Для изучения раннеславянских культур и их соседей особое значение имеет анализ узловых точек процессов их развития, одной из которых является период формирования системы культур позднеримского времени, пришедшийся на время около середины III в. н. э. Одним из ключевых для понимания этого процесса регионов является территория, включающая часть пограничья лесной и лесостепной зон между верховьями Оки и Дона.

В бассейне верхней и средней Оки в это время возникает устойчивая система культур, с небольшими изменениями просуществовавшая вплоть до финала эпохи Великого переселения народов (середина VII в.). Она представляется следующим образом: бассейн верхней Оки до впадения р. Осетр по правому берегу и до устья р. Протва по левому занимают памятники мощинской культуры; севернее, в Москворечье, расположены памятники позднедьяковской культуры, на средней Оке находятся памятники культуры рязано-окских финнов.

В соседнем лесостепном Подонье ситуация более динамичная, характеризующаяся частой сменой культурных групп и даже периодами запустения территории. Но этот район претендует на роль проводника культурных влияний со стороны лесостепного мира на территорию окраинных «лесных» культур верхней и средней Оки.

В середине III века на верхнем Дону возникает новая культурная группа – памятники типа Каширки-Седелок, которые сменяют группировку лесостепного «позднескифского» населения [Обломский, 2021, с. 473–483]. Верхняя граница их бытования в целом определяется началом IV в., но не исключено их существование вплоть до его середины. Население, оставившее эти поселения, проникает сюда из ареала формирующейся черняховской культуры, находясь под ее сильным влиянием. В его составе преобладает раннеславянский компонент – носители традиций киевской культуры востока лесостепного Поднепровья.

Мощинская культура формируется на верхней Оке переселившимися из Подесенья носителями позднезарубинецких традиций (памятники типа Почепа). Древности 1-го культурно-хронологического горизонта мощинской культуры, характеризующиеся присутствием украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей, датируются серединой – второй половиной III в. [Воронцов, 2013, с. 26–27].

До последнего времени ощутимое западное (черняховское) влияние на памятники Окско-Донского водораздела, как считалось, вероятнее всего, опосредованное населением памятников типа Каширки-Седелок, связывалось со 2-м культурно-хронологическим горизонтом, дати-

© Воронцов А. М., 2025

рующимся рубежом III–IV вв. – серединой IV в. [Воронцов, 2013, с. 29–32].

Новые исследования позволяют серьезно скорректировать эту картину. На Окско-Донском водоразделе была открыта новая группа памятников типа Воздремо, обладающих культурным своеобразием. В основном это небольшие селища, не связанные с городищами, расположенные вдоль южной границы лесной зоны, занимающие только окраину мощинского ареала [Воронцов, 2022, с. 149–150, рис. 7]. На одном из селищ – Супруты 6, – входящих в эту группу, проведены раскопки, результаты которых полностью опубликованы [Воронцов, Столяров, 2020]. На большинстве из них есть следы железоделательного, кузнечного и бронзолитейного производств. С селищами связаны два могильника с грунтовыми кремациями.

Одной из самых ярких групп находок, происходящих с этих памятников, являются бронзовые фибулы, самые массовые из которых двучленные застежки с очень высоким приемником группы VII по О. Альмгрену [Almgren, 1923, s. 90–98]. Все они имеют «западное» происхождение и были бы не удивительны на вельбарских памятниках в комплексах фаз С1в (220–260 гг.) и С2 (260–300/320 гг.), скорее, ее начальной стадии. Так же они вполне соответствуют раннему этапу формирования черняховской культуры. На двух селищах в поречье Упы – Павловское 5 и Супруты 7 – найдены следы бронзолитейных мастерских, занимавшихся производством фибул, относящихся к группе Альмгрен-VII. В обоих случаях найдены полуфабрикаты – необработанные отливки фибул, а также отходы производства – оплавки, литники и глиняная льячка.

Памятники мощинской культуры изучаются уже более столетия, но ранее таких находок не было. Они полностью отсутствуют на мощинских городищах – традиционных объектах исследований. Связанные с ними селища, расположенные непосредственно за валами и в ближайшей округе, по всей видимости, отражают зону хозяйственного освоения городищ и также не дают интересующих нас предметов.

Памятники типа Воздремо, кроме фибул, характеризуют еще целый ряд «западных» находок, в том числе предметов вооружения, таких как умбон щита, наконечники копий, дротика, топоры, не имеющие аналогий на мощинских городищах [Воронцов, Столяров, 2020, с. 114, 115, рис. 7: 1–5]. В то же время керамическая традиция этих памятников – практически полностью мощинская, включая комплексы из изученных раскопками построек. Исключение составляют только несколько фрагментов черняховской круговой посуды и единичные фрагменты лепной посуды, пока не поддающиеся интерпретации [Воронцов, Столяров, 2020, с. 112, 115, 116, рис. 10–12].

Исходя из анализа всего комплекса фибул западного происхождения и монетных находок, таких как антониниан Галлиена, появление группы населения, принесшей на верхнюю Оку традицию использования и изготовления фибул группы Альмгрен-VII и других предметов западного происхождения, может быть датировано 60-ми – 70-ми гг. III в. Они пришли на территорию, недавно заселенную носителями мощинской культуры, активно использовавшими украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Таким образом, контакты с носителями «западных» традиций, а возможно, и их присутствие на верхней Оке, начинаются уже на этапе формирования мощинской культуры.

Население появившихся на окраине лесной зоны поселков, вероятнее всего, было смешанным, что доказывается характером керамического и вещевого комплексов. Памятники этой группы продолжают свое существование, по крайней мере, до конца IV в.

В ходе коллективной работы, посвященной изучению северо-восточной зоны распространения фибул с высоким приемником группы Альмгрен-VII, был составлен полный каталог находок, анализ которого позволил сделать еще ряд выводов, касающихся интересующего нас региона [Воронцов, Гавритухин, Радюш, в печати].

Достаточно большое количество их найдено на верхнем Дону, возможно,

связано с памятниками типа Каширки-Седелок и маркирует время их возникновения.

Кроме того, группа случайных находок застежек этого типа зафиксирована на средней Оке, в ареале памятников рязано-окских финнов. При этом среди материалов могильников их нет. Возможно, они также маркируют проникновение в этот регион небольшой группы населения, носителей «западных» традиций. Поскольку поселенческие памятники здесь практически не изучались раскопками, говорить о том, существует ли на средней Оке какая-либо группа памятников, связанная с ней, в настоящий момент невозможно.

Список источников

Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013. 173 с.

Воронцов А. М. Позднеримское время и эпоха Великого переселения народов (конец II–VII век) // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2022. С. 142–184.

Воронцов А. М., Гавритухин И. О., Радюш О. А. Северо-восточная зона распространения фибул с высоким приемником (группы Almgren-VII) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле» (в печати).

Воронцов А. М., Столяров Е. В. Поселение Супруты 6 (середина III–IV вв.) на верхней Оке // Между Востоком и Западом (Inter Orientem et Occidentem). Остроготика. Т. 3. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2020. С. 109–130.

Обломский А. М. Ранние славяне в лесостепном Подонье в III–VII вв. // Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. С. 461–648.

Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch, 1923. 254 S.

А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

О ПОРТУПЕЕ БОСПОРСКИХ ВОИНОВ В ПОЗДНЕАНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Аннотация. На основе археологических материалов Фанагории реконструированы основные виды портупеи боспорских всадников, соотнесенные по изобразительным источникам с «иранской» (меч крепится на поясе) и «римской» (меч носится на ремне через плечо) портупеями. Факт ношения восточного меча по римским канонам свидетельствует о синтезе традиций Восточной Римской империи и Сасанидского Ирана в воинской субкультуре Боспора Киммерийского эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова: Боспор, Римская империя, Сасанидский Иран, Фанагория, гуннское время, всадники

Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ ЕГИСУ НИОКТР 12201 1200269-4).

В позднеантичное время воинские традиции глубоко проникают в костюм боспорской знати [Ворошилов, Ворошилова, 2023, с. 301], формируя представительный корпус археологических маркеров воинской субкультуры, актуальных и без обязательного присутствия в археологическом комплексе предметов вооружения и/или снаряжения боевого коня. Одним из них является костюм, в частности – ременное снаряжение, амуниция воинов, захороненных в позднеантичных гробни-

© Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2025

цах Боспора. Обязательным атрибутом портупеи и других элементов обмундирования эпохи переселения народов является металлическая фурнитура: пряжки, наконечники ремней и их распределители. Самыми информативными комплексами являются те, где встречен максимально полный набор этой фурнитуры. Цель настоящей работы – предварительная интерпретация таких комплексов, происходящих из столичного некрополя Азиатского Боспора.

Важными для изучения воинской амуниции стали находки из грунтовых склепов 34/2005 и 315/2019, в которых находились *in situ* останки знатных воинов и их потомков. В погребении 34/2005 обнаружены останки всадника-копейщика с полным набором ременного снаряжения. В двухкамерной гробнице 315/2019 выявлено два захоронения профессиональных воинов и погребения трех мальчиков 5–7 лет, погребенных без оружия, но, как и взрослые, в полной амуниции. Из южной камеры происходит захоронение воина с копьем. В северной камере обнаружено захоронение знатного всадника, обладателя дорогого восточного меча с рукоятью, украшенной золотом [Ворошилов, Ворошилова, 2019, с. 174–181; Казанский, 2022, с. 181], и трех детей.

Проявлением высокой значимости воинской субкультуры эпохи Великого переселения народов для городской элиты стало использование элементов воинского снаряжения в детском костюме, который в значительной степени подражал одежде воинов-всадников. Мужская мода населения Боспора раннегунского времени формировалась под влиянием всаднической культуры. Можно с уверенностью утверждать, что погребальные комплексы взрослых мужчин и мальчиков, погребенных без оружия, но в полной амуниции, могут выступать в роли полноценного источника для изучения воинских традиций Боспора в позднеантичную эпоху.

Обнаруженные в этих захоронениях элементы ременных гарнитуров характерны для фаз D1–D2 европейской хронологической системы и датируются второй половиной IV – первой половиной V в.

Анализ археологических данных позволил сделать предварительные выводы о вариативности портупеи боспорских всадников этого времени. Изученные контексты свидетельствуют об использовании воинами позднеантичной Фанагории нескольких ее разновидностей. Наиболее информативными для реконструкции являются два комплекса – 34/2005 и 315/2019, где предметы максимально сохранили свое положение на скелете.

Нам удалось реконструировать два основных типа портупеи воинов позднеантичного Боспора (рис. 1), остальные случаи, вероятно, являются разновидностями и синтетическими вариациями этих типов ременного снаряжения и требуют дальнейшего детального изучения.

Первый тип портупеи выявлен у всадника-копейщика из погребения 34/2005. Положение элементов его ременного снаряжения свидетельствует о наличии у воина портупеи с поясным и двумя плечевыми ремнями, перекрещенными на груди.

Второй вид портупеи достоверно зафиксирован на теле всадника-мечника из погребения 315/2019 ск. 2 гр. Контекст находок пряжек в этом комплексе отражает ношение меча на широком ремне-перевязи слева, при этом сам ремень опирался на правое плечо и спускался от него к левому бедру, где и застегивался самой крупной пряжкой гарнитура. Вторая, меньшая по размеру, пряжка, вероятно, фиксировала один из ремней нижней портупеи, возможно, являясь нижней точкой крепления ножен.

Остальные наборы ременной гарнитуры Фанагории отличаются менее выразительным археологическим контекстом. Положение пряжек на теле остальных погребенных мужского пола из склепа 315/2019 имеет неоднозначный контекст с довольно обширной вариативностью интерпретаций. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что облако возможных реконструкций в той или иной степени будет формироваться вокруг выделенных нами

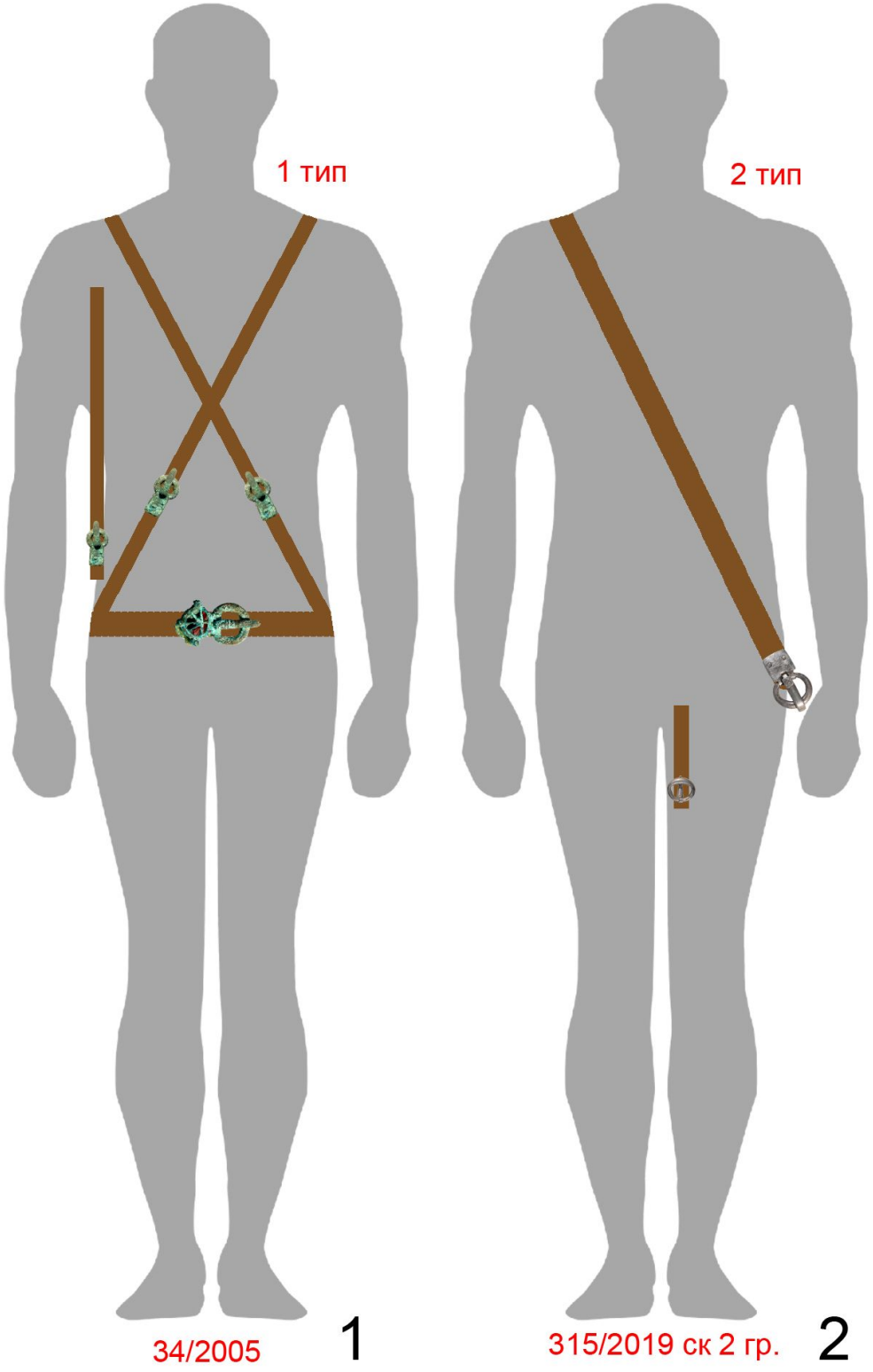

Рис. 1. Реконструкция портупеи воинов

основных типов. Представляется перспективным дальнейшее изучение всей совокупности боспорских комплексов с ременным снаряжением гуннского времени по представленной схеме. Не вызывает сомнений, что реализация этого проекта позволит в будущем детализировать наши представления о воинском ременном снаряжении Боспора Киммерийского эпохи Великого переселения народов.

Сопоставление наших «археологических» реконструкций портупеи с изображениями воинов [Казанский, 2023, с. 141–148] позволяет предположить, что первый тип

может быть соотнесен с «иранской» портупеей, когда меч крепится ремнями на поясе воина. Второй выделенный нами тип более однозначно, чем первый, может быть интерпретирован как «римская» портупея, когда меч носится на портупейном ремне через плечо.

На фоне проделанной нами реконструкции и ее сопоставления с данными изобразительных источников довольно иронично выглядит выявленная ситуация организации паноплии знатного воина из склепа 315/2019. Как нам удалось выяснить, этот воин-всадник носил свой дорогой «иранский» меч [Ворошилов, Ворошилова, 2019, с. 174–181] на ярко выраженной «римской» портупее. Это наблюдение в очередной раз свидетельствует о том, что паноплия и престижный воинский костюм позднебоспорской знати формируется и развивается в синкретическом русле двух традиций, связанных с великими державами древности – римско-византийской и иранской [Казанский, Мастыкова, 2023, с. 181]. Установленный факт крепления восточного клинкового оружия боспорского воина в соответствии с римским каноном является яркой иллюстрацией глубокого проникновения традиций Восточной Римской империи и сасанидского Ирана в воинскую аристократическую культуру Боспора Киммерийского в эпоху Великого переселения народов.

Список источников

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 174–181.

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М. Воинские традиции в детском костюме элиты позднеантичной Фанагории // Stratum plus. 2023. № 4. С. 289–303.

Казанский М. М. «Парадные» мечи эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. 2022. Вып. XLIV. С. 177–201.

Казанский М. М. Два вида портупей в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XV Международный византийский семинар. Симферополь: Изд-во тип. «Ариал», 2023. С. 141–148.

Казанский М. М., Мастыкова А. В. Престижное оружие, конское снаряжение и воинский убор эпохи великого переселения народов на Боспоре Киммерийском // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 161–217.

И. О. Гавритухин
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

АССИМИЛЯЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ХОДЕ РАННЕСЛАВЯНСКИХ МИГРАЦИЙ

Аннотация. В работе выделено десять моделей миграцинно-ассимиляционных процессов, зафиксированных для раннеславянских культур. Они проиллюстрированы конкретными примерами, связанными главным образом с памятниками киевской (III – ранний V в.) и пражской культур (в пределах IV–VII вв.), в отношении которых проводились специальные исследования таких процессов.

Ключевые слова: славяне, I–VII вв. н. э., миграции, ассимиляция, модели исторических процессов

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

В истории большинства славянских народов важное место занимают миграции. Это касается и раннеславянских общностей. Показательна пражская культура

© Гавритухин И. О., 2025

(около середины IV – середина / вторая половина VII в.), распространившаяся от Эльбы до Среднего Днепра, от Балтийского моря до Дуная, а связанные с ней памятники известны до Регенсбурга, Восточных Альп, ряда регионов на Балканах [Гавритухин, 2024, с. 21–23, 35, рис. 1). Эти древности и, что особенно важно, направление их развития (судя по эволюции керамических наборов) весьма похожи. Видимо, исток этих традиций связан с небольшой территорией, где они оформились. Наиболее ранние наборы пражской керамики выделяются в Белорусском Полесье. Однако непонятен механизм того, как пражские традиции из небольшого и не самого благоприятного для проживания региона распространились на огромные территории. Ведь из демографических и общеисторических соображений невозможно представить, чтобы люди из Полесья за два-четыре столетия могли сменить основное население пространств, несопоставимых по площади и экономическому потенциалу с «исходной» землей.

Одним из способов резкого увеличения демографического потенциала общности в ходе ее миграций является ассимиляция местного населения. Пока остановимся на процессах, связанных с массовыми миграциями. В работах о южных славянах указание на ассимиляцию и/или культурный синтез является общим местом (многие авторы этим и ограничиваются). Мало разработаны эти вопросы и для лесной зоны Восточной Европы, а тезисы об ассимиляции некоего (финского?) субстрата в культуре псковских длинных курганов, «славянизации» т. н. днепровских «балтов» (напр., носителей тушемлинской культуры – по В. В. Седову) и т. д. остаются практически декларативными. Более конкретные наблюдения есть над некоторыми материалами пражской (см. выше) и киевской (III – ранний V в., лесное и значительная часть лесостепного Поднепровья, некоторые примыкающие территории, анклавы в лесостепи бассейнов Дона и Волги) культур. При соответствующей отработке такие или другие модели могут быть выделены по материалам других раннеславянских (и не только) культурных групп.

А – местная эволюция без массовых миграций. Для пражской культуры отметим поселение Петриков (Припятское Полесье), где открыты комплексы нескольких фаз пражской культуры, и материалы, отражающие формирование этих традиций [Белевец, Вяргей, 2020]. По той же модели или посредством микромиграций носителей одной традиции появились и другие пражские поселения в этом регионе.

Б – приход населения в места запустения. Пример тому – поселение Пархомовка (лесостепь Южного Буга) с материалами нескольких фаз пражской культуры [Гавритухин, 2017]. В том же регионе известны и черняховсие памятники (Курники и др.). Их поздние комплексы, как и ранние пражские, относятся к раннегуннскому времени (четвертая четверть IV – ранний V в.), но никаких свидетельств контактов пришельцев с предшествующим населением нет. В дальнейшем здесь наблюдается развитие пражских традиций.

В – изгнание / уничтожение пришельцами части местного населения и включение его остатков в новую общность. Показательно поселение Глеваха на севере Среднего Поднепровья [Терпиловский, 1989]. Ранний горизонт (середина III – ранний IV в.) здесь представлен киевской культурой; два поздних (не ранний IV в.) – вельбарским (связываемым с германцами) компонентом черняховской культуры. В III в. киевские памятники занимали весь этот регион, появившиеся черняховско-вельбарские приурочены к лесостепным ландшафтам, как и многокомпонентные (включая и киевский компонент) черняховские поселки. По-видимому, пришельцы заняли нужные им земли, вытеснив или уничтожив часть местного населения, а его остатки включив в новый культурный контекст. Начавшиеся ассимиляционные процессы остались незавершенными в связи с финалом черняховской культуры в раннегунское время.

Г – расселение пришельцев сравнительно недалеко от поселков местного населения и последующая его ассимиляция. Показателен случай с фибулами варианта Березец (зафиксирован во Львовской области, датируется в рамках последних десятилетий IV – начала / первой половины V в.). Одна из них происходит из объекта 7 поселения Запытов-IV [Результати…, 2010], с материалами, обычными для рассматриваемого региона в римское время (стык черняховских, пшеворских и вельбарских традиций). Практически идентичная фибула найдена в жилище 2/1981 на поселении Березец – «За рудкою» [Цигилик, 1997]. Этот комплекс типичен для ранних фаз пражской культуры, которая и определила облик региона в последующее время.

Д – подселение пришельцев к поселку местного населения и его ассимиляция. Для пражской культуры это продемонстрировано на материалах поселений Кодын 1 и 2 (Северная Буковина) [Русанова, Тимощук, 1984]. Здесь выделены «чистые» комплексы местной культуры карпатских курганов, период сосуществования носителей этой и пришлой пражской культуры, возобладание в итоге пражских традиций.

Е – поселение на одном новом месте разных групп населения. Примером этого служат материалы поселения середины III – начала V в. Журавка (лесостепное междуречье Южного Буга и Днепра). Прослежено [Обломский, 2010], что этот поселок возник в виде трех «хуторов» носителей разных культурных традиций (вельбарской, киевской, верхнеднестровской), в рамках черняховской общности. Конкретные формы взаимоотношения этих компонентов проследить трудно, так как в поздних комплексах господствует круговая керамика единой черняховской традиции.

Ж – активное взаимодействие разных пришлых групп при сохранении собственной культурной обособленности. Эту модель демонстрируют взаимоотношения славян и лангобардов в Среднем Подунавье между концом V в. и 568 г. и по письменным, и по археологическим источникам [Гавритухин, 2009, с. 14; 2015, с. 18–20].

З – инициированное извне расселение анклава в иной среде. Такой модели, вероятно, соответствует привлекший внимание ряда славистов могильник Гросспрюфенниг близ Регенсбурга [Гавритухин, 2015, с. 19, 20]. Многие специалисты связывают его с поселенцами-славянами, из которых баварским герцогом формировались военные отряды. Той же модели соответствует расселение византийцами групп славян для противодействия иранской, затем арабской экспансии и долгое сохранение их компактных групп на Ближнем Востоке [Мишин, 2002, с. 101–136].

И – привлечение пришельцами в свои поселки инокультурного населения. С этой моделью связано своеобразие памятников круга Ипотешть – Кындешть – Чурел на левобережье Нижнего Дуная. Наряду с пражскими, в них прослеживаются не местные позднеантичные компоненты. Кроме торговых контактов, вещей и навыков, полученных славянами во время пребывания в Империи ромеев (от службы в ее армии до набегов на ее земли), это объяснимо наличием толп пленных, угнанных славянами во время нападений на Балканы, из которых часть отпускали за выкуп, остальные оставались и были ассимилированы [Гавритухин, 2009, с. 13].

К – периодическое пребывание господ в поселках подчиненного населения. Эта модель зафиксирована письменными источниками для некоторых групп славян, порабощенных аварами. Очевидно, что конкретно показать на материалах памятников Аварского каганата с пражским компонентом наличие именно этой модели затруднительно, но они ей и не противоречат.

Список источников

Белявец В. Г., Вяргей В. С. Матэрыялы жалезнага веку з селішча Петрыкаў-2 // История вещей – история и вещи. М.: ИА РАН, 2020. С. 168–183.

Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 7–25.

Гавритухин И. О. Дунайский «страт» раннеславянской археологии // Stratum plus. 2015. № 5. С. 17–26.
Гавритухин И. О. К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. М.: ИА РАН, 2017. С. 51–62.
Гавритухин И. О. Пражская культура // История России в 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2024. С. 19–35.
Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2002. 368 с.
Обломский А. М. Материалы поселения Журавка Ольшанская // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. М.: ИА РАН, 2010. С. 144–260.
Результати археологічних досліджень на пам'ятці Запитів IV Кам'янко-Бузького району Львівської області / В. Шишак, Є. Ткач, Н. Войтович, Б. Сало // Археологічні дослідження Львівського університету. Вип. 13. 2010. С. 239–258.
Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М.: Наука, 1984. 88 с.
Терпиловский Р. В. К проблеме контактов киевской и вельбарской культур // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1989. Т. 2. С. 231–247.
Цигилик В. М. Нові пізньочерняхівські житла на Львівщині // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів: «РАС», 1997. С. 104–110.

В. В. Горбунов
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

РАЗВИТИЕ ДЛИННОКЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ У КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ХУННО-СЯНЬБИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Анализируются находки длинноклинкового оружия из памятников II в. до н. э. – V в. н. э. известных этносов – хунну и сяньби – и ряда одновременных им археологических культур. Дается определение этого оружия, приводятся его основные признаки и параметры. Рассматриваются изменения, которые происходили в оформлении мечей, время появления сабли, этнокультурные традиции, с которыми они были связаны.

Ключевые слова: мечи, сабли, кочевники

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Клинковое оружие представляет собой монолитную конструкцию, состоящую из поражающей части (клинок) и меньшей по размерам несущей части (рукоять). У рукояти часто перекрестие, навершие и ряд других деталей – отдельные элементы [Горбунов, 2006, с. 57]. Основными видами клинкового оружия являются ножи, кинжалы, мечи и сабли. Из них два первых можно определить как коротко-клинковое оружие, а два последних как длинноклинковое.

Центральноазиатские кочевники в позднекарасукское и раннескифское время уже использовали разные виды клинкового оружия. По изображениям на «оленных» камнях и реальным предметам можно говорить о применении ножей, кинжалов и мечей [Лихачева, 2024, с. 14–17, рис. 1–3]. Позднее, в скифо-сакское время, у номадов Центральной Азии господствует коротко-клинковое оружие [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 158, рис. 37].

В конце III в. до н. э., с образованием державы хунну, в центральноазиатском комплексе вооружения снова появляются мечи. В памятниках хунну они представлены железными изделиями [Худяков, 1986, с. 43, рис. 11; Миняев, 2007, табл. 30; Исследование…, 2021, с. 55]. Это двухлезвийные мечи с линзовидным в сечении клинком, пятиугольным перекрестием и колпачковым навершием (рис. 1, *1*), с ромбовидным в сечении клинком и простой рукоятью из черена и обкладки (рис. 1, *2*), однолезвийные мечи с крюко-

© Горбунов В. В., 2025

вым навершием (рис. 1, *3*) или без него (рис. 1, *4*). Размеры мечей: длина клинка 44,5–70,0 см, его ширина 2,5–4,8 см, длина рукояти 12–23 см.

На рубеже I/II вв. политическое доминирование в Центральной Азии переходит к сяньби, в памятниках которых количество длинноклинкового оружия заметно возрастает [Открытие…, 2004, с. 31, 77; Бобров, Худяков, 2005, с. 119, рис. 6]. В этой группе оружия можно выделить: двухлезвийные мечи с ромбовидным в сечении клинком, дисковым навершием, пятиугольным (рис. 1, *5*) и прямоугольным (рис. 1, *10*) перекрестием; мечи с линзовидным в сечении клинком, обоймой на рукояти и дисковым навершием (рис. 1, *6*), прямоугольным перекрестием и кольцевым навершием (рис. 1, *11*); однолезвийные мечи с кольцевым навершием (рис. 1, *7–9, 12, 13*). Их параметры: 32–76×2,9–4,0×11,5–20,8 см. Ближе к концу IV в. у сяньби появляются сабли с кольцевым навершием размерами 48×2,8×13,2 см (рис. 1, *14*).

В сяньбийский период мечи распространяются у номадов Тувы [Худяков, 1986, с. 79–81, рис. 31]. Их представляют модели из дерева и железа, имитирующие оружие в ножнах или без, общей длиной 16–64,5 см. Судя по сечению клинков, преобладают однолезвийные мечи (рис. 1, *16, 21, 25*), но есть и двухлезвийные (рис. 1, *15*). Рукояти простые (рис. 1, *24*), с прямоугольным перекрестием (рис. 1, *15, 16, 18*), крюковым (рис. 1, *25*), кольцевым (рис. 1, *15, 16*), круглым (рис. 1, *17*) и клювовидным (рис. 1, *22, 23*) навершием или ребристой формы с заостренным навершием (рис. 1, *18–21*).

Кочевники Алтая в хуннский и раннесяньбийский период используют двухлезвийные мечи с линзовидным в сечении клинком и простой рукоятью размерами 77,4×4–4,5×12–17,1 см (рис. 1, *26, 27*). С середины IV в. количество и разнообразие такого оружия увеличивается [Горбунов, 2006, с. 72, рис. 48]. Помимо двухлезвийных мечей (рис. 1, *29*), появляются однолезвийные мечи с простой рукоятью (рис. 1, *28*), с крюковым навершием (рис. 1, *30*), с обоймой и дисковым навершием (рис. 1, *31*), с перекрестием и кольцевым навершием (рис. 1, *32*) размерами 43–77×2,3–4×6,6–15 см.

На территории Минусинской котловины известно три меча сяньбийского периода [Худяков, 1986, с. 100–102, рис. 40]. Это двухлезвийный экземпляр с ромбовидным в сечении клинком и шипастым перекрестием (рис. 1, *33*), двухлезвийное изделие с линзовидным в сечении клинком и кольцевым навершием (рис. 1, *34*) и однолезвийный экземпляр с прямоугольным перекрестием и крюковым навершием (рис. 1, *35*) размерами 36–51×2,8–4x10–16 см.

Рассмотренные материалы говорят о том, что у кочевников Центральной Азии в хунно-сяньбийское время главным клинковым оружием становятся двухлезвийные и однолезвийные мечи. Во II в. до н. э. – I в. н. э. их применяли в основном сами хунну. Двухлезвийные образцы они могли заимствовать у саков, тогда как однолезвийные экземпляры были продуктом местного развития за счет увеличения длины боевых ножей. Отличительными деталями хуннского оружия выступают колпачковые и крюковые навершия, а пятиугольные перекрестия заимствованы из Китая. Во II–III вв. интенсивное развитие мечей наблюдается у сяньби, которые основные типы наследуют из хуннской традиции, но снабжают свои изделия новыми деталями: прямоугольными перекрестиями, кольцевыми и дисковыми навершиями и обоймами. Прототипами сяньбийских сабель могли послужить позднеханьские изогнутые клинки [Бобров, Худяков, 2005, с. 120].

Хуннские и сяньбийские образцы заимствуют номады Южной Сибири, но в оформлении их мечей есть своеобразные черты, в основном заметные по кокэльским моделям. В IV/V вв. у кочевников Алтая и Минусы появляются мечи с более выраженными перекрестиями (рис. 1, *32, 35*), что станет характерным для длинноклинкового оружия в эпоху Средневековья.

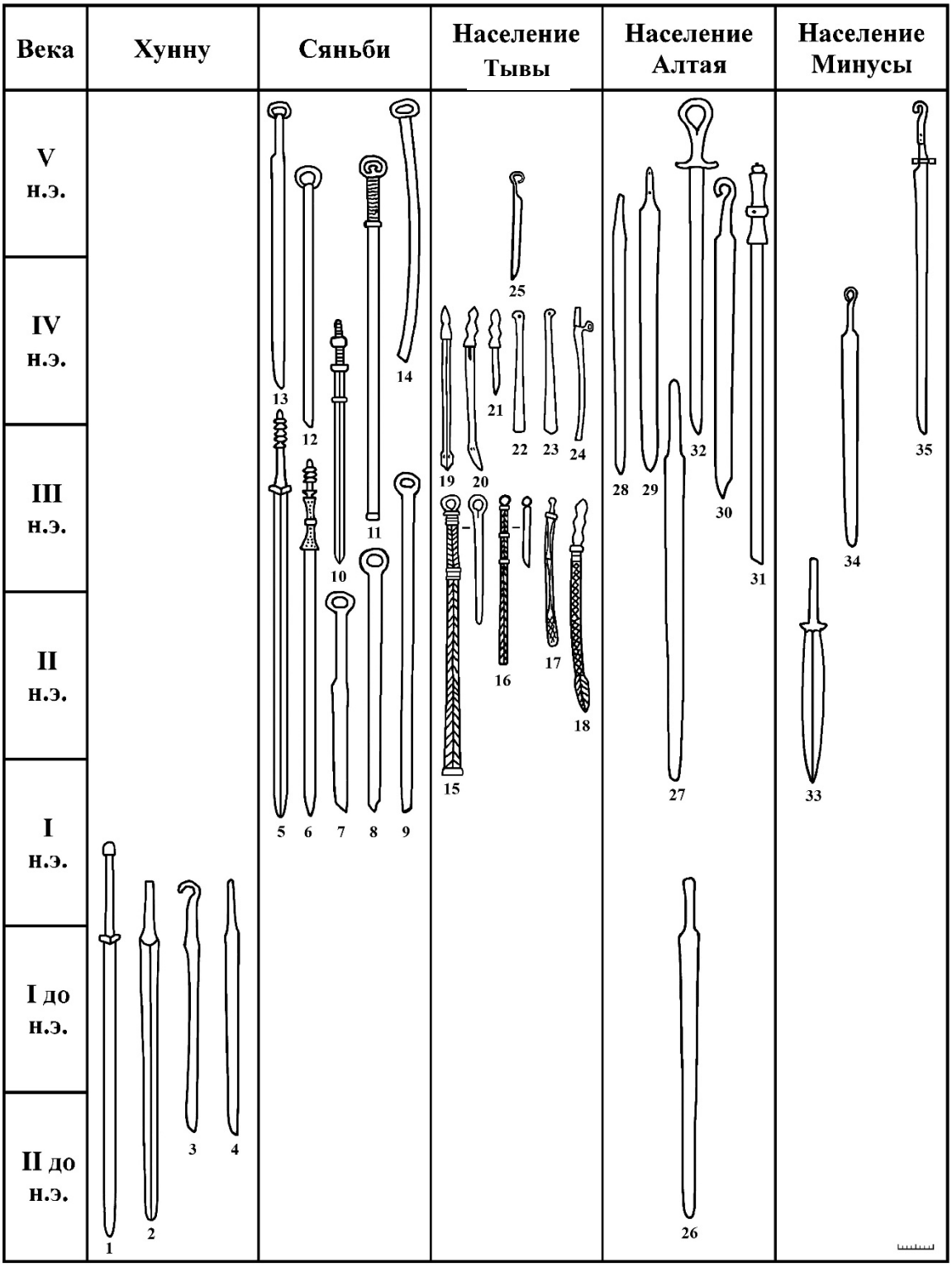

Рис. 1. Схема развития длинноклинкового оружия Центральной Азии во II в. до н. э. – V в. н. э.

Список истчоников

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. С. 80–199.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Исследование элитных погребений хунну на Гол Мод-2 в Балгасын тал / под. ред. Д. Эрдэнэбаатар. Улаанбаатар: Улаанбаатарын Их Сургуулийн, 2021. 197 с. (на монг. яз.).

Лихачева О. С. Критерии разграничения различных видов клинкового оружия (кинжалы, мечи, ножи) по изображениям на «оленных» камнях // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36. № 3. С. 9–21.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 233 с.

Открытие и изучение сяньбэйских могильников во Внутренней Монголии / под. ред. Вэй Цзянь. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. 335 с. (на кит. яз.).

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.

Е. В. Губенко, Ю. С. Губар, Р. В. Давыдов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУСИН ИЗ ТАШТЫКСКОГО МОГИЛЬНИКА ТЕСИНСКИЙ ЗАЛИВ-3

Аннотация. В работе представлены результаты исследования технологии изготовления 13 каменных и стеклянных бусин из таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Средний Енисей, I–IV вв. н. э.). Выявлены и охарактеризованы четыре последовательных технологических этапа изготовления каменных бусин. Химический состав стеклянных украшений указал на импорт изделий из средиземноморского центра стеклоделия.

Ключевые слова: Средний Енисей, гунно-сарматское время, таштыкская культура, технология, импортные украшения

Исследование проведено в рамках проекта РНФ 25-28-00236 «Бусы народов степной зоны Среднего Енисея раннего железного и гунно-сарматского времени: междисциплинарное исследование технологии производства».

Гунно-сарматское время на территории Хакасско-Минусинской котловины характеризуется периодом существования таштыкской культуры (I–V вв. н. э.), на памятниках которой массово встречаются бусины из различных материалов: стекла, поделочного камня, кости, дерева [Вадецкая, 1999]. Данная категория украшений является ценным источником по изучению истории ремесла. Технологические приемы и способы изготовления бусин выступают одним из определяющих признаков археологической эпохи.

В процессе исследований таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (I–IV вв. н. э.), расположенного на береговой линии Красноярского водохранилища в Боградском районе Республики Хакасия, в могилах 2 и 2А обнаружены типологически разнообразные бусины (29 экз.) (рис. 1, *а*). Целью настоящей работы является реконструкция технологии изготовления данных артефактов. Из 29 экземпляров 13 представляют собой единичные уникальные изделия (4 каменных и 9 стеклянных). Остальные 16 – мелкий бисер из глухого стекла.

Исследование материала базировалось на методике трасологического анализа С. А. Семенова, технологического анализа приемов изготовления стеклянных украшений З. А. Львовой [Львова, 1979; Семенов, 1957]. Определение состава стекла производилось методом рамановской спектроскопии на микроскопе М532/785 («Спектр-М») лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН (лазер с длиной волны 532 нм, мощность 50 мВт).

Каменные украшения включают: 3 экз. зонных, в поперечном сечении шестигранных бусин оранжево-красного цвета и одну цилиндрическую, в поперечном сечении круглую бусину оранжево-красного цвета (рис. 1, *а 1–4*). Диаметр изделий – 6–7 мм.

© Губенко Е. В., Губар Ю. С., Давыдов Р. В., 2025

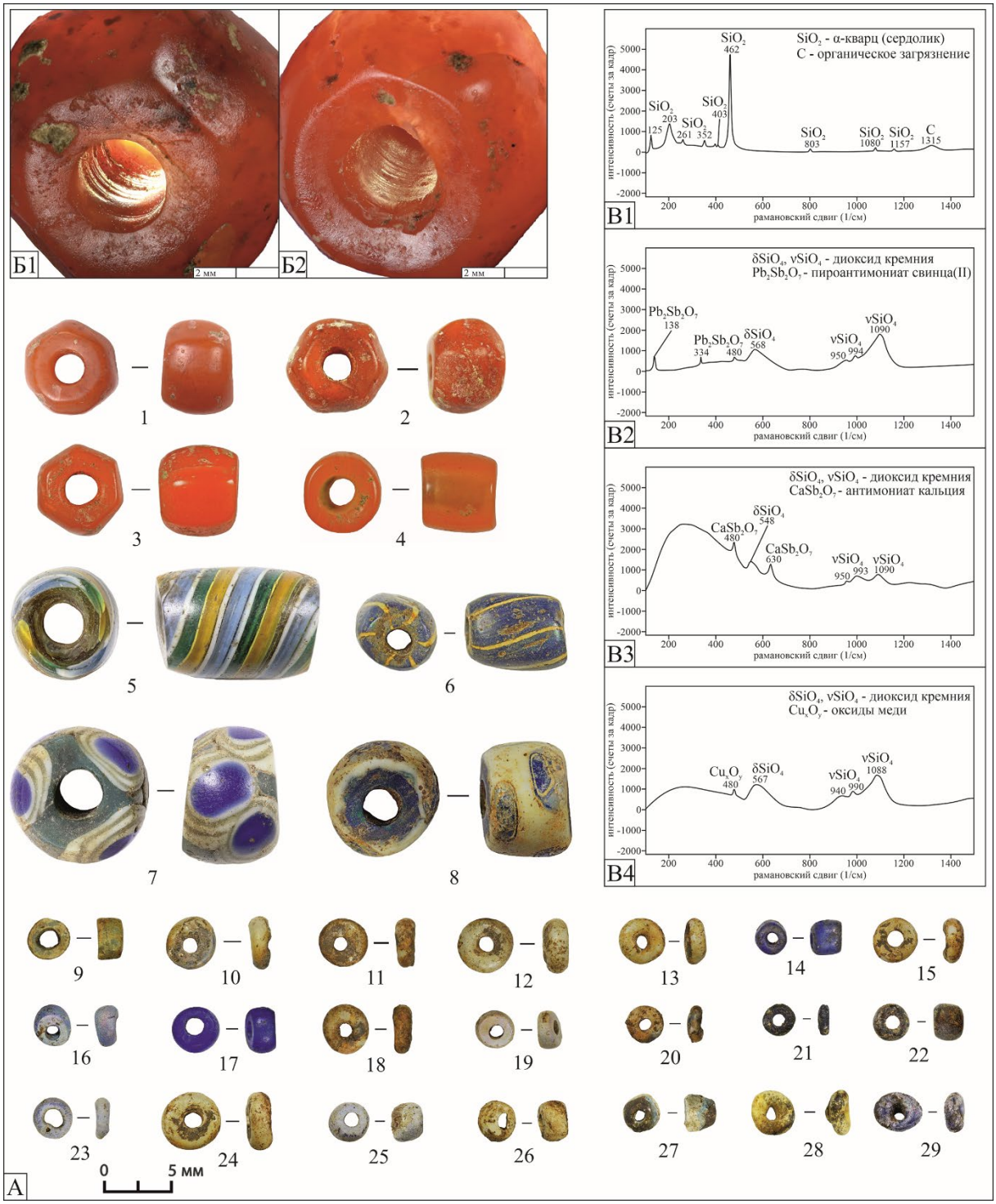

Рис. 1. Результаты исследования технологии изготовления бусин из таштыкского могильника Тесинский Залив-3: *а* – общий вид бусин; *б* – следы сверления каменных бусин; *в* – рамановские спектры материалов

В результате трасологического анализа были выявлены четыре последовательных технологических этапа их изготовления:

I этап – работа с заготовками. Обработка камня с помощью крупнозернистых абразивов.

II этап – сверление. Скоростное одностороннее или двустороннее сверление. Четкие и равномерные углубления на стенках длинной оси канала бусин свидетельствуют об использовании станкового приспособления с высокой скоростью вращения (рис. 1, *б*).

III этап – развальцовка. Сглаживание острых неровных окраин выхода сквозного канала.

IV этап – полировка. Притупление граней, удаление следов абразивной обработки.

Рамановская спектроскопия данных изделий (по 5 точек сбора спектров) пока-

зала, что они выполнены из одинакового чистого сердолика (α-кварц без следов моганита, пики 125, 203, 261, 352, 395, 403, 462, 803, 1080, 1157 см$^{-1}$) (рис. 1, *в1*) [Islam, Datchi, 2015].

Стеклянные украшения представлены четырьмя различными формами: зонные, в поперечном сечении круглые бусины оранжево-красного цвета (1 экз.) и с глазчатым орнаментом (2 экз.), кольцевидные, в поперечном сечении круглые бусины сине-голубого цвета (3 экз.) и желтого цвета (1 экз.), 1 экз. бочонковидной, в поперечном сечении круглой бусины сине-голубого цвета с желтым волнистым орнаментом и 1 экз. цилиндрической, в поперечном сечении круглой бусины с волнистым орнаментом. Диаметр изделий сильно варьируется – 3–10 мм (рис. 1, *а 5–8, 14, 16, 17, 22, 29*).

Все исследуемые стеклянные бусины были изготовлены делением тянутой трубочки или палочки. Часть изделий декорирована путем капанья (глазок) или наложения продольных волнистых и скошенных лент различных цветов.

Изучение состава стеклянных украшений (3–17 точек сбора спектров, в зависимости от сложности изделия) позволило установить, что все они изготовлены из содового ($Na_2O – CaO$) стекла (пики δSiO_4 544–579 см$^{-1}$, пики νSiO_4 940–950, 990–993, 1 085–1 100 см$^{-1}$). В качестве зеленого и желтого красителей применялись соединения свинца и сурьмы в форме пироантимониата свинца (II) ($Pb_2Sb_2O_7$, пики 138, 334, 480 см$^{-1}$). Синий окрас придавался стеклу за счет окислов меди (пики 480 см$^{-1}$). Белые прослойки изготовлены с использованием антимониата кальция ($CaSb_2O_7$, пики 480, 630 см$^{-1}$) (рис. 1, *в 2–4*) [Tournié, Prinsloo, Colomban, 2012; Zhao et al., 2013].

Изготовление каменных бусин из погребения 2А проходило по единой технологии. Не исключено, что они происходят из одного ремесленного центра и являются продукцией одного мастера. Ближайшие известные месторождения сердолика находятся на территории Центрального Казахстана, что, с учетом использования станкового сверления, позволяет предполагать импортное происхождение бусин.

В одном регионе также были изготовлены все стеклянные бусины, рассмотренные в работе. Содовое стекло с пироантимониатом свинца и антимониатом кальция в рассматриваемый период производилось в средиземноморском центре стеклоделия. Изделия оттуда распространялись в Причерноморье и через Центральную Азию по северным маршрутам до Китая [Галибин, 2001, с. 75–76; Zhao et al., 2013]. В том числе они известны и в материалах таких таштыкских погребальных памятников, как Комаркова, Первомайское, Салбык [Вадецкая, 1999, с. 67–68].

Таким образом, рассмотренные бусины являются свидетельством прямого или опосредованного участия населения Среднего Енисея гунно-сарматского времени в товарообмене по протяженным торговым путям, включающим Среднюю Азию и Восточное Средиземноморье.

Список источников

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Петербургское востоковедение. 1999. 440 с.

Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

Львова З. А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 90–103.

Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л.: Наука, 1957. 241 с.

Islam M. M., Dathi F. Polarized Raman Spectra of α Quartz // International Letters of Chemistry, Physics and Astronomy. 2015. Vol. 56. P. 91–98.

Tournié A., Prinsloo LC., Colomban P. Raman classification of glass beads excavated on Mapungubwe hill and K2, two archaeological sites in South Africa // Journal of Raman Spectroscopy. 2012. №43 (4). P. 532–542.

Zhao H. X., Li Q. H., Liu S., Gan F. X. Characterization of microcrystals in someancient glass beads from china by means ofconfocal Raman microspectroscopy // Journal of Raman Spectroscopy. 2013. № 44 (4). P. 643–649.

С. П. Нестеров
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

МАЛМЫЖСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ КУЛЬТУР НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПОЗДНЕГО ЭТАПА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И КАНУНА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. Предлагается в культурно-хронологической схеме конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. дальневосточного региона России, включающей польцевскую и кроуновскую культуры и польцевскую культурную общность, последнюю заменить на «малмыжскую археологическую культуру» аборигенного населения, потомков урильской культуры. Она и польцевская культура стали основой формирования амурских хэйшуй мохэ.

Ключевые слова: Восточное Приамурье, Приморье, польцевская, малмыжская культуры, польцевская культурная общность

Исследование выполнено в рамках проекта НИР «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья» (FWZG-2025-0002).

Культурно-хронологическая схема истории населения Восточного Приамурья в раннем железном веке у российских исследователей сложилась в 1960–1970 гг.: урильская – польцевская культуры, формирование которых предполагалось на местной основе. Китайские археологи для Нижнесунгарийской низменности выделяют культурный тип ваньяньхэ как вариант польцевской культуры, культуры гуньтулин (II в. до н. э. – II в. н. э.) и фэнлинь (II – IV–V вв. н. э.). В 2001 г. для конца I тыс. до н. э. – начала раннего Средневековья на Дальнем Востоке в IV–V вв. н. э. С. А. Коломиец вводит понятие «польцевская культурная общность», объединяющее локальные группы населения Приморья [Российский…, 2005, с. 385]. О. В. Дьякова и Е. В. Сидоренко предлагают оперировать понятиями «культуры польцевского круга» или «локальные варианты польцевской культуры» [2024, с. 12].

В основе же всех культурных образований находится польцевская культура, с которой не все так просто. После раскопок ряда памятников в Приамурье в 1960-х гг. А. П. Деревянко были определены ее три хронологических этапа: желтояровский – VII–VI вв. до н. э. (Жёлтый Яр, Кочковатка, Польце II, Рыбное Озеро II), польцевский – VI–II–I вв. до н. э. (Польце I, Амурский Санаторий) и кукелевский, выделенный на тот момент условно – I–IV вв. н. э. (Кочковатка II, Кукелево-Бензобаки). Однако он не исключал, «что между польцевской и мохэской культурами будет выделена еще одна промежуточная или переходная культура» [1976, с. 161]. По результатам анализа керамики Хон Хён У предложил обновленную периодизацию и хронологию польцевских памятников Восточного Приамурья: первый этап (Кочковатка II, Рыбное Озеро II) – VI–IV вв. до н. э., второй (Амурский Санаторий, Жёлтый Яр) – IV–III вв. до н. э., третий (Най I, Польце I, II) – II–I вв. до н. э. [2008, с. 21].

Новые радиоуглеродные датировки для жилищ поселения Жёлтый Яр показали, что данное место заселялось дважды. К раннему этапу (II в. до н. э.) относится жилище 1 (1967 г.) урильской культуры. Датировки жилищ 2 (1969 г.), 1 (2008 г.) и 2 (2009 г.) позволили определить поздний период серединой III – началом V в. н. э. [Яншина, 2010; Нестеров, 2023]. Таким образом, по хронологии и материалам памятник Жёлтый Яр исключается из первичной периодизации польцевской культуры. То же можно сказать и о поселении Амурский Санаторий, значительное количество сосудов которого имеет большое сходство с артефактами урильской культуры.

Типология позднего комплекса керамической посуды Жёлтого Яра была очерчена

© Нестеров С. П., 2025

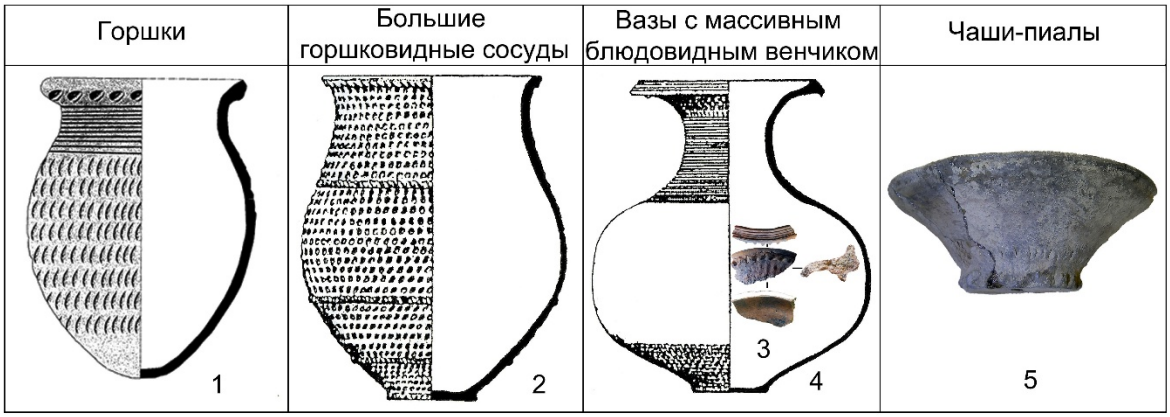

Рис. 1. Типы керамических сосудов малмыжской культуры: *1, 3, 5* – Желтый Яр; *2, 4* – Глазовка-городище; *1* – по: [Яншина, 2010, с. 262]; *2, 4* – по: [Российский Дальний Восток…, 2005, с. 391]; *3, 5* – Фондохранилище ИАЭТ СО РАН

О. В. Яншиной: горшки с плавно изогнутой *S*-образной горловиной; крупные толстостенные горшковидные сосуды с валиками по всему тулову; крупные вазы с невысокими горловинами, образующими с туловом угол, и блюдовидным венчиком с широким орнаментированным краем (уступом) (рис. 1, *1–4*). К данной типологии можно добавить чаши-пиалы (рис. 1, *5*). Аналогичные сосуды широко представлены не только в Приамурье, но и в Приморье [Яншина, 2010, с. 262–263, 271; Дьякова, Сидоренко, 2024, гл. II].

Для подобной керамики с Глазовки-городища С. А. Коломиец предложил несколько иной типологический ряд из 6 типов сосудов [Российский…, 2005, с. 382–383]. Однако разница между двумя озвученными типологиями заключается только в содержании конкретных типов и в их количестве. Возможно, такой подход к первичной классификации керамических сосудов отдельных памятников отчасти оправдан, хотя уже сейчас это создает определенную историографическую коллизию.

Большие тарные сосуды (рис. 1, *2*) иногда встречаются в жилищах Польце I, как и чаши-пиалы, характерные для многих дальневосточных культур. Остальные типы сосудов на раскопанной восточной части пос. Польце I пока не известны. Это отличие в гончарных формах, видимо, связано с происхождением польцевской культуры и культурного типа ваньяньхэ на Амуре.

Китайские исследователи увязывают его с миграцией протопольцевского населения с Ляодунского полуострова и нижней Ляохэ [Нестеров, Соболев, 2020, с. 271]. Радиоуглеродные определения 15 образцов с эпонимного для польцевской культуры поселения Польце I показали, что оно было основано в начале второй половины I в. до н. э., а сгорели его жилища единовременно в 80-е гг. I в. н. э.

В Приамурье мигранты испытали некоторое влияние позднеурильского населения конца I тыс. до н. э. и постурильских аборигенов начала I тыс. н. э. Последние своим происхождением были связаны с хозяйственно-культурной эволюцией носителей позднего этапа урильской культуры.

Типы керамической посуды с поселений Малмыж-1, Жёлтый Яр и др. имеют явные отличия и от основной массы сосудов польцевской культуры, и от керамики найфельдской группы хэйшуй мохэ раннего Средневековья. Но они широко распространены в Приамурье и в Приморье (рис. 1), а также известны в культуре фэнлинь Нижнесунгарийской низменности [Городище Фэнлинь…, 2019, с. 60]. Данный керамический комплекс, видимо, принадлежит культурному образованию, которое предварительно датируется рубежом эр – первой половиной I тыс. н. э. В настоящее время он соотносится с польцевской культурной общностью дальневосточного региона Азии, которую российские исследователи включили в археологическую периодизацию культур раннего железного

времени. Полагается, что она является результатом освоения носителями польцевской культуры этого региона и образования на новых территориях смешанного населения [Деревянко, Медведев, 2008]. Однако типология сосудов польцевской культуры, созданная в основном по материалам памятника Польце I [Деревянко, 1976, с. 351], явно имеет отличие от типов сосудов, характерных для польцевской культурной общности, т. е. первая не могла стать основой второй.

В 2022 г. материалы памятников Приамурья, относимые к польцевской культурной общности, предложено объединить в малмыжскую археологическую культуру, имевшую не польцевские культурные истоки и существовавшую здесь до начала раннего Средневековья. Количество ее археологических памятников, генезис, этапы, хронологические рамки, взаимосвязь с польцевской, кроуновской, ольгинской культурами, культурами туаньцзе, гуньтулин, фэнлинь, фуюй еще предстоит уточнить. Хотя уже сейчас можно говорить о том, что поселения Малмыж-1 малмыжской культуры и Польце I польцевской культуры могли существовать одновременно. Радиоуглеродные датировки объектов памятника Малмыж-1 на данном этапе исследования могут свидетельствовать о начальном периоде существования малмыжской культуры в I в. до н. э. – начале II н. э., о распространении ее носителей в Восточном Приамурье и об их участии в формировании смешанного населения в Приморье. Материалы жилищ Жёлтого Яра маркируют следующие этапы культуры III – первой половины V в. н. э.

Список источников

Городище Фэнлинь: доклад об археологических раскопках в 1998–2000 гг. Пекин: Кэсюэ, 2019 г. 571 с. (на кит. яз.).

Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.

Деревянко А. П., Медведев В. Е. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 14–35.

Дьякова О. В. Сидоренко Е. В. Польцевские памятники Приморья. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2024. 216 с.

Нестеров С. П. Радиоуглеродная хронология малмыжской культуры Восточного Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 769–776.

Нестеров С. П., Соболев А. Е. Культурный тип ваньяньхэ на северо-востоке Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 556–564.

Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы: монография. Владивосток: Дальнаука, 2005. 696 с.

Хон Хён У. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н. э. – IV в. н. э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 30 с.

Яншина О. В. Поселение Жёлтый Яр: к проблеме соотношения польцевских и ольгинских памятников // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 89-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 259–272.

М. Л. Перескоков
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ ФАЗЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация. В работе предлагается хронология и периодизация поздней фазы раннего железного века Пермского Приуралья, разработанная на основе современных данных. Корректируются подходы к датировкам отдельных этапов.

Ключевые слова: Пермское Приуралье, гляденовская культура, культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш, группа Кала-Урын – Броды

Вопросы хронологии поздней фазы и финала раннего железного века Пермского Приуралья были и остаются полем для дискуссий. Начиная с середины XX в. спор о хронологических позициях курганных могильников харинского типа и верхней границе гляденовской культуры не прекращался. Автором данной работы была предложена хронологическая схема и периодизация поздней фазы раннего железного века, основанная на анализе всего доступного на сегодняшний день комплекса источников [Перескоков, 2018]. Для поздней фазы раннего железного века, на основании сериации погребальных комплексов, анализа планиграфии и стратиграфии могильников, была предложена следующая периодизация. Ранний этап гляденовской культуры датируется III/II вв. до н. э. – I в. н. э. [Поляков, 2001; Коренюк, Перескоков, 2021], является периодом расцвета ранних гляденовских костищ (Гляденовского и Юго-Камского). Средний этап датируется I – началом/первой половиной III в., характеризуется расселением гляденовского населения на территории всех локальных вариантов, появление и развитие поздних гляденовских костищ (Усть-Туйское, Гаревское, Слепушка и др.). Поздний этап гляденовской культуры определяется в пределах первой половины / середины III в. – начала V в. Этап характеризуется появлением в Пермском Приуралье погребальных комплексов позднесарматского облика, которые можно соотнести с «всадническим горизонтом» [Перескоков, 2022а] При этом поздний этап включает и культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш, в который было предложено выделить наиболее ранние курганные комплексы в Пермском Приуралье [Перескоков, 2014; Перескоков, 2018, с. 104; Перескоков, 2022б]. Отдельная работа была посвящена определению верхней границы гляденовской культуры [Перескоков, 2020]. Следующие хронологические этапы рассматривались уже в рамках сформировавшихся на основе гляденовской раннесредневековых культур: ломоватовской и неволинской.

Недавно в рамках фундаментального издания «Археология Волго-Уралья» были опубликованы анализ хронологии комплексов Тураевского курганного могильника [Гавритухин, Красноперов, 2022], а также детальный разбор хронологии культур Волго-Уралья в конце позднесарматского времени и в начале эпохи Великого переселения народов, произведенные И. О. Гавритухиным [Гавритухин, 2022]. Эта системная и принципиально важная работа существенно меняет взгляд на хронологию и периодизацию ряда культур региона. Предложенная схема основывается на опорных комплексах Тураевского курганного могильника, который фактически является рубежным в процессе трансформации культурного пространства и представляется как опорный хронологический репер для выстраивания всей хронологии региона указанного периода. При этом, И. О. Гавритухин критикует идею выделения культурно-хронологического горизонта Тураево-Кудаш, предлагая взамен обозначить ранние комплексы курганных

© Перескоков М. Л., 2025

могильников группой Кала-Урын – Броды, синхронизируя ее с комплексами Тураевских курганов, в то же время характеризуя специфику поздне/постгляденовских памятников развитием «югомашевской триады» [Гавритухин, 2022, с. 298–301]. Данная точка зрения требует комментария. Предложенная мною датировка культурно-хронологического горизонта Тураево-Кудаш (третья четверть IV – начало V в. н. э.) в целом соответствует датировкам наборов ТК-1, ТК-2 и ТК-1/2, предложенным И. О. Гавритухиным, и выделение внутренней периодизации предложенного горизонта [Перескоков, 2018, с. 104] соответствует выделяемым наборам ТК-1 и ТК-2. В тот момент мои положения остались без должного объяснения и дополнительного хронологического разбора и аргументации. Хронологическая разница в погребальных наборах Тураевского могильника, который, несомненно, принадлежит одной группе воинов, пришедших в Приуралье извне, выявленная И. О. Гавритухиным, имеет объяснение в различном возрасте погребенных и разном времени накопления набора вооружения и снаряжения, что укладывается в предложенные рамки. При этом стоит согласиться, что сосуществовать эти наборы могли лишь в четвертой четверти IV в. н. э. [Гавритухин, 2022, с. 273].

С предложением отказаться от понятия культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш согласиться сложно. Данный термин [Перескоков, 2014] наиболее удачно подходит к характеристике описываемых культурно-исторических (не только хронологических!) особенностей исследуемого материала и связанных с ним процессов. Под комплексами, относящимися к данному горизонту, подразумеваются именно первые курганные погребения – т. е. погребения пришлых воинов, принесших с собой курганный погребальный обряд, и Тураевские курганы, как компактный в хронологическим и культурном отношении комплекс, несомненно, является опорным для рассматривания данных процессов, что и подтверждает И. О. Гавритухин, когда берет его за основу в своем анализе. Кудашевский могильник, хоть пока и не опубликован, известными материалами демонстрирует эталонные комплексы рассматриваемого периода [Казанцева, 2022]. Таким образом, учитывая датировки Тураевских курганов, культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш предлагается датировать четвертой четвертью IV в. н. э. – началом V в. н. э. Предложенная же И. О. Гавритухиным группа Кала-Урын – Броды не представляется полностью синхронной Тураевским курганам. В данных комплексах у пряжек появляются вытянутые язычки, выходящие за середину рамки, которые еще не оформились в хоботовидные, но уже имеют к этому тенденцию. И как раз в комплексах группы Кала-Урын – Броды в полной мере проявляется «югомашевская триада», в отличие от горизонта Тураево-Кудаш, где формы щитков пряжек в большей степени иные. Таким образом, с моей точки зрения, предложенная группа Кала-Урын – Броды несколько более поздняя, чем горизонт Тураево-Кудаш [Перескоков, 2017]. Она, возможно, отражает уже этап формирования новых культурных традиций, время которого совпадает и с миграционными, и с экологическими процессами в регионе. Таким образом, выделение группы (хронологического горизонта?) Кала-Урын – Броды как следующей за горизонтом Тураево-Кудаш вполне оправданно в хронологических рамках рубеж IV/V – первая половина V в. н. э., так как показывает процесс формирования новой культурной традиции и может объединить выделенные ранее не вполне удобные этапы или типы в рамках уже формирующихся раннесредневековых культур Прикамья.

Список источников

Гавритухин И. О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 272–316.

Гавритухин И. О., Красноперов А. А. Тураевский курганный могильник // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 175–192.

Казанцева О. А. Кудашевский I курганно-грунтовый могильник // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 193–206.

Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. Памятники гляденовской культурно-исторической общности Среднего Прикамья // Археология Волго-Уралья. Т. 3. Ранний железный век. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 539–561.

Перескоков М. Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 378–381.

Перескоков М. Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 1 (36). С. 84–97.

Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2018. 320 с.

Перескоков М. Л. К вопросу о верхней дате существования гляденовской культуры: динамика культурной трансформации // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1. С. 34–49.

Перескоков М. Л. Комплексы III века гляденовской культуры Пермского Прикамья (к вопросу об интеграции в систему связей Восточной Европы) // Вестник Пермского университета. История. 2022а. № 1 (56). С. 48–71.

Перескоков М. Л. Среднее Прикамье в III–V в. Поздний этап гляденовской культуры // Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022б. С. 83–100.

Поляков Ю. А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Перм. гос. ун-т, 2001. Вып. 1. С. 10–19.

А. В. Письмарова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БУСЫ ИЗ КЛАДОВ КРУГА «ДРЕВНОСТЕЙ АНТОВ»: СРАВНЕНИЕ БУС I И II ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП

Аннотация. В статье анализируются наборы бус из двух хронологических групп кладов круга «древностей антов», которые демонстрируют как разновременность формирования кладов, так и различные направления культурных связей: бусы кладов I группы находят близкие аналогии в древностях Юго-Западного Крыма, Кавказа и Центральной Европы, тогда как материалы II группы демонстрируют сходство с древностями Среднего Подунавья.

Ключевые слова: «древности антов», днепровские раннесредневековые клады, стеклянные бусы, янтарь, сердолик, каури

Днепровские раннесредневековые клады, известные в научной литературе как «древности антов», представлены двумя хронологическими группами, по О. А. Щегловой [1990, с. 195, рис. 4]. Ранняя включает клады типа Мартыновского (рубеж VI–VII / начало VII – середина / третья четверть VII в. или первая половина VII в. [Гавритухин, 1996, с. 95; Казанский, 2014, с. 71–72]). К поздней относятся материалы типа Пастырских и Харьевского кладов (вторая половина / конец VII – первая половина / середина VIII в.) [Родинкова, 2011, с. 247].

Наборы бус ранних и поздних комплексов демонстрируют существенные различия в составе. Клады II группы характеризуются наличием украшений из раковин каури (Пастырский клад 1949 г., Харьевский клад, клад из Зайцева), известных на территории Восточной Европы с эпохи бронзы до Средневековья и служивших денежным эквивалентом [Ясаков, 2022, с. 196]. Показательно присутствие сердоликовых изделий: в кладе из Суджи-Замостья (I группа) обнаружена одна бусина из сердолика 14-гранной формы, со срезанными углами [Письмарова, 2024, с. 247], тогда как в Короповском кладе

© Письмарова А. В., 2025

(II группа) присутствуют три экземпляра округлой, шаровидной, симметрично усеченной формы [Дідик, 2013, с. 53]. Это соответствует общей тенденции увеличения числа сердоликовых находок в Юго-Восточной Европе во второй половине I тыс., в Крыму – со второй половины VII в. [Письмарова, 2024, с. 253].

Янтарные изделия обеих хронологических групп кладов морфологически близки. Преимущественно они имеют нечеткую граненую форму, что характерно для раннесредневековых янтарных бус.

Стеклянные бусы отличаются цветовой палитрой и видами орнаментации. В кладах I группы преобладают артефакты из зеленого, сине-фиолетового, черного и красно-коричневого стекла, тогда как в коллекции бус из кладов II группы известны светло-голубые и белые экземпляры. Специфической чертой более поздней группы также выступает наличие бус биконической формы.

Существенные различия прослеживаются в видах декора. Бусы кладов типа Мартыновского орнаментированы отрезками полихромных палочек разных видов и стеклянными полосами по краям изделия (рис. 1, *1–3*). Изделия кладов II группы декорированы глазками (однослойными /многослойными, выпуклыми/плоскими), выполненными из капель размягченного стекла, а также накладными стеклянными нитями, расположенными по спирали или в виде волны (рис. 1, *4–6*). Примечательно наличие в кладе из Суджи-Замостья и Пастырском кладе 1949 г. схожих экземпляров – округлых кольцевидных темных бусин с желтоватыми глазками из капель стекла (рис. 1, *4*). Эти украшения имели длительный период бытования, их аналоги известны как на античных памятниках Северного Причерноморья и в черняховской культуре, так и среди древностей аварского и меровингского круга [Письмарова, 2025а, в печ.].

Среди полихромных изделий кладов I группы особый интерес представляют бусы миллефиори меровингского периода (рис. 1, *1–2*) и полиэдрические экземпляры с концентрическими глазками (рис. 1, *3*). Период их распространения охватывает временной промежуток со второй половины VI по VII век, достигая пика в первой половине VII века. Аналогичные украшения зафиксированы в материалах крымских готов Юго-Западного Крыма, готов-тетракситов на Кавказе, на территории Меровингского королевства, среди древностей лангобардов, на памятниках Аварского каганата и эпохи викингов[17].

В кладах типа Пастырских и Харьевского особое внимание привлекают бусы с выпуклыми глазками, помещенными внутрь кругов из накладных стеклянных нитей (рис. 1, *5*). Подобные изделия зафиксированы на средневековых памятниках Юго-Западного Крыма, Баварии, Италии, и Финляндии [Письмарова, 2025а, в печ.]. Однако эти украшения имеют некоторые отличия в исполнении декора. Наиболее точные соответствия обнаруживаются в коллекциях из памятников Аварского каганата [Pásztor, 2014, s. 271, Abb. 9,5; 2015, s. 142, Abb. 32, 27.7]. Среди этой группы древностей представлены аналоги всем остальным типам полихромных бус из кладов II группы [Pásztor, 2014, s. 269, Abb.7, 53, s. 272, Abb.10, 30; 2015, s. 140, Abb. 30.12–13, s. 143, Abb.33, 40.5, 40.8], датировки бытования которых различны и охватывают период с последней трети VI по последнюю треть VII века.

Источники поступления янтарных и стеклянных украшений в Поднепровье, очевидно, различались. Происхождение янтарного сырья традиционно связывают с прибалтийским регионом, хотя существует предположение об использовании месторождений Правобережной Украины. В любом случае однотипность янтарных бус в разновременных днепровских кладах свидетельствует об устойчивых культурных связях местного населения с этими регионами.

Анализ стеклянных украшений демонстрирует различные направления культурных контактов населения, оставившего днепровские клады I и II группы. Украшения хронологически более ранних ком-

[17] См. подробнее: Письмарова, 2025б, в печ., там же библиография.

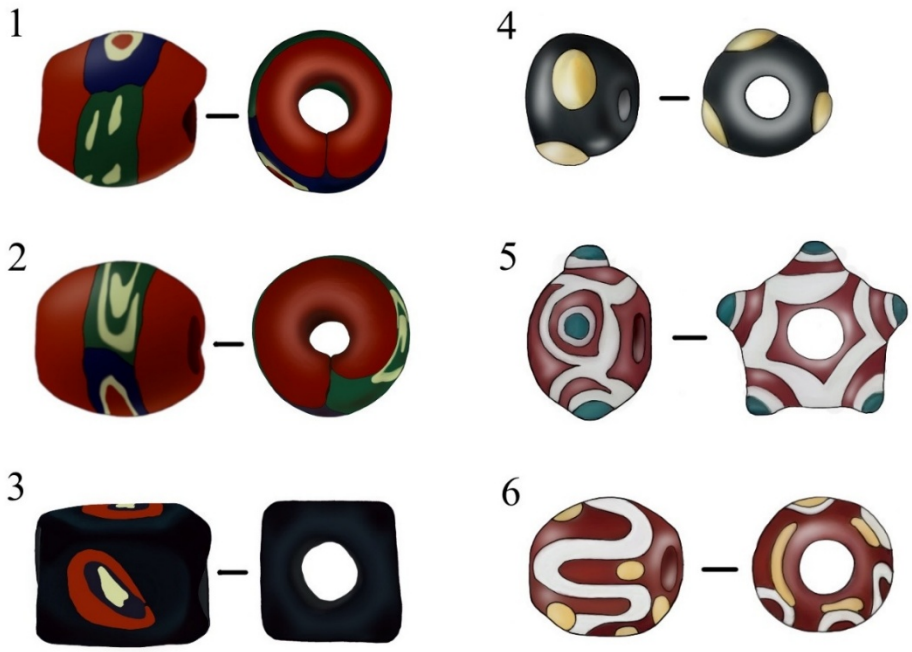

Рис. 1. Некоторые типы полихромных бус днепровских раннесредневековых кладов (*1–3* – по А. В. Письмаровой; *4–6* по: Pásztor A., 2014, s. 269–270, Abb.7 – ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XV Международный византийский семинар. Симферополь, 2023. С8)

плексов демонстрируют наибольшее сходство с материалами памятников крымских готов и древностями варварских королевств, а изделия более поздней группы кладов преимущественно находят параллели в древностях Аварского каганата.

Хронологический анализ материала показывает, что бусы из кладов типа Мартыновского, несмотря на длительный период бытования, достигают пика распространения в период, соответствующий общей датировке кладов. Хронология орнаментированных бус из комплексов типа Пастырских и Харьевского требует дополнительного исследования, поскольку отдельные экземпляры датируются более ранним периодом, чем клады. Однако возможный хронологический разрыв между формированием набора и моментом сокрытия клада позволяет согласовать датировку этих украшений с общей хронологией данных комплексов.

Список источников

Гавритухин И. О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 58–89.

Дідик В. В. Намисто ранньосередньовічного Коропівського скарбу // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вып. 3. С. 52–57.

Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. (РСМ, 15). С. 45–137.

Письмарова А. В. Каменные бусы VI–VII в. на памятниках Юго-Западного Крыма с фибулами днепровского круга // XXV Боспорские чтения. Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского, 2024. С. 247–260.

Письмарова А. В. Бусы раннесредневековых днепровских кладов II группы // Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении. Материалы VIII конференции молодых ученых. 2025а (в печати).

Письмарова А. В. Раннесредневековые бусы миллефиори в Восточной Европе // Теория и практика археологических исследований. 2025б (в печати).

Родинкова В. Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. М.: ИА РАН, 2011. С. 239–265.

Щеглова О. А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск: Курское отделение Всероссийского фонда культуры, 1990. С. 162–204.

Ясаков В. С. Раковины Cypraea moneta (каури) в археологических памятниках Восточной Европы: распространение, классификация, использование (VIII в. до н. э. – VII в. н. э.) // Поволжская археология. 2022. № 4. С. 194–205.

Pásztor A. Perlenfunde aus dem frühawarenzeitlichen Gräberfeld von Keszthely-Fenékpuszta, Ödenkirche-Flur // Die Gräberfelder von Keszthely-Fenékpuszta, Ödenkirche-Flur. 2014. S. 257–373.

Pásztor A. Kopf- und Armschmuck // Das awarenzeitliche Gräberfeld in Csákberény-Orondpuszta. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, MTA BTK Régészeti Intézet (Band 11). 2015. S. 119–154.

Л. М. Плетнева[1], И. Н. Коробейников[2]
[1] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

ХРОНОЛОГИЯ КУРГАНОВ ТИМИРЯЗЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА-1

Аннотация. Тимирязевский курганный могильник-1 расположен на левом берегу р. Томи и исследуется на протяжении 60 лет. С момента выхода обобщающей монографии накоплен значительный материал, что явилось основанием вернуться к пересмотру датировок погребальных комплексов могильника. На основе анализа бытования предметов курганы распределены по хронологическим группам от V до X вв.

Ключевые слова: раннее Средневековье, Томское Приобье, хронология, могильник

Для уточнения хронологии курганов Тимирязевского курганного могильника-1 (далее – ТКМ-1) был вновь проведен анализ бронзовых, железных предметов и предметов из драгоценных металлов, привлечена полевая документация. Данные по керамике использованы по разработке О. Б. Беликовой [Беликова, Плетнева, 1983]. Для каждой хронологической группы курганов выявлен показательный комплекс предметов. В статье использованы материалы из 66 курганов.

В результате проведенного исследования материалов курганы из ТКМ-1 распределились в следующие хронологические группы: 1) V–VI вв.; 2) VI–VIII вв.; 3) вторая половина VII–VIII вв.; 4) вторая половина VIII – начало X вв.; 5) V–VIII вв. В последних комплексах найдена только керамика – как в курганах с погребениями, так и без погребений.

Группа 1. 20 курганов. Для курганов V–VI вв. в хронологический комплекс вошли: из орудий труда – сошник, обоймы от ножен, витые цепочки; из убранства коня – удила; из оружия и доспехов – наконечники стрел натуральной величины и миниатюрные, фрагменты кожаных поясов с узкими вертикальными бронзовыми полосками, закрепленными бронзовыми гвоздиками, панцирные пластины, колчанные крюки; из принадлежностей одежды и украшений – серьги, крученые гривны, перстень, медальоны, пряжки, колоколовидные и зооморфные подвески. Наиболее показательны для хронологии этой группы фрагменты кожаных поясов и изделия, выполненные в полихромном стиле.

Фрагменты кожаных поясов найдены в курганах № 35 и 48. На кожаную основу шириной 18–20 мм с лицевой стороны вертикально прикреплены бронзовыми гвоз-

© Плетнева Л. М., Коробейников И. Н., 2025

диками узкие бронзовые пластинки. Аналогичные пояса известны в Сибири [Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021, с. 69, 70] (могильник Красноярский-IV, IV–VI вв.), на Алтае [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 28. 2, 4; табл. 29. 2, 4], в более раннее время –VI–V вв. до н. э. – в Казахстане [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 136].

К изделиям хуннуского влияния относятся медальоны (кург. 35) и серьга (кург. 60). Медальоны из цветного металла (5 экз.) со вставкой из зеленого стекла. Подобные изделия, выполненные в полихромном стиле, известны с сарматского времени и начала раннего средневековья [Мошкова, 1989, табл. 82–49; Кубарев, 2010, рис. 1–18; Казаков, 2016, рис. 2]. В постгуннское время известны аналогии из Северного Причерноморья [Казанский, 2020, рис. 2–1, 2, 30–33].

Группа 2. 16 курганов. В хронологический комплекс для курганов этой группы вошли такие предметы, как трехлопастные наконечники стрел, крюковые удила с кольчатыми окончаниями звеньев, топоры-тесла, сошники, бронзовые и железные накладки на пояс, бронзовые и железные пряжки, керамика.

Группа 3. 5 курганов. Обоснованием для выделения этой группы являются бронзовые кольцевидно-овальные серьги с подвеской в виде неподвижного стерженька с каплевидным окончанием или стерженьком для бусины (на кольце может быть один или два шарика с каждой стороны по одному), бронзовые колоколовидные подвески с тремя зубцами, бронзовые и железные накладки на пояс. В кургане № 12 обнаружены две монеты – по уточненной атрибуции они датируются 621–713 гг. и попали в Сибирь не ранее второй четверти VII в. [Забытые…, 2016, с. 292–294].

Группа 4. 2 кургана. Датирующие предметы: напильник, кузнечные клещи, шаровидный бубенчик, железные и бронзовые накладки на пояс, бляшка с изображением головы медведя, а также трехлопастные наконечники стрел, крюковые удила с 8-образным окончанием звеньев. Напильники встречаются очень редко. Они найдены в памятниках сросткинской и кыргызской культур, датируются второй половиной IX–X вв. [Горбунов, Тишкин, 2022, с. 96; Овчинникова, Длужневская, 2000, с. 30]. Шаровидные бубенчики были широко распространены в VIII–XI вв. [Горбунов, Тишкин, 2022, с. 90]. К редко встречающимся предметам относятся клещи. Кроме ТКМ-1 они найдены в ТКМ-2 и Архиерейской Заимке [Водясов, 2018, с. 92].

Группа 5. 23 кургана. Керамика в этих курганах не отличается от керамики, найденной в курганах групп 1–3, что является основанием для датирования этой группы курганов V–VIII вв.

По орнаментации сосудов из всех памятников Томского Приобья раннего Средневековья, в том числе и для ТКМ-1, выделено три типа.

В данной группе без датирующих предметов в нескольких курганах найдена керамика с фигурно-штамповой орнаментацией (тип 1) [Беликова, Плетнева, 1983, с. 60]. Она присутствует на 4 сосудах и 8 фрагментах других сосудов: кург. № 15, 20, 21 (2), 29, 34, 36, 39, 46, 52 (2), 66. Курганы № 36, 39, 46 и 66 по хронологии других предметов датированы V–VI вв. Можно предположить, что и остальные из перечисленных курганов были сооружены в обозначенное время.

Остальная посуда по орнаментации относится ко 2 и 3 типам.

Тип 2 – сосуды, орнаментированные ямками, оттисками гребенки, палочки, жемчужником, резными линиями. Он является основным в орнаментации керамики Томского Приобья раннего Средневековья и составляет 83,5 % [Беликова, Плетнева, 1983, с. 70].

Тип 3 – сосуды с валиковой орнаментацией. Такие сосуды обнаружены в курганах разных хронологических групп, что является подтверждением вывода о появлении валиковой керамики в Томском Приобье в конце эпохи раннего железа и свидетельствует, по-видимому, о неоднократном проникновении восточных соседей на указанную территорию. Таким образом, можно говорить о том, что курганы, в которых найдена только керамика, могут быть сооружены на протяжении всего раннего Средневековья.

В заключение перечислим номера курганов по выделенным хронологическим группам.

Группа 1. № 1, 23, 26, 35–37, 39, 40, 46–49, 51, 54, 55, 60, 62, 66, 69.

Группа 2. № 5, 6, 8, 15, 22, 25, 27, 29, 32, 33, 38, 56, 59, 61, 64, 67.

Группа 3. № 4, 10, 12, 13, 24.

Группа 4. № 7, 9.

Группа 5. № 2 ,3, 14, 16–20, 28, 31, 34, 41–45, 50, 52, 53, 57, 63, 65.

В настоящее время раскопано не более десятой части этого уникального для юга Западной Сибири памятника. Дальнейшие его полевые исследования видятся важной задачей, в частности, из-за близости застройки, техногенной замусоренности и угрозы со стороны черных копателей.

Список источников

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 140–148.

Водясов Е. В. Элитное захоронение с кузнечными клещами в курганном могильнике Архиерейская Заимка (Томское Приобье) // Вестник ТГУ. История. 2018. № 51. С. 90–97.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.

Грачев М. А., Зеленков А. С., Слепцова А. В. Курганный могильник Красноярский-IV эпохи Великого переселения народов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 60–73.

Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника / О. В. Зайцева, Н. А. Кузнецов, О. Б. Беликова, Е. В. Водясов // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 281–301.

Казаков А. А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3(41). С. 106–114.

Казанский М. М. Морской Чулек – Шамси – Аржан Бугузун: миграции степных кочевников в постгуннское время и «княжеская» культура // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 5. С. 55–72.

Кубарев Г. В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан–Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 27–31.

Мошкова М. Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 191–214.

Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.

Тишкин А. А. Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

В. Е. Родинкова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

РАННЕСЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА ВЕРХНЕГО ПСЛА В СИСТЕМЕ СВЯЗЕЙ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. Рассмотрены материалы, отражающие направления и характер культурных связей славян, занимавших территорию бассейна Верхнего Псла (Днепровское Левобережье) в середине V–VIII в. Установлено, что проживавшие в данном регионе коллективы взаимодействовали с населением Южной Скандинавии, Юго-Восточной Прибалтики, Среднего Поочья, Пермского Прикамья, Северного Причерноморья, Византии, Средней Азии и других территорий.

Ключевые слова: славяне, раннее Средневековье, Восточная Европа, культурные связи

Исследование выполнено в рамках темы НИР ИА РАН, № НИОКТР 122011200267-0.

Изучение направлений и характера культурных контактов, выявление места, занимаемого тем или иным сообществом в глобальной системе связей и взаимодей-

© Родинкова В. Е., 2025

ствий, – одно из важных направлений современной археологии, в том числе раннеславянской. В последнем отношении значительный интерес представляет регион в верхнем течении р. Псел (включая бассейн р. Суджа), на границе лесной и лесостепной зон Днепровского Левобережья. Здесь до недавнего времени проводились полевые исследования славянских памятников, датируемых в широком диапазоне от позднезарубинецкого (I–II вв.) до волынцевского (конец VII – VIII вв.) времени. Кроме того, в Верхнем Попселье известны не менее 14 днепровских раннесредневековых кладов. Материалы, полученные в результате раскопок и происходящие из кладов, позволяют реконструировать обширные связи местного населения в эпоху Великого переселения народов и последующий период. Они уже становились предметом специального рассмотрения [Родинкова, 2020], однако выявлены новые данные, позволяющие дополнить и детализировать существующую картину.

Среди наиболее ранних находок, отражающих контакты населения региона в раннесредневековый период, следует отметить бутыльчатую привеску, случайно найденную у с. Бондаревка на правом берегу р. Смердица, левого притока р. Суджа. Подобные украшения широко известны в лесной зоне Восточной Европы, преимущественно в ее восточной части. По мнению И. В. Белоцерковской, наибольшее сходство с бондаревским демонстрируют изделия, входившие в состав женского убора культуры рязано-окских могильников конца IV–V в.

Из культурного слоя многослойного поселения Куриловка 2, расположенного в месте впадения Суджи в Псел, происходит проволочное височное кольцо диаметром около 4 см со слегка расширенными концами. Такие вещи известны на памятниках Верхнего Поднепровья и Подвинья в III–V вв. Учитывая отсутствие в Куриловке 2 материалов второй половины III – начала V вв., можно предполагать, что культурный импульс из Днепро-Двинского региона в Суджанский имел место в раннеколочинское время, в середине – второй половине V в.

В относящемся к раннему этапу колочинской культуры жилище 5 этого же поселения обнаружены фрагмент ручки амфоры и железный псалий. Амфора, по мнению Л. А. Голофаст и С. Ю. Внукова, причерноморская, в бассейн Верхнего Псла попала через Боспор или Херсонес в качестве тары, содержавшей импортную продукцию, скорее всего, вино. Псалий принадлежит широко распространенной узде так называемой понтийской группы. По данным И. Р. Ахмедова, наиболее близки ему образцы с памятников рязано-окских финнов середины – второй половины / третьей четверти V в.

В жилище 31, также относящемся к раннеколочинскому горизонту Куриловки 2, найдены две коралловые бусины. Традиционно их происхождение связывается со Средиземноморьем, но недавние исследования показали, что во всяком случае во второй половине эпохи Великого переселения народов источниками поступления кораллов могли быть и другие территории, в частности, полуостров Мангышлак [Кузьмичёва, 2016]. Не исключено однако, что в нашем случае речь идет не о прямых контактах: на Псел, как и в Поднепровье в целом, бусы, в том числе коралловые, могли поступать в составе наборов, места формирования которых дискуссионны.

В кладе типа Мартыновского из Суджи-Замостья имеются три пластины с решетчатым орнаментом, известным на поясных украшениях с «птицевидным» декором второй половины V – первых десятилетий VI вв. Такие вещи широко распространены в Восточной Европе, в частности на Средней Оке, в Верхнем и Среднем Поднепровье, на Днепровском Левобережье (в том числе на Верхнем Псле) и воспроизводят западно- и центральноевропейские прототипы [Ахмедов, 2014]. В клад пластины попали в результате вторичного использования.

В рассматриваемом комплексе представлена также железная сковорода длиной более 50 см. Аналогия ей происходит из роменского горизонта городища Супруты. Подобные изделия известны в материалах меровингского периода и эпохи викингов в Южной Скандинавии, в частности в Норвегии[18]. Можно предположить, что сковорода из Суджи-Замостья – одна из наиболее ранних находок такого рода в Восточной Европе.

Интересны еще два браслета из Суджи-Замостья с расширенными, округлыми в сечении концами. Один из них украшен сетчатым орнаментом, в упрощенном виде известным также на серии браслетов с востока Днепровского Левобережья и из Подонья. В более качественном исполнении этот декор присутствует на изделиях из Балтийского региона, но наибольшую близость суджанскому образцу демонстрирует экземпляр с городища Никодимово в Гомельском Поднепровье, сгоревшего во второй половине VII в. Концы второго браслета утолщены неравномерно, как бы оттянуты к наружной стороне. Находки подобной формы также распространены в Юго-Восточной Прибалтике.

Маленькое византийское серебряное блюдо с клеймом, предположительно, Константина IV (668–685 гг.), три фрагмента которого имеются в кладе из Суджи-Замостья, по происхождению может быть связано с северной частью Передней Азии [Родинкова, 2012]. Оно не только указывает направление контактов, но и говорит о высокой скорости культурного обмена между центрами раннесредневековой цивилизации и варварской периферией.

Еще одна находка, отмечающая «южное» направление связей – фрагменты ткани, сохранившейся на некоторых предметах Куриловского клада. Она выработана из хлопка и льна, причем волокна хлопка имеют синий цвет. По мнению О. В. Орфинской, на Верхний Псел она могла попасть из Средней Азии, где подобные ткани изготавливались с IV в.

В Бондаревском кладе, входящем в комплекс археологических памятников на правом берегу р. Смердица, найдена уникальная фибула, с двух сторон массивной дужки которой вместо щитков отлиты симметричные трехчастные зооморфные композиции. Облик центральной фигуры этих композиций вызывает ассоциации с пермским звериным стилем, одним из ведущих образов которого является медведь в так называемой жертвенной позе. Морфологически бондаревской фибуле ближе всего застежка из Гляденовского костища [Спицын, 1901, табл. 6. *16*], но находка из Попселья отличается от прикамских отсутствием у медведя лап. Создается впечатление, что мастер, изготовивший рассматриваемое украшение, был знаком с сюжетами и образами искусства Прикамья, но творчески переработал их.

Из культурного слоя поселения Куриловка 2 происходят две ременные бляшки, относящиеся к сахновско-волынцевскому и волынцевскому периодам существования памятника. Первая, Ж-образной формы, принадлежит поясу неволинского типа, элементы которого в конце VII–VIII вв. известны в лесной зоне Восточной Европы, но массово встречаются на памятниках Среднего и Верхнего Прикамья. Вторая, с фрагментированной узкой прямоугольной прорезью в нижней части, находит параллели среди материалов раннесалтовского горизонта [Комар, 2010, с. 185, рис. 5. *36, 37, 39, 40*] и отражает если не прямые контакты, то включенность населения Верхнего Попселья в орбиту влияния Хазарского каганата.

Таким образом, вещи, являющиеся маркерами культурных связей населения Верхнего Попселья, относятся к трем хронологическим периодам. Первый охватывает гуннское и постгуннское время и соответствует раннему этапу развития колочинской культуры. В это время в рассматриваемый регион попадают изделия из Среднего Поочья, Верхнего Поднепровья и Подвинья, Северного Причерноморья, отмечается также вли-

[18] Портал Unimus [Электронный ресурс]. URL: https://www.unimus.no/portal/#/ (дата обращения 28.01.2025).

яние традиций Центральной и Западной Европы. Во втором периоде, в финале эпохи Великого переселения народов, спектр связей шире: юго-восточная Прибалтика, южная Скандинавия, Прикамье, Византия, Средняя Азия. В постколочинский (сахновско-волынцевский и волынцевский) период попрежнему фиксируются контакты с населением Прикамья, в бассейне Верхнего Псла, как и в других районах Поднепровья, распространяется влияние Хазарского каганата.

Автор выражает глубокую признательность за помощь и консультации И. Р. Ахмедову, И. В. Белоцерковской, О. С. Белявской, К. Биркелунд, С. Ю. Внукову, И. О. Гавритухину, Л. А. Голофаст, В. Н. Залесской, Д. И. Киселеву, А. В. Комару, А. А. Красноперову, Е. Р. Михайловой, О. В. Орфинской, А. В. Письмаровой, Е. Ю. Тавлинцевой.

Список источников

Ахмедов И. Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях разано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 138–177 (РСМ, вып. 15).

Комар А. В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 169–206.

Кузьмичёва Е. И. Кораллы (горгониды) – археологические находки из тайника погребения 5.1949 г. Пашковского могильника № 1 // Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А. Пашковский могильник № 1. Т. 2. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 333–338.

Родинкова В. Е. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. № 4. 2012. С. 151–158.

Родинкова В. Е. Культурные связи населения Суджанского региона в эпоху Великого переселения народов // Stratum plus. № 5. 2020. С. 99–114.

Спицын А. А. Гляденовское костище // Записки императорского русского археологического общества. Т. XII. СПб., 1901. С. 228–269.

Т. М. Сабирова
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
Ижевск, Россия

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (КОНЕЦ IV – X В.)

Аннотация. Анализ планиграфии расположения погребений Варнинского могильника выявил пять устойчивых групп погребений, имеющих особенности расположения. Установлено, что заполнение площадки происходило не линейно. Сложность планиграфии расположения погребений не позволяет провести исследование погребальной обрядности памятника по классической схеме, задействовав в подсчетах сразу весь массив захоронений.

Ключевые слова: планиграфия, раннее Средневековье, бассейн р. Чепцы, поломская культура, Варнинский могильник

Варнинский могильник – памятник эпохи раннего Средневековья в бассейне р. Чепцы. Он открыт в 1970 г. В. А. Семеновым и изучается с перерывами по настоящее время [1980]. На сегодняшний день силами Удмуртской археологической экспедиции вскрыто более 700 погребений конца IV–X в. В научный оборот введены отдельные комплексы, несущие хронологическую нагрузку; фрагментарные данные о типологическом разнообразии инвентаря и некоторые аспекты погребального обряда могильника. В 2024 г. начата полная публикация полевых материалов: планов и описа-

© Сабирова Т. М., 2025

ний погребений, рисунков вещевого инвентаря из раскопов 1970–1972 гг. [Сабирова, Красноперов, Русских, 2024].

Могильник занимает часть южного пологого склона высокого правого берега р. Чепцы, левого притока р. Вятки (рис. 1, *1*). Площадка памятника не имеет естественных ограничений, что затрудняет определение его границ. Анализ плана раскопов Варнинского могильника (рис. 1, *2*) дает возможность установить планиграфические особенности памятника, влияющие на специфику работы с установлением относительной хронологии захоронений и данными погребального обряда.

На площадке могильника четко выделяются несколько групп захоронений, имеющих особенности планировки и размещения. Это прежде всего курганные погребения, расположенные в южной части в отдалении от основной массы захоронений (группа 1). Именно их вещевой материал обусловил раннюю дату могильника [Иванов, 1999, с. 24–35]. В юго-западной части фиксируются как минимум три меридиональных ряда погребений (группа 2). Погребенные там уложены преимущественно головой на запад, по течению р. Чепцы. В восточной части могильника изучены шесть четко выраженных широтных рядов погребений, где захоронения совершены головой в северном направлении (группа 3). В центральной части изученной площади обнаруживается значительное скопление разнонаправленных погребений, расположенных скученно и имеющих частые случаи взаимоперекрытия (группа 4). При этом погребения, ориентированные по линии север – юг, перекрывают захоронения, ориентированные по линии запад – восток. В северной части могильника, над уже описанными группами, длинными рядами располагается еще одна группа погребений (группа 5). Захоронения в них совершены головой на север, а сами ряды идут по линии ЗСЗ – ВЮВ. Таким образом, на площадке памятника визуально фиксируются как минимум пять групп погребений, имеющих различающиеся планировочные решения.

Датировка Варнинского могильника охватывает период в шесть веков. Самые ранние комплексы относятся к начальному периоду формирования поломской культуры и отражают процесс заселения бассейна верхнего течения р. Чепцы разными группами населения. Материалы основной части памятника фиксируют бытование поломской (V–IX вв.) археологической культуры. А самые поздние захоронения по сопроводительному материалу имеют переходный характер и относятся уже к последующей чепецкой культуре (конец IX – XIII в.), основные памятники которой располагаются в среднем течении р. Чепцы.

Выявленные планиграфические группы имеют хронологически выраженный инвентарь, который соотносится с разработанными для поломской культуры этапами [Иванов, 1999, с. 37–38]. Заполнение площадки памятника началось с южной части склона (группа 1), наиболее приближенной к реке. Далее хронологически следуют погребения западной части площадки, имеющие широтную ориентировку (группа 2), их перекрывают (группа 4) погребения восточной части, образующие четкие и относительно разреженные ряды (группа 3). Погребения группы 5 соотносятся с финалом существования поломской культуры.

Выявленные планиграфические особенности Варнинского могильника значительно влияют на дальнейшее исследование памятника. Проводить по его материалам классическое исследование погребального обряда не информативно, поскольку многие его признаки затеряются в общей массе выборки. Изучение закономерностей в устройстве могильной ямы, положении умершего и расположении сопроводительного инвентаря относительно костяка погребенного следует осуществлять в рамках выявленных групп погребений с последующим сопоставительным сравнением. Активное использование планиграфии при изучении отдельных, в том числе датирующих, категорий инвентаря позволит уточнить периодизацию материалов могильника и всей поломской культуры.

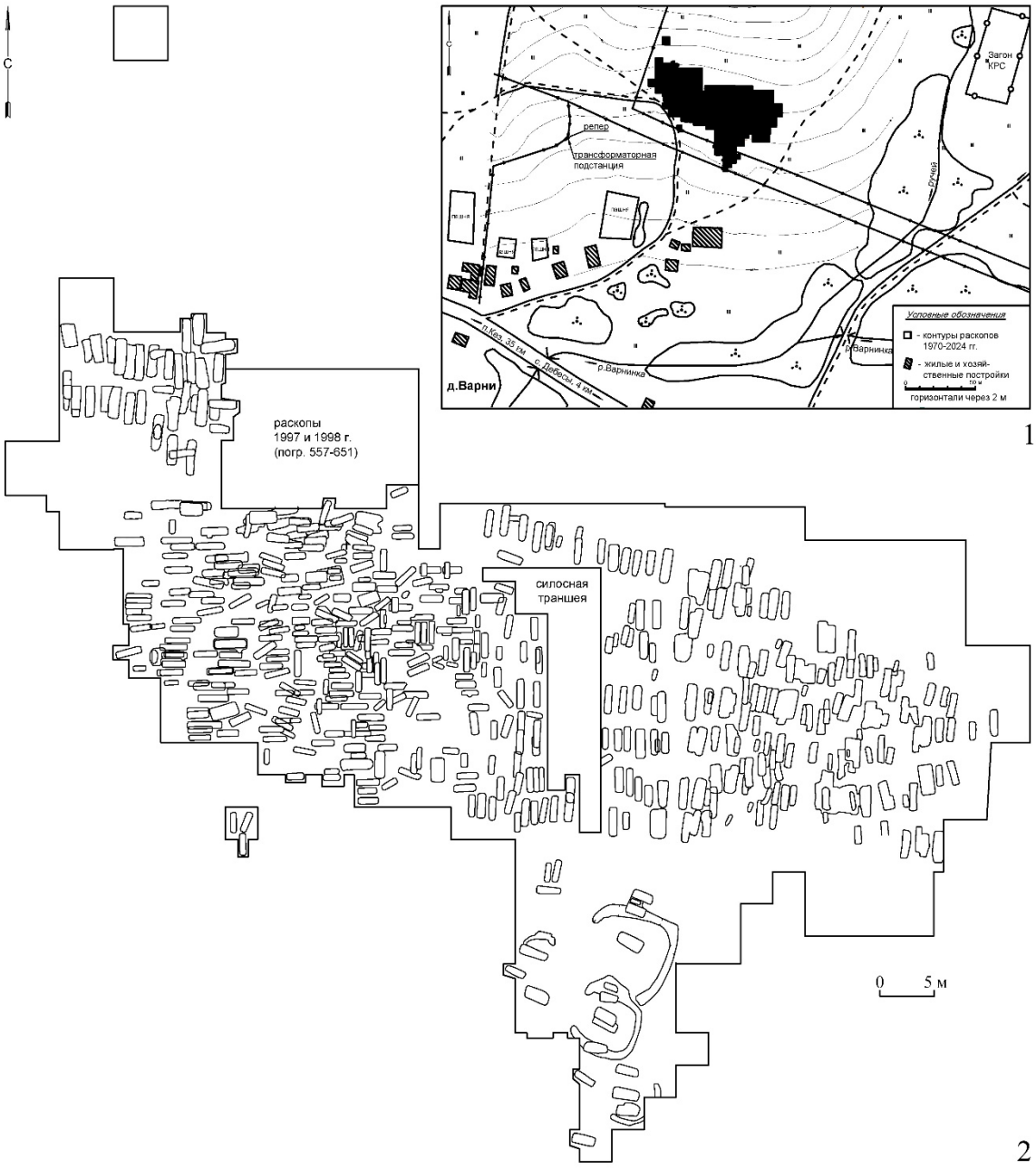

Рис. 1. Варнинский могильник: *1* – топографический план памятника; *2* – план раскопов 1970–2024 гг.

Список источников

Иванов А. Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем Средневековье. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и культуры УрО РАН, 1999. С. 6–52.

Сабирова Т. М., Красноперов А. А., Русских Е. Л. Варнинский могильник. Т. 1. Раскопки 1970–1972 гг. Наследие В. А. Семенова. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2024. 312 с.

Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: УдмНИИ, 1980. С. 5–135.

Н. Н. Серегин, С. С. Матренин
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Представлен обзор материалов раскопок археологических памятников жужанского времени в разных частях центральноазиатского региона. Определены ключевые характеристики комплексов, исследованных на территории Монголии, Тувы, Минусинской котловины и Алтая. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день наиболее представительная источниковая база сформирована в ходе работ на Алтае. Обозначены перспективы исследований в обозначенном регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, жужанское время, погребальные комплексы, хронология, этнокультурные процессы, междисциплинарный подход

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

В результате археологических исследований на территории Центральной Азии, в том числе планомерных работ, осуществленных во второй половине XX в. и в начале XXI столетия, материальными источниками в разной степени обеспечены практически все этапы древней и средневековой истории этой обширной части Евразийского континента. Одним из немногих белых пятен остается предтюркское время, когда в Монголии существовал Жужанский каганат, в сферу влияния которого попали многие кочевые племена рассматриваемого региона. Между тем данный период имеет принципиальное значение как для понимания сложных этнокультурных и социально-политических явлений эпохи Великого переселения народов, так и для реконструкции процессов сложения общностей номадов раннего Средневековья.

К настоящему времени небольшая серия объектов предтюркского (жужанского) времени исследована в разных частях Монголии (см. обзор: [Серегин, Матренин, 2020]). Они представлены погребениями, раскопанными на памятниках Баруун Хайрхан, Талын гурван хэрэм, Урд Улаан Унээт, Хох нуур, Худгийн Хазан и др. Обряд захоронения, зафиксированный в ходе проведенных исследований, демонстрирует высокую степень вариабельности показателей, учитывая единичный характер перечисленных объектов. Предметный комплекс отражает весьма широкие контакты населения Монголии предтюркского времени в различных направлениях. Широкий круг аналогий имеется в памятниках кочевников Алтае-Саянского региона и Забайкалья, а также в комплексах сяньби и когуре Восточной Азии. Кроме того, отчетливо выделяются западные связи, демонстрирующие сложные миграционные процессы в эпоху Великого переселения народов. В целом немногочисленные памятники Монголии жужанского времени в некоторой степени отражают известный исторический контекст данного периода. Можно предположить, что общество жужаней представляло собой неоднородное объединение, которое включало в состав каганата разные группы населения с вариабельной материальной и духовной культурой.

В некоторой степени схожее состояние источниковой базы следует констатировать для археологических материалов жужанского времени на территории Тувы. Несмотря на систематические полевые исследования, представления об истории кочевников этого региона во второй половине IV – первой половине VI вв. н. э. ограничиваются гипотетическими интерпретациями. Они основаны, как правило, на рассмотрении немногочисленных и весьма разнородных объектов, которые были сооружены в период после формирования

© Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2025

некрополя Кокэль [Грач, 1966, с. 99, 105; рис. 29. 1, 2; 30. 1–6; Панкова, 2003; Длужневская, Савинов, 2007, с. 105–108]. Основное содержание протекавших в Туве в предтюркское время этнокультурных процессов обозначил Д. Г. Савинов, который рассматривал IV–V вв. н. э. «с возможным заходом в начало VI в. н. э.» как период стагнации и распыления кокэльских племен, частичной смены этнического состава и заимствования этнокультурных элементов, продолжавшийся вплоть до начала тюркских завоеваний [Памятники…, 2010, с. 26]. В отношении исторических судеб «кокэльцев» имеется предположение о миграции части их популяции в Юго-Восточный, Южный и Восточный Алтай, что в итоге привело к формированию носителей кок-пашского типа погребальных памятников и появлению специфических ритуальных комплексов [Длужневская, Савинов, 2007, с. 82].

Включение Минусинской котловины в сферу военно-политического влияния центральноазиатских номадов отражают материалы раскопок поздних памятников таштыкской культуры. Ключевыми итогами изучения представительной серии таштыкских склепов к концу XX в. стало омоложение их датировки в рамках IV–VI вв. н. э. (для ряда комплексов – до VII в. включительно), а также констатация тезиса о том, что поздние «таштыкцы» являлись современниками ранних тюрок и кыргызов и находились с ними в контактах [Вадецкая, 1999, с. 125, 198, 200]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на колоссальный объем источниковой базы, вопросы хронологии большинства погребальных памятников таштыкской культуры предтюркского времени и происхождения оставившего их полиэтничного населения остаются дискуссионными и требуют продолжения целенаправленных междисциплинарных исследований с привлечением широкого круга специалистов.

Приведенный краткий обзор основных аспектов интерпретации погребальных памятников предтюркского времени Монголии, Тувы и Минусинской котловины подчеркивает большую значимость изучения синхронных материалов с территории Алтая. Благодаря археологическим исследованиям к настоящему времени сформирована довольно представительная источниковая база, демонстрирующая существование в данном регионе во второй половине IV – V (возможно, вплоть до начала VI) вв. н. э. полиэтничной буланкобинской культуры, которая сформировалась ранее в результате смешения разных групп местных и пришлых кочевников [Мамадаков, 1990; Тишкин, 2007; Серегин, Матренин, 2016]. Судя по имеющимся опубликованным и архивным сведениям, полученная серия объектов состоит из более чем 130 захоронений, раскопанных на нескольких памятниках (Берель, Верх-Еланда-II, Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Кок-Паш, Степушка, Чендек, Усть-Бийке-III, Яломан-II) (см. обзор: [Алтай..., 2023, с. 11–60)]. Элиту населения Алтая второй половины IV – V в. н. э., по-видимому, представляли носители яломанской погребальной традиции в центральной части региона. В Северном Алтае в жужанское время ведущие позиции занимали носители дялянской традиции (могильники Дялян, Чобурак-I). Особенностью данных погребений являются ямы большой длины (до 4,6 м), в которых сопроводительное захоронение лошади находилось в ногах человека или перекрывало до 1/3 длины его тела. В Восточном Алтае выделяется некрополь Кок-Паш, оставленный, вероятно, потомками «курайцев», ассимилировавшихся в IV в. н. э. в буланкобинской культурной среде. Носители кок-пашской погребальной традиции практиковали одиночную ингумацию без коня, головой на восток или юг, под курганами с прямоугольной выкладкой-крепидой или стенкой. Проживавшие на территории Юго-Западного Алтая и Центрального Алтая носители «айрыдашской» и «берельской» традиций захоронения человека с конем, уложенным «сбоку» от человека, ориентированного головой в восточный (могильники Берель, Степушка) или западный сектор (комплексы Верх-Уймон, Катанда-I, Степушка, Чендек), демонстрируют формирование у населения буланкобинской культуры норм обрядности, ставших впоследствии характерными

для разных групп раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. В целом археологические материалы второй половины IV – V в. н. э. демонстрируют незавершенность процессов этногенеза «булан-кобинцев», сосуществование «пришлых» и «местных» этнокультурных компонентов в отдельных районах Алтая, а также сложные отношения между носителями различных погребальных традиций.

Таким образом, благодаря интенсивным полевым археологическим изысканиям, осуществленным в разных частях Алтайской горной страны, на сегодняшний день история кочевников обозначенного региона в жужанское время наиболее полно обеспечена археологическими материалами по сравнению с другими областями Центральной Азии. Данное заключение подтверждает репрезентативная по объему серия исследованных погребальных комплексов, а также иных памятников (ритуальные объекты, наскальные изображения, железоплавильные печи), которые характеризуют сложные этногенетические и социальные процессы, происходившие во второй половине IV – V вв. н. э. Несмотря на то что полученные материалы предоставляют определенные возможности для осуществления комплексных исследований и реконструкций, необходимо признать, что в изучении культуры кочевников Алтая жужанского времени сохраняется довольно широкий круг дискуссионных вопросов. Они связаны с определением точной датировки конкретных памятников, детализацией форм взаимодействия разных групп населения, объективной оценкой влияния на данные процессы внешнего (центральноазиатского) фактора, реконструкцией исторических судеб носителей отдельных погребальных традиций булан-кобинской культуры после переселения на Алтай племени Ашина, повлекшего за собой формирование этнополитической общности тюрок. Весьма перспективными являются дальнейшие целенаправленные полевые исследования, а также междисциплинарное изучение полученных материалов.

Список источников

Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I) / Н. Н. Серегин, С. С. Матренин, А. А. Тишкин, Т. С. Паршикова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Грач А. Д. Исследование в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. С. 81–107.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 197 с.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭликСис, 2010. 252 с.

Панкова С. В. Погребения середины I тыс. н. э. в Западной Туве // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 11. С. 92–106.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов // Поволжская археология. 2020. № 4. С. 36–49.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

И. Ю. Слюсаренко, Ю. Н. Гаркуша, М. В. Уткин
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ) ПО ДАННЫМ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО И РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Представлены итоги дендрохронологического анализа древесины из погребений Оглахтинского грунтового могильника. Относительные древесно-кольцевые хронологии по лиственнице и сосне синхронизированы между собой, сформирована основа дендрошкалы для таштыкской культуры. ^{14}C-датирование, дополненное методикой «wiggle-matching», определило время функционирования памятника как II – первая половина III в. н. э.

Ключевые слова: таштыкская культура, Оглахтинский могильник, дендрошкала, хронология

Введение. В современной археологической науке использование естественно-научных методов в сфере датирования древних памятников стало рутинной процедурой. Тем не менее в отношении таштыкской культуры – одного из наиболее ярких историко-культурных явлений на территории Хакасско-Минусинской котловины – не так давно, подводя итоги работы в области таштыкской хронологии, специалисты сетовали, что «не проводились пока… естественно-научные изыскания, так что у нас нет и привычной сегодня археологу радиокарбонной или дендрохронологической «шпаргалки» [Азбелев, 2012, с. 276]. В последние годы нами предприняты шаги в направлении разработки такой «шпаргалки». Благодаря особенностям погребального обряда, а также специфическим локальным условиям залегания культурных остатков, в ряде случаев комплекс обстоятельств способствовал сохранению органики. В этом отношении выдающееся место занимает Оглахтинский грунтовый могильник, который отличают примеры удивительной сохранности предметов из органических материалов, в том числе деревянных погребальных срубов, что позволило применить для их датирования дендрохронологический анализ, основанный на изучении погодичной изменчивости древесных колец. Тем самым положено начало построению дендрошкалы для таштыкской культуры. Результаты исследования представлены в предлагаемой работе.

Материалы и методы. Для решения поставленных задач мы аккумулировали всю доступную древесину из Оглахтинского могильника, использовав фонды музеев и научно-исследовательских организаций; повторные раскопки на месте работ Л. Р. Кызласова в 1970 и 1973 гг.; новые исследования на памятнике в 2020–2023 гг. В результате собрана коллекция, включающая 93 образца из 9 или 10 погребений (нет ясной атрибуции материалов из раскопок А. В. Адрианова): мог. 1–2 (А. В. Адрианов, 1903 г.), мог. 4, 7, 8, 9 (Л. Р. Кызласов, 1969–1970, 1973 гг.), мог. 2020/1, 2021/1, 2021/2, 2023/1 (Е. В. Водясов, О. В. Зайцева, С. В. Панкова, 2020–2023 гг.).

По типу деревообработки древесина представлена круглыми бревнами, полубревнами, полубрусом (двусторонне отесанные бревна) различного диаметра. Определение видового состава древесины по анатомическим признакам показало, что для погребальных срубов использованы деревья двух хвойных пород – лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ledeb.) и сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L): сосна – 62 %, лиственница – 38 %. Обе породы одновременно применялись для изготовления как стен сруба, так и перекрытия. Соотношение разных пород в элементах конструкции варьирует по объектам, однако, вопреки частому мнению, до сих пор

© Слюсаренко И. Ю., Гаркуша Ю. Н., Уткин М. В., 2025

не выявлено ни одного чисто лиственничного сруба. Судя по всему, таштыкские плотники не имели явного предпочтения в выборе породы древесины.

Большое внимание уделялось выявлению на образцах подкорового кольца – последнего, образовавшегося при жизни дерева, указывающего на год его гибели, который проецируется на время сооружения археологического объекта. Из всего массива образцов такие кольца уверенно отмечены в 19 случаях и предположительно – в 15, т. е. у 36,5 % образцов.

Проблема установления хронологии погребений Оглахтинского могильника решалась при помощи методов дендрохронологического и радиоуглеродного анализа. Метод дендрохронологии позволил получить относительные даты гибели деревьев и, соответственно, сооружения погребальных срубов, в рамках «плавающих» древесно-кольцевых хронологий (ДКХ). Перевод их в абсолютную (календарную) хронологию проводился посредством радиоуглеродного датирования, дополненного использованием методики «wiggle-matching», которая оптимальна именно при датировании годичных колец деревьев. Зная взаимное положение соответствующих колец на дендрошкале и получив для них серию ^{14}C-дат, последующую процедуру калибровки можно применить ко всей серии как неразрывной группе данных. В результате значительно сужается временной интервал каждой ^{14}C-даты и повышается определенность ^{14}C-датирования.

Результаты и обсуждение. Древесно-кольцевые ряды сравнивались согласно видовой принадлежности деревьев. Для 59 образцов (63,5 %) установлены относительные даты. Практически в каждом сооружении присутствовали детали, изготовленные из одного и того же древесного ствола, хотя часто они относились к разным элементам конструкции (стенам или перекрытию). Сруб мог. 2023/1 показывает предельный случай, когда основа конструкции изготовлена всего из 2 бревен: из одного – 1-й венец и перекрытие, из другого – 2-й венец.

При наличии подкоровых колец, позволяющих зафиксировать год валки дерева, в выборке образцов из отдельной могилы обычно отмечается разброс дат, достигающий от 12 (мог. 4) до 16 (мог. 2 023/1) лет. Такое распределение дат позволяет предполагать не только многолетнюю регулярную заготовку древесины для различных нужд населения, но также использование вторичной древесины, а в отдельных случаях – погибших деревьев (сухостойных или поваленных).

Итогом работы стали две обобщенные «плавающие» (т. е. относительные) древесно-кольцевые хронологии для могильника в целом: по лиственнице OgL, длиной 228 лет, и сосне OgP – 252 года. Важной особенностью древесины из Оглахтинского могильника является сходство, демонстрируемое погодичной изменчивостью лиственницы и сосны, позволяющее сравнивать эти породы между собой и выстраивать единую систему древесно-кольцевого датирования. Для лесостепной зоны Хакасии, где отсутствует единый лимитирующий климатический фактор, значимое влияние на динамику прироста и возможность синхронизации оказывают топоэкологические условия места произрастания и видовые особенности древесных растений [Бабушкина, 2011]. Современные исследования показали, что в условиях Хакасско-Минусинской котловины высокая корреляция между видами хвойных (лиственница и сосна) возможна, если деревья произрастали в пределах одних мест обитания [Climate change ..., 2021]. Именно поэтому нам удалось синхронизировать обобщенные ДКХ по лиственнице и сосне для Оглахтинского могильника, построив комплексную «плавающую» дендрошкалу длиной 255 лет.

Исходя из наиболее поздних дат по каждой могиле выстраивается относительная последовательность погребений (рис. 1): самая ранняя – мог. 2021/2 с относительной отметкой 184 г., затем мог. 2020/1 – 188/190 гг., 2021/1 – 190 г., мог. 1–2 – 192/210 гг., мог. 8 – 233 г., мог. 7 – 234 г., мог. 4 – 238 г., наиболее поздняя – мог. 2023/1 с относительной датой 254 г. Единственное погребение, не датированное по оглахтинской шкале, – мог. 9.

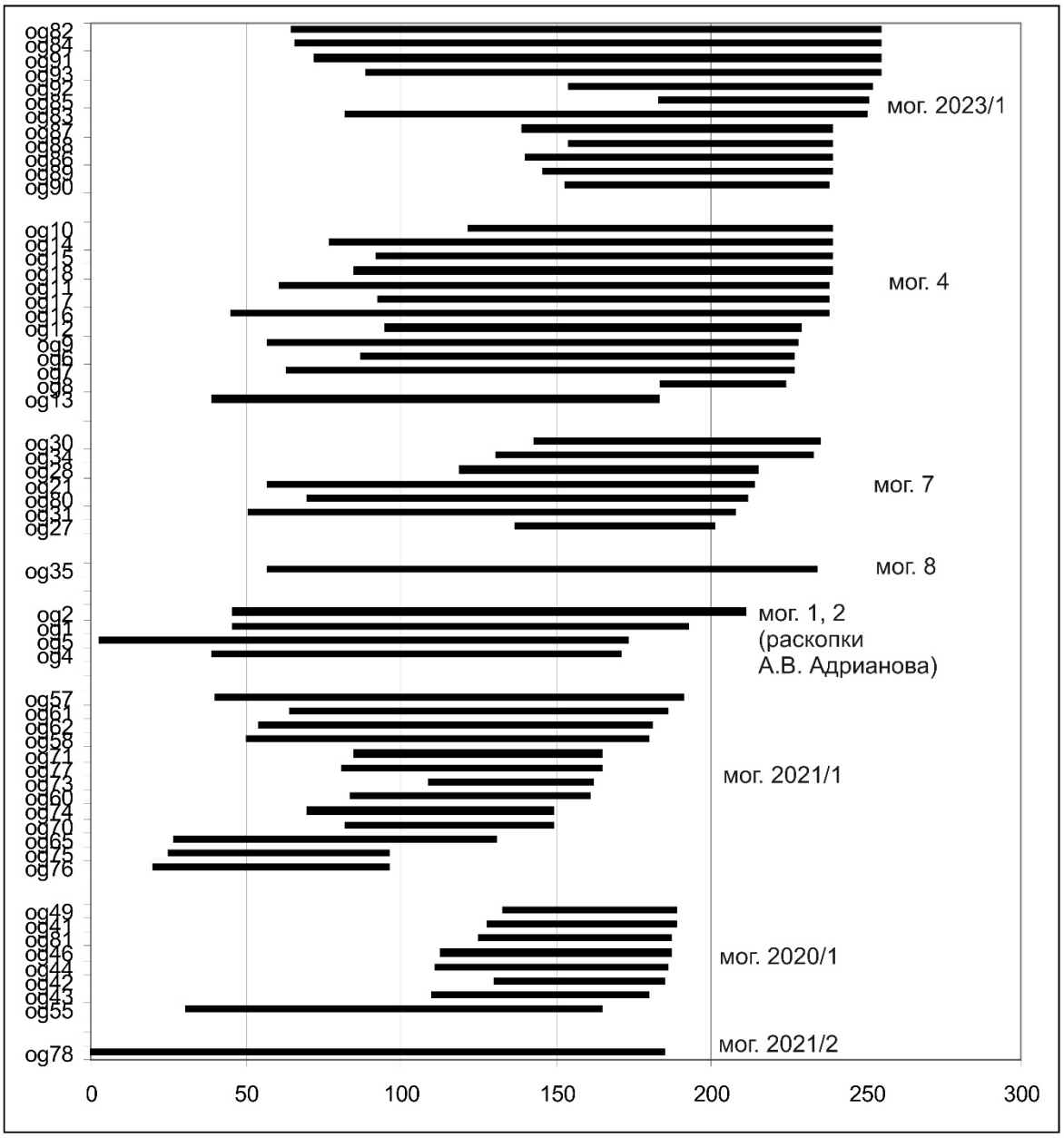

Рис. 1. Положение древесно-кольцевых рядов, полученных по образцам из погребений Оглахтинского могильника, на относительной дендрошкале

Относительные даты погребений Оглахтинского могильника перешли в разряд абсолютной хронологии с помощью радиоуглеродного датирования. Серия из 8 ^{14}C-дат, происходящих из эталонного дендрообразца (бревно «запад-2» из сруба мог. 2021/1), с учетом собственного возраста дерева дала интервал времени рубки – 102–181 гг. н. э. Принимая во внимание, что на относительной дендрошекале дата образца – 180 г., можно рассчитать абсолютные даты для остальных могил с учетом их относительного положения. Таким образом, время сооружения изученных на Оглахтинском могильнике погребений определено как II – первая половина III вв. н. э.

Заключение. Основным результатом исследований древесины из погребений Оглахтинского могильника является формирование основы дендрошкалы для таштыкской культуры. Опираясь на установленные даты погребений, можно заключить: 1) все исследованные могилы появились в течение сравнительно короткого периода, около 70 лет; 2) учитывая принадлежность исследованных могил к Западному, Центральному и Восточному участкам памятника, очевидно, что заполнение частей некрополя погребениями

шло, в целом, одновременно; общий период функционирования могильника – II – первая половина III вв. н. э.

Оглахтинская дендрошкала уже показала свой потенциал для распространения ее на близлежащие памятники таштыкской культуры и имеет перспективы продления как в более ранний, так и в более поздний период.

Список источников

Азбелев П. П. Таштыкская хронология: состояние вопроса // Stratum plus. 2012. № 4. С. 257–280.

Бабушкина Е. А. Влияние климатических факторов и условий произрастания на изменчивость радиального прироста и структуры годичных колец: автореф. дис. … канд. биол. наук. Красноярск, 2011. 22 с.

Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs / D. F. Zhirnova, L. V. Belokopytova, D. M. Meko, E. A. Babushkina, E. A. Vaganov // Scientific Reports. 2021. Vol. 11: 14266. P. 1–13.

А. А. Стоянова
Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Россия

УКРАШЕНИЯ В ПОЗДНЕРИМСКОМ ПОЛИХРОМНОМ СТИЛЕ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ: РАЗНОВИДНОСТИ, ХРОНОЛОГИЯ, ПРОТОТИПЫ

Аннотация. Работа посвящена группе украшений из варварских могильников Крыма, выполненных в так называемом «сердоликовом» стиле. Коллекция вещей насчитывает 67 экземпляров, представленных серьгами, браслетами и подвесками. Они датируются серединой III – первой половиной IV в. н. э. Возможно, формирование стиля этих украшений происходило в регионе на основе синтеза разных по происхождению элементов.

Ключевые слова: предгорный Крым, римское время, полихромный стиль, украшения

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00674 «Новый взгляд на происхождение и распространение позднеримского полихромного стиля в связи с находками последних лет из предгорного Крыма» (https://rscf.ru/project/25-28-00674/).

Среди украшений, бытовавших у населения предгорного Крыма в первые века нашей эры, выделяются вещи, изготовленные в определенной ювелирной технике. Они имеют сложносоставной орнаментированный щиток, покрытый позолоченой или золотой фольгой, снабженный вставками из сердолика или стекла. Стиль, в котором изготовлены такие украшения, именуется «сердоликовым», «позднесарматским догуннским», «Закшув-Кишпек». Он представлен ограниченным перечнем категорий вещей (сбруя, оружие, украшения), находки которых сконцентрированы в Северной Европе, Подунавье, Крыму и на Северном Кавказе.

Предгорный Крым, являясь одним из ареалов этого стиля, отличается от остальных регионов тем, что только здесь найдены украшения, отсутствующие в других местах. Коллекция украшений насчитывает 67 экземпляров. Это 50 серег (23 пары и 4 непарные серьги), 12 браслетов, 4 прямоугольных подвески и подвеска-лунница (рис. 1), обнаруженные на восьми памятниках. Распределение вещей по могильникам выглядит следующим образом: Опушки – 22 экз. (7 пар серег и 2 непарные, 3 браслета, 2 прямоугольных подвески, подвеска-лунница), Фронтовое 3 – 16 экз. (7 пар серег и одна непарная, браслет), Дружное – 11 экз. (4 пары серег, 3 браслета), Чернореченский – 8 экз.

© Стоянова А. А., 2025

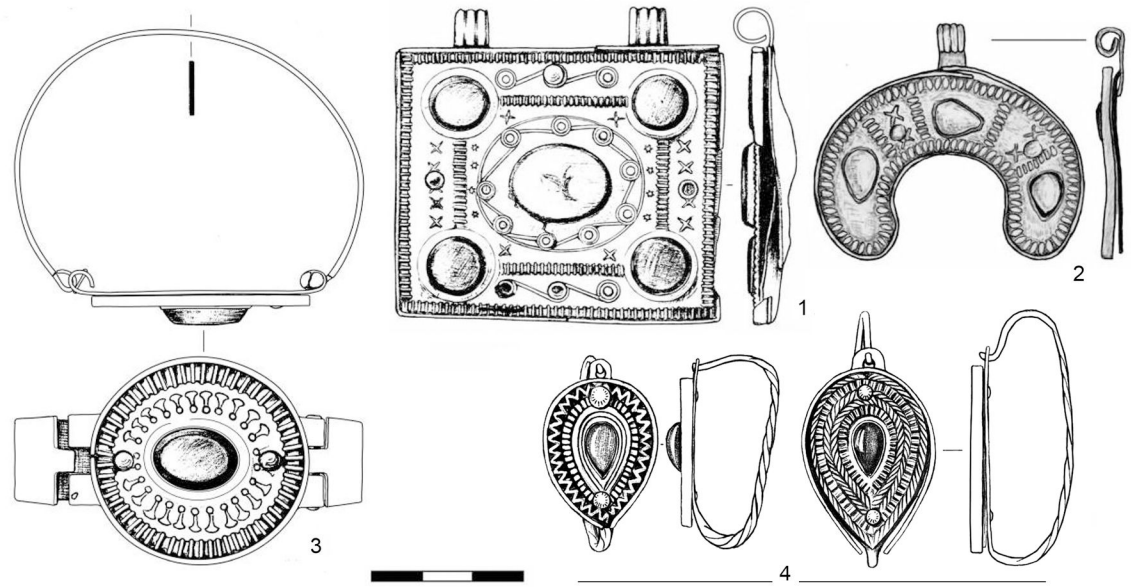

Рис. 1. Украшения в полихромном стиле из предгорного Крыма

(3 пары серег, браслет, прямоугольная подвеска), Нейзац – 4 экз. (пара серег и непарная серьга, щиток от браслета), Совхоз 10 – 4 экз. (пара серег, 2 браслета), Суворовский могильник – прямоугольная подвеска, Чатыр-Даг – щиток от браслета [Бабенчиков, 1963, с. 92–93, 98–99; Храпунов, 2002, с. 40, 50–51; Население..., 2003–2004, табл. 11.27; 26.8; 59.4; Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 208, 209; Чатыр-Даг..., 2006, табл. 25.7; Храпунов, Стоянова, 2018; Свиридов, Язиков, 2023, рис. 38. *2*; 70. *5*, *9*; 316. *1, 3*].

Большинство находок происходят из комплексов с хронологически значимым инвентарем, что позволяет очертить временные рамки бытования этих украшений в регионе. К числу наиболее ранних можно отнести изделия из могильников Чернореченский и Совхоз-10, найденные вместе с монетами Гордиана III (238–244 гг.) и Филиппа Араба (244–249 гг.), дающими *terminus post quem* для содержавших их погребений.

Большинство украшений составляет в целом единую хронологическую группу второй половины III в. н. э., в рамках которой выделить более короткие временные участки проблематично. Состав инвентаря погребений с полихромными вещами характеризуется сочетанием артефактов, типичных для первой половины III в., с предметами, получившими широкое распространение в IV столетии. Самую позднюю группу представляют несколько украшений из погребений, совершенных не ранее второй четверти IV в. Об этом свидетельствует, в частности, присутствие в них монет Лициния (308–324 гг.).

Несмотря на пристальный интерес исследователей к вещам, изготовленным в полихромном стиле позднеримского времени, существует множество дискуссионных вопросов, связанных с этим феноменом. Среди основных проблем – генезис стиля, в частности происхождение вещей, обнаруженных на юге Восточной Европы. Некоторые исследователи ищут его истоки в провинциально-римском искусстве, интерпретируя причерноморские вещи как местные подражания более роскошным римским образцам [Амброз, 1992, с. 101–102]. Другие полагают, что находки из Причерноморья представляют собой оригинальное локальное явление с сугубо местными типами изделий, которые изготавливались в Пантикапее или Херсонесе для варварской знати [Яценко, Малашев, 2000, с. 238].

Вопрос о происхождении северных причерноморских полихромных вещей логично решать на основе изучения наиболее ранней их группы с поиском возможных прототипов. Такую группу как раз представляют украшения из предгорного Крыма. Для понимания истоков стиля важное значение имеют конструктивные осо-

бенности предметов и стилистика декора. В конструкции украшений основное место занимает щиток. Он состоит из одной или двух пластин, соединенных двумя клепками с основой. Лицевая пластина обтянута золотой или серебряной позолоченной фольгой, в ней сделан вырез для вставки кабошона таким образом, что края этого выреза выдавливались наружу. Пластина декорировалась тисненым орнаментом в виде прямых и косых рубчиков, крестиков, звездочек, точек и окружностей, имитирующих зернь и филигрань.

В могильниках предгорного Крыма встречаются украшения, морфологически очень близкие серьгам и браслетам, изготовленным в полихромном стиле. Конструкция полихромных серег монолитна, т. е. основа щитка, к которой крепится декоративная пластина, и дужка серьги сделаны из одного куска проволоки. Таким же образом сделаны довольно многочисленные серьги, зафиксированные в погребениях второй половины II – первой половины III в. н. э. Степень раскованности щитков у них различна, они могли быть гладкими, иметь вставки из стекла в напаянных кастах или лицевую орнаментированную пластину, крепившуюся к щитку с помощью клейкого вещества. В погребениях первой половины III в. н. э. известны и браслеты, по конструкции идентичные полихромным, но с простыми щитками. У одних экземпляров они гладкие, у других на щиток напаян рифленый ободок, окружавший вставку, прикрепленную к щитку клейким веществом. Иногда он сочетался с пластинчатым кастом, удерживающим кабошон [Храпунов, 2002, рис. 44. *4, 5*; 47. *5–8*; Свиридов, Язиков, 2023, рис. 213. *8*; 237. *1*; 249. *1*].

Встречаемые на полихромных украшениях элементы орнамента не находят истоков ни в материальной культуре крымских варваров, ни в античных ювелирных традициях. Единственным регионом, где тисненые орнаментальные мотивы подобны крымским, при этом хронологически более ранние, является германский Барбарикум. Например, на умбонах щитов из Иллерупа и Хёрпай периода C1 на позолоченных пластинах, покрывавших железную основу, присутствуют прямые и косые рубчики, окружности, зигзаги и другие элементы, аналогичные изображенным на крымских находках. Среди иллерупских вещей встречаются умбоны, украшенные вставками из камней, обрамленными выдавленными кастами – такими же, как и на полихромных украшениях из Крыма [Nagy, 2007, tabl. 5.1; Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996, taf. 55, 56, 58].

Вероятно, стиль украшений из крымского Барбарикума сформировался на полуострове в III в. н. э. на основе синтеза разных по происхождению элементов: на конструктивно привычные для местного населения вещи «легла» инновационная орнаментальная стилистика, заимствованная в германской культуре или привнесенная представителями этой культуры в местную среду.

Список источников

Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1992. Вып. 1. С. 6–108.

Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам’ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 94–141.

Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») / С. Ф. Стржелецкий, Т. Н. Высотская, Л. А. Рыжова, Г. И. Жесткова // Stratum plus. 2003–2004. № 4. С. 27–277.

Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Ч. 1. М: ИА РАН, 2023. 460 с.

Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 с.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.

Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму / В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, М. Б. Щукин, О. В. Шаров. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. 2003. Вып. XII. С. 199–225.

Яценко С. А., Малашев В. Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226–250.

Carnap-Bornheim C., Ilkjaer J. Illerup Ådal. 7. Die prachtausrüstungen. Tafelband. Hojbjerg: Aarhus University Press, 1996. 254 p.

Nagy M. Tierdarstellungen und der Germanishe tierstil I im Gebiet der Mittleren Donau. Budapest, 2007. 208 p.

В. Б. Трубникова
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫЯВЛЕНИЯ СЯНЬБЭЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАМЯТНИКАХ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. В статье рассмотрены погребальные памятники конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. (хуннские, сяньбэйские, бурхотуйской культуры) Восточного Забайкалья, дана их краткая характеристика, проведено сравнение с китайскими памятниками. Все три группы демонстрируют культурную многокомпонетность: сочетание в комплексах хуннских, сяньбэйских и бурхотуйских традиций.

Ключевые слова: сяньбэй, хунну, Восточное Забайкалье, Дунбэй, бурхотуйская культура

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

В конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. Восточное Забайкалье (преимущественно районы современного Забайкальского края) и западная часть Северо-Восточного Китая (восточная оконечность провинции Внутренняя Монголия в Дунбэе) составляли, по сути, единую географическую зону. Она занимала положение между племенами восточного Приамурья, частично сюда переселявшимися, империей хунну и династийным Китаем. Это способствовало смешению на этих территориях разных культурных традиций и формированию новых. В археологическом аспекте севернее р. Аргунь (Россия) эта ситуация отражена в появлении и распространении памятников, ассоциируемых с кочевыми объединениями хунну (II в. до н. э. – сер. I в. н. э.) [Ковычев, 2006, с. 247] и сяньбэй (конец I в. до н. э. – ? позже II в. н. э. – *В. Т.*) [Там же, с. 253, 255], а также несколько позднее – бурхотуйской культуры (IV–IX вв. н. э.) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 109; Ковычев, 2006, с. 244]. С китайской стороны была изучена группа могильников, атрибутируемая некоторыми исследователями как сяньбэй, в отдельных памятниках выделялись связи культурного комплекса с хунну [Варенов, 2019].

Памятники Восточного Забайкалья, объединенные Е. В. Ковычевым в хуннскую группу, представлены большей частью одиночными погребениями, в том числе в составе разновременных могильников, имеют ряд общих признаков: каменная кольцевая кладка, преимущественно северная ориентировка, погребения в деревянных гробах, «хуннский» предметный комплекс и др. [Ковычев, 2006, с. 243–244], что и определило их атрибуцию. При этом обращает на себя внимание незначительное количество обнаруженных хуннских бронз и классических форм хуннских сосудов, а также отсутствие целых могильников. Единственный могильник хунну, по мнению Е. В. Ковычева, Кия-13 [Там же, с. 247] имел в своем составе «предметы, характерные для памятников бурхотуйской культуры IV–XI вв.» [Там же, с. 244], нехарактерную керамику [Ковычев, Ковычев, 1996, с. 103], а также

© Трубникова В. Б., 2025

сяньбэйские бронзы (пластины с оленем-ком, Кия-13, мог. 1) [Там же, с. 101, рис. 3. 1, 2; Трубникова, 2022, с. 243–246]. Все вышесказанное свидетельствует о многокомпонетности данной группы памятников; особенно важно отметить сочетание в рамках одного комплекса хуннских, сяньбэйских и бурхотуйских традиций.

В составе сяньбэйской группы Е. В. Ковычевым выделены две культуры, названные по эпонимным памятниками: зоргольская (конец I в. до н. э. – II в. н. э) [2006, с. 153] и дуройская (с конца II в. н. э.) [Там же, с. 255], такая датировка подтверждается проведенным датированием ^{14}C [Там же, с. 252; Тишкин, Ковычев, 2020]. Основные памятники зоргольской культуры – Зоргол-1, Дурой-2 – характеризуются каменными разрозненными выкладками [Яремчук, 2005, с. 179–187, рис. 3–10], преимущественно северной ориентировкой, погребениями в грунтовых ямах (реже – с подбоями) в деревянных гробах или берестяных коробах; в инвентаре выделяются: берестяные туески (некоторые – с граффити), золотые серьги с парной петелькой или волютами (Зоргол-1, мог. 37), сяньбэйские фигурные бронзы (Зоргол-1, мог. 20, мог. 37). Выделим, с одной стороны, наличие в комплексе хуннских признаков: характерных сосудов, художественных бронз (Зоргол-1, мог. 13) [Там же, с. 295, рис. 119], фрагментов бронзовых котлов (Зоргол-1, мог. 13 мог. 58); с другой стороны, сосудов, характерных для бурхотуйской культуры [Там же, с. 211, рис. 35. *б*; с. 213, рис. 37. *б*]. Выделенная культура находит аналогии также с ближайшими могильниками на китайской стороне Чжалайнор (группа I) [Трубникова, 2023, с. 233–236] и Лабудалинь [Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994].

В выделенную дуройскую культуру вошли могильники Дурой-1, Большая Канга-1 и др. В отличие от зоргольской группы ее характеризуют: погребения в грунтовых ямах, ориентировка в западный сектор, черепа животных в изголовье, часто – на приступке [Ковычев, 2006, с. 255]. Инвентарный комплекс менее выразителен, хотя продолжают бытовать туески (в т. ч. с граффити). При этом фиксируется как сяньбэйская торевтика (Дурой-1, мог. 5) [Трубникова, 2022, с. 246–250] и характерные волютообразные серьги (Большая Канга-1, мог. 5), так и хуннские поясные костяные (Дурой-1, мог. 3) и гагатовые пряжки (Дурой-1, мог. 11), бронзовые ложечковидные подвески (Дурой-1, мог. 32) [Ковычев, 2006, с. 254, рис. 6]. Наблюдается увеличение количества сосудов бурхотуйского типа. Выделяя из всех признаков сочетание западной ориентировки, отсутствие внутримогильных конструкций и многокомпонентного керамического комплекса, дуройская культура находит прямые аналогии в китайских памятниках Наньбаолигаоту, Иминьчэчжань, Мэнгэньчулу [Чэнь Даохун, 1982], Туаньцзе [Хулуньбэйэрши…, 2004]. Важно, что в трех последних могильниках керамический комплекс достаточно однороден и находит прямые аналогии с бурхотуйской керамикой.

Краткий обзор демонстрирует, что две культуры – зоргольская и дуройская, – безусловно, разделяются по особенностям погребального обряда и инвентарного комплекса, однако традиции трех групп памятников – хуннской, сяньбэйской и дуройской – продолжают сосуществовать вместе.

Наконец, бурхотуйская культура, выделенная еще А. П. Окладниковым [1960], стала собирательной для большого массива памятников, имеющих характерные признаки: каменные выкладки на поверхности; могилы часто врезаны в скальник; забутовка ям камнями до дна; ориентировка преимущественно в западный сектор; сосуды, украшенные налепными валиками с насечками, спускающимися вниз; гривны и др. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 97; Ковычев, 1984, с. 17–18]. Важно, что в отдельных бурхотуйских памятниках в сочетании с характерными бурхотуйскими сосудами встречаются сяньбэйские бронзы (Буерак-5, погр. 4) и хуннские (?) пряжки (Дворцы-4, мог. 1, Чиндант-1, мог. 3) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 178]. В связи с этими обстоятельствами отметим, что имеющаяся на данный момент датировка памятников IV–IX вв. н. э. не подтверждена радиоуглеродным датированием.

Краткий обзор современного состояния проблемы позволяет сделать несколько аккуратных предположений:

1. Наличие бурхотуйских компонентов в хуннских и сяньбэйских материалах намечают перспективу пересмотра датировок первой.

2. Многокомпонетность керамических комплексов сяньбэйских памятников может свидетельствовать не только о хронологических разрывах, но и о разноплеменном сложении комплексов и их разной социально-политической направленности.

3. Находки сяньбэйских бронз в памятниках бурхотуйской культуры позволяют определить перспективным дальнейшее выделение сяньбэйского пласта и переатрибуцию отдельных памятников.

4. Одновременно с этим возможен обратный процесс – выделение в Северо-Восточном Китае бурхотуйских компонентов и памятников. Отметим, что могильники бурхотуйской культуры уже известны на территории Восточной Монголии [Ковычев, 2012, с. 349] и выделение памятников в Северо-Восточном Китае, вероятно, является вопросом времени. Керамика бурхотуйской культуры встречается в китайских памятниках, атрибутируемых как сяньбэй (см. выше) и китайских музейных коллекциях.

Список источников

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь. Ээргунаюци Лабудалинь сяньбэй муцюнь фацзюэ цзяньбао. Краткий отчет о раскопках сяньбийского могильника Лабудалинь в хошуне Ээргунаюци // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 384–396. (на кит. яз.)

Варенов А. В. Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. № 18 (4). С. 30–50.

Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.): учеб. пособие. Иркутск, 1984. 82 с.

Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 4. 2006. С. 232–258.

Ковычев Е. В. К истории ранних монголов в Забайкалье // Монголын Тулгар Төр Хүннүгийн эзэнт улсын 2220 жилийн ойд зориулав. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. С. 345–387.

Ковычев Е. В., Ковычев Е. Е. Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов к XXXVI РАЭСК. Иркутск, 1996. С. 100–103.

Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. Бур. комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. С. 16–30.

Тишкин А. А., Ковычев Е. В. Радиоуглеродные датировки некоторых погребений памятников Зоргол-I и Дурой-I (Забайкалье) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт», 2020. С. 96–97.

Трубникова В. Б. Образ оленя в сяньбэйской металлопластике // Археологические вести. Вып. 34. 2022. С. 242–256.

Трубникова В. Б. Культурно-хронологическая интерпретация сяньбэйского могильника Чжалайнор (Внутренняя Монголия) // Археологические вести. Вып. 40. 2023. С. 231–244.

Хулуньбэйэрши Туаньцзе муди. Могильник Туаньцзе в городском районе Хулуньбэйэр / Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзинсун, Ли Минчжун // Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / под ред. Вэй Цзяня. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 3–15. (на кит. яз.)

Чэнь Даохун. Иминьхэ дицюй дэ сяньбэй му. Сяньбийские погребения в районе Иминьхэ // Нэй Мэнгу вэньу каогу. 1982. № 2 (Спецвыпуск). С. 18–23. (на кит. яз.)

Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. … канд. ист. наук. Чита, 2005. 295 с.

О. А. Хомякова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ЖЕНСКИЙ УБОР ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ I–V ВВ.: ОТ ДАННЫХ К ГИПОТЕЗАМ

Аннотация. Женский убор I–IV вв. Юго-Восточной Прибалтики – важный источник для изучения материальной культуры региона. По данным погребений Калининградского полуострова, Западной Литвы, Северной Польши здесь представлен один из вариантов европейского варварского убора. На формирование локальной идентичности значительное влияние оказали предметы массового импорта (стеклянные бусы) и предметы культуры престижа.

Ключевые слова: Юго-Восточная Прибалтика, римское время, женский археологический убор, модели убора, хронология

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

Женский погребальный убор является одним из источников по изучению материальной культуры Юго-Восточной Прибалтики I–IV вв. Современная Калининградская область РФ, Клайпедский край Литвы и Северная Польша, население первых веков н. э. которых ассоциируется с эстиями Тацита, представляли одну из зон наиболее интенсивных культурных взаимодействий в Балтийском регионе, находясь на границе центральноевропейских культур, Прибалтики и лесной зоны Восточной Европы. Убор эстиев является отражением культурных трансформаций, хронологических изменений, социальной структуры общества.

Тем не менее его исследование долгое время оставалось в рамках традиционного подхода к анализу костюма [Volkaitė-Kulikauskienė, 1997; краткий обзор литературы см. также Жилина, 2024]. Со времени выхода работы М. Темпельманн-Мончиньской, в которой была представлена широкая панорама вариантов женского убора европейских варваров [Tempelmann-Mączynska, 1989], появились новые подходы к его изучению, основанные на разделении понятий «одежда» и «археологический убор», критике прямой связи убора с этническими интерпретациями, применении для объяснения различий в уборе и его изменений термина «модель» [Brather, 2008; Martin, Weetch, 2017].

Значительно расширилась за прошедшее время за счет публикации материалов могильников и доступа к архивным данным база для исследования убора эстиев. Если в работе М. Темпельманн-Мончиньской были использованы материалы 331 погребального комплекса из всей Юго-Восточной Прибалтики, из которых только для 24 имелись данные о расположении инвентаря [Tempelmann-Mączynska, 1983, s. 3], то в настоящее время доступны сведения о более чем 1 400 погребений. Из них около 600 принадлежит самбийско-натангийской культуре, 250 – культуре могильников с каменными венцами Западной Литвы и около 550 – культурным группам Северной Польши. Около 350 из этих погребений являются ингумационными (для большей части из них имеются антропологические определения), что дает широкие возможности для реконструкции ситуационных моделей (типов) убора.

Модели, выделяемые на основе расположения функциональных деталей: пряжек и деталей поясов, фибул, – указывают на то, что у эстиев был представлен один из вариантов европейского варварского убора. Элементы, предназначенные для крепления и соединения различных частей одежды, использовались в культурах Юго-Восточной Прибалтики так же, как и другими варварами, ориентировав-

© Хомякова О. А., 2025

шимися на облик провинциально-римского костюма. Ряд фибул, пряжек, поясных деталей, представленных в уборе костюма эстиев, имеют более широкое, чем Юго-Восточная Прибалтика, распространение.

Динамика, которую демонстрирует смена типов элементов убора, свидетельствует о том, что культуры эстиев развивались в едином ритме с другими культурами европейских варваров. В их материалах присутствуют все наиболее значимые индикаторы фаз Центрально-Европейской хронологии [Хомякова, 2022].

Ряд особенностей позволяет говорить о возникновении у народов Юго-Восточной Прибалтики собственной регионально-хронологической модели убора уже в конце I – пер. пол. II в. Ее отличает ряд элементов, таких как изделия в стиле opus interrasile и «кельтского» облика, происхождение которых неясно, но которые не встречаются вне ареала эстиев [Хомякова, 2022. с. 50–53, 73–77, 86–87, рис. 34–37, 61, 62, 73: 1–2]. Во второй половине II – начале III в. в культурах Калининградского полуострова, Западной Литвы и Северной Польши появляются и собственно локальные формы изделий: ряд вариантов фибул группы V по О. Альмгрену, украшения в стиле «кольцевой гарнитуры» [Khomiakova, 2012; Bliujienė, Butkus, 2017; Хомякова, 2021].

Значимую роль в формировании региональной модели убора имели категории массового импорта – стеклянные бусы, наборы которых складывались под влиянием межкультурных контактов, их направления и интенсивности, что влияло на облик ожерелий и комбинации различных типов бус [Хомякова, 2024].

На основе ситуационных моделей выделяются группы, характеризующие «престижный» женский убор. Его отличает количественный и качественный состав элементов, наличие украшений из драгоценных металлов (главным образом серебра), использование в создании предметов ювелирных техник, характерных для «престижных» украшений европейских варваров. Такие группы убора выделяются на всех хронологических этапах. При этом убор «богатых женщин» Калининградского полуострова, Западной Литвы и Северной Польши отличают разная номенклатура категорий и типы украшений, что может указывать на различия в начавшемся в эпоху римских влияний формировании их локальной идентичности.

Список источников

Жилина Н. В. Основные черты убора из украшений балтов в связи с костюмом: литовцы // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века. М.: ИА РАН. 2024. Т. 34. С. 323–340.

Хомякова О. А. Фибулы I–II вв. (группа V по О. Альмгрену) и формирование региональной модели женского убора в Юго-Восточной Прибалтике // РА. 2021. № 2. С. 73–90.

Хомякова О. А. Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология // «Германия-Сарматия. Монографии». М.: ИА РАН, 2022. Вып. 1. 320 с.

Хомякова. О. А. Стеклянные бусы Юго-Восточной Прибалтики по данным могильников Калининградского полуострова // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье. М.: ИА РАН, 2024. С. 73–86.

Bliujienė A., Butkus D., Heralds of the Late Roman Period or some remarks about the Balt fibulae type Almgren 133 // Orbis barbarorum: studia ad archaeologiam Germanorum et Baltorum temporibus Imperii Romani pertinentia Adalberto Nowakowski dedicata (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, Tomus VI). Warszawa-Schleswig: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie. 2017. S. 97–113.

Brather S. Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter // Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter. 2008. S. 237–273.

Khomiakova O. Sambian-Natangian Culture Ring Decoration style as an Example of Communication between Local Elites In Baltic Region in Late Roman Period // Archaeologia Baltica. 2012. Vol. 18 (II). Klaipėda. P. 147–166.

Martin T., Weetch R. Introduction: dress and society // Dress and society: contributions from archaeology. Oxford & Philadelphia: Oxbow. 2017. P. 1–11.

Tempelmann-Mączynska M. Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobaltyjskiej w okresie wplywow rzymskich // Wiadomosci Archeologiczne. T. XLVIII. Z. 1. 1983. S. 3–19.

Tempelmann-Mączynska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität. 1989. 177 S.

Volkaitė-Kulikauskienė R. Senovės Lietuvių Drabužiai ir jų papuošalai (I–XVI a.). Vilnius: Lietuvos Istorijos institutas. 1997. 151 p.

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

А. В. Бонин
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ХРОНОЛОГИЯ ИЛЬИЧЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК В 2015–2016 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена краткому обзору хронологии памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» по результатам охранно-спасательных раскопок, проведенных в 2015–2016 гг. Выделены периоды освоения территории памятника от эпохи поздней бронзы до раннего Средневековья.

Ключевые слова: городище и поселение Ильичевка, эпоха поздней бронзы, эллинизм, римское время, винодельня, поздняя античность, раннее Средневековье

В 2015–2016 гг. на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (поселение Ильич 1 по Я. М. Паромову), находящемся в Темрюкском районе Краснодарского края, на берегу Керченского пролива, были проведены охранно-спасательные археологические работы. Общая площадь раскопок составила почти 3 гектара, в ходе работ было заложено и выкопано четыре раскопа.

Наиболее ранние слои зафиксированы на территории раскопов 2 и 4, где была исследованы части поселения эпохи поздней бронзы. Культурный слой прослежен на большей части раскопа 2 и в центральной части раскопа 4.

Раскоп 2 был разбит на поле, в 200 м северо-западнее укрепления-«батарейки». Всего на раскопе 2 было открыто и исследовано 100 объектов, относящихся к поселению эпохи поздней бронзы [Бонин, 2024б, с. 33–44]. На территории раскопа 4, разбитого в прибрежной зоне, были найдены 8 колодцев и большие хозяйственные ямы глубиной до 4−6 м [Бонин, Шаров, 2016, с. 61].

Основная масса находок на раскопе 2 представлена фрагментами и немногочисленными археологически целыми формами лепных горшков. Большинство таких сосудов имеют характерный горизонтальный валик, расположенный на шейке сосуда либо в основании плечиков. В единичных случаях плечики горшков украшены крестовидными, колесовидными, волнообразными и сосцевидными налепами.

Лепная керамика, найденная на раскопе 2, схожа с обнаруженной при исследованиях поселения Балка Лисовицкого IV, расположенного близ Тамани. По мнению А. В. Кияшко и Н. И. Сударева, это поселение принадлежит к памятникам сабатиновской культуры Северного Причерноморья, относящихся к позднесабатиновскому времени [Кияшко, Сударев, 2018, с. 214–215].

По всей видимости, к этой же группе памятников относится и поселение, исследованное на территории «Городища и поселения Ильичевка». Учитывая местоположение – побережье около самого узкого места Керченского пролива, можно предположить, что поселение эпохи поздней бронзы возникло близ места переправы через пролив, откуда, по мнению Я. М. Паромова, начинались древние дороги, ведущие от переправы из Крыма на Правобережье и Левобережье Кубани [Паромов, 1998, рис. 2].

В южной части раскопа 2 и на территории раскопа 3, площадью 11 435 м^2, разбитого перпендикулярно ул. Степная (северная окраина современного поселка Ильич), были исследованы слои римского времени. В северной части раскопа 3 был найден винодельческий комплекс.

Остатки винодельни состояли из фрагмента подсобной площадки и трех цистерн. Комплекс находок из заполнения цистерн винодельни можно датировать серединой II – первой половиной III вв. н. э.

В 10 м к востоку от остатков винодельни был обнаружен сильно разрушенный распашкой хозяйственный комплекс, представленный развалами 10 пифосов, 6 фрагментами каменных оснований стен или вымосток и 31 хозяйственными ямами. Ком-

© Бонин А. В., 2025

плекс раскопан частично, часть его уходит на восток за пределы раскопа 3. Комплекс датируется тем же временем, что и винодельня.

Отметим, что это не единственный винодельческий комплекс, раскопанный в 2015–16 гг. Работами О. В. Шарова 2015−16 гг. в прибрежной части поселения, на раскопе 4, был открыт каменный фундамент и вымостки двора большой усадьбы, размерами 20×20 м, состоящей из 5 помещений. Северная часть этой постройки, включающая в себя винодельню, была открыта в 1993 г. под руководством Э. Р. Устаевой. Еще две винодельни были открыты поблизости. Они были однотипны винодельне, упомянутой выше, имели давильную площадку и две цистерны. Рядом с одной из виноделен были открыты каменные фундаменты и вымостки еще одной усадьбы. Все открытые комплексы датированы I в. до н. э. – I в. н. э. [Бонин, Шаров, 2016, с. 60–61].

Южнее винодельни и хозяйственного комплекса, открытых на раскопе 3, в древности проходила небольшая балка, которая была засыпана мусорными сбросами, содержавшими в больших количествах золу, раковины мидий, а также многочисленные фрагменты керамических сосудов. Свалка датируется II – нач. IV в. н. э. Тем не менее на этом участке раскопа 3 обнаружено подавляющее большинство (более 90 %) пантикапейских монет IV–I вв. до н. э., коих в ходе раскопок было обнаружено более половины от всех найденных (225 экз. из 446 определенных).

Отметим, что другие категории материала эллинистического и раннеримского времени, кроме большого количества охарактеризованных выше монет, здесь (как, впрочем, и на площади раскопов 1−3) найдены не были. Такая ситуация, по мнению М. Г. Абрамзона, интерпретирует монеты эллинистического времени как клады, разрушенные в результате сползания грунта по склону оврага [Абрамзон, Бонин, 2017, с. 402]. Клады периода эллинизма могли спрятать в овраге обитатели поселения, расположенного западнее, у пролива, и сейчас уже полностью ушедшего в море, в котором А. А. Завойкин, Г. П. Гарбузов и Н. И. Сударев предполагают Ахиллий [Завойкин, 1999, с. 227; Гарбузов, Сударев, 2015, с. 137–142], или же усадеб, открытых в прибрежной части памятника на раскопах Берег I, Берег 3 и раскопе 4 [Бонин, Шаров, 2016, с. 60–61].

Южнее зольной свалки прослежена часть некрополя позднеантичного времени. Здесь, на участке размером 15×20 м, найдены и исследованы 22 погребения. Скорее всего, некрополь продолжается на восток, за пределы раскопа 3. Часть погребенных имела деформированные, вытянутые черепа. Инвентарь погребенных скуден – лепная керамика, немногочисленные медные серьги, браслеты, датируемые III−IV вв. н. э. Отметим небольшой клад боспорских монет (датируемый 267/268 г. н. э.), найденный при раскопках этого участка памятника и, по всей видимости, связанный с погребениями [Абрамзон, Бонин, 2017, с. 405–406].

Скорее всего, некрополь возник в этом месте поселения после прекращения функционирования винодельни и хозяйственного комплекса в ходе готских походов сер. – вт. пол. III в. н. э. Деформированные черепа и погребальный обряд могут свидетельствовать о появлении в этот период новых групп населения.

Что касается позднейшего этапа существования Ильичевского поселения, то на раскопе 1 площадью 1 450 кв. м, разбитом на северной окраине современного поселка Ильич, вдоль ул. Степной, помимо слоя II–III вв. н. э. с многочисленными ямами, зафиксированы напластования, относящееся к эпохе гуннского нашествия. Найдены остатки 9 построек, датируемые сер. IV – нач. V в. н. э. Близ одной из построек найдена целая красноглиняная амфора с дипинто в виде изображения меноры, которая является свидетельством присутствия иудеев на Ильичевском поселении в указанное время [Бонин, 2024а, с. 156−158]. В этой же части Ильичевского поселения в 1980-е гг. Э. Я. Николаевой и Э. Р. Устаевой была исследована винодельня, датируемая V в. н. э. [Винокуров, Николаева, 2000, с. 10–12].

Масштабные охранно-спасательные раскопки на территории памятника архео-

логии «Городище и поселение Ильичевка» открыли разновременные поселения, от позднего бронзового века до начала раннего Средневековья, последовательно сменявшие друг друга близ переправы через Керченский пролив, имевшей ключевое значение для региона независимо от смены эпох и народов.

Список источников

Абрамзон М. Г., Бонин А. В. Монеты из раскопок городища и поселения Ильичевка в 2015–2016 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. Вып. 3 (57). С. 392–430.

Бонин А. В. Амфора с дипинто в виде меноры из раскопок Ильичевского поселения // Тарханкутские историко-археологические чтения – 2024: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию с начала археологического изучения античных древностей Калос Лимена. Симферополь: Изд-во ИТ «АРИАЛ», 2024а. С. 156–158.

Бонин А. В. Поселение эпохи поздней бронзы на берегу Керченского пролива // Древности Боспора. М.: Изд-во ИА РАН, 2024б. Вып. 29. С. 33–44.

Бонин А. В., Шаров О. В. Н. И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь: Изд-во ООО «Соло-рич», 2016. С. 57–62.

Винокуров Н. И., Николаева Э. Я. Винодельческие сооружения Ильичевского городища // Историко-археологический альманах: сб. науч. ст. Армавир; М.: Изд-во Армавирского краеведческого музея, ИА РАН, 2000. Вып. 6. С. 9–20.

Гарбузов Г. П., Сударев Н. И. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // Древности Боспора. М.: Изд-во ИА РАН, 2015. Вып. 19. С. 135–152.

Завойкин А. А. Проблема локализации Киммериды // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.: Восточная литература, 1999. С. 220–236.

Кияшко А. В., Сударев Н. И. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь; Керчь: Изд-во ООО «Соло-рич», 2018. С. 212–218.

Паромов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. М.: Изд-во ИА РАН, 1998. Вып. 1. С. 216–225.

А. М. Бутягин
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МИРМЕКИЯ

Аннотация. За последние годы при исследовании Мирмекия был сделан ряд интересных находок. Выяснено, что сооружение оборонительной стены относится к рубежу III−II вв. до н. э. В колодце римского времени открыт фрагмент столика из оникса. В центральной части памятника обнаружен клад из 30 монет типа Александра Македонского. Также здесь найден кизикин, аналогичный Мирмекийскому кладу 2003 г.

Ключевые слова: Мирмекий, фортификация, монетный клад, кизикин

В течение последнего времени Мирмекийская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа продолжила работы по изучению городища Мирмекий, расположенного на северном берегу Керченской бухты. Раскопки продолжались на трех участках памятника – возле его юго-восточной границы на участке «М», на участке «И» в центральной части памятника и на участке «ТС» возле скалы акрополя в юго-западной части городища. На всех участках работ были сделаны любопытные открытия, которые заставляют изменить некоторые представления о развитии Мирмекия, а порой влияют и на понимание истории Боспорского царства.

© Бутягин А. М., 2025

На участке «М» в 2017 г. возобновлены раскопки, в ходе которых раскоп существенно расширен в южном направлении. Здесь удалось обнаружить самый ранний участок некрополя Мирмекия относящийся ко вт. пол. VI в. до н. э. В сезоне 2024 г. здесь удалось обнаружить ещё два погребения, одно из которых – детское − было сделано в чрезвычайно редкой фасосской амфоре. Любопытно, что все 4 детских погребения некрополя, найденные к настоящему моменту, сделаны в погребениях разных типов. Также одной из задач на участке являлось изучение продолжения трасс оборонительных стен А и Б, открытых в результате работ В. Ф. Гайдукевича в 1950-х гг. В 2022 г. удалось зафиксировать поворот стены в восточном направлении, теоретически предполагавшийся Д. Е. Чистовым. Наиболее любопытным результатом было открытие в месте поворота ворот и подходящей к ним с запада улицы. Это первые ворота, открытые на городище. Особенно важным является открытие непосредственно под стеной группы ям, материалы из которых относятся к самому кон. III в. до н. э. или, скорее, к рубежу III−II вв. до н. э., из чего следует, что ранняя стена Б, впоследствии перекрытая стеной А, могла быть сооружена не ранее этого времени, в то время как различными исследователями она датировалась концом V–IV вв. до н. э. Таким образом, этот участок оборонительной системы городища, а возможно, и вся его обводная стена были сооружены не ранее кон. III в. до н. э., что существенно меняет наше представление о формировании Мирмекия.

Любопытной находкой на участке является также фрагментированное надгробие с именем Периандра, сына Мирмека. По предварительным данным, оно может относиться к позднеэллинистическому – раннеримскому времени. Имя Мирмек зафиксировано на Боспоре, однако ранее никогда не обнаруживалось в Мирмекии. Кроме того, были сделаны анализы содержимого проходящего здесь участка водостока римского времени, давшие любопытные результаты о пищевых привычках позднего населения Мирмекия.

На участке «ТС», расположенном возле скалы Карантинного мыса, в 2022 г. были исследованы объекты, сохранившиеся ниже уровня усадьбы римского времени, которая исследуется здесь с 2000 г. Удалось открыть несколько ям с материалом рубежа перв. – вт. четв. VI в. до н. э., в том числе с фрагментами коринфской керамики и сосудами в стиле «дикого козла», побывавшими в пожаре. Ранее такие комплексы были открыты только в 1992 г. в ходе раскопок Ю. А. Виноградова несколько западнее, на участке «С». Также в межсезонье местными жителями здесь найден и возвращён экспедиции выпавший из мешаного слоя XX в. мраморный фрагмент, относящийся к рельефу лицевой стороны «Мирмекийского саркофага», в котором, предположительно, похоронен царь Боспора Тиберий Юрий Евпатор. Это уже третий фрагмент саркофага, открытый в ходе работ Мирмекийской экспедиции.

Особый интерес представляет возобновление в 2022−2024 гг. исследования колодца, верхняя часть заполнения которого была выбрана в 2000 г. Устье колодца представляет собой овал размерами около 1,0×1,3 м, с понижением он постепенно расширяется. В 2000 г. заполнение было выбрано на глубину 2,2 м, а в настоящее время достигнута отметка в 7 м. Верхняя часть колодца была плотно заполнена камнями с небольшим количеством грунта и фрагментов керамики, однако примерно от уровня в 6 м количество грунта возрастает, а камней становится меньше и их размер несколько уменьшается. Здесь найдено большое количество фрагментов амфор и другой керамики римского времени, а также монета Савромата II 180−190-х гг. н. э. Чрезвычайно интересной находкой является фрагмент мраморного карниза с граффити в виде неясных надписей и рисунков, судя по всему, магического назначения. Возможно, помещение его в колодец также было частью какого-то ритуала. Еще более удивительной находкой является часть плоского столика из оникса (обнаружена примерно ¼) с отверстием для установки вазы или статуи и обломком ножки из алебастра. Высокое

качество обработки изделия делает его совершенно уникальным для Боспора и свидетельствует о высоком статусе жителей Мирмекия III в. н. э.

Наиболее неожиданные находки были сделаны при работах на участке «И». Небольшая прирезка была заложена здесь в 2017 г. с целью изучения предполагаемого перекрестка улиц позднеархаического города. К настоящему времени продолжается изучение слоев римского и эллинистического времени. В результате проверки металлоискателем отвала, образовавшегося в ходе исследования полы зольника II, были найдены две свернутые свинцовые пластины, которые оказались фрагментами двух односторонних свинцовых писем. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что они происходят из слоя нач. III в. до н. э. Обнаружение каждого свинцового письма является значимым событием для античной эпиграфики. В 2017 г. на участке «И» найдено развернутое двустороннее свинцовое письмо отличной сохранности. Скорее всего, фрагменты принадлежат двум разным письмам.

Самая важная находка сезона была сделана в 2022 г. на этом же участке в ходе исследования котлована ямы I–III вв. н. э. При зачистке ее портов на небольшой глубине от устья ямы обнаружен небольшой глиняный кувшинчик, в котором находился уникальный монетный клад.

Клад состоит из 30 монет – золотых статеров Александра III Македонского и Филиппа III Арридея. Все они диаметром около 18 мм и весом около 8,5 г. На лицевой стороне помещена голова Афины в коринфском шлеме вправо, а на оборотной стороне – изображение стоящей Ники влево, в правой руке которой находится венок, а в левой – предмет, который является корабельной мачтой, или стюлис – устройство для крепления кормового украшения античного корабля.

Статеров Александра Македонского в кладе найдено 26, еще четыре монеты принадлежат Филиппу Арридею. Анализ, опирающийся на издание М. Д. Прайса, позволяет сделать следующие выводы: 9 монет происходят из Македонии, 6 − являются продукцией монетного двора Вавилона, 4 − происходят из Сард, столько же из Лампсака (2 из них Филиппа III), 3 − вероятно, из Абидоса (2 из них Филиппа III), 2 монеты были отчеканены в Арадусе, еще одна монета происходит из Аке (современная Акка), и наконец, одна отчеканена в Милете. Исходя из хронологии М. Д. Прайса с позднейшими уточнениями, клад по крайним датам интервалов может быть датирован 334–300 гг. до н. э. Однако этот интервал можно по ряду признаков сузить до 311–309 гг. до н. э.

Открытие клада золотых статеров Александра Македонского и Филиппа III уникально в связи с тем, что до этого момента число таких монет, попавших в руки ученых с территории Боспорского царства, весьма невелико. По подсчетам М. Г. Абрамзона, до настоящего времени найдено 10 монет такого типа, причем 8 из них принадлежали Александру, а 2 – Филиппу Арридею. Таким образом, количество монет в кладе в три раза превосходит число экземпляров подобного типа, найденных на Боспоре.

Обстоятельства, при которых был заложен клад, могли быть самыми разнообразными, однако датировка комплекса позволяет связать его с «усобицей сыновей Перисада» 310−309 гг. до н. э., когда царь Евмел, желая упрочить свою власть, убил друзей своих братьев, а также их жен и детей. Вероятно, кто-то из пострадавших в ходе репрессий проживал на территории Мирмекия и в момент опасности спрятал наличное золото.

Еще одна уникальная монетная находка была сделана на том же участке в 2024 г. Здесь, в слое, относящемся ко времени разрушения домов перв. пол. IV в. до н. э., была найдена электровая монета Кизика (кизикин) с изображением Ахелоя, по хронологии Г. Фритце, относящаяся к V в. до н. э. Две аналогичные монеты были обнаружены в кладе, найденном поблизости в 2003 г. Находка ещё одного кизикина в Мирмекии является абсолютно уникальным явлением. Невозможно уверенно выяснить, относится ли эта монета к ранее обнаруженному кладу, однако сходный тип монеты и незначительное расстояние между находками позволяют высказать

предположение, что она могла относиться к той же сумме, из которой был выделен клад 2003 г.

В целом, сделанные за последнее время находки относятся практически ко всем периодам существования античного Мирмекия и вносят существенные коррективы в наши представления о его развитии.

В. В. Вахонеев
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В I–III ВВ. Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ЮЖНОГО ПРИГОРОДА)

Аннотация. Анализируется планировочная структура некрополя Херсонеса, реконструируется динамика его развития, выделяются основные типы сооружений, особенности погребальных практик, преемственность планировочных традиций, а также влияние римской культуры на формирование пространства городского некрополя. Выявляется связь пространственной организации с аналогичными процессами в других регионах.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, некрополь, погребальные обряды, кремация

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20456, https://rscf.ru/project/24-28-20456.

Археологические исследования южного пригорода Херсонеса Таврического, проведенные в 2021–2023 гг. под руководством С. Л. Соловьева на площади 8,5 га, позволили выявить значительное количество археологических объектов различных эпох, предоставив обширный материал для изучения исторической топографии и культурного наследия региона [Краткие итоги…, 2024, с. 17–28]. Особенностью этих работ стала возможность одновременного вскрытия больших площадей культурных напластований с применением современных методик фиксации и документирования. Полученные данные позволили существенно дополнить представления об эволюции данной территории в исторической перспективе, включая детали планировочной структуры городского некрополя римского периода.

Целью данной статьи является анализ особенностей планировки некрополя Херсонеса Таврического в I–III вв. н. э., основанный на материалах раскопок южного пригорода, с акцентом на его пространственной организации, архитектурных формах и погребальных обрядах.

Херсонес римского времени унаследовал от предыдущего периода преемственность в градостроительных традициях, что в полной мере проявилось и в организации южного пригорода. В римский период данная территория приобрела статус сформировавшегося некрополя с четкой внутренней пространственной организацией, развивавшейся в рамках общих для Средиземноморья традиций.

С IV в. до н. э. через пригород проходила дорога, ведущая от городских ворот, что наделило эту территорию особым сакральным значением. Вдоль дороги был возведен комплекс крупных сооружений: общественное здание с множеством помещений, мавзолей (героон) с саркофагом, храм в антах и священный источник (нимфей).

© Вахонеев В. В., 2025

В римское время на месте указанного здания был возведен комплекс монументальных погребальных сооружений, включавший наземный склеп-колумбарий, плитовые могилы, каменные гробницы со стелами Аристона и Аннион, а также ступенчатую конструкцию, интерпретируемую как экседра П-образной формы.

К северу от этого комплекса к главной дороге, ведущей в город, примыкал вымощенный проулок. Он с северной стороны был ограничен кладкой с пилястрами, а к П-образной экседре в южной части примыкала массивная полуколонна с углублением для засова, служившая пилоном запиравшегося входного проема. С противоположной стороны проулка была обустроена вторая экседра. Она представляла собой полукруглую конструкцию со ступенчатым фасадом, площадкой и скамьями, декорированными львиными лапами.

Экседры сочетали в себе места отдыха, проведения ритуалов и погребальных обрядов. В херсонесской полукруглой экседре прослеживается связь с аналогичными сооружениями в Малой Азии, а также Помпеях. Внутри этой экседры был обнаружен погребальный комплекс, состоящий из двух плитовых могил и двух саркофагов, содержащих останки как кремированных, так и захороненных по обряду ингумации людей.

К проулку примыкало еще одно уникальное сооружение южного пригорода Херсонеса: толос. Он представлял собой круглую в плане конструкцию, в центре которой стоял саркофаг со свинцовой урной. Входом толос был обращен в сторону проулка.

Еще одна особенность погребального обряда, которую удалось выявить благодаря последним археологическим раскопкам, – обнаружение мест, на которых проводилось кремирование умерших перед их захоронением. Для этого использовались специально подготовленные заглубленные площадки. За период исследований 2021–2023 гг. было зафиксировано более 340 кремационных площадок первых веков н. э. – подпрямоугольных и подовальных в плане ям, стенки и дно которых имели прокаленную глиняную обмазку. В большинстве ям с одной из длинных сторон было зафиксировано наличие поддува. Часто в заполнении площадок фиксировались остатки обгоревших сырцовых кирпичей, из которых, возможно, складывалась верхняя часть сооружения, а также крупные фрагменты обугленной древесины. На дне прослеживался слой золы и углей с мелкими, сильно кальцинированными костями людей. В ряде случаев также был обнаружен немногочисленный погребальный инвентарь со следами воздействия огня – стеклянные бальзамарии, гончарные сосуды, фрагменты погребальных венков, золотые бляшки и ювелирные украшения. Большинство находок позволяют датировать выявленные объекты в пределах второй половины I в. – II в. н. э.

Эти данные подтверждают выводы исследователей о наличии в некрополе «трупосожжений на месте», однако уточняют, что кремации проводились в специально подготовленных местах, а не непосредственно в могилах [Косцюшко-Валюжинич, 1912, с. 133; Зубарь, 1982, с. 51; Супрун, 2014, с. 29]. Прах после кремации помещался в урну и захоранивался отдельно или в колумбариях. Полученные данные опровергают предположение о том, что эти площадки являются остатками поминальных тризн [Зубарь, 1982, с. 52].

Детальный анализ всех открытых кремационных площадок южного пригорода Херсонеса еще только предстоит провести, однако уже сейчас можно отметить, что подобные сооружения на некрополе Херсонеса были обнаружены впервые, тем более в таком количестве. Очевидно, в этом месте располагался специально выделенный для совершения обряда кремации участок некрополя римского времени. При этом тут же были обнаружены как одиночные захоронения в урнах, так и целые склепы-колумбарии с многочисленными нишами для установки урн. Таким образом, раскопки в южном пригороде позволили уточнить определенные аспекты обряда кремации в Херсонесе в римское время.

К востоку от дороги с монументальными сооружениями, в конце проулка, рас-

полагался участок с захоронениями в ямах и склепах, отделенный пропилоном. Наличие богатого инвентаря позволяет предположить, что он принадлежал зажиточным гражданам Херсонеса. Южнее располагался участок с погребениями рядовых горожан в простых ямах или каменных ящиках. К западу от этого района выявлен участок некрополя III в. н. э. (раскоп 23) с большим количеством захоронений в грунтовых ямах с относительно богатым инвентарем, в том числе с остатками римских солдатских калиг.

На периферии некрополя, поперек Херсонесской балки, была обнаружена мощная стена с контрфорсами, функция которой заключалась не в фортификации, а в защите некрополя от аллювиально-пролювиальных наносов [Геоморфология…, 2023, с. 29].

Открытие сотен погребальных сооружений в южном пригороде Херсонеса позволяет реконструировать планировку и пространственное развитие некрополя римского времени. В организации некрополя прослеживаются аналогии с пространственной организацией некрополей Италии, где с I в. н. э. распространилось обустройство погребальных улиц с индивидуальными и семейными усыпальницами, а также почетными монументами [Буйских, 2008, с. 231]. Подобная практика была характерна и для некрополей западных провинций Римской империи и Малой Азии. В Херсонесе новые погребальные памятники органично вписывались в существовавшую планировку, демонстрируя сочетание местных традиций и новых веяний.

Раскопки южного пригорода Херсонеса позволили уточнить пространственную организацию некрополя римского времени (I–III вв. н. э.). На протяжении этого периода прослеживалась устойчивая связь обрядов ингумации и кремации, причем последний заметно преобладал, а также формировалась сложная инфраструктура некрополя с местами для погребений, кремаций, ритуалов и поминания усопших. Основной массив монументальных сооружений тяготел к дороге, ведущей к городским воротам, что соответствовало традиции обустройства погребальных улиц с индивидуальными и семейными усыпальницами.

Список источников

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2008. 424 с.

Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований / В. В. Глазунов, А. А. Букатов, В. В. Вахонеев, Н. Н. Ефимова, В. В. Панченко // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 24–43.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 142 с.

Косцюшко-Валюжинич Д. Н. Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь: Типография Тавр. Губ. Земства, 1912. Вып. 47. С. 124–134.

Краткие итоги раскопок южного пригорода Херсонеса / Н. Ф. Соловьева, Ю. А. Виноградов, В. Л. Мыц, С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев // Бюллетень ИИМК РАН. СПб: Невская типография, 2024. № 15. С. 17–28.

Супрун Н. О. О трансформации погребального обряда Херсонеса-Херсона на примере использования кремации // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 28–34.

О. М. Ворошилова, А. Н. Ворошилов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ ФАНАГОРИИ

Аннотация. Работа посвящена группе редких каменных гробниц в форме ящика, обнаруженных в некрополе эллинистической Фанагории. Эта группа погребальных сооружений весьма монолитна в морфологическом и конструкционном отношении. Прослеживается сходство обряда. Выделяется два хронологических горизонта существования этих усыпальниц. Для немногочисленных ранних построек прослежена генетическая связь с каменными склепами. Делается вывод о том, что цисты были элементом элитарной погребальной культуры столицы Азиатского Боспора.

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, эллинизм, некрополь, каменные гробницы

Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ ЕГИСУ НИОКТР 12201 1200269-4).

Столичный статус Фанагории обусловил максимальное разнообразие погребальных традиций ее жителей. В свою очередь, это явление отразилось в широчайшем спектре вариативности погребальных сооружений. Особенное место в некрополе Фанагории занимают каменные постройки. Знатные и состоятельные горожане имели возможность хоронить своих умерших в дорогих гробницах, в том числе построенных из пантикапейского известняка. В эпоху эллинизма помимо монументальных склепов городская элита использовала для погребения так называемые каменные ящики. Этот тип гробниц довольно широко представлен в некрополях Азиатского Боспора. Особенно много их на территориях, богатых камнем, таких как Горгиппия и Европейский Боспор. Здесь эти сооружения появляются уже в VI–V вв. до н. э., а начиная с IV в. до. н. э., со времени объединения Боспора в единое государство, они распространяются на Азиатском Боспоре. Такие гробницы широко известны в греческом мире, например, в Ионии, Милете, Абдерах.

В качестве традиционных наименований этих погребальных сооружений в отечественной историографии используются термины «каменный ящик» и «плитовая могила», в мировой практике подобную усыпальницу из плоских плит именуют «циста». Не останавливаясь на разборе терминологических дефиниций, отметим, что погребальные постройки Фанагории, возведенные из ровных блоков известняка, прямоугольные в плане и не имеющие входа, принято называть каменными ящиками. Именно эти объекты попадают в объектив нашего исследования.

Монументальная погребальная архитектура представлена в Фанагории двумя основными типами сооружений. Это склепы и цисты. Оба типа погребальных построек довольно редки. Особый интерес к подобным гробницам обусловлен именно их немногочисленностью, что в немалой степени связано с дефицитом строительного камня на Азиатском Боспоре. За исключением единственного склепа, возведенного из римского бетона, все они сложены из блоков пантикапейского известняка. Каменных ящиков в Фанагории на сегодняшний день известно чуть более пяти десятков. Сразу стоит отметить, что сохранность большинства известных сооружений плачевна. Это обусловлено совокупностью факторов. Так как в некоторых захоронениях содержался богатый погребальный инвентарь, многие из них подверглись ограблению еще в древности. Кроме того, эти гробницы располагались совсем неглубоко, что облегчало работу грабителей и делало эти древние конструкции жертвой глубокой распашки в новейшее время. Как правило, они попадают в руки исследо-

© Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н., 2025

вателей уже ограбленными и полуразрушенными в древности. Находки таких погребений в нетронутом состоянии крайне редки. В последние годы Некропольскому отряду Фанагорийской экспедиции ИА РАН удалось обнаружить несколько подобных усыпальниц, не разоренных грабителями. Иногда каменные перекрытия этих гробниц залегают в полуметре от современной дневной поверхности или немногим глубже. Как правило, они содержат захоронения одного, реже нескольких людей, сопровождавшиеся многочисленным и разнообразным инвентарем.

В большинстве своем цисты возводились жителями Фанагории в эллинистическую эпоху.

Самые ранние погребальные ящики появляются во вт. пол. – посл. четв. IV в. до н. э. Находки построек этого времени единичны. Представлены они двумя основными видами: ящик для кремаций и гробницы для ингумаций. Известна единственная квадратная циста этого времени с прямым перекрытием из плит, исполнявшая роль вместилища для кремированных человеческих останков, уложенных в большую бронзовую гидрию. Это захоронение сопровождалось набором керамических сосудов (в том числе краснофигурными пеликами) и фрагментами золотых венков. Располагалась циста по соседству с основным погребением крупного кургана – каменным склепом с уступчатым перекрытием. Остальные каменные гробницы раннего хронологического горизонта предназначались для захоронения по обряду ингумации. Все они в плане прямоугольной формы и обнаружены полностью ограбленными и частично разрушенными. Судя по значительным размерам и отдельным находкам декора, некоторые из них предназначалась для захоронений в деревянных, богато украшенных саркофагах. Характерными особенностями, генетически связывающими эти ранние цисты с каменными склепами, являются массивность блоков, из которых они возводились; несколько рядов кладки стен; ниши для светильников, вырубленные во внутренней поверхности стен; двускатные каменные крыши/перекрытия.

Цисты позднего хронологического горизонта в Фанагории, вероятно, появляются в III в. до н. э. Пик «моды» на эти погребальные сооружения приходится на вторую половину II в. до н. э. Именно в это время возводится подавляющее большинство всех каменных ящиков, открытых при раскопках некрополя столицы Азиатского Боспора. Большинство «поздних» каменных ящиков имеют близкие пропорции и конструкцию. Они сооружались в котловане из близких по размеру и форме известняковых плит. Границы котлованов имели в плане прямоугольную форму, покатые стенки и плоское горизонтальное дно размером с запланированную гробницу. На первом этапе строительства по периметру дна котлована из поставленных на продольное ребро прямоугольных плит возводились стены. Продольная стена ящика состояла из трех-четырех плит, торцевая – из одной. Следует отметить, что при строительстве стен погребения в большинстве фанагорийских комплексов торцевые плиты приставлялись к продольным. Реже край каждой из четырех стен приставлялся к внутренней поверхности следующей стены. В большинстве случаев для возведения стен использовали 8, реже 10 плит. Еще 6–8 плит строители укладывали горизонтально на стены поперек ящика, плотно придвигали их друг к другу, формируя таким образом сплошное каменное перекрытие. При этом пол внутри гробницы, за редким исключением, оставался земляным. В некоторых случаях, для придания вида каменной поверхности его засыпали известняковой крошкой и утрамбовали. В результате этих действий пол выглядел каменным. Пространство между внешними сторонами вертикально установленных плит и стенами котлована забутовывалось грунтом, вынутым при выкапывании котлована. Именно поэтому границы котлована часто не «читаются» при зачистках и вертикальных разрезах. Однако наличие самого котлована подтверждают разновеликие осколки камня в его заполнении, прижатые снаружи к плитам. Они использовались для лучшей фиксации стен, которые распирались этими обломками. Не исключено, что кон-

струкция позднеэллинистических цист имитировала более дорогой монолитный каменный саркофаг.

Как правило, фанагорийские каменные ящики содержали захоронение одного взрослого человека, сопровождавшееся многочисленным и разнообразным инвентарем. Несмотря на то что в подавляющем большинстве случаев погребения основательно разорены грабителями, из полусотни гробниц в двенадцати случаях удалось достоверно установить нахождение в погребении одного человека. Все эти случаи можно назвать стандартными. Достоверные свидетельства захоронения в пространстве одного ящика двух и более индивидов происходят из четырех гробниц. Все эти контексты индивидуальны.

Ящики, не потревоженные грабителями, позволяют объективно оценить положение погребенных и сопровождающий их инвентарь. Все захороненные в каменных гробницах люди, чьи скелеты сохранились *in situ*, лежали вытянуто на спине, головой на восток. Количество погребенных в одном ящике индивидов колеблется от одного до семи. Во всех без исключения ящиках содержался набор разнообразной керамической посуды. Кроме того, в погребальный инвентарь погребений входили медные монеты, свинцовые гирьки, бронзовые пряжки, каменный оселок, серебряная ворворка, железные ножи и перстни, бусы, ювелирные украшения и пр. Разнообразный инвентарь позволяет отнести время сооружения большинства гробниц ко вт. пол. – кон. II в. до н. э. Единственное более позднее захоронение I в. до н. э. в ящике совершено в качестве вторичного использования более ранней гробницы II в до н. э.

Подводя итог представленному краткому обзору эллинистических каменных гробниц Фанагории, необходимо отметить, что эта группа погребальных сооружений весьма монолитна в морфологическом и конструкционном отношении. Прослеживается и сходство обряда. Эти погребения имели довольно сложную архитектуру и строились из дорогого на Азиатском Боспоре камня, а следовательно, принадлежали не рядовым горожанам. Подтверждается это и разнообразием погребального инвентаря, многие элементы которого крайне редки или даже уникальны для некрополя эллинистической Фанагории. Таким образом, каменные цисты были элементом элитарной погребальной культуры столицы Азиатского Боспора. В немалой степени это обусловлено дороговизной качественного строительного камня, поставлявшегося в Фанагорию из Пантикапея морем. Не вызывает сомнений, что, помимо высокой стоимости материала, немалых средств стоила и работа высокопрофессиональных строителей, возводивших эти гробницы. Вполне закономерно, что заказать постройку таких усыпальниц могли только состоятельные люди.

С. С. Горланов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ВНУТРИБОСПОРСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ПРИКУБАНСКОМ РЕГИОНЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО ГОРОДИЩА

Аннотация. В исследовании представлены результаты работ на грунтовом могильнике Елизаветинского городища, полученные Кубанской экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР и МО ГАИМК, под руководством В. А. Городцова в 1934−1935 гг. Имеющиеся материалы позволяют датировать существование комплексов в пределах IV−II вв. до н. э.

Ключевые слова: Прикубанье, Боспор, меоты, могильник, обряд

Исследование выполнено в рамках плановой темы: Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций (№ НИОКТР 122011200269-4).

Оценка состояния экономики и стабильности политической системы Боспорского государства в эпоху эллинизма вызывает немало дискуссий. О кризисных явлениях в экономике Боспора свидетельствуют нумизматические материалы, вместе с тем о поступательном развитии экономической и политической сфер Боспорского государства говорит стремительное расширение его границ. Причем наиболее ощутимые изменения в кон. IV в. до н. э. произошли в географии Азиатского Боспора. С. А. Жебелев охарактеризовал этот процесс как вторичную, «внутрибоспорскую» колонизацию [Жебелев, 1953, с. 160]. О масштабах и основных направлениях продвижения боспорян свидетельствуют возникновение в низовьях Дона – Танаиса, в бассейне реки Кубань − Краснобатарейного городища, а на хоре Горгиппии, подвластной к этому времени Боспору, – Раевского городища.

В миграционные процессы, связанные с расширением сферы влияния Боспорского государства, были вовлечены обитатели варварской периферии к востоку от границ Азиатского Боспора. Прежде всего это обитатели внутренних районов Прикубанья, носители т. н. меотской культуры [Каменецкий, 1989, с. 224]. По-видимому, уже в кон. V в. до н. э. зерно из Прикубанья играло важную роль в экономике Боспора. Об этом свидетельствует вывоз в этот регион многочисленного античного керамического импорта. Боспорские купцы проникали далеко вглубь от побережья, жили и торговали в меотских поселениях. Вероятно, наиболее восточным торговым форпостом – эмпорием Боспорского царства в перв. пол. IV в. − II в. до н. э. являлось Елизаветинское городище, удаленное от столицы Азиатского Боспора – Фанагории более чем на 140 км.

Процесс освоения новых земель (колонизация) – это прежде всего миграционный процесс вызванный как правило, целым комплексом экономических и политических причин. При отсутствии письменной традиции на присоединенных в этот период периферийных территориях одним из наиболее перспективных источников могут быть погребальные памятники. Именно материалы некрополей позволяют судить об особенностях формирования состава населения и этнических массивах, которые приняли участие в этом процессе. Елизаветинский археологический комплекс расположен в 18 км к западу от Краснодара, на юго-восточной окраине станицы, на берегу старого русла р. Кубань и включает площадку городища, грунтовый и курганный могильники. Последний исследовался Н. И. Веселовским в 1913–1917 гг. [Шилов, 1955, с. 228–229]. В данной работе вводятся в научный оборот материалы раскопок грунтового могильника Елизаветинского городища, полученные Кубанской экспедицией под ру-

© Горланов С. С., 2025

ководством В. А. Городцова в 1934–1935 гг. За два года на грунтовом могильнике было исследовано 95 погребений, 38 из которых вскрыто в 1934 г. и 57 – в 1935 г. Коллекция обнаруженных предметов хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (фонды № 5338, № 6288).

Могильник был открыт в 1928 г. во время одного из посещений М. В. Покровского ст. Елизаветинской в обрывах берега старого русла р. Кубань, примыкавшего к городищу с западной стороны, где местные жители брали глину для своих нужд. Одним из них был обнаружен «супник» с людьми в «пожарных касках» и браслеты, другим «круг из меди» с изображением людей и животных[19]. Кроме разрушений, производимых жителями станицы, могильник систематически подмывался разливом р. Кубань во время половодья. В 1928–1934 гг. М. В. Покровским на этой территории было доследовано около 30 погребений. Погребения, исследованные в 1934–1935 гг., располагались на двух участках: западном – у обрыва пойменной долины р. Кубани и восточном – по ул. Майской станицы Елизаветинская. Обе группы располагались к северу от западной части городища[20]. Все захоронения на могильнике совершены в грунтовых ямах. Проследить их форму по отчетным материалам невозможно, но при этом отмечаем значительные вариации глубины захоронения. Если погребения, исследованные М. В. Покровским в обрезе берега, обнаружены на глубине 1,2–1,5 м[21], то В. А. Городцов говорит о том, что некоторые захоронения располагались практически на поверхности, и предполагает наличие насыпей над ними[22].

Достоверно проследить позу погребенных удалось в 61 комплексе. В 90 % случаев скелеты лежали вытянуто на спине, в пяти захоронениях − скорченно на боку, в одном случае отмечено сидячее положение покойного. О половозрастном составе погребенных кратко сообщает В. А. Городцов в предварительном сообщении о раскопках: им определено 23 мужских погребения, 22 женских, 6 детских, остальные 44 не выяснены ввиду разграбления части комплексов и плохой сохранности скелетов [Городцов, 1936, с. 183].

Ориентировка погребенных на могильнике довольно неустойчива, преобладает в восточном секторе: 53 % уложены головой на восток, 19 % на северо-восток, 5 % на юго-восток. Незначительно количество комплексов с южной (13 %) и северной ориентировкой (8 %), при этом захоронений в западном секторе не выявлено.

Схожая ситуация характерна и для погребального обряда на юго-восточной периферии Азиатского Боспора – хоре Горгиппии, некрополе Раевского городища и некрополе у пос. Виноградный в Крымском районе, синхронных по времени.

Стоит отметить ряд специфических особенностей погребального обряда на могильнике. Так, эллинский обычай «обол Харона» отмечен в 10 % погребений, при этом количество монет варьировалось от одной до семи. Обнаруженные монеты – медные, чеканки Пантикапея, большинство относится к III в. до н. э. (самая ранняя датируется IV–III вв. до н. э., самая поздняя – нач. II в. до н. э.). Стабильным обрядом на могильнике является и наличие миски под головой погребенных, присутствует в 1/3 всех захоронений, свыше 50 % случаев в погребениях с восточной ориентировкой. Обилие костей животных в могилах и сосредоточение керамических сосудов в ногах погребенных свидетельствует о традиции оставления заупокойной пищи.

Погребальный инвентарь обнаружен в 72 исследованных комплексах (76 % от общего числа захоронений). Различные керамические сосуды присутствуют в каждом втором погребении, подразделяются на три большие группы и в целом коррелируют с находками в слое городища: 1) им-

[19] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 794. Л. 9.
[20] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 83. Л. 2.
[21] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 794. Л. 10−12.
[22] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 83. Л. 2.

портные античные; 2) сероглиняная лощеная и красноглиняная посуда местного производства; 3) лепная посуда [Шилов, 1955, с. 235].

Открытые керамические формы представлены преимущественно различных типов чашами (40 экз.) и мисками (34 экз.). В погребении 23 была обнаружена хорошо сохранившаяся мегарская чаша с рельефным рисунком и надписью. Значительно реже покойных сопровождали сосуды для питья – канфары и кружки (12 экз.), рыбные блюда (5 экз.).

Закрытые керамические формы представлены различного размера и формы кувшинами, присутствуют в 33 захоронениях. Выделяются в погребениях сосуды для масел и благовоний – амфориски и унгвентарии (встречены в 12 комплексах), присутствие которых указывает на греческое влияние в погребальной традиции – наряду с амфорной тарой они составляют группу привозной античной керамики. Лепная посуда представлена горшками плохой сохранности и лепными вазочками.

Вторую значительную группу погребального инвентаря составляют украшения, сопровождающие погребенных, – наборы бус и бисера присутствуют в 40 % комплексов, кольца (18 экз.) и перстни (7 экз.). Значительно реже встречались браслеты (5 экз.), фибулы (1 экз.), височные кольца (2 экз.).

Предметы быта и туалета, выявленные в захоронениях, зачастую указывают на специализацию населения. Так, в шести комплексах обнаружены железные серпы, в девяти – железные ножи, в четырех – керамические пряслица. К этой же категории погребального инвентаря относим находки двух зеркал и двух шильев.

Предметы вооружения в могильнике обнаружены в 10 % комплексов и в основном представлены многочисленными наборами наконечников стрел и копий в различных сочетаниях. Так, в погребении № 2 помимо набора из 41 железного наконечника стрел, двух наконечников копий, обнаружен железный меч с полукольцевым навершием.

Сравнительный анализ собранных и систематизированных погребальных комплексов при явном господстве местных погребальных традиций обнаружил неоднородность материала в целом. Однако не вызывает сомнений, что здесь жили и греки – боспоряне, оказавшие значительное влияние на местный погребальный обряд. Имеющиеся материалы позволяют датировать существование комплексов в пределах IV–II вв. до н. э.

Список источников

Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. // СА. 1936. Вып. 1. С. 171–186.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.

Каменецкий И. С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 224−251.

Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. Вып. 23. С. 238−259.

В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко, О. В. Григорьева
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ УЧЕНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ГРЕЦИИ И МАЛОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX − НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. В конце XIX в. изучение древностей Балканского полуострова и Ближнего Востока вышло на новый уровень благодаря копированию российскими учеными эпиграфических памятников с помощью эстампажей. Эту работу, начатую в Афинах в 1880 г. учениками Ф. Ф. Соколова, продолжили с 1895 г. сотрудники Русского археологического института в Константинополе. Собранные ими материалы сейчас находятся в ИИМК РАН.

Ключевые слова: античная эпиграфика, эстампажи, проекты Русских археологических институтов за рубежом, Научный архив ИИМК РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00202, https://rscf.ru/project/24-18-00202/ «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)» в ИИМК РАН.

В одной из крупнейших в России коллекции эстампажей, хранящейся в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН[23], немалую долю составляют факсимильные копии античных надписей Греции и Малой Азии. Обстоятельное изучение этих эстампажей началось лишь недавно в рамках гранта РНФ № 24-18-00202. Данный комплекс эпиграфических документов начал формироваться с сер. XIX в., когда Россия, по примеру западноевропейских государств, включилась в процесс создания научных учреждений за рубежом. Первая попытка реализации такого намерения была предпринята в 1879 г. русским чрезвычайным посланником в Греции П. А. Сабуровым, знатоком и коллекционером античного искусства. В соответствии с резолюцией Александра II министр народного просвещения Д. А. Толстой обратился к директору Историко-филологического института К. В. Кедрову. Последний предложил не спешить с учреждением Русского археологического института в Афинах, а для начала заняться подготовкой нужных специалистов. Для этого в Грецию были командированы недавние выпускники Петербургского историко-филологического института (ПИФИ) и филологического факультета Петербургского университета [Басаргина, 2008, с. 206; Павличенко, Григорьева, Горончаровский, 2024, с. 150−163].

В июне 1880 г. в Афины по рекомендации известного эпиграфиста, профессора Ф. Ф. Соколова, отправились его ученики В. В. Латышев и В. К. Ернштедт[24]. Изучение античных надписей и греческих древностей было определено в качестве главной задачи на два года командировки. Впоследствии их сменили Д. Н. Корольков, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, С. А. Селиванов, А. Н. Щукарев, Р. Х. Лепер и др. Все командированные в Грецию исследователи должны были регулярно представлять отчеты о своих занятиях. Они вели регулярную переписку с Ф. Ф. Соколовым и И. В. Помяловским, в которой постоянно обсуждали надписи из коллекций греческих музеев или найденные в ходе раскопок, а также подготовленные стипендиатами статьи. Сделанные в Греции эстампажи привозили в Петербург, в результате чего здесь образовалось значительное собрание факсимильных оттисков греческих надписей из Афин, Дельф, Эпидавра, с островов Делоса, Теноса, Милоса, Кеоса и других античных

© Горончаровский В. А., Павличенко Н. А., Григорьева О. В., 2025

[23] РО НА ИИМК РАН. Р-II. Оп. 1. Д. 1–473.

[24] Об организации заграничных поездок выпускников ПИФИ см.: ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195; Гицевич, 2022, с. 81–84; Колышницина, Ланцов, 2023, с. 903–906.

центров, ныне хранящееся в Научном архиве ИИМК РАН. Среди них имеются и ранее неизвестные эпиграфические памятники: письма императора Антонина жителям Фисбы и Короней [Латышев, 1881, с. 250–263] и senatus consultum из Нарфакия [Латышев, 1882, с. 271–310]. В том числе в коллекции присутствуют, например, эстампажи мегарского посвящения феоров Аполлону Простатерию III в. до н. э.[25], дельфийских манумиссий и проксений [Никитский, 1894/95; 1901].

Идея создания Русского археологического института в Афинах, к сожалению, так и не воплотилась в жизнь, но афинские командировки способствовали формированию и развитию в России школы антиковедов-эпиграфистов. Привезенные ими эстампажи, вероятно, уже после революции сложными путями попали в Российскую/Государственную академию истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК), прямым преемником которой ныне является ИИМК РАН. В нач. 1920-х гг. С. А. Жебелев, преподававший в Петербургском историко-филологическом институте и являвшийся сотрудником Академии, отмечал, что у него в разряде археологии Эллады и Рима РАИМК хранятся выполненные А. В. Никитским эстампажи дельфийских и других надписей [Жебелев, 1923, с. 157]. Можно предположить, что именно Жебелев, как один из последних учеников Ф. Ф. Соколова, пытаясь сохранить эстампажи, забрал их в РАИМК. Это могло произойти или после реорганизации ПИФИ в Педагогический институт в 1918–1919 гг., или во время ликвидации института и присоединения его к Петроградскому университету в 1922 г. [Тункина, 1999, с. 176, 218].

Эстампажи, сделанные А. Н. Щукаревым, хранившиеся в университетском Музее древностей [Жебелев, 1923, с. 157], скорее всего, попали в уже преобразованную Государственную академию истории материальной культуры позднее, в нач. 1930-х гг., когда Музей древностей прекратил свое существование [Тихонов, 2016, с. 220–221].

В 1895 г. был создан Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), основная часть документального наследия которого в 1930-е гг. была передана в ГАИМК. Многие эстампажи из коллекции РАИК были сняты сотрудниками Института во время археологических экскурсий в Малой Азии и Македонии [Басаргина, 1999, с. 40–42]. Маршруты для них выбирались не случайно, а на основе подробных данных. Сразу после своего открытия Институт направил письма к русским консулам, находившимся в различных городах Османской империи, с просьбой сообщать сведения о наиболее важных памятниках, находящихся в местностях, малодоступных для иностранных исследователей. Как реакция на это последовала присылка отдельных эстампажей русскими консулами: А. Д. Левитским из Коньи и К. Н. Лишиным из Салоник.

Значительное количество эстампажей изготовили сотрудники РАИК П. Д. Погодин и Я. И. Смирнов на северо-восточном побережье Малой Азии. Е. М. Придик в августе 1895 г. посетил Фессалию, где изучил античные и средневековые надписи. Аналогичную работу провела в Македонии летом и осенью 1898 г. экспедиция РАИК, в состав которой вошел М. И. Ростовцев, обследовавший археологические памятники Салоник и окрестностей, а также ряд других городов Македонии. В результате этого был собран богатый материал, имеющий отношение в том числе и к античной эпиграфике. В 1899 г. ученый секретарь РАИК Б. В. Фармаковский и магистр Юрьевского (ныне Тартусского) университета О. Ф. Вульф исследовали древние памятники, находящиеся в окрестностях древней Листры, к юго-западу от турецкого г. Коньи в центральной части Анатолии.

Подавляющее большинство эстампажей, о которых шла речь, фиксируют состояние эпиграфических памятников на кон. XIX – нач. XX в. К настоящему времени их сохранность в ряде случаев значительно ухудшилась, некоторые из надписей были утрачены из-за военных конфлик-

[25] РО НА ИИМК РАН. Р-II. Оп. 1. Д. 304. Л. 4–5.

тов или природных условий. Таким образом, сохранение богатейшего эпиграфического собрания в фондах ИИМК РАН является большой удачей для всех антиковедов.

Список источников

Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе (очерки истории). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 244 с.

Басаргина Е. Ю. Проекты создания русских археологических институтов за рубежом // ВДИ. 2008. № 4. С. 205–213.

Гицевич Е. С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. 2022. № 478. С. 80–86.

Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. 2. Теория и практика археологического знания. Пг.: Наука и школа,1923. 172 с.

Колышницина Н. В., Ланцов С. Б. Заграничные командировки выпускников Императорского историко-филологического института // ВДИ. 2023. № 4. С. 902–928.

Корольков Д. Н. Несколько неизданных мегарских надписей // ЖМНП. 1883. Сентябрь. Вып. 229. С. 57–75.

Латышев В. В. Эпиграфические этюды. III // ЖМНП. 1881. Июль. С. 305–313.

Латышев В. В. Эпиграфические этюды. IV // ЖМНП. 1882. Июль. С. 271–310.

Никитский А. В. Дельфийские эпиграфические этюды. Вып. I–VI. Одесса: Тип. Штаба округа, 1894/95. XII. 368 с.

Никитский А. В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1901. XLVI. 290 с.

Павличенко Н. А., Григорьева О. В., Горончаровский В. А. «...Нам нужно больше, гораздо больше надписей, и все-таки сыты не будем»: материалы о проекте создания Русского археологического института в Афинах (из архивных собраний Санкт-Петербурга) // АВ. 2024. Вып. 45. С. 150−163.

Тихонов И. Л. Музей древностей и изящных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. Вып. 16. №1. С. 209–226.

Тункина И. В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–288.

Д. В. Журавлев
Государственный исторический музей,
Москва, Россия

СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Доклад посвящен исследованиям Семибратнего городища на территории Азиатского Боспора. Масштабным раскопкам, начавшимся в 2024 г., предшествовали фотограмметрия и геомагнитная разведка. Первые результаты раскопок полностью совпали с данными дистанционных методов зондирования.

Ключевые слова: Семибратнее городище, фотограмметрия, магнитная разведка, планировка

Семибратнее городище (античный город Лабрис) представляет собой один из важнейших городских центров античного периода в азиатской части Боспорского царства. Судя по всему, во вт. пол. V – нач. IV в. до н. э. являлся столицей автономного Синдского царства и резиденцией династии синдских царей. После включения города в состав Боспора здесь развернулось масштабное строительство городских укреплений, активизировалась и городская застройка.

Несмотря на значимость этого памятника, долгие годы работы на нем не проводились. В 2024 г. стартовал совместный проект раскопок Семибратнего городища, участниками которого выступили Государственный исторический музей (Москва), Государственный Эрмитаж и Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург). Совместные раскопки, ставшие первыми после пятнадцатилетнего перерыва и самыми масштабными за все время археологических исследований Лаб-

© Журавлев Д. В., 2025

риса, велись на двух разных участках памятника.

Раскопкам предшествовали масштабные разведочные работы Боспорской археологической экспедиции Государственного исторического музея. Была проведена ортофотосъемка и лидарная съемка поверхности городища, а также магнитная разведка. Для фотограмметрической съемки памятника нами были задействованы беспилотные воздушные суда (БВС) двух типов: коптерного типа компании DJI Phantom 4 PRO с камерой FC6310 и самолетного типа Геоскан-101 с камерой Sony DCS RX1R. Воздушное лазерное сканирование производилось силами сотрудников компании «Аэрогеоматика» с использованием лазерного сканера АГМ-МС3 отечественного производства, установленного на квадрокоптер DJI MATRICE 600 с интегрированным спутниковым приемником и инерциальной системой компании Novatel. Магнитометрическая съемка выполнялась 4-датчиковым индукционным градиометром SENSYS.

Северная часть памятника имеет форму близкую к овалу и приблизительные размеры 450×240 м. Она вытянута вдоль древнего русла Гипаниса и хорошо выделяется благодаря остаткам фортификации, частично исследованной Н. В. Анфимовым [Анфимов, 1951; 1953]. В западной части городища, с небольшим отступом от западной линии оборонительных стен, в 1970-х гг. была высажена лесополоса и сделана грунтовая дорога.

С южной стороны к овальной части городища примыкает трапециевидное укрепление [Горлов, Лопанов, 1999], длина основания которого составляет 200 м с запада на восток. Длина западной стороны составляет 100 м, длина восточной стороны – 120 м. Общая площадь этого выступа составляет более 2,5 га. Эти данные подтверждают верность предшествующих исследований [Смекалова, Горончаровский, Елисеев, 2010; Горончаровский 2009]. Трапециевидное укрепление было защищено оборонительными стенами и рвом. По краям стен заметны аномалии, которые могут быть предварительно интерпретированы как оборонительные башни. В южной части фиксируется аномалия, возможно, связанная с воротами на городище. Близкая интерпретация была предложена недавно Т. Н. Смекаловой [Смекалова, 2024, с. 299, рис. 6], хотя масштаб ее съемки меньше.

В юго-восточной части этого укрепления (рис. 1) расположен комплекс построек, размерами приблизительно 60×40 м, ориентированный по сторонам света и состоящий из прямоугольных помещений. В центре находится большой двор. В северо-западном углу этого общественного (?) комплекса отчетливо видно сооружение округлой формы, диаметром около 20 м – башня или толосовидная постройка. С западной стороны к торцу здания примыкает еще одно небольшое двухкамерное помещение, вытянутое с З на В, приблизительными размерами 20×8 м. Говорить об интерпретации этого комплекса пока преждевременно, но оно явно имеет общественный характер и, возможно, являлось агорой античного города.

Целый комплекс строительных построек прослеживается в западной части укрепления, но они частично перекрыты лесополосой, и окончательной ясности в интерпретации данных геомагнитной разведки нет. Ясно лишь, что здесь располагалось несколько крупных зданий регулярной планировки. Но, судя по всему, юго-западный угол укрепления был свободен от застройки. Помимо этого, в результате магнитной разведки выявлена новая система рвов и несколько отдельно стоящих построек, которые позволяют значительно расширить площадь городища. Правда, пока не вполне ясно, к какому времени относятся эти земляные оборонительные сооружения.

Раскопки Государственного исторического музея сконцентрированы в южной части памятника, на территории выявленного магнитной разведкой комплекса общественных построек. Наиболее важным результатом первого сезона работ (раскоп II, площадью 200 кв. м) стало подтверждение результатов магнитной разведки в западной части комплекса – все аномалии,

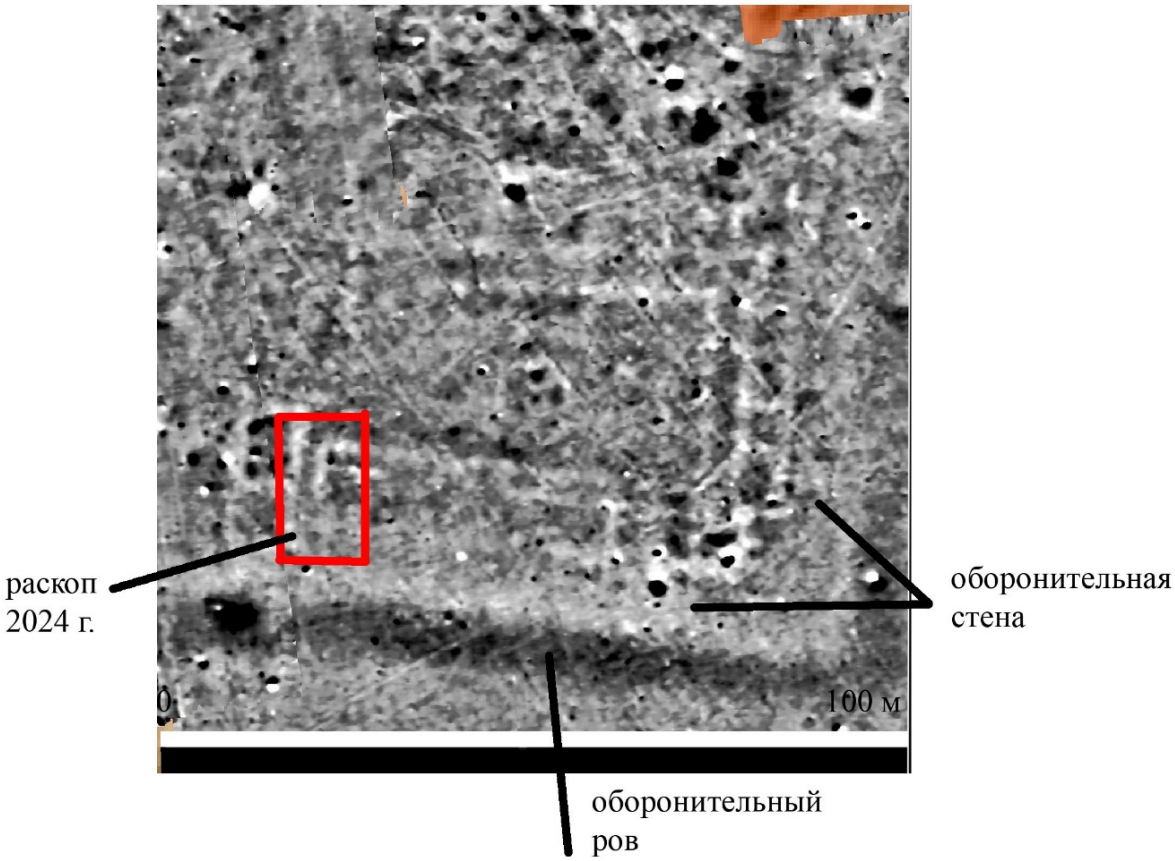

Рис. 1. Семибратнее городище (Лабрис). Результаты магнитной разведки.
Фрагмент: общественный комплекс в южной части городища

соответствующие каменным стенам, были выявлены в раскопе. Говорить об итогах работ преждевременно, приведем лишь основную информацию. Исследована часть улицы (?), по двум сторонам которой находятся входы в помещения. Вход в одно из помещений был оформлен в виде портика, от которого сохранился барабан колонны in situ и база колонны или пилястры. Кладка западной стены этого помещения образована отесанными квадрами, тогда как остальные стены сложены из средних камней известняка с отеской по фасу. Во внутренних помещениях открыты завалы крашеной черепицы, свидетельствующие о наличии кровли. Материал датируется кон. IV – II вв. до н. э., наиболее ранней находкой является ножка аттического чернолакового килика типа С, датируемого не позднее первой четверти V в. до н. э. Помимо разнообразной посуды, встречены боспорские монеты кон. IV – III вв. до н. э., панцирная чешуйка и свинцовый метательный снаряд от пращи.

Дальнейшие масштабные исследования этого уникального памятника позволят открыть новые интересные страницы в древней истории Синдики и Боспорского царства.

Список источников

Анфимов Н. В. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 238–244.

Анфимов Н. В. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111.

Горлов Ю. В., Лопанов Ю. А. Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища // ПИФК. 1999. Вып. VIII. С. 170–175.

Горончаровский В. А. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXII. С. 150–188.

Смекалова Т. Н. Еще раз о результатах магнитной съемки на территории Лабриса (Семибратнего городища) в 2006−2008 гг. // Древности Кубани. Краснодар: ООО «Митра», 2024. С. 290–299.

Смекалова Т. Н., Горончаровский В. А., Елисеев А. Ю. Геомагнитная съемка на территории Лабриса (Семибратнее городище) в 2006−2008 гг. // Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; Киев: ИА РАН, 2010. С. 58−62.

Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк
Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия

ГОРНЫЙ МАССИВ КУБАЛАЧ КАК НОВЫЙ ФЕНОМЕН АРХЕОЛОГИИ КРЫМА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Доклад посвящен результатам новейших археологических исследований горного массива Кубалач в центральной части Крымского полуострова. Результаты десятилетних полевых работ показывают, что здесь со II в. до н. э. по IV в. н. э. существовали десятки позднескифских поселений с укрепленными цитаделями. Вдоль Кубалача пролегал сухопутный транзитный маршрут, связывающий Боспорское царство и Крымскую Скифию. Удачное местоположение Кубалача в сочетании с богатыми природными ресурсами региона стали, по всей видимости, основными причинами его активного заселения в эпоху эллинизма и римское время.

Ключевые слова: поздние скифы Крыма, поселения, домостроительство, некрополи, эллинизм, римское время

С 2016 г. экспедиция историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» проводит археологические раскопки и разведки на территории горного массива Кубалач в Белогорском районе Республики Крым. По причине значительной залесенности и труднодоступности регион ранее практически не посещался археологами, однако был хорошо известен любителям металлопоиска и грабителям. Со второй половины 1990-х гг. и до 2014–2015 гг. здесь имели место масштабные ограбления могильников античного времени, наиболее пострадавшим от этой деятельности оказался грунтовый некрополь Кара-Тау у с. Сенное. Топографическая съемка некрополя в 2016 г. показала, что так или иначе ограблениями были затронуты несколько сотен погребальных конструкций II в. до н. э. – IV в. н. э. – грунтовых склепов, подбойных могил, могил с заплечиками. Интерес грабителей к памятнику был обусловлен значительным числом и разнообразием погребального инвентаря, среди которого много гончарной и краснолаковой посуды, стеклянных сосудов, бронзовых изделий местного и импортного происхождения, стеклянных и полудрагоценных бус.

Многолетние разведочные мероприятия показали, что хозяйственное освоение региона началось еще в раннем железном веке и связано с проникновением сюда представителей т. н. кизил-кобинской археологической культуры. Могильники из каменных ящиков VI–IV вв. до н. э., соотносимые с этой культурой, обнаружены в нескольких точках Кубалача. Наиболее крупный из них – это могильник у с. Некрасово, занимающий площадь около 60 га. Здесь, по предварительным данным, насчитывается около 100 погребальных конструкций – каменных ящиков и миниатюрных курганов. Каменные ящики часто объединены в цепочки, ориентированные в разных направлениях, в некоторых местах отчетливо видные каменные оградки, окружающие цепочку ящиков овальным контуром. На склонах горы Мелек к западу от этого некрополя разведочными работами 2024 г. открыто кизил-кобинское поселение неукрепленного типа.

В V–IV вв. до н. э. восточные склоны Кубалача эпизодически посещают кочевые скифские племена, этим временем датируются несколько небольших курганов с каменными склепами, исследованных в 2017 г. по трассе автомагистрали «Таврида». Об их присутствии на этой территории также свидетельствуют случайные находки бронзовых пантикапейских монет IV в. до н. э., детали характерной конской упряжи, архаичные вещи скифского круга, найденные в поздних погребальных комплексах могильника Кара-Тау.

Начиная со II в. до н. э. в регионе происходит своеобразный демографический взрыв, связанный с активным заселением Кубалача новым населением – представи-

© Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И., 2025

телями т. н. позднескифской культуры полуострова. Практически на каждой горной вершине и примыкающих склонах возникают неукрепленные поселения с обширными хозяйственными угодьями.

К настоящему моменту получены достоверные археологические данные о трех наиболее крупных населенных пунктах Кубалача, датируемых II в. до н. э. – IV в. н. э. и сопровождаемых синхронными культовыми и погребальными комплексами.

Первый из них – это городище и поселение Кара-Тау, расположенное на вершине и северо-западных склонах одноименной горы. Вершину горы занимала небольшая цитадель площадью не более 1 га, построенная в два этапа: в I в. н. э. с достройкой и реконструкцией в III в. н. э. Весь северо-западный склон был искусственно террасирован для удобства строительства жилых и хозяйственных помещений, высадки плодовых деревьев и содержания скота. На одной из таких террас располагалось городское святилище с богатыми и разнообразными типами подношений. Святилище было исследованное экспедицией музея-заповедника в 2016 г. по факту ограбления. Ниже святилища, рядом с древней дорогой, ведущей к поселению, был открыт и частично исследован крупный поселенческий некрополь, композиционно состоящий из двух участков. Бóльшую его часть занимали грунтовые погребальные конструкции: коллективные грунтовые склепы, подбойные могилы, могилы с заплечиками. На обособленной возвышенности к северу от этой части могильника двумя цепочками в конце II в. до н. э. – III в. н. э. были выстроены две аллеи каменных склепов, где практиковался иной погребальный обряд. Склепы представляли собой своеобразные коллективные костницы, куда после особого обряда выставления заносились части скелетов покойников, предварительно расколотые и разбитые на мелкие фрагменты. К настоящему моменту исследованы 3 каменных склепа, в каждом из которых, по подсчетам антрополога, было погребено не менее 50 индивидов.

Вторым крупным населенным пунктом, своеобразным варварским мегаполисом эллинистического и римского времени, было городище и поселение Мелек, расположенное недалеко от с. Некрасово Белогорского района на вершине небольшой возвышенности. В 2024 г. экспедиция музея-заповедника при поддержке РНФ реализовала программу обширных разведок и раскопок на территории памятника: разведочными шурфами вскрыты 2 зольника с материалом IV в. до н. э. – III в. н. э., получен стратиграфический разрез раннего поселения в Цервищенской балке с материалами кизил-кобинского и скифского времени, полностью исследовано внутреннее помещение башни-донжона в составе оборонительных укреплений цитадели. По результатам точечного зондирования и зачисток видимого на поверхности периметра цитадели в 2024 г. составлен предварительный план укрепления с нанесением башенных выступов, конфигурации оборонительной стены и места расположения воротного проезда.

Общая протяженность оборонительных сооружений цитадели составила приблизительно 126 м, внутренняя площадь – ок. 1 300 кв. м.

Размер внутреннего помещения башни-донжона – 6,1×7,5 м, по внешнему контуру – 10×11 м; башня была построена одновременно с главной крепостной стеной, достигавшей толщины 3 м. В северо-восточной стене башни был устроен дверной проем с выходом через толщу основной оборонительной стены во внутренний двор цитадели.

Башня-донжон погибла в пожаре на рубеже эр или в начале I в. н. э. После катастрофы и разрушения башни-донжона внутреннее ее заполнение не выбиралось, хотя на территории цитадели и за ее пределами фиксируются признаки жизни и строительной активности как минимум в III–IV вв. н. э.

В начале III в. н. э. стены и башни крепости укрепляются дополнительными внутренним и внешними поясами. Помимо фрагментов керамических сосудов, этот факт может быть подтвержден находкой в забутовке основной оборонительной стены электрового боспорского статера Рескупорида III 216–217 гг. н. э. – драго-

ценной закладной (?) монеты, специально помещенной в тело более ранней стены перед началом ее реконструкции.

Находки в верхнем слое многочисленных фрагментов амфор типа Делакеу (или C Snp I) и узкогорлых светлоглиняных амфор типа F позволяют предварительно определить верхнюю хронологическую границу цитадели и всего городища IV в. н. э.

Шурфовки и обследования северной части поселения и прилегающих участков позволяют сделать предварительный вывод о том, что на этой территории находились крупные усадебные (?) структуры, причем в регулярной системе и под «защитой» длинной стены, ограждавшей также участок сельскохозяйственных каменных террас. Археологический материал из шурфа в одном из соседних зольников и из раскопок самой стены в Церквищенской балке показывает непрерывное ее существование с IV–III вв. до н. э. (фрагменты амфор и кизил-кобинской орнаментированной посуды) до римского времени. В свою очередь, это обстоятельство позволяет видеть в поселенческом комплексе Мелек крайне редкий для Крыма пример перехода от скифо-кизил-кобинской культуры к позднескифской.

Геоморфологическое обследование региона подтвердило гипотезу об изобилии водных источников в окрестностях горы Мелек, в настоящее время значительно деградировавших. Поселение существовало благодаря мощным карстовым подземным полостям, которые служили природными накопителями для многочисленных родников в балках. Один из таких родников был «пойман» колодцем XVIII–XIX вв. в Церквищенской балке, есть все основания полагать, что существовала целая система подобных колодцев в балках вокруг поселения.

Третьим крупным населенным пунктом Кубалача является городище Бурундук-Кая, с которого на северо-западе начинается отсчет населенных пунктов горного массива. Археологическое обследование городища проводилось еще в кон. 1980-х гг., результаты этих работ в сочетании с современными данными показывают, что Бурундук-Кая было крупным населенным пунктом с цитаделью на самой труднодоступной части возвышенности. К цитадели с севера примыкало ближнее террасированное поселение, хорошо читаемое в рельефе. На северных склонах возвышенности повсеместно видны следы каменных построек и террас, которые тяготеют к древней дороге, ведущей к цитадели с севера. Функционирование поселенческого анклава на горе Бурундук-Кая датируется II в. до н. э. – III в. н. э.

Результаты десятилетних археологических работ на территории горного массива Кубалач показывают, что со II в. до н. э. регион начинает активно осваиваться поздними скифами, которые заселяют северо-восточные склоны локальных возвышенностей. Первые поселения были неукрепленными, выбор их места расположения диктовался близостью водных источников в балках. Для удобства домостроительства и землеобработки склоны возвышенностей террасируются, на террасах возводятся каменные постройки жилого и хозяйственного назначения. Заселение и освоение региона во II−I вв. до н. э. носило в целом мирный характер. На рубеже эр ситуация кардинально меняется, и в начале I в. н. э. на горных вершинах выстраиваются цитадели со многоуровневой системой ранней защиты. Крепости и примыкающие к ним поселения переживают несколько военных катастроф, и лишь в IV в. н. э. жизнь на них окончательно прекращается.

Т. А. Ильина[1], Н. Г. Свиркина[2], Е. Б. Прохорчук[3], К. В. Жур[4], А. С. Быданов[5], М. В. Леонова[6]
[1] Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва, Россия
[2] Институт археологии РАН, Москва, Россия
[3,4,6] ФИЦ «Фундаментальные основы биотехнологий» РАН, Москва, Россия
[5] Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГЕРМОНАССЫ 2016–2022 ГГ.)

Аннотация. В ходе археологических исследований городища обнаружены две хозяйственные ямы с человеческими останками. Следы пожаров, разрушений построек, декапитация и скальпирование на черепах указывают на вооруженное нападение. После этого события мирная жизнь возобновилась. Погребенные в одной из ям были членами одной семьи. Изотопный анализ коллагена костной ткани демонстрирует однородность их диеты.

Ключевые слова: Боспорское царство, римское время, вооруженное нападение, диета, палеогенетика

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-78-00093.

В 2016–2018 гг. в результате археологических работ в северной части городища Гермонассы было раскопано пять жилищно-хозяйственных комплексов третьей четверти III в. В процессе исследований были обнаружены две хозяйственные ямы с человеческими останками. Одна располагалась вблизи жилищно-хозяйственного комплекса № 5, другая во внутреннем дворе комплекса № 4. На дне первой ямы был расчищен череп мужчины 35–45 лет с прижизненной искусственной деформацией «по сарматскому типу». Во второй яме найдены череп (№ 1) ребенка 5–9 лет, череп мужчины старше 50 лет (№ 2), череп мужчины 45–55 лет (№ 3), череп женщины старше 50 лет (№ 4) и костяк мужчины 25–35 лет без головы. Черепа ребенка, мужчины (№ 2) и женщины имеют признаки прижизненной искусственной деформации, отличной от «сарматской». Внешне она проявляется в наличии позадивенечного понижения на теменных костях и продольно вытянутой мозговой коробки. Генетические исследования подтвердили пол погребенных, установлен пол ребенка – мужской. Ребенок и мужчина с деформацией черепа (№ 2) оказались родственниками второго порядка (например, дедушка − внук, дядя − племянник и т. д.). Наличие в семье ребенка мужского пола и мужчины с деформацией черепа указывает на сохранение практики в одной семье.

С целью реконструкции особенностей диеты жителей Гермонассы выполнен анализ коллагена костной ткани людей из двух ям и костей животных из культурных слоев и объектов (раскопки 2018–2022 гг.). Значения ^{13}C (‰) и ^{15}N (‰) у людей консолидированы, что может указывать на единообразие диеты (рис. 1). Основу рациона составляли растения С3-типа (пшеница и др.), а основным источником белка было мясо домашних животных. Любопытно, что индивиды с разными типами деформации черепа и мужчина без модификации черепа имеют схожую диету. Просо-зерновая культура, прочно ассоциируемая со степными номадами, не входила в каждодневный рацион. На это указывают низкие значения ^{13}C (‰). Отсутствие маркера употребления проса как минимум у мужчины с «сарматской» деформацией черепа не может рассматриваться как признак ассимиляции, поскольку и в среде носителей сарматской культуры роль данной зерновой культуры, вероятно, не была одинаковой [Ели ли…, 2024]. Изотопные показатели группы из Гермонассы схожи с большинством индивидов из Восточного некрополя Фанагории − азиатской столицы Боспора (рис. 1). Тем не менее последние

© Ильина Т. А., Свиркина Н. Г., Прохорчук Е. Б., Жур К. В., Быданов А. С., Леонова М. В., 2025

имеют, как правило, более высокие значения ^{15}N (‰), что может быть связано с большей обеспеченностью белковыми продуктами.

Что стало причиной гибели жителей Гермонассы? На всей обследованной территории городского квартала были зафиксированы следы пожаров и разрушений. На черепах выявлены повреждения, в том числе скальпирование (череп № 1, 2) и декапитация (череп № 1, 2, 3). Наличие признаков насильственных действий по отношению к людям разного пола и возраста, общий археологический контекст находок позволяют предполагать, что мирное население города было убито в результате вооруженного набега. Останки людей после набега оставались непогребенными, о чем свидетельствуют следы от зубов хищников на костях скелета, найденного в яме вместе с черепами. Принимая во внимание исторический контекст и выявленные следы скальпирования на черепах погибших, мы можем предполагать, что набег был совершен представителями аланских племен. Спустя короткий промежуток времени жилищно-хозяйственные комплексы на исследованном участке городища были перестроены. На старых каменных цоколях восстановлены сырцовые стены, появились новые перегородки и помещения. Внутренний двор комплекса, где находилась яма с человеческими останками, перекрыли каменной вымосткой. Расположенный рядом с ямой северный дверной проем заложили, организовав вход во двор с южной стороны. Открытым остается вопрос, почему тела погибших не были погребены на некрополе.

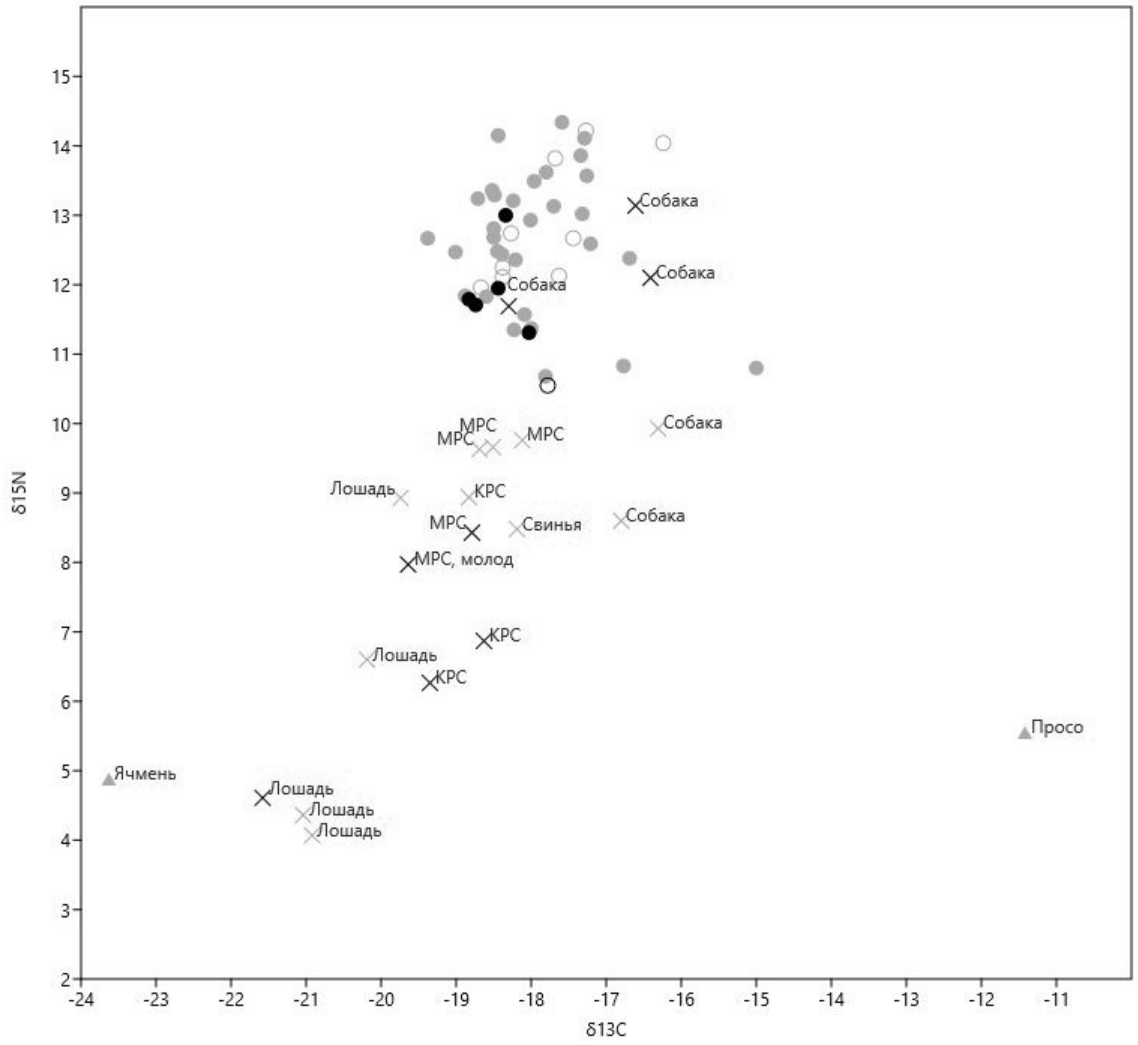

Рис. 1. Значения δ ^{13}C,‰ и ^{15}N,‰ для образцов из Гермонассы и Фанагории (серый): ▲ − растение, x − животное, ● − человек (взрослый), o − человек (ребенок). Образцы животных и растений из Фанагории разных хронологических периодов существования города, образцы людей − римского периода

Список источников

Ели ли сарматы рыбу? / Н. Г. Свиркина, Е. В. Перерва, Г. В. Алямкин, С. М. Слепченко // Бюллетень Всеросс. сем-ра «Стабильные изотопы в археологических исследованиях: методические проблемы и историческая проблематика»: материалы VI заседания. М.: ИА РАН, 2024. С. 75−76.

С. В. Кашаев
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ГРУНТОВЫЕ СКЛЕПЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2

Аннотация. В 2023−2024 гг. на некрополе Артющенко-2 был открыт новый для данного памятника тип погребальных сооружений. При раскопках исследованы Погребения 209 и 210, представляющие собой грунтовые склепы и имеющие дромос со ступенями и погребальную камеру. Скорее всего, это были семейные склепы, где похоронены родственники. Датировать склепы можно в пределах II–I вв. до н. э.

Ключевые слова: Таманский полуостров, античность, грунтовый некрополь, погребения, керамика

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований по теме государственного задания: «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

В 2023–2024 гг. на некрополе Артющенко-2 [Кашаев, 2019, с. 230] был открыт новый для данного памятника тип погребальных сооружений. В ходе раскопок были исследованы Погребения 209 и 210, представляющие собой грунтовые склепы, вырытые в материковом суглинке. Надо отметить, что таманские почвы хорошо подходят для таких целей. Склепы имели дромос со ступенями и погребальную камеру.

На глубине около 1,8 м от дневной поверхности были прослежены пятна дромосов. Границы их читались довольно четко, что редко бывает на данном памятнике. После того как дромосы были расчищены, для поиска погребальных камер были размечены дополнительные квадраты, в границах которых сделаны прокопы.

В склепе Погребения 209 были обнаружены останки не менее 6–7 человек. Среди них были взрослые (30–50 лет) мужчины и женщины, а также дети (5–6 лет). Сохранность всех костей плохая – они слоятся, крошатся и распадаются.

В процессе расчистки была проведена фиксация на трех условных уровнях, четвертый уровень фиксировал пол склепа и полностью расчищенные земляные конструкции. Заполнен склеп светло-коричневым суглинком, представляющим собой рухнувший материковый свод.

Склеп ориентирован по линии юго-запад – северо-восток. Дромос находится с юго-запада, камера склепа – с северо-востока. Дромос имеет размеры в плане 1,2×1,3 м, глубина 0,46 м. С юго-западной стороны дромоса сохранились остатки двух ступеней, выкопанных в материковом суглинке. Высота ступеней 0,20–0,25 м, ширина 0,3–0,65 м, длина 1,0–1,2 м. Глубина от современной поверхности до дна дромоса 2,5 м.

С северо-восточной стороны дромоса находился проход в камеру склепа, он имеет размеры в плане 1,0×1,4 м. Камера склепа имеет подпрямоугольную форму, ее размер 1,4×1,7 м. По центру камеры, на всю ее длину, в материковом суглинке выкопан проход глубиной 0,15–0,17 м и шириной 0,3 м. Слева и справа от прохода устроены две лежанки, на которые помещали тела умерших. Ширина лежанок 0,50–0,55 м. Глубина от современной поверхности до дна камеры 2,9 м. Зафиксированная высота камеры склепа не менее 0,6 м, реконструируемая высота могла со-

© Кашаев С. В., 2025

ставлять до 1,2 м. Общая сохранившаяся длина склепа, камеры и дромоса 4,1 м.

По всей видимости, захоронения в склепе совершались многократно, при этом кости ранее захороненных сдвигались к южной стенке. В результате на правой (южной) лежанке и у южной стенки образовалось хаотичное скопление множества различных костей, в основном ног и рук. При этом обращает на себя внимание отсутствие костей, сохранивших анатомический порядок. Скорее всего, склеп неоднократно грабили в древности.

В погребальной камере склепа, на лежанках и в проходе, обнаружены различные предметы погребального инвентаря. Среди них: фрагмент плоской черепицы с ребром, кувшин и тарелка с черной обмазкой, четыре унгвентария, пелика, лекана с крышкой, четыре бронзовые боспорские монеты, краснолаковые солонка и лекиф, набор различных бусин, несколько бронзовых украшений – браслет, колечки и серьги. Судя по находкам, датировать захоронение можно в пределах II в. до н. э. Вероятно, в конце столетия слеп перестал функционировать.

Склеп (Погребение 210) аналогичен первому по конструкции. Различие в том, что здесь отсутствует проход между дромосом и погребальной камерой. Дромос имеет размеры в плане 1,4–1,6×3,1 м, глубина до 1,1 м. С юго-западной стороны дромоса сохранились остатки пяти ступеней, выкопанных в материковом суглинке. Высота ступеней 0,2–0,25 м, ширина 0,25 м, длина 1,4 м. Глубина от современной поверхности до дна дромоса 2,9 м. С северо-восточной стороны дромоса устроен лаз, через который попадали в погребальную камеру.

Камера склепа имеет подпрямоугольную форму, ее размер 1,9×2,25 м. По центру камеры, на длину лежанок, в материковом суглинке выкопан проход глубиной 0,2 м и шириной 0,35 м. Слева и справа от прохода устроены две лежанки, на которые помещали тела умерших. Ширина лежанок 0,55 м. Глубина от современной поверхности до дна камеры 3,3 м. Зафиксированная высота камеры склепа не менее 0,6 м, реконструируемая высота могла составлять до 1,2 м. Общая сохранившаяся длина склепа и дромоса 6,2 м. Заполнен склеп довольно плотным затечным грунтом, поступавшим в склеп вместе с грунтовыми водами.

В склепе на каждой из лежанок обнаружено по одному человеческому скелету. С южной стороны − скелет мужчины 30–40 лет, с северной – женщины 30–40 лет. Сохранность костей плохая. Были они захоронены одновременно или с некоторым перерывом во времени − сказать сложно.

Судя по тому, что лаз в склеп был запечатан сырцовыми кирпичами, а костяки сохранились в анатомическом порядке, погребение в древности не было ограблено.

Из инвентаря в погребальной камере были обнаружены всего три находки – краснолаковая тарелочка, кувшинчик и небольшое бронзовое зеркало, также у женщины на шее была нитка бус. Датировать такие находки можно кон. II – нач. I вв. до н. э.

Оба склепа (Погребение 209 и 210) просты по конструкции и по своим размерам относительно небольшие. Скорее всего, они относится к первому периоду сооружения грунтовых склепов III–II вв. до н. э. Как отмечала А. К. Коровина, появление склепов большого размера характерно уже для следующего периода I в. до н. э. – I в. н. э. [Коровина, 1987, с. 42].

По обнаруженному инвентарю и количеству захороненных людей в таких погребениях можно сказать, что, скорее всего, это были семейные склепы, где захоронены родственники, члены одной семьи.

При раскопках некрополей Боспора встречаются склепы подобной конструкции. Относятся они к типу VII по типологии Н. И. Сударева [Сударев, 2005, с. 15]. На Таманском полуострове, например, на некрополе Тирамбы в 1960-е гг., была исследована серия грунтовых склепов [Коровина, 1987, с. 18; 30; 31]. Датируются они кон. IV – нач. III вв. до н. э. и до первых веков н. э. [Коровина, 1984, с. 87; Коровина, 1987, с. 28]. В Кепах они появляются с III в. до н. э. [Усачева, Сорокина, 1984, с. 85].

В 2015–2016 гг. при раскопках некрополя Виноградный-7 обнаружено несколько таких склепов II–I вв. до н. э. [Сударев, 2016,

с. 333; Сударев, 2017, с. 182; Сударев, Кашаев, 2020, с. 173].

В Керчи и ее ближайшей округе близкие по конструкции и конфигурации погребальные сооружения, но характерные уже для более позднего периода найдены при раскопках Пантикапея [Зинько, 2017, с. 97, 139] и Нимфея [Грач, 1999, с. 303, табл. 170, 171]. Встречаются они и в других районах Крыма [Пуздровский, 2007, с. 5; Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 1]. В отличие от Тамани, в Крыму в силу естественных причин склепы такой конструкции нередко выбиты в скальной породе.

Распространены были грунтовые склепы и на остальных территориях Северного Причерноморья, например, в Ольвии и ее округе [Паровић-Пешикан, 1974, с. 19]. Открытые в Ольвии сходные склепы датируются кон. IV – нач. III вв. до н. э. Продолжалось их сооружение длительное время – до первых веков н. э.

Список источников

Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. 328 с.

Зинько Е. А. Грунтовые склепы некрополя Пантикапея − Боспора (исследования 1996−2009 гг.). Симферополь; Керчь, 2017. 210 с.

Кашаев С. В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V−II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 230−254.

Коровина А. К. Тирамба // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 87.

Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966−1970) // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: Советский художник, 1987. Вып. 8. С. 3−70.

Паровић-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 219 с.

Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 493 с.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя 2008−2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.

Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VII−II вв. до н. э. как исторический источник: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2005. 26 с.

Сударев Н. И. Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2015−2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 333−340.

Сударев Н. И. Погребения некрополя Виноградный-7 (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. М.: ИА РАН, 2017. С. 182−189.

Сударев Н. И., Кашаев С. В. Результаты исследования поселения Виноградный-7 в 2015–2016 гг. // Боспорские исследования. 2020. Вып. 41. С. 173−207.

Усачева О. Н., Сорокина Н. П. Кепы // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 84.

В. П. Колосов
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

ЗОЛЬНИК II В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРМЕКИЯ

Аннотация. Работа посвящена изучению городской застройки центральной части городища Мирмекий, важным элементом которой в эллинистическое время являлся крупный зольник. В исследовании рассматривается история археологического изучения комплекса и проводится ревизия данных с применением современных инструментов систематизации и анализа.

Ключевые слова: Мирмекий, Боспорское царство, зольник

Мирмекий, один из так называемых «малых» городов Боспора, имеет длительную историю изучения. Наиболее обширный по площади участок (участок «И»)

© Колосов В. П., 2025

располагается в центральной части городища. Здесь было раскрыто более двух десятков помещений различного назначения, образовывавших единый эллинистический квартал. В северной части участка были изучены напластования зольника II, площадь которого составляла не менее 500 кв. м [Гайдукевич, 1987, с. 70–71, рис. 1, 2]. Считается, что после разрушений IV в. до н. э., в течение вт. пол. III в. до н. э. район был заново застроен, с небольшими перестройками просуществовал около полутора столетий, а затем постепенно пришел в упадок к кон. II – нач. I в. до н. э. Зольник II датируется периодом с кон. IV по трет. четв. III. в. до н. э. [Гайдукевич, 1959 с. 55; Гайдукевич, 1987, с. 70−73; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 28, 34].

Между тем материалы не соответствуют данной интерпретации. В раскопках зольника у В. Ф. Гайдукевича самые поздние вещевые находки относятся к сер. – трет. четв. III в. до н. э. [Гайдукевич, 1987, с. 70–73], в то время как у А. М. Бутягина – к кон. III или нач. II в. до н. э. [Грицик, 2013, с. 115]. Кроме того, в датировке помещений В. Ф. Гайдукевич основывался на материалах, залегающих ниже уровня их полов, которые датировались пер. пол. III в. до н. э. [Гайдукевич, 1959, с. 36–37; Гайдукевич, 1987, с. 112], тогда как частичные раскопки в 2016–2017 гг. не показали наличия под полами этих помещений материалов позднее IV в. до н. э. В частности, при раскопках помещения II вещевые материалы не позволяли датировать время его постройки позднее кон. IV в. до н. э.[26]

Цель исследования: выяснить причины противоречий в материалах и согласовать данные для корректировки представлений о хронологических этапах объектов городской застройки на участке «И».

Задачи исследования: 1) анализ истории раскопок и интерпретации данных, ревизия археологических источников, сопоставление опубликованных и архивных материалов; 2) анализ массового и датирующего материала, выявление закономерностей в распределении их процентного соотношения; 3) определение хронологии археологических объектов и реконструкция строительных периодов.

Для анализа распределения археологического материала по хронологическим горизонтам применялись статистические методы. Стратиграфия участков разных лет была объединена с применением 3D-моделирования.

Источниковую базу составляют вещевые материалы и полевая документация археологических работ экспедиций ГАИМК (ИИМК) РАН (1934–1966, 1982–1994 гг.) и Гос. Эрмитажа на Мирмекийском городище (1999 по наст. время).

Рассматривая поэтапно ход археологических изысканий и последовательность публикуемых данных, можно сделать ряд интересных наблюдений. Рассуждения о времени постройки квартала были высказаны В. Ф. Гайдукевичем в ряде работ, изданных в 1958–1959 гг., по материалам раскопок 1938–1950 гг. Состояли они в следующем: комплекс построек (пом. I–VII), открытых в период 1946–1949 гг., являл собой результат новой капитальной застройки данного района города, осуществленной во второй пол. III в. до н. э. и просуществовавшей до начала I в. до н. э. [Гайдукевич, 1959, с. 55]. Поверх строительных остатков залегал мощный (до 3, в некоторых случаях до 4 м) культурный слой с большим содержанием эллинистического материала, который исследователь интерпретировал как строительную нивелировку [Гайдукевич, 1958, с. 189–190]. В публикациях приводится целый ряд вещевых находок, в том числе обнаруженных как при зачистке глинобитных полов помещений, так и выявленных ниже их уровня [Гайдукевич, 1958, с. 187–195; Гайдукевич, 1959, с. 36−37; Гайдукевич, 1987, с. 112].

Сопоставление данных из публикаций с полевой документацией не показывает столь однозначной картины. Судя по описанию в полевых дневниках, terminus post quem (сер. III в. до н. э.) для всего комплекса построек был получен, по сути, на основе нескольких артефактов (обнаруженного в обмазке стены 13 фрагмента ме-

[26] см. Отчет Мирмекийской экспедиции ГЭ. 2017. Т. 1. С. 100−102.

гарской чаши и находок из хозяйственной ямы под стеной 8) [Гайдукевич 1958, с. 191; Гайдукевич, 1959, с. 37][27]. Приведенные в публикациях описания материалов, выявленных под полами помещений, при тщательном анализе архивных данных не нашли полного подтверждения[28]. Эти данные приводятся в описании результатов работ 1946–1948 гг., в то время как дальнейшие раскопки дали более обширные материалы для интерпретации, которые не были учтены ни авторами раскопок, ни современными исследователями. При такой датировке конструкций наличие мощного культурного слоя (до 4 м) над ними нуждалось в объяснении и привело к определению В. Ф. Гайдукевичем данного слоя как строительной нивелировки, привнесенной со стороны. При этом исследователь не учитывал наличие зольника вблизи построек, насыпь которого, возвышаясь над застройкой, могла в какой-то момент перекрыть заброшенные помещения. Такие рассуждения в работе В. Ф. Гайдукевича не приводятся, и это связано с тем, что вопросы интерпретации и датирования раскопанной в 1938–1950 гг. застройки решались до планомерных раскопок зольника II, которые последовательно велись в 1957–1963 гг. [Гайдукевич, 1965; Гайдукевич, 1987, с. 70].

Для получения целостной картины требовалось сопоставить данные по зольнику, по «нивелировочному» слою над застройкой и по находкам из подстилающих застройку слоев. В нашем исследовании на основе материалов работ 2008–2011 гг., а также архивных материалов 1938–1950 гг. (полевых дневников и описей) была построена условная 3D-модель участка, в пространстве которой реконструировано распределение снятых в ходе полевых работ условных горизонтов (штыков). Таким образом, удалось получить представление о распределении материалов в западной части насыпи зольника и над помещениями, расположенными в меридиональном направлении от полы зольника до южной границы раскопа 1949 г. (помещения № I–IV, XI).

В результате анализа была выявлена закономерность в распределении археологического материала. В зольнике II определены три этапа его формирования, от кон. IV до нач. II в. до н. э. Наибольшая интенсивность роста насыпи происходила на рубеже III–IV и в пер. пол. III в. до н. э. Напластования над помещениями являлись не строительной поздней нивелировкой, как предполагал В. Ф. Гайдукевич, а результатом постепенного формирования культурного слоя. При этом постройки, прилегающие к южной поле зольника, были перекрыты слоями с сильным падением в южную сторону и высокой степенью насыщенности вещевым материалом. Это косвенно свидетельствует о том, что данные напластования являлись частью насыпи зольника. Датирующий материал позволил разделить перекрывающие слои на четыре хронологических горизонта от позднеклассического до римского времени.

Полученные результаты позволяют реконструировать изменения застройки, отличающиеся от традиционной картины. Сооружения, прилегающие к южной поле зольника (помещения II, XXII и постройки, остатками которых являлись кладки 145 и 147), возникли еще в IV в. до н. э., но в результате роста насыпи зольника были заброшены и перекрыты ее напластованиями. В восточной части участка помещения XII и XIII существовали с IV в. до н. э., пока во II в. до н. э. над помещением XIII не был построен комплекс винодельни М-4. Таким образом, на территории, занятой, как считалось, единовременно построенным эллинистическим кварталом, в течение IV–I вв. до н. э. происходили серьезные изменения и перестройки, связанные в том числе с изменением границ и конфигурации холма зольника II.

Также стоит отметить, что противоречия между традиционной интерпретацией и археологическими данными последних лет были вызваны отсутствием обобщения и критического пересмотра всего спектра накопленных материалов. Представления основывались на опубликованных данных

[27] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 12. Л. 115; Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 19. Л. 5–24.
[28] НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1946. Д. 4; Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 12; Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. 32. Анализ архивных материалов с подробными ссылками на листы полевых дневников и описей готовится к публикации.

В. Ф. Гайдукевича, которые, с одной стороны, являлись промежуточными, с другой – ограничивались возможностями своего времени. В частности, не учитывалось наличие зольника II, отсутствовали технические возможности обработки огромного объема материала, а хронологические классификации некоторых категорий керамики еще не были разработаны на достаточном уровне. В результате мнение современных исследователей сформировалось в русле своего рода научной традиции, не позволяющей взглянуть на картину в целом и оценить весь объем данных с применением современных инструментов систематизации и анализа.

Список источников

Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 4–51.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946−1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 85. Т. 2. С. 149–219.

Гайдукевич В. Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава: Научное издательство PWN, 1959. Т. II. 121 с.

Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 28–37.

Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Изд-во «Наука», 1987. 184 с.

Грицик Е. В. Эллинистический Мирмекий: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 270 с.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия

МЕОТСКИЕ ВСАДНИКИ ПРИКУБАНЬЯ В VI – НАЧАЛЕ III В. ДО Н. Э.

Аннотация. Зарождение института всадничества у меотов относится к кон. VIII в. до н. э. и связано с участием в военных походах скифов. В раннемеотский период (VI–V вв. до н. э.) всадники использовали скифские типы вооружения и конской сбруи. К нач. IV в. до н. э. меоты полностью перешли к собственным типам оружия; основные же виды узды сохранили скифский облик, хотя и производились местными мастерами. К этому времени всадники превратились в элитные подразделения войска и заняли высокую ступень в социальной иерархии меотов.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, всадники, конская узда, вооружение

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н. э. – III в. н. э.» (проект № 24-18-20014).

Зарождение и начало формирования института всадничества у местного населения Прикубанья относится к протомеотскому периоду. Начался этот процесс в Закубанье в конце VIII в. до н. э. и связан с военными походами скифов в Закавказье и Переднюю Азию, в которых принимало участие и аборигенное население предгорий Кавказа. К сер. VII в. до н. э. у местных всадников сформировался комплекс раннескифского конского снаряжения и вооружения [Эрлих, 2010, с. 180–181]. Захоронения всадников встречены во многих протомеотских (Фарс, Кочипэ, Николаевский, Кубанский, Пшиш и др.) и Келермесском грунтовом могильнике, занимающем промежуточную хронологическую позицию между протомеотскими и раннемеотскими памятниками. Два разноэтничных могильника Келермеса, предположительно, свидетельствуют о существовании в этом регионе объединения из местных пеших и конных воинов, под главенством скифских военачальников [Галанина, 1985, с. 164; Галанина, 1997, с. 131]. Среди местного контингента всадники занимали

© Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2025

высшее социальное и имущественное положение по отношению к пехоте.

В раннемеотский период (VI–V вв. до н. э.) институт всадничества в целом уже сформировался, но еще не достиг в своем развитии высшей стадии. Всадниических комплексов этого времени известно немного. В «раннем» Уляпском могильнике открыто 18 погребений человека в сопровождении коня. Узда (железные удила и двудырчатые псалии с отогнутыми в разные стороны или в виде лопастей концами) встречена в 8 комплексах, а предметы вооружения (скифские мечи-акинаки, наконечники копий и стрел) – в трех [Беглова, 1989, с. 143–145; Меоты Закубанья…, 2005, с. 71−72]. Особенностью Прикубанского региона является появление и распространение в кон. VII – нач. VI в. до н. э. железных наконечников стрел, которые в V в. до н. э. практически вытеснили бронзовые скифских типов [Эрлих, 2007, с. 348−349; Лимберис, Марченко, 2012, с. 56–57].

В кон. VII – нач. VI в. до н. э. начался процесс освоения меотами правого берега Кубани, продолжавшийся на протяжении всего шестого века [Лимберис, Марченко, 2012, с. 166]. На более чем сотню раннемеотских погребений приходится всего несколько всадниических комплексов, датирующихся от кон. VII – нач. VI по V в. до н. э. Удила железные, двухчастные, с загнутыми в петли окончаниями и двудырчатыми псалиями: с отогнутыми концами, Г-образными, S-видными лопастными (бронзовыми и железными). Появились строгие крестовидные насадки. В комплекты узды входили бронзовые бляхи и другие декоративные детали в скифском зверином стиле [Лимберис, Марченко, 2012, с. 54–55, 62–64; Лимберис, Марченко, 2024а, с. 48–50].

Оружейный комплект состоял из меча, одного-двух копий, лука и стрел. Господствующий тип меча – скифский акинак [Лимберис, Марченко, 2012, с. 50–54]. Единственная находка меча синдо-меотского типа на правобережье датируется сер. V в. до н. э. – рубежом V–IV столетий [Лимберис, Марченко, 2024а, с. 50, 53]. В Закубанье же синдо-меотские мечи, возможно, использовались наряду с акинаками уже со вт. пол. V в. до н. э. [Эрлих, 1991, с. 80, 85]. К нач. IV в. до н. э. меоты полностью перешли к собственным типам оружия.

В IV – нач. III в. до н. э. всадники превратились в элитные подразделения и заняли высокую ступень в социальной иерархии меотских племен. На этот период приходится наибольшее количество погребений человека с конем, в основном богатых, сопровождавшихся предметами конской упряжи, оружием, привозными вещами и обильными тризнами. Общее количество известных погребений подсчитать пока трудно, но в левобережных (могильники Уляпский, Новолабинский, Фурожан, Начерзий, Псекупс, Тенгинские святилища и др.) и правобережных памятниках (могильники Почтовый, Пашковские № 3 и 6, Старокорсунские № 2 и 3, Спорное, Прикубанский, Марьянский, Чёрный Лес, Лебеди и др.) их раскопано несколько десятков. Наибольшая концентрация всадниических погребений наблюдается в памятниках, расположенных у восточной окраины Азиатского Боспора.

Основные виды конской узды сохранили скифский облик, хотя и производились местными мастерами. Псалии представлены несколькими типами: прямые стержневидные, S-видные, Г-образные, С-видные. Для IV в. до н. э. очень характерны литые бронзовые псалии, налобники и другие детали узды с зооморфными изображениями, которые представляют собой образцы синкретичного скифо-меотского звериного стиля [Переводчикова, 1987, с. 49, 55; Галанина, 2005, с. 100–107; Галанина, 2010, с. 108–111; Лимберис, Марченко, 2018, с. 99–111; Эрлих, 2011, с. 53–60]. Удила снабжены строгими крестовидными насадками разных вариантов, центром изготовления которых было Прикубанье [Лимберис, Марченко, 2019, с. 163–171]. Важной принадлежностью защитного конского снаряжения были большие пластинчатые налобники и нагрудники [Марченко, Лимберис, 2009: с. 70–73; Беглова, 2016, с. 30–36].

Основным видом вооружения стали мечи синдо-меотского типа. В количественном отношении на первое место выходят копья: до 10 тяжелых пик и легких метательных копий в наборе. Наконечники стрел использовались железные, бронзовые практически вышли из употребления. Специфическим видом вооружения были длинные боевые ножи [Лимберис, Марченко, 2016, с. 245–250; Лимберис, Марченко, 2024б, с. 22–28].

В дальнейшем (до финального этапа существования меотской культуры) развитие института всадничества у меотов происходило в тесном социально-экономическом контакте местных племен с пришлыми кочевниками-сарматами.

Список источников

Беглова Е. А. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 140–157.

Беглова Е. А. Парадный конский убор IV–II вв. до н. э. в памятниках Юга России // Археологическая наука: практика, теория, история: сб. статей памяти И. С. Каменецкого. М.: Изд-во ИА РАН. 2016. С. 30–50.

Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–165.

Галанина Л. К. К вопросу о кубанском очаге раннескифской культуры // ВДИ. 1997. № 3. С. 125–138.

Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2005. Вып. 37. С. 97–108.

Галанина Л. К. Конское снаряжение из коллекции Елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2010. Вып. 38. С. 107–122.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские всадники на восточной границе Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 245–250.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник ВолГУ. 2018. Т. 23 (№ 3). С. 99–113.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.): мат-лы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО Фирма «Салта» ЛТД, 2019. Т. 5. С. 159–172.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребение всадника из могильника Старокорсунского городища № 3 // Записки ИИМК РАН. 2024а. № 30−31. С. 46–55.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Вооружение меотских всадников IV в. до н. э. (по материалам Прикубанского могильника) // Нижневолжский археологический вестник. 2024б. Т. 23 (№ 3). С. 21–37.

Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 69–74.

Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы / А. М. Лесков, Е. А. Беглова, И. В. Ксенофонтова, В. Р. Эрлих. М.: Наука, 2005. 192 с.

Переводчикова Е. В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 44–58.

Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 77–99.

Эрлих В. Р. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М. П. Абрамовой. М.: Изд-во ИА РАН; ТАУС, 2007. С. 344–352.

Эрлих В. Р. Кубань в начале железного века // Античное наследие Кубани: в 3 т. / ред.-сост. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 169–185.

Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э. М.: Наука. 2011. 212 с.

А. В. Мастыкова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ГОРЗУВИТЫ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Публикуются итоги мультидисциплинарного изучения византийского поселения Горзувиты (Гурзуф, Ялтинский округ) с помощью естественно-научных дисциплин. Первый исследователь этого памятника А. Л. Якобсон, дал название поселению «Горзувиты», т. к. недалеко располагалась крепость Горзувиты, построенная по указанию императора Юстиниана I, как об этом сообщается в трактате Прокопия Кесарийского.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, храм, некрополь, изотопные исследования, радиоуглеродное датирование

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, Мегагрант № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму».

Территория современного Гурзуфа (Ялтинский округ), как и весь Южный берег Крыма, уже давно привлекает внимание исследователей (П. С. Паллас, И. Тунманн, П. И. Кеппен, А. А. Бобринский, Ф. Дубуа де Монпере и др.), поскольку, как свидетельствует в своем трактате «О постройках» (550-е, вероятно, около 553–555 гг.) Прокопий Кесарийский [Procopius, *De Aedificius*, III.VII.11], император Юстиниан I построил в этом месте крепость Горзувиты. Крепость, расположенную на скале Дженевез-Кая в юго-восточной приморской части Гурзуфа, принято еще с 1830-х гг. соотносить с той самой юстиниановской крепостью Горзувиты, о которой упоминает Прокопий Кесарийский [Кеппен, 1837, с. 61]. В начале Средневековья район Горзувит, как и большая часть Южного берега Крыма, входит в состав готской страны Дори, известной из того же произведения Прокопия Кесарийского. В VI в. это относительно густонаселенная страна, тесно связанная с Византией, о чем свидетельствует православие проживавших здесь готов [Айбабин, Хайрединова, 2017].

В 1951 г. А. Л. Якобсон начинает археологические раскопки на территории пионерского детского лагеря (сейчас международный детский центр) «Артек», на участке, расположенном примерно в 500 м к северо-востоку от скалы Дженевез-Кая и примерно в 250 м от берега моря. По названию византийской крепости «Горзувиты» А. Л. Якобсон назвал открытое им поселение [Якобсон, 1954]. На территории памятника исследователем были выявлены руины однонефного одноабсидного храма, перекрытого более поздней церковью. Нижний храм А. Л. Якобсон датировал VI–VII вв., верхний – IX–X вв. На других раскопанных участках были обнаружены остатки архитектурных сооружений неясного назначения и к западу от храма – могильник.

В 2017–2018 гг., в связи со строительными работами на территории Международного детского центра «Артек», ИА РАН приступил к археологическим изысканиям, в том числе и на участке, исследованном в 1951 г. А. Л. Якобсоном [Мастыкова, 2020]. Вновь были открыты храмовые постройки и при доследовании в западной половине нижнего храма была обнаружена гробница, где было похоронено около 20 человек. У верхнего погребенного лежала поливная чаша сер. – третьей четв. XIII в., хронология которой дает верхнюю дату использования гробницы [Голофаст, Мастыкова, 2018]. Для установления времени самого раннего захоронения был проведен радиоуглеродный анализ и изучены стабильные изотопы азота и углерода коллагена костной ткани. Они показали, что погребенные люди употребляли в пищу морские продукты, что суще-

© Мастыкова А. В., 2025

ственно искажает радиоуглеродный возраст. На основании полученных данных, с учетом резервуарного эффекта, первые захоронения в гробнице, вероятно, были произведены не раньше XI в. Время сооружения второго, верхнего, храма определяется периодом не ранее вт. пол. XIII в. [Добровольская, Мастыкова, 2020].

Были проведены работы и на некрополе. Специфика погребального обряда данного могильника состоит в наличии коллективных ингумаций в погребальных конструкциях – в каменных ящиках или плитовых могилах. Индивидуальных захоронений крайне мало. Человеческие останки помещались послойно в узкое ограниченное пространство каменного ящика или плитовой могилы, что значительно усложняло работу со скелетными останками, не позволяло более четко их стратифицировать и в целом определить количество погребенных. Тем не менее такие коллективные погребения дали возможность говорить о существовании длительной истории данного общества в единых культурных традициях. Изучение палеоантропологического материала, проведенное М. В. Добровольской, позволило определить, что количество погребенных в могильных устройствах варьирует от 1 до 30, что, по всей видимости, свидетельствует о существовании родственных коллективов. Половозрастной состав большинства захоронений позволяет предполагать семейно-родственный характер связей погребенных.

Одна из задач комплексного исследования византийского памятника Горзувиты – это изучение мобильности популяции, представленной в некрополе, на основании данных изотопного состава стронция эмали зубов. Полученные результаты показали, что некрополь был оставлен сообществом, несколько поколений которого стационарно жило на этой территории практически без притока людей, родившихся вне местного окружения. Исключение составили лишь трое мужчин (могилы 11а.2018, 15.2018, 17.2018) – неместные уроженцы. Эти мигранты первого поколения характеризуются сходными величинами $^{87}Sr/^{86}Sr$, что указывает на единую территорию их происхождения. Примерно такими величинами $^{87}Sr/^{86}Sr$ характеризуются и жители районов Юго-Западного Крыма [Образ жизни…, 2023]. Геохимические показатели данных территорий позволяют предположить, что эти мужчины появились в христианской среде поселения Горзувиты, скорее всего, из юго-западных районов.

Согласно результатам проведенного биоархеологического анализа, половозрастной состав погребенных соответствует стационарному поселению с высокой детской рождаемостью и высокой детской смертностью. Удалось проследить определенные традиции питания этих людей, которые свидетельствует о ярко выраженном приморском характере образа жизни. Судя по изотопным данным, основную долю обыденного рациона этих людей составляли растительные продукты, морская рыба, а вот доля мясной и молочной пищи была невелика. Такая пищевая модель отмечена в ряде средиземноморских популяций Средневековья, например, она фиксируется в питании средневекового византийского населения Греции [Bourbou, Richards, 2007; Reconstruction…, 2011]. Показательно, что различий в традициях питания людей, погребенных на могильнике, и людей из храмовой гробницы не выявлено. Вероятно, это объясняется единой повседневной культурой для самых различных социальных групп этого населения.

Первоначально было сделано предположение, что некрополь Горзувиты появился не позднее вт. пол. VII – нач. VIII в. В настоящий момент, согласно полученной радиоуглеродной дате текстиля с пряжки византийского круга из могилы 2.2017, можно утверждать, что захоронения на могильнике проводились, по меньшей мере, начиная с 584–647 гг. [Мастыкова, 2022, с. 159]. По всей видимости, кладбище функционировало долгое время, возможно, вплоть до закладки нижнего храма, который существовал еще в XIII в., последующие исследования, вероятно, позволят уточнить верхнюю дату существования некрополя.

Проведенные современные мультидисциплинарные исследования дали возможность получить новые сведения об образе

жизни и культуре «горзувитского» населения. Сочетание четкой привязанности населения к данной местности, определенная модель питания, свидетельства долго существующих групп внутри общины – все это создает картину устойчивого существования христианского сообщества, которое, соблюдая византийские традиции и обряды, несколькими поколениями жило на этом участке Южного берега Крыма.

Список источников

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.

Голофаст Л. А., Мастыкова А. В. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.

Добровольская М. В., Мастыкова А. В. Изотопные исследования скелетных останков людей из гробницы храма в Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность // КСИА. 2020. Вып. 260. С. 428–440.

Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия Наук, 1837. 409 с.

Мастыкова А. В. Средневековый памятник Горзувиты на Южном берегу Крыма: исследования 69 лет спустя // КСИА. 2020. Вып. 260. С. 407–427.

Мастыкова А. В. О византийском облике поселения Горзувиты на Южном берегу Крыма // XIV Междунар. Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 155–164.

Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтовое 3 и Киль-Дере 1) / М. В. Добровольская, Н. Г. Свиркина, С. В. Язиков, А. Н. Свиридов // Stratum plus. 2023. № 4. С. 139–154.

Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 109–120.

Bourbou C., Richards M. The Middle Bizantine menu: paleodietary information from isotopic analysis of humans and fauna from Kastella, Crete // Inernational Journal of Osteoarchaeology. 2007. Vol. 17. Iss. 1. P. 63–72.

Procopius Caesarensis, Procopi Caesariensis opera omnia De Aedificius. Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana; Leipzig: Teubner, 1964. Vol. 277. 408 p.

Reconstruction the diets of Greek Bizantine populations (6th–15th Centuries AD) using carbon and nitrogen stale isotope ratios / C. Bourbou, B. Fuller, S. Garvie-Lok, M. Richards // American Journal of Physical Anthropology. 2011. Vol. 146. Iss. 4. P. 569–581.

А. М. Новичихин
Анапский археологический музей,
Анапа, Россия

КАМЕННЫЕ ГИРИ-РАЗНОВЕСКИ ИЗ ГОРГИППИИ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Аннотация. Весовые параметры трех каменных призматических брусков, найденных при исследованиях Горгиппии и памятников ее сельской округи, указывают на их использовании в качестве гирь-разновесков. Две из них, соответствующие 1/2 и 1/10 эгинской мины, свидетельствуют о применении на Боспоре в эллинистическую эпоху эгинской весовой системы.

Ключевые слова: гири, весовые системы, Горгиппия, Боспорское царство

Среди находок, полученных в результате археологических раскопок и разведок Горгиппии и ее округи, имеется группа каменных предметов, обычно (в коллекционных и музейных описях) называемых брусками или точильными камнями. Это призматические изделия из камня желтого оттенка. Из Горгиппии и ее окрестностей происходят три таких предмета, в настоящее время хранящихся в Анапском археологическом музее.

© Новичихин А. М., 2025

Первая находка (рис. 1, *1*) сделана в 1981 г. при раскопках усадьбы Джемете III на ближней хоре Горгиппии в культурном слое. Представляет собой брусок призматической формы из плотного сероватожелтого аргиллита. Размер 5,4×6,0×3,8 см. Вес – 317,13 г. Усадьба функционировала с кон. IV до нач. вт. пол. III в. до н. э. [Алексеева, 1997, с. 53, табл. 13].

Вторая находка (рис. 1, *2*) содержится в составе подъемного археологического материала, собранного в 1988 г. при обследовании группы распаханных античных усадеб на правом берегу р. Уташ, близ ее впадения в старое русло р. Кубань, прямо напротив Уташского городища (поселения 1 на карте-схеме Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1980, с. 2–22, рис. 1. 2]). Представляет собой призматический брусок из рыхлого желтого мергеля. Размер 3,0×3,3×2,5 см. Вес – 61,33 г. Керамический материал дает основания относить время существования усадеб к периоду эллинизма (IV–II вв. до н. э.).

Третий предмет (рис. 1, *3*) найден при исследовании городища Горгиппии в 1979 г. в заполнении помещения 4 дома 19, относящегося к последнему периоду существования античного полиса (II – перв. пол. III в. н. э.[29]). Представляет собой призматический брусок, небрежно изготовленный из желтовато-серого песчаника (алевролита). Размер 2,5×2,7×2,4 см. Вес – 22,38 г.

Рис. 1. Каменные гири-разновески из Горгиппии и ее окрестностей:
1 – усадьба Джемете III, раскопки 1981 г.; *2* – группа усадеб у п. Уташ, подъемный материал 1988 г.;
3 – городище Горгиппии, раскопки 1979 г.

Атрибуция перечисленных находок как точильных брусков маловероятна: кроме

[29] Алексеева Е. М., Шавырин А. С. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1979 г. // НА ИА РАН. Фонд Р-1. № 9885. Л. 191–192.

самого маленького и крайне неудобного для подобного применения бруска из Горгиппии, сделанного из песчаника, остальные два (из Джемете и Уташа) изготовлены из аргиллита и мергеля – материалов, абразивными свойствами не обладающих. Находки при исследовании античных памятников Причерноморья призматических каменных изделий, с пометками, указывающими на то, что они служили весовыми гирями [Коваленко, 2000, с. 151–159], дали основание рассматривать горгиппийские «бруски» с этой точки зрения.

Действительно, взвешивание предметов показало, что между весом двух из них имеется определенная взаимосвязь: каменный брусок из Джемете оказался в пять раз тяжелее бруска из Уташа: 317,3 г и 61,33 г. Встал вопрос о принадлежности гирь к какой-либо из имевших бытование в античном Причерноморье весовых систем.

Гирю из Джемете, самую тяжелую по ее весовым данным (317,3 г), можно было бы сопоставить с финикийской или легкой птолемеевской миной с весом, близким 360 г, ставшей, как принято считать, основой формирования локальных весовых систем Ольвии [Бертье-Делагард, 1909, с. 81, 83] и Херсонеса [Николаенко, 1980, с. 92]. Однако, учитывая регион находки, больше оснований рассматривать эту находку как половину эгинской мины с весом, близким 620 г [Чуистова, 1962, с. 45]. Весовая система, основанная на эгинской мине, имела широкое распространение в античном мире в V–IV вв. до н. э. и оказала влияние на формирование метрических систем других центров [Lang, 1964, p. 9–11]. Об использовании эгинской весовой системы на Боспоре свидетельствует комплекс из трех свинцовых гирь, найденный в 1869 г. при раскопках в насыпи 2 Среднего кургана Васюринской горы на Тамани: они имели вес 6,2, 12,4 и 24,8 кг, соответствующий 10, 20 и 40 эгинским минам [Чуистова, 1962, с. 46].

Каменная гиря-разновесок из Уташа с весом 61,33 г соответствует в таком случае 1/10 эгинской мины.

Определение весовой системы, к которой относилась маленькая гирька из горгиппийского дома 19, наиболее проблематична. Как уже отмечалось, для мелких разновесков, не имеющих обозначений номинала, с параметрами менее половины мины попытка определения весовой системы может привести к ошибке, «так как мелкие номиналы различных весовых систем разнятся очень незначительно» [Николаенко, 1980, с. 87]. С определенной долей условности можно допустить, что вес разновеска (22,38 г) близок трем эгинским драхмам, однако иной хронологический контекст (дом 19 относится ко II – перв. пол. III в. н. э.) не исключает того, что он относится к другой метрической системе.

Таким образом, имеются основания считать, что помимо традиционных свинцовых гирь и разновесков в Горгиппии и на поселениях ее сельской округи в качестве весового инвентаря использовались обточенные до определенного веса каменные бруски призматической формы. Вслед за С. А. Коваленко следует признать, что изготовление и применение таких гирь было следствием частной практики [Коваленко, 2000, с. 78], вследствие чего их использование вряд ли затрагивало сколь-либо важные торговые операции, а ограничивалось домашним обиходом.

Вторым важным выводом является свидетельство использования на сельских поселениях хоры Горгиппии популярной в раннеэллинистическое время эгинской весовой системы. Отметим, что при раскопках усадьбы Джемете III была найдена еще одна каменная гиря – из подобранной по весу мергелевой гальки с надписью ΤΡΕΙΣ – три (мины): при весе камня в 1,518 г это соответствует персидской весовой системе с миной в 505 г [Новичихин, 2019, с. 371, рис. 1. *3*], также применявшейся в элинистическую эпоху на Боспоре [Грач, 1975, с. 190, 192, 195].

Список источников

Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар: Краснод. кн. изд-во, 1980. С. 18–50.

Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРРС, 1997. 560 с.

Бертье-Делагард А. Л. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р.Х. М.: Синодальная типография, 1909. 100 с.

Грач Н. Л. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорский весовой метрологии // ТГЭ. 1975. Т. XVII. С. 183–200.

Коваленко С. А. Находка весовых гирь на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // РА. 2000. № 4. С. 151−159.

Николаенко Г. М. Весовые системы эллинистического Херсонеса // Античная древность и Средние века. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 86–93.

Новичихин А. М. Каменные гири из Горгиппии // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов: Техно-Декор, 2019. С. 367−375.

Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. II. С. 7−235.

Lang M. Weight and Measures // The Athenian Agora. 1964. V. X. P. 1−68.

А. В. Сазанов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ ПОНТИЙСКИХ АМФОР III–V ВВ. ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Аннотация. Статья посвящена типологии и хронологии амфор понтийского производства из комплексов III–V вв. Рассматриваются гераклейские, синопские, боспорские и колхидские амфоры. Для ряда типов предлагаются новые датировки.

Ключевые слова: понтийские амфоры, типология, хронология, позднеримское время

Основу исследования составляют понтийские амфоры из комплексов перв. пол. III – перв. пол. V в., делящиеся на четыре группы: гераклейские, синопские, боспорские, колхидские. Используются типологии И. Б. Зеест, С. Ю. Внукова, Д. Кассаб-Тезгер, П. Рейнольдса, Б. Бетгера и автора [Зеест, 1960; Vnukov, 2010, 2017; Sazanov, 2022; Сазанов, 2022, 2024; Kassab Tezgör, 2010, 2020; Reynolds, 2005]. Комплексы рассматриваются в хронологическом порядке.

Перв. пол. III в. Характерны боспорские амфоры типов Зеест 72, 73, 75, 77, 84, гераклейские C IV D, синопские B Snp I–II (рис. 1, *1–8, 21, 22, 28*). Амфоры 72, 73, 75, 77, 84 появляются в сер. – вт. пол. II в. и хорошо представлены в контекстах сер. III в. Боспорские амфоры Зеест 84/85 имитировали синопские формы B Snp I−II [Sazanov, 2022, p. 230, fig. 3].

Для посл. четв. II – сер. III вв. типичны гераклейские амфоры C IV D 1−3 (рис. 1, *1–8*) [Сазанов 2024, с. 57–62] и синопские B Snp I−II (рис. 1, *21, 22*) [Kassab Tezgör, 2010, p. 125–127, pl. 15; Vnukov, 2010, fig. 2, 9, 11; Vnukov, 2017, p. 107, fig. 5.2, 10, 11].

Наибольшую встречаемость в комплексах этого времени имеют гераклейские амфоры C IV D 1−3 и красноглиняные Зеест 84.

Колхидские амфоры представлены типом Кх I C 2 (рис. 1, *37*) [Vnukov, 2017, p. 109, fig. 5, 17].

Перв. пол. IV в. Гераклейская группа представлена незначительным количеством амфор C IV D 4, относящихся к AD 260/270 – 310/320 гг., и абсолютно доминирующими в этой группе узкогорлыми светлоглиняными «F» (C IV F), датирующимися в целом нач. – третьей четв. IV в., основной выпуск которых приходился на перв. пол. IV в. (рис. 1, *9, 10*) [Сазанов, 2024, с. 62, 65, рис. 13; Сазанов, 2011, с. 325, 326].

Синопскую группу составляют амфоры A Snp I, B Snp I, C Snp I-1, 2 (рис. 1, *17–20, 21, 23, 24*). Абсолютно доминируют C Snp I, имеющие общую датировку от перв. до третьей четв. IV в. с окончанием цикла в перв. трети V в. [Сазанов, 2022, с. 136].

© Сазанов А. В., 2025

Остальные представлены несопоставимо меньшим числом находок.

Достаточно представительна боспорская группа, включающая амфоры Зеест 72, Зеест 76, Зеест 84, Зеест 96/97 (рис. 1, *28, 32–36*). Характерно появление больших боспорских амфор Зеест 96/97. Для IV в. можно выделить пять типов этих сосудов,

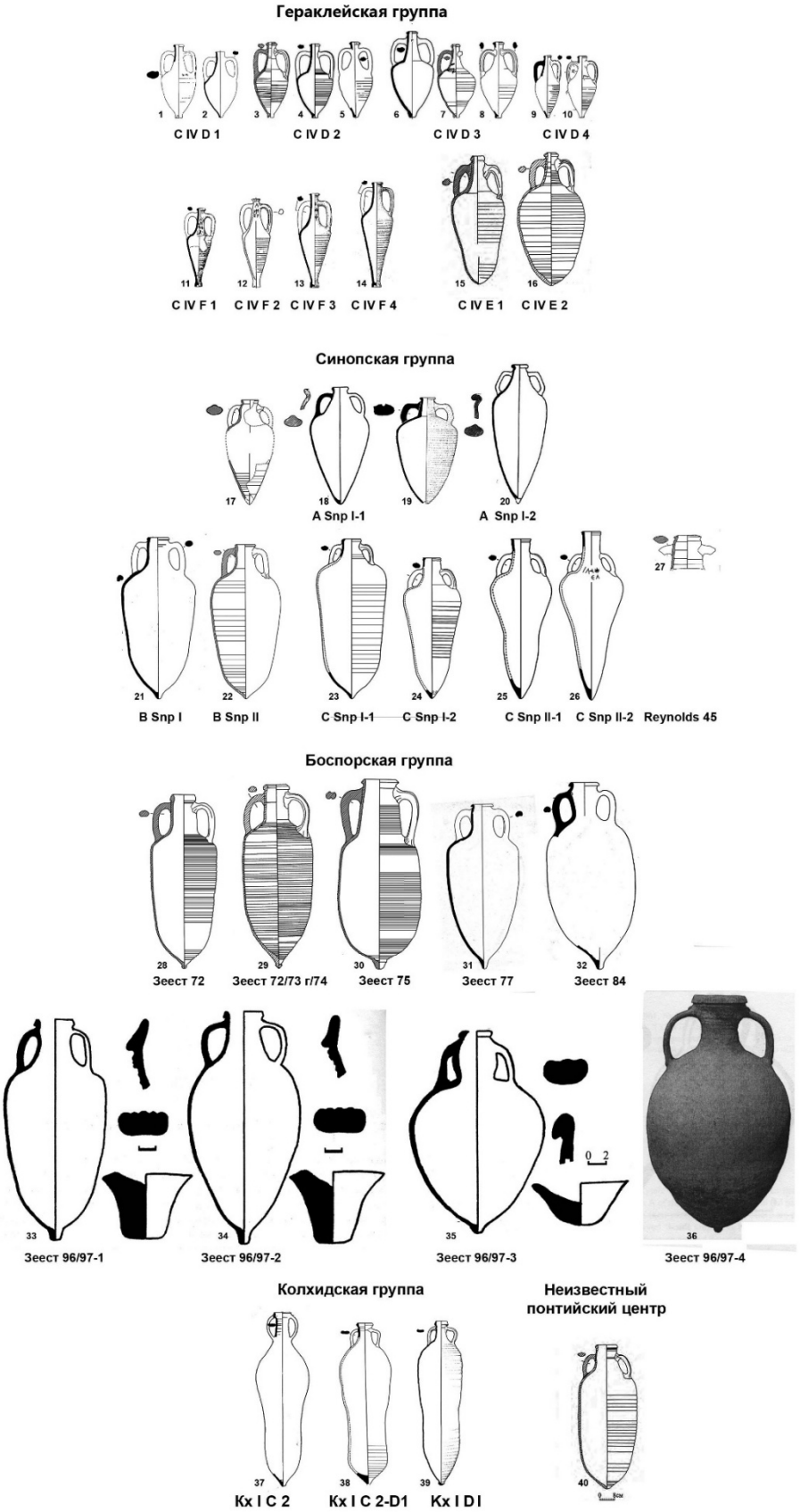

Рис. 1. Группы и типы понтийских амфор III–V вв. н. э.

четыре из которых имеют выраженные прототипы в синопских амфорах. Один тип изготавливался по стандартам C Snp I или B Snp I (рис. 1, *33*) [Матукина, 2008, рис. 1, 175; Vnukov, 2010, fig. 2, 9, 12, 13], второй – B Snp II (рис. 1, *34*) [Матукина, 2008, рис 1, 176; Vnukov, 2010, fig. 2, 11], третий – B Snp III (рис. 1, *35*) [Матукина, 2008, рис. 4; Vnukov, 2010, fig. 2, 10], Только один тип с раздутым корпусом, на основе которого пойдет дальнейшее развитие Зеест 96/97, похоже, не имеет параллелей в предшествующих синопских амфорах (рис. 1, *36*) [Матукина, 2008, рис. 2, 3].

Колхидские амфоры принадлежат типам Kx I C 2, Kx I C 2-D 1 (рис. 1, *37, 38*) [Vnukov 2017, p. 109, fig. 5, 17, 18].

Вт. пол. IV – перв. пол. V в. Гераклейскую группу составляют типы C IV F и C IV E, который доминировал. Он датируется вт. четв. IV – нач. V в. (рис. 1, *15, 16*) [Сазанов, 2011, с. 325, 326]. Синопские амфоры включают типы C Snp I-1, C Snp I-2 и C-Snp II, относящиеся ко вт. пол. IV – перв. пол. V в. (рис. 1, *23–26*) [Сазанов, 2022, с. 136, рис. 9, *25*]. Видимо, также синопская продукция амфоры типа Reynolds 45, вт. четв. V в. (рис. 1, *27*) [Reynolds, 2005, fig. 45].

Боспорское производство Пантикапея и Фанагории отражают амфоры Зеест 96/97 [Гайдукевич, 1934, с. 33, 84, рис. 44; Кобылина, 1966, рис. 7, *1–5*; Сазанов, 1989, с. 47].

Амфоры типа Bottger III.1 вт. пол. IV – перв. пол. V в., по всей видимости, принадлежат продукции одного из понтийских центров (рис. 1, *40*) [Bottger 1982, Taf. 26, 316, 320].

Колхидские амфоры представлены типом Kx I D I (рис. 1, *39*) [Vnukov, 2017, p. 109, fig. 5, 19].

Рассмотренные комплексы и материалы позволяют предложить следующие датировки амфор III–V вв.

Гераклейская группа. C IV D 1−3 (посл. четв. II – сер. III в.), C IV D 4 (AD 260/270 – 310/320 гг.), C IV F (нач. – третья четв. IV в.), C IV E (вт. четв. IV – нач. V в.) (рис. 1, *1–16*).

Синопская группа. A Snp I (перв. пол. IV в.), B Snp I (III – кон. II – перв. треть IV в.), Reynolds 45 (вт. четв. V в.) (рис. 1, *17–22, 27*). Амфоры C Snp I-1 производились в нач. – третьей четв. IV в., C Snp I-2 – в перв. четв. IV (после начала производства C Snp I-1) – кон. третьей четв. IV в. (рис. 1, *23, 24*). Ко вт. пол. IV – перв. пол. V в. относятся амфоры C Snp II (рис. 1, *25, 26*).

Боспорская группа. Зеест 72, Зеест 76, Зеест 84 (вт. пол. – кон. II – перв. треть IV в.), Зеест 73 (вт. пол. II – перв. пол. III в.), Зеест 75 (перв. пол. III в.), Зеест 77 (кон. II – перв. пол. III в.) (рис. 1, *28–32*). Амфоры Зеест 96/97 появляются в нач. IV в. и продолжают свое развитие до вт. − третьей четв. VI в. (рис. 1, *33–36*).

Колхидская группа. Kx I C 2 (кон. II – перв. треть IV в.), Kx I C 2-D 1 (перв. пол. IV в.), Kx I D 1 (перв. пол. – сер. V – вт. четв. VI в.) (рис. 1, *37–39*).

Полученные даты уточняют существующие представления о хронологии амфор III–V вв.

Список источников

Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.). М.; Л., 1934. 116 с.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.

Кобылина М. М. Керамическое производство Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3. С. 172–186.

Матукина А. Н. Позднеантичные амфоры из Китея // Боспорские исследования. 2008. № 19. С. 151–155.

Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4 С. 41–60.

Сазанов А. В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб.; Нижний Новгород, 2011. С. 325–327.

Сазанов А. В. Амфоры C Snp I: проблемы классификации и хронологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. Вып. 1. С. 90–144.

Сазанов А. В. Узкогорлые светлоглиняные амфоры римского времени типа «D» (C IV D). Типология и хронология // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. Вып. 3. С. 30–72.

Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau. Berlin, 1982. Bd. II. S. 3–148.

Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s.ap. J.-C. // Varia Anatolica. 2010. XXII. P. 121–140.

Kassab Tezgör D. Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire (Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford, 2020. 186 p.

Reynolds P. Levantine amphorae from Cilicia to Gaza: a typology and analysis of regional production trends from the 1st to 7th centuries // Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry 1 (LRCW 1). Oxford: BAR International Series 1340, 2005. P. 563–611.

Sazanov A. Southern Pontic Amphorae of ca. 250–400 AD from Northern Black Sea Coastal Sites: Contexts, Chronology, Typology // Amphorae from the Eastern Mediterranean and Beyond: Production and Distribution from the Early to the Late Roman Period. Nicosia, 2022. P. 223–240.

Vnukov S. Sinopean Amphorae of the Roman Period // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. V. 16. P. 361–370.

Vnukov S. Overseas trade in the Black Sea region and the formation of the Pontic market from the first century BCE to the third century CE // The Northern Black Sea in antiquity. Networks, connectivity, and cultural interactions. Cambridge, 2017. P. 100–140.

Т. Н. Смекалова[1], Д. С. Бунин[2], Э. А.Терехин[3], А. С. Деваев[4],
Р. С. Кецко[5], А. Н. Гаврилюк[6], С. К. Фридрихсон[7], Л. О. Базилевич[8], О. А. Горбачева[9]
[1,4,5,6,7] Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия
[3] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия
[8] Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник,
Владимир, Россия
[9] Институт археологии РАН,
Москва, Россия

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОГЕННЫХ СТРУКТУР АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ БАЛКИ БАБЧИК В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Аннотация. Приводятся итоги комплексных междисциплинарных разведок на западном берегу балки Бабчик. Исследования включали работу с космоснимками, аэрофотографиями, магнитную съемку, пешие разведки и шурфовки. Удалось выявить на территории следы античных усадеб, предположительно, варварского поселения, загонов для скота, признаки интенсивного землепользования.

Ключевые слова: Восточный Крым, комплексные разведки, балка Бабчик, Чокракское озеро

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00088, https://rscf.ru/project/23-18-00088.

В 2022–2024 гг. проводились комплексные исследования на территории, примыкающей к Бабчикской балке (Ленинский район, АР Крым). Обследованный участок располагался к югу от оз. Чокрак и включал в себя склоны Бабчикской балки, вал Безкровного (Чокракский вал) и плато между ними (рис. 1).

В 1970-е гг. В. В. Веселов открыл на этой территории эллинистическое поселение. В настоящее время вдоль северо-западной границы плато прослеживаются следы древней оборонительной системы – вала Безкровного. В ходе разведок 1995–1996 гг. трассу вала удалось выявить на протяжении 2,5 км. Вблизи вала были обнаружены гробницы в виде каменных ящиков с кольцевыми оградками [Масленников, 2003. с. 121–122]. В 2016 г. здесь был собран подъемный материал IV–III вв. до н. э. [Кузина, 2018. с. 237].

© Смекалова Т. Н., Бунин Д. С., Терехин Э. А., Деваев А. С., Кецко Р. С., Гаврилюк А. Н., Фридрихсон С. К., Базилевич Л. О., Горбачева О. А., 2025

Целью исследований 2022–2024 гг. было определение особенностей хозяйственного освоения указанной территории в античное время.

В начале исследований анализировались космические снимки и намечались маршруты разведки. Затем проводились разведки со сбором подъемного материала, шурфовками и применением геофизических методов. Окончательный ответ о наличии поселения давала магнитная съемка, которая, благодаря контрасту немагнитных известняковых стен на фоне сильномагнитного грунта культурного слоя, позволяла выявлять антропогенные структуры. Параллельно с магнитной проводилась топографическая съемка.

На северной оконечности холмистого возвышенного плато располагалось «убежище» (Бабчик Западный) площадью 0,22 га, обрывистые края которого были укреплены с западной и южной стороны каменными стенами[30]. Основная масса подъемного материала, собранного в районе расположения укреплений, относится к периоду от V в до н. э. и как минимум до II–III вв. н. э., однако на поверхности присутствовало также незначительное ко-

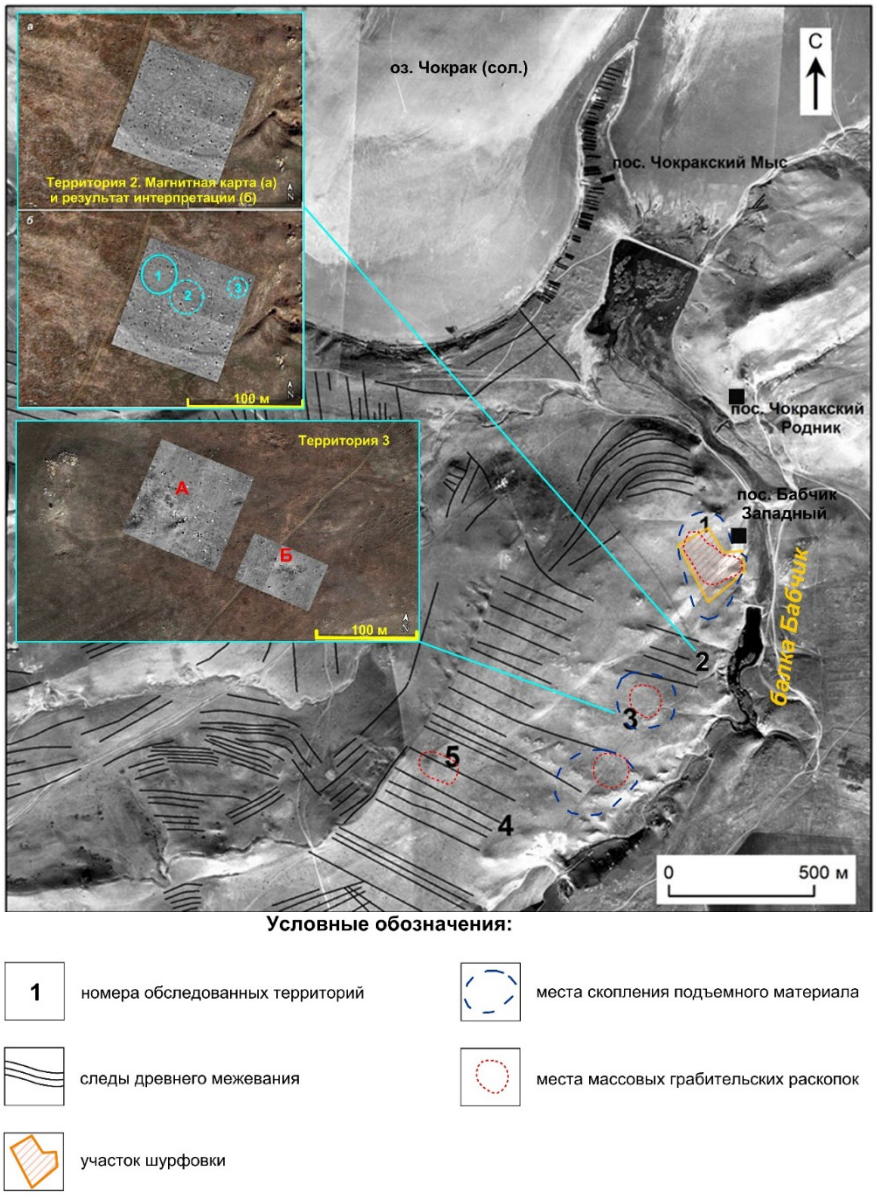

Рис. 1. Территория проведения разведок

[30] Расположенная здесь система укреплений к 2023 г. наиболее подробно описана Д. В. Бейлиным и И. В. Рукавишниковой. В 2024 г. Т. Н. Смекаловой была проведена магнитная съемка. В этом же году Д. С. Буниным осуществлена шурфовка прилегающей территории.

личество фрагментов сосудов как эпохи бронзы, так и средневековых. При этом отсчет возраста убежища можно все же начинать с V–IV вв. до н. э. [Бейлин, Рукавишникова, 2024, с. 28].

Склоны, прилегающие к системе укреплений и спускающиеся в долину с запада, юго-запада и юга, несут следы масштабной грабительской деятельности. В 2023–2024 гг. эта территория (территория 1) подвергалась сплошному обследованию со сбором подъемного материала и шурфовкой для определения границ памятника. Обнаруженный в результате обследования этой локации материал в подавляющем большинстве относился к периоду IV–III вв. до н. э. (фрагменты амфор Фасоса, Гераклеи, Хиоса, Синопы, и неопределенных центров). Также в юго-восточной части долины были обнаружены части античного калиптера[31], предположительно, свидетельствующие о наличии в районе античной усадьбы. Находки фрагментов лепных сосудов носили единичный характер.

В 500 м к югу от «убежища» (территория 2) магнитной съемкой были выявлены следы трех круглых каменных загонов для скота диаметром от 20 до 30 м.

На 400–600 м южнее (территория 3) располагались небольшие античные усадьбы, отстоящие на 50–70 м друг от друга. Магнитная съемка, проведенная на двух предполагаемых усадьбах, позволила установить их размеры (около 20×20 м.) и наличие 3–4 помещений с примыкающим к ним двором. Здания имели прямоугольную планировку и вполне «греческий» облик. Внутри помещений прослеживаются очаги.

Подъемный материал с поверхности территории и из отвалов грабительских ям в большинстве своем представлен фрагментами амфор IV–III вв. до н. э., за исключением фрагмента красноглиняной амфоры лесбосского производства[32], который может быть отнесен к более раннему времени – не позднее сер. V в. до н. э. Также на поверхности обнаруживались мелкие фрагменты сосудов, возможно, средневековых.

Примерно в километре от этого поселения на обширной, открытой к югу долине (территория 4), среди следов пахотных полей, хорошо видимых на космоснимке, располагалось небольшое, предположительно, варварское поселение.

Магнитная разведка территории 5 западного берега Бабчикской балки показала, что наиболее выделяющаяся в рельефе возвышенность, находящаяся на кромке холмистой гряды, является естественной и никаких строений под собой не скрывает.

Выявление древних земледельческих форм проведено на основе архивной аэрофотосъемки 1971–1972 гг. методом визуального дешифрирования с использованием геоинформационных средств, в результате чего был создан векторный, географически привязанный слой, который может быть интегрирован с другими данными о состоянии контуров землепользования.

Необходимо отметить размещение выявленных следов землепользования не только на ровных, но и на наклонных участках с целью максимального освоения доступных земель. Эта особенность косвенно выступает признаком значительно более высокой плотности заселения территории в античную эпоху по сравнению с более поздними историческими периодами.

Таким образом, можно предполагать, что вся возвышенная территория в нижнем течении балки являлась ресурсной зоной античного и «варварского» сельских поселений.

Список источников

Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В. Археологические исследования Степного отряда южно-боспорской экспедиции в восточном Крыму в 2023 г. // История и археология Крыма. 2024. № 22. С. 24−33.

Кузина Н. В. Археологическая разведка на территории Ленинского района // Археологические открытия. 2016 год. М.: ИА РАН, 2018. С. 235−237.

Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.: Гриф, 2003. 380 с.

[31] Бунин Д. С. Отчет о проведении археологической разведки на территории, прилегающей к южному берегу озера Чокрак, в Ленинском районе Республики Крым в 2023 г. Владимир, 2024. Л. 29, 109, рис. 62.
[32] Там же. Л. 29, 115, рис. 69. 5.

А. А. Супренков
Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Россия

КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА АНТИЧНОМ ГОРОДИЩЕ СЮЮРТАШ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ В 2010–2024 ГГ.

Аннотация. Доклад посвящен работам автора на одном из крупнейших позднеэллинистических городищ в Восточном Крыму. В результате 15 лет раскопок здесь была исследована площадь в 2 600 кв. м, выявлены культурные напластования мощностью до 2,5 м, исследовано более сотни строительных остатков, представленных каменными сооружениями и углублёнными в материк объектами, собрана коллекция из 682 музейных предметов и нескольких тысяч единиц массового материала.

Ключевые слова: античность, эллинизм, Боспор, крымское Приазовье, Сююрташ

Городище Сююрташ (Золотое Восточное) в Крымском Приазовье является эталонным памятником III–II вв. до н. э., «темного» периода в истории Боспорского царства, когда экономический кризис привел к значительному сокращению числа сельских поселений, интенсивное развитие которых имело место во второй половине предыдущего столетия. Укрепленное поселение площадью около 1,5 га, расположенное в Ленинском районе Республики Крым, в 5 км к востоку от с. Золотое, в урочище Сююрташ к северу от одноименной татарской деревни XIX – начала XX в. было выявлено и впервые исследовано И. Т. Кругликовой в 50-х гг. прошлого столетия, а затем в 1989–1992 гг. раскапывалось А. А. Масленниковым на западном участке. Оба исследователя отмечали внушительность оборонительных стен памятника при скромном облике как прочих построек, так и археологического инвентаря.

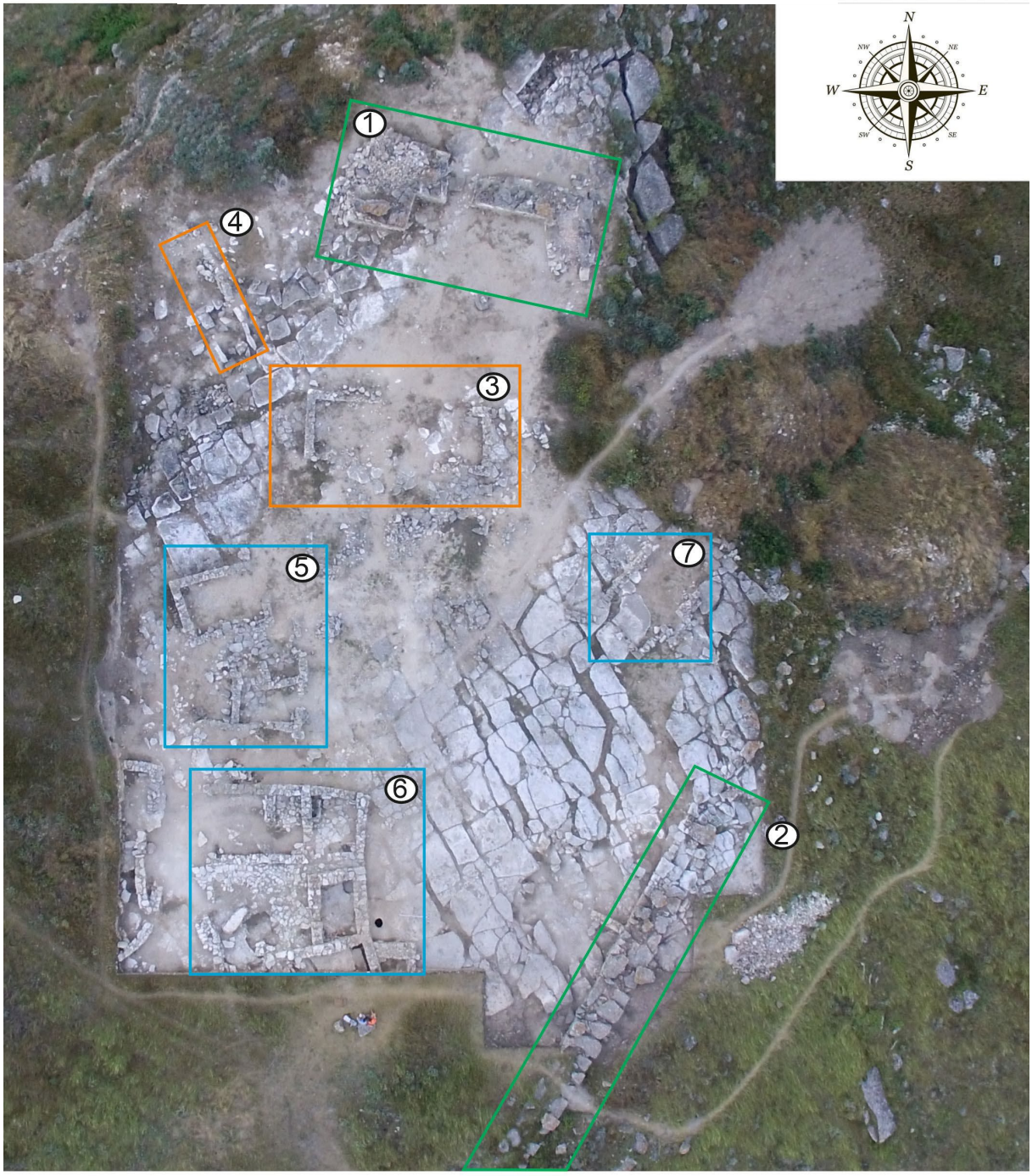
Начиная с 2010 г. автором ведутся раскопки восточной части поселения, их площадь за этот период достигла 2 600 кв. м (рис. 1). В ходе работ была выявлена несложная стратиграфия, представленная двумя основными слоями: слоем 1 – светло-коричневой супесью и слоем 2 – светло-серой супесью. Отдельно стоит выделить слой 3 – серую золистую супесь, насыщенную фрагментами керамики и раковинами мидий, который представлял собой остатки зольника, перекрывшего отдельные постройки в определенный период функционирования городища.

Что касается исследованных построек, отметим, что застройка раскопанного участка осуществлялась по направлению север – юг на участке, где между двух параллельных скальных залегал материковый песок, в который и заглублялись основания стен. Открытые нами строения можно разделить на несколько групп по назначению и по строительным периодам, хотя оговоримся, что это разделение условно – жизнедеятельность на поселении носила, по-видимому, непрерывный характер.

Прежде всего скажем о постройках оборонительного назначения, основополагающих для этого укрепленного городища. Это группа стен № 1–5 на севере раскопа, выявленная в первый же год работ. Их протяженность достигала 18 м при ширине до 3,3 м и сохранившейся высоте до 2 м. Примерно в центре конструкции располагался вымощенный проход шириной около 2 м. Первоначально оборонительный характер всей этой конструкции не вызывал сомнений. Однако последующие исследования показали, что стена не имела продолжения ни на западе, ни на востоке и, в сущности, ничего не прикрывала. Можно предположить, что она должна была замыкать оборонительную систему поселения на северо-востоке, но древние строители наткнулись на выход скалы, который делал фундамент неустойчивым. Тем не менее само строение было доведено здесь до логического завершения.

© Супренков А. А., 2025

Городище Сюрташ.
Раскоп «Восточный» 2010–2024 гг. Вид с юга

① *Стены № 1–5*
② *Стена № 52*
③ *Помещение 2*
④ *Помещение 1*
⑤ *Комплекс 1 (помещения 4–5)*
⑥ *Комплекс 2 (помещения 6–9, 12–13)*
⑦ *Помещение 3*

оборонительные сооружения
общественные постройки
жилые постройки

Рис. 1. Городище Сюрташ. Общий вид с юга на раскоп 2010–2022 гг.

Стена № 52 – юго-восточная оборонительная стена городища мощностью до 3 м – была нами открыта в длину более чем на 20 м. Что характерно, она также обрывалась на северо-востоке без какого-либо продолжения. Видимо, восточный край городища был естественным образом укреплен рельефом местности.

Переходя к описанию общественных построек, укажем на большое (10×4 м) помещение № 2, исследованное к югу от стен № 1–5. И на севере, и на юге в стенах этого помещения имелся разрыв, расположенный примерно напротив прохода в большой стене. В северном проеме находилась большая (7×2 м) овальная яма. В ее заполнении найдена почти целая терракотовая статуэтка Кибелы. Похожая яма, но меньших размеров находилась в 5 м к северу. К югу от помещения № 2 располагался участок примерно равного ему по площади, частично огороженного пространства с вымосткой и крупной (5×5 м) ямой неясного назначения. В 10 м к юго-западу от стен № 1−5 было исследовано еще более необычное помещение № 1 (10×3 м), состоящее из двух разноуровневых частей. Верхняя часть была огорожена стенами из подработанных известковых плит, поставленных на ребро, нижняя – из обычных камней, характерных для местной строительной традиции. К его восточной стене была пристроена конструкция из нескольких ям, условно названная нами алтарем. Неординарность построек, наличие терракот, большое количество золы, раковин мидий, привозной красной гальки и некоторые другие факторы позволили нам предположить, что на примере помещений № 1–2 и сопутствующих ям мы имеем дело с остатками строений сакрально-общественного назначения.

Жилые постройки на исследованном участке поселения были представлены в основном двумя строительными комплексами. Один из них – комплекс № 1 – состоял из помещений № 4–5. Это два небольших помещения размерами 5×4 и 4×3 м с общим вымощенным двором, которые имели очень скромную планировку. Признаки перекрытия зданий черепицей отсутствовали. Более крупный комплекс № 2 общими размерами 12×12 м состоял из ряда помещений: № 6−9 и 12−13. Они включали в себя три расположенных в ряд постройки на севере, среди которых одно жилое помещение с двумя очагами и хозяйственный двор к востоку от него. К югу от этой группы находился большой вымощенный двор и помещение № 12, отличающееся более высоким уровнем кладки стен. В нем была обнаружена гончарная печь и следы гончарного производства: несколько необожженных грузил, а также лепной светильник.

Отдельно отметим помещение № 3 на востоке раскопа. Это строение размерами приблизительно 4×5 м было воздвигнуто к западу от оборонительной стены на небольшом участке материкового песка посреди скального выхода. Данная геологическая ситуация, видимо, объясняет его изолированность.

Помимо каменных конструкций на поселении было исследовано около 60 ям самого разного назначения.

Многолетние раскопки на памятнике дали многочисленный археологический материал, обзор которого давался нами ранее [Супренков, Ковальчук, 2023, с. 210−220]. Среди 682 найденных нами музейных предметов основу для наших хронологических выкладок составила коллекция клейм на ручках синопских и родосских амфор. Их датировки говорят о том, что период активной жизнедеятельности на поселении наступил во вт. четв. III в. до н. э. и оно существовало около 150 лет, придя в запустение в начале эпохи Митридата, причем без каких-либо следов военных действий на нем.

Список источников

Супренков А. А., Ковальчук А. В. Городище Сююрташ в Крымском Приазовье. Краткая археологическая характеристика восточной части памятника по результатам работ 2010–2022 гг., вопросы импорта и хронологии // Международные отношения в бассейне Чёрного моря. Античное и средневековое время. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2023. С. 210–220.

Г. В. Требелева[1], Е. К. Столярова[2]
[1] Институт археологии РАН,
Москва, Россия
[2] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

ХРАМ НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ: КОРРЕЛЯЦИЯ ДАННЫХ РАСКОПОК И АРХЕОМЕТРИИ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ

Аннотация. Храм был обнаружен в 2013 г. Данные, полученные при раскопках храма, позволили датировать его позднеантичным периодом: IV–V вв. Такая дата вызывала много споров. Но проведенный в 2024 г. археометрический анализ стеклянных изделий, обнаруженных на территории храма, в первую очередь остатков сосудов и оконных стекол, показал, что ранняя датировка полностью обоснована и укладывается в узкие рамки конца IV–V в.

Ключевые слова: Маркульское городище, храм, археометрия стеклянных изделий, позднеантичный период

Исследование выполнено в рамках № НИОКТР 122011200269-4.

Маркульское городище – многослойный памятник, расположенный в Очамчирском районе республики Абхазия в 10 км вглубь континента от расположенного на берегу моря античного полиса Гюэноса. Городище было открыто в 2013 г. одним из авторов [Требелева, Сакания, Юрков, 2015]. С 2014 г. на нем ведутся регулярные раскопки.

Без сомнения, центральным объектом на памятнике являются остатки христианского храма. Здание церкви представляет собой чуть вытянутую трапецию с полукруглой апсидой на восточной стороне, переходящей в продольные стены без заплечиков. Длина храма составляет 5,60 м, внутренняя ширина храма вдоль западной стены – 3,45 м, ширина у начала апсиды – 3,20 м. Высота сохранившихся стен составляет от 1,5 до 0,1 м. В стенах сохранились прямоугольные пазы для алтарной преграды, возможно, сделанной из дерева. Сохранился престол, сложенный из камня. Толщина стен храма 60 см, что свидетельствует об отсутствии каменного свода. Скорее всего, перекрытия были стропильные. Крыша была крыта черепицей: более 1 000 фрагментов различной черепицы были обнаружены с восточной стороны храма поверх обрушенных стен. Детальное исследование черепицы еще предстоит сделать в будущем. Кладка стен из колотого песчаника и известняка, не регулярная, бутовая, с двусторонней обкладкой слегка обработанными блоками. Можно предположить, что в кладке применялись и кирпичи: их фрагменты, в том числе и со следами пальцевых вдавлений, толщиной от 3 до 5 см были найдены в культурном слое. Пол в храме состоял из известковой цемянки толщиной 4 см, стены были отштукатурены как снаружи, так и внутри. По штукатурке была сделана фресковая роспись – обнаружено более 10 фрагментов штукатурки со следами росписи красного цвета с геометрическим орнаментом. Вокруг церкви имеются следы каменной ограды, поднимающейся над дневной поверхностью не более чем на 10 см.

Раскопки храма велись в 2014–2017 и в 2022–2023 гг. Перерывы в раскопках были связаны с необходимостью детального изучения антропологического материала, обнаруженного в ходе раскопок: как и в большинстве христианских храмов, на территории Маркульского храма совершались множественные погребения [Требелева, Шведчикова, 2019]. Выявлено два уровня захоронений. Верхний содержал разрушенные и фрагментарные погребения, не сохранившие следов могильных ям, костяки в них лежали без анатомического порядка. Однако в перемеси слоя вместе с костяками был обнаружен и различный инвентарь: фрагменты керамических и стеклянных сосудов, железные ножи, бусины, перстни, серьги. Целостность этих погребений была нарушена захоронениями, впущенными в материк и составляющими нижний уровень. В них в четко очерченных мо-

© Требелева Г. В., Столярова Е. К., 2025

гильных ямах обнаружены костяки в анатомическом порядке. У большинства этих погребений отсутствовал инвентарь. По-видимому, совершены они были позднее VI в. – официального принятия христианства в Абхазии. Начиная с этого времени более ранние погребения с инвентарем начинают замещаться безинвентарными.

По архитектурному типу зальная церковь с выступающей полукруглой апсидой без заплечиков может быть отнесена к IV в. Аналог данному типу мы встречаем на территории Абхазии в Пицунде (храм № 1), а также в Хашупсинской крепости. За пределами Абхазии церкви с подобными апсидами, переходящими в продольные стены, встречаются в столице Лазики г. Археополисе / Накалакеви [Хрушкова, 2002, с. 71, 186, 300]. Анализ известкового раствора, использованного для строительства храма, показал наличие в его составе от 3 % до 7 % песка, что характерно для периода до VI в. [Complex Investigation…, 2022, p. 373]. При зачистке престола внутри храма был найден железный наконечник копья лавровидной формы, черенковый с резко выраженным ребром, подобные которому встречаются на территории Абхазии в погребениях IV – нач. V в. [Трапш, 1971, табл. XI, XXXI, XXXIV].

Датировка христианского храма, расположенного не в римской крепости, а в глубинной территории, столь ранним периодом вызвала у многих специалистов-кавказоведов скепсис. Но в 2024 г. был проведен анализ изделий из стекла, найденных при исследовании храма: пяти бусин, пяти фрагментов сосудов и двух осколков, предварительно интерпретированных как оконницы. Исследования методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой с пробоотбором и методом лазерной абляции выполнялись в аналитической испытательной лаборатории Курчатовского комплекса химических исследований (ИРЕА) (рук. П. А. Волков) с использованием научного оборудования ЦКП «Исследовательский химико-аналитический центр НИЦ «Курчатовский институт»» (аналитик А. М. Исмагулов). Для интерпретации результатов анализов состава стекла использовалась методика Ю. Л. Щаповой [Щапова, 1983, с. 26–42] и Т. Ставярской [Stawiarska, 1984, p. 24–27] с дополнениями одного из авторов [Столярова, 2008, с. 407]. Результаты проведенного анализа показали [Столярова, Требелева, 2024], что большая часть стекол имеет содовый состав (9 экз.), и лишь две бусины оказались сваренными на золе растений пустынной зоны, что характерно для ближневосточной школы стекловарения. Анализы одного стекла – оконницы – и декора одной бусины ввиду их плохой сохранности оказались некорректными и были исключены из рассмотрения.

Зарубежные исследователи среди римских и ранневизантийских содовых стекол на основании содержаний основных стеклообразующих и вспомогательных материалов выделяют несколько групп [Schibille, Sterrett-Krause, Freestone, 2017]. Среди них так называемое римское стекло, обесцвеченное марганцем (I–IV вв.); римские стекла, обесцвеченные сурьмой (II – сер. IV в.); две группы стекол, связываемые с производством на территории Палестины в IV–VII вв. и в VI – нач. VIII в.; стекло с высоким содержанием железа, марганца и титана (HIMT) IV–VII вв. н. э. Внутри ранней левантийской группы IV–VII вв. выделяются подгруппы по наличию обесцвечивателя марганца (кон. IV – V в.) или его отсутствию (VI–VII вв.).

Среди стеклянных предметов, анализ которых показал использование соды (9 экз.), самую большую группу представляют стекла ранней левантийской группы с обесцвечивателем марганцем, датируемые кон. IV – V в. Таких стекол четыре: оконница (№ 21/22) и три фрагмента посуды (№ 22/22, 28/22, 34/22), два из которых – 22/22 и 28/22, возможно, являются частями одного сосуда. От более ранних римских стекол, также обесцвеченных марганцем, их отличает повышенное содержание алюминия – более 2,69 %.

С учетом того, что бусины являются предметами, которые могли служить длительное время и передаваться из поколения в поколения, наибольший интерес для нас представляет сосуды и оконница. Оконные стекла чаще всего синхронны тому сооружению, в котором они использовались; сосуды также редко существенно выходят за время своего создания. Поэтому вероятность большого временного разрыва между датиров-

ками этих стеклянных предметов и храма минимальна, тем более что регион, где сооружен храм, является сейсмически активным.

Таким образом, комплекс данных (результаты археологических работ, археометрический анализ стекол) показывает, что сооружение храма можно относить к кон. IV – V в. н. э.

Список источников

Столярова Е. К. Источники щелочного сырья древних и средневековых стекол // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 3. С. 405–408.

Столярова Е. К., Требелева Г. В. Предметы из стекла из раскопок христианского храма на Маркульском городище (Республика Абхазия): состав, происхождение, датировка // Геоархеология и археологическая минералогия – 2024. Миасс; Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2024. С. 89–93.

Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей // М. М. Трапш. Труды: в 4 т. Т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 258 с.

Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю. Маркульский археологический комплекс // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 292–301.

Требелева Г. В., Шведчикова Т. Ю. Захоронения на территории Маркульского храма // Hyanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 162–173.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.

Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Complex Investigation (GIS, Photogrammetry, and Natural-Scientific Methods) of the Northwestern Colchis Historical and Cultural Landscape in the Late Antique and Medieval Times / G. V. Trebeleva, G. Yu. Yurkov, A. S. Kizilov, K. A. Glazov, T. Yu. Shvedchikova // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 7th Geoarchaeological Conference. Cham: Springer, 2022. P. 365–382.

Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I. C. Glass Groups, Glass Supply and Recycling in Late Roman Carthage // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. Vol. 9. № 6. P. 1223–1241.

Stawiarska T. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Lódz: Ossolineum, 1984. 155 s.

Г. В. Требелева[1], В. Г. Юрков[2], И. В. Егоров[3]

[1,2,3] Институт археологии РАН,
Москва, Россия
[2] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
[3] Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия

МАРКУЛЬСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО СВЯЗЬ С ГЮЭНОСОМ ПО ДАННЫМ РАСКОПОК И ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Античный полис Гюэнос и Маркульское городище распложены всего в 10 км друг от друга. Долгое время считалось, что их связывали лишь торговые контакты. Однако обнаружение склепа III в до н. э. с большим количеством импортного античного инвентаря на территории Маркульского городища, а также проведенные в данном районе геоархеологические исследования позволяют выдвинуть новые гипотезы.

Ключевые слова: Маркульское городище, Гюэнос, склеп, споро-пыльцевой анализ, литологический анализ

Исследование выполнено в рамках № НИОКТР 122011200269-4.

Маркульское городище было обнаружено в 2013 г., и в 2014 г на нем были начаты раскопки. Памятник расположен в Очамчирском районе Республики Абха-

© Требелева Г. В., Юрков В. Г., Егоров И. В., 2025

зия в 10 км вглубь континента от локализуемого в районе морского порта в Очамчире античного полиса Гюэноса. Первоначальные раскопки памятника позволили атрибутировать его как поселение местного населения. Основанием для этого служило то, что практически весь основной керамический материал был местного производства: для эллинистической эпохи процент импорта не превышал 4 %, для римско-византийской был менее 1 %. [Юрков, 2021, с. 124]. Но здесь необходимо сразу отметить, что общая площадь, исследованная раскопками, была крайне мала и носила скорее разведывательный, тестовый характер. Однако обнаружение и исследования в 2023–2024 гг. склепа эллинистического времени заставили иначе взглянуть на вопросы интерпретации данного памятника. Сразу оговорим, что значительная часть материала находится еще в обработке и здесь мы представляем лишь предварительные выводы на основе непосредственно полевых работ, и даже скорее не выводы, а те вопросы и предположения, которые возникают с появлением нового материала.

Первое, что привлекает наше внимание, – это то, что обнаружено не просто погребение, а именно склеп. Склеп представлял собой прорубленную в материковом песчанике на глубину около 40 см (от 39 до 45 см) яму размером 4×4 м, по краям ямы была сделана каменная выкладка, в виде основания, и далее, скорее всего, шли стены, возможно, плетеные или деревянные, с глиняной обмазкой. Природные компоненты не сохранились, но фрагменты обмазки в большомй количестве присутствуют среди материала. Использовались для крепежа и железные элементы – скобы и крупные железные гвозди, длиной 40–50 см. Такие гвозди напоминают современные крепежные элементы типа «костыль», используемые на железнодорожных путях, но отличаются формой шляпки – она без смещения, как у костыля, а такая же, как у обычных гвоздей. В археологическом материале подобные элементы встречены нами впервые. Покрыт склеп был импортной синопской черепицей. Большое количество импортного античного материала встречено и в самом склепе: чернолаковая керамика, составляет почти ¼ всего керамического материала. Но наше внимание привлекло не только наличие большого количества импортных изделий, но и непосредственно сооружение склепа. Дело в том, что склеповые сооружения не характерны для Абхазии начиная с периода позднего бронзового века. Известны случаи использования древних дольменов для погребения останков умерших в более поздние эпохи (вплоть до Средневековья), но не случаи сооружения новых гробниц. В то же время на территории практически всей ойкумены эллинистического мира для IV–II вв. до н. э. сооружение гробниц становится достаточно популярным. Наиболее известны боспорские каменные склепы [Савостина, 1984], но встречаются сооружения склепов и в других регионах, в том числе в Малой Азии [Кишбали, 2012] и на Балканах [Базайтова, 2006]. Большей частью исследователи связывают возникновение склепов с влиянием на эллинов варварского восточного компонента [Сорокина, 1973, с. 382; Carstens, 2011, p. 492]. Однако думается, что с учетом масштабов и географии возникновения данного явления они уже сами по себе могут быть отнесены к влиянию «эллинистической культуры». Конечно, обнаруженный склеп на Маркульском городище очень далек по своему оформлению и масштабу от величественных каменных склепов Боспора или Геликарнаса, но обилие в нем золотых изделий [Сапрыкина, Требелева, Касинцева, 2024], импортной чернолаковой керамики, стеклянных кубков и др. богатых вещей говорит о большой значимости погребенных, и возник он на Маркульском городище явно под влиянием эллинистического культурного влияния из античного центра (об этом говорит и направление основного импорта).

Ближайшим античным центром для Маркульского городища, бесспорно, является Гюэнос. Однако при обращении к датировкам возникает ряд вопросов. Обращаясь непосредственно к истории Гюэноса, известной на сегодняшний день (общепринятой, хоть и не бесспорной), мы можем констатировать, что возник полис

в VI в до н. э. и в самом начале IV в до н. э. жизнь на нем прекращается [Шамба, 1988, с. 64]. Возобновится она лишь в V в н. э. Тогда как по обнаруженному материалу (клеймо на синопской черепице, косская амфора, чернолаковая керамика, тип начертания букв) склеп датируется III в. до н. э., т. е. периодом, когда жизнь на Гюэносе прекратилась. Исходя из этой коллизии встает вопрос: откуда шло эллинистическое влияние, кем они были, жители городища, а главное – куда делись непосредственно жители Гюэноса? Запустение Гюэноса долгое время связывали с нападением меотов, оставивших захоронения конских черепов [Эрлих, 2004, с. 172]. Но версия небесспорна: запустение начинается в начале IV в до н. э. [Шамба, 1988, с. 64], а захоронения черепов датируются второй половиной IV в. до н. э. [Эрлих, 2004, с. 171].

Обратимся к другому типу источников – палеогеографии. Исследования Гюэноса показывают, что между слоями эпохи бронзы и слоями античного полиса существует стерильный слой. Связывается это с явлениями новочерноморской трансгрессии и заболачивания территории, которое вынудило население прибрежной зоны отойти глубже на территорию континента: следы материалов эпохи поздней бронзы фиксируются значительно дальше от побережья – на территории селения Араду [Трапш, 1970, с. 184–186; Шамба, 1988, с. 62]. Но позже, в эпоху фанагорийской регрессии, прибрежная часть становится вновь пригодной для жизни, и здесь в VI в. до н. э. возникает полис древнегреческих колонистов. Однако в IV в до н. э., по данным споро-пыльцевого анализа [Кайтамба, 2005, табл. 4], наблюдается сильное повышение влажности и потепление, а литологический анализ образцов грунта [Geoarcheological Research…, 2025] показывает повышенную заболоченность. Таким образом, территория вновь оказывается не очень пригодной для жизни и земледелия, которое является основой любого полиса. Поэтому не исключено, что население Гюэноса могло переместиться на расположенную всего в 10 км от них, более возвышенную и благоприятную в ландшафтном плане территорию Маркульского городища. Перемещалось население не в пустынные места: хотя до слоев ниже III в. до н. э. в своих раскопках мы еще не опустились, но наличие в подъемном материале артефактов более раннего периода (в частности, топора колхидского типа), а также менгира свидетельствует о том, что поселение функционировало и в более ранний период. Не исключено, что уже с VI в. до н. э. оно могло оказаться в пределах хоры Гюэноса. Пока это, конечно, лишь гипотеза. Но особый интерес взывает также участок раскопа «Пифосы», где была обнаружена каменная кладка вдоль склона холма. Ввиду малой площади раскопа пока нет возможности определить ее назначение, но датируется она также IV–III в до н. э. по обнаруженной чернолаковой керамике.

На сегодня оба памятника исследованы лишь фрагментарно, думается, что они оба были тесно связаны между собой, и только масштабные археологические исследования на них обоих смогут дать ответы на поставленные выше вопросы и определить характер их взаимоотношений.

Список источников

Базайтова Р. Архитектура на тракийските гробници – принос на историета на античната архитектура// Хелис. София, 2006. Т. V. С. 95−112.

Кайтамба М. Д. Изменение растительности Восточного Причерноморья в позднем неоплейстоцене и голоцене: дис. … канд. геогр. наук. М., 2005. 170 с.

Кишбали Т. Погребальные сооружения Карии IV в. до н. э. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб.: НП-Принт, 2012. Вып. 2. С. 29–33.

Савостина Е. А. Боспорские склепы: Типология, эволюция, историческая интерпретация: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 205 с.

Сапрыкина И. А., Требелева Г. В., Касинцева Е. О. Золотые изделия из склепа III в. до н. э. на Маркульском городище // КСИА. 2024. Вып. 277 (в печати).

Сорокина Н. П. Архитектура погребальных сооружений // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 2. Архитектура античного мира. М., 1973. С. 382–389.

Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // М. М. Трапш. Труды: в 4 т. Т. 1. Сухуми: Алашара, 1970. 212 с.

Шамба С. М. Гюэнос – I. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 133 с.

Эрлих В. Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1 (248). С. 158–172.

Юрков В. Г. Статистическая обработка керамики из Маркульского городища // Новые материалы и методы археологического исследования. М.: ИА РАН, 2021. С 122–125.

Carstens A. M. Early Tombs in the Halikarnassian Region: reflections on cultural mixture // Anatolia Antiqua. 2011. T. 19. P. 483–493.

Geoarcheological Research on the northwest coast of the Caucasus: the problems of dating the Holocene Terrace System / G. V. Trebeleva, A. L. Chepalyga, T. A. Sadchikova, M. D. Kaitamba, V. G. Yurkov, D. G. Yurkov, G. Yu. Yurkov // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences Springer: proceedings of 10th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 18–21 September 2023 (in print).

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Н. Е. Арсенова, Е. О. Тимошинова
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия

ВАРИАНТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ БЕЛОГЛИНЯНОЙ ГОНЧАРНОЙ ТРАДИЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛИЩ ЮГА ПОДМОСКОВЬЯ БОГДАНИХА-7 И БОГДАНИХА-8

Аннотация. Рассматриваются пути возникновения московской белоглиняной гончарной традиции с привлечением результатов современных археологических исследований, проведенных авторами работы.
Ключевые слова: керамика, Подмосковье, селище, МБК-1, МБК-2

В основу данного исследования легли итоги камеральной обработки керамических серий, полученных в результате современного изучения двух средневековых памятников юга Подмосковья – селищ Богданиха-7 и Богданиха-8. Они располагались вблизи деревни Богданиха Ленинского городского округа Московской области на берегу безымянного ручья в бассейне р. Москва.

Археологические исследования вышеуказанных селищ проводились в полевых сезонах 2023 и 2024 гг. соответственно. Селище Богданиха-7 вскрыто площадью 4 066 кв. м, изучено 124 археологических объектов, в которых найден 6 731 фрагмент керамики. Селище Богданиха-8 вскрыто площадью 3 040 кв. м, изучено 72 археологических объекта, в которых найден 7 151 фрагмент керамики.

В обоих случаях керамические серии представлены белоглиняной (XVI – нач. XVII в.) и красноглиняной (XV в.) керамикой, соотношение которых составляет 88,13 % и 11,87 % (Богданиха-7) и 77,3 % и 22,7 % (Богданиха-8). На основе вышеуказанных цифр можно сделать вывод, что сосуды из беложгущихся глин являются приоритетными в репрезентативной выборке керамического материала с исследованных памятников.

Так как активная фаза существования селищ приходится на XVI – нач. XVII в., что совпадает со временем широкого распространения и бытования белоглиняной керамики, в данной работе основное внимание будет уделено именно ей.

При обработке белоглиняной керамики селищ Богданиха-7 и Богданиха-8 использовалось предложенное В. Ю. Ковалем разделение по набору включений в формовочной массе на МБК-1 (московская белоглиняная керамика вида 1) и МБК-2 (московская белоглиняная керамика вида 2) [2001].

На селище Богданиха-7 в процентном соотношении от всей обнаруженной белоглиняной керамики выделяется 87,12 % МБК-1 и 12,88 % МБК-2, а на селище Богданиха-8 – 98,5 МБК-1 и 1,5 % МБК-2 соответственно.

Фрагменты сосудов вида МБК-1 были изготовлены из неожелезненных глин при окислительном обжиге, в формовочных массах присутствовал песок, поверхности таких сосудов шероховатые, изломы белые либо двуслойные в итоге вторичного обжига в ходе бытового использования. Кувшины с уплощенными ручками, миски и крышки составляют небольшое число фрагментов. Горшки и кувшины орнаментированы по туловам одиночными, разнесенными между собой линейными или волнистыми линиями. Донца белоглиняных сосудов МБК-1 чаще всего изготавливались на подсыпках песка, реже – на подставках. Фрагменты сосудов вида МБК-2 характеризуются формовочной массой без визуально заметных примесей, изломы белые или двуслойные в итоге вторичного обжига в ходе бытового использования. Линейный орнамент на фрагментах стенок таких сосудов в основном наносился по верхним частям плечиков горш-

© Арсенова Н. Е., Тимошинова Е. О., 2025

ков и по основаниям шеек. Донца сосудов гладкие.

В десяти километрах на юго-восток от вышеупомянутых памятников находится селище Большое Саврасово-2, которое изучалось в 2013 г. Институтом археологии совместно с ЦАИ «Куликово поле». В результате были получены опорные хронологические комплексы, на которые мы ориентировались при датировке селищ Богданиха-7 и 8, ввиду отсутствия показательных индивидуальных находок [Гоняный, Шебанин, Шеков, 2010; Предварительные итоги…, 2015; Аникин, Фатьков, 2019]. В процентном соотношении белоглиняная керамика селища Большое Саврасово-2 представлена видом МБК-1 – 68–91 % и видом МБК-2 – не более 20 % от общего числа [Предварительные итоги…, 2015, с. 346–347]. Данный памятник является прямой аналогией исследованным селищам Богданиха-7 и Богданиха-8 ввиду его географической близости, большой исследованной площади и морфологической схожести изученных углубленных в материковое основание объектов.

Появлению и распространению белоглиняной керамики, составляющей основной процент керамических серий описанных выше памятников, посвящен ряд научных публикаций. В частности, В. Ю. Коваль в своей работе «Белоглиняная керамика в средневековой Москве» прослеживает пути возникновения белоглиняной керамики на территории Москвы и Подмосковья, а также хронологические этапы ее развития. На рубеже XV–XVI вв. в Москве появляется белоглиняная керамика (МБК-1), не имеющая никаких прототипов в местном гончарстве, ближайшие аналоги которой прослеживаются в северских и верхнеокских землях. Регион распространения МБК-1 охватывает бассейн р. Москвы и верховья р. Клязьмы, связанные с москворецкой системой. В состав этого региона входила Гжельская волость, где имелись запасы промышленных беложгущихся глин. Таким образом, предполагаемым местом производства МБК-1 может являться с. Гжель. Широкое распространение по территории Подмосковья сосуды типа МБК-1 получили к середине XVI в. [Коваль, 2001, с. 102–103]. В начале XVII в. существующая на тот момент керамическая традиция сменилась совершенно новой, отличающейся иными технологическими и морфологическими признаками сосудов. Керамика новой традиции получила наименование «МБК-2». Появление и распространение в Москве и Подмосковье керамики этого вида связывается с керамической традицией, исходящей с территории Коломенской округи [Коваль, 2001, с. 104–105].

Другой путь появления на территории Москвы и Подмосковья белоглиняной керамической традиции прослеживает в своих работах А. А. Полюлях. Опираясь на предположение, высказанное Р. Л. Розенфельдтом в его работе «Московское керамическое производство XII–XVIII вв.» [1968], и на результаты собственных археологических исследований в конце 80-х гг. XX в., А. А. Полюлях находит истоки производства и распространения белоглиняной керамики в с. Гжель (Раменский район на юго-востоке Московской области). В качестве подтверждения тезиса автор приводит результаты исследований обнаруженных при археологических обследованиях 1980-х гг., плотно насыщенных фрагментами белоглиняной керамики напластований, характерных для местонахождения гончарного производства [Полюлях, 2016; 2000]. Основное различие двух взглядов на происхождение московской гончарной традиции видится в том, что А. А. Полюлях находит истоки и белоглиняной керамики с крупными примесями (МБК-1, по В. Ю. Ковалю), и керамики с почти неопределяемыми визуально примесями (МБК-2, по В. Ю. Ковалю) в с. Гжель, тогда как В. Ю. Коваль считает эти два вида не связанными друг с другом и берущими начало из разных географических точек.

Таким образом, актуальные исследования селищ Богданиха-7 и Богданиха-8 демонстрируют очевидную схожесть керамических серий со средневековыми памятниками юга Подмосковья (типа Большое

Саврасово-2). Однако вопрос о происхождении московской белоглиняной гончарной традиции в XVI – нач. XVII в. до сих пор является дискуссионным и открытым. Дальнейшее изучение материала и поиск мест гончарного производства расширит наше представление об этом вопросе.

Список источников

Аникин И. С., Фатьков А. М. Группа керамики из Южного Подмосковья: следы локальной позднесредневековой гончарной традиции (по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово-2, 2013 год) // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 15. С. 366–382.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Средневековое поселение у деревни Большое Саврасово в Ленинском районе Московской области // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2010. Вып. 6. С. 164–179.

Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 98–109.

Полюлях А. А. К вопросу о производстве в Гжели белоглиняной керамики в XVI–XVII вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории г. Москвы. М.: Музей истории г. Москвы, 2000. Вып. 10. С. 107–116.

Полюлях А. А. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 12. С. 476–546.

Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово-2 / В. В. Богомолов, Е. О. Володин, О.Н. Заидов, М. В. Цыбин, Г. А. Шебанин, А. В. Шеков // Археология Подмосковья. Москва: ИА РАН, 2015. Вып. 11. С. 338–411.

Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. 124 с. (САИ. Вып. Е1–39).

Н. Е. Арсенова[1], Д. А. Томилин[2], Е. А. Клещенко[3]

[1] Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия
[2] Государственная инспекция историко-культурного наследия,
Воронеж, Россия
[3] Институт археологии РАН,
Москва, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ БОРШЕВСКИХ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ Р. ВОРОНЕЖ: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. Представлены результаты исследования трех курганов, изученных на правобережье р. Воронеж. Сопутствующий инвентарь и конструктивные особенности погребальных объектов в большинстве своем находят аналогии среди материалов боршевской культуры VIII–X вв. Отмечено разнообразие в обращении с прахом погребенных.

Ключевые слова: курганный могильник, р. Воронеж, погребальный обряд, кремация, боршевская культура, радиоуглеродное датирование

На правом берегу р. Воронеж на территории государственного природного заказника «Воронежская нагорная дубрава» (известный в историографии как «Вантит») находится комплекс славянских памятников конца I тыс. н. э. Он включает 4 городища, 5 курганных могильников (Кузнецовский, Лысогорский, I, II, III Белогорские), а также несколько поселений. На этих памятниках проводились исследования с начала XX в. [Ефименко, Третьяков, 1948; Москаленко, 1981; Винников, 1984; Вантит. Изучение…, 1997]. Курганы содержат разные типы погребений: с трупосожжением на стороне с помещением кальцинированных костей на погребенной почве (первая группа); с трупосожжением на стороне с помещением остатков крема-

© Арсенова Н. Е., Томилин Д. А., Клещенко Е. А., 2025

ции в деревянные камеры (вторая группа); с трупосожжением на стороне с вторичным обжигом на месте кургана (третья группа); с трупосожжением на месте (четвертая группа) [Винников, 1984, с. 45–46]. В 80-е и 90-е гг. XX в. отсутствовала возможность определенной фиксации материалов в рамках полевых исследований и проведения некоторых химических анализов, в связи с чем встал вопрос о комплексном исследовании могильников на р. Воронеж совместно с учеными естественно-научного профиля.

В 2018 г. Н. Е. Арсеновой был изучен курган № 151 в составе Лысогорского могильника [Арсенова, Клещенко, Киселева, 2021, с. 297–299]. Высота насыпи составляла 1,5 м, диаметр в основании порядка 10 м. Погребение находилось в юго-восточной части насыпи на частично счищенной погребенной почве и представляло собой сгоревший деревянный ящик со скоплениями кальцинированных костей в разных его частях. У входа в камеру на деревянном полу были обнаружены два сосуда: № 1 с двумя «ручками-ушками» и № 2 – нижняя часть неорнаментированного лепного горшка, заполненного кальцинированными костями и фрагментами оплавившихся бронзовых предметов (скобы, пронизки). Аналогичный обряд и погребальная конструкция зафиксированы в курганах № 7, 10, 16, 19, 22 этого же могильника [Винников, 1984, с. 57–65]. Данное погребение можно отнести к II типу, по А. З. Винникову [Там же, с. 57]. Кремированные останки из всех объектов кургана могли принадлежать одному индивиду (жен., 25–35 л.). На останках фиксировались следы относительно равномерного воздействия высоких температур при горении [Арсенова, Клещенко, Киселева, 2021, с. 297–299].

Было проведено радиоуглеродное датирование образцов из кургана № 151 (табл. 1). Для датирования было отобрано два фрагмента кости и два фрагмента угля[33]. Проведенные исследования показывают противоречивые результаты по исследованию кремированных костей. Один образец оказался непригодным для датирования, а другой имел значительное удревнение даты. Результаты датирования угля деревянного ящика (вторая половина VIII в.) укладываются в предполагаемые хронологические рамки появления и функционирования могильника.

В 2019 г. на Лысогорском могильнике был изучен один из наиболее крупных курганов (№ 85). Его высота от уровня материкового основания 2,55 м, диаметр насыпи кургана 9, диаметр кургана с кольцевым рвом 17 м. Погребение находилось в восточной половине кургана, ближе к его центру, в пределах маленького кольцевого ровика. Оно представляло собой скопление кальцинированных костей на уровне погребенной почвы, вытянутое по линии восток – запад. К востоку от скопления на уровне предматерикового слоя находился гончарный горшок с разреженным лощением пастырского типа [Арсенова, Клещенко, Киселева, 2021, с. 299–301]. Данное погребение можно отнести к I типу, по А. З. Винникову [1984, с. 50]. Исследование кремированных останков из скопления кургана № 85 показало, что они принадлежат минимум 5 индивидам разных половозрастных групп. Отмечено неравномерное воздействие температур на останки при горении.

В 2023 г. Д. А. Томилиным исследован курган № 29 I Белогорского могильника, который А. З. Винниковым был отнесен к салтово-маяцкой культуре [1984, с. 74]. Изученный курган № 29 располагался на склоне, сильно оплыл, его высота 0,6, диаметр 10 м. В северо-западной части насыпи обнаружен впускной погребальный комплекс в небольшой яме, где находился славянский лепной сосуд грубой лепки, заполненный землей и кальцинированными костями, рядом с ним располагалось еще три скопления кальцинированных костей. Также в погребении обнаружено несколько оплавленных стеклянных спаек бус и бусин, одна костяная бусина, железный нож с прямой спинкой и бронзовая бляшка с антропоморфным изображением. В центральной

[33] Анализы проведены в Лаборатории радиоуглеродного датирования и микроскопии (руководитель Э. П. Зазовская) Института географии РАН и в Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США).

Таблица 1

Результаты AMS-датирования образцов к. № 151 Лысогорского могильника[34]

№	$IGAN_{AMS}$	Образец	^{14}C, BP (1σ)	Cal AD, BP, BC[i]	
1	10 207	№ 2, деревянный ящик	1 165 ± 20	68,3 (1 sigma) cal AD	68,3 (1 sigma) cal BP
				775–786 0,201	1 006 – 1 022 0,174
				830–853 0,296	1 057 – 1 076 0,329
				874–893 0,329	1 097 – 1 120 0,296
				928–944 0,174	1 164 – 1 175 0,201
				95,4 (2 sigma) cal AD	95,4 (2 sigma) cal BP
				774–790 0,158	977–983 0,012
				821–899 0,601	989 – 1 032 0,229
				918–961 0,229	1 051 – 1 129 0,601
				967–973 0,012	1 160 – 1 176 0,158
				Median Probability: 871	Median Probability: 1 079
2	10 208	№ 4, фрагмент кремированной кости человека	5 600 ± 20	68,3 (1 sigma) cal BC	68,3 (1 sigma) cal BP
				4 451 – 4 441 0,164	6 318 – 6 371 0,836
				4 422 – 4 369 0,836	6 390 – 6 400 0,164
				95,4 (2 sigma) cal BC	95,4 (2 sigma) cal BP
				4 488 – 4 476 0,041	6 309 – 6 406 0,959
				4 457 – 4 360 0,959	6 425 – 6 437 0,041
				Median Probability: –4 410	Median Probability: 6 359
3	10 209	№ 3 фрагмент угля из сосуда	130±20	68,3 (1 sigma) cal AD	68,3 (1 sigma) cal BP
				1 686 – 1 701 0,123	24–43 0,168
				1 720 – 1 731 0,088	59–117 0,545
				1 806 – 1 816 0,076	134–144 0,076
				1 833 – 1 891 0,545	219–230 0,088
				1 907 – 1 926 0,168	249–264 0,123
				95,4 (2 sigma) cal AD	95,4 (2 sigma) cal BP
				1 682 – 1 739 0,258	11–150 0,721
				1 754 – 1 761 0,021	189–196 0,021
				1 800 – 1 939 0,721	211–268 0,258
				Median Probability: 1 843	Median Probability: 107

части насыпи на уровне погребенной почвы обнаружена большая погребальная конструкция (оградка?) размерами 3×4 м, в пределах которой зафиксировано два скопления кальцинированных костей. Данное погребение также можно отнести к I типу, по А. З. Винникову [1984, с. 50]. Важным отличием кургана № 29 является впускной погребальный комплекс, аналогии которому в изученных могильниках на Среднем Дону и на р. Воронеж до настоящего момента не встречены. Останки из кургана принадлежат минимум 5 индивидам разных половозрастных групп. Отмечено неравномерное воздействие температур на останки при горении [Томилин, 2024, с. 56–75].

Формы изученных погребальных конструкций вышеописанных курганов, а также фрагменты сопутствующего инвентаря относятся к материалам боршевской культуры восточных славян. Подобные конструктивные особенности (погребение в деревянном ящике, трупосожжение на стороне и наличие оградки) были и ранее встречены на территории вышеописанных могильников. Сопутствующий инвентарь за исключением некоторых находок (накладки с зооморфным изображением из кургана № 85 Лысогорского могильника и бронзовой бляшки с антропоморфным изображением из кургана № 29 I Белогорского могильника) также можно

[34] [i] RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV 8.2

отнести к боршевской культуре. Полученные материалы дополняют сформировавшееся представление о культуре ранних славян в бассейне р. Воронеж.

Список источников

Арсенова Н. Е., Клещенко Е. А., Киселева Д. В. Лысогорский могильник конца I тыс. н. э.: первые результаты междисциплинарных исследований // КСИА. 2021. Вып. 262. С. 295–313.

Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Ю. Д. Разуваев, М. В. Цыбин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. Вып. 1. 43 с.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 192 с.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Исследование курганов около Кузнецовского городища // МИА. 1948. № 8. С. 110–112.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 161 с.

Томилин Д. А. Археологические исследования на территории ОАН «I Белогорский могильник» // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки». Воронеж: Кварта, 2024. Вып. 4. С. 230.

К. В. Бирюлева
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова,
Енисейск, Россия

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ТОНКОВАЛИКОВАЯ КЕРАМИКА В ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ И ЕНИСЕЯ

Аннотация. В работе анализируется тонковаликовая керамика, найденная в подзоне средней тайги на берегах р. Енисея и Подкаменной Тунгуски: в устье, нижнем и среднем течении реки. Известные сосуды сопоставляются с находками из Нижнего Приангарья, в том числе с керамикой усть-ковинского типа, и датируются ранним Средневековьем.

Ключевые слова: Подкаменная Тунгуска, раннее Средневековье, тонковаликовая керамика

Для второй половины I тыс. н. э. на территории лесной зоны Ангаро-Енисейского бассейна выделен особый тип тонковаликовой керамики, названный усть-ковинским [Мандрыка, Бирюлева, 2012], просуществовавший до прихода носителей лесосибирской культуры. Ареал типа включает среднее и нижнее течение р. Ангары и ее таежных притоков, а также южно-таежную подзону среднего и нижнего Енисея. Другие типы тонковаликовой керамики (первый и второй борякинский, усть-половинкинский и др.) выделены на территории Таймыра [Хлобыстин, 1998]. На берегах Подкаменной Тунгуски также известны места нахождения фрагментов керамики с тонковаликовой орнаментацией, анализ которой приводится в настоящем сообщении.

По публикациям и архивным данным известны следующие места обнаружения тонковаликовой керамики.

1. На стоянках правого берега устья р. Подкаменная Тунгуска:

– у станка Подкаменная Тунгуска А. Я. Тугариновым в 1921 г. [Николаев 1960; 1963, табл. 4. 10];

– в поселке на месте погоста разрушенной церкви[35] в раскопах Р. В. Николаева 1958–1959 гг. [Николаев, 1963];

– среди сборов на поселении Усть-Подкаменная Тунгуска-2 1965 г. Г. И. Андреевым [Андреев, Мандрыка, 2019, с. 28];

– в раскопах 1979 г. Р. В. Николаевым [Николаев, 1980, с. 223].

2. В п. Байкит на берегу Подкаменной Тунгусски [Андреев, Фомин, 1964, рис. 27. 3, 8; Андреев, Мандрыка, 2019].

© Бирюлева К. В., 2025

[35] Архив ЕМЗ. ОФ 4478. Д. 1100-2; ОФ 5142. Д. 1100-3.

3. На правобережной террасе р. Подкаменная Тунгусска у п. Полигус [Андреев, Фомин, 1964, рис. 45. 3].

4. На стоянке Монастырская (Монастырская протока) на Енисее в 16 км юго-западнее д. Подкаменная Тунгуска [Баташев, Макаров, 2000, с. 7; Макаров, Баташев, Вдовин, 2013, с. 74].

Тонковаликовая керамика из таежной зоны Подкаменной Тунгуски и Енисея сопоставляется с известными типами сосудов раннего Средневековья.

Горшки, обнаруженные в устье р. Подкаменной Тунгуски (минимум 4 формы), относятся к усть-ковинскому типу керамики. Это три сосуда из раскопок Р. В. Николаева 1958–1959 гг. и горшок, обнаруженный А. Я. Тугариновым в 1921 г. Два сосуда хранятся в фондах Красноярского[36] и Енисейского музеев[37], еще два горшка известны только в прорисовке из дневников и статей Р. В. Николаева[38] [1963]. Видимо, к этому же типу относится керамика из раскопок 1979 г., известно только ее описание [Николаев, 1980, с. 223]. Для керамики характерны утолщение края сосуда налепом, в двух случаях украшенным разнонаправленными рядами оттисков овального штампа, образующих мотив «ёлочка». В орнаментации тулова использованы тонкие валики (вероятно, обмазочные), они расположены горизонтально и диагонально, образуя мотив «шеврон». На одном сосуде валики на тулове отсутствуют. На сегодняшний день это самые северные известные находки усть-ковинской керамики.

Отличная от усть-ковинского типа тонковаликовая керамика обнаружена Г. И. Андреевым у п. Полигус и в п. Байкит. Эти сосуды не имеют утолщения в верхней части, украшены горизонтальными тонкими валиками, в одном случае (Полигус) в сочетании с диагональными валиками (часть мотива шеврон?). Такая керамика также широко известна в материалах поселений Нижнего Приангарья и может быть отнесена к раннему Средневековью. Наиболее близкой аналогией керамики из п. Полигус является сосуд, обнаруженный на стоянке Ангарский Мыс-4 в Нижнем Приангарье, на котором отмечено такое же сочетание орнаментальных элементов [Сенотрусова, Мандрыка, 2015, рис. 1. 15].

Таким образом, известная в долине р. Подкаменная Тунгуска тонковаликовая керамика морфологически идентична той, что обнаружена на территории средней, нижней Ангары и в таежной зоне среднего и нижнего Енисея. Близость черт материальной культуры населения р. Ангары и Подкаменной Тунгуски не раз подчеркивалась в публикациях Г. И. Андреева [Андреев, 1971, с. 47; Андреев, Мандрыка, 2019, с. 34]. Сосудов, близких к керамике Таймырского Заполярья, в представленных материалах отмечено не было. Однако общая малочисленность выборки керамики из северных регионов Енисейской Сибири ограничивает возможности сравнительного анализа. Тем не менее отмеченные параллели позволяют более ясно очертить границы ареала средневековых культур севера Средней Сибири.

Список источников

Андреев Г. И. Памятники I тысячелетия до н. э. на Подкаменной Тунгуске // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 44–47.

Андреев Г. И., Мандрыка П. В. Археологические работы Г. И. Андреева в северных районах Средней Сибири // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. Вып. X. С. 9–36.

Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 94–98.

Баташев М. С., Макаров Н. П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск: КККМ, 2000. 35 с.

[36] ККМ Колл. 3523.

[37] ЕКМ КП 4372/4 А-159.

[38] Архив ЕМЗ. ОФ 4478. Д. 1100-2. Л. 72.

Макаров Н. П., Баташев М. С., Вдовин А. С. Археологические коллекции раннего железного века и Средневековья Красноярского Севера в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. С. 71–76.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. Вып. V. С. 50–61.

Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края // СА. 1960. № 1. С. 254–256.

Николаев Р. В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: ККМ, 1963. С. 127–131.

Николаев Р. В. Исследования стоянок в устье р. Подкаменная Тунгуска // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 223.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Итоги разведочных работ археологической экспедиции Сибирского федерального университета в Богучанском районе Красноярского края в 2007–2009 гг. // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 188–204.

Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.: ИИМК РАН, 1998. 342 с.

Ю. В. Герасимов, М. А. Корусенко
Омская лаборатория Института археологии и этнографии СО РАН,
Омск, Россия

ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИИРТЫШЬЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрена история изучения археологических памятников кочевников раннего Средневековья в лесостепном Прииртышье. На основе анализа научных публикаций, посвященных рассматриваемой теме, построены основные модели культурно-исторической атрибуции указанных памятников. Оценены перспективы изучения археологических памятников рассматриваемой зоны, которые могут быть связаны с кочевниками тюркской эпохи.

Ключевые слова: лесостепное Прииртышье, археологические памятники, кочевники, раннее Средневековье

Исследование выполнено в рамках государственного задания FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие».

Лесостепная зона занимает центральную территорию Омского Прииртышья, ее естественными границами являются долины рек Оми и Камышловки на юге, Ишима и Тары – на севере [Большаник, Ингебаева, 2006]. Существование в этой зоне памятников археологии, в частности, курганных могильников, было отмечено еще в XVIII в. [Жук, 2007, с. 4]. Грабительские раскопки курганов начались уже в конце XVII столетия [Матвеев, 1992, с. 164], но серьезного научного интереса эти памятники долго не вызывали. Вплоть до середины XX в. археологические исследования в Омском Прииртышье характеризовались эпизодичностью и были связаны исключительно с деятельностью отдельных энтузиастов, зачастую не имевших необходимой подготовки. Разумеется, не стали исключением и памятники раннесредневековых кочевников, представленные курганными могильниками. Так, первые археологические раскопки курганов в зоне северной лесостепи были предприняты в 1860-х гг. тарским купцом и краеведом Е. И. Малаховым. Собранная коллекция была отправлена в Москву, приняла участие в Антропологической выставке 1867 г., после чего ее следы затерялись. В 1893 г. чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Степного края А. Д. Плахов раскопал несколько курганов

© Герасимов Ю. В., Корусенко М. А., 2025

под Омском в окрестностях с. Николаевка. Полученные материалы были переданы в музей ЗСО ИРГО, откуда попали в ОГИК музей, но до настоящего времени полноценно не введены в научный оборот [Жук, 2007, с. 8]. Прошло еще почти тридцать лет, пока в Омске не появился первый профессионально подготовленный археолог. Молодая ученица В. А. Городцова – В. П. Левашова стала сотрудницей Омского краеведческого музея в 1926 г. и немедленно развернула активную исследовательскую деятельность. В рамках нашей темы отметим лишь одно из направлений ее работы – раскопки в 1926 г. курганных могильников у хутора Рамантеевка и с. Изылбаш. Полученный материал ныне хранится в фондах ОГИК музея. В первом случае было изучено погребение головой на запад, с железным мечом, стрелами, костяными пряжками, сопровождавшееся двумя конскими головами. У с. Изылбаш были вскрыты два кургана, в которых обнаружены обломки железных изделий, фрагменты керамики, кости животных, но следов погребений не зафиксировано [Левашова, 1928, с. 159]. К сожалению, полностью реализовать свой потенциал в Омске В. П. Левашовой не удалось, находки из памятников кочевников Омского Прииртышья эпохи раннего Средневековья остались вне пределов поля научных штудий того времени.

Новый этап омской археологии связан с работами археологической экспедиции УрГУ в 1960-х гг., сотрудниками которой были исследованы два кургана у с. Соляное [Генинг, Стефанов, 1988]. В одном из них были зафиксированы останки одного взрослого и трех детей, сопровождавшиеся инвентарем, на основании которого погребение было датировано IX–XI вв. и отнесено к сросткинской культуре [Памятники…, 1970, с. 219]. В 1986 г. Б. В. Мельниковым был раскопан один из курганов у с. Соляное, который автор связал со сросткинской культурой [Мельников, Яшин, 1988, с. 36]. К эпохе раннего Средневековья отнесен также один из курганов Черлакского могильника, раскопанный Б. В. Мельниковым в 1987 г. Материалы работ не опубликованы[39]. В 1992 г. Л. И. Погодиным раскопаны три кургана из состава могильника Малая Хомутинка VI, предварительно датированные эпохой раннего Средневековья; материалы работ не опубликованы[40]. В 2004 г. было исследовано погребение близ Омского железнодорожного вокзала, отнесенное по особенностям погребального обряда и сопроводительному инвентарю к кругу кимакских памятников VIII–X вв. н. э. [Матвеев, Михалев, Сафаров, 2005, с. 47]. В 2011 г. было исследовано погребение на северо-западной окраине г. Омска, на территории садоводческого товарищества «Север», датированное VIII–XI вв. н. э. и отнесенное к сросткинской культуре[41].

С кочевниками раннего Средневековья к настоящему времени можно связать около десяти погребений, исследованных в Омском Прииртышье, при этом опубликована лишь незначительная часть материалов. Д. Г. Савинов предположил возможность выделения омского варианта сросткинской культуры, но для убедительного обоснования такой гипотезы необходимо расширение источниковой базы [Кляшторный, Савинов, 2005]. Видится два пути решения данной задачи. Во-первых, это публикация коллекций раскопок, хранящихся в музеях Омска, что позволит ввести в научный оборот значительный массив археологических данных, которые будут оценены с учетом современного уровня знаний. Во-вторых, раскопки новых комплексов, что обеспечит количественный рост источников. В этом смысле большой

[39] Мельников Б. В. Отчет о работах Южно-Омской археологической экспедиции Омского государственного университета в 1987 г. Омск, 1988 г. Полевой отчет. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. II, д. № 54–1.

[40] Погодин Л. И. Отчет о работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского государственного университета в 1992 г. Омск, 1993 г. Полевой отчет. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Ф. II, д. № 87–1.

[41] Корусенко М. А. Отчет о проведении мероприятий по историко-культурным (археологическим) исследованиям на территории г. Омска в 2010–2011 г. Омск, 2012. Архив Омского научного центра СО РАН. Ф. VII. д. 35–1.

интерес представляют одиночные курганы, разбросанные на просторах прииртышской лесостепи, морфологически близкие изученными древнетюркским памятникам Центральной Барабы [Бараба…, 1988, с. 75].

Омское Прииртышье является контактной зоной, где в результате взаимодействия носителей традиций тайги и степи формировался культурный облик населения региона, начиная с эпохи бронзы. Изучение средневековых археологических памятников севера степной и лесостепной зон Прииртышья позволит сформировать источниковую базу для изучения историко-культурных процессов, определивших этнокультурный облик региона вплоть до исторической современности.

Список источников

Бараба в тюркское время / В. И. Молодин и др. Новосибирск: Наука, 1988. 170 с.

Большаник П. В., Игенбаева Н. О. Эколого-ландшафтное районирование Омского Прииртышья // География и природные ресурсы. 2006. № 3. С. 37–41.

Генинг В. Ф., Стефанов В. И. Работы уральской экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография: археология и история. Омск: Омск. гос. ун-т, 1988. С. 4–18.

Жук А. В. История археологического изучения территории Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. Вып. 4. С. 4–18.

Кляшторный С. Г, Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Левашова В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея за 1926–1927 гг. // Изв. Гос. Зап-Сиб. музея. Омск, 1928. Вып 1. С. 157–161.

Матвеев А. В. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск: Омск. гос. ун-т, 1992. С. 162–179.

Матвеев А. В., Михалев В. В., Сафаров М. Ю. Погребение тюркского времени у павильона пригородных сообщений Омского железнодорожного вокзала // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск: ОГИК музей, 2005. С. 41–48.

Мельников Б. В., Яшин Б. В. Новые материалы раннесредневекового времени из лесостепного Прииртышья // Археология Западной Сибири: Омская областная научная конференция (История, краеведение и музееведение Западной Сибири). Омск: ОмГУ, 1988. С. 35–36.

Памятники железного века в Омском Прииртышье / В. Ф. Генинг, Л. Н. Корякова, Б. Б. Овчинникова, Н. В. Федорова // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири // Томск: Изд-во ТомГУ, 1970. С. 203–228.

В. К. Гриб
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

БРОНЗОВАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИГУРКА «УРОДЦА» С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

Аннотация. Приводятся данные о находке на левом берегу Днепра бронзовой антропоморфной фигурки с явными признаками физического несовершенства. В литературе подобные фигурки получили название «уродцев». В настоящее время известно более восьмидесяти подобных изделий. Согласно существующей типологии анализируемая фигурка относится к типу «цельнолитых двуликих».

Ключевые слова: антропоморфная фигурка, тип цельнолитая двуликая, «уродец», левобережье Днепра

Бронзовая двуликая фигурка, случайно найденная в окрестностях с. Лозоватка Царичанского р-на Днепропетровской области (Украина), представляет собой литое полое изделие высотой 23 см, изображающее обнаженного мужчину (рис. 1). Его левая рука отставлена в сторону и представляет собой короткий культеобразный отросток. Кисть приподнятой вверх и немного изогнутой правой руки также заканчива-

© Гриб В. К., 2025

Рис. 1. Бронзовая антропоморфная фигурка

ется культей. Правая нога отставлена назад и согнута в колене, что создает эффект движения. Усиливает это впечатление проработанная небольшая ступня. Левая нога прямая, за счет увеличенных пропорций выглядит немного больше и массивней правой. У этой ноги маленькая ступня неестественно выгнута, что может указывать на физический недостаток в виде хромоты.

На оборотной стороне фигурки половые признаки отсутствуют, если не считать за таковые каверну, образовавшуюся вследствие коррозии металла. Зато хорошо видны ягодицы, рельефно выделенные в нижней части спины.

На одной (рис. 1, *а*) и другой (рис. 1, *в*) стороне фигурки отлиты два лица, для которых характерна общая стилистика проработки деталей: миндалевидной формы большие глаза на округлом лице прикрыты веками; широкий плоский нос плавно переходит в надбровные дуги; рот обозначен узкой неглубокой бороздкой. В ушах имеются сквозные отверстия небольшого диаметра.

На лицевой (мужской) стороне фигурки (рис. 1, *а*) хорошо просматривается женская грудь, оформленная в виде двух небольших округлых выпуклостей. С обратной стороны изделия изображение груди дополнено двумя рельефными извилистыми полосками, спускающимися вниз с шеи фигурки.

Общей конструктивной деталью для лицевой и оборотной стороны фигурки является остроконечный головной убор в виде башлыка с небольшим подтреугольной формы мысиком в центральной части.

В разное время опубликовано девять изделий, которые относятся к типу цельнолитых двуликих фигурок [Давыденко, Гриб, 2009, с. 189–191; Гриб, Давыденко, 2012, с. 366–371; Голубєва, Григор'янць, Гриб, 2015, с. 166–169; Гриб, 2016, с. 8–16], большинство из которых найдено в бассейне рек Северский Донец и Кубань.

По целому ряду признаков найденную у с. Лозоватка фигурку можно отнести к типу, в который входят цельнолитые двуликие изделия. Учитывая ряд стилистических особенностей «лозоватской» фигурки, по-видимому, будет целесообразно выделить в этом типе категорию гермафродитов, т. е. изделий в которых сочетаются как мужские, так и женские признаки [Токарев, 1998, с. 358–359]. Подобные фигурки впервые упоминаются в работе А. А. Спицына [1909, с. 144–145, 148, рис. 2, 3, 149, рис. 7]. Опубликованная им статуэтка из коллекции А. А. Хребтова, найденная в Рязанской губернии, за исключением некоторых деталей, является аналогичной фигурке из с. Лозоватка.

На сегодняшний день известно около 90 бронзовых антропоморфных фигурок, отличительной чертой которых служат явные признаки физических недостатков, чаще всего частичное или полное отсутствие конечностей, хромота, слепота, горб

на спине или нарост на груди (бедре) и т. д. Известные антропоморфные бронзовые фигурки «уродцев» отличаются как морфологическим, так и семантическим разнообразием. Среди них встречаются изделия в виде беременных или рожающих женщин, всадников на лошади или на волке, мужчин и женщин в масках, в «рогатых» или конусовидных головных уборах, с лицом ребенка или быка на груди, с головой ребенка на месте ладони. При этом фигурки могут быть двуликими и четырехликими, двусоставными и трехсоставными, статичными и подвижными, односторонне- и цельнолитыми, изготовленными из металла, дерева и даже камня. Если еще в конце прошлого века основными районами находок подобных фигурок были Среднее Поволжье, Прикамье и бассейн р. Северский Донец, то современный ареал находок подобных изделий значительно расширился и включает в себя Северное и Восточное Приазовье, Алтай, Казахстан, Южный Узбекистан, Крым, Западную Сибирь. В литературе утвердилось мнение, что бронзовые антропоморфные фигурки с явными признаками физического несовершенства были распространены в тюркской этнокультурной среде в пределах VIII–X вв.

Обширная география, новые типы и дополнительная информация об условиях находок фигурок позволяют уточнить предположения об их этнической привязке, хронологических рамках использования, роли и месте в культовой практике. Данная источниковедческая база требует комплексного анализа и должна стать предметом отдельного исследования.

Список источников

Голубєва І. В., Григор'янц М. М., Гриб В. К. Бронзовий ідол з Теплінського лісу // Святогірський альманах-2015. Збірка наукових праць. Харків-Слов'янськ: Видавництво «Ваш імідж», 2015. С. 166–169.

Гриб В. К. Антропоморфный бронзовый идол из окрестностей с. Николайполе (Константиновский р-н Донецкой области) // Святогірський альманах-2016. Збірка наукових праць. Харків-Київ: ТОВ «Дєоніс Плюс», 2016. С. 8–16.

Гриб В. К., Давыденко В. В. Новые находки антропоморфных бронзовых фигурок уродцев // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: ДонНУ, 2012. Т. 9. С. 361–372.

Давыденко В. В., Гриб В. К. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: типология и семантика // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: ДонНУ, 2009. Т. 7. С. 187–206.

Спицын А. А. Уродливые медные статуэтки // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 142–152.

Токарев С. А. Двуполые существа // Мифы народов мира. Энциклопедия. А–К. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. Т. 1. С. 358–359.

Н. В. Жилина
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

СУДЬБА СКАНДИНАВСКОГО ИСКУССТВА НА РУСИ

Аннотация. С X в. скандинавское искусство стало одной из тенденций древнерусского. В XI – начале XII в. скандинавские традиции уступили место тенденциям византийского искусства, в XII в. – ушли на дальний план, в конце XII – первой трети XIII в. новая волна византийского влияния дала стимул к оживлению тератологического стиля, объединившего новую древнерусскую тератологию и память о прежней, скандинавской.

Ключевые слова: скандинавское искусство, орнамент, тератология

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Основное распространение и внедрение в искусство скандинавских стилей и орнаментики связано с X в., когда известно много чистых стилистических образцов,

© Жилина Н. В., 2025

привезенных из Скандинавии или созданных на территории Руси мастерами скандинавского происхождения.

Стиль Борре наблюдается на рукояти меча из Гнёздова (курган Ц2). На наконечниках ножен гнёздовских мечей есть изображения, близкие стилю Еллинге или комбинации Борре и Еллинге [Каинов, 2009]. Смешение между скандинавскими стилями происходит в рамках скандинавской традиции.

Скандинавскую орнаментацию в стилях Борре, Еллинге и Урнес демонстрируют круглые литые нагрудные подвески, предметы ременной гарнитуры и конской упряжи из металла. Удила из клада в Супрутах выполнены в стиле Борре [Дементьева, 2007; Мурашева, 2008].

Оформление деревянных изделий из Новгорода Великого включает S-образный изгиб звериного тела – составляющую германского и скандинавского искусства [Смирницкая, 2012, с. 149, 150]. Голова зверя показывается в профиль в соответствии со стилем Еллинге. Зооморфные изображения сопровождаются узловатым плетеным орнаментом.

Филигранные крестовидные и антропоморфные подвески и миниатюрная ювелирная скульптура в Скандинавии выполнялись в стиле перегородчатой зерни: фигуративное изображение очерчивалось проволочной филигранью и заполнялось зернью (бляшка с мотивом двуглавого орла и антропоморфная фигурка из клада в Гнёздово 1867 г.). В проволочной филиграни распространен завитковый стиль, представленный на подвесках и бусинах того же клада.

В резьбе по дереву и кости в X в. преобладают примеры скандинавского плетеного орнамента, компонента скандинавских стилей (Усеберг, Борре, Урнес, Маммен), характеризующегося выделением подтреугольных звеньев, неравномерностью ширины лент плетения, узловатостью и асимметрией. Фрагмент ткани из кургана Черная Могила имеет треугольную группировку плетеных лент.

Свидетельством освоения сложных скандинавских орнаментов местными мастерами являются примеры фрагментарного воспроизведения орнаментальных звеньев: керамический водолей из погребения 105 в Шестовице с подтреугольным мотивом плетеного орнамента и завершениями лент в виде звериных голов; ребро коровы с упрощенным зооморфно-плетеным орнаментом [Андрощук, Зоценко, 2012, № 200, 239].

В конце X в. создан шедевр декоративного искусства – большой турий рог из кургана Черная Могила, на зооморфном фризе его серебряной оковки исследователи видят черты скандинавских звериных стилей. На наш взгляд, там присутствует древнерусский вариант складывающейся тератологии, соединенной с растительным декоративным стилем. Одним из источников можно видеть раннеславянский антропозооморфный стиль VII в., являющийся своеобразной параллелью германского орнаментального искусства.

Восприятие скандинавских орнаментов на Руси сопровождалось их упрощением, регуляцией и дополнением другими орнаментами. На бордюрах рукоятей мечей используется симметрия, сочетание плетеного и геометрического орнаментов. На золотных вышивках XI в. трехчленная плетеная композиция соединяется с трилистными мотивами и регулярными плетеными бордюрами. Сходная картина наблюдается и по деревянным изделиям.

На зооморфных костяных остриях морды зверей выполнены геометризованно, более просто и грубо по сравнению со скандинавским орнаментом. Глаз и пасть звериноголового навершия из Старой Ладоги близки стилю Усеберг, но изделие обильно украшено геометрическим орнаментом. Зооморфные композиции на металлических бляшках дают вольные и огрубленные интерпретации стилей Борре и Еллинге. На более поздних вариантах антропоморфных подвесок преобладает завитковая орнаментация и утрачивается изображение антропоморфной маски. Также дополнены зооморфные окончания браслетов и цепей.

Варианты совмещения стилей и орнаментального синтеза связываются с XI в. Брус в стиле Еллинге (Новгород) является довольно чистым образцом стиля, но орна-

мент дополнен бордюрами регулярного витья. Резьба одной из двух новгородских колонн, сохранившихся в виде половин, близка стилю Рингерике: изображения кентавра и грифона содержат спиральные завитки внутри контура, крыло строится из параллельных множественных завитков. Аналогичны деревянные пластины из Исландии первой половины XI в. [Graham-Campbell, 2013, fig. 142]. Колонна с растительным орнаментом дает симбиоз растительного декоративного стиля (перистое строение листа сходно с параллельностью перьев и завитков стиля Рингерике), растительного византийского орнамента.

На разных сторонах топора XI в. из Биляра в манере одного мастера выполнены орнаментальные композиции двух художественных традиций: близкой стилю Еллинге и византийской с христианским сюжетом птиц у древа. Сходные мотивы сближают изображения обеих сторон: растительные, плетеные и геометрические.

Местный путь развития скандинавской традиции показывает меч из Фощеватой, его орнамент сравнивают со стилем Рингерике [Андрощук, Зоценко, 2012, с. 312, № 244]. Плетение из простых лент с параллельными краями мягких заоваленных очертаний, одинарные завитки, переходящие в растительные фигуры, отразили влияние декоративного растительного стиля.

После принятия христианства на Руси, с ориентацией культуры на христианские византийские нормы происходит отказ от тератологии, выделение цельного изображения зверя вне тесной связи с другими орнаментальными мотивами.

В искусстве второй половины XI – первой половины XII в. ощутимо взаимодействие скандинавской и древнерусско-византийской традиций.

На инициалах Юрьевского Евангелия 1119–1128 гг. сохраняется передача лентовидного изгиба тела зверя, связанность узловатым ленточным плетением; на фронтисписе звериные мотивы показаны как отдельные и целостные.

В белокаменной резьбе Борисоглебского собора в Чернигове первой трети XII в. наряду с узловатостью плетения используются христианские симметричные зооморфные композиции, есть черты пышного растительного стиля с перистым строением листьев [Архипова, 2015, ил. 433–436].

Нерегулярность и узловатость плетения, удлиненность и лентовидность фигур зверей и птиц продолжает сохраняться в черневом орнаменте. Плетеный орнамент в золотной вышивке и резьбе по дереву иногда сохраняет трехчленность, но главной тенденцией является правильность построения.

Эта тенденция звучит и в середине XII в., плетеный орнамент регулярен и организован клеймами. Сохранение трехчленных мотивов, узловатости или дополнительного оплетания основы напоминает о скандинавских корнях древнерусского искусства.

На Вщижских арках использован регулярный плетеный орнамент с мягкой кривизной линий, но фрагмент под медальоном с птицей сохранил стилистику скандинавского плетения и некачественно выполненное изображение зверя в профиль. Этот факт говорит об орнаментальной памяти мастеров.

В конце XII – первой трети XIII в. на Руси распространилась тенденция византийского маньеризма с динамичными и криволинейными изображениями. Это дало стимул развитию новой тератологии и оживлению дремлющих скандинавских тенденций. Изображения соединяются с разнообразным интенсивным орнаментом: спиральным, пышным растительным (с перистым строением листьев), плетеным.

Орнамент в целом сохраняет регулярность. В рукописных миниатюрах («Лествица» Иоанна Лествичника, Новгород, конец XII в.) и черневом орнаменте используется узловатость скандинавского облика.

В белокаменной резьбе Георгиевского собора в Юрьеве Польском 1230–1234 гг. наблюдается динамика зооморфных изображений, а в искусстве золотой наводки на дверях Рождественского собора в Суздале XIII в. – также и сцены борьбы зверей. Те же черты есть и на расписной ложке Ивана Варфоломеевича из Новгорода конца XIII в. – начала XIV в.

В резьбе по кости варианты тератологического стиля наиболее ярки. Антропоморфные композиции со сложными позами и ракурсами напоминают скандинавское искусство.

Черты скандинавского искусства, внедрившись в древнерусское в X в., составили одну из его прерывистых тенденций. В XI – начале XII в. она уступила место византийскому влиянию, взаимодействуя с ним, в XII в. ушла на дальний план, оставаясь в памяти мастеров. В конце XII – первой трети XIII в. новая волна византийского влияния – маньеризм – дала колоссальный стимул к оживлению тератологического стиля, в котором объединились новая древнерусская тератология и, вероятно, память о прежней скандинавской.

Список источников

Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной России. Каталог. aris: A2C. 22190 PLERIN SUR MER, 2012. 369 с.

Архипова Е. И. Архитектурный декор и скульптура XII века Южной Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века. М.: ГИИ, 2015. С. 306–353.

Дементьева А. С. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М.: ГИМ; Альфарет, 2007. С. 211–271.

Каинов С. Ю. Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Acta Militaria Mediaevalia. V. 2009. С. 79–110.

Мурашева В. В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. // Труды ГИМ. М.: ГИМ, 2008. Вып. 175. 48 с.

Смирницкая Е. В. Германский звериный стиль как орнаментальное искусство // Атлантика. 2012. Вып. X. С. 131–182.

Graham-Campbell J. Viking Art. London: Thames & Hudson Ltd., 2013. 208 p.

А. М. Илюшин
Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва, Кемерово, Россия

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Аннотация. Работа посвящена результатам исследования инноваций в погребальном обряде у населения Кузнецкой котловины в XI–XIV вв. Описаны классифицированные типы-признаки и элементы погребального обряда, которые впервые появляются в этот хронологический период. Наибольшее количество инноваций фиксируется в XI в., а затем поступательно уменьшается в XII–XIII вв. и полностью исчезает в XIV в. Источником инноваций выступают миграционные процессы, которые являются последствиями геополитических событий в Центральной Азии.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, развитое Средневековье, погребальный обряд, инновации, миграции

Культурно-исторические процессы – это непрерывные изменения в развитии общества и его культуры под воздействием трех фундаментальных факторов – функционирование традиционных элементов и черт культуры, их исчезновение (отмирание) и появление инноваций. Совокупность этих трех факторов, наблюдаемая по археологическим источникам, позволяет фиксировать изменения в названной триаде и моделировать динамику культурно-исторического процесса в конкретном регионе на протяжении многих веков. Разработанная нами методика исследования социокультурной динамики и работа по моделированию этих процессов на территории Кузнецкой котловины [Илюшин, 2013, с. 86–90] позволяет исследовать конкретные археологические материалы, попадающие каждые 100 лет в одну из трех групп факторов, и сделать ряд выводов. Цель настоящей работы – акцентировать внимание на инновациях в погребальном обряде у населения Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья (XI–XIV в.), которые оказали значительное

© Илюшин А. М., 2025

влияние на ход культурно-исторических процессов, описать их динамику и обозначить источники фиксируемых явлений. В качестве методов исследования используются описание и сравнительно-статистический анализ археологических источников.

Среди инновационных элементов погребально-поминального обряда в развитом Средневековье появляются массивные и удлиненные земляные курганные насыпи, а также окружающий земляную насыпь ров разных размеров. Выделяются рвы четырех типов – подчетырехугольные, трапециевидные и овальные с ритуальными площадками к востоку (со смещениями на север или юг) от земляной насыпи, а также округлые (овальные), вплотную примыкающие к полам земляной насыпи. Новыми являются факты наличия в курганных насыпях и под ними близ могил с захоронениями людей костей скелета (захоронение) собаки, массивных бревенчатых срубов (отдельные подвержены воздействию огня), деревянных настилов, каменных плит и булыжников, стел; в единичных случаях отмечены каменное изваяние и деревянная изгородь.

При совершении захоронений новым является расположение в одной могиле останков полной кремации на стороне человека со шкурой лошади, не подверженной воздействию огня, а также с тушей коня, подверженной воздействию огня на месте погребения. Новым является появления способа захоронения по обряду кремации (трупообожжение) на месте погребения в различных вариациях (6 типов). Количество захоронений по обряду ингумации в различных вариациях (22 типа) начинает превалировать над кремациями. Среди типов этого способа захоронения преобладает погребение взрослых и детей в вытянутом положении на спине и ориентированных головой на восток (с отклонениями на север и юг). На втором месте по количеству располагаются захоронения взрослых людей с лошадью или ее шкурой (манекеном), ориентированных головами по антитезе, а затем захоронения лошадей в грунтовых ямах, как правило, рядом с могилами взрослых людей. В единичных случаях зафиксированы захоронение барана и шкуры коровы (быка). В это же время, появляются кенотафы для взрослого человека или лошади, детей и взрослого человека с лошадью, а также полукенотафы, где в могиле погребены взрослые люди и оставлено место для погребения лошади или её шкуры. Появляются комбинированные могилы, где захоронения людей совершены в грунтовой яме, а сопутствующих лошадей или их шкур – на древней дневной поверхности или на уровне материка. Над могильными ямами появляются разнообразные перекрытия (из бересты, березовых поперечных плашек), срубы из сосны и березы, комбинированное перекрытие из дерева (плахи, бревна, сосновый или березовый накатник), уложенное на поперечные крепиды или на деревянные столбы, каменное куполообразное перекрытие, в том числе с берестяной подкладкой. Появляются новые конструкции грунтовых могильных ям. В их числе ямы со ступенями (нишами), грунтовые двухкамерные ямы со ступенью и земляной перегородкой, грунтовые ямы с подбоем, грунтовые ямы со ступенями (нишами) и подбоями и даже, в единичном случае, грунтовая катакомба. Появляется большое разнообразие конструкций и сооружений внутри и на дне могил, ранее неизвестных в регионе. Среди них: перекрытия из горизонтально уложенных досок (иногда укреплены вертикальными деревянными столбами и дополнены берестой), погребальный кокон (чехол) из бересты, берестяной короб, прямоугольная деревянная рама из березовых жердей или сосновых бревен (часто с перекрытиями из крупных прутьев, досок, бересты, березовых полубревен). На дне могил появляются своеобразные подстилки (из травы и бересты, дерева и бересты, плах, досок, бревен), а также перегородки из досок (плашек).

Если посмотреть на количество новых типов-признаков и сравнить их с общим количеством выявленных типов классифицированных элементов погребального обряда по векам развитого Средневековья, получается следующая картина. В XI в. общее количество составляет 125 типов-признаков, из них новыми являются 64 типа-признака, в XII, XIII и XIV вв. соотноше-

ние составляет 146 и 23, 162 и 18, 96 и 0. Эти показатели свидетельствуют, что в XI в. на территории Кузнецкой котловины инновации возобладали над традициями в погребальном обряде, но в XII и XIII в. их количество постепенно идет на спад, а в XIV в. они уже отсутствуют. Таким образом, можно сделать вывод о том, что фиксируемые на территории Кузнецкой котловины в XI–XIII вв. инновации в погребальном обряде стали традиционными или исчезли в местной среде, а их отсутствие в XIV в. указывает на затухание источника их появления в регионе.

В качестве главного источника появления инноваций в погребальном обряде населения развитого Средневековья в Кузнецкой котловине выступают геополитические события в Центральной Азии, которые приводят в движение миграционные потоки, которые частично достигают северной периферии Саяно-Алтая и Кузнецкой котловины в частности. Исследования инноваций подтверждают гипотезу о трех миграционных волнах на территорию Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья. Первая, большая, фиксируется в XI в., вторая, наиболее массовая, в XII в., третья в конце XII – начале XIII в. или на рубеже XII–XIII вв. [Илюшин, 2012, с. 92; 2024, с. 89].

Список источников

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. Т. 4. 188 с.

Илюшин А. М. Методика исследования социокультурной динамики в Кузнецкой котловине в эпоху Средневековья по археолого-этнографическим комплексам // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7–1 (33). С. 86–90.

А. М. Колоколов
Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Моховое, Россия

ВЕРХОВЬЯ ОКИ И ДОНА В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ

Аннотация. Впервые итоги изучения славянских древностей региона были подведены в монографии А. В. Григорьева 2005 г. В ней была предложена дробная хронология памятников I – начала II тыс. н. э. и обозначены основные проблемы, связанные с ней. Работы последних 20 лет позволили предложить решение этих вопросов и уточнить хронологию древностей VIII–XI вв. верховий Оки и Дона.

Ключевые слова: верховья Оки и Дона, VIII–XI вв., Древняя Русь, древности типа Сахновки-Волынцево, роменская культура

Изучение славянских памятников верховьев Оки и Дона продолжается около 150 лет. В обобщающей работе А. В. Григорьева 2005 г. впервые предложена дробная хронология древностей региона конца I – начала II тыс. н.э. Согласно ей, бытование славянских памятников Окско-Донского междуречья делится на три периода: ранний (IX – первая четверть X вв.), средний (2–3-я четверть X в.) и поздний (последняя четверть X–XI вв.) [Григорьев, 2005].

Предложенная хронология содержала две основные проблемы. Во-первых, отсутствие памятников VIII в. не позволяло ясно представить картину начального этапа славянского освоения региона; во-вторых, древности среднего периода выделялись лишь гипотетически, поздний же

© Колоколов А. М., 2025

этап был достоверно представлен материалами одного городища.

Работы последних 20 лет позволили предложить решение этих вопросов и в целом уточнить хронологию древностей VIII–XI вв. верховьев Оки и Дона.

Проблема начального этапа славянской колонизации региона вытекает из финала древностей предыдущей эпохи. Так, к середине VII в. на Верхней Оке исчезают поселения мощинской культуры, бытовавшей с середины III в. Носители же роменской культуры появляются на территории Окско-Донского региона не ранее IX в. Таким образом, возникает лакуна охватывающая VIII в. Основную роль в сложении этнокультурной картины региона в это время играли древности типа Сахновки-Волынцево (рис. 1, **I**). В этот и последующий периоды сохранялись остатки населения, носившего мощинские культурные традиции. Материалы мемориального комплекса у д. Гора Услань (рис. 1, **I**, *1*) указывают на участие в освоении региона в предроменский период представителей культур степного круга [Колоколов, 2024].

В IX в. на территории региона возникает многочисленная группа памятников, соотносимых с древностями роменской культуры. Их появление связанно с Верхнеокским участком Донского торгового пути. Поселения этого периода расположены на берегах Оки, Дона и их крупных притоков, связывающих бассейны этих рек, и в местах предполагаемых волоков (рис. 1, **II**).

Выделение памятников следующего, среднего, периода является второй проблемой в изучении славянских древностей Окско-Донского региона. Вопрос о времени их возникновения вытекает из даты финала памятников предыдущего этапа. Важное значение для изучения этой проблемы имеют материалы Супрутского городища (рис. 1, **II**, *15*), которое погибло в результате военного разгрома [Григорьев, 2005, с. 184]. Дискуссия относительно времени его гибели продолжается и на сегодняшний день. Предлагаемые варианты имеют значительный разброс – с конца IX до конца X в. Вероятнее всего, поселение прекратило существование не ранее середины X в. В пользу этого свидетельствует ряд находок с памятника, имеющих прочные аналогии в североевропейских, древнерусских и венгерских материалах второй половины X–XI в. [Колоколов, 2023, с. 27–29].

А. В. Григорьевым выдвинута гипотеза, что после гибели Супрутского городища, являвшегося военным и экономическим центром, и утраты контроля над крупными речными путями поселения были перенесены на мелкие притоки [2005, с. 141–143]. Полевыми исследованиями изучен ряд памятников, имеющих в своем комплексе материалы середины – второй половины X в. (рис. 1, **II**), что полностью подтвердило данную гипотезу [Колоколов, 2023; Колоколов, Простяков, 2024].

Следующий, поздний, период представлен двумя городищами: Тимофеевка (рис. 1, **III**, *14*) и Кетри (рис. 1, **III**, *4*). Главной их чертой является наличие в комплексах, помимо лепной роменской и раннекруговой, значительного количества гончарной древнерусской посуды. При этом если ранний горизонт городища Кетри датируется концом X – первой половиной XI в. [Колоколов, 2023, с. 37], то поселение на городище Тимофеевка продолжает существовать вплоть до конца XI в. [Григорьев, 2005, с. 141]. Во второй половине – конце XI в. роменская культура в Окско-Донском регионе полностью замещается древнерусской.

Таким образом, на сегодняшний день хронология славянских древностей Окско-Донского региона выглядит следующим образом: этап 0 (предроменский) – VIII в.; этап 1 (ранний) – IX – первая половина X в; этап 2 (средний) – середина – вторая половина X в.; этап 3 (поздний) – конец X – середина XI в.

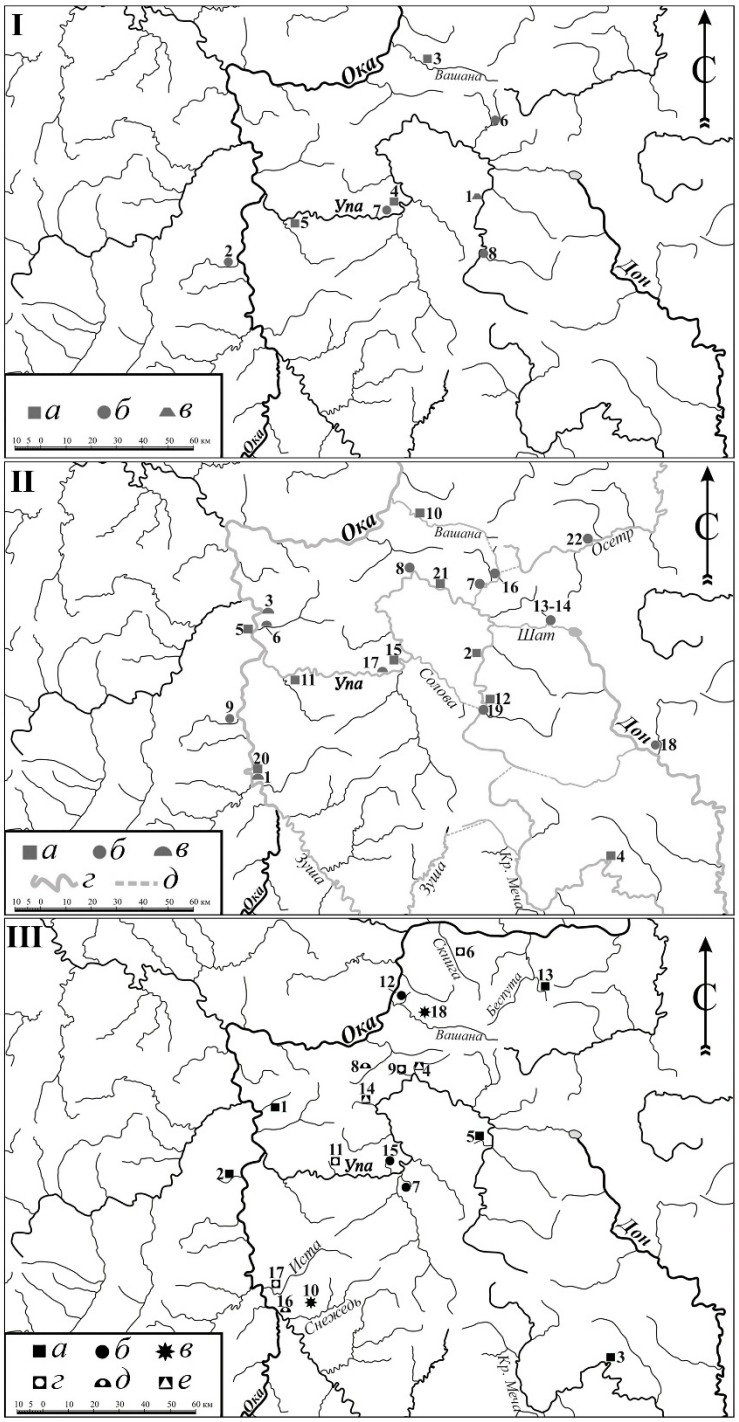

Рис. 1. Археологическая ситуация в разные периоды славянского освоения региона
I – 2-я пол. VII–VIII в.; **II** – IX – 1-я пол. X в. **III** – 2-я пол. X – XI в.

Условные обозначения:

I: *а* – городище, *б* – селище, *в* – поминальный комплекс.

1 – Гора Услань; *2* – Каменка-1; *3* – Никулино; *4* – Супруты; *5* – Петровское; *6* – Торхово-3; *7* – Тризново-3; *8* – Уткино-1.

II: *а* – городище, *б* – селище, *в* – курганный могильник; *г* – Окско–Донской участок речного торгового пути; *д* – предполагаемые участки волоков.

1 – Воронец; *2* – Гора Услань; *3* – Доброе; *4* – Дубики; *5* – Дуна; *6* – Западное; *7* – Ивановка-2; *8* – Изволь-1; *9* – Каменка-1; *10* – Никулино; *11* – Петровское; *12* – Свисталовка; *13* – Слободка-1; *14* – Слободка-2; *15* – Супруты; *16* – Торхово-3; *17* – Тризново; *18* – Устье-2; *19* – Уткино-1; *20* – Федяшево; *21* – Щепилово; *22* – Щучье-1.

III: *а–в* – памятники 2-й пол. X – нач. XI в.: *а* – городище, *б* – селище, *в* – клад; *г, д* – памятники, гипотетически отнесенные к периоду 2-й пол. X – нач. XI в. *е* – памятники конца X – XI вв.

1 – Акиньшино; *2* – Вырск; *3* – Дубики; *4* – Кетри; *5* – Лобынское; *6* – Нижняя Городня; *7* – Образцово-2; *8* – Панское; *9* – Першино; *10* – Полтево; *11* – Снедка; *12* – Сотино-1; *13* – Спицино; *14* – Тимофеевка; *15* – Тризново-4; *16* – Тшлыково; *17* – Фурсово-2; *18* – Щепотьево.

Список источников

Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле» 2005. 207 с.

Колоколов А. М. Хронология памятников X века на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. 2023. № 1. С. 24–43.

Колоколов А. М. Этнокультурная ситуация на территории Верхнего Поочья в «предроменский» период (2-я пол. VII–VIII вв.) // Нижневолжский археологический вестник. 2024. № 1. С. 136–156.

Колоколов А. М., Простяков И. С. Селище Большое Тризново-4: к вопросу о хронологии и топографии неукрепленных поселений Окско-Донского водораздела второй половины X в. // Археологические вести. 2024. № 44. С. 153–164.

М. С. Королева
Независимый исследователь,
Саранск, Россия

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ С ГРУШЕВИДНЫМИ ПОДВЕСКАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА СТЕКСОВО-2

Аннотация. На основе материалов эрзянского могильника Стексово-2 составлена реконструкция женского головного убора с грушевидными подвесками периода VIII–XI вв.

Ключевые слова: мордва, эрзя, могильник, подвеска, головной убор

Могильник Стексово-2 расположен в Ардатовском районе Нижегородской области вблизи реки Иржа (левобережном притоке Тёши). Временные рамки функционирования памятника достаточно широкие – III–XIII вв. Представленные в могильнике захоронения в большинстве случаев совершены по обряду ингумации, хотя встречаются и кремации. В женских погребениях представлены типичные для мордовской культуры украшения: сюлгамы, височные привески с грузиком, украшения женских туфель, нагрудные бляхи и прочее.

В связи с тем, что во второй половине I тысячелетия н. э. на территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья начинает складываться культура двух субэтносов (эрзи и мокши), мордовские могильники в данный период времени принято делить на эрзянские (с характерной северной ориентировкой погребений) и мокшанские (с южной ориентировкой погребений). Устойчивая северо-западная ориентировка погребений могильника Стексово-2 позволяет отнести представленные здесь материалы к мордве-эрзе. При этом в 10 из 22 женских погребений, датированных второй половиной I тысячелетия н. э., встречаются височные привески с грузиком, в 8 погребениях – венчик, в двух – кистевидный накосник, в двух – теменной шнур. Данные элементы женского головного убора были широко распространены в памятниках мокши. Вполне вероятно, что известные по материалам могильников Цнинского и Вадского бассейнов головные уборы в виде покрывал и полотенец носили и местные женщины [Воронина, 1973; Королева, 2015б]. Однако плохая сохранность органических материалов в могильнике Стексово-2 не позволяет более подробно рассмотреть данный вопрос.

В двух погребениях рассматриваемого могильника В. Н. Мартьяновым были описаны головные уборы, которые по своей конструкции и элементам значительно отличаются от имеющихся реконструкций головных уборов из других памятников. Так, о женском погребении 63, совершенном по обряду ингумации, указывается следующее: «Умершая была положена на спину, головой на ЗСЗ (300°). Лубяная подстилка. В СЗ конце – лепной горшок, деревянная чаша, украшенная по краю бронзовыми обоймами и фрагмент какого-

© Королева М. С., 2025

то украшения из бронзы с высоким содержанием олова. В ЮВ конце – украшение обуви из спиральных и трубчатых пронизок и подвесок» [Мартьянов, 2004, с. 168]. Судя по представленному в погребении украшению от женской туфли, характерной как для эрзянских, так и для мокшанских памятников, материалы данного погребения можно датировать VIII–XI вв. [Королева, 2015а, с. 104].

Во втором случае В. Н. Мартьянов описывает два погребения (101 и 102), границу между которыми проследить не удалось: «Костяки разрушены. Умершие были положены на спины, в вытянутом положении, головой на СЗ (320°). Мужчина был захоронен около ЮЗ стенки… Женщина была положена рядом, вдоль СВ стенки. В северном углу сохранилось какое-то изделие из сильно оловянистой бронзы. Бутыльчатые крупные (до 6 см длиной) подвески скреплялись с каким-то круглым устройством из более мелких украшений. Скорее всего, это головной убор, в состав которого входили эти подвески, 6 «усатых» сюлгам, трубчатые и трапециевидные подвески. Рядом с этим «головным» убором находилась крупная «усатая» сюлгама» [Мартьянов, 2004, с. 175]. Судя по представленным в погребении сюлгамам с усами, длина которых не превышает полутора диаметра кольца, датировать материалы 102 погребения можно VIII–IX вв. (стадия 10 по хронологии В. И. Вихляева) [Хронология могильников…, 2008, с. 141–142, 144].

Таким образом, в погребениях 63 и 102 были обнаружены подвески грушевидной (по В. Н. Мартьянову, «бутыльчатой»), сильно вытянутой формы с закругленными концами. В профиле изделий была отмечена выпуклая середина. Отверстия и петли зафиксированы не были. Оборотная сторона гладкая. Располагались подвески в погребениях близко друг к другу, радиально, в 1–3 окружности. Над грушевидными подвесками в погребении 102 располагались дополнительно трубчатые и трапециевидные подвески меньшего размера с колечками для крепления (рис. 1, *1*). Вполне вероятно, что в основе данного головного убора находился текстиль, к которому крепились все перечисленные подвески. Скрепляли данную конструкцию небольшие сюлгамы, к которым также могли привешиваться дополнительные элементы (ленты, шнуры и прочее).

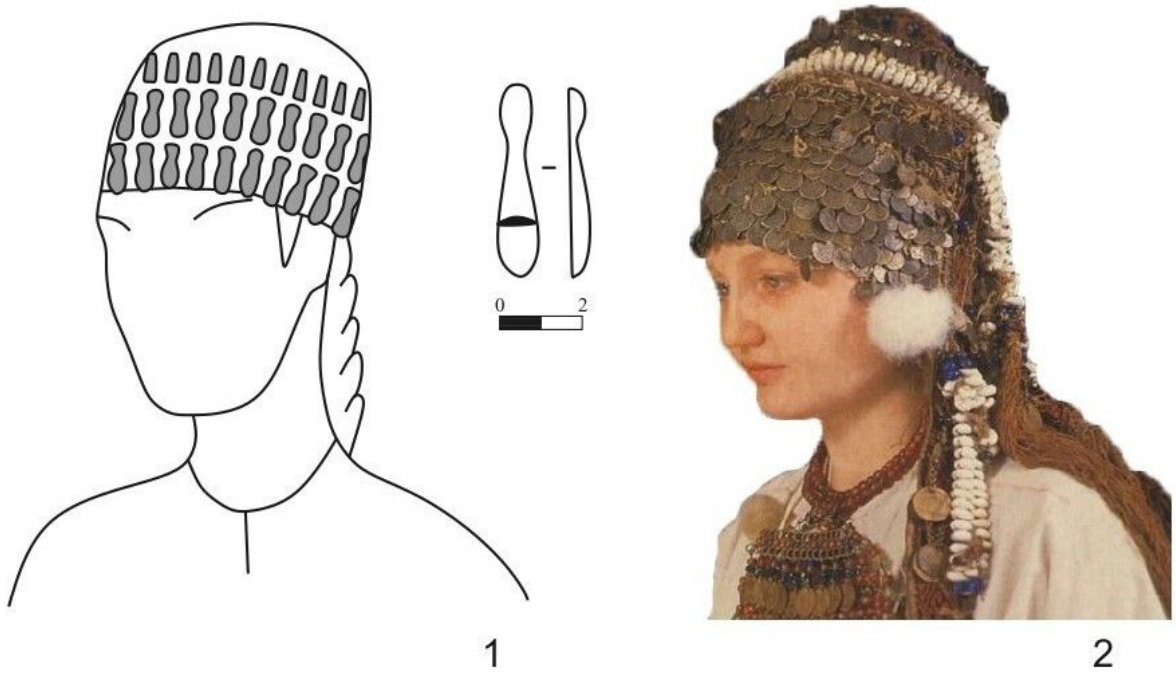

Рис. 1. Головные уборы мордвы-эрзи: *1* – реконструкция головного убора из могильника Стексово-2 (VIII–XI вв.); *2* – головной убор невесты (конец XIX в., Нижегородская губерния)

Подобные головные уборы не представлены в материалах других памятников (ни в мокшанских, ни в эрзянских). Их немногочисленность может указывать как на плохую сохранность данных изделий, так и на недостаток имеющихся в распоряжении исследователей материалов. Появление подобных головных уборов в одном погребении с типичными для мордвы украшениями и общими для памятника традициями погребения, несомненно, может указывать на их местное происхождение. Ввиду плохой сохранности костяков установить возраст и статус женщин, предпочитающих носить данный головной убор, не представляется возможным.

В этнографических материалах мордвы-эрзи, проживающей в Нижегородской области (терюхан), встречаются головные уборы сходного строения. Они состоят из холщовой или проволочной основы, к которой рядами прикреплялись металлические жетоны, цепочки и монеты. На самом верху располагался шерстяной узорный пояс, один конец которого спускался на правое плечо [Мордовский…, 1990, с. 288–289]. Данный головной убор был характерен для замужних женщин, которые надевали его по праздникам. Молодые девушки (невесты) носили венцы, спереди надо лбом и ушами также состоящие из скрепленных между собой серебряных монет. Сзади по затылку и до половины спины спускались снизки из шерстяной бахромы и раковин-ужовок (рис. 1, *2*). Спереди от ушей на грудь свисали полоски материи, полностью покрытые серебряными монетами [Гаген-Торн, 1960, с. 158–159]. Данные головные уборы были отмечены исследователями в материалах XIX в. В XX в. они полностью выходят из употребления.

Таким образом, представленные в погребениях могильника Стексово-2 головные уборы с грушевидными подвесками можно считать частью эрзянского костюма периода VIII–XI вв. Их реконструкция позволяет выявить территориальные различия, связанные с использованием различных головных уборов мордвой Цнинского, Вадского и Тёшского бассейнов. При этом в указанный период на данных территориях все еще продолжают встречаться и общие для всей мордовской культуры черты.

Список источников

Воронина Р. Ф. Женский головной убор среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 47–55.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 229 с.

Королева М. С. Производство обуви у древней мордвы I – начала II тыс. н. э. // XLVII Урало-поволжская археологическая студенческая конференция. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015а. Вып. 7. С. 101–104.

Королева М. С. Способы декорирования платья и головного убора древней мордвы Вадского бассейна в VIII–IX вв. // КСИА. 2015б. Вып. 241. С. 245–251.

Мартьянов В. Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.

Мордовский народный костюм: альбом / сост. и авт. текста Т. П. Прокина, М. И. Сурина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 384 с.

Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В. И. Вихляев, А. А. Беговаткин, О. В. Зеленцова и др. Саранск: ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2008. 352 с.

Я. С. Логинов, В. В. Кондрашин, Е. Ф. Шайхутдинова, М. Г. Калашников
Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Казань, Россия

АССОРТИМЕНТ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В СОСТАВЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Аннотация. В статье представлены категории предметов из чёрного металла, выявленных при раскопках Танкеевского могильника (ранний болгарский период IX–X вв.). В рамках данного исследования было учтено 736 предметов. Разработана их типология, выделены наиболее многочисленные категории вещей.

Ключевые слова: раннее Средневековье, ранние болгары, оружие, конское снаряжение, орудия труда, предметы убранства костюма

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 24-28-20460 «Археометалл Волго-Уралья на рубеже раннего железного века и раннего Средневековья».

Танкеевский могильник расположен на левой коренной возвышенной террасе р. Старая Рытвина, в южной части с. Танкеевка Спасского района Республики Татарстан. В результате многолетних археологических исследований на изученной площади, составляющей более 5 300 м^2, было выявлено 1 165 захоронений (рис. 1), содержащих разнообразный вещевой материал, среди которого присутствует большое количество предметов из черного металла. Памятник датируется IX–X вв. и отнесен к культуре ранних болгар.

При описании предметов вооружения использовались типологические схемы А. Ф. Медведева [1966], Р. С. Багаутдинова, А. В. Богачева, С. Э. Зубова [1997], А. В. Крыганова [1988], А. В. Данича [2015], Е. П. Казакова [1971].

При описании конского снаряжения привлекались типологические схемы А. В. Крыганова [1988], Н. Б. Крыласовой [2017]. При описании предметов быта использовались типологические схемы В. Ф. Генинга, А. Х Халикова [1964], Р. С. Минасяна [1980]. При описании предметов убранства костюма привлекались типологические схемы Р. С. Багаутдинова, А. В. Богачева, С. Э. Зубова [1997]. Сельскохозяйственные орудия систематизированы с использованием типологических схем, предложенных в работах К. М. Киреевой [2011], Д. С. Иконникова, Д. И. Баишевой [2017].

Предметы вооружения. Наконечники стрел. Всего учтено 240 наконечников, тип установлен для 119 экземпляров.

Группа А, тип I (6 экз.). Ассиметрично-ромбические.

Группа А, тип II (33 экз.). Ромбовидные.

Группа А, тип III (6 экз.). Вытянуто-треугольные.

Группа А, тип IV (37 экз.). Лавролистные.

Группа А, тип V (4 экз.). Овальные.

Группа А, тип VI (2 экз.). Вильчатые.

Группа Б, тип VII (2 экз.). Вытянуто-пятиугольные.

Группа Б, тип VIII. Килевидные.

Группа В, тип IX (16 экз.). Гвоздевидные.

Группа Г, тип X (2 экз.). Узколистные.

Колчанные крюки. Учтено 6 экземпляров, тип установлен для 3. Все крюки однотипные – подтреугольные.

Колчанные петли. Тип I, прямоугольные (2 экз.). Тип II, ланцетовидные (1 экз.).

Топоры.

Класс А, группа I, отдел А, тип I (13 экз.). Представлен топорами с клиновидным лезвием.

Класс А, группа I, отдел А, тип IV (1 экз.). Представлен топором с полуовальным лезвием.

Класс А, группа II, отдел А, тип II (2 экз.). Представлен топором с широким лопастным, оттянутым в сторону рукояти лезвием.

Класс А, группа II, отдел Б, тип II (2 экз.). Представлен топором с широким лопастным лезвием.

© Логинов Я. С., Кондрашин В. В., Шайхутдинова Е. Ф., Калашников М. Г., 2025

Рис. 1. Общий план Танкеевского могильника

Класс А, группа II, отдел В, тип II (2 экз.). Представлен топором с широким лопастным лезвием, с прямой верхней гранью.

Класс А, группа III, отдел Б, тип III (8 экз.). Представлен топорами с трапециевидным лезвием.

Класс А, группа III, отдел Г, тип III (1 экз.). Представлен топором с трапециевидным лезвием, округлым обухом.

Класс Б, группа III, тип III (3 экз.).

Вток (1 экз.). Железный втульчатый предмет конусовидной формы.

Копья.

Группа I, тип I. (1 экз.). Ланцетовидные.

Группа II, тип II (1 экз.). Ассиметрично-ромбовидные.

Сабли. Всего учтено 4 экземпляра, тип установлен для двух.

Отдел I, группа I, тип I (2 экз.). С прямым брусковидным перекрестием.

Конское снаряжение. Удила (52 экз.), 38 из них восстановлены по форме.

Тип I, подтип IA (2 экз.). С неподвижными кольцами на концах.

Тип I, подтип IБ (25 экз.). С подвижными кольцами на концах.

Тип II, подтип IA (4 экз.). С костяными псалиями.

Тип II, подтип IA (4 экз.). С железными стержневыми псалиями.

Стремя (1 экз.) с пластинчатым ушком с прямоугольным отверстием для продевания ремня, имеют округлую подножку.

Соединительные кольца (6 экз.), тип установлен для пяти изделий.

Подпружные пряжки (42 экз.), тип установлен для 10 экземпляров.

Тип I, круглые (2 экз.).

Тип II, овальные (2 экз.).

Тип III, трапециевидные (3 экз.).

Тип IV, прямоугольные (2 экз.).

Тип V, восьмеркообразные (1 экз.).

Крепления луки седла (3 экз.). Предметы в виде двух подпрямоугольных пластин, соединенных двумя штифтами.

Крепление луки седла (6 экз.). Предметы в виде скоб в сечении, округлые и подквадратные.

Предметы быта. Кресала (15 экз.), для 8 из них установлен тип.

Группа 1, однолезвийные, тип 1, С-образные (4 экз.).

Тип 2, калачевидные (1 экз.).

Тип 3, в виде кузнечных клещей (1 экз.).

Группа 2, двулезвийные, тип 1, овально-подпрямоугольные.

Ножи. Ножи обнаружены в 185 погребениях, 55 экземпляров привлечено для системного анализа.

Тип I (19 экз.). С плавным переходом от клинка к черешку.

Тип II (13 экз.). С уступами со стороны спинки и лезвия.

Тип III (15 экз.). С ободком обоймой (перекрестием) при переходе от клинка к черешку.

Тип IV (2 экз.). С уступом со стороны спинки.

Тип V (6 экз.). С уступом со стороны клинка.

Стержни. Учтено 6 экземпляров. Для описания привлечен 1 целый предмет вытянутой формы, квадратного сечения.

Трубицы трута. Всего учтен 41 экземпляр, для описания привлечено 9 целых однотипных изделия в виде трубки, изготовленной из свернутой железной пластины, края которой отогнуты на внешнюю сторону и не сомкнуты.

Шилья (53 экз.), тип установлен для 17 изделий. Шилья в сечении округлые, с деревянными и костяными рукоятями.

Предметы убранства костюма. Поясные пряжки (10 экз.), тип установлен для одной. Пряжка подпрямоугольной формы, язычок утрачен.

Сельскохозяйственные орудия. Серп (1 экз.), с клинком угловатой формы.

Скобели (2 экз.), для одного изделия установлен тип.

Мотыжки (5 экз.), тип установлен для двух из них. Орудия трапециевидной формы, с вертикальной втулкой, имеющие несомкнутые края.

Таким образом, нами было проанализировано 736 предметов из черного металла Танкеевского могильника. Ассортимент предметов из черного металла разделен на следующие категории: вооружение, конское снаряжение, предметы быта, сельскохозяйственные орудия, предметы убранства костюма, орудия труда. Планиграфически учтенные нами погребения с черным металлом концентрируются в северо-восточной части могильника.

Список источников

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге у истоков истории татар Волго-Камья. Самара: Возрождение, 1998. 286 с.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 201 с.

Данич А. В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2015. Вып. 10. С. 71–124.

Иконников Д. С., Баишева Д. И. Деревообрабатывающие инструменты с территории Наровчатского городища и его окрестностей // Археология евразийских степей. 2017. Вып. 1. С. 138–144.

Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. 1971. Вып. 1. С. 94–156.

Киреева К. М. Новый комплекс серпов с Золотаревского поселения // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. Вып. 23. С. 453–455.

Крыганов А. В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы в VII–X вв.: дис. … канд. ист. наук. Харьков, 1988. 371 с.

Крыласова Н. Б. Конь и элементы конской сбруи в погребальном обряде Рождественского могильника в Пермском крае // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2017. Вып. 13. С. 44–54.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966. 183 с.

Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21. С. 68–74.

А. П. Милованова
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИКИ ТИСКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Аннотация. Доклад посвящен этнокультурным особенностям позднесредневековой керамики Тискинского курганного могильника. Важную роль в понимании процессов культурогенеза играет изучение керамики, наибольшую этнокультурную нагрузку несет орнамент. Автор рассматривает керамическую посуду в контексте сосуд/погребение/погребальный обряд/курган.

Ключевые слова: Нарымское Приобье, позднее Средневековье, Тискинский курганный могильник, селькупы, керамика, орнамент

Тискинский курганный могильник – один из наиболее знаковых памятников Западной Сибири. Расположен на левобережье Оби на южной окраине поселка Тискино Колпашевского района Томской области. На могильнике выявлено три хронологические группы: XII–XIV, вторая половина XIV – XVII, XVIII–XIX вв. Памятник отражает историю протосамодийского и позже – самодийского населения Нарымского Приобья, являясь некрополем для предков нарымских селькупов на протяжении довольно длительного промежутка времени [Боброва, 2007, с. 7]. Каждый из курганов служит местом погребения членов отдельных семей [Там же, с. 31], так что характерной чертой памятника является многоактность захоронений. По данной причине материалы памятника демонстрируют преемственность материальной и духовной культуры населения, хоронившего на одном месте на протяжении столетий. Памятник исследован не полностью: из 19 курганов к началу 1980-х гг. часть насыпей была уничтожена р. Обь или же в ходе грабительских раскопок [Народы и культуры…, 2001, с. 162]. В 1970 – начале 1980 гг. Л. А. Чиндиной [1975] и А. И. Бобровой [2007] были проведены работы на 11 курганах, всего за время работ на памятнике вскрыто более 400 погребений. Большинство из ис-

© Милованова А. П., 2025

следованных захоронений датируются периодом позднего Средневековья, они отражают процессы поступательного развития и формирования этноса.

Одним из важнейших признаков погребального обряда традиционного населения региона до начала XVIII в. являлось сопровождение покойного керамической посудой [Нарымское Приобье…, 2016, с. 52]. Важную роль в понимании процессов культурогенеза играет изучение керамики из погребений позднего Средневековья и орнаментов на ней. Специфика могильника позволяет провести сравнительный анализ орнаментальных традиций в рамках каждой из родственных групп, захороненных на памятнике, благодаря особенностям стилистики орнамента, техники и технологии его нанесения, а также по соотношению форм и орнаментов.

Несмотря на перспективы подобного исследования, керамика Тискинского могильника и орнаменты на ней не подвергалась специальному анализу. В поле зрения исследователей оказывались орнаменты на керамике с «ушками» [Боброва, 1997, с. 304–316], однако массового анализа керамического материала с могильника не проводилось.

По морфологическому признаку керамику из погребений второго этапа можно разделить на круглодонные горшки, чаши и ладьи. Фиксируются сосуды, чаши и ладьи с «ушками». Данные типы керамики образуют обособленную группу сосудов Нарымского Приобья – семантика сосудов с «ушками», а также ладьевидных сосудов не до конца ясна [Там же, с. 316]. Предположительно, они имели культовое значение. Также было зафиксировано несколько сосудов с обломанным днищем, их форма позволяет предположить, что это сосуды на поддонах (?). Данная керамика происходит из погребений 1-й и 2-й хронологических групп. Иных редких форм при работе с материалами встречено не было.

Отличительной особенностью керамики Нарымского Приобья является богатая орнаментация. Встречаются неорнаментированные сосуды, на части которых фиксируются «ушки». Орнаменты на керамике Тискинского могильника продолжают кулайско-рёлкинские традиции орнаментирования глиняной посуды [Чиндина, 1984; 1991] – это преобладание зубчатого штампа, плотность нанесения элементов, «уточка», многорядность мотивов.

Многообразие материала привело к необходимости создания методики работы с орнаментами на керамике Тискинского могильника. Она состоит в комплексном анализе орнамента в контексте сосуд/погребение/погребальный обряд/курган.

Автор фиксирует локальные особенности в рамках орнаментальной традиции позднесредневекового населения Нарымского Приобья. В первую очередь это выражается в стилистических особенностях керамического комплекса каждого из рассматриваемых курганов. Основная задача – связать могильник с одной из этнолокальных групп. Работа над этим идет по настоящее время.

Автор выражает благодарность Л. А. Чиндиной и А. И. Бобровой за предоставленную возможность поработать с материалами Тискинского курганного могильника.

Список источников

Боброва А. И., Мец Ф. И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектрон., 1997. С. 304–316.

Боброва А. И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 176 с.

Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области / под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 252 с.

Нарымское Приобье во II тысячелетии н. э. (X–XX вв.) / А. И. Боброва, М. П. Рыкун, А. Г. Тучков, И. В. Чернова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. 278 с.

Чиндина Л. А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–93.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Т. Б. Никитина
Марийский НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева,
Йошкар-Ола, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОВЕТЛУЖЬЕ В НАЧАЛЕ II ТЫС. Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)

Аннотация. В бассейне р. Ветлуги изучено 14 могильников, связанных с марийской культурой первой половины II тыс. Памятники X–XI вв. в верховьях реки характеризуются двухкомпонентностью, выраженной признаками культуры марийского и пермоязычного населения. В могильниках приустьевой части долины р. Ветлуги с конца XI до начала XIII в. отмечено обилие вещей древнерусского облика, а также присутствие финно-угров, испытавших воздействие русской культуры. Сложный состав погребальных комплексов свидетельствует об активных этнокультурных процессах в Поветлужье в указанный период.

Ключевые слова: марийская культура, пермоязычное население, древнерусское влияние

Река Ветлуга является западной границей расселения марийцев в эпоху Средневековья домонгольского периода. На протяжении 450 км по реке (350 км вдоль береговой террасы) от устья (Республика Марий Эл) вверх по Ветлуге до г. Шарьи Костромской области располагаются 14 могильников, связанных с марийской культурой первой половины II тыс. н. э. (рис. 1). Выше г. Шарьи, у с. Пыщуг Костромской области, Ветлуга резко поворачивает на восток и делает большую петлю, фактически смыкаясь с притоками Вятки, на которых также известны марийские памятники этого периода. От Юмского (Загребинского) могильника до истока Ветлуги 26 км, а самое маленькое расстояние до Ветлуги составляет всего 17 км.

Девять из перечисленных некрополей связаны с периодом X–XI вв.: Кузинские Хутора, Ефанихинский, Веселовский, Черемисское кладбище, Боровской Кордон-1, Русенихинский, Затон Михеева, Нижняя Стрелка, Выжумский. Пять могильников (Боровской Кордон-2, Выжумский-2 и III, Руткинский, Починковский) содержат комплексы с конца XI до начала XIII в. Единичные погребения конца XI в. присутствуют и в первой группе.

Следует отметить, что хронология этих памятников требует детальной проработки, которая является одной из основных задач в настоящее времени.

Основная масса памятников содержит этномаркирующие украшения (головные цепочки, браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом, накосники с металлическими и костяными пронизками и копоушками, шумящие обувные и другие подвески) и выраженные признаки погребального обряда (жертвенные комплексы между могилами и дополнительные комплексы в погребениях, котлы, подстилки) марийской культуры эпохи Средневековья. Погребения с кремацией на дне могильной ямы имитируют захоронения с ингумацией. Значительное количество костей завернуто в ткань и меховой кафтан, сверху перевязанный ремнем, а украшения разложены в порядке ношения их при жизни. Расположение орудий труда, бытовых вещей и оружия соответствуют их месту при ингумации.

В верховьях р. Ветлуги своеобразием отличается могильник Кузинские Хутора в устье речки Кузинки. Памятник известен с 2013 г., в настоящее время изучено 51 захоронение и 4 жертвенных комплекса. Анализ материала, особенно погребального обряда, позволил достаточно четко выделить группы захоронений, оставленных марийским и пермоязычным населением [Никитина, 2015, с. 138, 139; Акилбаев, 2024, с. 192–202]. Обряд кремации значительной части погребений отличается от обряда трупосожжения известных марийских могильников. Немногочисленные кальцинированные кости человека и поломанные вещи располагались бессистемно, преимущественно в засыпке. Указанные черты обрядности связаны в большей степени с культурами пермоязычного круга: вымской и вычегодской, верхнекамским населением. Вероятно, по такому же

© Никитина Т. Б., 2025

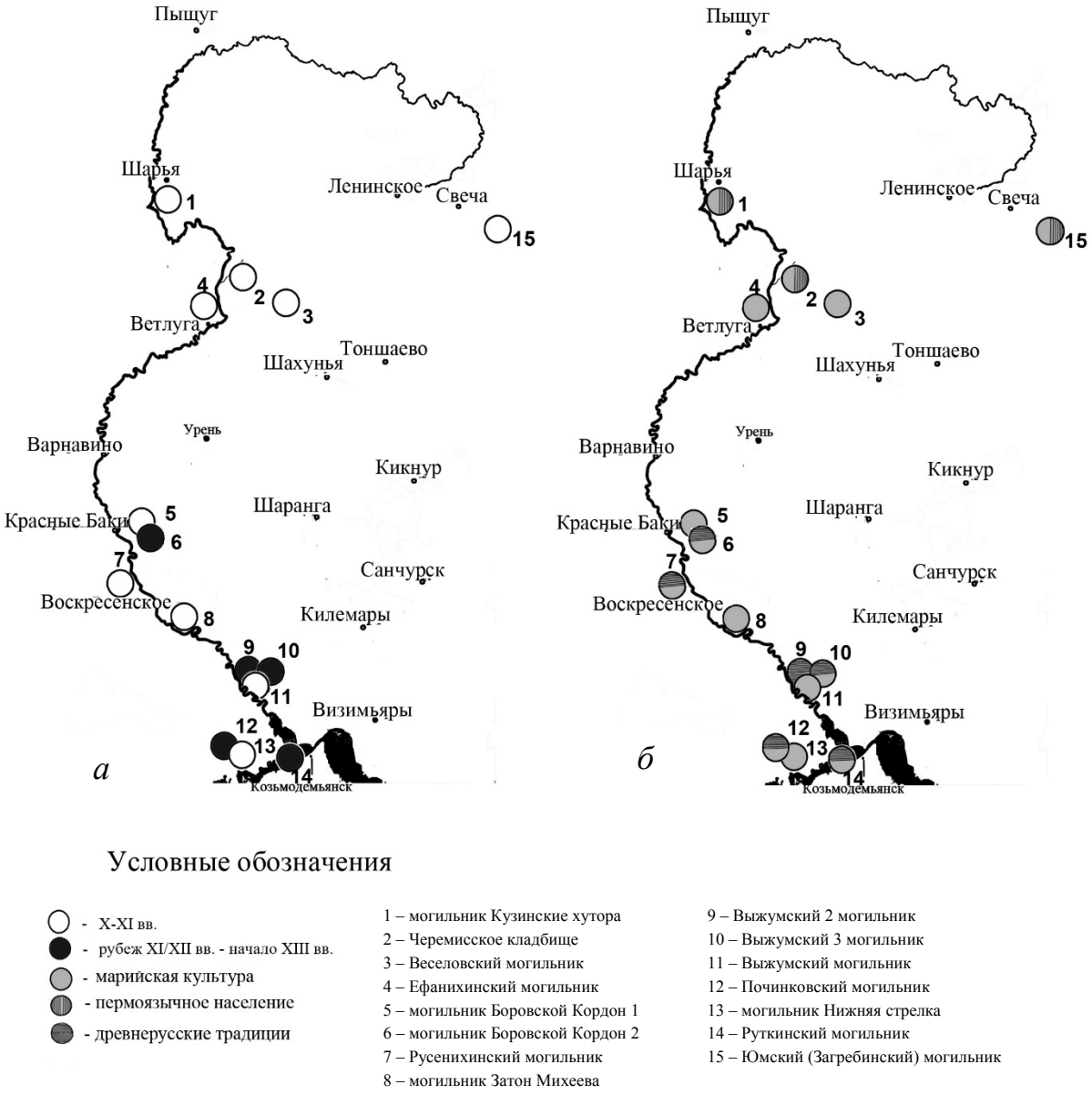

Рис. 1. Могильники начала II тыс. на р. Ветлуга:
а) распределение по хронологии; *б)* распределение по культурной принадлежности

обряду совершены несколько погребений на могильнике «Черемисское кладбище», расположенном неподалеку. Отдаленное сходство можно проследить на Юмском могильнике в Вятском бассейне; в отдельных захоронениях с кремацией инвентарь располагается сверху в засыпке. В остальном Юмский могильник по обряду соответствует марийским погребениям.

Ближе к устью Ветлуги появляются захоронения иного облика. Начиная с конца XI в. на марийских могильниках (Выжумские, Руткинский, Починковский) фиксируются изделия западного, в том числе и древнерусского облика: звериноголовые и витые, завязанные на два конца браслеты; височные кольца с бусами и щитковое завязанное кольцо с овальными расширениями; овальные и шестиугольные кресала; горшки древнерусского типа; подвески из колец или спиралей, спаянных в форме пирамидки; треугольные рамчатые украшения из гладкой проволоки; конусовидные подвески с 2–3 петлями для шумящих привесок; фибулы с перемычкой; пластинчатые уточки с привесками. На Выжумском археологическом комплексе захоронения с разным инвентарем подтверждаются планиграфией. Аналогичная ситуация наблюдается на Русенихинском могильнике, на котором выделяется группа захоронений с традицион-

ными маркерами марийской культуры в инвентаре и погребальном обряде, а также небольшая группа на окраине с вещами, имеющими многочисленные аналогии на территории Древней Руси [Никитина, 2021, с. 38–40]. Наиболее близкие аналогии инокультурным изделиям отмечены в материалах Костромской мери [Рябинин, 1986, с. 57, 81].

Вероятнее всего, массовый приток этих вещей связан с проникновением в XII в., а возможно, на рубеже XI/XII вв. в Поветлужье небольших групп потомков частично обрусевшего, но сохранившего языческие традиции финно-угорского населения Северной Руси. Продвижение, вероятно, происходило через территорию Костромского Поволжья, с материалами которого могильники Поветлужья имеют наибольшее количество общих аналогий. Массив переселенцев был невелик, и они достаточно быстро растворились среди местного населения, поэтому инокультурные вещи часто обнаружены совместно с этническими марийскими украшениями.

Сложный состав погребальных комплексов свидетельствует об активных этнокультурных процессах в Поветлужье в начале II тыс., существенно повлиявших на формирование марийской культуры.

Список источников

Акилбаев А. В. Этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере материалов могильника «Кузинские хутора» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16. № 1. С. 192–202.

Никитина Т. Б. Население Верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 124–140.

Никитина Т. Б. Планиграфия могильников Ветлужско-Вятского междуречья X – рубежа XI/XII веков // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований». М.: ИА РАН, 2021. С. 29–41.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Ю. А. Подосёнова
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия

ИЗДЕЛИЯ ПРИКАМСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ ЦЕНТРОВ XII–XIII ВВ. В МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ

Аннотация. Серебряные зерно-филигранные изделия с позолотой, происходящие с территории Зауралья и ранее считавшиеся булгарскими в настоящее время можно уверенно отнести к изделиям прикамских ювелирных центров. Однако весомое количество среди них имеют отличия в форме, датировке, отдельным техническим особенностям. Возможно, такие изделия являются изделиями местного изготовления и только выполнены под влиянием прикамских ювелирных традиций.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, Зауралье, Западная Сибирь, зерно-филигранные ювелирные изделия, прикамский ювелирный центр

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-68-10023 «Предуральская модель освоения пространства в древности и в Средние века: основные этапы взаимодействия природы и человека».

Обобщающие исследования ювелирных изделий, обнаруженных на территории Пермского Предуралья и Зауралья, атрибутированных как изделия булгарского происхождения, выходят в 1990-х гг. [Федорова, 1990; Белавин, 2000]. Однако на тот период времени сами булгарские изделия еще «не стали предметом специального болгароведческого исследования» [Белавин, 2000, с. 72] и судить о булгарском ювелирном ремесле приходилось на основании изучения изделий, обнаруженных

© Подосёнова Ю. А., 2025

за пределами Волжской Болгарии [Руденко, 2015, с. 10]. В работах исследователи выделили признаки этих изделий [Федорова, 1990; Белавин, 2000].

Начиная с 2000-х гг. взгляды на происхождение многих изделий, атрибутированных ранее как «булгарские», начинают меняться, что было обусловлено появлением исследований К. А. Руденко [2015], посвященных изучению ювелирных украшений с территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды и сравнению их с изделиями других территорий, а также появлением целенаправленных исследований отдельных категорий «булгарских» украшений с территории Пермского Предуралья.

В настоящее время весомое количество категорий украшений, относимых ранее к «булгарским» на основании химико-технологических исследований, картографирования и фактов обнаружения в Пермском Предуралье мастерских со свидетельствами сереброделия, уверенно можно отнести к изделиям прикамских ювелирных центров. А ранее выделенные признаки «булгарских» изделий с дополненными и конкретизированными техническими уточнениями, одними из основных признаков-маркеров продукции этих центров. Одной из территорий массового распространения прикамских изделий является Зауралье[42].

Однако среди зауральских изделий можно выделить немалое количество украшений, имеющих не прикамское происхождение, но сформировавшихся под влиянием прикамских ювелирных традиций.

К таким можно отнести лопастные височные украшения, выполненные с помощью сгибания гладкого или гладкого и отчасти торсированного дрота (рис. 1, *6–8, 13, 15*), зерно-филигранные лопастные височные украшения (рис. 1, *14, 19, 23*), зерно-филигранные «лапчатые» подвески (рис. 1, *1–4, 11*), тисненые подвески-«рыбки» (рис. *1, 5*), зерно-филигранные подвески с ромбовидным щитком (рис. 1, *12, 18*), бляхи с изображением всадника (рис. 1, *16, 17*), зерно-филигранные подвески округлых форм (рис. 1, *9, 10*), щитки для защиты рук от удара тетивы (рис. 1, *20*, *21*), очелья (рис. 1, *22*), возможно отдельные зерно-филигранные височные бусинные украшения. Поиск аналогий показал, что такие изделия не встречаются в материалах европейской части России, за исключением пяти находок лопастных украшений, обнаруженных в памятниках Архангельского Севера [Носов, Овсянников, 1997, с. 150].

Для продукции прикамских ювелирных центров в целом не характерны не только формы этих изделий, но и отдельные стилистические и «технические» особенности, среди которых следует выделить: изготовление полых изделий с помощью художественного тиснения (не формующего), формирование краев изделий на «каркасных» бортиках, формирование отверстия для крепления в одной плоскости с основой изделия, декорирование полусфер бусин и декоративных «колпачков» выложенными филигранными колечками, совместное употребление чеканного перлового орнамента с зернью, филигранью и золочением, декорирование фантастическими изображениями, использование тордированной проволочки вместо штампованной филиграни.

Важно отметить, что существуют и хронологические особенности. Если в Пермском Предуралье основной массив рассматриваемых изделий в целом можно обозначить XI – началом XIII в. (в зависимости от типов и категорий), за исключением отдельных типов бусинных височных украшений, блях с сокольничим и широкосерединных перстней, бытующих до XIV в., то в Зауралье основной период распространения прикамских изделий XII–XIII вв., а период распространения изделий, выполненных в прикамских традициях, начинается с XIII в. То есть в тот период времени, когда в Пермском Предуралье идет процесс упадка ювелирного ремесла, сокращение ассортимента изделий, разнообразие форм ювелирных изделий начинает проявляться на территории Зауралья.

[42] Следуя за Н. В. Федоровой, в данной работе под Зауральем понимается «территория, включающая Среднее и Нижнее Приобье, бассейн левых притоков Оби и, отчасти, Иртыша» [Федорова, 1990, с. 131].

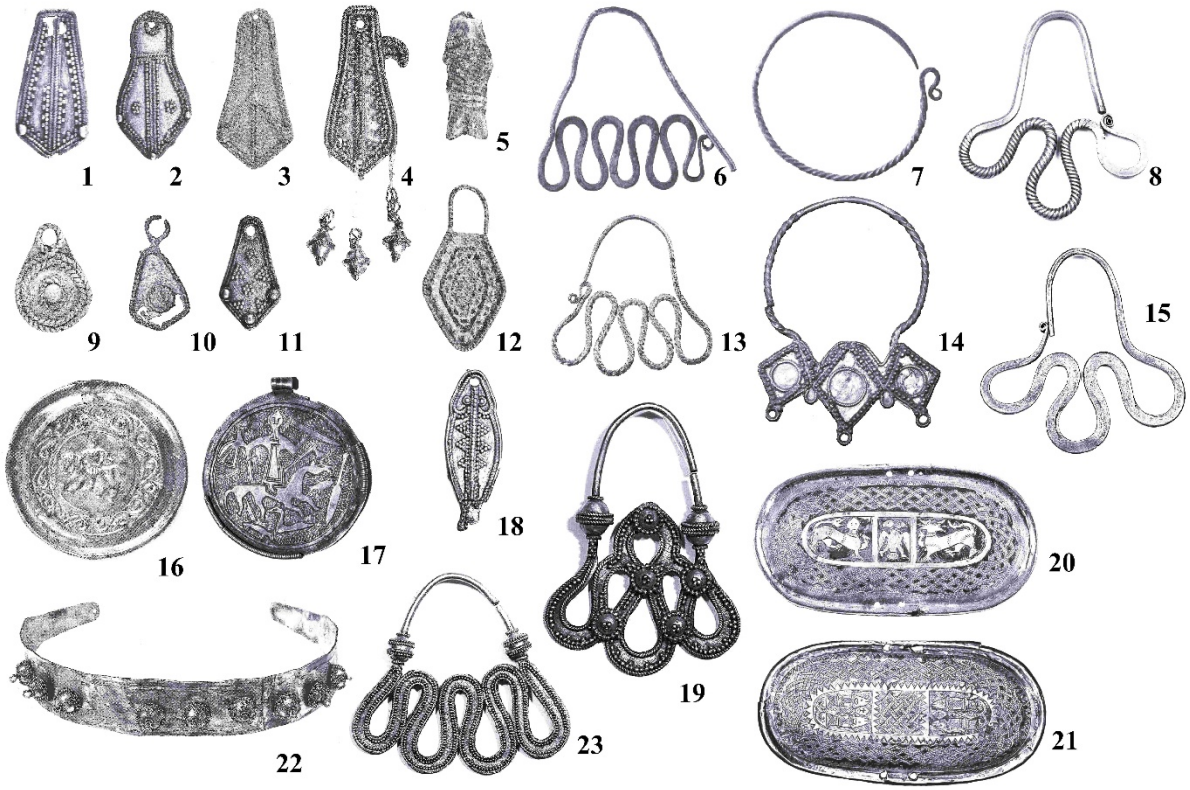

Рис. 1. Примеры изделий предполагаемых ювелирных центров Зауралья: *1–5, 8–13* – Сайгатинский–3 мог. (по Комова, Приступа, 2012), *6, 7* – территория Зауралья; *14* – Сайгатинский мог.; *16* – городище Ус-Нёл (по Комова, Приступа, 2012); *17* – р. Пелым; *8, 15* – Сайгатинский IV мог.; *20–21* – п. Шурышкары, ЯНАО (по Карачаров, 2016); *18, 19, 23* – Барсова гора; *22* – ЯНАО, Шурышкарский район (по Комова, Приступа, 2012)

Все это наводит на мысль о наличии собственных ювелирных центров в Зауралье, сложившихся под влиянием прикамских ювелирных традиций. Исследуя только одну категорию изделий – широкосрединные перстни с чернью и золочением, А. А. Адамов приходит к выводу о существовании в Тобольском Прииртышье в XII–XIV вв. собственных центров [2022, с. 34–35].

Интересно отметить, что на территории Северного Предуралья (вымская культура перми вычегодской) прикамские ювелирные украшения встречаются в большом количестве. Но многие из них имеют следы ремонта, переделки, продолжительного использования, а новых категорий изделий не появляется, хотя в этих материалах присутствуют древнерусские ювелирные украшения с северо-западных территорий.

Подтвердить однозначно выдвинутое предположение о зауральских центрах, а также ответить на другие параллельно возникающие вопросы (например, в результате каких процессов появляются и развиваются центры в Зауралье, влияние каких традиций испытывают в позднее время и т. д.) затруднительно, так как необходимо комплексное исследование каждой категории ювелирных изделий Зауралья, считавшихся когда-то «булгарскими».

Список источников

Адамов А. А. Серебряные перстни XII–XIV веков из Тобольского Прииртышья. Екатеринбург: УрО РАН, 2022. 136 с.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Карачаров К. Г. О серебре закамском // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2016. С. 274–284.

Комова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры: каталог. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2012. 140 с.

Носов Е. Н., Овсянников О. В. Архангельский клад 1989 г. // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб.: ДБ, 1997. С. 146–157.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Федорова Н. В. Булгарские сканые украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990. С. 131–141.

О. А. Полякова
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

ИЗОБРАЖЕНИЕ УКРАШЕНИЙ НА ПОЛОВЕЦКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ

Аннотация. Начиная с середины XIX в. и до наших дней продолжается исследование каменных скульптур. При их изучении большое внимание уделялось украшениям, как ценному источнику для изучения материальной культуры половцев. Изваяния, на которых присутствуют этнографические элементы, представляют значительный интерес для дальнейших археолого-этнографических изысканий.

Ключевые слова: каменные изваяния, половцы, украшения

Каменные изваяния всегда вызывали у исследователей огромный интерес. Пристальное внимание им уделяли русские путешественники и землепроходцы. Самыми главными вопросами были – зачем устанавливалась скульптура, когда и кто их устанавливал и кого они изображали. На некоторые вопросы нет однозначных ответов и сегодня.

Со временем интерес к изучению каменных изваяний возрастает. Во многих музеях бережно хранят и исследуют средневековые монументальные памятники. Изваяния, на которых присутствуют этнографические элементы, представляют значительный интерес для дальнейших археолого-этнографических изысканий.

Серьезное изучение каменных изваяний началось в середине XIX в. Так, первая карта распространения половецких скульптур была составлена в 1851 г. А. И. Пискаревым. Уже к началу XX в. накопилось большое количество статей, посвященных изучению половецких скульптур. Классификацией каменных изваяний на разных территориях занимались А. С. Уваров, П. С. Уварова, Л. А. Евтюхова [1952], Я. А. Шер [1966], С. А. Плетнева [1974], Г. А. Федоров-Давыдов [1966], Л. С. Гераськова [1991], К. И. Красильников, Л. И. Тельнова [2000], Л. Н. Ермоленко [2004] и др. Исследователи пытались не только классифицировать изваяния, но и определить их этническую принадлежность. Так, П. А. Уварова провела перепись изваяний южных губерний России, она хотела «разобраться с костюмами баб, постараться сличить костюм баб с нашими инородческими костюмами, постараться разобраться в лицевых типах баб, в украшениях... разделить их на категории, и тогда уже приступить к выводам касательно той народности, которая оставила их нам в наследие...» [Плетнева, 1974]. Н. И. Веселовский [1915], анализируя костюмы мужских и женских статуй, сравнивал их с костюмом тюркоязычных народов. Л. А. Евтюхова датировала изваяния, проведя анализ предметов вооружения и украшений, изображенных на них [1952].

Большое внимание изучению каменных скульптур, в том числе одежды и украшений, уделила С. А. Плетнева. В книге «Половецкие каменные изваяния» она посвятила женской одежде и украшениям целый раздел. Украшения она разделила на типы и подробно рассмотрела каждый из них [Плетнева, 1974, с. 45–46].

Позже Л. С. Гераськова попыталась доказать, что изваяния Восточной Европы оставлены разными тюркоязычными народами [1991].

© Полякова О. А., 2025

Значительный вклад в изучение изваяний внесла Л. Н. Ермоленко [2004], которая проанализировала памятники средневековых тюркоязычных кочевников евразийских степей, прежде всего казахстанских степей. На основе иконографического облика автор разделила изваяния на две группы. Кроме «позообразующих» атрибутов (сосуда и оружия), она обратила внимание на изображения одежды [Ермоленко, 2004, с. 14].

Все исследователи так или иначе затрагивали вопрос изображения украшений на скульптурах. Многие специалисты конца XX в. прибегали к типологии С. А. Плетневой, дополняя ее. Изображенные элементы на скульптурах отображали реальные украшения времени создания стел, что подтверждают находки из погребений. Особенно четко это видно при сопоставлении изваяний расцвета половецкой скульптуры (середина XII – начало XIII в.), на это время приходятся самые реалистичные изображения каменных скульптур, сопоставимые с находками из захоронений. И если сравнение одежды затруднено в силу ее плохой сохранности, то каменные и металлические украшения сохраняются в погребениях хорошо. Для получения достоверного результата полученные данные необходимо соотносить с материалами по этнографии тюркских народов.

Наиболее часто изображаемыми украшениями на половецких скульптурах являются ожерелья, бусы, гривны, браслеты, серьги, украшения головного убора – «рога», различные подвески – одиночные, входящие в состав ожерелий или изображенные на головном уборе, соединяющие головной убор с прической или сережками, разнообразные украшения на волосах.

Исследования украшений на каменных изваяниях необходимо продолжать, так как коллекции скульптур постоянно пополняются и на уже известных изваяниях не все украшения по разным причинам, описаны и изучены[43].

Список источников

Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // ЗООИД. Одесса, 1915. Т. XXXII. 40 с.

Гераськова Л. С. Скульптура середньовічних кочовиків стегав Східної Європи / АН України. Ін-т археології. Київ: Наукова думка, 1991. С. 132.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 72–120.

Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 133 с.

Красильников К. И., Тельнова Л. И. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: ДонНУ, 2000. №1. С. 227–244.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. (САИ. Вып. Е4-2).

Полякова О. А. Шумящие подвески на половецких каменных изваяниях // Донецкие чтения – 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. Т. 7. С. 318–321.

Потемкина Т. М. Женское половецкое изваяние со стреловидными подвесками из Эрмитажа // Cultural Heritage and Modern Technologies. 2024. № 2. С. 132–153.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 276 с.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л.: Наука, 1966. 140 с.

[43] Так, в Эрмитаже находится изваяние с интересными элементами украшений – стреловидными подвесками, состоящими из нескольких групп по три экземпляра. Не все исследователи обратили внимание на эту деталь [Потемкина, 2024; Полякова, 2024].

Т. М. Потемкина
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИИ ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЙ

Аннотация. Актуализируются современные проблемы типологии и эволюции половецкой скульптуры. Акцентируется внимание на неудовлетворительной сохранности многих статуй и сложности получения необходимой информации. Предлагается создать новый свод половецких изваяний с качественной фотофиксацией и подробным описанием каждого экземпляра.

Ключевые слова: типология, эволюция, половецкие изваяния, средневековые кочевники

Среди монументальной пластики средневековых номадов Европы каменной половецкой скульптуре принадлежит особое место. За последние сто лет половецкие изваяния достаточно неплохо изучены. Им посвящено огромное количество научных статей и монографий. Детально история изучения и историография (до середины 70-х гг. XX в.) представлены в работах С. А. Плетневой [1974], Л. С. Гераськовой [1991, 1999], К. И. Красильникова и Е. К. Апареевой [2021], бегло (до 2000 г.) освещены в монографии В. С. Ольховского [2005]. После монографии и статьи Л. С. Гераськовой [1991, 1999] обобщающих работ по средневековой кочевнической скульптуре, охватывающих евразийские или европейские степи, не опубликовано. Изваяния отдельных регионов рассматривали К. И. Красильников и Л. И. Тельнова [2000], К. И. Красильников и Е. К. Апареева [2021], Е. И. Нарожный [2003], Е. А. Савенко и С. Н. Савенко [2009] и другие авторы, оперировавшие небольшими по объёму выборками.

Сохранность половецкой скульптуры, к сожалению, оставляет желать лучшего. Находящиеся вне помещений изваяния часто представляют собой плачевное зрелище. Многие скульптуры повреждены в результате военных действий. Но даже значительная часть целых изваяний попрежнему, как и 50 лет назад, лежит, как правило, тыльной стороной на земле, плотно прислонена тыльной или лицевой стороной к стенам или оградам, вкопана или помещена внутрь искусственных постаментов по пояс (а то и по грудь). В результате вроде бы изваяние есть, а получить нужную информацию невозможно.

Было бы хорошо организовать всеобщую инвентаризацию каменных изваяний, хранящихся как в самых маленьких, так и в самых крупных музеях, хотя бы европейской части страны. Все закопанные скульптуры выкопать, все лежащие полстолетия поднять, все прислонённые, наконец, отодвинуть от стен, вымыть, вычистить, замерить главные параметры и тщательно, со всех ракурсов сфотографировать. Собрать всю информацию воедино и опубликовать полный каталог имеющихся на данный момент каменных половецких изваяний. Ведь в последнее время новых скульптур находят единицы. А значит, большинство статуй уже обнаружено, и извлечь дополнительную информацию можно лишь из существующего фонда. Это грандиозная задача, затратная, но её можно решить благодаря всеобщим усилиям заинтересованных исследователей. Надо, наконец, такой важный источник обработать полностью, сделать его максимально доступным для изучения не только нынешним, но и будущим поколениям учёных.

Практически все современные исследователи при публикации половецких изваяний ссылаются на типологию из монографии С. А. Плетневой [1974]. При внимательном изучении Свода, к сожалению, пришлось столкнуться с рядом существенных недостатков и ошибок, присутствующих в нём. Так, искажены отдельные географические названия, многие изваяния нарисованы и описаны неточно, например,

© Потемкина Т. М., 2025

известнейшая скульптура, хранящаяся в Эрмитаже [Потемкина, 2024б]. А одна статуя, послужившая исследовательнице базисом для идеи о половчанках-амазонках, оказалась не женской, а мужской, с поздней подделкой головы и плеч [Потемкина, 2012; 2024а]. Все это заставляет с осторожностью подходить к представленному в монографии источнику и выводам, сделанным на его основе. Рисунки и описания изваяний, а также выводы необходимо тщательно перепроверять. После того, как нами была скрупулёзно обработана разного рода информация о более чем 1500 половецких изваяний, стало очевидно, что типология, разработанная ранее С. А. Плетневой устарела.

Классификация Л. С. Гераськовой, опирающаяся на два основных признака (поза и наличие/отсутствие фона), не получила распространения у специалистов. Типология К. И. Красильникова мало чем отличается от типологии С. А. Плетневой, основанной главным образом на позе скульптур, о чём он сам неоднократно упоминал [Красильников, Тельнова, 2000, с. 230; Красильников, Апареева, 2021, с. 54].

Следует отметить, что за последние полвека источниковая база значительно расширилась, появились экземпляры, которые не вписываются в типологические концепции ни С. А. Плетневой, ни Л. С. Гераськовой. Поэтому актуальным является создание новой типологии половецких изваяний, в частности, статуй развитого периода (так называемой круглой скульптуры).

Кроме этого, есть проблемы, связанные с эволюцией половецких изваяний, причинами появления круглой скульптуры у половцев, а также с тем, кого именно изображали статуи, и кому они были посвящены. По мнению С. А. Плетневой [1974, с. 69–70], а также К. И. Красильникова [Красильников, Тельнова, 2000, с. 231], эволюция монументальной пластики половцев была довольно плавной: от ранних стеловидных и столбовидных статуй к развитой полнофигурной «круглой» скульптуре, которая в первой половине XIII в. деградировала в неполнофигурные столбовидные изваяния с минимальной иконографией. Г. А. Федоров-Давыдов полагает, что подверглись регрессу только стоящие скульптуры, а деградацию сидящих изваяний прервало нашествие монголов [1976, с. 96].

Эволюция восточноевропейской средневековой скульптуры номадов, изложенная в работах Л. С. Гераськовой [1991; 1999], отличается от версий других исследователей. По ее мнению, ряд скульптур (ранние половецкие, по С. А. Плетневой) принадлежит печенегам и огузам (торкам). Представленная Л. С. Гераськовой доказательная база оказалась слишком сложной, непонятной, перегруженной таблицами, коррелятивными графиками [Красильников, Апареева, 2021, с. 51, 169] и никем, кроме отдельных казахских исследователей [Досымбаева, 2014, с. 56], не была поддержана. Большим недостатком её работ является отсутствие каталога изваяний, на основании которых были построены нестандартные выводы. И всё же мы полагаем, что рациональное зерно в гипотетической версии эволюции половецких изваяний Л. С. Гераськовой есть, а потому необходимо более тщательное изучение данного вопроса.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на многочисленные публикации и разработки, проблемы типологии, эволюции, семантики (и многие другие) половецких изваяний требуют дальнейших исследований. По-прежнему крайне актуальной является проблема сохранности монументальной пластики восточноевропейских средневековых номадов.

Список источников

Гераськова Л. С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ: Наукова думка, 1991. 132 с.

Гераськова Л. С. Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников Средневековья// Stratum plus. 1999. № 5. С. 408–430.

Досымбаева А. М. Монументальное искусство Евразии и их связь с культовыми памятниками казахских степей // Новые исследования по археологии Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. С. 55–59.

Красильников К. И., Апареева Е. К. Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов Степного Подонцовья. Казань: ИА АН РТ, 2021. 368 с.

Красильников К. И., Тельнова Л. И. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: ДонГУ, 2000. Т. 1. С. 227–244.

Нарожный Е. И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: ДонГУ, 2003. Т. 3: Половецкое и золотоордынское время. С. 245–274.

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974. 200 с. (САИ. – Вып. Е 4-2).

Потемкина Т. М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк: ДонНУ, 2012. Т. 10: Половецкое время. С. 7–36.

Потемкина Т. М. Еще раз об изваянии так называемой половецкой амазонки // Cultural Heritage and Modern Technologies. 2024а. № 2. С. 173–183.

Потемкина Т. М. Женское половецкое изваяние со стреловидными подвесками из Эрмитажа // Cultural Heritage and Modern Technologies. 2024б. № 2. С. 132–153.

Савенко Е. А., Савенко С. Н. Изваяния северо-западного пограничья Половецкой земли и их новые аналогии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2009. Вып. 10. С. 99–115.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Е. В. Русланов
Институт истории, языка и литературы Уфимского ФИЦ РАН,
Уфа, Россия

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ОСВОЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В XII–XIV ВВ.

Аннотация. В первой половине II тыс. Предуралье представляло собой территорию, заселенную носителями чияликской культуры. Пик освоенности приходится на XIII–XIV вв. Кочевники проникали в лесостепь, используя реки Камско-Бельского бассейна. На рубеже XIV–XV вв. часть носителей чияликских культурных традиций смещается в Зауралье, что археологически маркируется керамикой макушинского типа в верхних слоях западносибирских городищ.

Ключевые слова: Предуралье, Золотая Орда, чияликская культура

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н .э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

В работе тезисно обобщаются данные о хронологии и периодизации памятников чияликской культуры, об этапах заселения Предуралья в разные хронологические периоды, выдвигаются гипотезы о причине смещения позднесредневекового полукочевого населения в Зауралье и далее в Западную Сибирь. Под термином «освоение» понимается процесс проникновения коллективов на территорию Южного Предуралья, рассмотренный в динамике. Этот процесс включает в себя формирование моделей освоения новых экологических ниш в природных условиях лесостепной зоны Южного Урала и стратегии эффективного использования ресурсов этой территории.

Лесостепное Предуралье представляет собой всхолмленную равнину, нарушенную отдельными поднятиями и прорезанную долинами крупных рек – Белой и Уфы. В золотоордынское время (XII–XIV вв.) этот регион отличался богатством экологических ниш разной таксономической градации. Эта особенность играла определяющую роль в миграционных процессах, обуславливавших связи и взаимоотношения населения с различным типом ведения хо-

© Русланов Е. В., 2025

зяйства: кочевников, проникавших в Предуралье Демско-Бельским степным коридором [Савельев, 2014], и полукочевых групп чияликской культуры, оставивших многочисленные селища в долинах рек Камско-Бельского бассейна [Казаков, 1978, с. 31–33; Гарустович, 2015, с. 181–197].

Золотоордынский этап в развитии культуры датируется XII–XIV вв. Имеющиеся абсолютные даты синхронных памятников, полученные по костям человека из погребений Горновского и Нижнехозятовского могильников, расположенных в 8–17 км к северо-северо-востоку, позволяют уточнить время функционирования чияликской культуры в Предуралье между 1178–1406 гг. [Bea Szeifert, Dániel Ger et al., 2022, pp. 42–43, tabl. 1].

В динамике культурного развития и освоения Предуралья в XII–XIV вв. можно выделить три хронологических этапа.

Этап 1. Пред- и раннезолотоордынское время (XII–XIII вв.). В слоях памятников преобладает лепная круглодонная керамика с гребенчато-шнуровой орнаментацией с выступами, имитирующими ушки, и полностью отсутствуют хрономаркеры первой пол. – середины XIV в. (круговая золотоордынская посуда, фрагменты кашинных чаш), зафиксированные в Нижнем Прикамье и в долине реки Ик, вблизи границ Волжской Булгарии. К ним относятся памятники типа селищ Чиялик, Меллятамак VI (долина р. Ик), Барановка I (Нижняя Кама) [Казаков, Чижевский, Лыганов, 2016].

Примерно в это же время начинается освоения чияликским населением среднего течения р. Белая и ее крупных притоков первого и второго порядка (р. Дема, Урашак, Чермасан, Кармасан). Здесь отмечен ряд памятников, содержащих вещи XII–XIII вв. (зооморфные булгарские замочки, «желудевидные» бусины-привески) (Новотроицкий могильник, селище Якшиваново-2) [Русланов, 2020]. Тогда же отмечается проникновение кочевого населения, оставившего ранние погребения под насыпями Сынтыштамакских курганов, расположенных на правом берегу р. Чермасан. Все эти подвижки могли быть вызваны стремительным продвижением монгольских кочевых объединений, подчинивших себе Поволжье в первой половине XIII в.

Этап 2. Позднезолотоордынское время (конец XIII – XIV вв.). На этом этапе чияликское население активно осваивает экологические ниши лесостепного Предуралья, что отмечено наличием как минимум двух хозяйственных циклов, связанных с сезонными передвижениями, отразившимися на концентрации населения и территориальном расположении известных памятников. Весенне-осенний цикл связан с перекочевками вдоль крупных водных артерий (р. Белая, Дёма, Ик, Урашак). С наступлением поздней осени население возвращалось на территорию постоянных поселений, расположенных на небольших притоках второго и третьего порядка, где проживало преимущественно в холодное время года (с осени до весны или начала лета). Памятники этого периода (Горнововское, Ябалаклы-1, 3, Подымалово) [Русланов, 2022; 2023; Прибельская…, 2024] представлены крупными селищами, в культурных слоях которых отмечено большое количество привозных вещей, произведенных в золотоордынских городских центрах, практически полностью отсутствует лепная посуда. Кочевое, вероятно, кыпчакское население, проникавшее в лесостепь Предуралья одним из «языков» Дёмско-Бельского степного коридора, к этому времени осваивает долины р. Дёма, Уршак, Ик с большим количеством водотоков, широких пойм и заливных лугов (могильники Удрякбаш, Сынтыштамак, Аккулаевский курган). Политическая ситуация в степях стабилизируется, Предуралье входит в состав Булгарского улуса, контроль за которым был установлен монгольской кочевой верхушкой.

Этап 3. Конец XIV – нач. XV в. связан со смещением чияликского населения через Зауралье в Западную Сибирь. Е. А. Третьяков, опираясь на встречаемость в культурных слоях памятников, содержащих керамику макушинского типа, чугунных котлов, а также на распространение черт мусульманского погребального обряда в некрополях лесостепного Притоболья, актуализирует вопрос о взаимодействии

представителей макушинского типа и носителей чияликской культуры [Третьяков, 2024, с. 207]. В этой связи можно предположить два варианта упомянутого взаимодействия. Первый связан с периодическими контактами. Второй, учитывая в целом поздние даты макушинских памятников, мог маркировать уход в самом конце XIV в. чияликского населения из лесостепи Предуралья и оседании его в лесостепном Притоболье. Сдвиг чияликских (макушинских) популяций отмечен материалами верхних горизонтов ряда городищ (Папское, Боровиковское I, Прыговское, Красногорское, Усть-Терсюк I, Юдинское), которые недвусмысленно указывают на определенную военную угрозу, вынудившую «венгров Юлиана» [Bea Szeifert, Attila Türk et al., 2022] искать себе защиту, покинув относительно спокойное до того Предуралье. Произошедший эффект «обратной миграции» после широкого проникновения чияликского (макушинского) населения из Притоболья на запад в Предуралье на рубеже XII–XIII вв. [Матвеева, Зеленков, Третьяков, 2024; Bea Szeifert, Dániel Gerber et al., 2024], связан, как видится, с бурными и кровопролитными событиями Великой Замятни, повлекшими за собой упадок и деградацию устоявшихся социально-экономических связей в границах Улуса Джучи.

Список источников

Гарустович Г. Н. Чияликская археологическая культура эпохи Средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

Казаков Е. П., Чижевский А. А., Лыганов А. В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 219–243.

Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А. Роль миграций в культурогенезе средневекового населения лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 39–58.

Прибельская равнина в эпоху Золотой Орды. Новые исследования. Альбом-каталог / под ред. И. И. Бахшиева. Уфа: Мир печати, 2024. 88 с.

Русланов Е. В. Результаты исследования Новотроицкого грунтового могильника в контексте древностей золотоордынского времени в Башкирии // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 77–85.

Русланов Е. В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267.

Русланов Е. В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 118–130.

Савельев Н. С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. 2014. №. 14. С. 191–206.

Третьяков Е. А. Культура населения Притоболья в эпоху развитого Средневековья: дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2024. 457 с.

Bea Szeifert, Attila Türk, Dániel Gerber, Veronika Csáky, Péter Langó, Dimitrij A. Sztashenkov, Szergej G. Botalov, Ajrat G. Szitgyikov, Alekszadr Sz. Zelenkov, Balázs Gusztáv Mende, Szécsényi-Nagy A. A korai magyar történelem régészeti és archeogenetikai kutatásának legfrissebb eredményei Nyugat-Szibériától a Középső-Volga vidékig / Archaeologiai Értesítő. 2022. Vol. 147. Iss. 1. Pp. 33–74.

Bea Szeifert, Dániel Gerber, Veronika Csáky, Péter Langó, Dmitrii A. Stashenkov, Aleksandr A. Khokhlov, Ayrat G. Sitdikov, Ilgizar R. Gazimzyanov, Elizaveta V. Volkova, Natalia P. Matveeva, Alexander S. Zelenkov, Olga E. Poshekhonova, Anastasiia V. Sleptsova, Konstantin G. Karacharov, Viktoria V. Ilyushina, Boris A. Konikov, Flarit A. Sungatov, Alexander G. Kolonskikh, Sergei G. Botalov, Ivan V. Grudochko, Oleksii Komar, Balázs Egyed, Balázs G. Mende1, Attila Türk, Szécsényi-Nagy A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region // Human Molecular Genetics. 2022. Vol. 31, 19. Pp. 3266–3280.

В. А. Сарапулкин, Д. С. Соловьёв
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ САЛТОВО-МАЯЦКОГО ТИПА В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

Аннотация. Исследование посвящено анализу материалов нижнего горизонта поселения хазарского времени Бараний Бугор, расположенного в дельте Волги. Исходя из технологических и морфологических особенностей лепной керамики, авторы делают предположение об источниках формирования керамического комплекса памятников салтово-маяцкого типа на нижней Волге: а именно присутствие в его составе кочевнического и, возможно, славянского компонентов.

Ключевые слова: дельта р. Волга, салтово-маяцкая культура, лепная керамика

Результаты исследований последних лет позволяют составить некоторые представления об особенностях и эволюции культуры хазарского времени в дельте Волги [Археологические…, 2021, с. 100; Поселения…, 2022]. Наиболее изученным памятником является поселение Бараний Бугор, где наличие двухметровых культурных отложений позволяет проследить эволюцию материальной культуры. Для целей данной статьи особое значение имеют нижний горизонт памятника, дающий представление о начальном этапе освоения хазарским населением низовьев Волги.

Керамический комплекс нижних слоев содержит характерные для памятников салтово-маяцкой культуры элементы: причерноморские амфоры, круговые и подправленные на круге кухонные горшки с линейно-волнистым орнаментом, столовые серо- и чернолощеные сосуды. Необычным является значительное количество (до 50 %) фрагментов лепных сосудов. В технологическом плане их объединяет присутствие в составе формовочной массы примеси крупного шамота и органики, при этом количество растительных включений для разных фрагментов весьма сильно варьируется. Морфологически серия представлена горшками (рис. 1, *3*), крышками (рис. 1, *4*) и сковородами (рис. 1, *2*). Наибольшее разнообразие форм демонстрируют горшки – сосуды разного размера, которые показывают разнообразие профилей и оформления края венчика. Крышки, как правило, близки к полусферической либо конической форме и имеют в центре полую ручку. Сковороды представляют собой диски с вертикальным или слегка наклонным бортиком, иногда украшенным по венчику круглыми вдавлениями.

Сравнение лепной керамики нижнего горизонта поселения Бараний Бугор с материалами известных на сегодняшний день памятников дохазарского времени из дельты Волги [Коваленко, 2024] показывает серьезные отличия в составе формовочных масс, что позволяет рассматривать появление керамики с примесью крупного шамота и органики как маркер хазарского времени.

Происхождение традиции изготовления лепной керамики, наблюдаемой на памятниках хазарского времени в дельте Волги, не находит полных аналогий на близлежащих территориях. Лепные горшки с примесью органики и шамота в тесте фиксируются в кочевнических погребениях Волго-Донского междуречья. Подобные сосуды составляют заметный процент в материалах некоторых памятников Дона [Прокофьев, 2013, с. 85].

Часть лепных сосудов нижнего горизонта Бараньего Бугра разительно напоминает славянскую керамику I в. н. э. Отдельные сосуды – горшки, орнаментированные отпечатками зубчатого штампа, – имеют прямые аналогии в роменской и боршёвской культурах (рис. 1, *1*). Кроме того, наличие сковород, не характерное для памятников условно «кочевнического»

© Сарапулкин В. А., Соловьев Д. С., 2025

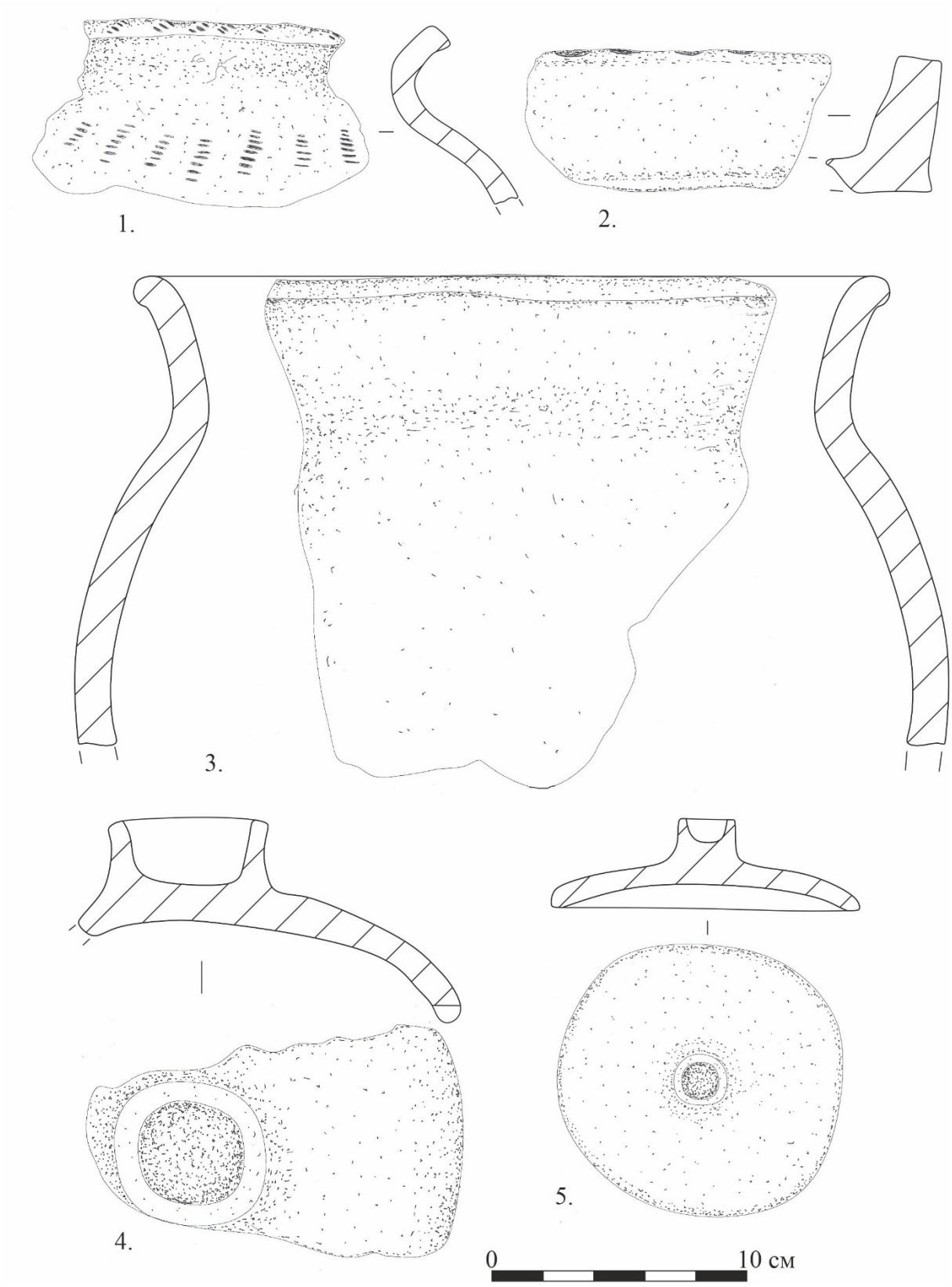

Рис. 1. Фрагменты лепных горшков (*1, 3*), сковороды (*2*), крышки (*4*) с поселения Бараний Бугор и целая крышка (*5*) с Киракле-тобе

круга, типично для славянских культур раннего Средневековья.

Предположение о славянском происхождении лепной шамотированной керамики дельты Волги, несмотря на некоторую экзотичность, не выглядит совсем уж фантастичным. Памятники славянского облика, датируемые IX в., известны в дон-

ских степях [Ляпушкин, 1958, с. 337; Флеров, 1971; Прокофьев, 2007, с. 214], причем расстояние от крайнего юго-восточного поселения Ближняя Мельница в устье р. Чир до основного ареала боршёвской культуры составляет порядка 450 км по прямой, что примерно равно расстоянию до с. Бараний Бугор в Астраханской области.

Фактором, который не объясняется «славянской» гипотезой, является присутствие в составе керамического комплекса крышек. Еще раз упомянем, что состав примесей для сковород и крышек идентичен. Керамические крышки не характерны ни для славянских культур, ни для памятников салтово-маяцкого круга. Некоторое количество лепных и круговых крышек (типологически отличающихся от нижневолжских) известно на Сидоровском городище [Кравченко, 2020, с. 94], единичная находка сделана на Маяцком селище [Плетнева, Красильников, 1990, с. 115], крышки известны в материалах Саркела [Плетнева, 1959, с. 230], но происходят они из постсалтовских «кочевнических» слоев. Крышки с полой ручкой присутствуют на расположенном неподалеку от Бараньего Бугра досалтовском поселении Киракле-тобе (рис. 1, *5*).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые предположения касательно формирования памятников салтово-маяцкого типа в дельте Волги. Прежде всего следует констатировать появление керамической традиции, отличной от фиксируемой на дохазарских поселениях региона, что однозначно свидетельствует в пользу появления пришлых групп населения. Технологические и морфологические особенности лепной керамики поселения Бараний Бугор также позволяют предположить наличие нескольких источников ее формирования. Фрагменты горшков со значительной примесью органики в составе формовочной массы, возможно, являются результатом инфильтрации неких кочевых групп. Горшки и сковороды с примесью крупного шамота в тесте представляют керамическую традицию, близкую славянским культурам раннего Средневековья. При этом наличие крышек можно объяснить заимствованием элемента дохазарского керамического комплекса.

Список источников

Археологические исследования на поселении «Семибугры» в 2019–2020 гг. / Д. С. Соловьёв, С. А. Котеньков, А. А. Тимофеев, Г. В. Стукалов, А. В. Коваленко // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. Вып. XIII. С. 99–104.

Коваленко А. В. Поселение Киракле-тобе. Новый памятник эпохи Средневековья в дельте реки Волга // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 192–204.

Кравченко Э. Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология евразийских степей. 2020. № 4. С. 1–312.

Ляпушкин И. И. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница // Труды Волго-Донской экспедиции. Т. I. / МИА. № 62. М.; Л.: Наука, 1958. С. 337–347.

Плетнева С. А. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской экспедиции. Т. II. / МИА. № 75. М.; Л.: Наука, 1959. С. 212–272.

Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс: материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1990. С. 92–139.

Прокофьев Р. В. Поселение IX века на левобережье Северского Донца и вопрос проникновения славян в Нижнее Подонье // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2007. Вып. II. С. 215–239.

Прокофьев Р. В. Салтовский горизонт поселения Подгорный Ерик I // Хазарские древности. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 66–94.

Поселения хазарского времени в дельте Волги / В. А. Сарапулкин, Д. С. Соловьёв, С. А. Котеньков, Э. Е. Кравченко // КСИА. 2022. № 268. С. 245–255.

Флеров В. С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. № 2. С. 258–265.

П. О. Сенотрусова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ ЛАДЕЙСКОГО ТИПА В ЛЕСОСТЕПНЫХ РАЙОНАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматривается ареал керамики ладейского типа периода развитого Средневековья. Кратко обозначены основные проблемы ее изучения. Отмечены основные районы распространения ладейской посуды, перечислены памятники, материал которых ранее не вводился в научный оборот. Уточнена хронологическая принадлежность ладейских материалов.

Ключевые слова: Средневековье, керамика, ладейская культура, ареал, хронология

Лесостепные районы Красноярского края в археологическом отношении изучены крайне неравномерно. Если территория Красноярска и прилегающих окрестностей исследована относительно хорошо, то о районе Ачинска есть лишь отрывочные сведения, а о средневековых материалах Канско-Рыбинской котловины не известно практически ничего. Привлечение музейных коллекций и обобщение результатов полевых исследований последних лет позволяет уточнить ареал керамики ладейского типа и ее хронологическую принадлежность.

В конце 1920-х гг. В. Г. Карцев изучает средневековые памятники Ачинской лесостепи и Красноярского района и выделяет ладейскую археологическую культуру VII–XIV вв. [1929, с. 46]. В ее ареал входили «средняя часть Красноярского и северные районы Ачинского округа». По его мнению, население в это время вело полукочевой образ жизни, ведущей отраслью хозяйства было скотоводство, важную роль играла охота на косулю. Также отмечалось наличие рыболовства и земледелия, ткачества, широко было распространено косторезное дело [Карцев, 1929, с. 47]. В. Г. Карцевым впервые были выделены отличительные черты ладейской керамики: боченковидно-криночная форма сосудов с небольшой, отогнутой наружу шейкой и отогнутым венчиком. Сосуды украшались в верхней части, в орнаменте преобладают пальцевые и ногтевые оттиски, прочерченные линии, оттиски крупной гребенки [Карцев, 1929, с. 52].

В настоящее время С. М. Фокин опровергает концепцию В. Г. Карцева. По его мнению, источников для выделения средневековых культур в регионе недостаточно, «…есть основание говорить только о наличии особого типа керамики развитого Средневековья, которая вполне заслуживает названия «ладейская» [Фокин, 2010, с. 318]. Всего к данному типу исследователем отнесено 57 сосудов из Красноярской лесостепи. Это сильно профилированные горшки со скошенным или наклоненным наружу краем венчика, в орнаментации преобладают ногтевые и пальцевые вдавления, ямки, прочерченные линии, встречаются гребенчатые и фигурные штампы. По профилю венчиков выделено три вида сосудов. Датировка керамики этого типа ограничена IX/X–XIII/XIV вв. [Фокин, 2017, с. 139].

Исследователь отмечает, что в Причулымье, Кемеровской области, Томском и Новосибирском Приобье и в Прибайкалье известны «сосуды похожей формы со сходными элементами орнамента», а главным отличием красноярской керамики является ее «изящность» [Фокин, 2017, с. 140]. Таким образом, подчеркивается своеобразие посуды, найденной в Красноярской лесостепи (преимущественно в Красноярском районе), но вопрос ее корреляции с керамикой обозначенных территорий и не ставится. Не очень понятно, как оценивать «изящество» средневековой керамики и каков собственно ареал керамики ладейского типа.

© Сенотрусова П. О., 2025

На сегодняшний день находки ладейской посуды известны на многих памятниках, расположенных в лесостепном поясе Енисейской Сибири.

Наибольшее число памятников известно в Красноярской лесостепи: среди них городища Ладейское, Ермолаевское, Пакуль, поселения Улица Каратанова, Минжуль, Усть-Собакино, Базаиха, о. Татышев, Такмак, Усть-Караульная, о. Овсянский, Караульный Бык, Сосны II, Ладейское II, стоянка Графитная, Бирюсинские пещеры и др. [Карцев, 1929, с. 52; Фокин, 2007; Мандрыка, Сенотрусова, 2019]. Материалы этих памятников в большей степени введены в научный оборот.

В Ачинском лесостепном районе большая часть ладейской керамики происходит из городища Ачинское-1. Материалы памятника частично опубликованы [Карцев, 1932; Авраменко, 1963; Циркин, 1998, с. 149], но коллекция керамики пока в полном объеме не введена в научный оборот и хранится в фондах Ачинского краеведческого музея им. Д. С. Каргаполова (колл. 1430, 3777 и др.). Также ладейская керамика известна на городище Ачинское-2, на поселениях Утинка-2, Березовское, есть случайные находки в районе д. Бирилюссы. Несколько южнее, в пределах Назаровской котловины, ладейская керамика присутствует на городище Подозерном, в районе д. Усть-Парная [Красниенко, Субботин, 2014].

Отдельные находки керамики ладейского типа известны и в Канско-Рыбинской котловине. В том числе на памятниках Медвежий Ручей-1, Зеленогорск-2, Ношино-1 (фонды Зеленогорского музейно-выставочного центра). Присутствует такая керамика на стоянке Березовка-1 [Бирюлева, Фокин, Сенотрусова, 2024, с. 106]. Самый северный ладейский горшок найден на городище Лесосибирское-1 в долине Енисея [Мандрыка, 2003, с. 91].

Керамика ладейского типа распространена широко, практически по всему лесостепному поясу Енисейской Сибири, есть ее одиночные находки и в южнотаежной зоне. С учетом музейных коллекций насчитывается не менее 200 сосудов этого типа. Неравномерное распределение находок обусловлено слабой степенью археологического изучения региона и, скорее всего, не отражает в полной мере ареал ладейской посуды. Вероятно, с вводом в научный оборот новых материалов его границы будут уточнены.

Анализ имеющихся материалов не позволяет пока говорить о каком-то принципиальном отличии посуды из Красноярского района. Напротив, ладейская керамика демонстрирует на всем ареале устойчивый набор признаков. Это сосуды закрытой формы, чаще всего профилированные. Встречаются как плоскодонные, так и круглодонные экземпляры. Выделяются горшки с высокой, средней и низкой шейкой, а также сосуды со слабовыраженной шейкой и наклонными плечиками. Преобладают скошенные и прямоугольные в сечении венчики, хотя также встречаются овальные, приостренные или отогнутые.

Орнамент преимущественно покрывает верхнюю треть сосуда, чаще всего украшен венчик и плечики сосуда, реже – шейка или тулово. В орнаментации абсолютно преобладают пальцево-ногтевые и ногтевые наколы, пальцевые защипы, встречаются прочерченные линии, насечки, ямки, крупный гребенчатый штамп, в единичных случаях отмечены разные фигурные штампы, налепной валик, «жемчужины». Изредка встречаются сосуды без орнамента. На внутренней и внешней поверхности сосудов отмечаются следы заглаживания поверхности твердым предметом, есть случаи ремонта емкостей и их последующего использования, например, в качестве скребков. В составе формовочной массы присутствует песок, дресва, в некоторых случаях также добавлен шамот.

Ладейская керамика близка посуде из Нижнего Причулымья из погребальных комплексов X–XIII вв. [Беликова, 1996, с. 132]. В целом, сосуды со срезанным краем и разреженной орнаментацией широко представлены в памятниках начала II тыс. н. э. на юге Западной Сибири. Они появляется здесь не ранее X или даже начала XI в. и используются как минимум до конца XIV в. [Водясов, 2018, с. 87].

По форме сосудов и профилю венчиков ладейская керамика сопоставляется с посудой лесосибирской археологической культуры, занимающей в развитом Средневековье преимущественно южнотаежные районы Средней Сибири. Находка ладейского сосуда на городище Лесосибирское-1, а также присутствие лесосибирских горшков на памятниках Красноярской лесостепи [Сенотрусова, Мандрыка, 2020, с. 93] позволяют синхронизировать эти материалы и говорить об их эпохальной близости. Датировка керамики ладейского типа может быть ограничена X–XIV вв. н. э.

Список источников

Авраменко Г. А. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1963. С. 105–111.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.

Бирюлева К. В., Фокин С. М., Сенотрусова П. О. Новые данные об археологических памятниках в восточной группе районов Красноярского края (по результатам работ 2021 г.) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. Вып. XII. С. 104–115.

Водясов Е. В. Городище Усть-Таган: памятник черной металлургии Верхнего Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. 1 (19). С. 84–98.

Карцев В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск: Государственный музей Приенисейского края, 1929. 68 с.

Карцев В. Г. Ачинское городище // Сборник трудов музея Причулымского края. Ачинск, 1932. Т. 1. Вып. 1. С. 45–49.

Красниенко С. В., Субботин А. В. Новые данные об оборонительных сооружениях у северных предгорий Кузнецкого Алатау // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.: ИИМК РАН, 2014. С. 440–457.

Мандрыка П. В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, Вып. 3: Археология и этнография. С. 89–91.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Многослойная стоянка Минжуль под Красноярском // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. Вып. X. С. 86–107.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Керамическая посуда лесосибирской культуры: вопросы типологии и генезиса // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 93–106.

Фокин С. М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом Средневековье красноярской лесостепи: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 23 с.

Фокин С. М. К проблеме выделения археологических культур Средневековья в Приенисейской Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 317–318.

Фокин С. М. Средневековая керамика Красноярской лесостепи // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск: ИД «Д-Принт», 2017. С. 138–143.

Циркин А. В. Очерки материальной и духовной жизни народов Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. Ч. 2. 210 с.

А. Р. Смертин, Ю. А. Подосёнова
Институт гуманитарных исследований УрО РАН,
Пермь, Россия

ЖЕЛЕЗНАЯ ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА СО СЛЕДАМИ ЛУЖЕНИЯ И ИНКРУСТАЦИИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Аннотация. Среди железной поясной гарнитуры родановской культуры выделяется группа немногочисленных высококачественных изделий с лужением и инкрустацией оловом. Поиск аналогий позволил выявить единичные похожие изделия в материалах памятников сопредельных территорий и определить период их распространения – XIII–XIV вв. Однако вопрос о происхождении подобных предметов остается открытым.

Ключевые слова: Предуралье, Средневековье, железный поясной набор, лужение, инкрустация, родановская культура

Исследование выполнено в рамках государственного задания 1240215000047-2 «Этнокультурные процессы в Евразии: археология и этнография Урала».

Детали и украшения пояса, изготовленные из железа, являются нередкими находками в материалах памятников родановской археологической культуры (кон. XI – нач. XV в.). Материалы последних лет позволили выделить среди них группу изделий, имеющих оловянное покрытие и в отдельных случаях инкрустацию полосками из оловянного сплава.

В родановской археологической культуре наиболее изученными являются изделия из поясных комплексов Плотниковского могильника (погр. 3, 118, 180). Это накладки разных форм: фигурные (розетковидные с кольцом и без него, сердцевидные), геометрические (круглые с отверстиями, прямоугольные с ажурным решетчатым орнаментом) (рис. 1, *1–19*). Все эти изделия отличаются высоким качеством изготовления. Они откованы из цементированной стали с большим количеством углерода, затем обрабатывались погружением в олово (лужением), далее проходило дополнительное декорирование отдельных изделий при помощи инкрустации оловянными полосками [Брюхова, Подосёнова, Смертин, 2023, с. 8–21].

Округлые накладки из железа с кольцом в нижней части обнаружены в материалах XIII–XIV вв. Аверинского I могильника [Голдина, Кананин, 1989, рис. 65–16, 73–21] (рис. 1, *40*).

Отдельные находки, относящиеся к элементам поясной гарнитуры, но иных форм, со следами лужения, реже инкрустации из «белого» металла, обнаружены в материалах XII–XIV вв. Рождественского городища (раскопки Н. Б. Крыласовой 2011–2019 гг.).

На сопредельных территориях находки похожих по форме изделий немногочисленны. В ареале вымской культуры Перми Вычегодской находки происходят из материалов Кокпомъягского (погр. 19, 30, 161, 171, 188, 196), Жигановского (погр. 35, 106) могильников [Савельева, 1987, с. 131–140; 2010, с. 88] и представлены накладками: фигурными розетковидными и плоскими геометрическими (прямоугольные с высеченными фигурными отверстиями и перекладинами либо безорнаментальные) (рис. 1, *20–31*). Следов лужения и инкрустации на этих изделиях не выявлено. К тому же накладки отличаются более грубой техникой исполнения, формы и обработки по сравнению с изделиями родановской культуры. Также из материалов XIII–XIV вв. Адакской пещеры на самом северо-востоке Европы известна накладка прямоугольной формы с перекладиной [Багин, 2000] (рис. 1, *39*).

Близкие аналогии обнаружены в памятниках ордынского времени (XIII–XV вв.) на Нижней Каме (Семеновское и Лаишев-

© Смертин А. Р., Подосёнова Ю. А., 2025

ское селища, Лаишевское II местонахождение). Однако на этих изделиях следов покрытия оловом и инкрустации не отмечается [Руденко, 2021, с. 138] (рис. 1, *43–49*).

С территории чепецкой культуры находки накладок фигурных (розетковидные, прямоугольные с кольцом) и геометрических (прямоугольные плоские) форм происходят из Чиргинского (погр. 2, 24), Маловенижского (погр. 26), Кузьминского (погр. 122, 153, 203) могильников (рис. 1, *32–38*). Среди всех исследованных материалов выделяется целый пояс из погр. 121 Кузьминского могильника, состоящий из колец, между которыми были горизонтально закреплены узкие прямоугольные накладки [Иванова, 1992, с. 50–52]. На некоторых из них имеются следы от покрытия металлом серого цвета. Накладки сердцевидной и округлой формы с кольцом, датированные концом XI – началом XIII в. обнаружены на р. Вятке в материалах Еманаевского II селища конца XII–XIII вв. и Никульчинского городища [Макаров, 2012, табл. 1–105, 106; рис. 9–105, 106, с. 508] (рис. 1, *41, 42*).

На основании имеющихся материалов можно сказать, что рассматриваемые поясные гарнитуры были распространены в XIII–XIV вв. Похожие, но не точные аналогии между материалами памятников родановской, вымской и чепецкой культур могут свидетельствовать о локальных особенностях в производстве этих предметов. Близкие аналогии в памятниках Вятки, Нижней Камы свидетельствуют о контактах между населением данных территорий. Традиционно находки железных элементов пояса на этих территориях связыва-

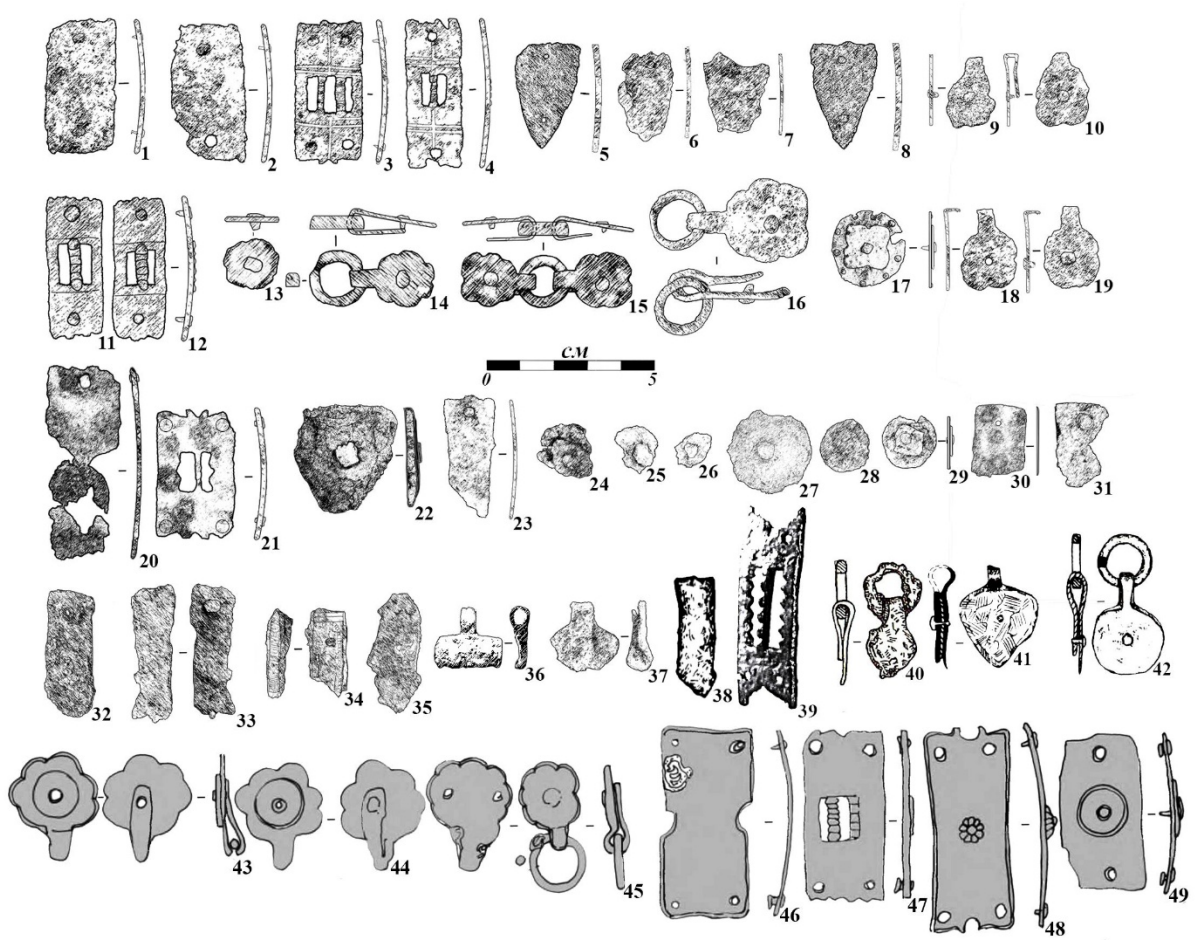

Рис. 1. Железная поясная гарнитура: *1–19* – Плотниковский могильник, погр. 180 (*1–10, 16–19*), погр. 118 (*11–15*); *20–31* – Кокпомъягский могильник, погр. 188 (*20, 21*), погр. 171 (*22*), погр. 161 (*23–26*), погр. 196 (*27*), погр. 19 (*28, 31*), погр. 30 (*30*); *32–37* – Кузьминский могильник; *38* – Маловенижский могильник, погр. 24; *39* – Адакская пещера; *40* – Аверинский I могильник; *41* – Никульчинское городище; *42* – Еманаевское селище; *43–44, 46–49* – Лаишевское селище; *45* – Семеновское селище. *1–38* – по [Иванова, 1992]; *39, 40* – по [Голдина, Каннанин, 1989]; *41, 42* – по [Макаров, 2012]; *43–49* – по [Руденко, 2001]

ются с «аскизским» импортом [Кызласов, 1983; Руденко, 2001; Белавин, Крыласова, 2008, с. 481–487], но выделенный пласт находок, имеющих своеобразный облик, не позволяет их отнести к изделиям «аскизского» круга. Возможно, их истоки лежат в русле данного импульса на использование железа как нового материала в деталях костюма, замещающего цветные и драгоценные металлы, тем более что и среди них есть изделия, покрытые «белым» металлом с инкрустацией. Стоит отметить, что данная работа только ставит проблему, но не решает ее.

Список источников

Багин А. Л. Средневековые святилища Европейского Северо-Востока VI–XIV вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000. 24 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Брюхова Н. Г., Подосёнова Ю. А., Смертин А. Р. Железная поясная гарнитура из погребений Плотниковского могильника (родановская культура, Пермский край) // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 8–21.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев р. Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 216 с.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.

Макаров Л. Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2012. С. 494–542.

Руденко К. А. О связях Волжской Булгарии и Пермского Предуралья в XIII – начале XV в. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГГПУ, 2021. Вып. XIX. С. 131–138.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

Савельева Э. А. Жигановский могильник. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 456 с.

Т. Н. Собольникова, А. В. Суркова
Музей Природы и Человека,
Ханты-Мансийск, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА БАССЕЙНА КОНДЫ

Аннотация. К настоящему времени в бассейне р. Конды известно более 100 средневековых городищ, выявленных в разные годы, в том числе авторами в 2017–2024 гг. Первоначальным этапом в осмыслении такой высокой концентрации укрепленных поселений на данной территории является картографический анализ, систематизация сведений по их ландшафтной приуроченности, топографии, культурно-хронологической принадлежности. В статье в обобщенном виде представлены результаты этих исследований.

Ключевые слова: Нижнее Прииртышье, Конда, Средневековье, городища, пространственный анализ

Кондинская низменность – одна из наиболее переувлажненных территорий лесоболотной зоны Западной Сибири. Здесь выявлено более 900 разновременных памятников. Однако в силу неравномерного характера обследования, незначительных объемов стационарных исследований, количественные показатели не перешли в качественные. До сих пор мало обобщающих публикаций, особенно это касается эпохи Средневековья. Между тем еще в конце XIX в. ученые, побывавшие на Конде, обращали внимание на большое количество укрепленных поселений – «чудских», «богатырских» городков, остяцких «осыпных городищ».

Целью исследования являлась систематизация пространственных и топографических данных по средневековым городищам бассейна Конды. Для комплексного ана-

© Собольникова Т. Н., Суркова А. В., 2025

лиза использовались сведения по 81 памятнику. По своим топографическим особенностям они подразделяются на 4 основные группы.

Первая – самая многочисленная (23 памятника), представлена площадками подквадратной формы (в среднем 15×20 м) высотой 1–2 м, окруженными по периметру рвом или валом и рвом. «Входы» фиксируются в рельефе примерно у половины городищ. На площадках в большинстве случаев (19 из 23) располагаются по 4–8 впадин. Остатки построек на прилегающем пространстве зафиксированы у 13 городищ, селища с организованной планировкой – у двух.

Хронологическая принадлежность для 18 памятников первой группы установлена по сборам керамики и датируется в диапазоне вторая половина I – начало II тыс. н. э. Раскопками исследовалось только городище Чебачья Пристань-2, время функционирования которого, судя по керамике и серии радиоуглеродных дат, укладывается в XI–XIII вв. [Собольникова, Кузина, 2018, с. 375–376].

В пространственном отношении большинство городищ первой группы локализуется на левобережье Конды. На правобережье, в верхнем ее течении, выявлено всего 4 памятника. В ландшафтном отношении они приурочены к берегам небольших рек, проток, стариц, соровых озер и располагаются на существенном удалении от Конды (от 10–25 до 50 км). Только 4 городища находятся относительно близко – в 4–6 км. В ряде случаев памятники данного типа находятся в пределах одного археологического микрорайона, иногда на близком расстоянии друг от друга (0,7–3,5 км).

Вторая группа городищ (21 памятник) представлена площадками вытянутой (прямоугольной, трапециевидной) формы, размерами в среднем 25×50 м, высотой 1–2,5 м. Самое масштабное – Большая Умытья-41, размеры его площадки составляют 52,5×67,5 м. По периметру памятники ограничены рвом или валом и рвом. «Входы» выражены в рельефе у 2/3 городищ. Сложная планировка, включающая в себя несколько площадок, встречается единично. Характерной особенностью городищ второй группы является наличие жилищных впадин (от 5 до 23), расположенных вдоль длинных сторон площадки друг напротив друга («уличная планировка»). Сооружения на прилегающей территории наблюдаются только в 8 случаях (по 1–4 впадины). Исключение – городище Шумилы-4, к которому примыкает селище с организованной планировкой из 15 однотипных построек.

По артефактам, полученным на 2/3 городищ этой группы, они датируются началом раннего Средневековья – карымским этапом Обь-Иртышской культурно-исторической общности (IV – начало VI в. н. э.) [Зыков, 2012, с. 51–53].

Все городища второй группы, кроме одного (Евра-11), локализуются на левобережье. При этом почти половина из них (10 объектов) – в одном археологическом микрорайоне, в верховьях р. Согом. Вопрос о причине концентрации на одной территории однотипных городищ пока остается открытым. Для памятников второй группы так же, как и для первой, характерно расположение на удалении от магистральной реки. Более того, многие из них приурочены к тем же археологическим микрорайонам. Иногда они располагаются попарно – на расстоянии от 0,3 до 3 км друг от друга.

Третья группа – мысовые городища (20 памятников). При выборе места для их сооружения прослеживается стремление к использованию естественного ландшафта – высоких мысов с крутыми склонами, излучин, изолированных грив. Размеры площадок в среднем 30×40 м, планировка вариативна. По сравнению с городищами первых двух групп оборонительные сооружения отличаются более масштабными параметрами; у некоторых система рвов и валов двойная. «Вход» фиксируется у 1/3 городищ. Остатки жилых сооружений (от 3 до 11 объектов) на площадках выражены в рельефе в половине случаев. Но здесь надо иметь в виду, что мысовые городища подвержены естественным разрушениям. За пределами фортификаций остатки сооружений встречаются редко. Раскопками исследовалось

5 городищ, они датированы в пределах конца I – первой половины II тыс.

Городища третьей группы относительно берегов Конды распределены равномерно: 11 на левобережье, 9 – на правобережье. Как ни странно, большее их количество выявлено в нижнем течении – в районах с более низким рельефом и меньшим количеством высоких террас. Располагаются они преимущественно вдоль Конды (особенно в нижнем течении), на расстоянии 10–30 км друг от друга. В глубинных, удаленных от Конды районах мысовые городища встречаются реже, чаще всего они приурочены к длинным изолированным гривам, выступам террас, ограниченным ложбинами и т. п. Судя по всему, данный тип городищ был широко распространен в Средневековье, однако большинство подобных памятников не сохранилось. Указания на это содержатся в материалах экспедиций XIX – начала XX в., а также в устных рассказах кондинских старожилов.

Четвертая группа средневековых городищ – холмы (17 памятников). Это площадки округлой или подовальной формы высотой до 10 м; размеры их в среднем составляют 15–25 м по верху и 35–40 м по основанию. По периметру или с нескольких сторон холмы оконтурены рвом, валом и рвом, в единичных случаях визуальных признаков фортификаций нет (3 объекта). На площадках у большинства расположены впадины (от 1 до 6), реже фиксируются только наземные площадки. На прилегающей территории остатки построек встречаются редко. Раскопками исследовалось 3 городища (все в аварийном состоянии), однако для однозначной интерпретации их конструкции и функционального назначения на данный момент нет достаточных оснований. На ряде памятников получены разновременные материалы (от неолита до Средневековья). В Новое и Новейшее время некоторые холмы являлись святилищами кондинских хантов и манси. Судя по характеру культурного слоя, совокупному анализу данных по находкам и письменным источникам (С. У. Ремезов, Г. Ф. Миллер), городища-холмы относятся к позднему Средневековью (XIII–XVI вв.).

В пределах бассейна Конды городища четвертой группы распределены равномерно: 9 – в нижнем течении, 8 – в верхнем. При этом отмечается большая приуроченность их глубинным, удаленным районам левобережья (12 из 17 объектов), характеризующимся большей заозеренностью и заболоченностью, более низким рельефом. Только 4 городка расположены вблизи Конды (в 1–3 км). По данным этнографии и устным сведениям, часть городищ этого типа, особенно те, что находились вблизи населенных пунктов, уничтожена (чернозем растаскивался на огороды) [Собольникова, Суркова, 2024].

Анализ планиграфических и пространственных данных по средневековым городищам Кондинской низменности позволяет сделать несколько выводов и предположений.

1. По сравнению с городищами раннего железного века, средневековые укрепления тяготеют к удаленным от Конды территориям. В то же время можно отметить, что в археологических микрорайонах Кондинской низменности фиксируются укрепленные поселения как раннего железного века, так и Средневековья.

2. Можно предполагать, что выделенные по внешним признакам группы памятников отражают хронологические процессы. К ранним этапам Средневековья относятся городища второй группы, к более поздним периодам – первой и третьей групп; к позднему Средневековью – четвертой группы. Следует отметить, что городища первых трех групп широко распространены в пределах региона – в Нижнем и Среднем Приобье, в Нижнем Прииртышье. Что касается городищ-холмов, пока они выявлены только в Кондинской низменности.

3. Пространственная приуроченность укрепленных поселений Конды на протяжении раннего железного века и Средневековья к определенным территориям (археологическим микрорайонам) наводит на мысль о том, что последние обладали значимыми для охотников и рыболовов

преимуществами, которые необходимо было защищать и отстаивать.

4. Количественное преимущество средневековых городищ в низовьях Конды, вероятно, отражает более сложную социально-политическую обстановку, может объясняться близостью к магистральным рекам – Иртышу и Оби.

В заключение отметим, что в настоящее время в пределах Кондинской низменности остается еще много «белых пятен». Фактически не обследованы верховья Конды – на ее водоразделе с Северной Сосьвой. Точечными разведками исследовались такие крупные притоки, как Большой Тап, Юконда, Катым, Мордьега. Также необходимо продолжить изучение глубинных районов, расположенных при верховых озерах, где выявлено несколько крупных археологических микрорайонов.

Список источников

Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Комплексные археологические исследования в Нижнем Прииртышье // Археологические открытия. 2016 год. М.: ИА РАН, 2018. С. 375–376.

Собольникова Т. Н., Суркова А. В. Городища-холмы бассейна р. Конды // VI Северный археологический конгресс. Сургут–Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. С. 354–357.

Е. Г. Сорокина, И. Н. Коробейников
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

ИЗДЕЛИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Художественная металлопластика является одним из культурообразующих элементов духовной жизни народов раннего Средневековья. Проблематике, связанной с данным материалом, посвящено значительное количество публикаций, однако остаются неизученными отдельные аспекты. В данной работе проведен анализ контекста 136 изделий художественной металлопластики как наиболее информативного источника.

Ключевые слова: художественная металлопластика, раннее Средневековье, Западная Сибирь, археологический контекст

Художественная металлопластика, как один из культурообразующих элементов духовной жизни народов раннего Средневековья, является отражением их мифологического мировоззрения. Она представляет собой бронзовые плоские и объемные изделия с антропоморфными, зооморфными и смешанными изображениями, имеющими различное функциональное назначение. Подобные материалы известны в Западной Сибири еще с XIX в., они отражены в исследованиях С. К. Кузнецова на памятнике Архиерейская Заимка, представлены случайными находками, доставленными в музеи, описаны в публикациии А. А. Спицына «Шаманские изображения» [Чиндина, 1991, с. 4]. В разные годы проблематикой художественного литья занимались такие исследователи, как Л. А. Чиндина, О. Б. Беликова, Л. М. Плетнева, Т. Н. Троицкая, В. И. Молодин, Б. А. Коников и др. Л. А. Чиндиной разработана классификация этих изображений для Томского и Нарымского Приобья, Т. Н. Троицкой представлена обобщающая характери-

© Сорокина Е. Г., Коробейников И. Н., 2025

стика материалов Новосибирского Приобья, а для Омского Прииртышья классификация была создана Б. А. Кониковым [Чиндина, 1991, с. 54–61; Троицкая, Новиков, 1998, с. 31–34; Коников, 2007, с. 132–139]. В основном работа с данными изделиями сводилась к сравнению их технологических и внешних характеристик, созданию классификаций и анализу семантики ряда образов. Актуальным остается анализ археологического контекста данных изделий, поскольку именно эта составляющая является наиболее информативным источником для определения места культового литья в системе духовной культуры рассматриваемых обществ. В данной работе представлен анализ 136 изделий художественной металлопластики из 26 археологических памятников.

Изделия художественной металлопластики выявлены на всех типах памятников: наибольшее количество изображений фиксируется в погребальных комплексах (93 экз.); 8 изделий найдены на поселениях; 22 предмета отмечены в составе кладов и на культовых местах и 13 представлены случайными находками [Боброва, Ширин, 2016, с. 13–24; Троицкая, Новиков, 1998, с. 18–21; Могильников, 1964, с. 227–231; Яковлев, 1983, с. 9–12]. География этих находок охватывает Томское, Нарымское и Новосибирское Приобье, а также Омское Прииртышье, и при общих стилистических чертах прослеживается их локальная специфика.

Найденные в погребальных комплексах изделия художественной металлопластики наиболее разнообразны. По функциональному признаку эти предметы отнесены к бляшкам, подвескам, пластинам, полым фигуркам, браслетам и пронизкам. Из 93 предметов 47 зафиксировано в погребениях, совершенных по обряду ингумации, 20 – в погребениях с кремацией, и 14 изделий были обнаружены в насыпях [Беликова, Плетнева, 1983, с. 16–18, 33–40, 83–86; Плетнева, Гаман, 2007, с. 56–62; Чиндина, 1977, с. 10–22; Могильников, Коников, 1983, с. 162–182; Троицкая, Новиков, 1998, с. 13, 18–21; Илюшина, 2009, с. 76–77; Древняя история…, 1953, с. 200]. Для остальных изображений, в силу отсутствия данных, установить контекст не представляется возможности.

Для захоронений, совершенных по обряду трупоположения, выделено три основных позиции в расположении предметов: в области шеи и груди, в районе пояса, рядом или внутри сосуда. Это связано прежде всего с их функциональным назначением. Подвески чаще всего располагались в области груди, а бляхи и пронизки – в районе пояса, поскольку могли выступать частью ременной гарнитуры. В погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, и в насыпях отмечены два положения: в скоплении предметов, а также в сосуде или под ним. Стоит отметить, что сами скопления подразделяются на два вида: группировка миниатюрных предметов (характерна, например, для ранних погребений Тимирязевского курганного могильника I) и скопление сопроводительного инвентаря стандартного размера. Из этой выборки исключены погребения, которые были разграблены или разрушены в силу иных обстоятельств.

Предметы художественной металлопластики фиксируются преимущественно в погребениях взрослых индивидуумов. Исключение составляют изделия с антропоморфными изображениями, которые универсальны практически для всех типов погребений и насыпей. Это явление можно связать с представлениями о душе и искусственно созданных для нее временных вместилищах-куклах [Зайцева, Беликова, Водясов, 2017, с. 79]. В Новосибирском Приобье подобные изделия чаще присутствуют в детских погребениях по сравнению с другими регионами, в таких захоронениях круг образов не ограничен антропоморфными изображениями [Троицкая, Новиков, 1998, с. 129–130]. Данный материал фиксируется в равной степени как в женских (11 экземпляров), так и в мужских (9 экземпляров) погребениях. Также пять изображений обнаружены в массовых захоронениях (от 2 до 4 костяков).

В погребениях, по которым получены антропологические определения, можно сказать следующее. Для женских погребений характерны орнитоморфные образы, а антропоморфные фиксируются только

в связке с орнитоморфными. Для мужских погребений преимущественно использовались образы медведей и сюжет борьбы зверей.

Таким образом, на основе анализа археологического контекста изделий художественной металлопластики, можно сделать следующие выводы. Рассматриваемые предметы чаще всего встречаются на культовых местах и в погребальных комплексах, что говорит об их исключительно религиозно-культовом значении. Для поселений это достаточно редкое явление.

Существуют определенные закономерности в расположении предметов культовой металлопластики в погребении, также выявлены различия в использовании изображений при разных способах захоронения. Схожесть применения изделий в погребениях, совершенных по обряду кремации и расположенных рядом в насыпях, может подтверждать предположение Л. А. Чиндиной о том, что скопления предметов в насыпи являются кенотафами. Таким образом, анализ контекста обнаружения изделий художественной металлопластики позволяет существенно расширить представления о погребальном обряде и попытаться приблизиться к пониманию древних верований и представлений о духовной культуре.

Список источников

Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. 240 с.

Боброва Л. Ю., Ширин Ю. В. Егозовский клад // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 13–24.

Древняя история Нижнего Приобья / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 360 с.

Зайцева О. В., Беликова О. Б., Водясов Е. В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского I курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 45 (1). С. 74–81.

Илюшина В. В. Потчевашские погребения из грунтового могильника «Викуловское кладбище» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 74–80.

Плетнева Л. М., Гаман А. Д. Элитное погребение из кургана № 12 могильника Чердашный Лог III // Теория и практика археологических исследований. 2007. № 3. С. 56–62.

Коников Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 466 с.

Могильников В. А. Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–231.

Могильников В. А., Коников Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. 184 с.

Яковлев Я. А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С. 9–31.

Е. В. Суханов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ДОНА

Аннотация. В статье излагаются предварительные итоги поиска истоков традиций создания форм кувшинов салтово-маяцкой культуры в археологических материалах Северного Кавказа. Результаты исследования свидетельствуют о том, что изготовителями этих кувшинов были гончары-переселенцы из различных районов Центрального и Восточного Кавказа, а основной группой потребителей – коллективы, переселившиеся в Подонье с территории Прикаспийского Дагестана.

Ключевые слова: керамика, салтово-маяцкая культура, Северный Кавказ, средний Дон

Керамика – одна из важных категорий находок для изучения культурных процессов в Донецко-Донском междуречье в VIII–X вв. Это обусловлено массовостью, а также технологической и морфологической неоднородностью салтово-маяцкой глиняной посуды. Такое разнообразие может объясняться как хронологическими особенностями памятников, так и неоднородным составом населения, оставившего салтово-маяцкие древности [Лопан, 2001, с. 120; Сарапулкин, 2003, с. 164, 168].

На современном этапе изучения салтово-маяцкой культуры известно, что в ее сложении приняло участие население, мигрировавшее с территории Северного Кавказа. Об этом свидетельствует прежде всего распространение в Среднем Подонье в VIII–IX вв. катакомбных могильников, которые по многим показателям близки катакомбным некрополям алан Северного Кавказа. В «досалтовское» время такие могильники были распространены на Северном Кавказе весьма широко: от бассейна р. Кубань до каспийского побережья Дагестана [Коробов, 2017, рис. 133–136]. Примечательно, что аланская культура в I тыс. н. э. не была гомогенной. Территориальная ее специфика проявляется в погребальном обряде и формах керамических сосудов [Ковалевская, 1981, с. 86; Коробов, 2017, с. 311–331].

Таким образом, широкий ареал и локальная неоднородность аланской культуры в I тыс. н. э. делают достаточно вероятной версию о том, что разнообразие салтово-маяцких гончарных традиций обусловлено участием в их формировании населения из различных районов Северного Кавказа.

Для проверки этой версии автором данной работы начато специальное сравнительное исследование керамики среднего Дона и Северного Кавказа. Основная его цель – попытаться найти территориальные истоки салтово-маяцких гончарных традиций. Задача данного текста – представить самые первые результаты этого исследования на примере форм кувшинов, которые являются самой многочисленной и морфологически разнообразной категорией посуды как в салтово-маяцких, так и в северокавказских археологических памятниках.

К настоящему времени частично собран и изучен материал из нескольких районов Северного Кавказа[44], где в I тыс. н. э. был распространен обряд захоронения в катакомбах: 1) Кисловодская котловина / Западная Кабардино-Балкария (могильники Мокрая Балка, Хабаз, суммарно 71 кувшин)[45]; 2) Северная Осетия (могильники Хазнидон, Дагом, Верхний Садон, Октябрьский, Даргавс (раннесредневековые комплексы), суммарно 16 кувшинов); 3) Прикаспийский Дагестан (могильники и поселение Верхний Чирюрт, Палассыртский и Львовские могильники, суммарно 45 кувшинов). Керамика салтово-маяцкой культуры рассматривается в этой работе как «обобщенная выборка», вклю-

© Суханов Е. В., 2025

чающая 130 кувшинов из катакомбных и ямных могильников среднего Дона (могильники Дмитриевский, Ржевский, Нижнелубянский, Ютановский, Подгоровский, Мандровский, поселение и могильник Маяцкое).

Формы кувшинов подготавливались к анализу и изучались в соответствии с методикой, предложенной А. А. Бобринским и Ю. Б. Цетлиным. Измерялись общая пропорциональность всего сосуда, а также угол наклона и пропорциональность нескольких функциональных частей кувшинов: щеки-шеи, плеча-предплечья и тулова.

Сравнение материалов салтово-маяцкой культуры и Северного Кавказа проводилось по двум группам параметров форм сосудов: более устойчивым и менее устойчивым. Такое разделение было недавно выявлено по этнографическим и экспериментальным данным [Суханов, 2024а; 2024б]. Более устойчивые навыки создания форм отражены в углах наклона тулова и плеча-предплечья, а также общей пропорциональности всего сосуда. К менее устойчивым навыкам относится придание формы верхней части изделия – щеки-шеи, а также пропорциональность плеча-предплечья и тулова.

Сравнение *по менее устойчивым* параметрам форм по методике Д. Я. Телегина / Ю. Б. Цетлина [Цетлин, 2004] показало, что кувшины салтово-маяцкой культуры обладают наибольшим сходством с материалами из Прикаспийского Дагестана. Сходство по углу наклона щеки-шеи, пропорциональности щеки-шеи, пропорциональности плеча-предплечья и пропорциональности тулова составляет 78,3 %, 66,5 %, 77,2 % и 78,7 % соответственно. Сходство между салтовскими и кисловодскими кувшинами по этому списку параметров составляет 60,1 %, 63,0 %, 42,5 % и 22,5 %; между салтовскими и североосетинскими – 72,7 %, 51,8 %, 53,5 % и 46,4 %.

Результаты дискриминантного анализа по менее устойчивым параметрам (компьютерная программа Statistica) показали, что среди всех сравниваемых групп наибольшее сходство имеют кувшины салтово-маяцкой культуры и Прикаспийского Дагестана – 0,657 по расстоянию Махаланобиса[46]; наименьшее сходство по этой же метрике отмечено в парах Салтово – Кисловодская котловина и Кисловодская котловина – Прикаспийский Дагестан – 9,19 и 10,26 соответственно.

Таким образом, на уровне менее устойчивых навыков создания форм кувшины салтово-маяцкой культуры имеют сильное сходство с материалами Прикаспийского Дагестана и слабое сходство с материалами Кисловодской котловины и Северной Осетии.

Сравнение материалов салтово-маяцкой культуры и Северного Кавказа *по более устойчивым* навыкам создания форм дало следующие результаты. Сходство салтово-маяцких кувшинов с кисловодскими по общей пропорциональности всего сосуда, углу наклона тулова и плеча-предплечья составляет 54,8 %, 84,4 % и 52,5 % соответственно; с североосетинскими – 67,8 %, 67,3 % и 68,7 %; с дагестанскими – 80,4 %, 47,8 % и 78,0 %. Таким образом, на уровне более устойчивых навыков кувшины салтово-маяцкой культуры обладают высоким сходством с разными районами: по общей пропорциональности с Прикаспийским Дагестаном и Северной Осетией, по углу наклона плеча-предплечья с Кисловодской котловиной и по углу наклона тулова с Прикаспийским Дагестаном и Северной Осетией. Похожие результаты дал дискриминантный анализ. Кувшины салтово-маяцкой культуры имеют примерно одинаковые показатели расстояния Махала-

[44] Это не весь доступный для изучения данной темы материал. В статье описываются предметы, которые обработаны автором ко времени подготовки данного текста.

[45] Поскольку эта группа примерно на 95 % состоит из материалов могильника Мокрая Балка, далее по тексту мы будем называть её «Кисловодская котловина».

[46] В этой метрике чем ближе показатель к 0, тем выше сходство между группами.

нобиса по отношению ко всем группам Северного Кавказа: 1,81 от Кисловодской котловины, 1,86 от Северной Осетии и 2,21 от Прикаспийского Дагестана. При этом расстояние между разными группами Северного Кавказа больше: например, между Кисловодской котловиной и Прикаспийским Дагестаном оно составляет 4,30, т. е. два этих региона существенно отличались друг от друга по традиционным формам кувшинов.

Полученные к настоящему времени результаты свидетельствуют о том, что среди салтово-маяцких гончаров, делавших кувшины, скорее всего, были переселенцы из всех рассмотренных районов Северного Кавказа: Кисловодской котловины, Северной Осетии и Прикаспийского Дагестана. На это указывает тот факт, что по самым устойчивым навыкам труда в салтово-маяцких формах прослеживается вклад гончарных традиций каждого из трех указанных районов. При этом важно, что по менее устойчивым навыкам салтово-маяцкие кувшины показали выраженное сходство с материалами лишь одного района Северного Кавказа – с Прикаспийским Дагестаном. Такого высокого сходства нет ни с Кисловодской котловиной, ни с Северной Осетией. Эти данные могут свидетельствовать о том, что основной группой потребителей, для которых предназначались салтовские кувшины, были переселенцы из восточных районов Северного Кавказа. Этот вывод подкрепляется данными палеоантропологии, в соответствии с которыми индивиды из катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры обладают наибольшим краниологическим сходством с людьми, похороненными в катакомбных некрополях Восточного Кавказа: Дегва, Узун-Тала, Дуба-Юрт [Березина, Бужилова, Решетова, 2012, рис. 1].

Таким образом, получены новые данные о происхождении некоторых форм столовой посуды, использовавшейся населением салтово-маяцкой археологической культуры. В будущем для изучения этого вопроса будут привлечены материалы из других районов Северного Кавказа.

Список источников

Березина Н. Я., Бужилова А. П., Решетова И. К. Новые краниологические материалы к вопросу об антропологическом субстрате средневековых алан // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2012. №. 4. С. 18–36.

Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–90.

Коробов Д. С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Том 1. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 384 с.

Лопан О. В. Новые данные о керамике Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок. М: ИА РАН, 2001. С. 105–121.

Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: дис. … канд. ист. наук. Липецк, 2003. 285 с.

Суханов Е. В. Новые данные об устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов // РА. 2024а. № 2. С. 195–211.

Суханов Е. В. Новые эксперименты по изучению устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов // Вестник «История керамики». М.: ИА РАН, 2024б. Вып. 6. С. 133–156.

Цетлин Ю. Б. Локальные особенности периодизации культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (проблемы методики) // РА. 2004. №. 4. С. 8–23.

Л. Р. Халимуллина
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА НИЖНЕЙ КАМЕ

Аннотация. Приведены результаты ГИС-анализа памятников именьковской культуры (IV–VII вв.) для ее северо-восточного ареала на нижней Каме. Результаты проведенного исследования демонстрируют расположение памятников микрорайонами, включающими в себя небольшие группы памятников.
Ключевые слова: нижняя Кама, именьковская культура, система расселения, ГИС-анализ

На сегодняшний день в Среднем Поволжье известно более 700 памятников именьковской культуры, датирующихся IV–VII вв.

К вопросам расселения именьковского населения исследователи обращались не раз. П. Н. Старостин отмечал расположение памятников так называемыми гнездами – группами поселений, состоящих из 1–2 городищ и нескольких селищ [1967, с. 10–17]. В дальнейшем исследователи использовали этот термин для обозначения групп именьковских памятников. Позднее были выделены два типа «гнезд» [Вязов, 2011, с. 77].

В данной работе речь идет о микрорегионе памятников, расположенных на р. Каме: от группы объектов у с. Именьково на западе и до Старопальчиковского городища на востоке. Это 14 городищ, 56 селищ и 12 местонахождений (последние учитывались при анализе).

Работы здесь проводились в 1950-х гг. под руководством Н. Ф. Калинина [Старостин, 1967, с. 4, 6], в 1980-е гг. В. Н. Марковым[47], в 2012–2020-е гг. А. А. Чижевским [Оборонительные…, 2019, с. 128–146] и др.

Цель работы заключается в применении методов ГИС-анализа для выявления особенностей расселения именьковского населения на примере одной группы памятников, расположенной в бассейне нижнего течения р. Камы. Геоинформационной основой анализа послужила цифровая модель рельефа (FABDEM) с разрешением 25 м, а также оцифрованная карта Среднего Поволжья 1946 г., топографические материалы из отчетов о проведении полевых исследований (Научно-отраслевой архив РАН), опубликованные материалы. Работа проводилась на базе программного обеспечения Esri ArcGIS.

В соответствии с задачами работа состояла из сбора и уточнения сведений о памятниках по архивно-библиографическим данным, анализа плотности распределения памятников (kernel density), расчета оптимальных путей по пересеченной местности между памятниками, а также от памятников к водным источникам (векторный слой р. Камы и ее притоков на 1946 г.). Анализ видимости проводился с ограничением степени обзора 11 и 30 км. Проводилось моделирование потенциальных ресурсных зон (site catchment analysis) и их морфометрической приуроченности (включало в себя расчет долей склоновых и экспозиционных уклонов).

Анализ плотности распространения памятников продемонстрировал 4 типа группирования объектов (от наибольшей к наименьшей концентрации, т. е. единичные памятники).

Моделирование кратчайших путей от каждого памятника до ближайшего источника воды демонстрирует наличие у 61 из 70 памятников доступа к рекам на расстоянии менее 1 км, из них 53 памятника расположены на расстоянии до 600 м. У 8 памятников реки доступны на расстоянии 1–2 км, у одного селища (Суворовское) – 2,5 км.

© Халимуллина Л. Р., 2025
[47] Марков В. Н. Отчет об археологических исследованиях государственного музея ТАССР в 1981 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-I. № 8412. 77 л.

Анализ зон видимости с установленным ограничением 30 км демонстрирует цепочку взаимной видимости: Светло-Ключинское городище – Секинесьское I городище – Русскосарсазское городище – Тарасова Пристань. Остальные памятники, расположенные к западу от этой группы, не имеют взаимной видимости. Исключением являются Именьковское I и II городища, которые имеют схожие зоны видимости и просматриваются друг с друга. Результат анализа зон видимости с ограничением 11 км демонстрирует визуальный контакт только между Именьковским I и II городищами. Анализ зон видимости городищ показал, что большинство памятников обладают стратегическим обзором на долины рек. Взаимно просматриваемы Именьковское I и II и Русскосарсазское городища. В зону видимости входят селища, примыкающие к городищам Именьковское I и II, Старопальчиковское и Кашанская Шишка.

Оптимальное расстояние между памятниками, составляющими одну группу на основе анализа плотности, варьируется от 25 м до 12 км. При сопоставлении всех полученных результатов можно выделить 8 микрорайонов хозяйственного освоения территории, которые, в свою очередь, разделяются на группы.

Схожие черты есть для всех микрорайонов поселений – это расположение поселений в местах, где вся округа поселения (1–3 селища или 1 городище и 1–3 селища, в одном случае 2 городища и 3 селища) ограничена реками и их притоками, что уменьшает площадь хозяйственной округи на каждую группу памятников, на периферии группы располагаются поселения с наибольшей округой. Близкое расположение к источникам воды в виде рек (87 % менее 1 км) также характерная черта рассматриваемых памятников.

Микрорайоны, состоящие только из селищ, расположены исключительно на левой стороне Камы, это 73 % от всего количества неукрепленных поселений. Оставшиеся 27 % процентов селищ правого берега Камы концентрируются в западной части рассматриваемого региона. Самый восточный микрорайон памятников, включающий в себя неукрепленные поселения, – Троицко-Урайский комплекс памятников, отличающийся от всех объектов рассматриваемого региона. Этот комплекс, один из немногих именьковских, исследованных раскопками в Прикамье, давший значительный материал [Оборонительные…, 2019, с. 128–145], должен быть рассмотрен отдельно.

Распространение округи поселенческих памятников как бы «в рамках» рек может объясняться системой хозяйства именьковского населения. Л. А. Вязов описывал систему ведения хозяйства именьковского населения в виде подсечно-огневого земледелия с элементами перелога [Между подсекой..., 2020, с. 143–149]. Согласно этнографическому описанию ведения подсечного земледелия, для успешного выбора нови необходимо соблюсти несколько условий. Территория под подсеку должна быть открыта для солнечной радиации и циркуляции воздуха, иметь склон, для этого чаще всего использовались мысы, участок берега, где река делает крутой поворот, образуя полуостров, острый выступ, вклинившийся в реку или озеро. Почвенные условия чаще всего не имели особого значения при выборе места подсеки, однако важную роль играли породы деревьев леса. Так, наиболее качественным был лес с твердыми породами деревьев, смешанный лес (ельники, березняки и др.). Выбор наиболее удобного участка отвечал потребностям семьи и ее производительной мощности [Петров, 1968, с. 67–83]. Памятники занимают участки земли с преобладанием серой лесной иногда черноземной почвы на территории смешанных лесов (широколиственно-хвойные, кленово-липово-дубовые, хвойно-еловые). [Ландшафты…, 2007, с. 128, 188, 264].

Расположение поселенческих памятников в районе левобережья Камы, где большинство рек меандрируют при впадении, кажется логичным для ведения подсечно-огневого земледелия, поскольку удовлетворяет его условиям. Соответственно, пашенная округа именьковского поселения занимает не 1–1,5 км радиальной террито-

рии вокруг него, но участки мысов в пешей доступности (около часа пути ≈5 км).

Согласно результатам расчетов, от 77 до 86 % участков сельскохозяйственной округи занято плоскими участками поверхности, от 6 до 15 % слабонаклонными, от 4,1 до 5,5 % пологими. Это значит, что от 4,1 до 20 % участков сельскохозяйственной округи удовлетворяют требованию наличия склона для устройства подсеки. А преобладание северных участков объясняется расположением 63 % укрепленных и неукрепленных поселений на левом берегу Камы, в местах, где преобладает северная инсоляция [Ландшафты…, 2007, с. 124].

Распространение памятников неразрывно связано со стратегией хозяйственного использования территорий. Полученные в результате анализа данные демонстрируют, что расположение именьковских поселений на ограниченной территории на меандрирующих участках рек объясняется ведением подсечно-огневого земледелия. А расположение памятников группами в пределах микрорайонов свидетельствует о степени хозяйственного освоения территории. Стоит отметить гипотетичность полученных результатов, нуждающихся в проверке инвазивными и неинвазивными методами. Полученные результаты анализа зон видимости свидетельствуют о важности визуального контроля реки для именьковского населения, однако на данный момент невозможно судить о визуальной коммуникации между городищами.

Список источников

Вязов Л. А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н. э. (по материалам именьковской культуры): автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2011. 21 с.

Ландшафты Республики Татарстан: региональный ландшафтно-экологический анализ / О. П. Ермолаев и др. Казань: Слово, 2007. 410 с.

Между подсекой и пахотой: применение рыхлящих орудий в исторических системах земледелия Восточной Европы и его следы в почве / Л. А. Вязов, Е. В. Пономаренко, Е. Н. Ершов, Ю. А. Салова // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. VI. С. 143–149.

Оборонительные сооружения и палеоландшафт Троицко-Урайского I городища / А. А. Чижевский, Е. В. Пономаренко, Л. А. Вязов, А. А. Хисяметдинова, М. С. Блинников // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 128–146.

Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка, 1968. 228 с.

Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. М.: Наука, 1967. 95 с. (САИ, Вып. Д1–32).

Р. М. Харитонов[1], В. Ю. Мясников[2], И. Е. Воробей[3], А. Ю. Федорченко[4]
[1,2,4] Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[1] Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН,
Магадан, Россия
[3] Магаданский областной краеведческий музей,
Магадан, Россия

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УЗКОПЛАСТИНЧАТЫХ ЛАМЕЛЛЯРНЫХ ШЛЕМОВ У НАСЕЛЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

Аннотация. Представлена попытка определения генезиса узкопластинчатых ламеллярных шлемов населения крайнего Северо-Востока Азии. Установлено их сходство с наголовьями населения Приамурья и Приморья (IX–XI вв.). Предложены три основных гипотезы о направлении распространения конструкции: от раннесредневековых чжурчжэней, от позднесредневековых тунгусо-маньчжурских групп и нивхов и с территории Якутии.

Ключевые слова: шлем, защитное вооружение, доспех, Северо-Восток Азии, чукчи, коряки, маньчжуры, чжурчжэни

Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 22-18-00319-П «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии».

Вопрос происхождения и распространения комплекса защитного вооружения народов крайнего Северо-Востока Азии неоднократно становился предметом научного анализа. Согласно А. К. Нефёдкину, во второй четверти XVIII в. на данной территории получают распространение железные доспехи, при этом сохраняется традиционная ламеллярная конструкция панциря [2017, с. 66–67].

Генезис систем бронирования у народов региона детально рассматривался В. В. Антроповой и А. К. Нефёдкиным. К основным гипотезам происхождения доспехов следует отнести распространение из Японии (В. Хаг, Ф. Ратцель, японское влияние допускал В. Г. Богораз), влияние народов Восточной Сибири и Центральной Азии (Л. И. Шренк, Б. Лауфер, Г. Коллинз, В. В. Антропова, Б. Тордеман, Р. Робинсон, П. Паульзен, В. Е. Медведев), а также автохтонное происхождение (С. И. Руденко) [Антропова, 1957, с. 215–220; Нефёдкин, 2017, с. 95–100]. Детальный анализ отдельных элементов доспеха и его конструктивных особенностей позволяет уточнить возможные пути их распространения и эволюции. Особый интерес представляют железные боевые наголовья коряков и чукчей, которые часто фигурируют в исследовательской литературе [Богораз, 1991, с. 97–101; Антропова, 1957, с. 110–113; Нефёдкин, 2017, с. 104–107].

У чукчей и коряков зафиксировано несколько разновидностей шлемов [Нефёдкин, 2017, с. 107–108], наиболее распространенными среди которых были ламеллярные узкопластинчатые наголовья с конической или сфероконической тульей и «наушниками». Подавляющее большинство сохранившихся экземпляров изготовлены из железа, что затрудняет реконструкцию эволюции шлемов из иных материалов. Исследователи допускают, что население крайнего Северо-Востока Азии, могло быть знакомо с железными доспехами еще до прихода русских, однако массовое их распространение начинается лишь с XVIII в. [Антропова, 1957, с. 220; Нефёдкин, 2017, с. 144].

В изучении специфики ламеллярных узкопластинчатых шлемов населения крайнего Северо-Востока Азии наблюдается однообразие конструктивных элементов, применяемых для формирования тульи, за редкими исключениями. Эти элементы представлены изогнутыми (по форме тульи) подтрапециевидными железными

© Харитонов Р. М., Мясников В. Ю., Воробей И. Е., Федорченко А. Ю., 2025

пластинами с прямыми сторонами. Вдоль краев располагались отверстия, чаще всего сгруппированные попарно. Хотя количество рядов и отверстий могло варьироваться, принцип соединения оставался неизменным.

Ламеллярные узкопластинчатые шлемы были широко распространены в Центральной Азии в первом тысячелетии новой эры [Бобров, Худяков, 2008, с. 453]. В результате сложных историко-культурных процессов схожие наголовья распространились от сяньбийцев на территорию Корейского полуострова, Приморья и Приамурья. Наиболее близкие к корякским и чукотским образцы обнаружены в средневековых памятниках чжурчжэней и родственных им племен IX–XI вв. (Корсаковский и Рощинский могильники) [Бобров, Худяков, 2003, с. 108–111]. Эти пластины имеют больше сгруппированных отверстий и несколько меньшие размеры, однако морфологическое сходство с пластинами, применяемыми населением крайнего Северо-Востока Азии, очевидно. Это подтверждает связь корякских и чукотских железных шлемов с более ранней центральноазиатской оружейной традицией.

Время появления ламеллярных узкопластинчатых шлемов у населения крайнего Северо-Востока Азии остается дискуссионным. Большинство сохранившихся изделий изготовлены из металла и, по мнению специалистов, датируются XVIII в. Предполагается, что более ранние образцы должны были являться конструктивно схожими, но изготавливаться из доступных природных материалов, таких как рог и кость. Однако в контексте археологических комплексов выявление пластин шлема относительно иных частей доспеха весьма затруднено.

Согласно А. К. Нефёдкину, самые ранние свидетельства использования пластинчатого доспеха (из рога оленя) связаны с населением древнеберингоморской культуры и датируются V–VI вв. Более сложная система плетения фиксируется в Пунукский период (IX–XV вв.), что свидетельствует о наличии ламеллярных панцирей уже у предков эскимосов [2017, с. 99].

Появление узкопластинчатых ламеллярных шлемов у населения крайнего Северо-Востока Азии, вероятно, произошло несколько позднее, чем распространение ламеллярного доспеха в целом. Однако этот вопрос остается открытым из-за недостатка археологических данных. На данный момент можно выделить три основные гипотезы о времени и направлениях проникновения этой конструкции в регион.

Первая гипотеза связывает происхождение узкопластинчатых шлемов с находками из Приморья и Приамурья IX–XI вв. Конструктивно эти металлические изделия наиболее близки к шлемам коряков и чукчей, что позволяет предположить их распространение через контакты с тунгусо-маньчжурскими народами Северо-Востока Азии. Хронологический разрыв (XII–XVI вв.) между ранними образцами и более поздними находками может объясняться тем, что первоначально в регионе использовались аналогичные конструкции, изготовленные из органических материалов, а к железу производство вернулось лишь в XVII–XVIII вв. Также не исключено, что железные доспехи из-за своей высокой ценности передавались по наследству и использовались на протяжении нескольких поколений.

Вторая гипотеза основана на данных Л. И. Шренка о гилякском шлеме, а также находке на р. Кук-ваям ламеллярной пластины, имеющей продольное штампованное ребро – характерную черту центральноазиатского оружейного производства [Бобров, Худяков, 2008, с. 417–419]. По данным Л. И. Шренка, сами гиляки считали, что железные ламеллярные доспехи попали к ним из Маньчжурии [1899, с. 259, 260]. Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков на основе этих данных сделали вывод о том, что «наследники» шлемов «корсаковского типа» могли использоваться гиляками и североманьчжурскими воинами вплоть до конца XVII в. [2003, с. 154]. Это позволяет предположить, что при начале производства панцирей из железа по эталонам из кости и рога металлические узкопластинчатые ламеллярные шлемы могли попасть уже в готовом виде к корякам

и чукчам в позднее Средневековье через нивхов и тунгусо-маньчжуров.

Третья гипотеза предполагает связь с Якутией. Данный вывод основан на конструкции пластин корякских и чукотских железных панцирей: все выявленные образцы оснащены тремя рядами отверстий. Согласно опубликованным данным, чжурчжэни и маньчжуры в основном использовали пластины без центрального ряда отверстий. Напротив, подобные трехрядные пластины характерны для оружейных традиций Центральной Азии со времен раннего железного века до позднего Средневековья, а на территории Якутии они фиксируются уже в первом тысячелетии. Это позволяет рассматривать Якутию как еще один возможный канал распространения технологии.

Таким образом, анализ происхождения узкопластинчатых ламеллярных шлемов у коряков и чукчей вновь подчеркивает значимость изучения комплекса защитного вооружения населения крайнего Северо-Востока Азии. Представленные гипотезы уточняют существующие точки зрения, однако их окончательное подтверждение требует дальнейших исследований и расширения источниковой базы.

Список источников

Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Вып. II. С. 99–245.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и раннего Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 66–212.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 222 с.

Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей. Первая иллюстрированная энциклопедия. М.: Яуза, 2017. 496 с.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883–1903. Т. 2: Этнографическая часть. Первая половина, Главные условия и явления внешнего быта. 1899. 314 с.

Е. Г. Шалахов
Замок Шереметева,
Юрино, Россия

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ НОСИТЕЛЕЙ АСКИЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АРЕАЛЕ ДРЕВНЕМАРИЙСКИХ ПЛЕМЕН В X–XI ВВ.

Аннотация. Аскизская культура, выделенная Л. Р. Кызласовым, оказала существенное влияние не только на синхронные культуры Южной Сибири. Носители ее с XI в. начинают селиться на территории Восточной Европы. Это подтверждает эпиграфический памятник – камень с древнехакасской руникой, найденный в Марийском Поволжье. Присутствие аскизских федератов булгарских правителей между Волгой и Ветлугой иллюстрирует и материал, собранный А. Х. Халиковым в культурном слое Юринского селища.

Ключевые слова: Волжская Булгария, древнетюркская культура, песчаник, руническая надпись, селище, Хакасия

Вопрос о присутствии в Волго-Ветлужском междуречье небольшой группы древнетюркского населения, мигрировавшей в лесную зону Восточной Европы

© Шалахов Е. Г., 2025

из Южной Сибири в раннем Средневековье, рассматривается автором настоящей статьи в связи со случайным обнаружением в прошлом веке в рабочем поселке Юрино Марийской АССР камня с руническ ой надписью [Давлетшин, 2022, с. 597, рис. 9]. Находка 1958 г. приобретена у местных жителей начальником Марийской археологической экспедиции А. Х. Халиковым и доставлена для изучения и дальнейшего использования в качестве экспоната в г. Казань.

Вполне исчерпывающее внешнее описание находки приводится в ряде печатных работ советских и российских исследователей: «Камень – отсечение, видимо, от почти круглого бруска имеет форму неправильного овала размером 11×12 см, толщина неровная около 1 см. Песчаник, не очень твердый. Надпись из 8 знаков имеется лишь на одной, более ровной стороне» [Тенишев, 1971, с. 21; Акшиков, 2012, с. 54].

Знаток и исследователь древнетюркской письменности Э. Р. Тенишев, который ввел эпиграфический памятник эпохи раннего Средневековья в научный оборот, считал, что текст, процарапанный на плитке песчаника, «напоминает афоризм, крылатое слово – крупицу мудрости, достойную увековечения на камне» [1971, с. 23]. Публикация Э. Р. Тенишева до сих пор является одной из самых цитируемых среди прочих печатных трудов известного тюрколога [Дыбо, Шеймович, 2021, с. 22]. Добавлю, что Э. Р. Тенишев датировал находку X–XI вв. [Давлетшин, 2022, с. 597].

Другой ученый-тюрколог Х. Р. Курбатов перевел древнюю руническую надпись на плитке песчаника, происходящей из Юрина, на русский язык так: «Против насилия – мой камень» [1990, с. 15].

Долгое время случайная археологическая находка хранилась в фондах Музея национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань» (до 2014 г.). Сотрудник научно-методического отдела НКЦ Ф. А. Ахметгалин полагал, что камень из Юрина следует относить к категории межевых знаков.

С научной точки зрения, отнесение камня с руникой из Юрина к категории пограничных или межевых знаков вполне приемлемо. Подобные объекты известны у многих народов и в разных культурах [Дубовская, 2021, с. 81; Измайлов, 2022, с. 148].

Заслуживает внимания позиция авторитетных исследователей, которые считают, что западная граница Волжской Булгарии (по крайней мере, граница метрополии) проходила гораздо восточнее раннесредневекового Юринского селища – по р. Свияга [Руденко, 2013, с. 20; Халиков, 2015, с. 132].

Юринское селище, известное с 1958 г. благодаря рекогносцировочным работам А. Х. Халикова [Архипов, Никитина, 1993, с. 36], в XI в. могло иметь статус внешней колонии Булгарского государства, в которой жили люди, освоившие графический навык и стиль енисейского письма. Утверждать, что это были именно переселенцы из Южной Сибири, т. е. основного ареала памятников аскизской культуры, пока сложно, но есть опубликованные результаты археологических изысканий в Волго-Камье [Кызласов, 2018, с. 238; Руденко, 2021, с. 28–29; Руденко, Казаков, 2015, с. 269–270], которые могут подтвердить мысли автора настоящей статьи.

Вероятно, в Волго-Ветлужском междуречье существовал и булгарский пограничный форпост с гарнизоном, в составе которого были аскизские воины-всадники, «обосновавшиеся в Восточной Европе южносибирские федераты» [Кызласов, 2018, с. 234], нанятые на службу эльтеберами-эмирами Волжской Булгарии. Косвенным подтверждением данной гипотезы может служить находка железного наконечника стрелы, сделанная А. Х. Халиковым в 1958 г. при изучении культурного слоя Юринского селища. Исследователь поселенческого памятника датировал предмет вооружения концом I тыс. н. э. [Архипов, Никитина, 1993, с. 36].

С появлением в западных районах Среднего Поволжья древнехакасских воинов-профессионалов благополучно разрешилась проблема внешних угроз у местных финноязычных племен, входивших

в сферу влияния Волжской Булгарии [Акилбаев, 2019, с. 71; Халиков, 2015, с. 132]. Например, начиная со II тыс. н. э. перестают функционировать многие древнемарийские городища, а в погребальном инвентаре древнемарийских могильников XI в. становится гораздо меньше предметов вооружения [Акилбаев, 2022, с. 80].

На мой взгляд, было бы логично указать и на то, что камень из Юрина маркирует хронологический период (первая половина XI в.), когда «привлекаемую к воинской службе древнехакасскую аристократию местные правители осознанно поселяли в своих владениях, предоставляя ей определенные земли» [Кызласов, 2018, с. 234].

Из всего сказанного следует, что рассматриваемый камень с руникой енисейского происхождения мог одновременно быть и пограничным, и межевым знаком.

Таким образом, древнетюркские руны, изученные на найденном в Юрино камне, следует рассматривать как прямое эпиграфическое свидетельство присутствия носителей аскизской культуры в лесной зоне Восточной Европы и как самый западный на Евразийском континенте пункт распространения енисейского письма. Ранее самым западным пунктом древнехакасской разновидности рунического письма считалась долина р. Илек в Актюбинской области (Казахстан). Речь идет о находке металлического зеркала с процарапанной надписью, сделанной «почти на Южном Урале» [Кызласов, 2021, с. 58].

В заключение отмечу немаловажный факт: мастера-строители аскизской культуры активно использовали песчаник (напомню, что руническая надпись на юринском камне выполнена именно на нем) в своей деятельности. Видный исследователь древнехакасских памятников И. Л. Кызласов пишет об одной из построек Уйбатского города: «Из других монументальных сооружений города раскопано небольшое прямоугольное здание (16×20 м) административного назначения. Занимавший все внутреннее пространство здания зал (13×17 м) имел 10 массивных (диаметром до 0,5 м) деревянных колонн, стоявших квадратом. <…> Каждая из колонн опиралась на вмазанную заподлицо с глинобитным полом базу – *песчаниковую плиту* (курсив мой. – Е. Ш.), имевшую разметку для установки колонн» [Кызласов, 1981, с. 203].

Список источников

Акилбаев А. В. Торговля в Марийском крае в раннее Средневековье // Марийский архивный ежегодник. 2019. № 1 (19). С. 68–72.

Акилбаев А. В. Древнемарийские городища // Регионы России в военной истории страны. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 2022. Вып. IV. С. 76–80.

Акшиков А. Г. Новая расшифровка рунической надписи на камне, обнаруженном в п. Юрино Марийской АССР в 1958 году // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 54–58.

Архипов Г. А., Никитина Т. Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1993. Вып. 2: Ранний железный век и Средневековье. 152 с.

Давлетшин Г. М. Духовная культура болгарского населения в материалах археологии // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. 5: Средние века (VIII – начало XIII в.). С. 593–599.

Дубовская В. Н. Межевой камень (кудурру) царя Мелишиху // Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести. Минск: Изд-во Белорусс. гос. ун-та, 2021. С. 80–86.

Дыбо А. В., Шеймович А. В. Памяти Эдхяма Рахимовича Тенишева (1921–2004) // Российская тюркология. 2021. № 1–2 (30–31). С. 5–29.

Измайлов И. Л. Знаки-тамги как символы булгарской государственности X – первой трети XIII века // Археология евразийских степей. 2022. № 1. С. 148–159.

Курбатов Х. Р. Утилитарные и поэтические типы речи // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань: Изд-во ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. С. 13–18.

Кызласов И. Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 200–207.

Кызласов И. Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII веках. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 228–250.

Кызласов И. Л. Рунические письмена Сибири. Рассказы археолога. М.; Абакан: Хак. кн. изд-во, 2021. 152 с.

Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 19–41.

Руденко К. А. Средневековые аскизские материалы и их реплики на Великом Сибирском пути от Енисея и до Волги // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Абакан: Изд-во ХакНИИЯЛИ, 2021. С. 27–30.

Руденко К. А., Казаков Е. П. К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и булгарского улуса Золотой Орды // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 266–273.

Тенишев Э. Р. Камень с рунической надписью из Юрьева (Марийская АССР) // Лингвистический сборник (посв. В. В. Решетову). Ташкент, 1971. С. 21–23.

Халиков Н. А. Татарско-марийские взаимовлияния в традиционной материальной культуре // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 132–136.

О. В. Яншина
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

ЭКВЕНСКИЙ МОГИЛЬНИК: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ

Аннотация. Эквенский могильник традиционно относят к древнеберингоморской культуре, однако недавний анализ показал, что его керамическая посуда принадлежит к более поздней бирниркской традиции. Это не только вносит новые нюансы в понимание материалов памятника, но и открывает новые перспективы для изучения проблемы формирования древнеберингоморской и бирниркской культур, их происхождения и связей.

Ключевые слова: Чукотка, Эквенский могильник, неоэскимосы

Эквенский могильник расположен на крайнем северо-восточном побережье Чукотки, датируется в интервале V–XV вв. н. э. и представляет культуру неоэскимосов. Одной из главных проблем в его изучении является его культурная принадлежность. На основании анализа гарпунных наконечников и орнамента на костяных изделиях, его традиционно относят к древнеберингоморской культуре (далее – ДБК). Исследователи отмечают присутствие в его материалах элементов, характерных для иных культурных групп неоэскимосов – бирниркцев и пунукцев, что плохо согласуется с представлениями о более поздней хронологии последних [Арутюнов, Сергеев 1975; Бронштейн 1986; Днепровский, 2001].

Проведенный недавно анализ керамической коллекции памятника еще больше усложнил эту ситуацию. Он свидетельствует о том, что в материалах могильника представлена только керамика бирниркского типа, с характерными для нее круговыми и дугообразными оттисками на стенках, причем найдена она в одних погребениях с типично ДБК орнаментами и гарпунами [Яншина, 2022; 2023]. Эта особенность привлекает внимание с самых различных точек зрения.

Во-первых, она существенно отличает Эквенский могильник от иных опорных памятников ДБК, расположенных на Аляске, прежде всего на о. Св. Лаврентия, т. к. для них была характерна посуда, сохраняющая более древние традиции палеоэскимосского гончарства культур нортон и чорис, в том числе линейные, шнуровые и «клетчатые» оттиски на сосудах.

К сожалению, археология Чукотки не позволяет пока понять, присуща ли эта особенность только Эквенскому могильнику или неоэскимосским комплексам Чукотки вообще, но и полученных выводов достаточно, чтобы поставить перед исследователями целый ряд вопросов – о причинах выявленных различий и о необходимо-

© Яншина О. В., 2025

сти поиска на Чукотке комплексов с классической ДБК-керамикой.

С одной стороны, упоминания о находках на Чукотке керамики, типичной для культур чорис и нортон, в литературе есть. С другой стороны, обстоятельства ее обнаружения, точный облик и полная характеристика комплексов, с которыми она связана, неизвестны, и мы не можем очертить их круг. К тому же близкая по облику керамика – с линейными, шнуровыми и «клетчатыми» оттисками на сосудах – была широко распространена на востоке Сибири в целом и необязательно должна быть связана на Чукотке именно с предками эскимосов. Следовательно, необходимы дополнительные усилия, чтобы среди древнеэскимосской посуды выделить ее чукотские и аляскинские варианты, а среди керамики с линейными, шнуровыми и «клетчатыми» оттисками – древнеэскимосские.

Это очень важный аспект исследований, поскольку он напрямую связан с происхождением культуры туле – прямого предка современных эскимосов. Археологи связывают ее формирование, скорее, с пост-ДБК-памятниками Чукотки и Аляски (пунук – бирнирк – западное туле). Генетические исследования в целом с этим согласуются, указывая на различия нео- и палеоэскимосов [Raghavan et al., 2014; Tackney et al., 2019; Flegontov et al., 2019]. На этом фоне разграничение этих двух популяций в археологических источниках приобретает особую важность, и некоторые сложности решения этой задачи все еще сохраняются, в том числе вокруг культуры ипиутак. И хотя возможности керамической посуды для разработки этого вопроса пока неясные, наши наблюдения все же интересны тем, что указывают на существование в рамках единого – неоэскимосского – хозяйственно-культурного комплекса как минимум двух керамических традиций; одна из них (остров Св. Лаврентия) тянется к палеоэскимосам, а другая (Эквен) – к предкам культуры туле.

Во-вторых, массовое обнаружение бирниркских и ДБК-элементов в одних могилах позволяет говорить о синкретичной культуре населения, оставившего могильник. А не просто о факте захоронения на одном кладбище представителей двух разных культурных традиций – бирниркской и ДБК. Это дополнительно подчеркивается тем фактом, что собственно бирниркских гарпунов в материалах Эквенского могильника очень мало. Отсюда возникает целый спектр вопросов относительно того, как и где сформировалась эта синкретичная культура, которой даже название дать пока сложно. Ответы на эти вопросы могут быть связаны как с особенностями хронологии Эквена (например, поздние пережиточные ДБК-комплексы могли наложиться на более ранние бирниркские), так и с его культурной спецификой. В целом же нужно понимать, что Эквенский могильник расположен на границе двух географических зон распространения неоэскимосских культур, проходящей по Берингову проливу. Территории к северу от нее занимали комплексы бирнирка и западного туле, а к югу – ДБК и пунукские [Mason, 2009].

В-третьих, обстоятельства происхождения бирниркской керамической традиции остаются пока не вполне ясными. Она появляется в Арктике внезапно и распространяется определенно с севера на юг, по крайней мере на Аляске. При этом материалы Эквенского могильника, а также Чукотки в целом, возможно, дают нам перспективное направление для разработки данного вопроса. В частности, интерес в этом отношении представляют штампы с круговой нарезкой, которыми наносился орнамент бирниркского типа.

Подавляющее их большинство происходит с северного побережья Чукотки, причем основная их часть – именно с Эквенского могильника (табл. 1). Такая концентрация этих находок не может быть случайной и указывает на то, что именно север Чукотки мог быть местом формирования бирниркской керамической традиции. К тому же чукотские штампы, и особенно с Эквена, отличаются исключительным богатством оформления, тогда как американские не имеют декоративных элементов [Алексашенко, Яншина, 2017].

Таблица 1

Находки штампов для керамики на Чукотке и Аляске

Место обнаружения	Ареал	Всего изделий	в т. ч.:		
			круги	////////	глад.
Эквен	Север	14	11	3	–
Уэлен	Север	3	1	2	–
Мыс Дежнева	Север	3	1	2	–
Пайпельгак	Север	3	2	–	1
Чини	Север	2	?	1	–
Баранов мыс	Север	1	1	–	–
Иколиврунвеем	Север	1	1	–	–
Мыс Барроу	Север	3	2	–	1
Ипиутак	Север	1	1	–	–
Мыс Крузенштерна	Север	1	–	–	1
Итого		32	21	8	3
Энмылен	Юг	2	1	1	–
Сиреники	Юг	6	–	1	5
Аракамчечен	Юг	1	–	1	–
Чечен (Тасик)	Юг	1	–	–	1
Наукан	Юг	1	–	–	1
Св. Лаврентий	Юг	1	–	1	–
Итого		12	1	4	7

Известны штампы и на юге Чукотки (табл. 1), но они здесь не только просты в исполнении, как на Аляске, но и отличаются иными чертами. В частности, у них преобладают гладкие поверхности и с косой нарезкой, тогда как с круговой встречаются очень редко. Кроме того, значительная часть штампов оттуда приближается по форме не к лопаточке, как бирниркские образцы, а к однолезвийному ножу, возможно, в силу того, что большая их часть вырезана из санных полозьев. Они также могут иметь нетипичные для бирниркских штампов детали – выемки или выступы на противолежащих гранях рабочей поверхности.

И наконец, хотелось бы отметить, что сложность культурной атрибуции неоэскимосских комплексов в значительной мере обусловлена спецификой подхода, положенного в основу ее решения. Традиционная археология голоцена при решении подобных вопросов опирается прежде всего на анализ керамики, но в неоэскимосской литературе все решают формы наконечников гарпунов и их орнамент. Тот факт, что области их распространения и ареалы керамических традиций не вполне совпадают, сам по себе является интересной темой для анализа и представляет своего рода вызов для принятой в российской археологии практики выделения археологических культур.

Список источников

Алексашенко Н. А., Яншина О. В. Керамические штампы Эквенского могильника // Археология евразийских степей. 2017. № 2. С. 265–277.

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник. М.: Наука, 1975. 240 с.

Бронштейн М. М. Типологические варианты древнеэскимосского графического орнамента (к проблеме этнокультурной истории Берингоморья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) // СЭ. 1986. № 6. С. 46–58.

Днепровский К. А. Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пунука: По материалам археологического комплекса Эквен: дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 203 с.

Яншина О. В. Керамика Эквенского могильника (по материалам раскопок 1961–1967 гг.) // Кунсткамера. 2022. № 3 (17). С. 222–240.

Яншина О. В. Проблемы культурно-хронологической атрибуции Эквенского могильника в свете изучения его керамической коллекции // Camera praehistorica. 2023. № 2 (11). С. 96–115.

Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P. et al. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America // Nature. 2019. Vol. 570. P. 236–240.

Mason O. Flight from the Bering Strait: did Siberian Punuk/Thule military cadres conquer northwest Alaska // The northern world, AD 900–1400 / Ed. By Maschner H., Mason O., McGhee R. Salt Lake City: University of Utah Press. 2009. P. 76–128.

Raghavan M. et al. The genetic prehistory of the New World Arctic // Science. 2014. Vol. 345. P. 1255832.

Tackney J., Jensen A. M., Kisielinski C., O'Rourke D. H. Molecular analysis of an ancient Thule population at Nuvuk, Point Barrow, Alaska //American Journal of Physical Anthropology. 2019. 168(2). P. 303–317.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ

Н. Г. Артемьева
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДОВ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЕ СЯ (1215–1233 ГГ.) (НА ПРИМЕРЕ ШАЙГШИНСКОГО ГОРОДИЩА)

Аннотация. Исследование социальной топографии средневековых городов государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) стало одним из важных направлений после постановки вопроса о развитии города как социально-экономического организма. На примере Шайгинского городища прослежены черты городской застройки и выделены социально значимые зоны, позволившие выйти на реконструкцию жизнедеятельности городского населения.

Ключевые слова: социальная топография, средневековый город, государство Восточное Ся

Проблема изучения социальной топографии средневековых городов находится в центре внимания многих исследований, потому что она дает возможность выделить районы, имеющие какую-либо социальную специфику, ремесленную специализацию или этнокультурную особенность. Планомерные археологические работы на средневековых городищах Приморского края дали возможность поставить вопросы, связанные с социальной топографией, и сейчас являются одним из приоритетных направлений. Самым изученным памятником периода существования государства Восточное Ся (1215–1233 гг.) является Шайгинское городище – средневековый город с многочисленным населением и вместе с тем крупный административно-хозяйственный центр областного значения, в котором находились военизированные общины *мэнъань* и *моукэ*.

Доказано, что население города группировалось по социальным и профессионально-производственным признакам в отдельные кварталы [Артемьева, 2021]. Эти кварталы вписывались в естественные границы памятника, а социально значимые зоны выделялись укреплениями с земляными валами. В северо-западной части городища выявлен район средневековых металлургов. Там находились металлоплавильные и металлообрабатывающие мастерские. Следы ремесленного производства встречены и в других районах городища. Кварталы ремесленников концентрировались в определенных местах.

Особенностью Шайгинского городища является усадебная застройка, которая характеризуется наличием на одной террасе жилища и хозяйственной постройки, например, свайного амбара. Усадьбы определенного типа концентрировались в разных районах городища. Это было связано с социальной принадлежностью и характером производственной деятельности хозяина дома.

На Шайгинском городище выявлены черты городской застройки, которая велась по заранее продуманному плану и имела свои характерные особенности: а) социально-значимые зоны с административными постройками; б) редут – ставка военачальника; в) жилые кварталы, с определенными типами усадеб; г) дороги, которые соединяли разные участки городища и служили одновременно границами кварталов; д) водоемы. Внутренняя застройка города вписана в рельеф местности, но с учетом специфики и своеобразия цзиньских городов (рис. 1).

Э. В. Шавкунов первый, кто выделил социально значимые зоны – внутренние части города, а также производственные кварталы с ремесленной специализацией. По характеру вещевого материала (серебряная пайцза уполномоченного посланца императора, печать *чжичжуна* – помощника начальника области, эталонные гири, большое количество престижных вещей – зеркала, амулеты, печати, изготовленные

© Артемьева Н. Г., 2025

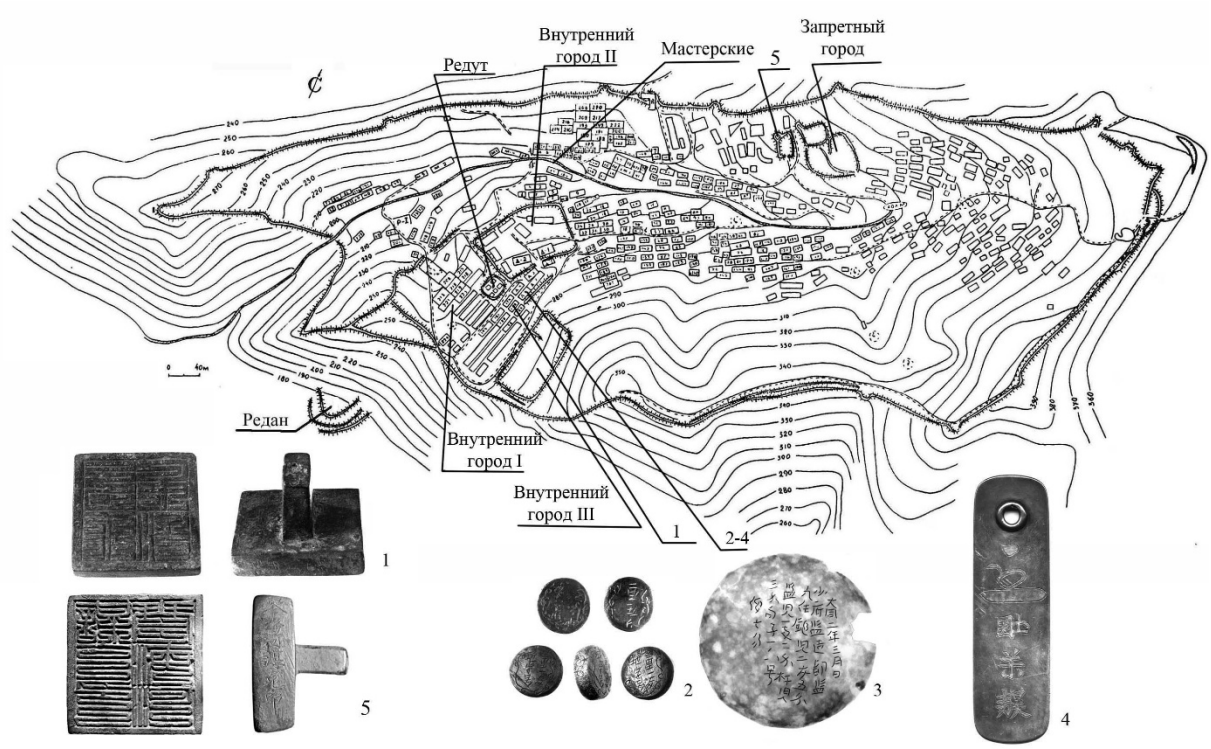

Рис. 1. План Шайгинского городища: *1* – печать чжичжуна (бронза); *2* – эталонные гирьки (бронза); *3* – весовая чашка с надписью (железо); *4* – пайцза (серебро); *5* – печать *моукэ* Цинь-хай-хэ (бронза)

из бронзы, камня и железа), обнаруженного в южной части городища рядом с редутом и зданиями колоннадного типа, исследователь сделал предположение о существовании квартала крупных чиновников [Шавкунов, 1990, с. 64–65].

Исследования северо-восточной части городища, восточнее центральных ворот, дали возможность локализовать местоположение Запретного города, в котором располагалась гражданская администрация [Артемьева, 2012]. Там была найдена печать *моукэ* Циньхайхэ, на которой была указана надпись: «Подчинен мэнъань Пути» [Беляев, Сидорович, 2015].

Обнаруженные находки и изучение внутренней топографии дали возможность поднять вопрос о государственном управлении на территориях городов, относящихся к областным центрам. Территория города ручьем Батарейный условно разделена на северную и южную части, в которых находятся социально значимые зоны – Запретный город (местонахождение окружной власти) и Внутренний город (месторасположение военной власти). Известно, что дуалистическая система управления появилась у чжурчжэней на ранних этапах становления государственного аппарата, чтобы реально контролировать завоеванные территории [Воробьев, 1975, с. 150–159]. Первоначально чжурчжэни пытались насаждать среди попавшего под их власть китайского населения свои военизированные общины мэнъань и моукэ, что вызывало большое недовольство, поэтому в Цзинь была образована дуалистическая система управления, при которой китайцами управляли власти округов и уездов, а чжурчжэнями – мэнъань и моукэ. Это была осознанная политика управления китайцами с помощью китайцев [Гончаров, 2006, с. 12–16]. Со временем деление на военное и гражданское управление в завоеванных районах упразднилось, превратившись в учреждения, ведавшие общегосударственными делами, в том числе и китайскими, и делами чжурчжэней. Органы местного управления сочетали в себе систему мэнъань и моукэ и систему округов и уездов. Особенностью местной администрации Цзинь явилось соединение в одном лице военной, гражданской и полицейской власти в округах и областях. Главы мэнъань и моукэ действовали как военачальники и военные администраторы, также выполняли функции гражданской администрации. Отношения

между главами мэнъань и моукэ не ограничивались простой соподчиненностью. Главы мэнъань – это начальники военных подразделений, а главы моукэ – руководители чжурчжэньских дворов на военном поселении [Воробьев, 1975, с. 150–169]. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что на территории Запретного города, где была найдена печать с надписями «Печать моукэ Циньхайхэ» и «Подчинен мэнъань Пути», располагалась ставка главы моукэ Циньхайхэ. А на территории Внутреннего города, где расположен редут, находилась резиденция главы мэнъань Пути с военной администрацией и кварталом чиновников, что подтверждает печать чжичжуна.

Исследования Шайгинского городища дали возможность сопоставить социальную топографию памятника с письменными источниками и выделить специфику административного управления областного города государства Восточное Ся.

Список источников

Артемьева Н. Г. Новый этап исследования Шайгинского городища // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2012. Вып. 2. С. 24–40.

Артемьева Н. Г. Шайгинское городище (фортификация, внутренняя топография, жилая архитектура). (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII–XIII вв.). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. Т. I. 600 с.

Беляев В. А., Сидорович С. В. Две новые эпиграфические находки из Приморья // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 114–134.

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.): Исторический очерк. М.: Наука, 1975. 448 с.

Гончаров С. Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006. 383 с.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 284 с.

А. Е. Астафьев[1], Е. С. Богданов[2]
[1] Институт археологии имени А. Х. Маргулана, Актау, Казахстан
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

АСПАБОТА КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Аннотация. В статье приводятся доказательства соответствия археологически исследованного поселенческого комплекса Каракабак с данными Птолемея Александрийского о полисе Аспабота на восточном берегу Каспийского моря. Этот ремесленно-торговый центр-порт существовал на ответвлении Великого шелкового пути в период I/II – середина VI вв. Авторы картографически воссоздали очертания контура Каспийского моря с населенными пунктами на его берегах.

Ключевые слова: северо-восточное побережье Каспийского моря, Каракабак, полис Аспабота, гуннское/постгуннское время

Статья подготовлена при поддержке проекта НИР «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого», FWZG-2025-0001.

Полуостров Мангышлак в истории изучения торговых коммуникаций Великого шелкового пути, несмотря на свою географическую обособленность, занимает далеко не рядовое значение. С трех сторон он омывается водами Каспийского моря, а с востока ограничен безводным плато Устюрт. Вероятно, что территориальная «тупиковость» являлась одной из причин, не позволяющей ученым рассматривать

© Астафьев А. Е., Богданов Е. С., 2025

этот край с точки зрения исторической перспективности процессов по развитию глобальных торговых сообщений. Однако одно из крупнейших археологических открытий последнего десятилетия позволило убедительно говорить о существовании мангышлакской ветки арало-каспийского ответвления Великого шелкового пути, существовавшей в период I/II – середины VI вв. Речь идет о поселении Каракабак, обнаруженном на северо-восточном берегу Каспийского моря [Астафьев, Богданов, 2019; 2023, с. 211–223; 2025]. В настоящее время исследован только периферийный участок жилой застройки из 4 строений и сектор одного мусорного отвала. Но в результате раскопок удалось получить фантастические материальные свидетельства существования мощного торгово-ремесленного полиса с защитными сооружениями и с функциями морского порта. Площадь квартальной жилой застройки оценивается в 5 гектаров. По предварительным данным, на Каракабаке единовременно могло проживать 1 300 – 1 500 человек. В состав его жителей входили купцы из далеких евразийских провинций, средневековых оазисов, сирийцы, персы, а также, безусловно, кочевая знать с местными ремесленниками. Нумизматика и другие археологические находки свидетельствуют о феноменальной широте торговых связей с Индией, Восточной Персией, Хорезмом, городами Нижней Сырдарьи, населением Северного Прикаспия, Среднего Поволжья, Прикаспийского Дагестана, Центрального Предкавказья, античными колониями Нижнего Дона, Кубани и Крыма. Расцвет Каракабака пришелся на времена эпохи Великого переселения народов, когда порт превратился в один из ведущих ремесленных центров по изготовлению разнообразных предметов престижной гуннской/постгуннской моды для обеспечения в том числе и потребностей кочевых сообществ далеко от границ побережья Каспия. На поселении по канонам ремесленных школ восточноримских провинций и Персии производились украшения, ременная портупея, конская упряжь. Неоспоримыми свидетельствами обработки меди, железа, свинца, серебра, золота являются разнообразные технологические отходы. Для ювелирных изделий сюда свозились гранаты с острова Цейлон, жемчуга из Персидского залива, кораллы с Красного моря, афганский лазурит и янтарь с Балтии. О богатстве и роскоши каракабакских поселенцев свидетельствуют остатки ценных приношений для погребальных церемоний, которые обнаружены при изучении огромного ритуального комплекса Алтынказган, в 18 км от города [Астафьев, Богданов, 2023]. Здесь на протяжении 350 лет по предписаниям зороастрийских верований выставлялись тела умерших представителей городского населения и, возможно, кочевой элиты. К сожалению, погребальное поле площадью более 130 га было разграблено в глубокой древности, но сделанные здесь находки деталей убранства парадных поясов, конской сбруи и богато украшенных конских седел свидетельствуют о ювелирном мастерстве местных ремесленников, поставивших производство этих изделий на поток. В результате исследований различных археологических объектов были получены доказательства того, что на территории торговой фактории осуществлялось и гончарное производство с переработкой этнокультурных традиций с разных концов ойкумены.

Географическая уникальность каракабакского поселения в северо-восточном секторе Каспийского моря, время его основания и жизни, особенности развития, заставили нас искать упоминания о нем в различных письменных источниках. В этой связи крайне интересными становятся сведения Клавдия Птолемея Александрийского о существовании на восточном берегу Каспийского моря полиса Аспабота (Ἀσπάβωτα). «Расположенный на восточном побережье Гирканского (Каспийского. – *Авт.*) моря, севернее устья Окса», он входил в число «важных городов Скифии по эту сторону Имаонских гор» (Ptol. VI. 14, 2). «В Аспаботе самый длинный день – 153/8 часа. Расстояние от Александрии на восток составляет примерно 2 % h (23/4 ч)» (Ptol. VIII. 23, 15). Местоположение этого населенного пункта Птолемей отметил на своей VII карте Азии

[Klaudios Ptolemaios…, 2006]. По причине погрешностей координат, приводимых Птолемеем [Щеглов, 2016], нам показалось целесообразным обратиться к анализу приводимых картографических данных и сопоставить их с современными представлениями об исторической географии Каспийского моря. Для воссоздания полных очертаний контура Каспийского моря, с прилегающими к его берегам населенными пунктами, реками и историческими областями мы использовали II, III, V и VII «карты Азии» окончательной версии атласа карт Птолемея, опубликованного Герардом Меркатором в 1578 г. и переизданного в наше время компанией Halma[48]. При слиянии эти карты сводились к единому масштабу согласно координатной сетке (рис. 1, *а*). Для проверки подобная операция проведена с новой цифровой версией карт Птолемея [Klaudios Ptolemaios…, 2006]. Совмещение меркаторовских и цифровых очертаний Каспия показали практически полное совпадение. Важным моментом в воссоздании карты Каспийского моря является местонахождение населенных пунктов и их привязка к устьям рек и историческим областям. Обращает на себя внимание указание Птолемея на четыре крупных города (полиса) береговой локации – Албана, Гейтара, Кирополис и Аспабота (рис. 1, *б*). Важным картографическим фактом является концентрация населенных пунктов в юго-западном секторе побережья Каспийского моря, что иллюстрирует картину географической обособленности именно Аспаботы. Ранее исследователями ставилась под сомнение достоверность этой географической точки на фоне «ошибочных представлений Птолемея о впадении в Каспийское море реки Яксарт» (Сырдарьи) [Ельницкий, 1961, с. 201]. Однако наряду с итинерариями («дорожниками») «именно перипл[49] служил в античную эпоху основной моделью описания пространства. Многие географические сочинения Артемидора, Страбона, Помпония Мелы, III–VI книги Плиния, Дионисия Периэгета и др., строились именно по модели перипла. Сам Птолемей прямо отмечает, что наиболее точные и надежные из имеющихся сведений – это описания побережий. Поэтому логично, что во многих отношениях именно периплы послужили ему наиболее важным опорным элементом для построения карты» [Щеглов, 2016, с. 674]. С учетом приведенного мнения Д. А. Щеглова и значимости Аспаботы как единственного крупного поселения на восточном берегу Каспия сомнительно полагать, что Птолемей мог допустить картографическую ошибку. Ведь информация о местонахождении Аспаботы убедительно дополняется сообщением, что южнее располагается устье реки Окс (узбойское русло Амударьи), течение вод по которому определяется временем функционирования Окского и Каспийско-Понтийского водных путей [Вайнберг, 2005; Рапэн, 2009; Перевалов, 2010; Ртвеладзе, 2012]. Таким образом, полис Аспабота вполне логично размещается между современными устьями Узбоя и Эмбы (рис. 1).

Таким образом, исходя из данных Птолемея, обнаруженный нами в ходе археологических исследований населенный пункт был уже во II в. крупным и единственным полисом на восточном берегу Каспийского моря. В итоге мы имеем дело с довольно редким явлением в археологической науке: фактом точного сопоставления данных древних письменных и географических источников и археологических данных.

[48] Antic maps [электронный ресурс] URL: https://www.raremaps.com/gallery/detail/67039/mercator-ptolemy-atlas-claudii-ptolemaei-tabulae-geogr-ptolemy (дата обращения 25.12.2024).

[49] Вид древнегреческой литературы, в котором описываются морские путешествия и морские плавания вдоль берегов.

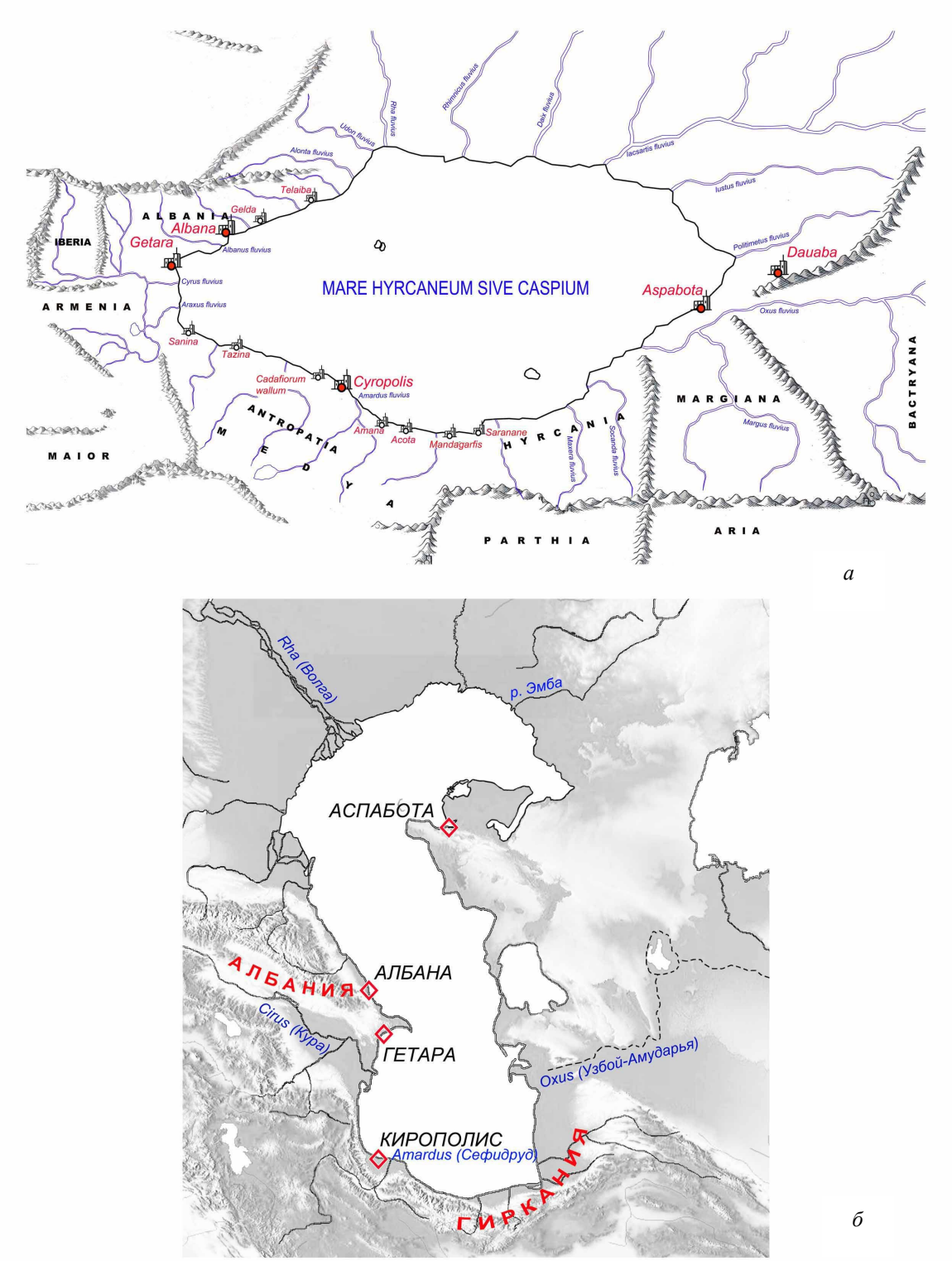

Рис. 1. а) месторасположение полиса Аспабота на основе II, III, V и VII птолемеевских «карт Азии» [Klaudios Ptolemaios…, 2006] в одной координатной сетке; б) месторасположение четырех крупных полисов береговой локации – Албана, Гейтара, Кирополис и Аспабота на современной карте Каспийского моря

Список источников

Астафьев А. Е., Богданов Е. С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. 2019. № 4. С. 17–38.

Астафьев А. Е., Богданов Е. С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI вв. н. э.). Алматы: Институт археологии имени А. Х. Маргулана, 2023. 384 с. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XVIII).

Вайнберг Б. И. Водный торговый путь по Амударье и культовые центры вблизи него // ПИФК. 2005. № 15. С. 13–18.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1961. 224 с.

Перевалов С. М. «Без посредничества персов»: Каспийско-Понтийский участок Великого шелкового пути в древности // Древнейшие государства Восточной Европы. М.: Индрик, 2010. С. 118–136.

Рапэн К. Торговый путь из Индии к Понту у Страбона: между картографическим миражом и археологической реальностью // Дорога Страбона как часть Великого шелкового пути. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 2009. С. 94–119.

Ртвеладзе Э. Д. Великий индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 295 с.

Щеглов Д. А. Карта Птолемея и античные периплы // ΣΧΟΛΗ. 2016. Vol. 10. № 2. С. 671–698.

Klaudios Ptolemaios Handbuch der Geographie: griechisch-deutsch. Herausgegeben von Alfred Stückelberger und Gerd Graßhoff Basel: Schwabe Verlag, 2006. 1018 p.

М. А. Васильев, В. А. Деркач, Ю. И. Журавлева, Е. М. Калинина
Археологический центр Псковской области,
Псков, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОЙ ОКРУГИ ИЗБОРСКА: НОВЫЕ ДАННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье подведены итоги работ 2020–2024 гг. и составлена актуальная археологическая карта восточного склона Изборской долины.

Ключевые слова: Изборск, могильники с каменными конструкциями, микрорегиональные исследования

Центрами комплекса археологических памятников в долине Городищенского озера и рек Смолка и Сходница (Псковская область, Печорский район) являются два последовательно существовавших укрепленных поселения – Труворово городище и Изборская крепость. Оба памятника располагаются на западном берегу долины.

Упоминание Изборска в летописях в 862 г. обусловило интерес к его изучению с начала XIX в. До 70-х гг. XX в. внимание исследователей было сосредоточено на памятниках вокруг Труворова городища и Изборской крепости. На восточном же берегу был известен только один археологический памятник – могильник Усть-Смолка.

Систематическое исследование Изборска началось в 1971 г. экспедицией под руководством В. В. Седова. Работы велись на Труворовом городище, одновременно было организовано несколько полномасштабных разведок в округе Изборска (Л. Е. Грушина, Б. Н. Харлашов, Г. А. Харитонов, А. Е. Мануйлов). Археологическая карта восточного берега пополнилась селищем Усть-Смолка, селищами и каменными крестами в д. Брод и Вастцы. Ряд памятников введен в научный оборот, но не был поставлен на охрану.

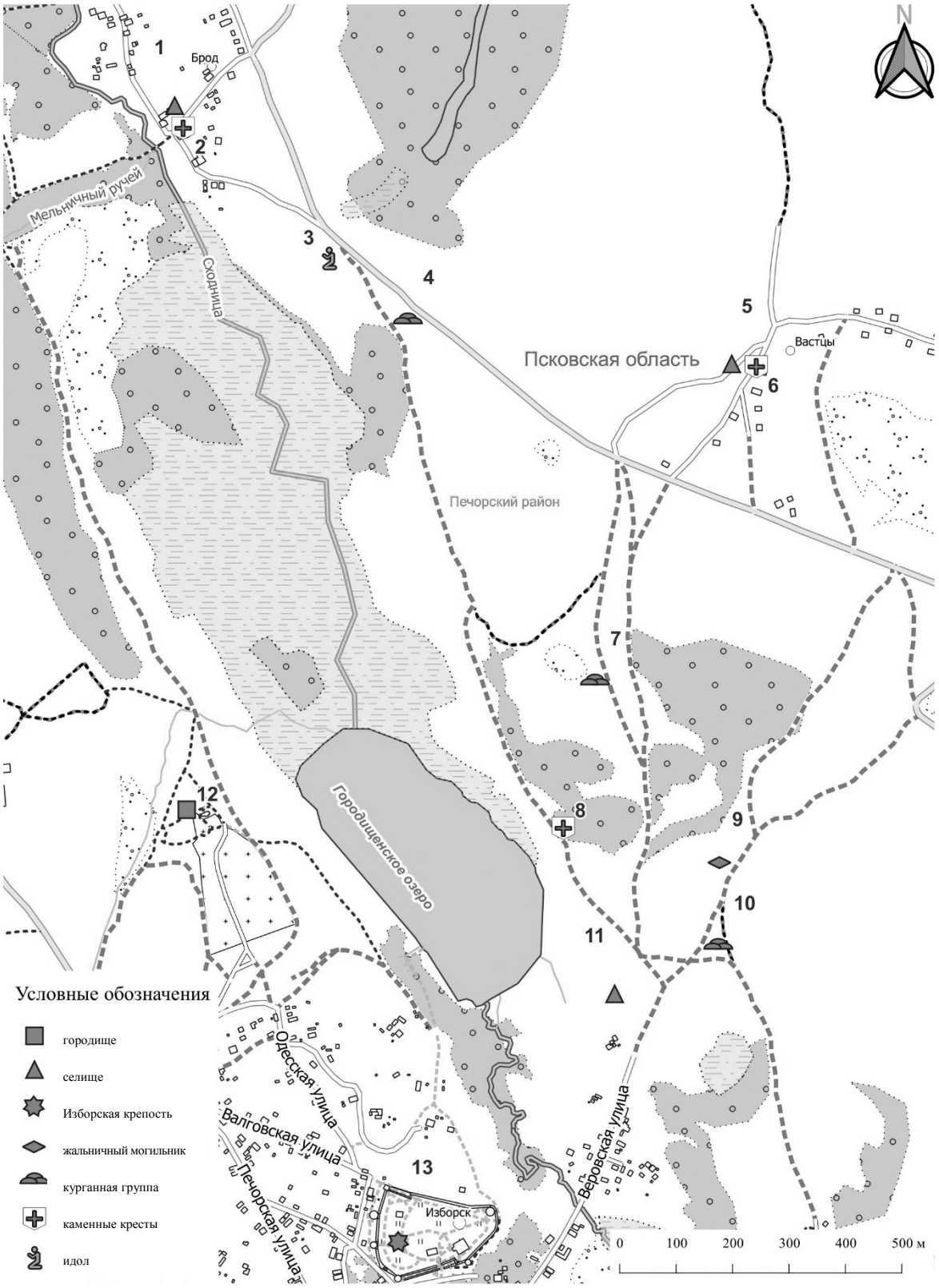
В 1999 г. под руководством Н. В. Лопатина проведены раскопки кургана на могильнике Усть-Смолка. Это положило начало многолетним работам на памятнике, которыми в 2014–2017 гг. руководил Б. Н. Харлашов. В результате исследован участок межкурганного пространства и начаты работы на одном из сохранившихся курганов, которые были прерваны смертью исследователя.

Работы 2020-х гг., проведенные авторами доклада, решили первоочередную задачу по завершению изучения недоисследованного кургана Усть-Смолки. Также были возобновлены археологические разведки с целью выявления памятников и определения границ их территории.

Особенностью долины является сильный перепад высот между краями и дном (до 40–50 м). Рельеф понижается ступе-

© Васильев М. А., Деркач В. А., Журавлева Ю. И., Калинина Е. М., 2025

нями, связанными с этапами ее формирования, поймой и надпойменными террасами рек. Расположение памятников на восточном, более пологом склоне долины отличается от западного, где возникло укрепленное поселение (рис. 1).

1 - селище в д. Брод
2 - каменный крест в д. Брод
3 - каменный идол у д. Брод
4 - курганная группа у д. Брод
5 - селище в д. Вастцы
6 - каменный крест в д. Вастцы
7 - курганная группа у д. Вастцы
8 - заготовка каменного креста
9 - жальничный могильник на Ворониной горе
10 - могильник Усть-Смолка
11 - селище Усть-Смолка
12 - Труворово городище
13 - Изборская крепость

Рис. 1. Археологическая карта восточной округи Изборска

Ранние поселенческие памятники расположены ближе к водоемам, занимающим дно долины. На юго-восточном берегу озера находится селище Усть-Смолка, в подъемном материале которого отмечалось преобладание керамических форм XI–XII вв., а также наличие более ранних форм третьей четверти I тыс. н. э. [Лопатин, 2002, с. 49].

На правом берегу р. Сходница расположено селище в д. Брод [Харлашов, 1992, с. 145; Лопатин, Харлашов, 2015, с. 52]. В 2024 г. здесь проведены разведочные работы с шурфовкой и собран обширный подъемный материал. Мощность культурного слоя – 0,3–1,2 м. Предварительный анализ керамической коллекции показал непрерывность существования поселения не позднее X в. по настоящее время. Среди подъемного материала найдены отдельные фрагменты лепной керамики. Площадь селища была расширена на север относительно пятна, выявленного в 90-е гг. по подъемному материалу.

Верхний край долины и ступени склона занимают поздние селища (в д. Вастцы, XVI–XVII вв.) и могильники, соответствующие ранним поселениям. Могильник Усть-Смолка и жальничный могильник на Ворониной горе, предположительно, относящиеся к селищу Усть-Смолка, расположены юго-восточнее селища. Раскопки последних десятилетий в курганной части (Усть-Смолка III) показали, что могильник имеет несколько этапов существования. Ранний этап (первая половина I тыс. н. э.) связан с устройством курганных насыпей с каменными конструкциями и совершением захоронений по обряду кремации. Грунтовые трупосожжения, тяготеющие к курганным насыпям, на основе радиоуглеродного анализа датируются V–VI вв. Следующий этап существования могильника относится к XI в., преимущественно связан с межкурганным пространством и совершением захоронений по обряду ингумации в каменных конструкциях. К комплексу Усть-Смолка территориально тяготеет курганная группа из двух полусферических курганов у д. Вастцы (d – 4,4–5,6 м, h – 0,55–1 м).

Могильник, относящийся к селищу в д. Брод, расположен на верхней береговой террасе р. Сходница и состоит из двух округлых в плане курганов (d – 14,5–16 м, h – 1,4 м; d – 6,1 м, h – 1 м) с каменными обкладками в основании [Мануйлов, 1983, с. 26] и четырех небольших насыпей. На сегодняшний день обкладки не читаются.

Отдельной группой памятников Изборска являются каменные изваяния и кресты. Среди них выделяется заготовка креста изборского типа и каменный идол. Идол представляет собой обработанную плиту ракушечника длиной 2,55 м с округлым выступом, напоминающим лицо.

В 2025–2026 гг. планируются разведочные работы в округе Изборска. Предстоящее исследование актуализирует проблемы изучения этой территории. Закономерность расположения поселенческих и погребальных памятников дает направление для поиска поселений, синхронных известным могильникам, и наоборот. Расширение керамической коллекции необходимо для решения вопроса о миграции населения между Труворовым городищем и окрестными селищами [Лопатин, 2013, с. 188–189].

Несмотря на то что могильник Усть-Смолка является наиболее изученным памятником округи, полученные результаты требуют осмысления. Е. Р. Михайлова включает Усть-Смолку в зону концентрации каменных могильников к югу от Псковского озера [Михайлова, 2021, с. 311]. Стоит вопрос о сравнительном анализе каменных конструкций данного региона. Для интерпретации некоторых объектов, выявленных ранее, необходимо дальнейшее изучение межкурганного пространства.

Список источников

Лопатин Н. В. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа. Псков: [б. и.], 2002. С. 48–51.

Лопатин Н. В. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го заседания. М.; Псков: ИА РАН, 2013. С. 186–192.

Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н. Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 44–56.

Мануйлов А. Е. Разведка в бассейне р. Обдех // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 26.

Михайлова Е. Р. Каменные могильники к востоку от Чудского озера: к постановке проблемы // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков: ИА РАН, 2021. Вып. 35 (65). С. 310–324.

Харлашов Б. Н. Обследование древнерусских поселений в округе Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992. С. 143–145.

Д. П. Волков
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
Благовещенск, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ О «ГОРОДИЩАХ ДАУРСКОГО ТИПА» В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ

Аннотация. «Городища даурского типа» – вид памятников археологии, распространенных в пределах Российской части Западного Приамурья. Исследования этого типа памятников, несмотря на появившиеся сегодня результаты стационарных исследований, не дают однозначной интерпретации предназначения «городищ даурского типа», делая актуальным вопрос изучения подобных объектов.

Ключевые слова: Приамурье, городище даурского типа, погребение, жилище

Проект НИР ИАЭТ СО РАН «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья» (FWZG-2025-0002).

«Городища даурского типа» – вид археологических памятников на территории Западного Приамурья, расположенных на левом берегу р. Амур и в долине обоих берегов р. Зея. Эти объекты представляют собой небольшие площадки почти правильной прямоугольной формы с длиной стороны от 20 до 60 м, защищенные двумя-четырьмя валами, имеющими переходы между собой. Памятники имеют хорошо выраженные к внешней стороне угловые выступы, вершины которых возвышаются над гребнями земляных валов. Валы и рвы плавно и равномерно обтекают внутреннюю часть площадки с выступами по контуру, несколько изгибаясь в середине. В отдельных случаях на внутренней поверхности и в угловых выступах фиксируются небольшие углубления – западины [Волков, 2021]. «Городища даурского типа» располагаются, как правило, вблизи водотоков, на небольшом расстоянии от берега на сухом, но не самом высоком месте, прикрытым с одной стороны естественным препятствием (река, болото, сырая низина). В некоторых случаях данные памятники расположены парами на незначительном удалении друг от друга, а в одном случае соединены между собой небольшим валом [Волков, 2020].

Четко фиксируемые в рельефе характерные конструктивные особенности сооружения хорошо видны на космоснимках местности, что позволило выявить на сегодняшний день на территории Западного Приамурья 42 подобных объекта (рис. 1).

Возросший интерес к этим памятникам продиктовал необходимость проведения стационарных раскопок. Начатые в 2021 г. исследования «городища даурского типа» в Благовещенском районе Амурской области – «Сергеевка, городище-4», позволили установить способ постройки таких объектов [Первые результаты…, 2021, с. 378–379], выявить на внутренней площади множественные ряды выкопанных, а после засыпанных ям, а также зафиксировать в центральной части городища (на пересечении диагоналей, проведенных между угловыми выступами) погребение, произведенное

© Волков Д. П., 2025

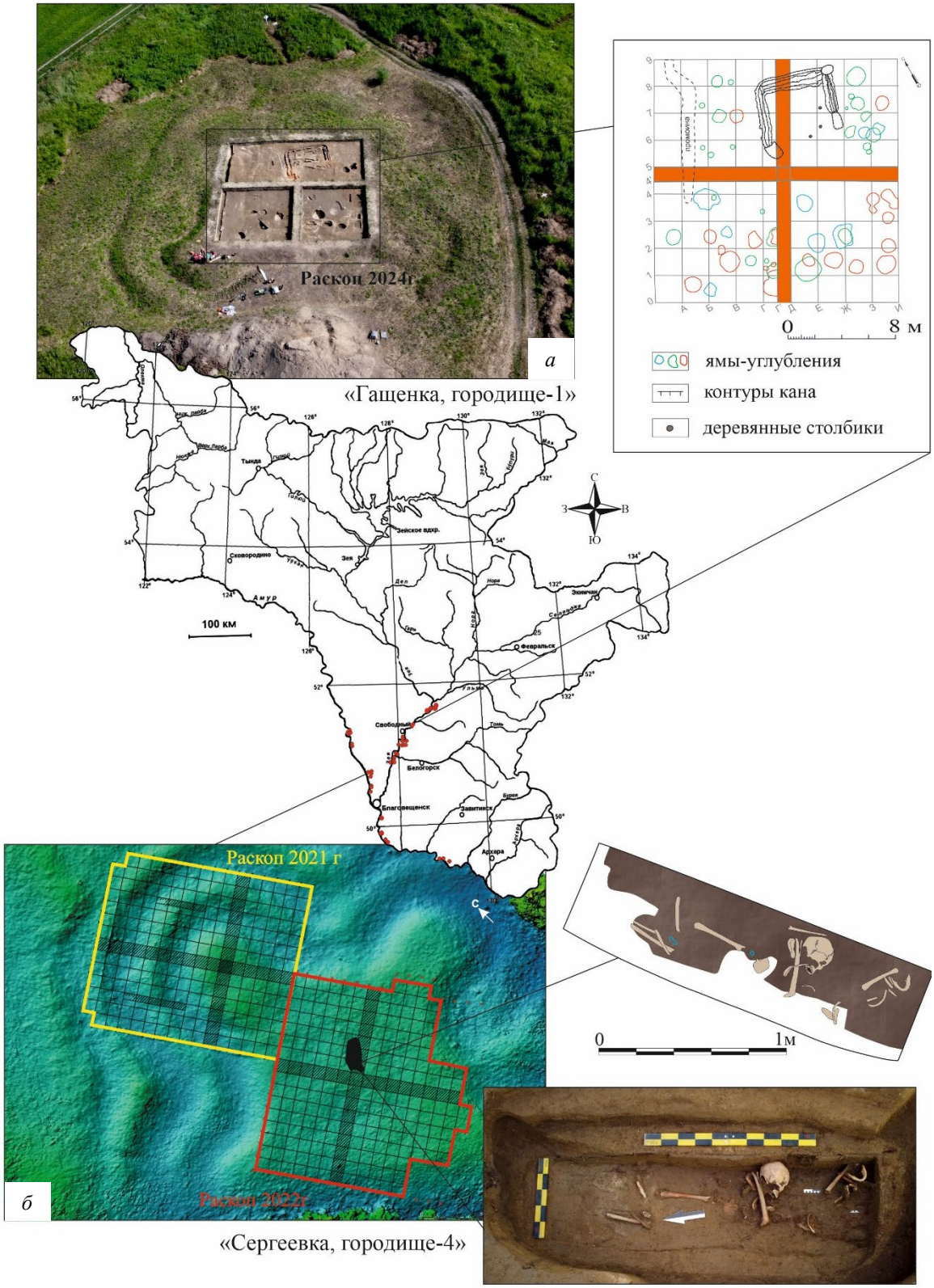

Рис. 1. Ареал «городищ даурского типа» на территории Амурской области с указанием материалов исследования памятников «Гащенка, городище-1» (*а*) и «Сергеевка, городище-4» (*б*)

в гробу из тонких деревянных досок, поставленных на ребро в грунтовой яме (рис. 1, *б*) [Результаты раскопок…, 2022]. Кости человека плохой сохранности располагались в разрозненном состоянии, преимущественно в южной части могилы при практически полном отсутствии сопроводительного погребального инвентаря. Прослеженная в стратиграфическом разрезе врезка свидетельствовала о разграблении захоронения.

Краниологическое исследование черепа, обнаруженного при раскопках, показало, что он принадлежит женщине большой монголоидной расы, возрастом 35–40 лет [Результаты раскопок…, 2022].

Коллекция артефактов, полученная при раскопках Сергеевского городища (каменные грузила на плоских гальках, металлические кольца и фрагмент кресала), не позволяет провести аналогии с другими археологическими материалами, отнести ее к какой-либо археологической культуре и с достоверностью определить время совершения погребения. В результате исследования было высказано предположение о ритуальном предназначении «городищ даурского типа».

Однако проведенные в 2024 г. раскопки на памятнике «Гащенка, городище-1» в Свободненском районе Амурской области в северном ареале памятников этого типа на территории Западного Приамурья показали наличие на внутренней площади рядов ям-углублений и наземного жилища с П-образным трехканальным каном, двумя отдельными печами и одной дымоходной трубой внутри постройки (рис. 1, *а*) [Новые результаты…, 2024]. Перекрытие кана отсутствовало, в то же время расположенные за пределами постройки ямы-углубления, заполненные обожженными и закопченными камнями, позволяют предположить, что перекрытие кана из камня было снято и вынесено из жилища его обитателями. Внутри жилища найдены каменные грузила на уплощенных гальках, небольшая каменная булава, мелкие кости.

В заполнениях отдельных ям-углублений присутствовал пепел, сажа, многочисленные мелкие жженые кости и отдельные скопления костей животных и рыб, также были пустые, хотя и специально засыпанные. Некоторые ямы имели следы неоднократного использования после длительного простоя.

Артефакты, обнаруженные в ямах и между ними, в основном представлены каменными грузилами на плоских гальках, отдельными костями животных и рыб.

Таким образом, проведенные в 2021–2024 гг. стационарные исследования не позволили выявить единые системные признаки для «городищ даурского типа». В то же время зафиксированные ямы-углубления, без каких-либо артефактов («Сергеевка, городище-4») или при их минимальном количестве («Гащенка, городище-1»), расположенные внутри ограниченного валами и рвами пространства, позволяет выявить определенную особенность данных объектов, относимых по форме к «городищам даурского типа». Обнаружение в одном случае внутри «городища» захоронения, а в другом случае жилой зоны в виде постройки с каном позволяет предположить вторичное использование подобных объектов как сооружений, четко выраженных в рельефе.

Проведенные на сегодняшний день исследования не позволяют сделать однозначные выводы ни о времени сооружения раскопанных памятников, ни об их назначении.

Список источников

Волков Д. П. Проблема интерпретации городищ даурского типа в Западном Приамурье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 329–330.

Волков Д. П. Городища даурского типа: география распространения и вопросы интерпретации // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: БГПУ, 2021. Вып. 8. С. 185–190.

Новые результаты раскопок «городища даурского типа» в Западном Приамурье / Д. П. Волков, Е. И. Крючко, В. А. Мохарь, В. Е. Вальченко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. XXX. С.443–447.

Первые результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье / Д. П. Волков, Е. И. Крючко, В. А. Мохарь, С. П. Нестеров // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. XXVII. С. 377–384.

Результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье / Д. П. Волков, Е. И. Крючко, В. А. Мохарь, В. Е. Вальченко, С. П. Нестеров, О. А. Шеломихин, А. М. Шиповалов, Р. А. Шульмин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. С. 451–458.

В. К. Ганцев, В. Е. Науменко
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

СЕВЕРНЫЙ ПРИГОРОД МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ) ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Мангуп является крупнейшим средневековым городом-крепостью в предгорном Юго-Западном Крыму. Кратчайший путь из степных районов в крепость и далее к Херсону проходил по тальвегу Каралезской балки. Это способствовало возникновению в верховьях Каралезской долины практически на протяжении всего Средневековья и Нового времени разноплановых объектов, составляющих северный пригород Мангупа.

Ключевые слова: Юго-Западная Таврика, Мангуп, Каралезская балка, пригород

Исследование выполнено в рамках программы Российского научного фонда, проект № 24-78-00032, https://rscf.ru/project/24-78-00032.

Мангупское городище является крупнейшей крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Оно находится в 23 км к востоку от средневекового Херсонеса – Херсона, форпоста Византии в Северном Причерноморье. Поселение здесь возникло в конце III – начале IV в., со второй половины VI в. оно трансформируется в город, который был покинут жителями в 1792 г. [Герцен, Науменко, 2019, с. 34, 36]. Функционирование этого города-крепости на вершине изолированного плато Баба-Даг неразрывно связано с его сельскохозяйственной округой, планомерное изучение которой является отдельным направлением работы Мангупской археологической экспедиции [Новые материалы…, 2019, с. 53–56; Науменко, 1997; Науменко, Ганцев, Иожица, 2024].

В исторической топографии округи Мангупа особое место занимает Каралезская долина. Она расположена севернее м. Чамну-бурун, между горными массивами Чердаклы-баир и Шулдан (рис. 1). Анализ архивных и опубликованных материалов, собственные археологические изыскания, проведенные на территории этой балки, позволяют локализовать здесь 21 памятник (рис. 1). История их изучения становилась предметом отдельного исследования [Науменко, Ганцев, Иожица, 2024].

По Каралезской балке проходит кратчайший путь из степных регионов Крыма к Мангупу и далее к Херсону. Скорее всего, в середине VI в. по указу императора Юстиниана I (527–565) в средней части балки возводится оборонительная стена (рис. 1, *5*). По мнению В. А. Сидоренко, она является одним из участков «длинных стен», упоминаемых Прокопием в «De Aedificiis» (50-е гг. VI в.) [1991, с. 115]. Защищенность балки, ее расположение рядом с крепостью, возведенной на плато в последнее десятилетие правления Юстиниана I, способствовало концентрации здесь населения на протяжении практически всего Средневековья. Вероятней всего, тогда же с целью оповещения людей, проживающих у подножия м. Чамну-бурун и в балке Урауз-дере (рис. 1, *14, 18*), о приближающейся опасности из степи, возводится башня у восточного основания горного массива Шулдан (рис. 1, *15*).

В раннесредневековое время, кроме поселений, на западном склоне Чердаклы-баира функционировал грунтовый могильник (VI–X вв.) [Сидоренко, 1991, с. 115] (рис. 1, *8*). Он оставлен местным гото-аланским населением, которое кроме всего прочего несло службу в крепости. Одновременно или, что более вероятно, на финальном этапе его использования в IX–X вв. здесь был построен трехнефный храм (рис. 1, *13*). Подобное произошло и на других раннесредневековых могильниках округи Мангупа – Алмалыкском, Адым-Чокракском и Южно-Мангупском.

© Ганцев В. К., Науменко В. Е., 2025

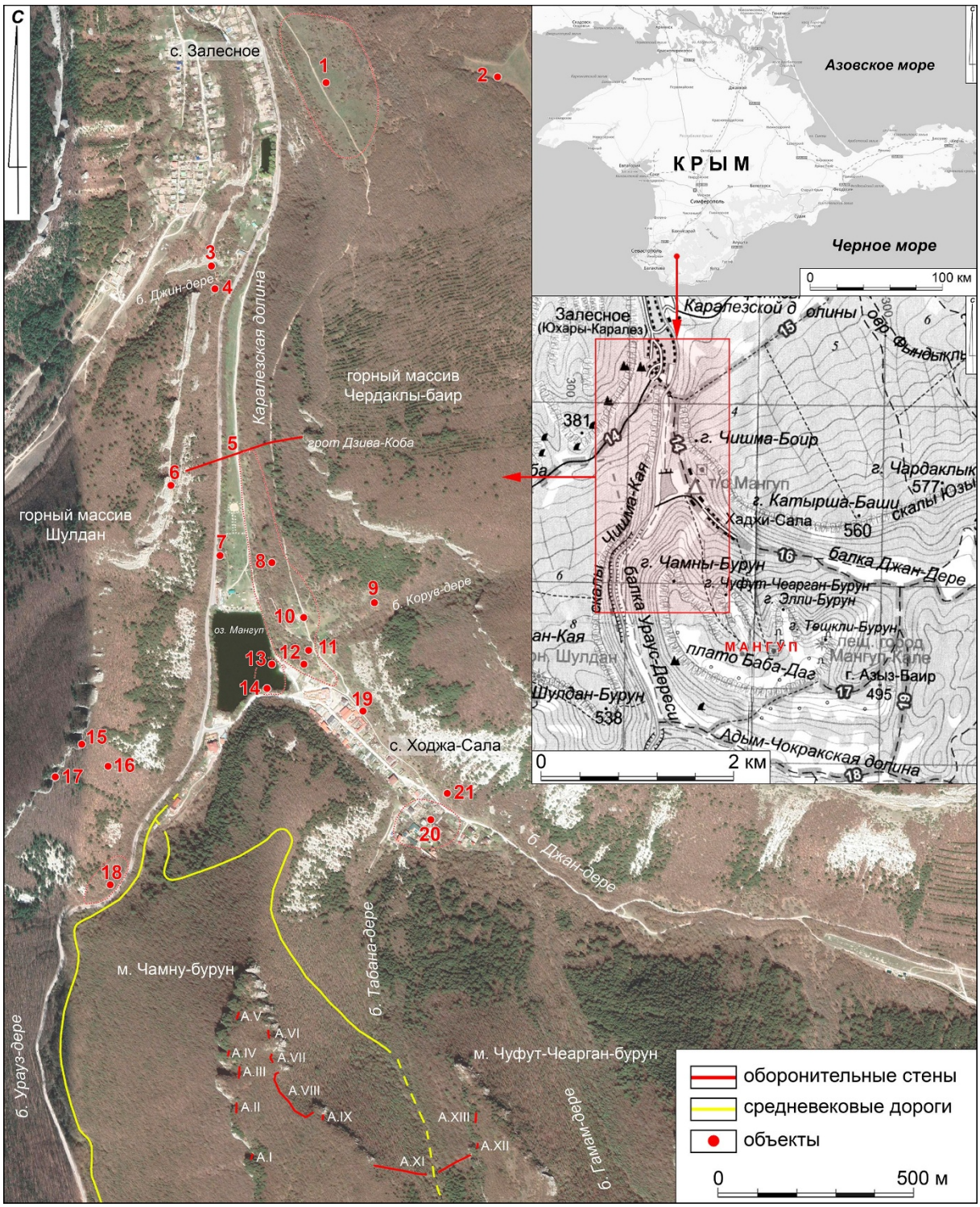

Рис. 1. Карта археологических объектов, расположенных в Каралезской долине и ее округе:
1 – поселение «Залесное-1»; *2* – поселение «Залесное-2»; *3* – стоянка «Залесное»; *4* – скальные зерновые ямы; *5* – Каралезская стена; *6* – гроты № 1 и 2 с искусственными вырубками; *7* – стены построек в борту водоотводного канала; *8* – Каралезский могильник; *9* – церковь Кильсе-Тубю; *10* – поселение «Каралез-2»; *11* – тарапан; *12* – мусульманское кладбище; *13* – Каралезская базилика; *14* – поселение «Каралез-1»; *15* – дозорно-сигнальная башня; *16* – искусственная пещера; *17* – искусственные вырубки в гроте; *18* – поселение «Урауз-дере»; *19* – водосборник XIX в.; *20* – деревня позднесредневекового и Нового времени Ходжа-Сала; *21* – мечеть

В конце XIII–XV в. поселение смещается на юго-западный склон Чердаклы-баира (рис. 1, *10*). В балке Корув-дере восстанавливается скальная церквушка Кильсе-Тубю (рис. 1, *9*). Сооружение небольших храмов на горных переходах проводилось под патронажем иерархов Готской митрополии [Науменко, Ганцев, Иожица, 2024, с. 197].

В позднесредневековое и Новое время поселенческая структура располагалась у северо-восточного подножия м. Чамнубурун (рис. 1, *20*). Здесь же строится мечеть (рис. 1, *21*). Западный склон Чердаклы-баира, на месте раннесредневекового некрополя, террасируется, здесь располагаются сады, для орошения которых во второй половине XIX в. строится резервуар (рис. 1, *19*). В истоке балки Корувдере размещается мусульманский некрополь (рис. 1, *12*).

Таким образом, исследование памятников северного пригорода Мангупа позволяет проследить эволюцию византийского и поствизантийского города, что является одним из направлений в отечественной и зарубежной византинистике [Айбабин, 2021, с. 476–477]. Естественный ландшафт Каралезской балки трансформировался под воздействием антропогенного фактора. Понимание этого процесса позволяет нам определить роль окружающей среды в жизни людей Средневековья.

Список источников

Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на внутренней горной гряде Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. 26. С. 475–497.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Актуальные задачи изучения исторической периодизации Мангупского городища // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма. Симферополь: Антиква, 2019. С. 34–38.

Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. 1. С. 324–340.

Науменко В. Е., Ганцев В. К., Иожица Д. В. Пещерная церковь Кильсе-Тубю под Мангупом. Историографические мифы и археологические реалии (по материалам раскопок 2022 г.) // XVI Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Симферополь: Ариал, 2024. С. 191–202.

Новые материалы к археологической карте округи Мангупского городища (предварительные результаты исследований 2017 г.) / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, А. А. Душенко, В. К. Ганцев, А. М. Михайлов, А. И. Набоков // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2019. Т. 5(71), № 1. С. 52–74.

Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991. Вып. 2. С. 105–118, 280–281.

И. О. Горячев, О. П. Доброва, Е. В. Осипова, А. П. Милованова, А. М. Григорьев
АНО «Центр палеоэтнологических исследований»,
Москва, Россия

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕРПУХОВСКОГО ПООЧЬЯ

Аннотация. Исследования Окской археологической экспедиции производились на территории городища Спас-Тешилов и селища Зиброво-4. Памятники расположены в Серпуховском Поочье. Селище Зиброво-4 хронологически предшествует городищу, ряд находок свидетельствует об участии населения поселка в торговле на дальние расстояния. Городище Спас-Тешилов, согласно летописи, возникает позднее, лишь в XII в. Городище небольшое, чуть более гектара, принадлежит к малым городам.

Ключевые слова: Тешилов, малый древнерусский город, Древняя Русь, Серпуховское Поочье, селище, византийская печать, дирхем

Исследования Окской археологической экспедиции Центра палеоэтнологических исследований сосредоточены на территории Серпуховского Поочья. За пять лет работы коллективом экспедиции произведен комплекс разведочных работ с выявлением и постановкой на учет вновь открытых памятников (гнезда памятников в районе д. Зиброво, д. Зайцево, д. Никифорово), а также произведены раскопки на территории городища Спас-Тешилов и селища Зиброво-4 [Доброва, 2019, с. 77; Горячев, Доброва, 2024].

© Горячев И. О., Доброва О. П., Осипова Е. В., Милованова А. П., Григорьев А. М., 2025

Обозначенные памятники попали в фокус исследований в связи с двумя проблемами – слабой изученностью малых древнерусских городов и так называемой проблемой «темных веков» на территории московского региона [Станюкович, 1985, с. 99–100; Юшко, 2005, с. 297–298]. «Темные века» охватывают последнюю четверть I тыс. – начало II тыс. н. э. и характеризуются незначительной изученностью памятников этого времени в регионе. С этим временем связано проникновение в Среднее Поочье славянских групп населения, переход от лепной к раннекруговой керамике, включение этих территорий в орбиту древнерусского государства. Часть обозначенных выше вопросов сохраняют свой дискуссионный характер [Юшко, 1998, с. 334; Шполянский, 1999, с. 150; Станюкович, Сулержицкий, 2003, с. 6–9; Григорьев, 2005, с. 165–171, 174].

Археологические раскопки городища Спас-Тешилов впервые были произведены А. В. Арциховским летом 1925 г. От коллекции памятника сохранилась лишь крайне невыразительная часть находок, а отчет содержит только текстовую часть. В этой связи первый этап работ включал составление сводного топографического плана городища с прилегающими к нему памятниками. Задача имела не простой характер в связи со сложным рельефом местности, залесенностью территории и активным хозяйственным освоением. Проведение топографической съемки с помощью воздушно-лазерного сканирования (LiDAR) позволило получить детальный топографический план как самого городища Спас-Тешилов, так и прилегающих к нему памятников.

Вторым этапом работ на городище стал поиск и локализация на топографическом плане траншей, заложенных А. В. Арциховским в 1925 г. Как уже было отмечено, никаких планов и фотоматериалов к отчету не приложено[50]. Для решения указанных задач осенью 2021 г. заложены три шурфа. В результате этих работ не только удалось локализовать на топографическом плане места прохождения траншей 1925 г., но и проверить данные о мощности и характере культурных напластований, отмеченных в отчете А. В. Арциховского.

На третьем этапе исследований усилия экспедиции были сосредоточены на изучении участка городского кладбища, расположенного в южной части городища. К задачам экспедиции относилось уточнение топографии кладбища, его хронологии, обнаружение комплексов, которые бы *предшествовали началу* функционирования кладбища в этой части городища. Исследования могильника проводились в 2022–2023 гг. В результате было установлено, что некрополь занимает верхнюю террасу городища, на юге, врезаясь в подошву вала. Верхняя хронологическая граница кладбища была определена еще А. В. Арциховским – XVI в. – на основании зафиксированного фрагмента белокаменного надгробия. Фрагменты аналогичных надгробий зафиксированы и в ходе наших раскопок. Это позволяет согласиться с предложенной А. В. Арциховским верхней датой кладбища.

В последнее время изучено свыше пятидесяти погребений, совершенных по христианскому обряду, преимущественно безынвентарных. К удаче экспедиции стоит отнести открытие переотложенных антропологических останков, обнаруженных и перезахороненных в ходе работ А. В. Арциховского. Это позволило пересмотреть выводы, содержащиеся в отчете 1925 г., о преимущественно детских погребениях, расположенных в траншее А. Еще одним открытием стало обнаружение комплекса тканей с золотным шитьем. До недавнего времени это позволяло говорить о начале функционирования кладбища в домонгольский период. Однако радиоуглеродные даты, полученные по костным останкам погребенных, в том числе содержавших ткани с золотным шитьем, лежат в диапазоне от середины XIV до начала XVI в. Для устранения возникшего противоречия были отобраны образцы нитей для AMS-датирования.

[50] Арциховский А. В. Отчет о раскопках в Серпуховском уезде Московской губернии в 1925 году // ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174. Л. 23–53.

К неразрешенным на сегодняшний день вопросам относится время начала жизни в этой части поселения. К сожалению, в ходе раскопок могильника не удалось зафиксировать ни одной углубленной ямы, которую бы удалось датировать. Комплекс находок, собранный из раскопок переотложенного кладбищем культурного слоя, представлен фрагментами украшений: стеклянных браслетов, бус, семилопастных височных колец, керамики, наиболее отчетливо отражающих слои XII–XIII вв. Данный комплекс носит обычный для древнерусского города характер. К раритетным находкам можно отнести находку византийской свинцовой печати. Возможно, печать связана с остатками деревянной церкви, существовавшей в этой части городища, что нашло отражение в «Повести о Митяе», вошедшей в состав Никоновской летописи [Полное…, 2000, с. 36]. Предположительно, следы церкви зафиксированы в ходе раскопок 2023 г. Изученные в ходе комплексных палеоантропологических исследований погребения позволяют говорить о близости населения средневекового города Тешилова со средневековым населением Ростиславля Рязанского.

К четвертому этапу относятся начатые в полевом сезоне 2024 г. раскопки поселенческой части городища. Этот участок городища по материалам отчета А. В. Арциховского и нашему шурфу 2021 г. обладает наибольшей мощностью культурных напластований – свыше двух метров. По сведениям, полученным из отчета А. В. Арциховского, он наблюдал здесь остатки деревянных домов с глубокими подполами. Наши наблюдения над стратиграфией шурфа 3 фиксировали наличие мощных делювиальных отложений с верхней площадки городища (на которой расположено кладбище), под которыми находился непотревоженный черный гумусированный суглинок. По нашему мнению, исследования этой части городища способны пролить свет на время возникновения Тешилова.

С исследованиями Тешилова тесно связаны начатые осенью 2023 г. раскопки селища Зиброво-4. Проведенные разведочные работы Д. В. Аносова и И. О. Горячева позволяют сделать заключение о более раннем характере селища по отношению к городищу Спас-Тешилов, о чем красноречиво свидетельствует состав керамического материала. Если в Зиброво-4 основу коллекции составляет раннегончарная керамика, то на Спас-Тешилове – круговая керамика, а раннегончарная представлена единичными фрагментами. Начатые осенью 2023 г. раскопки предполагали обнаружить на селище закрытые комплексы для уточнения хронологии поселения. В 2023–2024 гг. на территории селища было вскрыто 100 кв. м культурных напластований. Однако за исключением одного комплекса, относящегося к мощинскому этапу существования поселка, других объектов обнаружить не удалось. Все находки происходят из пахотного слоя. Полученная коллекция находок хоть и немногочисленна, но весьма представительна и включает материалы как X–XI вв., так и XII–XIII вв. Находки стеклянных бус ближневосточного происхождения, фрагмент серебряного дирхема отчетливо указывают на участие населения поселка в торговле на дальние расстояния. В этой связи встает вопрос о том, свидетельствует ли материальная культура поселения о складывании окского участка Волжского пути или маркирует финал существования Донского пути?

Таким образом, селище Зиброво-4 хронологически предшествует возникновению города Тешилова. Весьма перспективным стала бы разработка локальной керамической шкалы по этим памятникам, но этому препятствует отсутствие закрытых комплексов. Основная масса керамики получена на сегодняшний день из переотложенных слоев грунтового могильника или пахотного горизонта селища Зиброво-4. Другая сложность состоит в преобладании в коллекциях памятников мелко фрагментированной керамики. Остается лишь надеяться, что будущие работы поправят эту ситуацию.

Список источников

Горячев И. О., Доброва О. П. Работы на Спас-Тешиловском городище в 2022 году // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2024. Вып. 20. С. 129–142.

Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Репроникс, 2005. 207 с.

Доброва О. П. Археологические разведки в окрестностях городища Спас-Тешилово // АО 2017 года. М.: ИА РАН, 2019. С. 77.

Полное собрание русских летописей. 2000. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XI. 264 с.

Станюкович А. К. Ранние этапы славянского заселения Подмосковья // Человек и окружающая среда в древности и Средневековье. М.: Наука, 1985. С. 98–101.

Станюкович А. К., Сулержицкий Л. Д. К проблеме абсолютной хронологии раннесредневековых памятников Верхнего Москворечья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга: Гриф, 2003. С. 6–11.

Шполянский С. В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Забелинские научные чтения – 1995–1966 гг. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103). С. 142–153.

Юшко А. А. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология: традиции и перспективы: к 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М: Памятники исторической мысли, 1998. С. 323–335.

Юшко А. А. Проблемные вопросы археологии Московской земли // Археология Подмосковья. М.: Институт археологии РАН, 2005. Вып. 2. С. 296–299.

Н. В. Григорьева[1], О. П. Бачура[2], Т. В. Лобанова[3]

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

[2,3] Институт экологии растений и животных Уро РАН, Екатеринбург, Россия

ИТОГИ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Аннотация. Представлены обобщенные археозоологические исследования из раскопов разных лет и разных частей Земляного городища, которые характеризуют временной интервал с VIII по XVII в. Выделен переломный период в хозяйстве населения в конце X в.

Ключевые слова: Старая Ладога, Земляное городище, остеология, хозяйство, Средневековье, Новое время

Исследование выполнено при поддержке РНФ «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладоги» № 23-18-00515.

Старая Ладога – это целый комплекс археологических памятников, центром которого является каменная крепость. Научные археологические исследования начались в Старой Ладоге в 80-х годах XIX в. и продолжаются до сих пор [Актуальные вопросы…, 2023, с. 139]. Наиболее масштабные работы проходили в XX в. на территории Земляного города, расположенного к югу от крепости. Земляное городище – многослойный археологический памятник, историю которого можно разделить на два периода: существование неукрепленного поселения VIII–XVI вв. и перекрывающее его укрепление бастионного типа конца XVI–XVII вв. (отсюда и название «Земляное городище», появившееся в XVII в.). Культурный слой поселения по морфологическим признакам можно условно поделить на две части: верхние напластования гумуса XI–XVI вв., и нижние слои так называемого «мокрого» слоя VIII–X вв. В XI в. и в Новое время на этой территории существовало кладбище. Археологические исследования Земляного города ведутся уже более ста лет. Благодаря хорошей со-

© Григорьева Н. В., Бачура О. П., Лобанова Т. В., 2025

хранности дерева в нижнем анаэробном слое, по остаткам венцов разобранных построек средневекового времени построена дендрохронологическая шкала с середины VIII в. и до середины X в. За годы исследований собрано большое количество артефактов, выполнены работы по реконструкции природной среды и земледельческой деятельности. К сожалению, остеологические материалы собирались не во все годы раскопок. На настоящий момент собрана и обработана значительная остеологическая коллекция (более 107 тыс. экз.) из разных частей городища.

1938–1939 гг., раскопки В. И. Равдоникаса, центральная часть городища; определения млекопитающих и птиц В. И. Громова (ЗИН), рыб В. Д. Лебедев [Равдоникас, 1949; Лебедев, 1960];

1949 г., раскопки В. И. Равдоникаса, центральная часть; определения млекопитающих В. И. Цалкин [Цалкин, 1956];

1988–1991 гг., раскопки А. Н. Кирпичникова, Раскопы 1 и 2; определения млекопитающих А. К. Каспаров (ИИМК) [Каспаров, 1997];

2007–2009 гг., раскопки А. Н. Кирпичникова, Раскоп 4, южная часть; определения млекопитающих Н. Е. Бобковская (ИЭРиЖ);

2010–2013 гг., раскопки А. Н. Кирпичникова, Раскоп 5, южная часть; определения млекопитающих О. П. Бачура, Т. В. Лобановой (ИЭРиЖ).

Все материалы охватывают значительный период постоянного существования и развития поселения от VIII до XVII вв. и позволяют охарактеризовать изменения хозяйственной деятельности населения на длительном отрезке времени.

Обобщение всех данных согласно хронологическим рамкам позволяет сделать определенные выводы. На начальном этапе существования поселения главную роль в питании жителей играла рыбная ловля (кости рыб составляют 73 % всех остатков). Причем до 54 % улова составляли осетры. В большом количестве также ловили лещей, сомов, щук и судака и в небольшом – еще 11 видов рыб [Лебедев, 1960]. На домашних животных в материалах этого периода приходится лишь 22 % остатков. С IX в. добыча рыбы сокращается в 1,5 раза, позднее, к концу X в., практически в 3 раза, а животноводство становится ведущей отраслью хозяйства у населения. К концу XVII в. рыболовство сходит практически на нет.

Среди домашних животных по числу костных остатков в VIII в. доминирует крупный рогатый скот (60 %), затем свиньи (33 %), и в небольшом количестве представлен мелкий рогатый скот, преимущественно овцы (7 %). Позднее, в IX в., значение свиней и крупного рогатого скота в хозяйстве населения Ладоги становится одинаковым (по 46 %). Начиная с X в. поголовье свиней в стаде домашних животных постепенно сокращалось от 39 % до 10 % к концу XVII в. Доля крупного рогатого скота, напротив, увеличивалась от 51 % в X в. до 80 % к концу XVII в. Роль овец оставалась неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода. Все эти животные употреблялись в пищу, поэтому соотношение костных остатков приблизительно соответствует их соотношению в стаде. Роль лошади оценить по остеологическим остаткам невозможно. Их малое количество (от 0,2 % до 2 % в разные периоды) свидетельствует о том, что в пищу лошадей не употребляли. На протяжении всего периода ладожане содержали собак и кошек, а также домашних кур [Перспективы и методика…, 2016, с. 118].

Охота на диких млекопитающих и птиц на протяжении всего рассматриваемого периода не играла существенной роли. Остатки промысловых млекопитающих составляли 4–5 % в VIII–XIII вв. и 2 % в более позднее время. Конечно, не все убитые охотниками животные попадали на поселение. Кроме того, в составе добычи не учитываются изделия из рога лося и разного рода другие изделия из кости. Но приведенные цифры наглядно характеризуют соотношение скотоводства и охоты в хозяйстве жителей Ладоги. Среди промысловых животных в период с VIII по XIII вв. первое место занимает бобр (30–52 %), затем лисица (13–24 %) и заяц (6–12 %). Лось вплоть до конца X в. в охотничьей добыче составлял не больше 9 %,

но позднее он становится ведущим промысловым видом. В редких случаях добывали кабанов, северного оленя и нерпу. Кости пушных зверей: бобра, волка, белки, куницы и бурого медведя – почти исчезают уже к XV в. Это может быть связано с общим сокращением их численности в окрестностях города в результате антропогенной нагрузки (охоты, расширения пахотных земель и т. п.).

Остатки промысловых птиц составляют от 3 до 8 % в материалах VIII в. и не более 2 % в более поздних материалах. Среди птиц представлены лесные куриные (тетерева, глухари, рябчики), а также водоплавающие – утиные и гусиные [Равдоникас, 1949].

В целом, можно выделить два основных временных периода, когда произошли заметные изменения в типе хозяйства. Первый охватывает временной интервал VIII – конец X вв. Для него характерна существенная, а в начале даже главенствующая, роль рыболовства, а также равное значение в хозяйстве крупного рогатого скота и свиней. Второй период охватывает временной интервал XI–XVII вв., когда на первое место выходит животноводство, где главная роль принадлежит крупному рогатому скоту. Промысловая деятельность, в том числе и рыболовство, играют незначительную роль. Выделенные периоды в целом состыковываются с археологическими данными, согласно которым именно X в. является переломным в процессе развития поселения. В это время изменяется образ материальной культуры поселения, меняется домостроительство, в культурном слое максимально представлены свидетельства торговой деятельности. Поселение переживает расцвет, что приводит к увеличению и уплотнению населения, скученности и регулярности застройки [Воронин, 1951]. Вероятно, такие изменения требовали кардинальной перестройки хозяйства, которые мы фиксируем по остеологическим остаткам.

Список источников

Актуальные вопросы топографии Старой Ладоги / В. А. Лапшин, С. А. Васильев, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 2 (34). С. 127–148.

Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 5–29.

Каспаров А. К. Остатки животных из городища Старая Ладога (предварительные итоги) // Древности Поволховья. СПб: ИИМК РАН, 1997. С. 26–30.

Лебедев В. Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1960. 403 с.

Перспективы и методика анализа ДНК ископаемых костей домашней курицы, обнаруженных при археологических раскопках / С. А. Галкина, А. Г. Дёмин, А. В. Пантелеев, А. С. Дружкова, В. А. Трифонов, Н. В. Григорьева // Ладога и проблемы древней и средневековой истории Северной Евразии: сборник статей по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. СПб: Нестор-История, 2016. С. 118–124.

Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА. 1949. № 11. С. 5–54.

Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. По данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР. М.: Наука, 1956. 186 с.

С. А. Денисов
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАМКОВ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НЕМАНА В XIV–XV ВВ.

Аннотация. Статья посвящена археологическим комплексам, выявленным при исследовании замков Рагнит, Каустриттен и Тильзит в 2024 г. Всего выявлено 6 комплексов, существовавших в XIV–XV вв.: культурный слой трех замков, каменная вымостка, основания стен пархама и флигеля. Контекст выявленных объектов свидетельствует о частичном изменении историко-культурного ландшафта левобережья Немана.

Ключевые слова: замок, Тевтонский орден, археологический комплекс

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени». НИОКТР 124012400322–9.

Политика Тевтонского ордена, во второй половине XIII–XV вв. направленная на покорение Юго-Восточной Прибалтики, подразумевала возведение системы замков, являвшихся военными и административными центрами новой власти. Подчинив Скаловию в 1277–1280 гг., Тевтонский орден получил выход к р. Неман – важной водной артерии, соединявшей скаловские и литовские земли с Балтийским морем, а также являвшейся оборонительным рубежом от вторжений со стороны Великого Литовского княжества. Для укрепления позиций Тевтонского ордена на левом берегу реки Немана был построен ряд замков, центральное место среди которых занимали Рагнит (в границах г. Немана Калининградской области), Тильзит и Каустриттен (оба в границах г. Советск Калининградской области), построенные и активно функционировавшие как военные и административные центры в XIV–XV вв. Ключевыми характеристиками этих сооружений являются этапы строительства и функционирования, а также состав, количество и хронологические рамки предшествовавших им памятников. О перечисленных аспектах позволяют судить археологические комплексы (культурный слой, остатки жилых и хозяйственных построек, основания архитектурных сооружений, расположенных под землей), изучение которых основано на корреляции сведений письменных источников и полевых археологических исследований.

В историографии оба подхода использовались отдельно друг от друга, что отражено в работах, посвященных роли замков в борьбе Тевтонского ордена и Литвы за Жемайтию [Бахтин, 2020, с. 480, 487], а также в исследованиях, касающихся существования замков как археологических памятников[51] [Höhne, 1938, s. 226–230]. Отдельное место занимают исследования, в которых основное место уделено замкам как архитектурным объектам [Бахтин, 2005, с. 125–132, 179–180, 180–182; Jóźwiak, Trupinda, 2009].

В 2024 г. сотрудники Самбийской экспедиции Института археологии РАН исследовали в форме археологических разведок замки Рагнит, Каустриттен и Тильзит. Цель работ состояла в поиске культурного слоя и объектов, связанных с возведением и функционированием замков в XIV–XV вв., а также предшествовавших им.

Основным замком, согласно военному и административному положению, был Рагнит, расположенный на коренном берегу реки, обладавший мощными фортификационными сооружениями и являвшийся резиденцией комтура. Замок построен в 1289 г. выше по течению реки от современного местоположения и располагался на площадке скаловской крепости Раганита, разрушенной Тевтонским орде-

© Денисов С. А., 2025

[51] Стоколос А. А. Отчет о проведении археологического обследования городища «Советск–1» (Schlossberg) в Неманском районе Калининградской области в 2010 г. М., 2013 // Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 35735.

ном в 1277 г. [Petri de Dusburg, 1861, s. 160, № 261; s. 181, № 313]. В 1385–1405 гг. вместо него был построен новый замок с тем же названием на площадке, расположенной на 2 км ниже по течению реки. Он состоял из 4 флигелей и был квадратной формы. К его северо-западной стене был пристроен форбург, а от северо-восточной стены к Неману вел данцкер. По периметру замок был окружен пархамом с оборонительной стеной [Бахтин, 2005, с. 127–128].

На территории замка, площадь которой составила 11 818,9 кв. м, были заложены 6 шурфов: два из них располагались у северного угла замка, еще два находились к юго-востоку от замка, по одному шурфу заложено у северо-восточной стены и у юго-восточного фундамента стены пархама. Культурный слой выявлен в шурфах 1–3, 6 на глубине –80/–100 см от дневной поверхности и представлен слоями темно-коричневой и коричневой супесей, содержащими кирпичную крошку, известь, древесный уголь, прослойки и пятна коричневой глины общей мощностью 0,3–0,5 м. В нем найдены 4 стенки и донце круговых сосудов из серожгущейся глины XV–XVI вв. В шурфах 4 и 5 на глубине –28/–50 см от дневной поверхности выявлен слой коричневой глины с темно-коричневой супесью мощностью 0,22–0,34 м, который представлял собой отвал при возведении рва в XV в., относящийся к культурному слою замка.

Во всех шурфах ниже упомянутых слоев на глубине –65/–180 см от дневной поверхности выявлен слой темно-коричневой супеси с включениями печины и древесного угля мощностью 0,1–0,9 м. В нем найдены донце лепного сосуда из красножгущейся глины, 35 фрагментов печины и две кости животных. Выявленный комплекс представляет собой культурный слой поселения I тыс. н. э. К нему, помимо слоя, относятся борозда и хозяйственная яма, выявленные в шурфах 3 и 5. В заполнении ямы найдены стенка лепного сосуда из красножгущейся глины и два фрагмента печины.

В шурфе 3 зафиксирован фундамент стены пархама высотой 1–1,05 м, он сложен из валунов длиной 0,3–0,38 м и высотой 0,18–0,24 м и мелких булыжников, скрепленных известковым раствором.

Замок Каустриттен расположен на мысу надпойменной террасы, на расстоянии 6,5 км к северо-западу от Рагнита. Он построен в XIV в. на месте городища скаловов. Замок дважды был разрушен во время литовских вторжений в 1365 и 1382 гг., после второго из которых он не восстанавливался [Бахтин, 2005, с. 180].

Замок, территория которого имеет общую площадь 19 700 кв. м, состоит из двух частей: хохбурга, расположенного на оконечности мыса, и лежащего к юго-западу от него форбурга. Здесь были заложены 5 шурфов: четыре в хохбурге и один в форбурге. В хохбурге выявлен культурный слой, состоящий из темно-коричневой супеси с включениями угля и печины мощностью до 0,68 м. В нем обнаружены язычок ременной пряжки, ледоходный шип, пружинные ножницы и лучковое сверло, две стенки раннегончарных сосудов из красножгущейся глины XI–XIII вв., три черепка от круговых сосудов из серожгущейся глины, стенка кругового сосуда из красножгущейся глины и фрагмент круговой крышки из серожгущейся глины (все фрагменты относятся к XIV в.). Помимо культурного слоя обнаружены вымостка из булыжников, скрепленных глиной, XIII–XIV вв. (шурф 2), и яма, которая заполнена темно-коричневой супесью с включениями коричневой глины, печины и угля и датируется IX–XI вв. Аналогичный по мощности и составу культурный слой выявлен на территории форбурга. Помимо слоя на уровне материка здесь выявлены две ямы XI–XIII вв.

Замок Тильзит расположен на коренном берегу реки на расстоянии 2,7 км к юго-западу от Каустриттена. Тильзит основан в 1404 г., имел квадратную форму, образованную 4 флигелями. Замок перестраивался в 1671–1672 гг. для улучшения оборонительных функций, а после 1805 г. был дополнительно видоизменен для нужд фабрик и заводов, располагавшихся в нем до второй половины XX в. [Бахтин, 2005, с. 182].

На территории замка, площадь которой составила 14 223 кв. м, были заложены три

шурфа. Культурный слой, относящийся к рассматриваемому периоду, выявлен в шурфе, расположенном в углу между северо-западным и северо-восточным флигелями. Слой представлен темно-коричневой супесью с включениями угля и желтого песка мощностью 1 м и располагается на уровне –135 см от дневной поверхности. В нем найдены серебряный шиллинг великого магистра Михаила Кюхмейстера (1414–1422 гг.), свинцовая вставка в кожаную обувь, а также фрагменты круговых сосудов из серожгущейся глины и фрагмент плитки из серожгущейся глины с зеленой поливой.

Помимо культурного слоя в шурфе выявлен фундамент северо-западного флигеля замка XV в., который сложен из большемерных кирпичей размером 30–32×15×8 см, скрепленных известковым раствором и расположенных на основании из валунов и булыжников размером 20–70×10–50×10–45, также соединенных известковым раствором. На глубине –135 см от дневной поверхности в кирпичной кладке выявлена арка, ведущая внутрь подвальной части флигеля.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить шесть археологических комплексов на территориях замков Рагнит, Каустриттен и Тильзит, существовавших в XIV–XV вв.: культурный слой трех замков, каменную вымостку, основания стен пархама и флигеля. Перечисленные объекты свидетельствуют об активной хозяйственной и строительной деятельности внутри замков в период их функционирования как военных и административных центров. Их расположение вместе с более ранними комплексами (культурный слой, четыре ямы от хозяйственных построек, борозда, датируемые I тыс. н. э., IX–XIII вв.) говорит о том, что они были выстроены на частично освоенных ранее участках, на которых располагались городище (Каустриттен) или неукрепленное поселение (Рагнит). Новая линия обороны, выстроенная Тевтонским орденом на левобережье Немана для защиты своей территории и продвижения в Жемайтию, привела к частичному изменению местного историко-культурного ландшафта.

Список источников

Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград: Terra Baltica, 2005. 208 с.

Бахтин А. П. Немецкий орден. Калининград: Живем, 2020. 1072 с.

Höhne R. Die Ausgrabungen der Schutzstaffeln // Germanien. 1938. Hft. 7. S. 224–230.

Jóźwiak S., Trupinda J. Budowa krzyżackiego zamku komturskiego w Ragnecie w końcu XIV–na początku XV wieku i jego układ przestrzenny // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2009. R. 57. Nr 3–4. S. 339–368.

Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae // Scriptores rerum prussicarum / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1861. Bd. 1. S. 21–219.

И. Е. Зайцева, С. И. Милованов, С. В. Очеретина
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

КРЕСТЫ И ЭНКОЛПИОНЫ ГОРОДИЩА ГОРОДОК В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Аннотация. Коллекция крестов-тельников и энколпионов, полученная в результате широкомасштабных раскопок крепости XV в. «Городок» в Нижнем Новгороде, дает возможность не только представить ассортимент предметов личного благочестия, которые носили люди XV в., жившие на одном поселении, но и получить узкие временные привязки для датирования широко распространенных по всей древнерусской территории типов изделий.

Ключевые слова: Нижний Новгород, позднее Средневековье, мелкая пластика, кресты-энколпионы, кресты-тельники

Работа выполнена в рамках плановой темы ИА РАН: НИР № 122011200266-3.

В 2022 г. Волжская экспедиция Института археологии РАН провела крупномасштабные охранно-спасательные раскопки в центре г. Нижний Новгород на памятнике «городище Городок», интерпретируемом Н. Н. Грибовым как осадная крепость, которая была возведена на крутом окском берегу во второй четверти XV в. и функционировала до начала XVI в. [Грибов, 2018]. Исследовано около 8 000 кв. м сохранившегося культурного слоя, выявлены остатки укреплений и внутрикрепостных построек. В крепости размещался военный гарнизон. Здесь же в середине – второй половине XV в., вероятно, располагалась резиденция московской великокняжеской администрации в Нижнем Новгороде.

В ходе работ собрана обширная коллекция находок, включающая не только предметы вооружения и воинского снаряжения, но и бытовые находки, украшения, а также металлические предметы личного благочестия: кресты-энколпионы, кресты-тельники, подвески-образки. Всего обнаружено 109 находок этой группы: 10 крестов-энколпионов, как целых, так и отдельных створок, три фрагмента складней квадрифолийной формы, один двустворчатый крест-складень, пять оглавий от энколпионов, 86 крестов-тельников и три образка. Они изготовлены из сплавов на основе меди и легкоплавких сплавов. Найден один костяной крест. Ценность коллекции состоит не только в разнообразии представленных типов изделий, но и в их достаточно узкой хронологической привязке в рамках второй четверти – конца XV в. Для древнерусских предметов личного благочестия, большая часть которых лишена археологического контекста и хронологических реперов, это практически уникальный случай.

Одна лицевая створка гладкого энколпиона с прямыми ветвями с черневым изображением Распятия (рис. 1, *1*) относится к типу древнейших, появившихся на Руси в конце XI в. и широко распространенных в первой половине XII в. [Корзухина, Пескова, 2003]. Это первая известная находка подобного энколпиона в контексте XV в., и она вызывает много вопросов.

Еще два предмета (рис. 1, *3, 4*) представляют один чрезвычайно популярный на Руси тип рельефных энколпионов с округлым завершением ветвей с центральной фигурой Распятия со святыми в медальонах на лицевой створке и Богоматери Одигитрии со святыми в медальонах на оборотной. Таких крестов известно около 240 экз. По наблюдениям А. А. Песковой, тип появляется не позже последней четверти XII вв. и считается специалистами домонгольским [Корзухина, Пескова, 2003].

Возможно, также к раннему типу относится обломок боковой ветви крупного прямоконечного энколпиона с рельефным поясным изображением святого на конце

© Зайцева И. Е., Милованов С. И., Очеретина С. В., 2025

(рис. 1, *5*). Скорее всего, это обломок оборотной створки с фигурой Константина. В центре этой створки помещался св. Николай в рост. Этот тип энколпионов, представленный небольшим количеством экземпляров, также относится Е. А. Моршаковой и А. А. Песковой к древнейшим, с конца XI в., однако исследовательницы отмечают находку подобного экземпляра в слое XIII–XIV вв. в Москве [Моршакова, 2013; Корзухина, Пескова, 2003]. Территориально наиболее близкой является оборотная створка такого энколпиона из постройки XII в. в Городце.

Из 86 металлических крестов-тельников 4 экз. принадлежат к типам, известным в более раннее время (рис. 1, *5*–*8*). Кресты с ромбовидным средокрестием и тонкими прямыми ветвями с шариками на концах в Новгороде обнаружены в слоях с XII в., однако целый ряд находок, в том числе литейная форма для их изготовления, приурочены к напластованиям XIV в. Второй половиной XIII в. – XIV в. датируются и кресты с криновидными концами [Седова, 1981, с. 54].

Рис. 1. Энколпионы и кресты из раскопок 2022 г. «городища Городок» в Нижнем Новгороде

Остальные кресты и энколпионы, найденные на городище, относятся к типам, характерным для XV в., некоторые из них являются единичными экземплярами. Многочисленность и однотипность тельников с килевидным завершением удлиненной нижней ветви и крупным выпуклым рисунком креста в центре лицевой стороны позволяет предполагать их местное производство.

Разнообразная коллекция металлических крестов-тельников и энколпионов, полученная в результате широкомасштабных раскопок крепости XV в. «Городок» в Нижнем Новгороде, впервые в отечественной науке дает возможность не только наглядно представить тот ассортимент предметов личного благочестия, которые носили люди XV в., жившие на одном поселении, но и получить достаточно узкие временные привязки для датирования широко распространенных по всей древнерусской территории типов изделий.

Список источников

Грибов Н. Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 432 с.

Моршакова Е. А. Древнерусская мелкая пластика: наперсные кресты, иконы и панагии XII–XV веков: каталог. М.: СканРус, 2013. 359 с

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

А. А. Иншаков, А. В. Иншакова

Сельскохозяйственный потребительский обслуживавший кооператив «Елецкий стан», Елец, Россия

ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАРАЧЕВСКОГО КНЯЖЕСТВА XIV В. – НАЧАЛА XV В.

Аннотация. В работе анализируется комплекс археологических данных по истории Карачевского княжества XIV – начала XV вв. Основное внимание уделено его юго-восточным территориям – Звенигородскому и Елецкому уделам.

Ключевые слова: Карачевское княжество, Звенигородский удел, Звенигород-на-Оке, Елецкий удел, Елецкое княжество, Елец

В истории Верховских земель период XIV – начала XV в. характеризуется продолжением политического дробления, приводящего к постоянным территориальным изменениям. Вызвано это было ослаблением Золотой Орды, борьбой между Великим Литовским и Московским княжествами. Отмеченные процессы довольно подробно проанализированы по данным письменных источников [Лаврентьев, 2011; Шеков, 2012, 2018, Темушев, 2016], однако подходы в определении границ княжеств и уделов разнятся.

В результате археологических исследований [Никольская, 1981; Тропин, 2006, 2021; Иншаков, Иншакова, 2020; Шинаков, Рябчевский, Иванчей, 2024] накоплен значительный массив данных по Карачевскому княжеству XIV – начала XV в., которые позволяют поставить вопрос об уточнении границ уделов его юго-восточных территорий (Звенигородского и Елецкого).

Среди подвергавшихся раскопкам поселений XIV – начала XV в. Елецкого удела отметим Лавский археологический комплекс (изучено более 20 000 кв. м), Аргамач-Пальна 2 (1 210 кв. м), 3 (4 210 кв. м) и 5 (1 164 кв. м) [Разведка в бассейне…, 2019; Тропин, 2006]; Звенигородского удела – Плещеево 2 (10 050 кв. м) [Иншаков, Иншакова, 2020] и городище Кромы (67,9 кв. м) [Археологические исследования…, 2023].

© Иншаков А. А., Иншакова А. В., 2025

В результате исследований выделены маркеры, характерные для памятников Юго-Востока Руси XIV – начала XV в. К ним относятся монеты, предметы торговли (фрагменты чугунных котлов, серебряных зеркал, ордынская керамика), личного благочестия, вооружения и снаряжения (колесиковые шпоры, конская упряжь), а также характерные типы русской средневековой керамики (венчики типов 2/3, 3/4, 13/1 и 23/1 по В. Ю. Ковалю).

Они позволили уточнить датировки находок из археологических исследований советского периода, переосмыслить время существования ряда средневековых поселений, реконструировать этапы расселения, характер жилой и хозяйственной застройки, социальный статус владельцев усадеб. Примерные границы территорий уделов определены с учетом письменных источников, данных археологии и географических признаков.

Историческим ядром Елецкого удела (Елецкая земля по письменным источникам [Тропин, 1999]) являлась левобережная часть бассейна р. Быстрая Сосна (правый приток р. Дон). Здесь, в междуречье рек Талец, Пальна, Ельчик, Пажень и Воргол, известно 52 поселения второй половины XIII – начала XV вв. Административным и торгово-ремесленным центром становится Лавский археологический комплекс, который состоит из городища (площадь 1,2 га) и нескольких разновременных селищ XI–XV вв. (общей площадью около 100 га) [Тропин, 2021]. К Елецкому уделу относят земли, расположенные западнее исторического ядра, до современного города Ливны (Орловская область) включительно [Тропин, 2006; Темушев, 2016]. На этой территории (от р. Воргол и до р. Труды) известно 32 поселения с находками XIV–XV вв. [Краснощекова, Красницкий, 2006; Тропин, 2006; Разведка в бассейне…, 2019]. К этому же уделу тяготеют земли вплоть до истока р. Большая Сосна, где выявлено семь селищ и городище (у с. Городецкое на р. Фошня). В итоге в бассейне р. Большая Сосна нами учтено 91 селище, и как минимум 2 городища (Лавское и Городецкое) с находками XIV–XV вв.

Вероятно, в последней четверти XIV в. Елецкий удел обособляется в самостоятельное княжение со своей отдельной ветвью князей Елецких. По всей видимости, административный центр переносится в историческую часть современного г. Ельца. По письменным источникам, при впадении р. Ельчик в р. Большая Сосна, на высоком берегу располагалось городище [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, с. 5]. Оно археологически пока не выявлено, при этом культурный слой с находками XII–XV вв. в центральной части города фиксируется на площади не менее 20 га. Летописный «Коршев на Сосне», по одной из версий, следует соотносить с Лавским археологическим комплексом [Ляпин, 2013], по другой – с городищем у с. Городецкое на р. Фошня [Неделин, 2012].

Таким образом, Елецкий удел (княжество с конца XIV в.) граничил на западе со Звенигородским уделом Карачевского княжества по водоразделу рек Ока, Большая Сосна; на юге – с владениями Золотой Орды по устью р. Воронеж; на востоке – с Великим княжеством Рязанским по р. Дон; на северо-западе – с Новосильским княжеством по водоразделу рек Большая Сосна и Зуша (правый приток р. Ока); на севере – с владениями Золотой Орды (Тульское баскачество?) по р. Красивая Меча (правый приток р. Дон).

Историческим ядром Звенигородского удела являлась левобережная часть бассейна р. Ока, располагавшаяся в междуречье ее притоков: рек Неполодь, Орлик и Цон. Здесь известно 16 поселений с материалами второй половины XIII – начала XV вв. [Иншаков, Иншакова, 2020]. Административным центром является городище Спасское (площадью около 0,5 га) и 4 селища, расположенные рядом (общей площадью более 25 га). Укрепленная часть посада составила менее 10 га. Данный комплекс памятников отождествляется с летописным «Звенигородом-на-Оке» [Шеков, 2012; Темушев, 2016; Иншаков, Иншакова, 2020].

Звенигородский удел граничил на западе с сельской округой Карачева по водоразделу рек Снежеть, Навля (обе левый

приток р. Десна) и Цон, Орлик; на юге – с Брянским княжеством (с середины XIV с Великим княжеством Литовским) по водоразделу рек Ока и Свапа (правый приток р. Сейм); на востоке – с Новосильским княжеством по р. Ока; на севере – с Болховским и Хотетовскими уделами Карачевского княжества по водоразделу рек Нугрь и Каменка (обе левые притоки р. Ока).

На данной территории выявлено 31 поселение с находками XIV – начала XV вв. [Археологическая…, 1992]. При этом 9 из них являются многослойными городищами, в том числе летописный город Крома. Его следует локализовать в исторической части пгт. Кромы. Он состоял из одноименных городища (площадью 1,1 га), размещенного при устье р. Недна (левый приток р. Крома – левый приток р. Ока), а также двух селищ (общей площадью до 35 га), расположенных по обеим ее берегам.

Список источников

Археологическая карта России: Орловская область / Сост. Г. К. Патрик. М.: Авто, 1992. 96 с.

Археологические исследования на территории поселка городского типа Кромы // Д. С. Вуколов, А. П. Никитин, А. В. Белых, А. А. Иншаков // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022. Липецк, Воронеж: Полиграф. изд-во «Новый взгляд», 2023. С. 172–177.

Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592–1594 гг. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. 274 с.

Иншаков А. А., Иншакова А. В. «Верховское Звенигородское» княжество XIV – начала XV вв. по данным археологии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 204–205.

Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. Орел: Внешние воды, 2006. 320 с.

Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI в. М.: Квадрига, 2011. 250 с.

Ляпин Д. А. Город Коршев на Сосне и начало истории Елецкого княжества // Запад – Россия – Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. 2013. № 3–4. С. 20–25.

Неделин В. М. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел: Вешние воды, 2012. 544 с.

Никольская Т. Н. Земля вятичей: к истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.

Разведка в бассейне реки Быстрая Сосна / А. В. Иншакова, А. А. Иншаков, А. Н. Голотвин и др. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк, Воронеж: Полиграф. изд-во «Новый взгляд», 2019. С. 135–142.

Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV – первая половина XVI в. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2016. 328 с.

Тропин Н. А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец: ЕГПИ, 1999. 147 с.

Тропин Н. А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. 368 с.

Тропин Н. А. Предметы вооружения и воинского снаряжения второй половины XIV – начала XV в. Елецкого княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени VII: археология, история. Тула: Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2021. С. 78–93.

Шеков А. В. Верховские княжества XIII – середины XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с.

Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств: середина XIII – середина XVI в. М.: Квадрига, 2018. 501 с.

Шинаков Е. А., Рябчевский Н. Г., Иванчей С. А. Археолого-нумизматические свидетельства событий последней трети XIV в. на юге Карачевского княжества (бассейн р. Навля) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. Т. 65. № 2. С. 152–178.

В. Ю. Коваль, П. Е. Русаков
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ФОРТИФИКАЦИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Аннотация. Археологические исследования последних лет показали, что валы городов Волжской Булгарии сооружались разными способами: среди них обнаружены как насыпи (Болгар, Биляр), так и руины древо-земляных стен (Биляр, Большетаябинское городище). По одному внешнему виду булгарских валов (без раскопок) невозможно определить, остатками каких именно конструкций (насыпей или древо-земляных стен) они являются.

Ключевые слова: Волжская Булгария, археология, фортификация, древо-земляные стены, валы, рвы, Средневековье

Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Фортификация Волжской Булгарии плодотворно изучается уже много лет трудами прежде всего археологов Татарстана. Наиболее весомый вклад в эту проблематику внесен А. М. Губайдуллиным, опубликовавшим две монографии [2002; 2019] и большое число статей, в которых рассматриваются разные аспекты оборонного зодчества этой страны. Однако не все стороны этого зодчества получили ясную интерпретацию, причина чему кроется в недостаточной археологической изученности древних фортификационных сооружений, дефицит которой традиционно покрывается ссылками на выводы, полученные исследователями древнерусской и европейской фортификации. К сожалению, многие из таких выводов серьезно устарели и требуют критического анализа.

До 1930-х гг. средневековые фортификации Восточной Европы (включая те, что размещались на территории Волжской Булгарии) оценивались только по их внешнему виду и размерам, что, конечно, не давало никаких сведений об их внутреннем конструктиве. Масштабные раскопки древнерусских валов и (редко) рвов, проводившиеся в 1950-х гг. П. А. Раппопортом при помощи узких траншей, зачастую не доведенных до материка, также не дали ясного понимания того, как возводились такие сооружения [Коваль, 2021]. В результате советские исследователи XX в. вынужденно воспринимали валы как искусственно созданные насыпи, хотя такой вывод вступал в противоречие с летописными источниками, сообщавшими о рубленых «стенах» в древнерусских городах и каких-то деревянных «оплотах» вокруг городов булгарских. Для разрешения этого противоречия была изобретена гипотеза о возведения поверх насыпных валов пустотелых стен по образцу укреплений сибирских острогов XVII в. По аналогии с этой гипотезой (ни разу не доказанной фактическим археологическим материалом), булгарские фортификации стали реконструироваться аналогично.

Изучение валов широкой площадью, с фиксацией пластовых планов и всех следов древесины, позволила в 1980–2000-х гг. Г. В. Борисевичу, а затем Ю. Ю. Моргунову получить неопровержимые доказательства того, что валы русских городов являлись руинами древо-земляных стен, т. е. стен, составленных из дубовых срубов, заполненных землей [Моргунов, 2009]. К сожалению, в период после развала СССР в условиях спада в финансировании археологических исследований прорезки валов стали проводиться крайне редко, а если они и проводились, то по прежней устаревшей методике закладки узких траншей. В частности, так исследовались валы Камаевского[52], Кашанского[53] и ряда других городищ на территории Волжской Булгарии. Положение стало меняться только

© Коваль В. Ю., Русаков П. Е., 2025

[52] Бурханов А. А. Отчет об археологических исследованиях в Заказанье в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22014.

[53] Шигапов М. Б. Исследования городища Кашан в 2012 г. // Отчет ИА РАН. Р-1. № 41703.

в конце 1990-х гг., когда К. А. Руденко [1999] на городище Кашан расширил траншею прорезки до 4 м (правда, лишь на незначительном участке вала), а А. З. Нигамаев на Кирменском городище[54] провел раскопки рва широкой площадью. Первая полноценная прорезка вала и рва Болгарского городища по современной методике вскрытия таких конструкций (траншеями шириной 6 и 8 м, с фиксацией пластовых планов), была осуществлена П. Е. Русаковым и А. М. Губайдулиным только в 2014–2015 гг. В результате были получены однозначные свидетельства того, что вал Болгара был построен в середине XIV в. именно как насыпь, а на его гребне отсутствовали следы каких-либо мощных стен, но имелись лишь столбовые ямки и отпечатки бревен от легких оград-заборов [Коваль, Русаков, 2018]. Обращение к документации прежних раскопок в Болгаре, которыми были зафиксированы рвы домонгольского времени (X–XIII вв.) показало, что имеются аргументы в пользу того, что этим рвам сопутствовали также насыпные валы, а не стены по образцу древнерусских [Коваль, Бадеев, 2021].

Расширение исследования и привлечение к нему данных прежних раскопок, в частности, Тигашевского городища (раскопки А. Н. Смирнова и Г. А. Федорова-Давыдова 1950-х гг.), показало, что пример Болгара не единичен и насыпные валы широко использовались при создании укреплений в Волжской Булгарии [Коваль, 2023]. Однако общая картина оказалась гораздо сложней. Так, на Большетоябинском городище при раскопках валов обнаружились явные следы древо-земляной стены, созданной на финальном этапе жизни города, вероятно, в первой трети XIII в. (раскопки Н. С. Березиной, А. Ю. Березина, Е. П. Михайлова и Н. С. Мясникова), а на Билярском городище валы оказались различными по происхождению. Самые ранние укрепления (периода строительства этого города), видимые сегодня как валы, сохранили в себе следы полностью истлевших древоземляных стен, однако позже (в конце XII – начале XIII в.) эти стены не восстанавливались и были заменены насыпными валами, похожими на вал Болгара середины XIV в. [Коваль, в печати]. К сожалению, состояние полевой документации 1950–2000-х гг. не всегда позволяет составить адекватное представление о конструкции оборонительных сооружений, сохранившихся на многих булгарских городищах в виде валов и рвов (или только рвов). Тем не менее некоторые данные (не всегда проверяемые) все же имеются. Так, в валах Сувара А. П. Смирнов заметил следы деревянных срубов-городней [1941], вал Камаевского городища, вероятнее всего, был несколько раз обновлявшейся насыпью, на которой ставились частоколы и заплоты, валы городища Хулаш, видимо, также были насыпями. Выявление древо-земляных конструкций в валах практически невозможно без фиксации планов пластов с обозначением на них всех (даже малейших) следов истлевшей древесины и всех оттенков цвета и плотности грунтов. Поэтому материалы прорезок валов узкими траншеями в подавляющем большинстве случаев не дают почти никакой информации, и, по сути дела, такие работы не просто бессмысленны – они наносят непоправимый вред памятнику, не прибавляя знаний о нем.

Таким образом, фортификация Волжской Булгарии представляется сегодня весьма разнообразной и динамично изменявшейся с течением времени. Поэтому без проведения самых тщательных археологических исследований на современном методическом уровне делать выводы о конструкции городских укреплений, опираясь лишь на внешний вид сильно разрушенных временем фортификаций либо на какие бы то ни было аналогии, оказывается совершенно недопустимо. Такие выводы могут быть неверными в принципе, но создающими миф, разоблачение которого становится весьма трудоемким и неблагодарным делом. В то же время мириться с набором уже созданных домыслов, касающихся оборонного зодчества средневековых булгар, также невозможно.

[54] Нигамаев А. З. Отчет об охранно-спасательных археологических работах на Кирменском городище Мамадышского района Республики Татарстан в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 36103.

Список источников

Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 144 с.

Губайдуллин А. М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.

Коваль В. Ю. Древнерусские древо-земляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 77–85.

Коваль В. Ю. Валы и рвы Тигашевского городища // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 316–333.

Коваль В. Ю. Фортификация Биляра // Археология евразийских степей (в печати).

Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю. Фортификация цитадели Болгара // Поволжская археология. 2021. № 4. С. 8–21.

Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 гг. // Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Казань; М.: ИА АН РТ, ИА РАН. 2018. Т. 2. 160 с.

Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Руденко К. А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 111–134.

Смирнов А. П. Сувар: результаты раскопок в 1933–1937 гг. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI. С. 135–171.

К. С. Косовец, М. А. Васильев, И. С. Аракчеева
Археологический центр Псковской области,
Псков, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА ВЫБУТЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПСКОВСКИЙ РАЙОН ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Представлен краткий обзор результатов раскопок, осуществленных Псковской археологической экспедицией на селище Выбуты. Полученные материалы позволяют определить основные этапы существования поселения. Работы 2024 г. позволили отметить появление элементов прибалтийско-финского и балтского костюмов в комплексах XII–XIII в. и зафиксировать остатки жилой постройки последней четверти I тыс. н. э. Ведется работа с отчетами прошлых лет с помощью ГИС, статистического метода и метода пространственного анализа.

Ключевые слова: Псковская область, Выбуты, селище, ГИС, метод пространственного анализа, статистический метод

В настоящее время Выбуты являются самым изученным сельским поселением Псковской области. Общая исследованная площадь с 80-х гг. XX в. составляет около 1 га, при общей площади поселения около 9 га. Значительное количество информации, полученной в результате работ прошлых лет, остается до сих пор неопубликованным.

Выбуты расположены в 12 км к югу от Пскова на левом берегу р. Великой. Поселение занимает мыс между р. Великой и когда-то впадавшим в нее ручьем. Река в районе Выбут мелководна и порожиста, что обусловило историческое значение этого места как удобного брода через р. Великая. Через выбутские пороги проходила одна из дорог, соединяющих Псков, Изборск и Алуксне [Валк, 2009, с. 96]. Впервые Выбуты упоминаются в связи с неудачным походом новгородцев на Псков в 1393 г., затем в 1407, 1480 и 1503 гг. в связи с попытками псковичей «затворить броды» от ливонского войска [Волочкова, Харлашов, Яковлев, 2014, с. 17].

Селище Выбуты впервые было обследовано в 1987 г. Б. Н. Харлашовым. С 1988-го по 2014 г. на поселении им было заложено восемь раскопов в разных частях памятника. Культурный слой на памятнике имеет мощность от 0,2 до 1,6 м, нарастая в сторону реки. В 2024 г. в связи с угрозой

© Косовец К. С., Васильев М. А., Аракчеева И. С., 2025

разрушения культурного слоя при строительстве памятного монумента и расширением мемориального кладбища были проведены работы на двух участках общей площадью 287 кв. м.

Начальный период освоения прибрежной части селища Выбуты, судя по имеющимся материалам, связан с эпохой поздней бронзы. Впервые отдельные находки этого времени были зафиксированы на раскопах 4 (1990 г.) и 7 (2013 г.). Это сколы розового кремня, ножевидные пластины, фрагменты лепной керамики, украшенные ямочным орнаментом, насечками и беспорядочными штрихами[55] [Волочкова, Харлашов, Яковлев, 2014, с. 20]. На раскопе 9 (2024 г.) удалось изучить яму, заполненную светло-серой супесью и содержащую фрагменты лепной керамики эпохи поздней бронзы. Протяженность стоянки эпохи бронзы составляет не менее 130 м вдоль берега реки.

Следующий хронологический пласт на поселении представлен находками лепной гладкостенной керамики с примесью дресвы в тесте, относящийся ко второй половине I тыс. н. э. Следы сооружений этого периода выявлены на раскопах 1–5 и 9, в раскопах 6–8 представлены отдельные находки. Больше всего материалов второй половины I тыс. фиксируется в раскопах 7 и 9. В южной части раскопа 9 изучен комплекс ям, центральную часть которого занимала печка-каменка и большая яма подполья (?), размерами 1,4×1,5 м, глубиной – 0,55–0,65 м. Рядом с печкой был раскрыт развал лепного сосуда, который предварительно можно отнести к последней четверти I тыс. н. э., в печи найдены точильный камень, глиняное пряслице и глиняная шаровидная бусина. Ямы окружала супесь, содержавшая в своем составе значительное количество включений угля и насыщенная большим количеством фрагментов лепной керамики. Вероятно, в этой части раскопа зафиксирована жилая постройка, не заглубленная в материк. Стоит отметить, что в 2024 г. применялась тотальная промывка культурного слоя в ваннах на мелкоячеистых ситах по методике С. Д. Захарова [2011, с. 211–238], но в слое последней четверти I тыс. н. э. обнаружено крайне мало материалов, полностью отсутствуют стеклянные и каменные бусы, нет монетного серебра и инструментов для взвешивания, что маркирует скромную включенность местного населения в торговлю. Единственной выбивающейся находкой на данный момент можно считать фрагмент перстня «салтовского типа» с выпавшей жуковиной из цветного металла, относящийся к 1-му типу салтовских перстней (по С. А. Плетневой) [1989, с. 115]. Датировка таких перстней VIII–X вв., на территории Древней Руси они не выходят за рамки X в. [Зозуля, 2012, с. 95]. Работа с отчетами прошлых лет позволила выявить наличие на памятнике металлообработки (железные шлаки и шлаки цветного металла, тигли, слитки, выплески, ювелирный лом?), тяготеющей к комплексам второй половины I тыс.

Следующий этап существования селища относится к XI в., комплексы этого времени в чистом виде на памятнике не фиксировались до 2024 г., присутствовали лишь отдельные находки. В центральной части раскопа 9 была раскрыта углубленная часть жилой постройки. Из постройки происходят крупные фрагменты богато орнаментированной керамики, два донца с клеймами, две синие бусины и петля пробоя. Среди керамических находок в яме преобладают гончарные сосуды с цилиндрическим горлом. По материалам Пскова и Изборска, данный тип керамики относится к XI в. [Лопатин, 2012, с. 128].

Расцвет поселения, по-видимому, приходится на XII–XIV вв. На раскопах 1–2, 4–7, 9 присутствуют комплексы этого времени, в том числе изучено как минимум девять построек, заглубленных в материк, большая часть которых содержала развалы печек-каменок. На раскопе найдены следующие вещи этого периода: целое лезвие косы-горбуши, крест нательный с шаровидными концами, элементы псалий, шпора (тип III или IV–IVa по А. Н. Кирпич-

[55] Александров А. А., Харлашов Б. Н. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в Псковском, Островском, Пушкиногорском районах Псковской области, а также на территории г. Пскова в 1990 году. 1990. 16 с.

никову) [1973, рис. 37], лировидная пряжка, подковообразная фибула, витой браслет, из этого же слоя происходят находки, характерные для костюмов прибалтийско-финских и балтских народов: миниатюрные спиральки, небольшие колечки цветного металла и глухой белый бисер.

Культурные слои и отдельные находки XV–XIX вв. зафиксированы на раскопах 1–7, 10. В рамках тезисов мы не будем подробно на этом останавливаться, только отметим, что в XVI–XVIII вв. появляется «всплеск» предметов личного благочестия. Вероятно, их увеличение связано с дворами священнослужителей, появившихся в 80-х гг. XVI в. в Выбутах [Волочкова, Харлашов, Яковлев, 2014, с. 19].

После проведенных работ 2024 г. появилась задача по сведению раскопов прошлых лет и попытке построения планов застройки поселения разных периодов его существования. Произведена оцифровка отчетной документации по раскопам прошлых лет. Данные сведены в единую геоинформационную систему. В ГИС-систему введены растровые изображения чертежей из научных отчетов, произведена послойная векторизация контуров объектов, обнаруженных при раскопках. Для всех объектов, внесенных в ГИС созданы таблицы атрибутов. Кроме того, в ГИС-систему внесены данные из таблиц массового материала (лепная и гончарная керамика анализируются раздельно), для последующего анализа статистическими и пространственными методами.

Проведен первичный анализ распространения индивидуальных находок (по материалам, по функциональным группам). Также проведен первичный статистический анализ массового материала (определена медиана, первый и третий квартили и выявлены экстремумы) для определения зон повышенной и пониженной концентрации археологического материала для последующего планиграфического анализа с целью выявления не обнаруженных ранее комплексов (ям, построек и т. д.).

Итак, по результатам работ на селище Выбуты выявлено, что памятник является многослойным поселением, наиболее ранние слои которого относятся к эпохе бронзы, далее поселение существует непрерывно со второй половины I тыс. н. э. до первой половины XX вв. Включенность местного населения в торговлю в последней четверти I тыс. н. э. на данный момент видится очень скромной. Расцвет поселения, по-видимому, приходится на XII–XIV вв., к этому же времени относится появление на памятнике деталей финно-угорского и балсткого костюма. Работа с отчетами прошлых лет с помощью ГИС, статистического метода и метода пространственного анализа на данный момент продолжается.

Список источников

Валк Х. Об истории основных путей из Изборска на запад // Изборск и его округа. Изборск: Стерх, 2009. С. 94–101.

Волочкова О. К., Харлашов Б. Н., Яковлев А. В. Историко-археологические сведения о поселении Выбуты // Выбуты. У истоков Псковской земли. Псков, 2014. 51 с.

Захаров С. Д. Методика промывки культурного слоя средневековых памятников // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. М.: ИА РАН, 2011. С. 211–238.

Зозуля С. С. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимеревского некрополя // РА. 2012. № 4. С. 90–98.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е.1-36. М.; Л.: Наука, 1973. 140 с.

Лопатин Н. В. Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 123–137.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

А. И. Крухмаль
Государственный музей-заповедник «Куликово поле»,
Тула, Россия

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СУДБИЩЕНСКОЙ БИТВЫ 1555 Г. В 2021–2024 ГГ.

Аннотация. Место Судбищенской битвы 1555 г. стало известно в научных кругах пять лет назад. Благодаря информации, полученной от сотрудника Института археологии РАН Олега Александровича Радюша, отряд ТАЭ ведет исследования места сражения с апреля 2021 года.

Ключевые слова: Муравский шлях, Судбищенская битва 1555 г., Московская Русь, Крымское ханство, водораздел

Судбищенская битва 1555 г. уникальна в первую очередь как одно из осевых событий, произошедших на Муравском шляхе в ходе противостояния между Московской Русью и Степью [Лицевой летописный свод…, 2014]. Битва, произошедшая после фактической победы московских воевод в компании 1555 г., явилась одним из самых массовых и кровопролитных полевых сражений с кочевниками в XVI веке [Зайцев, 2009]. Многие исследователи предпринимали бесплодные попытки поиска места столь крупного боестолкновения, повторяя одну и ту же ошибку: исходя из устоявшегося названия и недостаточного понимания важности ландшафтов в маневренной войне с народами Степи, вели работы в окрестностях современного населенного пункта Судбищи Новодеревеньковского района Орловской области [Краснощекова, Красницкий, 2006; Лазарев, 2012].

Открытие места сражения позволило нам провести комплексные исследования, результатом которых стало обнаружение более 2 500 артефактов (рис. 1), большую часть которых составляют предметы вооружения. Расположение этих находок на местности позволяет уточнить данные письменных источников и максимально точно воспроизвести ход битвы [Сражение..., 2023]. Массовость находок, выпавших в плодородный слой в строго определенное время, открывает перспективу создания точных типологий, важных в том числе для датировки находок иных археологических памятников, не имеющих столь точной временной привязки.

Многолетние исследования на сравнительно ограниченном участке местности заставили нас обратить пристальное внимание на окружающий ландшафт и природную составляющую[56]. Так, расположение лагеря русского войска в относительном отдалении от основной трассы шляха заставило задуматься о критериях выбора места отдыха для крупного конного войска. Анализ особенностей расположения отдельных групп находок на берегах ручьев и рек в относительном отдалении от основных скоплений позволил выработать классификацию условий возникновения и использования удобных для конницы бродов. Места обнаружения наибольшего количества так называемых подков-бабочек (датируемых нами концом XV – началом XVIII вв.), нанесенные на карту, «неожиданно» легли полосой шириной не более 30 метров по гребню водораздела между овражно-балочными системами рек Любовша, Гоголь и ручья Ольховец. Эти, а также многие другие наблюдения легли в основу нашего понимания особенностей рельефа, наиболее важных для изучения войн с кочевниками.

Таким образом, результатом изучения места Судбищенской битвы 1555 г. на сегодняшний день стало проведение комплексных исследований, позволивших воспроизвести ход битвы, получить большое количество находок и составить типологии наиболее массовых из них, выработать концепцию поиска мест средневековых сражений.

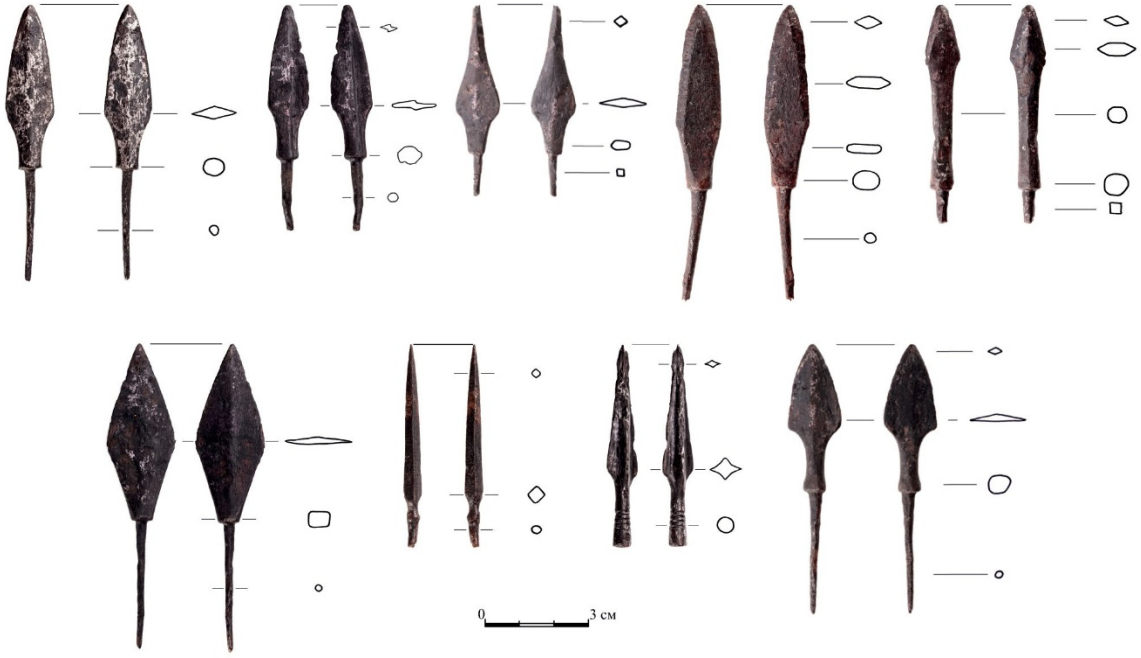
© Крухмаль А. И., 2025

[56] Александровский А. Л. Почвы как основа для реконструкции исторического ландшафта ключевого участка Судбище (результаты первого этапа работ 2021–2022 года по изучению почв на территории сражения у с. Судбищи). НО ГМЗ КП, 2021/5. 2021.

ТАЭ-2024 г.
Место Судбищенской битвы 1555 г.
Исследования, проводимые на поисковых планшетах по методу поиска по створам с использованием металлодетекторов

Основные типы наконечников стрел, обнаруживаемых на месте битвы:

Основные типы свинцовых боеприпасов огнестрельного оружия, обнаруживаемых на месте битвы:

Рис. 1. Место Судбищенской битвы 1555 г. Предметы, найденные на месте битвы

Список источников

Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009. 304 с.

Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. Краеведческие записки. Вып. 5. Орел: Вешние воды, 2006. 318 с.

Лазарев Г. Г. Тайны судбищенских холмов. Орел: [б. и.], 2012. 413 с.

Лицевой летописный свод XVI века. Русь. Кн. 22 (1562–1566 гг.). М.: Общество любителей древней письменности, 2012. 548 с.

Сражение 1555 г. у Судбищ: опыт комплексного исследования / И. Г. Бурцев, А. М. Воронцов, А. И. Крухмаль, А. В. Дедук, О. А. Радюш // Комплексный подход в изучении Древней Руси. М.: Индрик, 2023. С. 176–178.

А. А. Кудрявцев, И. К. Решетова
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

КЛАДБИЩЕ ЦЕРКВИ ГЕОРГИЯ НА ТОРГУ В ТОПОГРАФИИ ЯРОСЛАВОВА ДВОРИЩА И ТОРГА В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Аннотация. Церковь Георгия на Торгу, возведенная в 1356 г. на Торговой стороне Новгорода, была расположена между мостовых улиц посреди сооружений новгородского Торга. В ходе ее архитектурно-археологических исследований 2023 г. была открыта часть обширного многоярусного кладбища, датированного XIV–XVIII вв. Оно является наиболее ранним среди остальных некрополей Ярославова дворища и Торга.

Ключевые слова: Великий Новгород, Ярославово дворище, церковь Георгия на Торгу, Торг новгородский

Исследование проведено в рамках выполнения темы НИР Института археологии РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3) и «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем (№ НИОКТР 122011200264-9).

Ярославово дворище – важнейший наряду с детинцем общественно-политический центр средневекового Новгорода. Здесь, начиная с довоенного периода, в различные годы проводились масштабные археологические и архитектурно-археологические исследования, что позволило охарактеризовать его культурный слой, определить границы и хронологию застройки [Арциховский, 1949; Колчин, Янин, 1982, с. 14–21; Тарабардина, 2015]. Но приходится констатировать отсутствие монографических публикаций по наиболее значимым раскопам.

В меньшей степени оказался обследован Торг, примыкающий к Ярославову дворищу с севера. На его территории с юга заложены только небольшие разведочные раскопы и в западной части – всего один Торговый раскоп [Рыбина, 2001, с. 289–291]. О палеорельефе и мощности культурных отложений на остальной части Торга можно судить только по данным бурений.

Представляется, что среди различных аспектов истории Ярославова дворища и Торга менее остальных освещен вопрос изучения их кладбищ, что является весьма характерным для Новгорода в целом. Могильники X–XI вв. на территории города по-прежнему не найдены. Погребения эпохи новгородской независимости (XII–XV вв.) и московского периода (XVI–XVIII вв.) зафиксированы при архитектурно-археологических исследованиях ряда новгородских церквей и монастырей, но в основном материалы их исследований не введены в научный оборот.

На Ярославовом дворище с его концентрацией разновременных храмов находится и наибольшее количество кладбищ

© Кудрявцев А. А., Решетова И. К., 2025

Новгорода. Самый обширный некрополь открыт у Никольского собора – всего исследовано более 450 погребений. Начало его формирования, по данным дендрохронологического анализа гробовин наиболее ранних захоронений, относится к началу XVI в. [Тарабардина, 2015, с. 186]. По всей видимости, все кладбища Ярославова дворища появились не раньше этого времени. Недавно открытый участок погребений у апсиды церкви Успения на Торгу, расположенной к северу, датируется XVII–XVIII вв. [Археологические исследования..., 2024, с. 84].

На этом фоне резко выделяется некрополь церкви Георгия на Торгу, возведенной в 1356 г. на месте предшествующего деревянного храма. При проведении археологических исследований 2023 г. по периметру храма было зафиксировано 164 погребения (223 индивида). Отметим, что все они были открыты в траншее шириной в 1–1,5 м, окаймляющей храм и его притворы. Общая площадь кладбища и его границы не определены.

Наиболее поздние погребения совершены в XVIII в., но основной массив захоронений датируется XVI–XVII вв. Индивиды нижних ярусов залегали ниже уровня фундаментов храма и его притворов, что позволило отнести погребения ко второй половине XIV – XV в. Дата подтверждается и данными радиоуглеродного анализа. Для раннего этапа развития кладбища характерны захоронения в деревянных сшивных гробах, крышка которых сверху накрыта берестой. Зафиксировано лишь несколько погребений в колодах.

При раскопках внутри северного притвора церкви Георгия была раскрыта отдельная боковая каннелированная плита саркофага. Основная часть притвора осталась неисследованной, но можно предположить, что внутри могли сохраниться и целые саркофаги. В этом случае он мог являться усыпальницей для богатых уличан или купцов.

У апсиды храма на уровне погребений XVI–XVII вв. расчищен составной каменный саркофаг с каннелированными боковыми плитами с пазами. Погребение в нем отсутствовало. По всей видимости, он был перенесен в ходе перестройки церкви в середине XVIII в., но, очевидно, что относился он именно к Георгиевской церкви. Саркофаги данного типа датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в. На кладбищах Ярославова дворища саркофаги неизвестны. На территории Торга один составной саркофаг открыт в древнем притворе церкви Иоанна Предтечи на Опоках, расположенной к северо-западу от церкви Георгия на Торгу [Панова, 2004, с. 81].

Отметим, что Георгиевская церковь по своему статусу не выделялась среди храмов Ярославова дворища и Торга. Она не была центром купеческой корпорации, как соседняя церковь Иоанна Предтечи на Опоках, ее архитектура весьма скромная по сравнению с синхронными памятниками. Церковь вмч. Георгия являлась приходской, возведенной в камне на средства жителей улицы Лубяница. Она тяготела к трассе одной из главных транспортных артерий Торговой стороны – Большой Пробойной, с запада от нее проходила улица Бояна (Буяна). Судя по данным лавочных и писцовых книг, в XVI в. храм был буквально окружен различными торговыми рядами [Семенов, 1936]. Они могли существовать и в более ранний период. При этом сведения письменных источников об обширном кладбище при церкви Георгия на Торгу отсутствуют. На различных планах Новгорода XVII–XVIII вв. оно также не отмечено, впрочем, как и остальные некрополи.

Фактически Георгиевская церковь находилась посреди сооружений Торга между мостовых улиц. Как показывают материалы археологических исследований, практически со всех сторон она была окружена обширным многоярусным кладбищем, плотность которого с наступлением московского периода только увеличилась.

На открытой раскопом площади обнаружены 164 погребения, не все они являлись одиночными (табл. 1). Выявлены случаи захоронения со взрослым индивидом останков одного или нескольких младенцев, а также парные погребения. Таким образом, общий объем выборки составил 223 индивида, 152 взрослых. Для формирова-

Таблица 1

Основные палеографические показатели в соответствии с хронологическими ярусами захоронений

Ярус	Мужчины	Женщины	Дети	N
	AA (N)		PCD/PBD (N)	
9 XIV–XV	40,7 (6)	20,3 (2)	43,6 %/4 % (6)	**14**
8 XV	37,9 (13)	23,8 (10)	25,8 %/40 % (8)	**31**
7 XV–XVI	41,3 (17)	32,5 (1)	19,4 %/49,5 %	**26**
3–6 XVI	39,8 (52)	34 (11)	32,8 %/45,5 %	**98**
2 XVII	41 (15)	26,3 (2)	14 %/16 % (3)	**22**
1 XVIII	37 (10)	0	15,7 %/50 % (2)	**13**

AA (N) – средний возраст смерти без учета детей; **PCD** – процент детской смертности; **PBD** – процент детей в интервале 0–1; **N** – количество наблюдений

ния общей картины основные демографические показатели были рассчитаны сначала для серии в целом. Средняя продолжительность жизни составила порядка 40 лет для мужчин и 28,5 лет для женщин; процент детской смертности высокий, около 30 %, стоит отметить крайне высокую долю младенческих останков – 45 % от общей детской смертности, в особенности для периода XV–XVI вв. (40–49,5 %). Вероятным объяснением может являться изменение городской структуры; возможно увеличение плотности населения и связанный с этим возрастающий риск инфекций и эпидемий.

При оценке патологических проявлений в серии наметилась тенденция увеличения частоты встречаемости гипопластических дефектов коронки в сериях начиная с Нового времени. Выявлены патологии твердых тканей зуба – разные формы проявления системной гипоплазии эмали (пятнистая, ямочная, линейная, зубы Гетчинсона), моляро-резцовый дефект. Признаки обнаружены только на зубах детей и подростков, связаны с нарушением формирования коронок. Эти патологии сопровождаются признаками, фиксирующимися на костях скелета: дефицитными состояниями (рахит, анемии и пр.), тяжелыми системными заболеваниями. Среди прочего они отражают состояние здоровья матери, а также течение беременности.

Выявлен случай редкой системной патологии у ребенка (погр. 3), проявившейся в параличе конечностей (тетраплегия), атонии мышц. Отметим, что ребенок прожил до возраста 15+ лет и получал должный уход (!).

Некрополь церкви Георгия на Торгу начал формироваться в XIV в. Вероятно, это могло произойти еще при предшествующей деревянной церкви. В этот период на остальной территории Ярославова дворища и Торга захоронения еще не производились. Причина выбора именно этого участка для многочисленных захоронений пока остается открытым вопросом. Топография городских кладбищ Новгорода XIV–XV вв. остается слабо изученной сферой ввиду их малого количества.

Исследованный массив погребений при Георгиевской церкви позволяет также дополнить сведения о структуре Торга, где общественные места, связанные с торговыми рядами, находились в непосредственной близости от зоны кладбища. Изучение материалов «поздних» кладбищ может стать ценным источником по изучению городской структуры и повседневности горожан.

Список источников

Археологические исследования в церквях Иоанна на Опоках и Успения на Торгу / И. В. Антипов, А. В. Жерве, А. В. Трушникова, Д. Д. Ёлшин // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2024. Вып. 37. С. 75–85.

Арциховский А. В. Раскопки в Восточной части Ярославова дворища в Новгороде // Материалы и исследования древнерусских городов. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 152–176.

Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. 1982. С. 3–137.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Новг. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. 390 с.

Семенов А. И. Топография Новгородского торга в 1583 году // Новгородский исторический сборник. Л.: Облоно, 1936. Вып. 1. С. 23–39.

Тарабардина О. А. Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. С. 177–189.

В. С. Курмановский
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Подведены краткие итоги изучения ряда вопросов истории поселений Смоленской земли периода Средневековья на базе комплексного анализа письменных и археологических источников: исторической географии, особенностей территориальной структуры, исследования археологических памятников с надежной исторической интерпретацией. Одним из важнейших результатов на данный момент явилось подтверждение вероятной преемственности позднесредневековых приходских центров Смоленской земли с центрами округи древнерусского периода.

Ключевые слова: Смоленская земля, Средневековье, археология, письменные источники, историческая география, комплексное изучение

Полноценное изучение средневековой Руси представляется возможным исключительно на основе комплексного анализа исторических и археологических данных, причем если последние характеризуют жизнь общества преимущественно на «микроуровне», то для выявления более обобщенной картины необходимо обращение к первым.

Смоленская земля, в течение длительного периода составлявшая отдельное княжество, среди других регионов Руси по многим характеристикам занимает центральное положение, не обладая в полной мере чертами областей Северо-Запада, Северо-Востока, Юга и Юго-Востока и Запада. Наиболее близкой в культурно-историческом отношении к ней оказывается примыкающая к ней с запада Полоцкая земля. Несмотря на наличие посвященных Смоленской земле классических трудов В. В. Седова [1960, 1961] и Л. В. Алексеева [1980], а также работ, посвященных важнейшему массовому археологическому источнику – керамике [Каменецкая, 2019; Сергина, 2004], комплексное историко-археологическое изучение средневековой Смоленской земли на современном уровне остается насущной задачей. До сих пор весьма слабо изучена археология Смоленской земли послемонгольского периода, также плохо синтезированы данные археологии и письменных источников.

В ходе работы по комплексному изучению поселений Смоленской земли исследования велись в рамках двух направлений: исторического и археологического. Работа с историческими источниками, в основном документальными (Уставные грамоты смоленской епископии, акты Литовской Метрики, материалы архива Смоленской приказной избы начала XVII в., переписные книги XVII в., ревизские сказки XVIII в. и др.) [Прохоров, 2017],

© Курмановский В. С., 2025

направлена на изучение исторической географии, а через нее – территориальной структуры смоленских земель в различные периоды Средневековья с выходом на проблематику административной, социальной, военной организации и механизмов функционирования средневекового общества Смоленской земли. Важнейшим этапом данной работы явилось картографирование административно-территориальной структуры Смоленской земли в целом, сложившейся в XVI в. и сохранившей определенные черты более ранних структур. В дальнейшем предпринята попытка локализации волостей, путей и селений Смоленского повета ВКЛ XV – начала XVI в. В сравнении с предшествующими работами Е. И. Кашпровского [1899], В. П. Мальцева [1940], Н. Б. Шеламановой [1970] уточнены локализация границ и объектов. Работа с письменными источниками показала, что на всем протяжении Средневековья до оформления уездов в «московский» период XVI в. структура Смоленской земли предполагала противопоставление ближних окрестностей города, где располагались села с зависимым сельскохозяйственным населением, принадлежащие князю, боярам и церковным учреждениям, поселения «служебников» – ремесленников, псарей, конюхов и т. п., а также военно-служилого населения, более отдаленным территориям, заселенным общинниками, сидящими на своей земле и выплачивающими денежную либо натуральную дань, которые, однако, могли быть даны в «кормление» представителям местной либо, позднее, литовской аристократии.

Другим итогом работы стало формирование гипотезы о существовании в Смоленской земле сети административных центров – погостов, в позднейших источниках фигурирующих как центры сельских приходов. Формирование ее может быть связано с эпохой существования самостоятельного Смоленского княжества, а с большой вероятностью – к домонгольскому периоду [Курмановский, 2018а].

В работе с археологическими источниками первоочередной задачей явилось составление единой хронологической шкалы керамики Смоленска и его окрестностей [Курмановский, 2017а]. В дальнейшем при работе с материалом из разных районов Смоленской земли прослежено существование здесь в период Средневековья не менее трех керамических традиций. Это традиции расположенного на севере Смоленской земли региона Вержавлян Великих, где домонгольская керамика обнаруживает сходство с материалами русского Северо-Запада [Курмановский, Бавшин, 2025]; восточных территорий, в частности Вязьмы, где керамическая традиция близка региону верхнего Поочья [Кренке, Ершов, Раева, 2020], собственными чертами обладает керамика южных территорий – Рославля и Кричева.

Дальнейшее направление исследований предусматривало работу с материалами памятников, обладающих надежной исторической привязкой. Это касалось как работ с коллекциями памятников, изученных другими исследователями, так и полевых исследований на ранее не изученных объектах. Среди них можно отметить исследование Ольшанского городища [Авдусина, Зозуля, 2018], позднейший этап существования поселения на котором ассоциируется с существованием храма Св. Николая Ольшинского [Курмановский, 2018б], исследования поселения Глушица 1, связываемого с «господарским двором» XV – нач. XVI в. [Курмановский, 2017б, 2022], селищ в ур. Ельша и у д. Плаи, связываемых с приходскими центрами, известными с начала XVII в. Последние гипотетически связываются с упоминаемыми в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича погостами Вержавлян Великих. В обоих случаях обнаружены следы крупных поселений домонгольского периода, причем наиболее ранние материалы датируются второй половиной X – XI в. [Курмановский, Бавшин, 2025].

Подводя итоги работы, можно говорить о предварительном подтверждении гипотезы о преемственности между центрами округи древнерусского периода и приходскими центрами, существовавшими к началу XVII в. На протяжении всего средневекового периода прослеживается противопоставление двух составляющих социума – княжеского двора и его структур,

с одной стороны, и коллективов общинников (в XV – нач. XVI в. – «волостных людей») – с другой. Это выражается в противопоставлении ближних окрестностей города, где преимущественно располагались княжеские, боярские и церковные села, а в литовский период – «господарские дворы» и «пути» с военно-служилым населением, более отдаленным местностям, населенным лично свободными данниками, повинности с которых периодически отдавались в кормление боярам. Археологически уловить данное противопоставление на данный момент не удается. Возможно, эта задача будет решена либо скорректирована в ходе дальнейших исследований.

Список источников

Авдусина С. А., Зозуля С. С. Исследования на территории Ольшанского городища под Смоленском в 2008–2009 гг. // Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. Труды ГИМ. 2018. Вып. 210. С. 12–27.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 261 с.

Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: КДУ, Университетская книга, 2019. 244 с.

Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 172–344.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А. Керамика Вязьмы XIII–XVII вв. // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. Смоленск: Свиток, 2020. С. 142–165.

Курмановский В. С. Смоленская керамика XI–XVIII вв.: опыт рабочей классификации // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марии Дмитриевны Полубояриновой. М.: ИА РАН, 2017а. С. 112–124.

Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история. М.; Смоленск: ИА РАН, Свиток, 2017б. С. 82–105.

Курмановский В. С. Территориальные структуры центральных районов Смоленской земли в XI–XV вв. К постановке проблемы // Земли родной минувшая судьба... К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018а. С. 126–142.

Курмановский В. С. Гнездово и окрестности в XI–XVIII вв.: Историко-археологический очерк // Гнездовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. Труды ГИМ. М.: ГИМ, 2018б. Вып. 210. С. 242–267.

Курмановский В. С. Керамика XV в. из окрестностей Смоленска: новые материалы // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения. Материалы научной конференции к 70-летию отдела средневековой археологии. М.: ИА РАН, 2022. С. 70–93.

Курмановский В. С., Бавшин И. М. Погосты Вержавлян Великих: опыт археологического исследования // Научный сборник государственного музея-заповедника «Смоленская крепость». Смоленск: Свиток, 2025. С. 374–388.

Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1940. 346 с.

Прохоров В. А. Смоленщина в документах Литовской Метрики первой половины XVII в. Владельцы и их маетности. Смоленск: Край Смоленский, 2017. 543 с.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.: АН СССР, 1960. (МИА № 92). 158 с.

Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1961. Вып. 4. С. 317–343.

Сергина Т. В. Керамика Смоленска середины XIII–XVII вв. // Смоленские древности. Керамика Смоленска. Смоленск: Изд-во МГУ, 2004. Вып. 3. С. 5–190.

Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дис. … канд. ист. наук. М., 1970. 636 с.

В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Аннотация. Работы последних лет в Старой Ладоге и ее округе сосредоточены на сборе и проверке историографических данных, накопленных за 150 лет изучения. В ГИС «Археограф» внесены данные о 50 памятниках археологического комплекса. Завершена работа по сведению раскопов прошлых лет на Земляном городище, что позволяет надежно определять планиграфию и стратиграфию хронологически опорных комплексов.

Ключевые слова: Старая Ладога, Северная Русь, Средневековье, воздушное лазерное сканирование (ВЛС), археологическая карта

Исследование выполнено при поддержке РНФ «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладоги» № 23-18-00515.

Староладожский археологический комплекс (далее – САК), расположенный в с. Старая Ладога Волховского р-на Ленинградской области, насчитывает более 50 разнообразных и разновременных памятников: стоянки и поселения, погребальные памятники (грунтовые и курганные могильники, сопки), каменные и деревоземляные фортификации [Актуальные вопросы топографии…, 2023, с. 136, рис. 1]. Археологические исследования разных объектов на территории комплекса ведутся уже около 150 лет, поэтому первостепенными задачами являются аккумуляция и проверка имеющихся историографических данных. В настоящее время назрела необходимость переоценки внутренних связей памятников САК, что важно для объективного понимания процессов развития Нижнего Поволховья в эпоху Средневековья как пограничного и чрезвычайно важного региона в истории всей Северной Руси [Лапшин, Павлова, 2024].

Начало сбору и анализу информации было положено в ходе инвентаризации ОКН Волховского района [Новые материалы…, 2022, с. 28–78; Лапшин, Павлова, 2024, с. 277]. Большинство памятников Ладоги и ее ближайшей округи были локализованы на местности, для них установлены границы с координатами поворотных точек, проведено описание современного состояния, и сняты инструментальные планы. На сегодняшний день внесена информация по памятникам САК в ГИС «Археограф»[57] по разным тематическим блокам: учетному, историографическому, хронологическому, типологическому, метрическому, что обеспечивает максимально быстрое получение исчерпывающей информации по конкретному объекту; позволяет производить манипуляции по запросам данных и составлению тематических карт на уровне памятников, объектов и исследователей [Археологическая карта…, 2023].

Значимым результатом полевых исследований последних лет стали раскопки неизвестного ранее грунтового могильника на р. Заклюке, начало функционирования которого датируется рубежом IX–X вв. Наряду с камерными погребениями в урочище Плакун в нем встречены ранние ингумации в Старой Ладоге. В могильнике также изучена представительная серия захоронений по христианскому обряду [Павлова, 2023; Актуальные вопросы топографии…, 2023, с. 139].

Для создания карты современного рельефа Старой Ладоги и окрестностей были осуществлены аэрофотосъемка и воздушное лазерное сканирование (ВЛС) территории САК. Общая площадь всей отсканированной территории по обоим берегам р. Волхов составила около 5,2 кв. км полосой размерами около 6,7×0,4–1,6 км вдоль русла р. Волхов. По итогам ВЛС, после визуальной проверки, список объектов САК

© Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С., 2025
[57] ИИМК РАН, http://www.archeo.ru/institute/projects/agis-arheograf-cc5b6.

пополнился сопкой на р. Заклюке, наряду с сохранившимися насыпями могильника в урочище Плакун выявлено несколько распаханных погребальных комплексов [Могильник Плакун…, 2024]. Определены места расположения карьера по ломке известняка на месте древнерусского грунтового могильника рядом с Никольским монастырем, а также расположения раскопанных сопок Княщинской группы в урочище Победище [Актуальные вопросы топографии…, 2023, с. 131, рис. 3], что позволило оценить масштабы антропогенного вмешательства в природный ландшафт.

Опорным памятником Ладоги является Земляное городище, на территории которого под дерево-земляными фортификациями конца XVI – XVII в., сохранился анаэробный культурный слой середины VIII–X вв. Хорошая сохранность древесины остатков построек позволяет использовать метод дендродатирования и потенциально удревнить новгородскую дендрошкалу на 200 лет. Раскопки на городище ведутся с перерывами с 1909 г., и за это время исследовано более 2 500 кв. м поселения. Материалы раскопок представлены многочисленными (более 400) публикациями и огромным архивным наследием, хранящимся в фондах НА ИИМК РАН, Государственном Эрмитаже, Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее, Российском этнографическом музее. Несмотря на большие площади работ и ценнейший научный материал, многие вопросы планиграфии и стратиграфии деревянной застройки поселения VIII–XVII вв. остаются не разрешенными до сих пор, хотя являются ключевыми для изучения материальной культуры и хронологии Северной Руси. Сложившаяся ситуация во многом связана с различиями в методических подходах проведения раскопок и утратой части материалов.

Даже при последовательном увеличении площади раскопок экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса, работавшей с перерывами с 1938 по 1959 г., в рамках одного полевого сезона фиксируются изменения наименования сетки квадратов, а также ее сбой, обусловленный несовершенством измерительной техники, неточностями разметки и многими другими факторами. Пространственная ошибка позиционирования объектов в некоторые моменты могла достигать критических значений, приводя к новой разбивке сетки (как это произошло в 1947 г.) и появлению значительных неточностей по высоте и в плане при переносе привязок к несмежным раскопам в других частях памятника.

Уточнение границ и габаритов раскопов разных лет и последующее позиционирование отдельных объектов и комплексов, а также их привязка в единой системе координат (МСК-47 Зона 2 и Балтийской системе высот), создание отдельной ГИС Земляного городища – основные задачи работы с материалами городища. В ходе исследования апробирован подход к привязке раскопов прошлых лет в абсолютной системе координат и определению их границ методом археологической шурфовки в уже исследованных площадях, сопоставление результатов с данными архивной документации. Все полевые обмеры, фиксация и привязка шурфов осуществлялись с помощью современного геодезического оборудования. Фиксация хода работы и открытых в шурфах объектов выполнялась методом фотограмметрии с созданием отдельных 3D-моделей по каждому шурфу. В дальнейшем все манипуляции с моделями проводились в едином координатном пространстве.

В поисках привязок, в условиях отсутствия каких-либо видимых ориентиров, за опорную точку привязки исследованных площадей принят руинированный фундамент церкви Св. Климента XII в., сохранившийся в центральной части Земляного городища и неоднократно исследованный археологическими раскопками. На остатках фундамента церкви предварительно были заложены обмерные шурфы, а полученные данные соотнесены с архивной документацией. В ходе работы был проведен эксперимент по созданию 3D-модели остатков церкви Св. Климента по архивным фотографиям 1912 г. (см. тезисы Ст. А. Васильева в материалах данного съезда).

За три года работы над проектом в площадях старых раскопов было заложено

35 шурфов. Для сверки и идентификации открытого в шурфах конструктива (стратиграфии и объектов) был сформирован свод из более 700 полевых и сводных архивных чертежей, полевые отчеты, дневники. Собраны и подготовлены к работе описи находок и керамики, многочисленные рисунки и фотографии. Оцифровано и подготовлено к внесению в ГИС 20 описей находок из раскопок В. И. Равдоникаса, Е. А. Рябинина и А. Н. Кирпичникова, включающих более 20 000 индивидуальных находок и 3 000 единиц находок фрагментов керамических сосудов. В итоге работ была проверена и упорядочена информация о более чем 2 тыс. кв. м археологически изученной площади, включая исследованные объекты и археологические находки. Локализованы и соотнесены друг с другом все участки раскопов городища за более чем сто лет. Исследования в этом направлении продолжаются.

Список источников

Актуальные вопросы топографии Старой Ладоги / В. А. Лапшин, С. А. Васильев, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 2 (34). С. 127–148.

Археологическая карта Старой Ладоги и ее округи в ГИС / С. А. Васильев, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова, С. А. Семенов // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2023. № 50. С. 35–36.

Лапшин В. А., Павлова М. С. Проблема взаимосвязи города и его сельской округи на примере раннесредневековой Ладоги: концепции и источники // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 5. С. 273–292.

Могильник Плакун: новое открытие известного памятника по результатам ВЛС и георадиолокационных исследований / С. А. Васильев, Н. В. Григорьева, Н. О. Медведев, М. С. Павлова, Н. П. Сенчина // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 3. С. 573–586.

Новые материалы к археологической карте Ленинградской области (по результатам полевых работ 2021 г.) / С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова // Бюллетень. Охранная археология. СПб: ИИМК РАН, 2022. № 12. С. 15–128.

Павлова М. С. Раннесредневековые детские погребения из нового грунтового могильника в с. Старая Ладога // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2023. № 5. С. 139–149.

Г. А. Массалитина[1], И. В. Болдин[2]
[1] Национальный парк «Угра»,
Калуга, Россия
[2] Калужский объединенный музей-заповедник,
Калуга, Россия

ПОГРАНИЧНЫЕ МОСКОВСКО-ЛИТОВСКИЕ ГОРОДКИ В ПОУГОРЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Аннотация. В XV – начале XVI в. Поугорье было одним из участков московско-литовского пограничья, где не прекращались ожесточенные военные конфликты. В ходе систематических археологических работ в долине Угры авторами статьи были выявлены неизвестные ранее городища ряда пограничных городов, известных документально. В статье рассматриваются материалы их раскопок, в которых отразилась неспокойная история угорского порубежья.

Ключевые слова: Поугорье, Средневековье, пограничные города

Начало формирования московско-литовской границы в Поугорье исследователи относят ко времени, когда владения Литвы и Москвы еще были разделены землями Смоленского, Вяземского, Брянско-Карачевского и Верховских княжеств, но оба соседа уже стремились установить здесь свой контроль. Данный этап был относительно мирным. К началу XV в. занятые московским либо литовским влиянием территории вплотную приблизились к Угре. Долина реки становится зоной острой конфронтации. Масштабные конфликты, принимающие порой форму оже-

© Массалитина Г. А., Болдин И. В., 2025

сточенных войн, непрекращающиеся мелкие пограничные стычки – вот что представляло собой Поугорье на протяжении всего XV в.

Пограничный характер Угры нашел отражение в разных источниках. На это указывал в «Записках о Московии» С. Герберштейн, посещавший ее в 1517 и 1526 гг. [Герберштейн, 1988, с. 98]. О том, что Угра разделяла московско-литовские владения, сообщает пояснительная надпись на карте Г. Делиля 1706 г. Летописные миниатюры изображают противостояние московско-литовских войск на разных берегах реки [Русская летописная история, 2014, с. 168].

Археологические материалы, происходящие с небольшого (калужского) участка Угры от границы со Смоленской областью до г. Юхнова, также отразили пограничный характер реки. После создания национального парка «Угра» здесь активизировались археологические исследования. Среди выявленных новых памятников оказались и остатки городов – литовских на то время – находившихся в эпицентре московско-литовских территориальных конфликтов; они фигурируют в документах, появление которых вызвано этими конфликтами. К концу XV в. наступательная инициатива принадлежала уже Москве. Указанный участок долины Угры был особенно уязвим для московских вторжений. Литовские власти создают здесь серьезный рубеж обороны, включающий ряд опорных пунктов [Темушев, 2016]. Археологические остатки трех таких пограничных городов изучены раскопками.

Все они расположены на правом берегу Угры, сильно отличаются особенностями топографии, имеют небольшие размеры, поскольку возникли на месте городищ раннего железного века. Вблизи каждого из них имеются селища.

Городище Дмитровец найдено близ устья р. Вори в 1998 г. и идентифицировано как остатки известного по документальным источникам города Дмитров, Дмитровск, Дмитровец. Европейцы начали обозначать его уже на самых ранних картах Московии (впервые – в 1546 г.), помещая на разных участках течения Угры и на разных ее берегах. Свое точное место Дмитровец нашел лишь в 70-е гг. XVIII в., когда стали создаваться Атласы российских наместничеств. Историки XVIII–XX вв. также представляли местоположение города очень приблизительно. Даже в начале нашего столетия в первой специальной научной статье о Дмитровце таковое ошибочно указывается в устье р. Рессы – гораздо ниже по течению Угры [Аверьянов, 2005].

Городище находится на высоком холме правильной конусовидной формы с крутыми склонами; холм стоит у высокого обрывистого берега Угры, между двумя глубокими оврагами. Овальная площадка размером 36×56 м окружена кольцевым валом; подошва холма – кольцевым рвом.

Наиболее интересные для рассматриваемой темы результаты получены в траншее на валу. В верхней (средневековой) части насыпи выявлены две тонкие прослойки культурного слоя, маркирующие два этапа сооружения вала. На поверхности нижней из них почвоведы зафиксировали слабовыраженные следы почвообразования. По их осторожному заключению, дневной поверхностью этот уровень слоя был на протяжении нескольких десятилетий. Затем высота вала была увеличена, очевидно, для усиления обороноспособности крепости. В прослойках не было четко датирующихся находок. Но набор фрагментов керамики, имея широкую датировку – XIV–XV вв., – соответствует периоду острых пограничных конфликтов Москвы и Литвы в Поугорье. Их свидетельством может быть и еще один археологический факт: мощный слой пожара в верхней части слоя на площадке памятника, у основания вала. Вполне возможна его связь с московско-литовской войной 1406–1408 гг., в ходе которой в августе 1407 г. московский князь Василий I сжег Дмитровец.

Городище Палатки (9 км западнее г. Юхнов) было известно давно, но как рядовой объект, ничем среди других подобных не выделяющийся. По итогам наших раскопок оно обрело иной статус – комплекс разных данных, включая археологические, позволил отождествить его со средневековым городом Опаков.

Городище расположено на краю высокого обрывистого берега Угры между двумя глубокими оврагами, вдающимися в долину реки; склоны оврагов очень крутые. Простирающийся между ними третий глубокий овраг превращает место городища в обособленный участок берегового плато. Площадка памятника (35–40×65 м) возвышается над уровнем воды в реке на 32 м, имеет заметный уклон к западу; со стороны поймы на нее ведет спиралевидный въезд.

С противоположной от въезда стороны на стрелке мыса выявлены остатки каменной оборонительной башни XV в., до проведения работ полностью погребенные в культурном слое. Ее общие размеры 6,5×11,5 м. Прослежены границы рва под фундамент и основание – известняковая платформа. Стены из колотого плитняка на известковом растворе шириной 1,25–1,3 м сохранились на высоту 3 м. Стена, обращенная к Угре, за счет дополнительного ряда мощных валунов имела ширину 1,75 м; в ней выявлен вход в тайник.

Отдельно стоящие башни типа «донжон» не характерны для московского оборонного зодчества, это типичный элемент западноевропейской фортификации. В кладку стен местами был впущен брусковый кирпич-«пальчатка». Его именуют «литовским» – он активно использовался при строительстве замков и крепостей на всей бывшей территории Великого княжества Литовского.

Археологических и документальных данных для определения времени сооружения башни нет. Общая ситуация в Поугорье позволяет считать таковым конец XV в. – период особо напряженных отношений между Москвой и Литвой, вылившихся в войну 1486–1494 гг. Бывшие владельцы Опакова, князья Воротынские, получившие его от литовского короля за вассальную службу, в конце 1480-х гг. отъезжают на московскую службу, и здесь появляются королевские наместники Сапеги. Заботясь об укреплении этого участка литовской границы, они, вероятно, строят и «донжон» Опакова.

Еще один важный археологический факт: в шурфе, примыкавшем к стене башни со стороны площадки, зафиксирован мощный слой пожара. Его связь с московско-литовской войной конца XV в. также очень вероятна. Ряд документов сообщает о сожжении Опакова в 1493 г.

В текстах московско-литовских переговоров по итогам войны 1486–1494 гг. среди спорных волостей упоминается и Пустой Мощин. Его остатки были найдены в 2015 г. в итоге целенаправленного поиска на месте исчезнувшей в 1940-е гг. одноименной деревни, близ устья р. Рессы. Городище занимает мыс, образованный впадением в нее ручья Мощинка. Площадка треугольной формы (45×65 м) возвышается над уровнем воды на 24 м. С напольной стороны она защищена валом и рвом. По итогам шурфовки, верхняя часть культурного слоя в изобилии содержит материалы XIV–XV вв. Таким образом, помещая в устье р. Рессы Дмитровец, историки ошибались лишь с названием. Находившийся здесь пограничный городок Пустой Мощин требует дальнейших исследований.

Список источников

Аверьянов К. А. Средневековый Дмитровец // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга: Полиграф-Информ Калуга, 2005. С. 80–82.

Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 430 с.

Русская летописная история. Книга 12. 1403–1424 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 490 с.

Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Тула: Куликово поле, 2016. 328 с.

Н. П. Матвеева
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

О ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЯХ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДИЩ (РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Аннотация. Установлено, что фортификации бакальской и потчевашской культур маломощные, базирующиеся на насыпных валах с заборами и сходные с простейшими оборонительными линиями северных мигрантов в лесостепь IV–V вв. В VI–VIII вв. в Ишимо-Иртышье эта тенденция сохраняется, а в Притоболье фиксируется устройство тарасов, дозорных и проездных башен, подземных ходов и увеличение размеров преград в 1,5–2 раза.

Ключевые слова: фортификации, раннее Средневековье, бакальская, потчевашская культуры

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00215 «Оборонительная архитектура западносибирских городищ раннего Средневековья» (https://rscf.ru/project/24-28-00215).

Фортификации Западной Сибири мало изучены, хотя характер защитных линий обсуждался при анализе городищ [Коников, 2007; Фортификации..., 2013; Рафикова, Берлина, 2014; Матвеева, Сотников, 2024], опубликованы материалы лишь 17 памятников. Для бакальской культуры отмечена преемственность от саргатской, для потчевашской – от карымской таежного Приобья [Борзунов, Чемякин, 2013].

Бакальские городища – мысовые двухплощадочные, расположены на высоте от 10 до 54 м. Небольшой размер мысов (до 7 тыс. кв. м) не обеспечивал защиту от обстрела с напольной стороны и со стороны оврагов, поэтому делали эскарпы и заборы. Первые зафиксированы на Коловском, Усть-Терсюкском городищах, они шириной 2,5 м, высотой 6–7 м и 2 и 1,7 м соответственно. Валы изгибаются дугой, защищая склоны в местах их меньшей крутизны, или замыкаются на стрелке мыса, оставляли берму между валом и рвом. В одном случае обнаружены следы сгоревшей дозорной башни [Фортификации..., 2024]. Валы имели высоту в 2,0–3,8 м, из-за превышения их над минимумом защиты от обстрела предполагаем финальную борьбу со стены. На Большом Бакальском городище тарасы из двух заплотных стен с перпендикулярными связками определяются по наличию вкопанных в материк на глубину 0,6 м столбов в два ряда на расстоянии 4,5 м друг от друга, а также пазов в бревнах толщиной 25–30 см, с закладкой в них концов древесины толщиной 15 см [Потемкина, Матвеева, 1997, рис. 2]. На Коловском городище тарасы документированы упавшими столбами, горизонтальными бревнами и жердями, уложенными друг на друга в 4–6 рядов от двух стенок, вязанных перпендикулярными отрезками в ячейки по 4,0–4,5 м, заполненные землей [Матвеева, Рафикова, Берлина, 2008, с. 157]. На городище Ласточкино Гнездо-1 нет земляного вала, а есть следы срубных ячеек, ям от столбов не выявлено. Деревянные конструкции были обмазаны глиной, что уменьшало риск пожара и оползания [Рафикова, Берлина, 2014, с. 71, 73–74]. Рвы первоначально делали в 2–4 м при глубине 1,5–2 м, но, если на поселении жизнь продолжалась, их увеличивали в 1,5–2 раза. Крутизна склонов рва была 45° или 60° (на глинистом грунте). Большое Бакальское и Усть-Терсюкское городища отличаются шириной и глубиной поздних рвов: 8,3 и 3,0 м, а также 8,6 м и 1,7 м соответственно, общим приемом выноса грунта из рва на вал по широкой ступеньке.

При перестройке фортификаций размещение их элементов зависело от рельефа местности, наличия древесины хорошего качества, трудовых ресурсов и опыта строителей, времени ожидаемого нападения. Первыми могли быть сделаны частокол, насыпной вал со рвом, потом тарасы, позднее – массивный насыпной вал с широким рвом, как на Усть-Терсюкском, на Боль-

© Матвеева Н. П., 2025

шом Бакальском городище: тарасы, затем мощный насыпной вал со рвом; на Красногорском – частокол, насыпной вал, досыпка вала с установкой забора.

Потчевашские городища одноплощадочные, были приурочены к береговым террасам от 4 до 10 м высотой, имели малые площади (0,7–3 тыс. м^2), простые насыпные валы шириной 2,0–3,5 м с заборами поверху, рвы шириной 3–5 м и глубиной 1,0–1,5 м, с VIII–IX вв. стали использовать высокие мысы. Применялись эскарпы, изгороди. Оценку потчевашских городищ как многолинейных у Б. А. Коникова [2007, с. 50] считаем преждевременной, так как все памятники с несколькими линиями обороны лишь шурфились, при раскопках площадки могут оказаться разновременными, как это установлено на Долговском-1.

Особенностью Логиновского городища являются симметричные прогибы рва наружу в середине торцовых участков фортификации, переходящие в сквозную улицу. Вряд ли это были места сторожевых башен [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 105], судя по обнаружению на северном фланге на дне рва углистого слоя и бревен, их можно интерпретировать как сгоревший мост перед проездными воротами. В. Ф. Генинг и В. В. Евдокимов предполагали помещение выброса в срубы, не аргументируя этот тезис. Хотя в заполнении рва встречены отдельные обгорелые бревна и углистый слой, скорее, они остались от сгоревшего забора. Городище Чудская Гора интересно структурой вала, который с одной стороны был сложен из дерновых блоков, а с другой – выбросами из рва, дополненными конструкцией из бревен в 0,8 м шириной на высоту 4–6 ярусов [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 6–14; 71–72, рис. 12]. На Юрт-Бергамаке-4 VIII–IX вв. фортификацию возводили вокруг уже обжитого места после пожарища [Михалев, Полеводов, 2007, с. 100, 102].

По размерам потчевашские, верхнеобские и карымские городки [Троицкая, Новиков, 1998, с. 10] относятся к типу простейших маломощных замкнутой конфигурации, с легкими бревенчатыми ограждениями, не составлявших трудностей для штурма [Борзунов, Чемякин, 2013, с. 45]. Согласимся с А. И. Соловьевым [1987, с. 142], что такие преграды строились малыми общинами для предотвращения внезапных нападений враждебных соседей. Для предалтайской равнины характерны большие площади и опора на холмистый рельеф местности [Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 3, 86].

Сравнение ранних потчевашских и бакальских городищ указывает на сходные размеры валов и рвов. Но позднее в Зауралье развивается эшелонированная оборона, иногда наиболее укреплена цитадель, иногда – напольная линия. Сходны бакальские городища с поздними карабызскими, позднегляденовскими, ломоватовскими, также расположенными на высоких эскарпированных мысах. Оборонительные линии начинались с валов и рвов в 2–3 м шириной, а повышенный уровень защиты был у поселений с металлургическими центрами [Археология…, 2022, с. 70, 88]. Ломоватовские городища близки нашим и по замкнутой системе укреплений из нескольких рубежей, включая эскарпы и частоколы по периметру склонов, заплотные стены [Голдина, 1985, с. 65].

В целом в Западной Сибири повсюду строятся малые городища с низкими насыпными валами, легкими изгородями и неглубокими рвами. Небольшой объем строительных работ согласуется со снижением затрат на жилища и погребения в это время. Видимо, это обусловлено доминированием северных мигрантов в лесостепи [Матвеева, 2016, с. 224–226]. В VI–VIII вв. в Прииртышье эта тенденция сохраняется ввиду расселения общин с преобладанием охотничье-рыболовческого хозяйства, а в Зауралье усложнились планировки оборонительных линий, выросли масштабы строительства, что вызвано развитием металлообработки, участием в дальней торговле, ведшими к социальной и имущественной стратификации. Значительные трудозатраты производились только на «центральных» или специализированных поселениях.

Список источников

Археология Волго-Камья: в 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. 700 с.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские поселения Нижнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 45–55.

Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Логиновское городище (VI–VII вв.) // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 102–127.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Коников Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ИД «Наука», 2007. 466 с.

Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т. Майминская культура по материалам Салаира и предалтайской равнины I пол. I тыс. н. э. Барнаул: АлтГУ, 2019. 214 с.

Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов. Тюмень: ТюмГУ, 2016. 264 с.

Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н., Берлина С. В. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 236 с.

Матвеева Н. П., Сотников В. А. О характере зауральских городищ эпохи Средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2 (65). С. 84–97.

Михалев В. В., Полеводов А. В. Потчеашские городища у дер. Окунево // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Омс. гос. ун-т, 2007. Вып. 4. С. 93–103.

Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 202 с.

Потемкина Т. М., Матвеева Н. П. Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 39–50.

Рафикова Т. Н., Берлина С. В. Фортификации городища Ласточкино Гнездо-1 эпохи Средневековья: к проблеме культурных контактов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья / Т. Н. Рафикова, С. В. Берлина, А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.

Фортификации Усть-Терсюкского городища / Н. П. Матвеева, Т. Н. Рафикова, Е. А. Третьяков, А. С. Якимов // Уфимский археологический вестник. 2024. № 4. С. 708–720.

М. А. Матросов
Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Россия

О СКЛЕПАХ НЕОБЫЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ НА «ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИГОРОДЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО» (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2024 Г.)

Аннотация. При археологических наблюдениях на территории некрополя Херсонеса Таврического в 2024 г. обнаружены два погребальных сооружения, отличающихся своеобразием конструкции от других сооружений некрополя. Рассматривается вопрос выделения этих сооружений в отдельную группу; датировки данной группы сооружений; предлагаются варианты объяснения ее происхождения.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, некрополь, погребальные сооружения

В феврале – июле 2024 г. в рамках работ по реконструкции ул. Древняя Херсонесская пригородная экспедиция ИАК РАН под руководством В. В. Масякина проводила археологические наблюдения на территории выявленного объекта культурного наследия «Юго-Восточный пригород Херсонеса Таврического».

Территория эта исследовалась в 1905 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем и в 1908 г. – Н. И. Репниковым. Результаты опубликованы в периодических изданиях «Известия

© Матросов М. А., 2025

Императорской археологической комиссии» [Косцюшко-Валюжинич, 1907] и «Херсонесский сборник» [Репников, 1927]. В начале XX в. участки этих работ перешли от Херсонесского монастыря к Военному ведомству. До последних лет доступ сюда был ограничен и о судьбе погребальных сооружений, открытых исследователями начала XX в., сведений не было.

В рамках работ по строительству музейного комплекса «Новый Херсонес» в 2023 г. экспедицией ИИМК здесь были проведены разведки, показавшие современное происхождение наличных грунтовых напластований [Вахонеев, Топоривская, 2023, с. 214]. Работы 2024 г. подтвердили эти выводы; вместе с тем выяснилось, что погребальные сооружения, вырубленные в скале, сохранились. Было раскрыто 9 погребальных сооружений (вырубленных в скале склепов), 8 из которых удалось точно идентифицировать [Матросов, 2024]: в их числе оказались склепы № 2053/1905 и № 2814/1908, неоднократно упоминавшиеся в литературе о некрополе [Якобсон, 1959; Сорочан, 2005; Пищулина, Сорочан, Фомин, 2020].

Склеп № 2053 [Косцюшко-Валюжинич, 1907, с. 105; Матросов, 2024, с. 112–113]. Помещение размерами 5,82×7,96 м, неправильной четырехугольной в плане формы, длинной осью вытянутое в направлении северо-запад – юго-восток, входом обращенное на северо-восток. С обеих сторон от входного отверстия – ниши прямоугольной в вертикальном сечении формы. По длинной оси помещение разделено на две части вырубленной в скале перегородкой с тремя подпорными столбами. По обе стороны от входного отверстия отгорожены четырехугольные в плане секции. В одной секции перегородка сохранилась частично, в другой – прослеживалась по следам цемянкового раствора.

Склеп № 2814 [Репников, 1927, с. 181; Матросов, 2024, с. 115–116]. Обнаружен при земляных работах у ограждения между участком работ и территорией Херсонеса. Из-за аварийного состояния не расчищался, но и визуальное обследование части, куда удалось проникнуть, показало, что сооружение имеет значительные размеры и своеобразную конструкцию. Размеры восстанавливаются по плану Н. И. Репникова: 8,6×6,5 м [Репников, 1927, с. 180, рис. 39]. Входное отверстие – на юго-западной стороне, четырехугольной формы. Снаружи над ним на глубину 0,30 м вырублен портал с арковидным верхом. Внутри, по левую сторону от входа, – прямоугольная ниша. По обе стороны от входа – четырехугольные в плане секции, отделенные вырубленными из скалы перегородками. Из грунтово-каменной засыпи, скрывшей дальнюю часть помещения, выглядывали верхние части двух подпорных столбов.

Визуальное обследование и изучение опубликованных материалов показали, что конструкции склепов имеют общие черты, отличающие их от характерных для некрополя Херсонеса склепов с нишами-лежанками.

Значительные размеры конструкций. Эта их черта особо подчёркивалась исследователями. Склепы с нишами-лежанками на некрополе Херсонеса редко превышают 4 м как в ширину, так и в глубину; сооружения более значительных размеров – единичны. Интересно, что еще одно, размерами примерно 6,84×8,28 м, сооружение располагалось тут же, на территории скотного двора, – склеп № 1663/1905, который Косцюшко-Валюжинич охарактеризовал как «обширнейшую в Херсонесе катакомбу» [1907, с. 77]. В нем отмечено отсутствие ниш, 6 подпорных столбов (судя по плану, без объединяющих перегородок). «Ящиковидных» секций, судя по отсутствию указаний, не было.

Отсутствие ниш с лежанками. Склеп № 2053 не имеет обычных для херсонесских склепов ниш с лежанками; в склепе № 2814 одна ниша, на плане показанная в одной из дальней камер, видимо, не была элементом изначальной конструкции. Кроме рассматриваемых, подобные склепы исследовались в 1904–1908 гг.

Ниши-лежанки могли отсутствовать в недостроенных склепах: в этом плане выразителен склеп № 2806/1908, где выработка лежанок была начата, но брошена [Репников, 1927, с. 180]. Лежанки могли

не вырубаться из-за свойств скальной породы: в склепах № 2225/1907, 2228/1907, 2230/1907, 2233/1907 не отмечена незаконченность конструкции, но во всех случаях сильно обрушены потолки [Косцюшко, 1911, с. 36, 37]. В нашем случае конструкции были завершены и препятствий для выработки лежанок, по-видимому, также не было.

Наличие перегородки с массивными подпорными столбами. Подпорные столбы – не редкий элемент конструкций склепов некрополя Херсонеса, но соединение их перегородками встречаются только в описываемых сооружениях. В склепе № 2814 на её наличие указывает план Н. И. Репникова [1927, с. 180, рис. 40, 41].

Наличие выделенных в пространстве склепов под совершение погребений «ящиковидных» секций. Эти секции в склепах имеют аналогичное расположение – по обеим сторонам от входа [Репников, 1927, с. 180, рис. 39, 40, 41].

Наличие возле входа небольших прямоугольных ниш. На участке у Карантинной бухты небольшие прямоугольные ниши встречаются и в конструкции других склепов: № 1480, 2247/1907, 2248/1907, 2249/1907, 2255/1907 [Косцюшко-Валюжинич, 1907, с. 92; Косцюшко, 1911, с. 40, 41, 42]. В некоторых склепах такие ниши отмечались вместе с нишами-лежанками: например, в № 2216/1907 [Косцюшко, Скубетов, 1911, с. 35]; № 2382/1907 [Там же, с. 78]; № 2445/1907 [Скубетов, 1918, с. 289].

Итак, почти все перечисленные признаки не уникальны сами по себе, но сочетание их в одной конструкции и одинаковое расположение дает своеобразные архитектурные единства, которые представляется возможным выделить в отдельную группу погребальных сооружений Херсонеса.

Склепы № 2053 и 2814 датируются более поздним временем, чем склепы с нишами-лежанками: позднеантичным, а то и ранневизантийским [Якобсон, 1959, с. 253, 255; Сорочан, 2005, с. 1046, 1062–1063]. И действительно, их своеобразие производит впечатление более позднего происхождения, но изучение связей между склепами № 2052, 2053 и 2055 показало, что наиболее поздним из них является № 2055 – недоработанный склеп с нишами-лежанками, судя по материалу, отмеченному Косцюшко-Валюжиничем, относящийся к III–IV в. (как его датируют и другие исследователи). Следовательно, склеп № 2053 датируется примерно III в., что не вяжется с ранневизантийской датировкой и лишь с некоторыми оговорками соответствует началу позднеантичного периода. Следовательно, склепы с нишами-лежанками сосуществовали со склепами рассматриваемой конструкции. Видимо, этим же временем, т. е. III в., следует датировать и склеп № 2814.

Происхождение выделенной группы не вполне ясно. Аналоги перегородок с подпорными столбами встречаются в подземных городах Каппадокии. Конструкции склепов с нишами-лежанками сходны с погребениями из римских катакомб [Фрикен, 1872, с. 60, рис. 6], но имеются и в восточных провинциях Римской империи [Зубарь, 1982, с. 28]. Это наталкивает на мысль, что сооружения разных групп могли создаваться выходцами из разных регионов, но достаточных оснований для однозначного вывода имеющиеся данные не дают.

Более вероятно, что, в отличие от небольших склепов с нишами-лежанками, склепы рассматриваемой группы служили для погребения лиц, чьи семья или род не имели специального места для погребений, но вместе с тем достаточно состоятельных. При всем своеобразии склепы № 2053, 2814 являются завершенными конструкциями. Выработка значительных по размерам конструкций и дополнительных архитектурных деталей требовала более значительной работы, что явно не характерно для сооружения, предназначенного для погребения представителей низших слоев.

Список источников

Вахонеев В. В., Топоривская М. А. Археологические разведки в Юго-Восточном пригороде Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН. СПб.: Невская типография, 2023. № 14. С. 209–214.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИИАК. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1907. № 25. С. 67–128.

Косцюшко К. К., Скубетов М. И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИИАК. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1911. С. 1–91.

Матросов М. А. Погребальные сооружения, обнаруженные при археологических наблюдениях на ул. Древняя в 2024 г. // История и археология Крыма. Симферополь: ИТ «Ариал», 2024. № 21. С. 111–131.

Пищулина Н. О., Сорочан С. Б., Фомин М. В. Некрополь и кладбища Херсонеса-Херсона: материалы к исследованиям. Харьков: Майдан, 2020. 494 с.

Репников Н. И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. // ХСб. Севастополь: Издание Херсонесского музея, 1927. № 2. С 149–182.

Скубетов М. И. Раскопки херсонесского некрополя в 1907 г. // ИТУАК. Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1918. № 54. С. 289–296.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 1–2. 1648 с.

Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. М.: Т. К. Солдатенков, 1872. 191 с.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. 365 с.

Р. Н. Модин
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ПОСТРОЙКИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ПО ДАННЫМ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИА РАН

Аннотация. Работа посвящена средневековой деревянной застройке Московского Кремля. Проводится анализ конструктивных особенностей наземных и углубленных хозяйственных сооружений этого времени (середины XII–XVI в.). В основе исследования лежат материалы работ Института Археологии РАН 2007–2023 гг., а также привлекаются материалы более ранних исследований.

Ключевые слова: наземная постройка, сооружение, погреб, сруб

В 2007–2023 гг. Институтом археологии РАН проводились исследования в Московском Кремле [Древности Московского Кремля…, 2022; Дубровин, Коваль, 2014; Модин, Коваль, 2023; Усадьбы московской знати…, 2023]. В результате получены новые сведения о материальной культуре средневековой Москвы, в том числе о деревянной застройке Кремля. На сегодня база данных средневековых деревянных сооружений Московского Кремля насчитывает 159 наземных и углубленных построек, 92 из которых изучено в 2007–2023 гг.

Наземных построек в Кремле известно 90, из которых к жилым относятся 25. Домонгольским временем датируется 8 сооружений, середины XIII – начала XVI вв. – 61, остальные – XVI – начала XVII вв., либо не имеют четкой даты. Большинство построек – однокамерные четырехстенные срубы 3–5×3–5 м, сложенные в обло. Но есть и более мелкие/крупные сооружения. Построек с более сложной плановой структурой в Кремле нет, хотя на территории Москвы в небольшом количестве они известны [Рабинович, 1964, с. 238]. Похожие размеры домов и преобладание однокамерных срубов характерно и для других среднерусских городов этого времени, например Твери и Смоленска [Асташева, 1979, с. 6–9; Лапшин, 2009, с. 172].

В некоторых постройках обнаружены остатки полов из крупных досок/плах (30–50×3–5 см), уложенных, как правило, на лаги либо прямо на землю. В части домов найдены остатки печей, которые

© Модин Р. Н., 2025

обычно ставились на столбовые опечки. Лучше всего в 2007 г. изучен опечек в сооружении Т1-37 на Подоле, аналогичный опечкам из Новгорода [Засурцев, 1963, с. 31–32]. По его углам стояло четыре столба, в верхней части которых вырублены пазы для установки бревен, на которые укладывался настил[58]. Две печи конца XV – начала XVI вв. имели срубный опечек либо деревянную обноску. Системы в расположении печи в домах нет. Она могла занимать любой угол, что в целом типично для московских домов [Рабинович, 1964, с. 242].

Найденные детали крыш (слеги, курицы, фрагменты кровли) позволяют предположить, что они имели самцовое устройство. По данным этнографии, такие крыши были распространены в среднерусской полосе до конца XIX в. [Бломквист, 1956, с. 98]. В 2020 г. на усадьбе окольничего Дмитрия Донского Тимофея Васильевича Вельяминова найден лемех – дорогой кровельный материал в виде продолговатых дощечек с завершением в виде острия или городка.

Наземных построек каркасно-столбовой конструкции в Кремле четыре. Наиболее интересны три похожих постройки XV в. из раскопов 2007, 2020 и 2023 гг. (Подол, Арсенал). В основании построек лежит рама, по углам которой ставились столбы. В середине стен устанавливались промежуточные столбы. Стены построек, вероятно, представляли собой наборную конструкцию из досок/плах, помещавшихся между угловыми и промежуточными столбами. Аналогии этим конструкциям известны в Прибалтике и Белоруссии [Колединский, Ткачев, 1983, с. 20; Цауне, 1983, с. 58–59].

Углубленных хозяйственных сооружений (погребов) в Кремле известно 69[59]. Домонгольским временем датируется 14 сооружений, середины XIII – начала XVI вв. – 41, остальные – XVI – начала XVII вв. либо не имеют четкой даты. Анализ породы древесины показал, что в XIII – первой половине XV вв. погреба строились в основном из хвойных деревьев, позже предпочитали использовать дуб.

Большинство погребов – срубы размерами 3–4×3–4 м, но есть и более маленькие/крупные сооружения. По способу крепления углов они делятся на две группы: с выпуском и без выпуска концов бревен. Большинство срубов первой группы рублены в обло[60]. В одном погребе первой половины – середины XV в. из раскопа 2007 г. (Подол) стены рублены в охлуп[61]. Это самое раннее археологическое свидетельство такого типа рубки [Дубровин, 2018, с. 50]. У двух погребов углы скреплены в замок, что характерно для рубки стен из поставленных на ребро плах/досок или бруса [Бломквист, 1956, с. 69, рис. 7, *е*]. У срубов без выпусков концов зафиксировано два способа крепления углов: в лапу и в стык.

Погреба перекрывались настилом (накатом) из бревен/досок/горбыля, лежащем на балках. Для гидроизоляции перекрытие покрывали листами бересты. Так же поступали со стенами и полами. В этих же целях в погребах использовали дренажные устройства. Часто это была вкопанная в дно бочка без днища, изредка – срубный колодец. Внутрь погреба спускались по лестнице через лаз. Например, в 2021 г. в одном из погребов XV в. найдена лестница из соснового полубревна с вырубленными в нем ступенями.

Полы в погребах были как земляные, так и деревянные. Последние настилались грубо из разнородного материала: доски, бревна, жерди, плахи, обрубки.

Погребов каркасно-столбовой конструкции пять. Два датируются домонгольским временем, три – второй половиной XV в. Зафиксировано два типа таких погребов. У погребов первого типа стены состояли из вертикальных колотых бревен/досок, установленных в канавку, а по углам врывались столбы. Один погреб

[58] Панова Т. Д., Коваль В. Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 г. Том 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 29009.
[59] 41 из раскопов 2007–2023 гг.
[60] Чашка в верхней части нижнего венца.
[61] Чашка в нижней части верхнего венца.

XV в. имеет рамную каркасно-столбовую конструкцию, аналогичную конструкции наземных построек этого времени (см. выше). Похожие погреба известны в Смоленске, Прибалтике, Польше [Пронин, Соболь, Гусаков, 2011, с. 57; Цауне, 1984, с. 88–89].

Часто встречающиеся при раскопках поселений погреба могут быть как углубленными частями жилого дома, так и отдельными сооружениями. Четких критериев для их разделения в процессе раскопок нет. Анализ кремлевских построек позволяет предположить, что здесь были как дома с углубленными подпольями, так и без, а также обособленные погреба. Остатки жилого дома начала XVI вв. вместе с его подпольной частью изучены в 2007 г. на Подоле (сооружения Т1-10/10а). От дома сохранились фрагменты двух стен. В восточном углу стояла печь, от которой осталось скопление битого кирпича и печины. Погреб представлял собой дубовый сруб 2,7×3 м, глубиной 1,5 м. Печь стояла на его краю, возле угла. Вход в погреб был около печи, что имеет параллели с этнографическими данными [Бломквист, 1956, с. 217–218]. Похожие ситуации, когда синхронные по времени погреба и наземные постройки расположены на одном и том же месте, были зафиксированы и в других местах. Вероятно, это тоже остатки домов с углубленными подпольями. Однако четкой связи между ними, как в случае с сооружениями Т1-10/10а, не прослежено.

Пример иной ситуации прослежен в 2007 г. на Подоле: цепочки перестраивающихся на одном и том же месте однотипных сооружений (погребов или наземных домов). Это наводит на мысль, что на бытовавших здесь усадьбах стояли как жилые дома без подполий, так и отдельные погреба, периодически обновлявшиеся.

Таким образом, исследования ИА РАН 2007–2023 гг. как существенно расширяют представления о конструктивных особенностях средневековых московских деревянных сооружений, так и уточняют особенности планировки отдельных усадеб.

Список источников

Асташева Н. И. Постройки древнего Смоленска // Проблемы истории СССР. 1979. Вып. VIII. С. 3–14.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: АН СССР, 1956. С. 3–458.

Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН, 2022. 552 с.

Дубровин Г. Е. Об эволюции приема рубки «в обло» в древнерусском срубном строительстве // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной. М.; В. Новгород – СПб: Любавич. 2018. С. 43–51.

Дубровин Г. Е, Коваль В. Ю. Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация) // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2014. Вып. 10. С. 94–110.

Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123. С. 5–165.

Колединский Л. В., Ткачев М. А. Строительная техника и строительные материалы Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига: «Зинатне», 1983. С. 19–23.

Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Модин Р. Н., Коваль В. Ю. Объекты усадебной планировки XIV – первой половины XVI в. в Московском Кремле по материалам раскопок в Большом сквере // РА. 2023. № 4. С. 116–131.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск, 2011. 208 с.

Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука, 1964. 354 с.

Усадьбы московской знати XIV–XV вв. на Подоле Московского Кремля / К. И. Панченко, Н. А. Макаров, А. А. Карпухин, В. Ю. Коваль // РА. 2023. № 2. С. 64–80.

Цауне А. В. Здания каркасной конструкции XII–XIV вв. в Риге // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига: Зинатне, 1983. С. 57–60.

Цауне А. В. Жилища Риги XII–XIV вв.: по данным археологических раскопок. Рига: Зинатне, 1984. 152 с.

В. Е. Науменко
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО МАНГУПА-ДОРОСА

Аннотация. Византийский период истории Мангупского городища включает три этапа: ранневизантийский (середина VI – конец VIII вв.), «хазарский» (конец VIII – начало IX вв.) и фемный (середина IX–XI вв.). Исследования показывают эволюционный характер развития поселения. К X в. Мангуп окончательно сформировался как провинциально-византийский городской центр.

Ключевые слова: горный Крым, Мангупское городище, крепость Дорос, византийская археология, город, фема

Особое место в истории Мангупа, крупнейшей средневековой крепости горного Крыма, занимает его византийский период (середина VI–XI вв.). Он был выделен в ходе исследований 1970–1990-х гг., когда были открыты новые звенья Главной линии обороны крепости и ряд грунтовых могильников в ее округе, что позволило пересмотреть масштаб и атрибуцию памятника. Итоги этих научных открытий подведены в монографии А. Г. Герцена [1990], в которой подчеркнуты византийский характер материальной культуры городища в эпоху раннего Средневековья, его типологическая принадлежность к разряду крепостей-убежищ, значительная роль хазарского фактора в истории памятника до середины X в. В качестве финальных событий констатируется военная (или природная) катастрофа середины XI в., за которой следует длительное, до второй половины XIV в., запустение крепости. Многие из этих выводов сохраняют актуальность. Тем не менее раскопки последних лет позволяют внести в них серьезные коррективы (рис. 1).

Византийский период в истории Мангупа-Дороса включает три этапа: ранневизантийский (середины VI – конца VIII вв.), «хазарский» (конца VIII – начала IX вв.) и фемный (середины IX–XI вв.).

Ранневизантийский этап начинается со строительства крепости на Мангупском плато в 550–565 гг. [Науменко, 2023а, с. 116]. К этому времени здесь существовало крупное поселение, в округе которого функционировал ряд грунтовых некрополей (Алмалык-дере, Каралез), оставленных готами и аланами. Главная линия обороны имела дискретный характер и включала 20 отдельных укреплений. Одновременно с возведением фортификационных объектов шло активное внутрикрепостное строительство. Исследованы не менее четырех участков застройки VI–VIII вв. – на месте цитадели, дворца, церкви св. Константина и в Лагерной балке. Отметим жилой квартал на месте дворца, где выявлены остатки улицы и предметы быта (монеты, печати, детали одежды, военные трофеи), указывающие на проживание солдат византийского гарнизона и администрации [Науменко, 2023б]. О росте численности населения свидетельствуют новые некрополи – Южно-Мангупский (со второй половины VI в.) и Адым-Чокракский (с начала VII в.). Начиная с ранневизантийского периода Дорос становится одним из центров христианизации горного Крыма. В его центральной части возводится трехнефная базилика, будущий кафедральный храм Готской епархии.

«Хазарский» период в истории Мангупа был крайне непродолжительным и не привел к изменениям в составе и занятиях местного населения. Единственным источником о завоевании Дороса хазарами около 786–787 гг. остается житие св. Иоанна Готского. Однако следы материального присутствия хазар на городище археологически не выявлены. Сохраняется ранневизантийская планировка и характер застройки поселения, функционируют многие раннесредневековые могильники

© Науменко В. Е., 2025

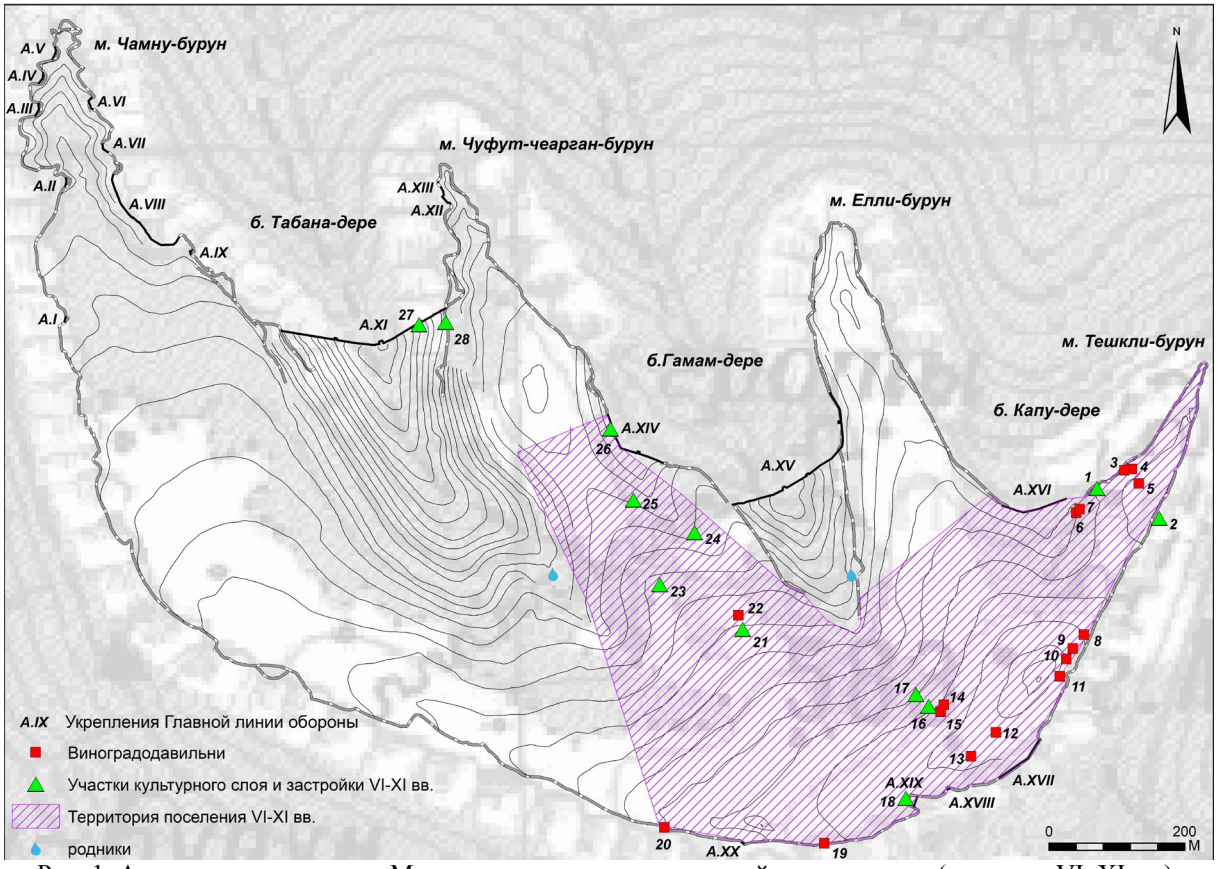

Рис. 1. Археологическая карта Мангупского городища византийского периода (середина VI–XI вв.): *1* – строительный комплекс у тыльной стороны цитадели; *2* – стратиграфический раскоп на склоне мыса Тешкли-бурун; *3* – винодельня-12; *4* – винодельня-10; *5* – винодельня-9; *6* – винодельня-4; *7* – винодельня-5; *8* – винодельня-13; *9* – винодельня-7; *10* – винодельня-11; *11* – винодельня-1; *12* – винодельня-2; *13* – винодельня-3; *14* – винодельня-14; *15* – винодельня-8; *16* – культурный слой на некрополе церкви св. Константина; *17* – строительный комплекс у церкви св. Константина; *18* – укрепление A.XIX; *19* – винодельня-6; *20* – винодельня-16; *21* – дворец; *22* – винодельня-15; *23* – базилика; *24* – Лагерная балка; *25* – строительный комплекс 2022 г.; *26* – укрепление A.XIV; *27* – укрепление A.XI; *28* – Северный монастырь

округи (Каралезский, Южно-Мангупский и Адым-Чокракский) [Науменко, 2024].

В середине IX–XI вв. крепость входила в состав византийской фемы на полуострове. В самом конце X в. она была выделена из фемы Херсон в качестве центра Готской турмархии. Около 994–995 гг. ее гарнизон во главе с византийским топотеритом производил кардинальную реконструкцию укреплений Северного фронта Главной линии обороны крепости.

Археологически на Мангупском плато выявлены не менее восьми объектов этого времени. Население продолжало заниматься скотоводством и земледелием, однако специализированными отраслями становятся виноградарство и товарное виноделие. Занятия виноделием находились под контролем местной администрации, о чем свидетельствуют находки скальных виноградодавилен второй половины IX – первой половины X вв. Отметим активное освоение округи крепости, где появляются храмово-монастырские комплексы и поселенческие структуры. Имеющийся фонд источников позволяет рассматривать Мангуп в фемный период не только как крупную византийскую крепость в Горном Крыму, центр Готской архиепископии, но и как поселение городского типа с высоким уровнем спланированности территории и регулярной застройкой [Науменко, 2022].

Фемный период завершается ближе к концу XI в. Это не означало запустения городища в дальнейшем. Отдельные группы находок XII–XIII вв. обнаружены в ходе раскопок цитадели и базилики. Около 1094–1095 гг. вырублен Северный пещерный монастырь, центральный храм которого освящен в честь св. Иакова. Сохранились письменные свидетельства

об участии готских иерархов в соборах Константинопольского патриархата этого времени. Таким образом, поселение на Мангупском плато продолжало функционировать вплоть до 1204 г., когда Византия окончательно утратила свой контроль над Крымским полуостровом.

Список источников

Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1990. Вып. I. С. 87–166.

Науменко В. Е. Мангуп-Дорос в фемный период истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2022. Вып. XXVII. С. 166–208.

Науменко В. Е. К дискуссии о времени строительства византийской крепости на Мангупе // Античная древность и Средние века. 2023а. Т. 51. С. 105–119.

Науменко В. Е. Застройка ранневизантийского времени в центральной части Мангупа-Дороса. Новые материалы исследований // IMPERIUM ET BARBARICUM: взаимодействие цивилизаций. Симферополь: ООО «Антиква», 2023б. С. 223–233.

Науменко В. Е. В поисках хазар на Мангупе: некоторые критические наблюдения над данными письменных и археологических источников // Античная древность и Средние века. 2024. Т. 52. С. 176–195.

О. М. Олейников, П. Г. Гайдуков
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ЛЮДИНА КОНЦА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Аннотация. Институт археологии РАН с 2008 г. осуществил значительные археологические исследования на территории Людина конца Великого Новгорода, что позволило уточнить места расположения всех известных по письменным источникам улиц. Полученные данные важны для хронологии отдельных сооружений и исторической топографии этого района города. Составлены планы площади городской застройки Людина конца по хронологическим периодам, прослежена эволюция как роста средневекового Новгорода, так и его упадка.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Людин конец, уличная сеть, динамика застройки

История Новгорода начинается не позднее 930-х гг. Город возник в 2 км севернее Новгородского (Рюрикова) городища, объединив три поселка по обоим берегам Волхова. Эти поселки стали основой старейших сохранявших самоуправление районов средневекового города: Славенского конца на Торговой стороне (правый берег Волхова), Людина и Неревского концов Софийской стороны (левый берег). Начало усадебной застройки Людина конца относится к 930-м гг., первая уличная мостовая появляется после 938 г. [Фараджева, Тарабардина, Гайдуков, 2014, с. 134–159]. Возникшая в X в. уличная планировка существовала и развивалась на протяжении дальнейшей истории Новгорода вплоть до середины XVIII в. Столь же традиционной на все последующее время осталась усадебная организация территории; границы усадеб менялись после многочисленных пожаров и эпидемий.

С начала своего появления город непрерывно рос, осваивались новые участки вглубь берега, грунтовые дороги сменялись мощеными. Окраинная земля в черте города была занята сельскими угодьями, поделенными на владельческие участки. Первые укрепления кремля – вал и ров, появились в середине X в. [Олейников, Долгих, 2017, с. 176–181].

Самым большим раскопом на территории Людина конца Новгорода является Троицкий (8 597 кв. м). Здесь обнаружены и исследованы три средневековые улицы, пространство между которыми занимали

© Олейников О. М., Гайдуков П. Г., 2025

усадьбы с остатками жилых и хозяйственных построек, ремесленных мастерских, дворовых вымосток и оград. Археологические исследования показали, что уже во второй половине X в. в Новгороде сложился городской уклад жизни, подразумевающий разнообразную деятельность горожан в существовавшей системе экономических и социальных связей. В это время Новгород приобретает характерные черты средневекового города с постоянной планировкой и застройкой, определившими его облик на многие столетия вперед.

С 2008 г. Институт археологии РАН осуществляет исследования на территории Людина конца Великого Новгорода. Общая площадь раскопов в этой части Новгорода составила 7 630 кв. м при мощности культурного слоя до 5 м. Благодаря проведенным работам получены материалы, важные для понимания динамики развития средневекового Новгорода, и уточнены места расположения всех известных по письменным источникам улиц.

На Десятинном раскопе между средневековыми улицами Волосовой и Добрыней исследовано несколько усадеб, существовавших здесь с начала XI в. На одной из них обнаружено сооружение, которое можно определить как «поруб», или тюрьму. Первоначальное сооружение из остатков вертикальных досок датируется 1020-ми годами. В 1030-е гг. его заменили срубом квадратной формы размерами 230×240 см, сохранившимся на 28–30 венцов. На дне располагались две лавки и отхожее место в виде ямы. Тюрьма просуществовала около 20 лет [Олейников, 2013, с. 76–82]. По статусным находкам, обнаруженным на древнейших усадьбах, можно предположить, что эта территория первоначально не входила в черту раннего Новгорода и принадлежала князю или его окружению.

На Десятинном раскопе в слое второй половины XI в. обнаружено несколько десятков пней яблонь, что является чрезвычайно редким и самым ранним случаем наличия садов на городских усадьбах средневекового Новгорода.

В 2017 г. при проведении археологических раскопок за пределами вала и рва Окольного города на территории, которая в источниках XVI–XVII вв. называлась Алексеевской слободой или Алексеевским запольем (ул. Обороны, д. 2), были обнаружены грунтовые погребения, датирующиеся первой половиной XI в. Это древнейший новгородский могильник времени первого столетия существования города. По комплексу вещей и конструкции погребальных сооружений могильник находит прямые аналогии в материалах раскопок в Киеве, Чернигове, Пскове. В дальнейшем на этой территории возникло поселение второй половины XI–XII в., где обнаружен сфрагистический комплекс, в составе которого 3 древнерусские и 15 византийских свинцовых печатей, а также 28 товарных пломб. Данное поселение расположено за пределами городских кварталов Новгорода XI–XII вв. и связано, вероятно, с торговой или таможенной деятельностью – своеобразная «торговая фактория» Киева начала XII в. [Гайдуков, Исаев, Олейников, 2019, с. 166–174; Stepanova et al., 2022, p. 107–119] (рис. 1, *2*).

В XII в. городская застройка Людина конца занимает уже всю территорию, охваченную в более позднее время валом Окольного города (рис. 1, *3*).

Одним из важнейших открытий экспедиции, сделанных на всех раскопах ИА РАН, является выявление периода запустения различной продолжительности, начавшегося в первой четверти XIII в. В это время здесь прекратилось всякое строительство жилья и сооружение улиц, а территория была занята огородами. Слой запустения был обнаружен также и за пределами вала Окольного города (рис. 1, *4*).

Такое резкое сокращение городской территории в XIII в. можно объяснить не только эпидемиями и мором в Новгороде, отмеченными в летописи в 1216 и 1230 гг., но и общим упадком экономической жизни, наступившим после завоевания монголами в конце 1230-х гг. центральных и южных регионов средневеко-

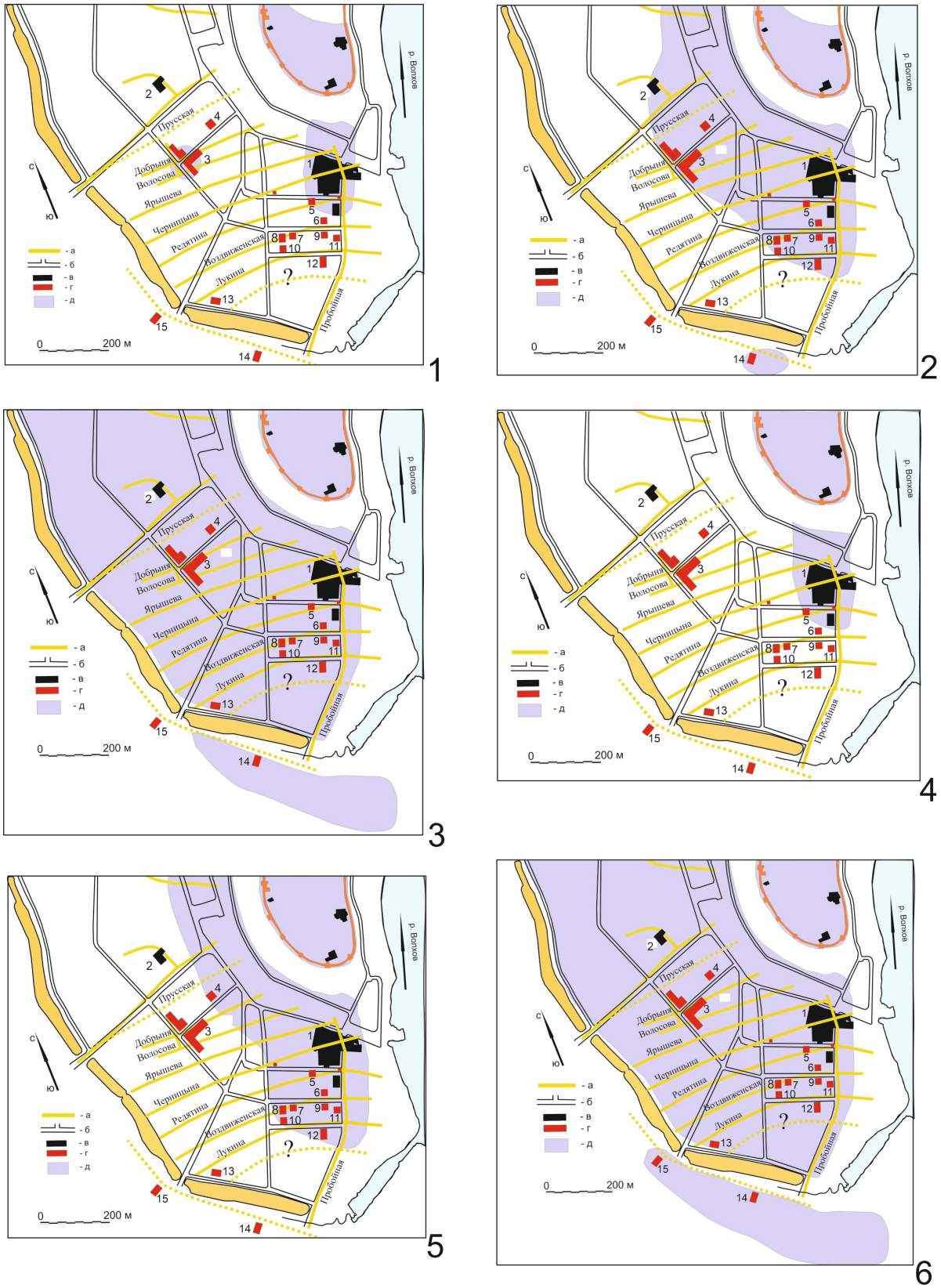

Рис. 1. Схема территорий городской застройки Людина конца Новгорода по периодам:
а) древние улицы; *б)* современные улицы; *в)* археологические раскопы; *г)* археологические раскопы ИА РАН; *д)* жилая застройка; *1* – конец X в.; *2* – конец XI в.; *3* – конец XII в.; *4* – после мора 1216 г.; *5* – вторая половина XIII в.; *6* – конец XIV в.

вой Руси. Во второй половине XIII в. территория Новгорода начинает снова расширяться, и в XIV в. город полностью восстанавливает свою территорию (рис. 1, *5, 6*).

Список источников

Гайдуков П. Г., Исаев А. А., Олейников О. М. Открытие некрополя начала XI века в Новгороде // Археология и история Пскова и псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. М.; Псков: Изд-во ИА РАН, 2019. Вып. 34. С. 16–174.

Олейников О. М. Темница первой половины XI в. в средневековом Новгороде // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 228. 2013. С. 76–82.

Олейников О. М., Долгих А. В. Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Изд-во Новг. музея-заповедника, 2017. Вып. 31. С. 176–181.

Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца // Русь в IX–XII вв. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 134–160.

Stepanova E., Gaydukov P., Oleynikov O. A Collection of Byzantine Seals from Velikij Novgorod // Studies in Byzantine Sigillography. Vol. 14 / Ed. by Alexandra-Kyriaki Wassiliou-Seibt and Christos Stavrakos. Turnhout, 2022. P. 107–119.

К. И. Панченко
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ПОЗДЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОГРЕБ ИЗ Г. ДМИТРОВА И ЕГО ЗАПОЛНЕНИЕ

Аннотация. В статье дается описание погреба рубежа XV–XVI вв., исследованного в ходе раскопок на территории Дмитровского кремля. Подробно рассматривается конструкция постройки и стратиграфия внутреннего заполнения. Приведен обзор найденных внутри сооружения вещей, среди которых наиболее интересной находкой является кожаная сумка-кошелек с застежкой.

Ключевые слова: Средневековье, Дмитров, погреб, конструкция, заполнение

Раскопки, проводившиеся на территории кремля г. Дмитрова в XXI в., показали почти полное отсутствие влажных культурных отложений, поэтому обнаружение мест с такими напластованиями всегда является большой удачей для археологов. Один такой участок с водонасыщенным слоем, в котором неплохо сохранился органический материал, был исследован в 2008 г. Археологические исследования в этом году сопровождали работы по прокладке новых коммуникаций. Раскоп (96×3 м) располагался в северо-восточной трети кремля параллельно линии застройки частными домами № 4–8 не более чем в 9 м от них. Границы описываемой далее постройки были выявлены в центральной части раскопа. Наземных конструкций над этим сооружением не зафиксировано. Также ничего нельзя сказать, где на территории городской усадьбы могло располагаться это сооружение, т. к. никаких границ усадебной застройки не выявлено.

Погреб был устроен в котловане, который прорезал слои конца XII–XIV вв. и был впущен в материковый песок. Котлован, вероятно, имел прямоугольные очертания, но точную форму и размеры установить невозможно, т. к. объект попал в раскоп частично. К тому же после разрушения погреба края котлована частично обрушились. Его приблизительные размеры 4×5 м, глубина – 2,5 м, стенки почти вертикальные, немного сужающиеся книзу, дно плоское. Заполнение между стенками погреба и бортами котлована состояло из двух слоев: верхний слой – песок с небольшой примесью глины и включениями серой и темно-серой супеси (мощность до 160 см), нижний слой – глина или тяжелый суглинок (толщина до 90 см). Последний слой, судя по всему, применялся в качестве гидроизоляции погреба. Никаких вещей в этих слоях не найдено. В яме с отступом от 15 до 114 см от бортов был поставлен сруб. Последний рублен

© Панченко К. И., 2025

из сосновых бревен (диаметр 15–18 см) в обло, чашей вниз, стены ориентированы по сторонам света. Приблизительные внешние размеры сруба 330×306 см. Концы бревен выступают от внешних стен на 16–20 см. В постройке зафиксировано 15 венцов. Пол – материковая серая глина.

Заполнение погреба можно разделить на три этапа, самый поздний из них относится к XVII–XVIII вв. В это время следов постройки уже не было, но в результате значительной усадки нижележащих органических отложений образовалась яма. Ее забросали землей и различным мусором (обломки вещей, посуды, кирпичей, кости животных). Мощность поздних отложений составляла не более 1 м, их подстилал стерильный слой (толщина 9–12 см) глины с редкой примесью извести. Вероятно, глину использовали для выравнивания площадки после разрушения погреба, но потом она осела внутрь сруба.

Следующий этап связан с периодом разрушения постройки и представлен тремя слоями. Наиболее интересны два верхних слоя общей мощностью 30–100 см. Основу самого верхнего из них составлял органический тлен, который был сформирован из травянистых и древесных остатков. Среди последних найдено много бересты (встречалась прямоугольная, размер 6–10×40–50 см) и щепы (также попадалась прямоугольная 8–12×20–300 см). В целом, скорее всего, данные остатки можно отнести к истлевшему покрытию крыши. Следующий слой темно-коричневой супеси с щепой, берестой, со множеством обломков березовых жердей, также найдены фрагменты досок и бревен. Последние были березовыми и сосновыми. Кроме того, в слое отмечено «арочное» стекло от оконницы и много профилированных кирпичей без следов раствора (целые и обломки). Точно такие же кирпичи украшают Успенский собор г. Дмитрова, время строительства которого не выходит за рамки 1510-х гг. [Яганов, Рузаева, 2003, с. 61, 83, 87, табл. 15. 5, 13]. Эти отложения с большой долей вероятности можно считать остатками кровли погреба. Конечно, нельзя полностью исключить того, что в имеющуюся яму вместе с кирпичами выбросили крышу от другого строения. Однако отсутствие хаотичного расположения несущих деталей и покрытия кровли в заполнении сруба позволяют связать эти элементы именно с конструкцией сруба.

Самый нижний слой, относящийся ко времени обрушения погреба, представлен материковым песком. Данный слой не содержал никаких артефактов. Он образовался в результате повреждения восточной и южной стенок сруба после чего произошло осыпание песчаных стенок котлована. Вероятно, вслед за этим в погреб упала крыша. Общая мощность слоев второго этапа не превышала 1,5 м.

Слой (темно-серая супесь с включениями песка и древесного тлена), залегавший на дне погреба, связан с периодом его функционирования. В его заполнении также были редкие обломки досок и березовых жердей, которые, судя по всему, были сломанными полками или частью верхнего перекрытия. Толщина слоя колебалась от 5 до 20 см. Непосредственно на полу погреба найдены только очень крупные обломки глиняной посуды, которая была представлена приблизительно 2–3 кувшинами (один почти целый) и 1–2 горшками. Почти вся посуда была декорирована разреженным линейным орнаментом и сформована из красножгущейся глины с примесью песка в тесте. На донцах сосудов сохранились остатки подсыпки дресвы, а на двух из них были оттиснуты клейма: крест в круге и восьмиспицевое «колесо». Скорее всего, в этих сосудах были какие-то жидкие продукты, для хранения которых необходима низкая температура.

Помимо посуды в погребе обнаружились детали, по-видимому, от одного кожаного сапога, который развалился из-за утраты нитей, скобель с деревянными ручками, небольшой нож и кожаная поясная сумка или калита (рис. 1). Последняя находка уникальна, все характеристики этой вещи и особенности ее конструкции отражены в статье Н. П. Синицыной и Н. В. Соломатиной [2010, с. 406–409]. Следует отметить ряд особенностей изделия: сложная конструкция (состоит из 9 де-

Рис. 1. Сумка-кошелек из слоя функционирования погреба

талей), два основных отделения и еще одно потайное, латунная декорированная застежка с секретом. Аналогичные застежки с секретом найдены в Твери, под Коломной и на городище Искер [Адамов, 2020, с. 1 259 – 1 260, рис. 2]. В целом по форме и сложности конструкции калита из Дмитрова очень близка сумке-кошельку XVI в. из Новгорода [Варфоломеева, 1997, с. 110, рис. 2. 4]. Еще одним интересным обстоятельством было то, что кошель из Дмитрова был грубо срезан (в два приема) с пояса ради находившихся в нем ценностей, а потом просто выброшен в этот погреб. Аналогично поступили с сумкой-калитой, найденной в Москве [Рабинович, 1964, с. 114, рис. 51]. Данные обстоятельства могут говорить о том, что такого вида кожаные кошельки были уникальными индивидуальными вещами и открыто их носить могли только владельцы, и никто другой.

Раскопанный в Дмитрове погреб, судя по стратиграфии и собранному материалу, построили где-то на рубеже XV–XVI вв., и, вероятно, не позже конца первой четверти XVI в. погреб пришел в негодность. Причиной его разрушения могли стать естественные факторы, т. к. никаких следов гибели от пожара или демонтажа постройки не зафиксировано. Само сооружение, скорее всего, представляло собой отдельно стоящий срубный погреб с напогребницей. Крыша погреба была покрыта соломой или другим растительным материалом, а стропила или обрешетка сделаны из березы. В напогребнице, по-видимому, хранили инструменты и другие вещи. В городах подобные погреба были распространены на усадьбах богатых горожан и нередко встречаются в эпоху позднего Средневековья [Рабинович, 1988, с. 55–57].

Список источников

Адамов А. А. Запирающее устройство кошеля-калиты позднего Средневековья (по материалам поселения Искер – столицы Сибирского ханства) // Былые годы. Вып. 3. 2020. С. 1255–1263.

Варфоломеева Т. С. Средневековые кожаные кошельки // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород: Новгор. гос. объед. музей-заповедник, 1997. Вып. 11. С. 105–114.

Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука, 1964. 353 с.

Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.

Синицына Н. П., Соломатина Н. В. Реставрация кожаных предметов археологического происхождения // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 405–410.

Яганов А. В., Рузаева Е. И. Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник, 2003. 304 с.

Л. В. Половников
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ ГОРОДИЩА АНЮШКАР ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Аннотация. Предпринимается попытка дополнить представления о конструктивных особенностях жилищ городища Анюшкар. На основании имеющегося опыта и полученных знаний делаются выводы о том, что большинство построек имеют каркасно-столбовую конструкцию, которая является универсальным приемом при возведении жилищ в регионе.

Ключевые слова: городище, Анюшкар, родановская культура, жилище

Городище Анюшкар находится в Ильинском муниципальном округе Пермского края, на правом берегу р. Иньвы. Планомерные раскопки начались в 1951 г.

© Половников Л. В., 2025

под руководством О. Н. Бадера[62], в 1952–1955 гг. – В. А. Оборина[63]. После перерыва раскопки были проведены Г. Т. Ленц и А. А. Терёхиным в 1989–1991 гг. [Оборин, Ленц, 2008, с. 10–15]. В 2024 г. раскопки возобновились Н. Б. Крыласовой.

Информативны в изучении жилищ оказались данные, полученные в 1951–1955 гг. Прослежена специфика культурного слоя мощностью от 1 м до 1,5 м, разделявшегося на два разновременных. Нижний датируется X – серединой XII в., верхний – середина XII – начало. XV в. И в том, и в другом обнаружены жилища: два – в нижнем, пять – в верхнем.

Небольшая выборка сооружений (по одному с городищ Лаврятское и Родановo, семь с городища Анюшкар) легла в основу диссертации В. А. Оборина и позволила сделать выводы о конструктивных особенностях жилищ родановской культуры. Жилища поделены на ранние и поздние, характерные для слоев городища Анюшкар (Кыласово). Ранние постройки памятника были площадью 52 и 42 кв. м, в основании представляли собой сруб с опорными столбами в центральной части и по периметру, с двускатной крышей. Вдоль стен прослеживаются канавки, образованные во время сооружения завалинок.

Поздние жилища – это сруб с тамбуром, площадью до 60 м^2 с двускатной кровлей, опирающейся на столбы в центре и по краям. Кровля покрыта берестой. Канавки по периметру встречаются реже. Отмечена тенденция к уменьшению жилищ в XIII–XIV вв. до 16–24 кв. м. и увеличению высоты стен [Оборин, 1957, с. 166–178, 260–281].

Эти характеристики дублированы В. А. Обориным в своих публикациях [1970, с. 3–29; 1999, с. 255–298] и легли в основу описаний жилищ в исследованиях Г. Т. Ленц [Оборин, Ленц, 2008, с. 10–15], Н. Б. Крыласовой [2016, с. 63–79], Е. М. Черных [2008, с. 78–83].

В последнее время КАЭЭ ПГГПУ изучено большое количество средневековых построек. По своим конструктивным особенностям они отличаются от жилищ городища Анюшкар. Не выявлено ни одного срубного жилища, тенденция к уменьшению жилищ не прослеживается. К тому же существует методика выявления конструктивных особенностей в «сухом» археологическом слое [Енукова, 2011, с. 42–49]. Считаем необходимым обновить представления о постройках городища Анюшкар. С привлечением отчетов 1951–1955 гг. как первоисточников была составлена сравнительная таблица (табл. 1).

Таблица 1

Параметры построек городища Анюкшар, работы 1951–1955 гг.

Р/№	**Длина (м)**	**Ширина (м)**	**Площадь (м^2)**	**Канавки (сторона)**	**Столбы по периметру**	**Опорные столбы кровли по центру**	**Выход**	**Дата (вв.)**
А.г.-I-III/1	7	6	42	С, Ю, З, В	+	–	СЗ	X–XII
А.г.-I-III/2	> 6	> 10	> 70	С, В	+	1 ряд	З	X–XII
А.г.-I-III/3	6	4	24	–	+	1 ряд	СЗ	XII–XV
А.г.-I-III/4	8	4	32	–	+	1 ряд	–	XII–XV
А.г.-I-III/5	12	7	84	С, В	+	2 ряда	ЮЗ	XII–XV
А.г.-I-III/6	12,5	6	75	В–З	+	1 ряд	З	XII–XV
А.г.-I-III/7	> 4,8	> 3,6	18	–	+	1 ряд	СВ	XII–XV

[62] Бадер О. Н. Отчет о работах КАЭ в 1951 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1951 г.

[63] Оборин В. А. Отчет о работах КАЭ Молотовского университета в мае–сентябре 1952 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1952 г. Оборин В. А. Отчет о работах КАЭ Молотовского университета в июле – сентябре 1953 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1953 г. Оборин В. А. Отчет о работах КАЭ Молотовского университета в июле – августе 1954 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1954 г. Оборин В. А. Отчет о работах КАЭ Молотовского университета в мае – сентябре 1955 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1955 г.

Во всех жилищах прослеживаются опорные столбы по периметру и в центральной части построек, иногда в два ряда, что подтверждает наличие двускатной кровли, опиравшейся на эти столбы. Канавки присутствуют у жилищ как нижнего (А.г.-I-III/1-2), так и верхнего слоя (А.г.-I-III/5-6), за исключением трех случаев (А.г.-I-III/3,4,7). Существуют жилища как большой (до 84 кв. м.), так и малой площади (18–24 кв. м).

В. А. Обориным отмечалось, что жилища имели бревенчатые стены. Остатки древесного тлена, похожие на следы бревен, обнаружены в пределах трех построек (А.г.-I-III/2-4)[64]. Исследователи заметили, что оптимальная длина стен в срубных жилищах редко превышает 6 м. [Громов, 1985, с. 321; Крыласова, 2016, с. 66]. В рассматриваемых сооружениях длина стен достигает 12 м. Здравый смысл подсказывает, что построить полностью срубный дом при подобной длине проблематично. Таким образом, необходимо найти способы соединения бревен. Наличие столбов по периметру и в центральной части может говорить о каркасно-столбовой технике возведения стен.

При расположении столбов одиночными или парными рядами вдоль стен, вероятно, использовался способ крепежа и удлинения стен в «прясло» или «заплот». Также стены могли крепиться в углах [Мыльников, 2018, с. 29]. Жилища с подобной конструкцией стен обнаружены на синхронных городищах Рождественское I, Лаврятское, Редикор, и селищах Запоселье, Чашкинское II [Крыласова, 2016, с. 66; Белавин, 2011, с. 86; 2007, с. 26]. Такие же конструктивные решения находили применение в ранний ломоватовский [Голдина, 1985, с. 86] и в поздний период в коми-пермяцких избах [Половников, 2023, с. 202–212]. Скорее всего, это универсальная конструкция, которая со временем перешла в местную традицию в домостроительстве. Так же, как и возведение канавок вдоль стен, что было неоднократно доказано [Перескоков, 2011, с. 231–238; Голдина, 1985, с. 86–94; Черных, 2008, с. 78–83].

Наличие двускатной кровли не вызывает сомнений при каркасно-столбовой технике. Однако в публикации от 1970 г. В. А. Оборин отмечал, что в небольшом сооружении позднего этапа присутствует кровля с одним скатом (А.г.-I-III/7) [1970, с. 10]. Автор предположил, что стены сооружались из досок до 5 м, обнаруженных в пределах сооружения, они же использовались для односкатной крыши. В жилищах родановского периода односкатная кровля присутствовала в постройках малой (городище Корнино I) [Там же] и большой площади (селище Запоселье) [Крыласова, 2016, с. 67].

В. А. Оборин утверждал, что крыша могла покрываться берестой. Действительно, сшитые куски бересты были обнаружены в пределах нескольких жилищ (А.г.-I-III/1,3)[65]. Такие же были найдены на городищах Рождественское I и Лаврятское [Белавин, Крыласова, 2008, с. 40; Оборин, 1970, с. 9].

Жилища городища зафиксированы по канавкам, которые их окружали, либо по основанию пола, деревянного или глинобитного. Однако исследователи не раз отмечали, что глинобитный или деревянный пол мог не настилаться под спальными местами – нарами, и тем более за перегородками [Хузин, 2001, с. 289; Крыласова, 2016, с. 66–79]. Тенденция к зонированию жилого пространства жилищ городища Анюшкар (А.г.-I-III/3, А.г.-I-III/5-6) была отмечена еще Е. М. Черных [2008, с. 81]. На синхронных памятниках перегородки встречаются часто, в том числе с разным покрытием пола за ними [Крыласова, 2016, с. 63–79]. Это дает основание предполагать, что площадь жилищ могла быть больше, чем было обозначено ранее.

[64] Оборин В. А. Отчет о работах КАЭ Молотовского университета в июле – августе 1954 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1954 г. с. 47–50; Оборин В. А. Отчет о работах КАЭ Молотовского университета в мае – сентябре 1955 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1955 г., с. 55–58; Бадер О. Н. Отчет о работах КАЭ в 1951 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1951 г., с. 71–74.

[65] Бадер О. Н. Отчет о работах КАЭ в 1951 г. // Архив КА ПГНИУ. Пермь. 1951 г., с. 71–74.

Таким образом, данное исследование подтверждает существование разной конструкции кровли, ее берестяного покрытия, а также дополняет выводы В. А. Оборина. Бревенчатые стены – это не всегда срубное жилище. Каркасно-столбовая техника, применявшаяся ранее, продолжает свое существование в родановский период. При подсчетах площади необходимо обращать внимание на столбовые конструкции, а не на устройство пола. Отрицать отсутствие срубной конструкции и тенденцию к уменьшению жилищ пока рано. Возможно, подобные постройки просто пока не найдены, и начавшиеся в 2024 г. раскопки дополнят наши представления о жилищах городища Анюшкар.

Список источников

Белавин А. М. Редикарский археологический комплекс (по материалам раскопок 1996 г.) // Труды КАЭЭ. 2007. № 4. С. 23–50.

Белавин А. М. Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) // Труды КАЭЭ. 2011. № 7. С. 69–86.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Громов Г. Г. Крестьянское жилище // Очерки русской культуры XVIII века. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1985. Ч. 1. С. 317–342.

Енукова О. Н. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя // Ученые записки КГУ. 2011. № 3 (19). Т. 2. С. 42–49.

Крыласова Н. Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник ПНЦ УрО РАН. 2016. № 3. С. 66–79.

Мыльников В. П. Методика полевого и камерального изучения археологических деревянных предметов (погребальные конструкции, ложа и сопроводительный материал) // Методика полевых археологических исследований. М.: ИА РАН, 2014. Вып. 8. 80 с.

Оборин В. А. Коми-пермяки в IX–XV вв. (родановская культура): дис. …канд. ист. наук. М., 1957. 404 с.

Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9. С. 3–29.

Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, МарНИИ, 1999. С. 255–298.

Оборин В. А., Ленц Г. Т. Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989–1991 гг.) // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. 2008. № 2. С. 10–15.

Перескоков М. Л. Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. 2011. № 3–2. С. 231–238.

Половников Л. В. Памятники архитектуры и градостроительства Пермского края (деревянное народное зодчество) // Современный город: власть, управление, экономика. 2023. Т. 1. С. 205–212.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 477 с.

Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: УдГУ, 2008. 272 с.

В. О. Сайберт
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРОДИЩ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Аннотация. В статье приводится классификация оборонительных сооружений городищ лесостепного Алтая раннего Средневековья. Выявлено четыре типа объектов в зависимости от количества и порядка основных элементов фортификации. Приведены данные раскопок рвов и результаты их естественно-научных исследований. В процессе изучения выявлена многофункциональность фортификационных сооружений, окружающих городища.

Ключевые слова: городища, фортификации, лесостепной Алтай, раннее Средневековье

Работы проводились по госзаданию «Тюркский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Фортификации городищ лесостепного Алтая раннего Средневековья в настоящее время остаются слабоизученными. На обозначенной территории известно 38 городищ, раскопками полностью и частично изучено 5 объектов. Вопросы, касающиеся анализа и описания оборонительных систем, остаются дискуссионными.

Изучая оборонительные линии городищ различных периодов и территорий, исследователи выделяют типы этих сооружений в зависимости от количества и порядка основных элементов фортификации. Среди них могут быть: один ров и один вал, два вала и один ров, два рва и один вал и т. д. [Коников, 2007, с. 41–51; Фортификации раннего…, 2013; Рыбаков, 2015, с. 7–8; Мингалев, Перескоков, 2021, с. 155–169].

Анализ материалов городищ лесостепного Алтая позволил разработать классификацию оборонительных сооружений II – пер. пол. VIII в. н. э. Критерием для классификации выступает количество основных фортификационных элементов. Описание порядка структурных элементов произведено от внутренней площадки городищ:

1-й тип линий обороны состоит из одного элемента – рва; всего зафиксировано 8 памятников, к этому типу относятся городища: Городище 10, Бийское городище-2, 6; Кокуйское-1/6, Усть-Чумыш-I, IV, Усть-Чемровка-3; Сошниково-I.

2-й тип линий обороны состоит из двух элементов, внутри типа выделены два варианта:

1-й вариант. Ров – вал – всего выявлен 21 памятник, сюда включены комплексы городищ: Городище 1, 2, 3, 9, Сошниково-II, III, Малый Иткуль-3–6, Бийское городище-3, 5, 7, Усть-Лосиха-1, 2, а также отдельные памятники Малый Гоньбинский Кордон-2/4, Усть-Чумыш-III, Бехтемир, Одинцовское, Елбанка, Фоминское.

2-й вариант. Вал – ров – включено всего 4 объекта. Эту группу составили городища Малый Гоньбинский Кордон-2/2, 2/3, 2/6 и Акутиха-1.

3-й тип состоит из трех элементов, внутри типа выделены два варианта:

1-й вариант. Ров – ров – ров – представлен только на городище Усть-Чумыш-IV.

2-й вариант. Ров – вал – ров – этот вариант составляют 2 объекта – это городища Малый Гоньбинский Кордон-2/11 и Кокуйское-1/5.

4-й тип объектов состоит из четырех элементов, которые также разделены на два варианта:

1-й вариант. Ров – вал – ров – вал – этот вариант зафиксирован только на городище Бийское-4.

2-й вариант. Вал – ров – вал – ров – представленный вариант обнаружен на городище Усть-Чумыш-II.

Рассмотрев основные системы обороны городищ, необходимо обратиться к анализу остальных элементов. Это могут быть

© Сайберт В. О., 2025

дополнительные рвы, эскарпированные склоны террас и мысов, гласис и т. д.

На рассматриваемой территории фортификационные системы полностью изучены на двух городищах (Сошниково-I, Малый Гоньбинский Кордон-2/6-2), отдельные участки на трех памятниках (Малый Гоньбинский Кордон-2/6-3, 2/3, 2/11). В ходе раскопок этих объектов гласис не фиксировался, как и внешний вал, который, в свою очередь, при визуальном осмотре памятников мог интерпретироваться как гласис.

Еще одним дополнительным элементом могут быть эскарпированные склоны террас и мысов. Некоторые исследователи отмечают эти элементы при обследовании городищ. В литературе они трактуются как эскарпы, но эскарп – это внутренняя отлогость рва [Губайдулин, 2003, с. 92], которая при визуальном осмотре памятника вряд ли может фиксироваться, поэтому в настоящей работе в отношении таких объектов мы употребляем термин эскарпированный склон. Такие элементы зафиксированы исследователями на городищах: Городище-1, 3, Сошниково-I, II; Малый Иткуль-5, 6 [Абдулганеев, Кадиков, Кирюшин, 2003, с. 50–78], Бийское городище-6 [Казаков, Кунгуров, 1993, с. 226], Кокуйское-1/5 [Казаков, Папин, 1998, с. 171], Усть-Чумыш-I, IV, V [Кунгурова, Служак, Вистингаузен, 2001, с. 120–121].

На городище Сошниково-I ров имел пятиугольную в плане и полусферическую в профиле форму, прерывался в трех местах, возможно, там были въезды в городище. Валы и другие объекты не были зафиксированы [Казаков, 1998, с. 192–205].

На Городище-3 ров был трапециевидной формы, по его дну прослежены остатки обожженных плашек и столбовые ямки, которые не фиксируются на исследованных рвах других городищ. Эти элементы позволили исследователям сделать вывод о том, что городище ограждал небольшой частокол, а также о том, что «он выполнял роль поскотины, ограничивающей границы территории жилой зоны и затрудняющей доступ на эту территорию, как скота, так и нежелательных посетителей» [Казаков, 2020, с. 621]. Таким образом, в литературе можно найти два мнения о назначении этих объектов. Одни говорят о фортификационной функции исследованных объектов, другие характеризуют их как хозяйственные постройки [Абдулганеев, Кадиков, Кирюшин, 2003, с. 58; Казаков, 2020, с. 621].

На городище Малый Гоньбинский Кордон-2/3 автором зафиксировано, что ров имел форму перевернутой трапеции, а также обнаружена небольшая канавка шириной не более 40 см, расположенная вдоль основного рва. Такой объект мог быть выкопан для увеличения мощности вала или для установки частокола. Такая конструкция была зафиксирована ранее на Городище-3, но на исследованном участке остатков дерева или столбовых ямок не было зафиксировано, поэтому вопрос назначения канавки вдоль рва требует дополнительных исследований. Между канавкой и рвом располагался вал, который, скорее всего, оплыл в ров, но наибольшая его мощность фиксируется у края канавки, что, возможно, и является свидетельством устройства в ней частокола (вал мог придавать устойчивость частоколу) или же укрепления вала с помощью нее.

Исследован раскопками участок системы ров – вал – ров городища МГК-2/11. Внешний ров в разрезе имеет правильную трапециевидную форму и плоское дно. Внутренний вал также имеет форму перевернутой трапеции со ступенчатыми неровными стенками и узким дном. Вал, расположенный между рвами, в разрезе представлен линзой с темным заполнением. Возможно, внутренний ров выкопан для увеличения мощности вала. За счет вала создан отвесный контрэскарп внутреннего рва. Перед внешним рвом также фиксировалась небольшая линза земли мощностью до 20 см, шириной 1 м. Этот участок можно назвать внешним валом. Возможно, данная конструкция была оформлена как гласис, но ее размеры и профиль не позволяют сделать такой вывод. Данный выброс земли мог быть создан для предотвращения попадания талых и дождевых вод во внешний ров.

В ходе работ автора на городище МГК-2/6–3 зафиксирован контур сохранившейся части котлована постройки, расположенной надо рвом. Конструкция в плане подквадратной формы, заполнена темной почвой с вкраплениями угля. В центре исследованного объекта фиксировался более темный контур рва, в разрезе он имеет форму перевернутой трапеции, сужается ко дну, дно плоское. Глубина рва уменьшается к краю террасы, что говорит о том, что он не уходил в обрыв террасы, а заканчивался на его краю. Назначение обнаруженного объекта пока остается неясным, т. к. ранее такие объекты не были зафиксированы.

Проведенные раскопки позволяют сделать предположение о многофункциональности оборонительных линий. В ходе исследований определено, что комплекс памятников подвержен обильному течению талых и дождевых вод, так как располагался на самом низком участке I надпойменной террасы. Обращает на себя внимание и абсолютная «стерильность» рва, в котором не зафиксировано ни остатков сооружений, ни углей, ни каких-либо других находок [Природные условия формирования…, 2021].

Список источников

Абдулганеев М. Т., Кадиков Б. Х., Кирюшин Ю. Ф. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2003. С. 50–78.

Губайдулин А. М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 104 с.

Казаков А. А. Городище Сошниково I // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 192–205.

Казаков А. А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3(83). С. 618–625.

Казаков А. А., Кунгуров А. Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 219–231.

Казаков А. А., Папин Д. В. Комплекс археологических памятников Кокуйское I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 169–172.

Коников Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ; ИД «Наука», 2007. 466 с.

Кунгурова Н. Ю., Служак И. И., Вистингаузен В. К. Итоги проведения паспортизации памятников в устье Чумыша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 118–122.

Мингалев В. В., Перескоков М. Л. Фортификация многовальных городищ в Пермском Приуралье в эпоху Великого переселения народов: теория и интерпретации // Поволжская археология. 2021. № 1(35). С. 155–169.

Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон-2 одинцовской культуры Алтая в IV–VIII вв. н. э. / О. Н. Барышникова, М. В. Михаревич, С. П. Грушин, В. О. Сайберт // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 49–59.

Рыбаков Д. Ю. Томское Приобье в конце IV/III вв. до. н. э. – IV в. н. э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 24 с.

Фортификации раннего и развитого Средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья / Т. Н. Рафикова, С. В. Берлина, А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.

С. А. Салмин, Е. В. Салмина
Археологический центр Псковской области,
Псков, Россия

РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПСКОВСКОГО ЗАВЕЛИЧЬЯ В X–XIII ВВ. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Аннотация. Псковское Завеличье – обособленный участок города, не упоминавшийся в письменных источниках ранее XIV в. Выявление при раскопках 2000–2020 гг. участков застройки X–XI вв., включающей объекты общественного назначения, содержащие представительный вещевой материал, позволяет рассматривать северную часть Завеличья как важную составляющую средневекового Пскова уже на начальном этапе его развития.

Ключевые слова: Древняя Русь, Псков, сложение городской территории, сакральное место, общественные здания

Сложение территории Псковского Завеличья началось одновременно с возникновением центрального городского поселения. Северная часть Завеличья располагалось напротив наиболее древней части Пскова и занимала узкую полосу между р. Великой и отчетливым повышением рельефа на западе (рис. 1). Для всего участка характерно высокое залегание материка, представляющего собой известняковую скалу, перекрытую тонким (не более 0,15–0,2 м) слоем пластичной красно-коричневой глины, с сильными диффузионными свойствами. Мощность структурированных антропогенных отложений на основной площади небольшая, что объясняется ее высоким обезвоживанием, вызванным трещиноватостью известнякового мате рика и наклонным залеганием его пластов, отводящих верховые водные потоки непосредственно в реку Великая.

Антропогенные отложения тяготеют к речному берегу. По протяженности и местоположению археологически зафиксированные синхронные зоны освоения на противоположных берегах Великой пространственно соответствуют одна другой [Яковлева, Салмина, Королёва, 2012, с. 153]. Расстояние «по прямой» от завеличенского участка до Псковского городища (Крома) не превышает 300 м. Однако из-за невозможности устройства постоянного моста Завеличье долгое время оставалось достаточно изолированным районом города.

Естественный овраг, образованный старицей р. Великая, отделял от берега в северной части Завеличья своеобразный остров (размеры около 540×180 м), на котором при раскопках был обнаружен гранитный идол, «погребенный» в яме, вырубленной в скальном материке [Салмина, Салмин, Прибурова, 2010, с. 29–32]. На северном мысу «острова», на плоской надпойменной террасе, на расстоянии около 25 м от берегового обрыва, получена коллекция артефактов VIII–XI вв. (отдельные находки могут быть датированы V–VII вв.), которая может быть интерпретирована как «подношения» на святилище языческого периода [Салмин, Салмина, 2016, с. 16–38].

Следы антропогенной активности, ориентировочно синхронной функционированию святилища, зафиксированы также при раскопках примерно в 600 м к югу от охарактеризованного участка. Найдены вещевые материалы, близкие к древностям типа Рыуге и находкам с городища Камно, имеющие аналогии в материалах раскопок в Псковском Кремле. [Салмина, Салмин, Михайлов, 2013, с. 126–127].

Напротив южной оконечности «острова» было зафиксировано большое по площади (около 45 кв. м. в пределах раскопа) сооружение, погибшее в пожаре предположительно в 1060 г. (нашествие на Псков эстов из области Саккала («сосолов» русских летописей), вскоре восстановленное на том же самом месте. Сохранилось в виде котлована, выдолбленного в скальном материке на глубину до 0,5–0,6 м. Зафиксированы остатки деревянных полов и трех очагов, что позволяет предположить

© Салмин С. А., Салмина Е. В., 2025

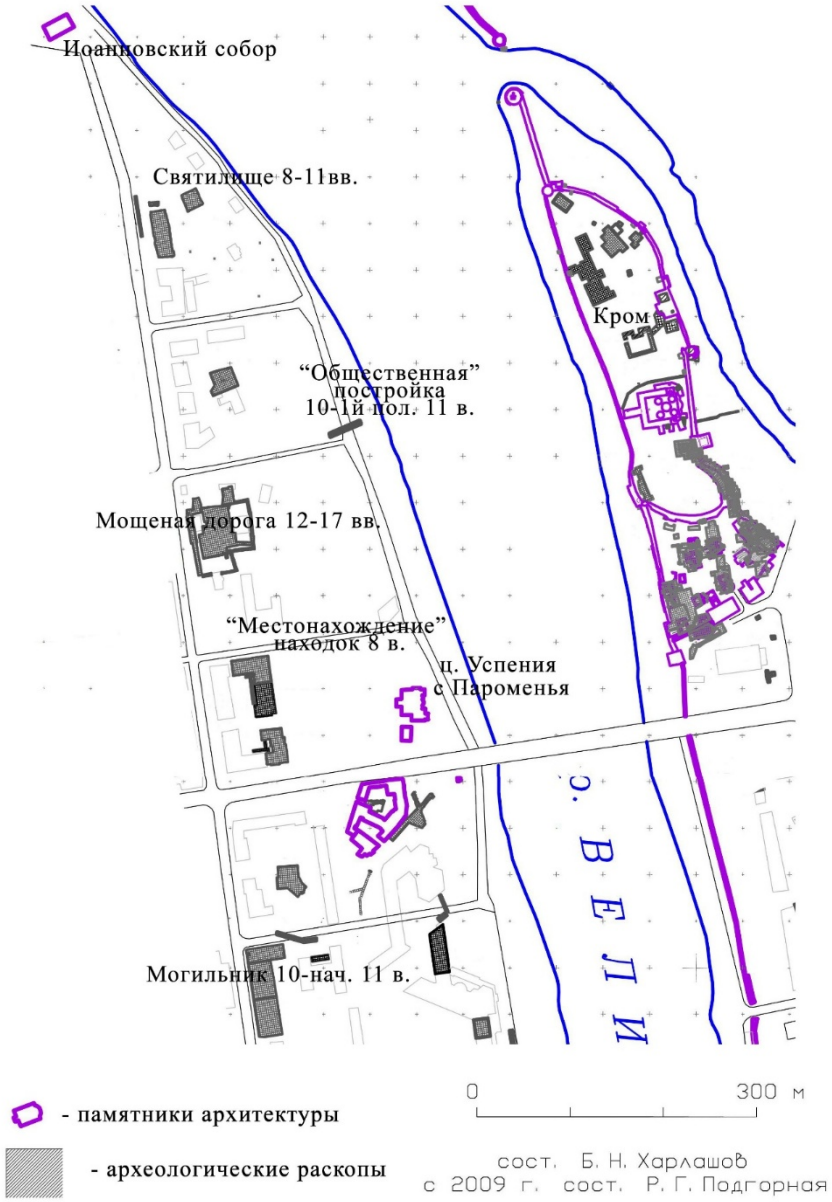

Рис. 1. Объекты VII–XI вв., зафиксированные при раскопках на северном участке Завеличья

общественный характер постройки. С северо-запада к постройке примыкала вымостка из известняковых плиток, уложенных непосредственно на материковое основание. Вещевой материал соответствует периоду первой половины XI в., в его состав входят также два дирхама 953/954 гг. и 968/969 гг. чеканки. После разрушения постройки ее котлован был заполнен плитняком. Он использовался как основание для новой постройки, сохранившей все функциональные особенности первой (большая площадь, наличие нескольких существовавших одновременно отопительных сооружений) и содержащей вещевые материалы второй половины XI–XII вв., в том числе западноевропейские монеты чеканки 50–70-х гг. XI в.

Интересно наличие на южной границе этой территории курганного могильника, функционировавшего до начала XI в. [Закурина, Степанов, 2008, с. 4–17]. Возможно, он маркировал пространство, отделявшее северный район освоенного Завеличья от южного, тяготеющего к устью реки Мирожки и сконцентрированным в этой зоне монастырям. К сожалению, сведения о другом зафиксированном в северной части Завеличья близ Иоанновского монастыря погребальном объекте с находками X–XI вв. фрагментарны и непроверяемы [Каталог…, 1914, с. 12].

Отложения конца XI – XII вв. присутствуют на основной территории исторического Завеличья. На северном участке фиксируется сложение планомерной усадебной застройки, возникает мощенная камнем магистраль [Салмина, Салмин, 2010, с. 253–265]. Подобные явления распространяются уже на широчайшую площадь Завеличья [Королева, 1992, с. 86–88; Харлашов, 1994, с. 44–76]. В это период Завеличье является процветающим городским районом, что находит подтверждение в крупных размерах усадеб и выпадении в культурный слой предметов, традиционно связываемых с высоким статусом владельцев. Развитие Завеличья как городской территории прерывается в первой половине XIII в. в результате угрозы со стороны Ливонии и возобновляется не ранее середины XIV в.

Список источников

Закурина Т. Ю., Степанов С. В. Археологические раскопки на Завеличье (Изборские IX–XI раскопы) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2008. № 23 (53). С. 11–28.

Каталог музея Псковского археологического общества. Псков: Электро-типо-лит. Псков. губ. земства, 1914. 89 с.

Королева Э. В. Раскопки во дворе дома Батова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992. С. 86–88.

Салмин С. А., Салмина Е. В. Сакральный комплекс на Завеличье средневекового Пскова: от капища к монастырю // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т. 11. С. 16–38.

Салмина Е. В., Салмин С. А. Новые открытия на Завеличье средневекового Пскова: поселение или город? // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 253–265.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Михайлов А. В. Древнейший период освоения Завеличья: новые археологические данные // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 124–34.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Прибурова Т. Ф. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2010. № 25 (55). С. 29–32; 258–260.

Харлашов Б. Н. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. 1994. Вып. 2. С. 44–76.

Яковлева Е. В., Салмина Е. В., Королёва Э. В. Псков // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 138–159.

А. Р. Смертин
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ БАССЕЙНА Р. ЧУСОВОЙ (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Аннотация. Металлургические объекты редко встречаются на памятниках и плохо сохраняются. Это затрудняет их интерпретацию. На примере нескольких конструкций с поселений р. Чусовой удалось гипотетически восстановить их прижизненный облик. Плавильные печи имели закрытую камеру в форме усеченного конуса. Горны представлены открытыми глиняно-каменным очагами для повторного нагрева заготовок.

Ключевые слова: металлургические сооружения, реконструкция, Прикамье, Средневековье

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023.

В культурных слоях редко встречаются конструкции металлургии и металлообработки – печи и горны. В материалах Пермского Предуралья (Прикамье) эпохи развитого Средневековья (XI–XV вв.) в целом виде их неизвестно вовсе. Металлургиче-

© Смертин А. Р., 2025

ские объекты представлены развалами, фиксируются нижние части конструкций, разнесенные в слое на несколько метров. Исследователь оказывается перед проблемой их идентификации и реконструкции.

Первые обширные описания прикамских металлургических объектов были начаты В. А. Обориным в диссертации по родановской культуре [1957, с. 327–328], Р. Д. Голдиной и В. А. Кананиным при публикации материалов верховьев Камы [1989], В. И. Завьяловым при анализе металлургической основы кузнечного дела [2005, с. 21–26], коллективом авторов под началом Н. Б. Крыласовой при публикации материалов археологическихх памятников Чашкинского озера [Археологические памятники…, 2014, с. 220–283], Н. С. Горшковой при аналитике материалов городища Анюшкар [Горшкова, 2013, с. 85, рис. 2], Н. Г. Брюховой и Е. Л. Лычагиной по материалам селища Телячий Брод [Брюхова, Лычагина, 2017, с. 37–43].

Отметим, что в литературе зачастую отсутствует разделение понятий печи и горна. Металлургические печи являлись глиняным устройством с закрытой камерой. Они использовались для плавки (варки) металла. Кузнечные горны не имели закрытой камеры сгорания и представлены открытыми очагами с глиняно-каменными стенками. Они использовались для разогрева металла перед ковкой или литьем. Объекты могли использоваться для работы с железом и медью.

Для раскрытия проблемы идентификации были отобраны объекты с археологических памятников бассейна р. Чусовой (устье р. Усьва) – Телячий Брод I, селище (раскопки А. М. Белавина, Н. Б. Крыласовой, С. И. Абдуловой), Саламатово I городище (раскопки С. И. Абдуловой).

На селище Телячий Брод имелся комплекс металлургических объектов. Одна изученная печь для плавки железа была расположена на периферии, рядом с небольшим ручьем (уч. А’’’-Б’’’/23-24). Сооружение зафиксировано как линзовидное скопление обмазки и угля, криц и шлаков, вытянутое по склону берега. Изначально авторы интерпретировали его как полуцилиндрическую ямную печь [Брюхова, Лычагина, 2017, с. 40]. В разрезе остатки свода печи располагались сверху, снизу и с одного из краев. Это позволяет предположить, что печь упала колошниковой частью в сторону ручья, после чего остов печи постепенно покрылся культурным слоем [Брюхова, Лычагина, 2017, рис. 5]. Облик печи реконструируется в виде формы вертикального усеченного конуса. В основании конструкции была овальная глиняная подушка 1×0,75 м, толщиной до 20 см. Диаметр колошника составлял около 35 см, толщина стенок до 5–7 см, общая высота до 70–80 см. Объем печи составлял порядка 0,2 м^3. В развале сооружения обнаружено до 390 фрагментов горновых и выпускных шлаков с частями кричного железа. Гипотетически, печь использовалась недолго, поскольку продукты и отходы сконцентрированы непосредственно внутри конструкции. Так как печь находилась на склоне, то возможно было использовать как ветряное дутье воздуха в камеру сгорания, так и его искусственное нагнетание.

В центральной части селища найден разрушенный горн, углубленный в материк на 50 см (уч. О-П/30) [Белавин, Крыласова, 1991, с. 26]. Он был устроен на овальной глинобитной площадке, стенки сложены из камней. Внутри отмечено несколько железных криц. Вероятно, горн имел чашевидную форму.

На соседнем Саламатово I городище известна серия металлургических горнов, в пределах которых найдено большое количество золы и угля, шлаков и криц. Первый горн (уч. В’/14) представлен треугольным пятном прокаленной глины и золы, длиной 40 см. Площадка окаймлена кольцом крупных обожженных камней. Подобный горн (уч. В’/16) имел схожее основание. На глиняной подушке была выложена конструкция из камней, скрепленных обмазкой. Рядом находилась небольшая яма с золой, обложенная камнями, общим диаметром 40 см. Третий горн схожей конструкции (уч. Е’Ж’/13-14) представлен округлой каменной кладкой на овальной глиняной подушке размером 1,4×2,2 м (рис. 1). Следующий горн изучен частично (уч. В’13), имел похожее устройство,

но снаружи был дополнительно обмазан глиной. Пятый горн (уч. Г'19) также был представлен овальным глиняным прокалом размерами 30×70 см с каменной обкладкой снаружи. Камни от него были распространены в разные стороны на 1–1,5 м. Последний известный горн (уч. Г'/22) представлен более сложной конструкцией, заглубленной в материк. Этот объект, в отличие от предыдущих, был зафиксирован не только планиграфически, но и имел ценный продольный разрез (рис. 1). Каменистая яма глубиной до 25 см и диаметром до 30 см была заполнена углем. Сверху она перекрывалась каменной кладкой со следами золы, мощностью до 40 см и диаметром 110 см[66].

Под каждым из горнов или рядом с ними находился небольшой зольник, а в окружении фиксировались разрозненные кости животных (флюс). Вероятно, все горны были представлены округлыми чашеобразными конструкциями открытого типа. В яме под горном производился розжиг, выполнялся поддув, а на каменной кладке в пламени выполнялся нагрев заготовок. На Саламатово I городище найдены только следы горнов без признаков металлургических печей для восстановления металла из руды.

Описанные металлургические сооружения относятся только к ключевому участку – Чусовской группе памятников. Похожие объекты известны и на других средневековых поселениях Прикамья. Наземные конусообразные печи отмечены на городищах Эсперово, Искор, Анюшкар. Более примитивные ямные печи известны в специализированном поселке металлургов – Чашкинском II, селище. Кузнечные горны округлой и подковообразной форм, кроме указанных выше памятников, встречены на городищах Шудъякар, Устин II, Рождественском, Роданово, Острая Грива.

Сравнение теплотехнических устройств с обнаруженными на соседних территориях позволяет говорить о схожести конструкций на большинстве территорий Восточной Европы. Уровень сохранности также зависит от условий археологизации древнего поселения.

Таким образом, даже по руинированным объектам можно гипотетически выстраивать их «прижизненный» облик – по размерам и характеру основания (в данном случае – глиняной подушке), особенностям распространения в слое верхних частей металлургических сооружений. Других вариантов для исследуемой территории не предполагается. Полностью целых сооружений пока не найдено.

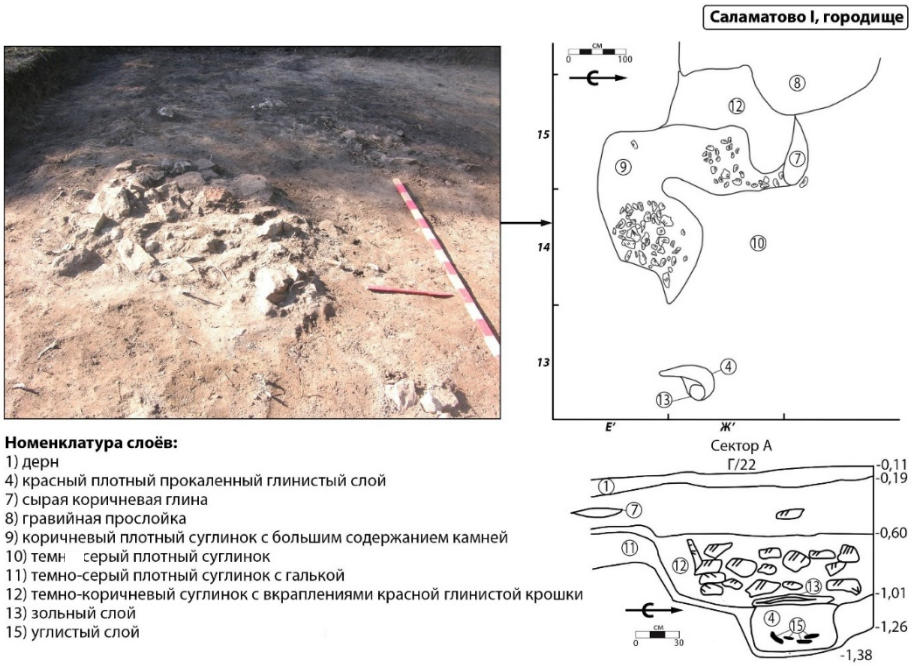

Рис. 1. Саламатово I, городище. Примеры металлургических горнов

[66] Абдулова С. И. Отчет о раскопках Саламатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2013 году. Пермь. Архив МАЭ ПГГПУ, 2014.

Список источников

Археологические памятники Чашкинского озера / Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В. Пермь, ПГГПУ, 2014. Вып. III. 565 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Раскопки средневековых поселений в Верхнем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 26–28.

Брюхова Н. Г., Лычагина Е. Л. Сооружение для добычи железа на селище Телячий Брод I (по итогам раскопок 2017 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. № 13. С. 37–43.

Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 216 с.

Горшкова Н. С. Комплекс черной металлургии первой половины II тысячелетия на примере городища Анюшкар // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2013. № 1 (21). С. 84–103.

Завьялов В. И. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.

Оборин В. А. Коми-пермяки в IX–XIV вв. (родановская культура): дис. … канд. ист. наук. М., 1957. 404 с.

Н. Н. Точилова[1], А. М. Гринев[2]

[1] Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

[1,2] Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгород, Россия

ДЕРЕВЯННЫЕ ОДНОРУЧНЫЕ РЕЗНЫЕ ЧАШИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VIII–XI ВВ.

Аннотация. В докладе рассматривается группа резных деревянных чаш, широко распространенных на территории Восточной Европы в VIII–XI вв. Происхождение этих предметов устойчиво связывается с влиянием материальной культуры эпохи викингов, а территория распространения – с циркумбалтийским регионом. Анализ морфологических признаков позволяет выдвинуть гипотезу о южном импульсе в распространении этой категории находок на территории Древней Руси в IX–XI вв.

Ключевые слова: резные чаши, деревянные изделия, эпоха викингов, Великий Новгород, археология средневекового города

Материальный мир эпохи Средневековья в значительной степени был представлен предметами из органических материалов, в особенности из дерева. Однако в культурном слое большинства памятников Восточной Европы деревянные изделия не сохраняются, что ограничивает наши представления о быте людей прошлого. В этой связи особенно возрастает роль тех поселений и могильников, которые позволяют заполнить эту лакуну благодаря особенным условиям сохранности органики и дают возможность изучить отдельные категории предметов. Одной из ярких групп находок, характеризующих материальную культуру Восточной Европы VIII в. – начала XI в., являются деревянные одноручные резные чаши. Основное представление о данной категории предметов было сформировано благодаря раскопкам в Великом Новгороде и обобщающей публикации деревянных изделий Б. А. Колчиным. Автор подчеркивает, что эти изделия имели распространение в X–XI вв. В монографии 1968 г. упоминаются 22 чаши, обнаруженные в слоях X в. Среди находок выделяется комплекс из девяти чаш, расположенных полукругом в небольшой яме, интерпретируемый как братчина [Колчин, 1968, с. 44]. В издании 1971 года описывается декор девяти предметов, имеющих резьбу на рукояти [Колчин, 1971, с. 10–11].

В ходе дальнейшего археологического изучения Великого Новгорода коллекция одноручных чаш увеличилась более чем в два раза. Среди находок есть целые формы, фрагменты рукоятей и заготовки изделий.

Ареал одноручных чаш выходит далеко за пределы средневекового Новгорода. В ходе раскопок 2018 г. на Рюриковом го-

© Точилова Н. Н., Гринев А. М., 2025

родище в заполнении рва рядом с наружной печью обнаружена расположенная вверх дном, полностью сохранившаяся чаша, вырезанная из капа. Конструкция чаши аналогична новгородским экземплярам [Носова, 2021, с. 234]. Две чаши с орнаментированными и резными рукоятями были найдены в Старой Руссе в слоях XI в. [Торопова, Торопов, Самойлов, 2016, с. 46; Деревянные предметы…, 2016, с. 160, 166].

Отдельное внимание заслуживают одноручные деревянные чаши, обнаруженные в результате раскопок в Старой Ладоге. Эта категория находок описывается в диссертации С. Н. Орлова, посвященной изучению деревянных изделий Ладоги, обнаруженных с 1938 по 1951 гг. [Орлов, 1954, с. 258–292]. Однако работа с диссертационным материалом осложняется тем, что она утратила иллюстративный материал и атрибуция предметов опирается только на текстовые описания. В статье Е. А. Рябинина, посвященной деревянным предметам из раскопок на Земляном городище 1971–1975, 1981–1985 гг., описание сосудов приведено достаточно кратко, а одноручные деревянные чаши не выделяются отдельно [1999, с. 187]. Эта категория находок атрибутируется как круглые плоскодонные чаши с плоской полуовальной горизонтальной ручкой в статье О. И. Давидан «Деревянная посуда Старой Ладоги VIII–IX вв.» [1991, с. 131–135].

Дополнительную категорию находок составляют три серебряные оковки чаш, известные по захоронениям в некрополях Киева [Каргер, 1958, с. 191–195] и Пскова [Ершова, 2015, с. 268].

Представленный древнерусский материал дает возможность выделить ряд признаков, характерных для данной категории предметов. К ним относятся форма рукояти: подтреугольная форма; вытянутая подтреугольная с проработкой объема (сама рукоять узкая, имеет небольшие скосы по бокам); в форме козырька; подпрямоугольная форма. Расположение рукояти по отношению к венчику чаши: рукоять в одной плоскости с устьем чаши; рукоять, расположенная с отступом от края венчика. Наличие отверстия для подвешивания: петля под рукоятью; отверстие в рукояти.

Находки чаш известны также в Микулчице, Хедебю, Треллеборге, Элизенхофе, Лунде, Бирке, Орбю, Сигтуне [Poláček, Marek, Skopal, 2000, s. 241–242; Westphal, 2006, s. 145, 148; Szabo, Grenander-Nyberg, Myrdal, 1985, S. 68, Tab. XXXVa; Nørlund, 1948, Pl. XVII. 4; Olsen, 2017, p. 273, fig. 202; Arbmann, Greenhill, Roberts, 1993, c. 45; Åhfeldt, 2011, s. 55–56]. Таким образом, география распространения подобного рода находок охватывает значимую часть циркумбалтийского региона.

Древнерусские чаши с рукоятью в форме козырька или подтреугольной формы близки скорее к скандинавским материалам, а изделия с рукоятью подпрямоугольной формы имеют морфологическое сходство с рядом находок из могильников Северного Кавказа VIII–X вв. [Успенский, Албегова, 2021, рис. 107. 17, 110. 6; Иерусалимская, 2012, с. 42, 78]. Более ранние датировки деревянных резных чаш именно среди кавказских памятников и в целом широкое распространение небольших ручных чаш в материальной культуре степных народов эпохи раннего Средневековья позволяют предположить определенный южный импульс в распространении этой категории находок на территории Древней Руси в IX–XI вв. Это хорошо коррелирует с проникновением в материальную культуру Восточной и Северной Европы других элементов, характерных для степных древностей, таких как предметы наступательного и защитного вооружения, детали конской упряжи, поясные наборы и пр.

Отдельную проблему представляет анализ происхождения декора рукоятей чаш. Орнаментальные мотивы разнообразны, однако можно выделить группу предметов, резьба которых находит прямые аналогии в искусстве эпохи викингов [Точилова, 2023, с. 362–363]. Отдельно следует выделить флоральные мотивы серебряной оковки из Пскова, стилистика которых может быть осторожно соотнесена с группой приднепровских древностей, имеющих венгерское происхождение [Щеглова, 2017, с. 627–632].

Список источников

Давидан О. И. Деревянная посуда Старой Ладоги VIII–IX вв. // Археологический сборник. 31: Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии. Л.: Аврора, 1991. С. 131–135.

Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе / А. Е. Мусин, О. А. Тарабардина, Л. В. Кокуца, Э. К. Кубло // Российский археологический ежегодник. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2016. № 5/6. С. 157–171.

Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI вв. Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 257–308.

Иерусалимская А. А. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Эрмитаж, 2012. 384 с.

Каргер М. К. Древний Киев. М.; СПб.: Наука. Т. 1. 1958. 579 с.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1968. 184 с.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. М.: Наука, 1971. 62 с.

Носова Е. Е. Деревянная кухонная утварь из заполнения древнего рва IX–X вв. Рюрикова Городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2021. Вып. 34. С. 230–235.

Орлов С. Н. Деревянные изделия Старой Ладоги VII–X веков (по материалам Староладожской археологической экспедиции): дис… канд. ист. наук. М., 1954. 387 с.

Рябинин Е. А. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища 1973–1975 гг.) // Раннесредневековые древности Древней Руси и ее соседей. СПб.: Вести, 1999. С. 180–191.

Торопова Е. В, Торопов С. Е., Самойлов К. Г. Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным // Новгородский исторический сборник. Новгород: ООО «Типография Виконт», 2016. Вып. 16 (26). С. 33–59.

Точилова Н. Н. Новые перспективы в изучении искусства Балтийского региона X–XII вв.: проблемы влияния стиля борре на искусство Древней Руси // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2023. Т. 13. Вып. 2. С. 361–375.

Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х-М. Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). М.: ИА РАН, 2021. 272 с.

Щеглова О. А. Статья Г. Ф. Корзухиной «Турьи рога Черниговских курганов»: замечания к публикации архивного текста // В камне и бронзе. СПб.: ООО «Невская книжная типография», 2017. С. 615–634.

Åhfeldt L. Några träfynd i Sigtuna från runstenstid / Situne Dei. 2011. P. 49–60.

Arbmann H., Greenhill B., Roberts O. The Årby boat. Stockholm: The Museum of National Antiquities Publ. 1993. 116 p.

Nørlund P. Trelleborg. København: Nordisk Forlag. 1948. 296 p. LVII Taf.

Olsen A. Martima Birka. Stockholm: Elanders Publ. 2017. 527 p.

Poláček L., Marek O., Skopal R. Holzfunde aus Mikulčice // Studium zum Burgwall von Mikulčice IV / Red. L. Poláčiek. Brno. Archeologycký Ústav Akademie věd České Republike Publ. 2000. S. 177–302.

Szabo M., Grenander-Nyberg G., Myrdal J. Die Holzfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Frankfurt, Bern, New York: Peter Lang, 1985. 278 s.

Westphal F. Die Holzfunde von Haithaby. Hamburg: Wachholtz Verlag Neumünster. 2006. 230 s.

О. А. Хомякова[1], И. Н. Сходнов[2]
[1] Институт археологии РАН,
Москва, Россия
[2] НИЦ «Прибалтийская археология»,
Калининград, Россия

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩ ДРЕВНИХ ПРУССОВ: К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ И ДАТИРОВОК

Аннотация. Ко II тыс. н. э. городища в системе расселения пруссов выполняли функции центральных мест, но не все из них имели мощные оборонительные сооружения. В 2022–2023 гг. изучены конструктивные особенности городища Бочаги, получена их радиоуглеродная дата, совпадающая с периодом экспансии Тевтонского ордена. Это позволяет предположить, что оборонительные валы возводились лишь перед серьезной внешней угрозой.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, пруссы, городища, Тевтонский Орден, археологические исследования, датировка

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

Городища пруссов и их предшественников, эстиев, занимали важное место в системе расселения Юго-Восточной Прибалтики I – начала II тыс. н. э. Данные естественно-научных исследований и радиоуглеродного датирования свидетельствуют о том, что они использовались на протяжении длительного времени, с эпохи бронзового века до Средневековья [Ibsen, 2022].

К началу II тысячелетия н. э. система расселения на землях пруссов состояла из множества локальных центров с признаками центральных мест обитания, где городище могло играть ключевую роль [Хомякова, 2024].

Однако имеющиеся сведения об устройстве городищ показывают, что они значительно различаются по конструкции укреплений. Валы и рвы, которые могли выполнять серьезную оборонительную функцию, встречаются лишь у части городищ, в то время как у многих они представляют собой сооружения, недостаточные для обороны. В восточной части Калининградской области, в исторической области Надровия, которая находится в фокусе наших исследований, городища с мощными валами расположены в местах, которые несли стратегически важное значение в период экспансии Тевтонского ордена с точки зрения контроля территорий и ресурсов.

В 2022–2023 гг. нами было проведено исследование городища Бочаги Черняховского района Калининградской области (ранее известного как Schloßberg, Vorwerk zu Norkitten, Kr. Insterburg)[67]. Данное городище представляет собой одно из самых крупных по размерам укрепленных поселений на территории Надровии и ассоциируется с наиболее вероятным местонахождением центрального святилища древних пруссов Ромов (лат. Romow) [Batūra, 1985, p. 67–70]. Предполагается, что поселение было уничтожено во время экспансии Тевтонского ордена в XIII в. [Кретинин, 2014, с. 170].

Городище расположено в 2,6 км вверх по течению р. Голубая (Ауксине) от ее слияния с р. Преголя, на мысовом останце в излучине р. Голубая. Общие размеры городища составляют около 450 на 330 м, площадь – 14,3 га. С северной стороны в наиболее узком месте излучины, на перешейке, городище защищено двумя валами. Высота внешнего вала от подножия речной террасы в западной части составляет 30 м

© Хомякова О. А., Сходнов И. Н., 2025

[67] Хомякова О. А. Отчет об археологических разведках в Гвардейском, Черняховском и Багратионовском районах Калининградской области в 2022–2023 годах (Открытый лист № 1429–2022 от 30.06.2022 г.) // Архив ИА РАН, Р-I, 2024б. новые поступления, без номера.

(10 м от основания с напольной стороны). Длина вала составляет 68 м. За внешним валом находится межвальное пространство, за которым расположен второй вал высотой 5,4 м и длиной 58 м (рис. 1, *1–2*). По топографии современного рельефа с напольной стороны городища на расстоянии 10–15 м от внешнего вала читается понижение поверхности, которое может свидетельствовать о наличии рва шириной до 10 м и длиной около 70 м, который со временем заплыл или был засыпан.

Для определения конструктивных особенностей и датировки с внутренней стороны внешнего вала городища был заложен шурф площадью 8 кв. м (рис. 1, *1, а*). Полученная радиоуглеродная дата образца угля, взятого из основания вала, указывает на период XIII – начало XIV в. (LU-11469 700±50; наиболее вероятный калиброванный интервал 1270–1308 г. н. э.), что соответствует по хронологии завоевательным походам крестоносцев в ходе покорения Надровии в 1274–1276 г. н. э.

Полученные данные свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что большинство из городищ Восточной Пруссии, обладающих мощными укреплениями, относится к периоду экспансии Тевтонского Ордена [Hollack, 1908; Crome, 1940].

Вероятно, при наличии довольно стабильной и консервативной социальной структуры оборонительные элементы для своих городищ пруссы начали создавать лишь в ответ на угрозу внешнего завоевания. В пользу этого свидетельствуют и другие данные, полученные нами в ходе исследования городищ пруссов. Однако это не исключает возможности того, что эти укрепления были возведены орденом в процессе захвата территорий.

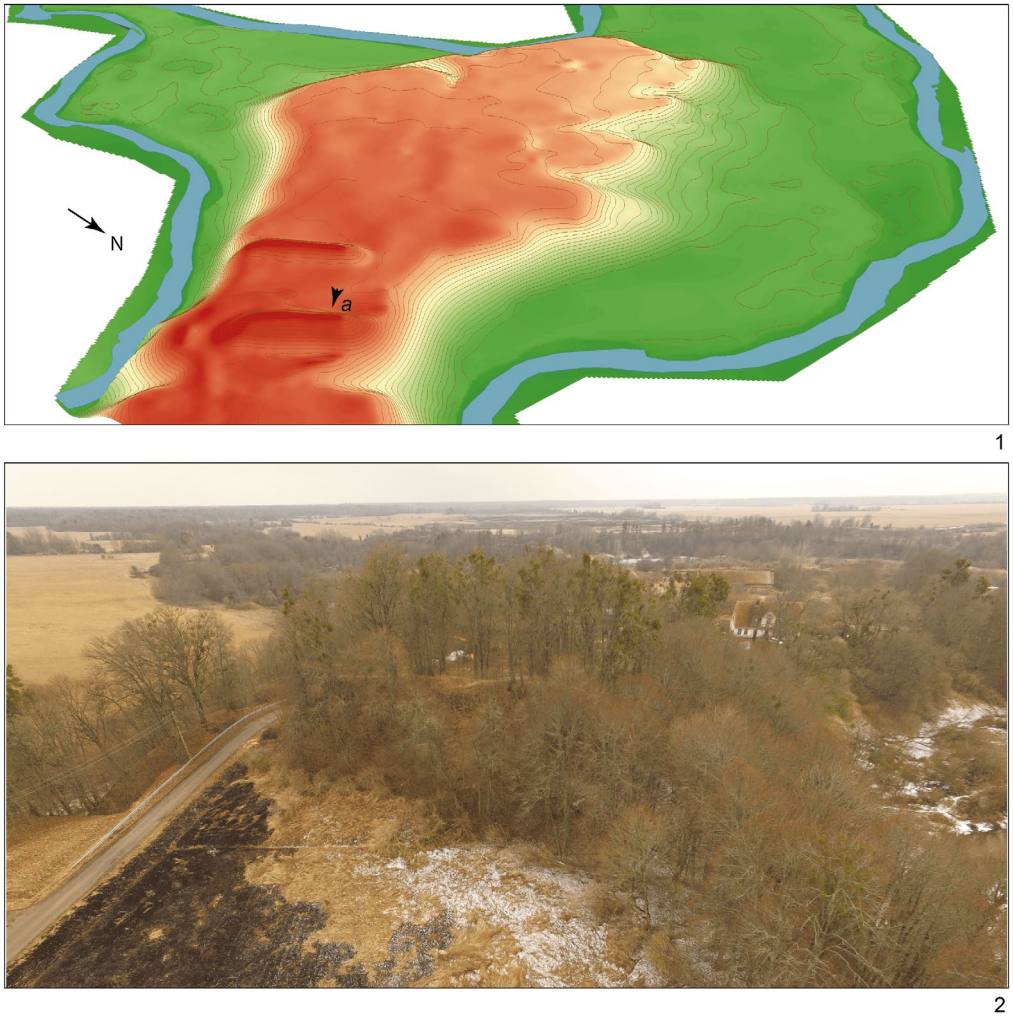

Рис. 1. Городище Бочаги: *1* – 3D-модель (подготовил И. Н. Сходнов), *а)* место закладки шурфа под внешним валом, *2* – вид внешнего вала городища с севера по данным аэрофотосъемки (фото И. Н. Сходнов)

Список источников

Кретинин Г. В. К вопросу о месте гибели вождя прусского восстания Генриха Монте // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Калининград: БФУ им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 167–172.

Хомякова О. А. Городища в системе расселения самбийско-натангийской культуры Юго-Восточной Прибалтики I тыс. // РА. 2024. № 1. С. 59–74.

Batūra R. Paaiškinimai: Apie prūsų stabmeldystę, apeigas ir papročius // Petras Dusburgietis. Prūsijos žemės kronika. Vilnius: Vaga. 1985. P. 64–70.

Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwällen im Samlande // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. 1940. Bd. 34, S. 5–83.

Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming. 1908. 234 s.

Ibsen T. Spatial and temporal distribution of hillforts on the Sambian peninsula in Russia // Fortifications in their Natural and Cultural Landscape: From Organising Space to the Creation of Power / Eds. T. Ibsen, K. Ilves et al. Bonn: Habelt. 2022. P. 141–166.

Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ЗОЛОТАЯ ОРДА: МЯСНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В ГОРОДАХ

Аннотация. В двух разных хозяйственных и культурных системах – на Руси и в Золотой Орде – проанализированы археозоологические коллекции из раскопок городов. Обнаружена сходная диета, основанная на говядине. Для русских земель причины высокого поголовья КРС лежат в трансформации земледелия, необходимости коровьего навоза для удобрения. В Золотой Орде главным фактором стала торговля бычьими шкурами.

Ключевые слова: археозоологические исследования, мясные продукты, Русь, Золотая Орда, земледелие, торговля шкурами

Исследование выполнено по теме НИОКТР №122011200264-9.

В средневековой Восточной Европе города располагались в весьма разнообразных природных ландшафтах. Их снабжение мясными продуктами обусловлено как природно-хозяйственными, так и культурными, религиозными факторами, которые создают сложнейший взаимозависимый состав археозоологических материалов из так называемых кухонных остатков. Выяснение роли каждого из этих факторов в системе жизнеобеспечения средневекового населения выступает первоочередной задачей при работе с городскими остеологическими материалами.

Для реконструкции структуры городского мясного рациона была проанализирована информация по остеологическим коллекциям из раскопок русских городов, расположенных в сугубо «лесном» ландшафте и на границе с лесостепью, а также из городов Золотой Орды – степных и лесостепных. Обсуждаются данные, полученные авторами и опубликованные другими специалистами. Собственные исследования выполнены по одной и той же методической схеме ИА РАН [Антипина, 2016], главными количественными оценками стали остеологические спектры и спектры мясного рациона [Антипина, 2005].

В исследование памятников Руси включены коллекции в основном из кремлей и посадов таких городов, как Великий Новгород, Ярославль, Ростов Великий, Смоленск, Москва и Переяславль Рязанский, а также из сельских поселений, преимуще-

© Яворская Л. В., Антипина Е. Е., 2025

ственно с территории северо-восточной Руси.

Установлено, что в спектре мясных продуктов на этих поселениях, независимо от городского или сельского статуса, доминирует говядина, доля которой постепенно вырастает с 60 до 90 % по хронологическому вектору от наиболее ранних слоев к поздним напластованиям уже Нового времени. Дополнительным ресурсом животного белка была свинина, мясо домашней птицы и рыба.

Процессы, изменившие структуру мясного рациона русских городов в эпоху зрелого Средневековья, несомненно, связаны с технологической трансформацией земледелия, его интенсификацией и необходимостью производства удобрений – навоза. По-видимому, именно это повлекло за собой значительное увеличение поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах сельских поселений, что привело к «избытку» говядины и позволило «прокормить» ею растущее городское население, в числе которого были и ремесленники, специализирующиеся на обработке животного сырья – шкур и кости.

Анализ многотысячных костных скоплений, или «костных вымосток», устилающих центральные торговые улицы русских городов с рубежа XV–XVI вв., показал, что они состоят почти исключительно из обломков коровьих черепов или метаподиев [Yavorskaya, 2021]. Их наличие маркирует огромное поголовье крупного рогатого скота (КРС) в сельском хозяйстве Руси эпохи зрелого Средневековья и раннего Нового времени и подтверждает специфику «урбанистического» мясного рациона, основанного на говядине. Нами выявлено также применение метаподиальных костей КРС в качестве деталей оснащения станковых механизмов в кожевенном производстве. В косторезном ремесле эти процессы отразились как смена сырьевых ресурсов: в XI–XII вв. основным сырьем городских косторезов был плотный рог, а с конца XV в. и далее на первый план выходят кости коров.

Для степного и лесостепного пространства Золотой Орды проанализированы коллекции из функционально разных районов – жилых и ремесленных, крупных городов на Волге: Болгара, Укека, Водянского, Царевского и Селитренного городищ; Азака – в низовьях Дона и Маджара – на Северном Кавказе.

Установлено, что так же, как и в русских городах, в основе мясного рациона горожан была говядина (от 57 до 80 % из всей совокупности мяса домашних копытных), но ее дополняли уже исключительно баранина и конина. Свинина, мясо диких животных, а также птиц и рыб употреблялись в золотоордынских городах крайне редко [Яворская, 2021а].

Если в системе русского «лесного» хозяйственного пространства скотоводство входило взаимозависимым блоком в общую с земледелием агрономическую систему, то для экономики Золотой Орды сектор скотоводства, несомненно, играл ключевую роль: на кочевом образе жизни базировались династические принципы монголов-чингизидов, и живой скот из степи (бараны и лошади) должен был быть важнейшим внутренним ресурсом. Однако установление факта, что основным потребляемым мясом в городах Золотой Орды была говядина – продукция оседлых скотоводов из ближних сельских поселений, вызывает закономерные вопросы и меняет наше представление о роли скота кочевников во всей государственной экономике.

По историческим источникам выясняется, что важной отраслью экономики золотоордынского государства была экспортная торговля животными шкурами, преимущественно крупного рогатого скота. Этот фактор, вероятно, и стал основным мотивом активного разведения КРС на сельских поселениях.

Действительно, на золотоордынских сельских поселениях изобилуют кухонные остатки крупного рогатого скота, а доля говядины в мясном рационе оказалась даже выше, чем в ордынских городах, доходя до 81–86 % [Яворская, 2021б].

В пяти золотоордынских городах, согласно результатам наших археозоологических исследований [Яворская, 2020а; 2020б, Яворская, Масловский, 2018],

бойни и обрабатывающие шкуры производства располагались в ремесленных кварталах. Особенности этих участков в городах состоят в необычно высокой насыщенности слоя костями домашних копытных, в ущерб говядине. В анатомическом наборе в скоплениях наиболее многочисленных видов фиксируется наличие одних и тех же элементов скелета, а на метаподиях крупного и мелкого рогатого скота обнаружены следы использования их как инструментов и приспособлений для обработки шкур. Для ремесленного квартала на Селитренном городище удалось впервые зафиксировать следы массового забоя лошадей [Яворская, 2022].

Таким образом, выявляется разная роль оседлых скотоводов и кочевников в общей государственной экономике, в частности по обеспечению золотоордынских городов мясными продуктами. Сельские пригородные хозяйства поставляли коров и быков (соответственно, мясо и шкуры) постоянно, что было главным фактором устойчивости системы жизнеобеспечения городов. Вклад скотоводов-кочевников состоял в эпизодических пригонах баранов и лошадей в города на убой, которые зависели уже от природной и геополитической обстановки в Великой Степи.

Учитывая непосредственные связи Руси и Золотой Орды, крайне важными оказались проведенные исследования изотопов углерода и азота, которые могут транслироваться непосредственно на статус животных на поселении: «местные» или «пришлые» [Антипина, Яворская, 2022]. Так, в Ярославле среди основного местного стада удалось обнаружить «пришлых» коров из других регионов Руси, а в Переяславле Рязанском – коров и овец из степных областей. В Болгаре оказались коровы и лошади из северо-западных территорий, а часть коров и овец – из дальних степных кочевий. Эта информация является археологическим свидетельством, подтверждающим известные по историческим источникам масштабные разнонаправленные перемещения скота по территории Восточной Европы между древнерусскими княжествами, золотоордынскими улусами, северо-западными и южными государствами в ходе как торговых, так и военных операций.

Главным результатом проведенной реконструкции структуры мясного рациона в городах Древней Руси и Золотой Орды является обнаружение сходной и крайне унифицированной городской мясной диеты в рамках разных систем хозяйствования – лесной (русской) и степной (золотоордынской). Обозначены и наиболее значимые экономические факторы, обусловившие это сходство.

Список источников

Антипина Е. Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественно-научные методы. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 181–190.

Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–118.

Антипина Е. Е., Яворская Л. В. Археозоологические контексты к результатам изотопного анализа костей домашних копытных из древнерусских городов // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 265–279.

Яворская Л. В. Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле шкурно-кожевенной продукцией: археозоологический аспект // Нижневолжский археологический вестник. 2020а. № 1 (19). С. 202–210.

Яворская Л. В. Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от Древности до Средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020б. С. 222–228.

Яворская Л. В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: Современные интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. М.: ИА РАН. 2021а. Вып. 5. С. 216–226.

Яворская Л. В. К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды // Поволжская археология. 2021б. № 2 (36). С. 136–147.

Яворская Л. В. К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археозоологических коллекций // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 13–19.

Яворская Л. В., Масловский А. Н. Находки скоплений костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2014–2015 гг. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. Вып. 30. С. 358–378.

Yavorskaya L. V. Rethinking the Improvement of Medieval Cities in the Eastern Europe Through «Bone Causeways» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science. 2021.14 (1). P. 128–136.

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Д. Ю. Бадеев
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

РЕМЕСЛЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ТЕРРИТОРИИ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОГО РАЙОНА СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА

Аннотация. Анализ ремесленных комплексов, выявленных на участке торгово-ремесленного района Болгара, показывает постепенный переход от производства и обработки железа к производствам по обработке цветных металлов, стекла, кости, кожи. Этот процесс можно связать с увеличением плотности застройки данного участка в поздний золотоордынский период. Большинство огнеопасных производств выносится на городскую периферию.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, ремесло, горн

Исследование подготовлено в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

По степени археологической изученности участок Болгарского городища к западу, юго-западу от Соборной мечети является наиболее исследованным. Крупные площадные раскопы располагались на месте здания центрального городского базара, к юго-востоку от него по ул. Назаровых, на участках строительства Памятного знака и Музея Болгарской цивилизации. На данный момент общая площадь раскопов в этой части Болгарского городища превышает 10 тыс. кв. м. Именно этот участок городища принято отождествлять с территорией торгово-ремесленного района города Болгара, так как на его территории было выявлено наибольшее количество ремесленных комплексов, связанных со всеми этапами существования средневекового Болгара. Исключение составляет период Казанского ханства, но тогда и сам город практически прекратил свое существование. Описания ряда комплексов с территории торгово-ремесленного района Болгара легло в основу серии исследований, посвященных различным ремеслам [Город Болгар: Очерки…, 1988; Город Болгар: Ремесло…, 1996]. Однако до сих пор общего анализа развития ремесла, ремесленных мастерских в рамках городского пространства на основе расположения выявленных ремесленных комплексов Болгара не производилось.

Наиболее ранние ремесленные комплексы были связаны с выплавкой и обработкой железа. В раскопах CLVI, CLXII, CLXXVI, CLXXIX и CXCII зафиксированы остатки 4 заглубленных сыродутных горнов тигельного типа, вблизи которых располагались «площадки скопления железной руды (бурый железняк), подготовленной к выплавке, а также значительное количество железного шлака, прослойка которого на отдельных участках достигала мощности 10 см» [Бадеев, 2020, с. 55]. Все эти комплексы, занимая площадь не менее 1 га, были зафиксированы на периферии раннего города (в 260 м к западу от линии укреплений цитадели), где плотность жилой застройки составляла примерно 1 постройка на 1 200 кв. м. Таким образом, в рамках планировочной структуры раннего Болгара комплекс металлургических горнов занимает западную периферию незащищенного посада.

С предмонгольским этапом существования торгово-ремесленного района Болгара мы можем связать ремесленные комплексы по обработке железа – это 4 глинобитных горна наземного типа, которые имели полусферическую форму – раскоп 17, 1 глинобитный горн с заглубленным дном с раскопа CXCII (2017–2018 г.) и 1 кузнечный, частично заглубленный горн с раскопа CLXXIX (2012 г.). Кузнечные горны аналогичного устройства были зафиксированы и на территории домонгольского Биляра [Халиков, 1976, с. 70]. Топография мастерских не сильно изменяется, они, как и прежде, занимают западную, юго-западную периферию города, однако значитель-

© Бадеев Д. Ю., 2025

ная их часть выносится за укрепления, которые появляются накануне монгольского нашествия. Перенос металлургического производства за стены торгово-ремесленного района можно объяснить как стремлением к пожаробезопасности, так и необходимостью свободных площадей для реализации металлургических процессов. Однако данный район металлургов сохраняется и во второй половине XIII–XIV в., когда плотность застройки участка значительно возрастает, а укрепления перестают функционировать. В раскопах 15 и 17 было выявлено 3 разновидности горнов наземного типа, среди них присутствовали высокие горны с вертикальными стенками, большим количеством воздуходувных отверстий и наклонным дном, предназначенные для получения чугуна [Семыкин, 1996, с. 94–96].

На месте ранних металлургических горнов в предмонгольский период начинают появляться мастерские, связанные с плавкой меди и обработкой цветных металлов. Об этом свидетельствуют выявленные в раскопе 18 комплексы, представленные «плавильными ямами» и скоплениями медного шлака. Кроме того, на краю надпойменной террасы в раскопе CXLVIII были выявлены остатки горна. Горн располагался на дне заглубленной в материк ямы. Дневная поверхность объекта зафиксирована не была, поэтому точные его датировки затруднительны. В пользу домонгольского периода существования горна свидетельствует его устройство, схожее с металлургическими горнами X–XI вв. «Горн был выполнен в виде сырцовой кладки, которая в процессе использований была сильно обожжена» [Губайдуллин, 2013, с. 193, 198, рис. 8]. Однако объемы этого производства не были значительными и заметно уступали следующему этапу существования Болгара – раннему золотоордынскому периоду (вторая половина XIII – начало XIV вв.), когда на усадьбах торгово-ремесленного района начинают появляться мастерские, специализирующиеся на выплавке меди. Так, в раскопах 18 и CLXXIX были зафиксированы остатки четырех глинобитных горнов, которые сопровождались скоплениями медных шлаков. Подобные горны, по мнению Г. Ф. Поляковой, были необходимы «для получения качественной меди при ее рафинировании» [Полякова, 1996, с. 155]. В рамках усадеб торгово-ремесленного района раннего золотоордынского периода начинают активно развиваться и другие ремесла, связанные с производством ювелирных изделий, предметов из кожи и кости, в том числе специфического «экзотического» сырья – бивней крупных млекопитающих – слона и моржа. Изготовление изделий (наколчанных накладок) из столь дорого сырья требовало высокой квалификации мастера, его обучения и подготовки. Наличие «ученичества» в среде болгарских резчиков по кости было установлено при исследовании мастерской, выявленной в раскопах CV – 1989 г. и CLXXIX – 2012 г., где среди отходов производства были выявлены фрагменты коровьих ребер с линейным трехгранно-выемчатым орнаментом, которые использовались для обучения нанесению орнамента [Яворская, Бадеев, 2019, с. 220, 221, рис. 6]. Количественному росту ремесленных мастерских способствовали как приток в город новых групп населения с территории русских земель, нижневолжских степей, Средней Азии, Закамья и Приуралья, так и высокий спрос на ремесленные изделия, увеличившийся из-за возможности ведения безопасной транзитной торговли в рамках единого государственного образования Улуса Джучи и сопредельных территорий.

Высокий спрос на предметы роскоши и украшения в первой половине XIV в. приводит к интенсификации производства, упрощению производственных схем. Об этом свидетельствует комплекс каменных литейных форм, происходивший из заполнения объектов 20–50 гг. XIV в. в раскопе CXCII. Каждая из сторон створок литейных форм максимально заполняется ложами для отливки, зачастую они оказываются соединены одним литейным каналом, в орнаментации широко используется прием псевдоскани и ложной зерни [Степанов, Бадеев, 2019]. На примере стеклообрабатывающей мастерской (раскоп CXCII) мы можем наблюдать то же стрем-

ление к ускорению и упрощению производства. На значительной ее продукции, по определению С. И. Валиулиной, отсутствовал заключительный отжиг (огневая полировка), что было характерно для массового производства и в других стеклодельных центрах [Валиулина, 2022, с. 121]. Все ремесленные мастерские 20–60 гг. XIV в. действуют в рамках небольших городских усадеб.

В конце XIV–XV вв. из-за начавшихся феодальных войн («замятни») в рамках Улуса Джучи городское ремесло и торговля приходят в упадок. Об этом свидетельствуют и ремесленные комплексы с территории торгово-ремесленного района Болгара. Продолжают функционировать лишь отдельные мастерские, связанные с обработкой железа и цветных металлов.

Список источников

Бадеев Д. Ю. Ранний металлургический комплекс с территории домонгольского Болгара // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции: Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама, христианства и язычества. Пермь: ПГГПУ, 2020. Вып. XVI. С. 53–63.

Валиулина С. И. Стеклянные перстни Болгара (по материалам CXCII, CLXXIX раскопов 2013–2017 гг.) // РА. 2022. № 2. С. 120–133.

Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. 278 с.

Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. 314 с.

Губайдуллин А. М. Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника») // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 191–199.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 154–257.

Семыкин Ю. А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 88–153.

Степанов Р. А., Бадеев Д. Ю. Створка литейной формы из раскопа CXCII Болгарского городища // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 277–282.

Халиков А. Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 64–74.

Яворская Л. В., Бадеев Д. Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 210–225.

А. М. Байбуртский
Институт археологии Крыма РАН,
Симферополь, Россия

АРМЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА XIII–XVIII ВВ.: ТИПОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Аннотация. Позднесредневековые армянские древности Крыма рассматриваются как совокупность археологических объектов, включающих материальные свидетельства присутствия армян на территории полуострова в XIII–XVIII вв. К настоящему времени по теме исследования накоплен значительный фактический материал, на его основе выделяются типы изучаемых памятников с разработкой их периодизации.

Ключевые слова: позднесредневековый Крым, армянские древности, археологические памятники, культурные напластования

Не позднее первой половины XIV в. в Крыму в результате массовой миграции армянского населения из сопредельных регионов формируется национальная община, существовавшая на полуострове до последней четверти XVIII в. Обозначенные временные рамки захватывают два периода в истории позднесредневекового Крыма – золотоордынский (1240–1475 гг.) и османский (1475–1783 гг.). До 1450–1475 гг.

© Байбурсткий А. М., 2025

армяне в Крыму преимущественно проживали во владениях Улуса Джучи и Генуэзской Газарии, а в последующее время на землях Крымского ханства и Османской империи [Байбуртский, 2024а, с. 167, 171].

Факт существования армянской общины в XIII–XVIII вв. на полуострове подтверждается материальными свидетельствами – поселенческими, ритуально-культовыми и погребальными объектами. В археологическом плане наследие крымских армян включает культурные напластования и строительные остатки древних городов, селений, монастырей, крепостей и могильников. Из массива средневековых археологических памятников полуострова в отдельную группу они выделяются по этнокультурным признакам с использованием устойчивых маркеров из объектов эпиграфики, архитектуры, декора, металлопластики [Байбуртский, 2024б, с. 204–205].

Армянские древности Крыма как совокупность объектов, включающих материальные свидетельства присутствия армян на территории полуострова в XIII–XVIII вв., являлись предметом научного изучения уже с конца XVIII в., а их планомерные археологические исследования проводятся с 1970-х гг. За указанный период по теме исследования был накоплен значительный фактический материал [Байбуртский, 2024а, с. 167–168, 172–176]. На его основе выделяются основные типы изучаемых памятников (рис. 1) с разработкой их периодизации.

Поселенческие объекты (рис. 1): Каффы – усадьба XVII–XVIII вв. и фонтан у церкви св. Дмитрия на Карантине XV–XVII вв., фонтан в переулке Айвазовского XV–XVI вв.; Сугдеи-Солдайи-Судака XIV–XV вв. – жилая и ремесленная застройка вблизи церкви у XI куртины; Чембало XVII–XVIII вв. – участок дороги, хозяйственная постройка и Большое здание у храма № 5; округи Солхат-Крыма и Кишлавской котловины – монастыря Сурб Хач (трапезная XVIII в., келейный корпус XVII в., комплексы центрального двора XIV–XVIII вв., предвратный комплекс XVII вв., фонтаны XVII в., водопроводы XVII–XVIII вв., участок дороги XVII–XVIII вв.), поселений Эски-Юрт XIV–XV вв., Орталан XVII–XVIII вв. и т. д.

Ритуально-культовые объекты (церкви и притворы) (рис. 1): Каффы и округи XIV–XV вв. – св. Иоанна Богослова, св. Иоанна Предтечи, «1981 г.», св. Сергия, св. архангелов, св. Георгия, монастыря в Двуякорной долине, с поселения Падилкой; Сугдеи-Солдайи-Судака и округи XIII–XV вв. – у XI куртины, Двенадцати Апостолов, «1993 г.», св. Параскевы, на поселении Ай-Фока; Солхат-Крыма и округи XIV–XV вв. – на ул. П. Осипенко, монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос, поселений Эски-Юрт и Алан-Тепе 2; поселений Кишлавской котловины XV–XVIII вв. – св. Богородицы в Сале, Урпата и св. Сергия в Топлы, Орталана, Кишлава на склоне горы Бор-Кая XIII–XV вв.; монастыря Спасителя в Бахчи-Эли XV–XVI вв.; св. Григория Просветителя XVII–XVIII вв. в Бахчисарае; «Армянский храм» в Инкермане XIV–XV вв.; крепости Чембало – храм № 5 в XVI–XVIII вв.; замка Фуна XV в.

Погребальные объекты (комплексы) (рис. 1): церкви св. Георгия в Каффе XV–XVIII вв.; церкви у XI куртины XIV–XV вв. в Сугдее-Солдайе-Судаке; с улицы 12 апреля в Солхат-Крыму; монастыря Сурб Хач XIV–XVIII вв.; храма № 5 в крепости Чембало XVI–XVII вв.; церкви в Салах XVII–XVIII вв.; церкви Григория Просветителя XVII–XVIII вв. в Бахчисарае; могильника поселения Богатыр XVIII в.

Материалы раскопок армянских церквей в Каффе и в округе Солхат-Крыма в комплексе с письменными источниками обозначают время строительства самых ранних из них не позднее середины XIV в. Верхняя граница для этих памятников в большинстве случаев выходит за временные рамки золотоордынского периода и определяется в разбросе XVI–XVIII вв. Данный факт обусловлен многослойным характером культурных отложений на памятниках и связан с продолжением деятельности общины на полуострове вплоть до 1778 г. Хронология и периодизация объектов, установленные по результатам археологических исследований, в общих чертах отражают основные этапы развития

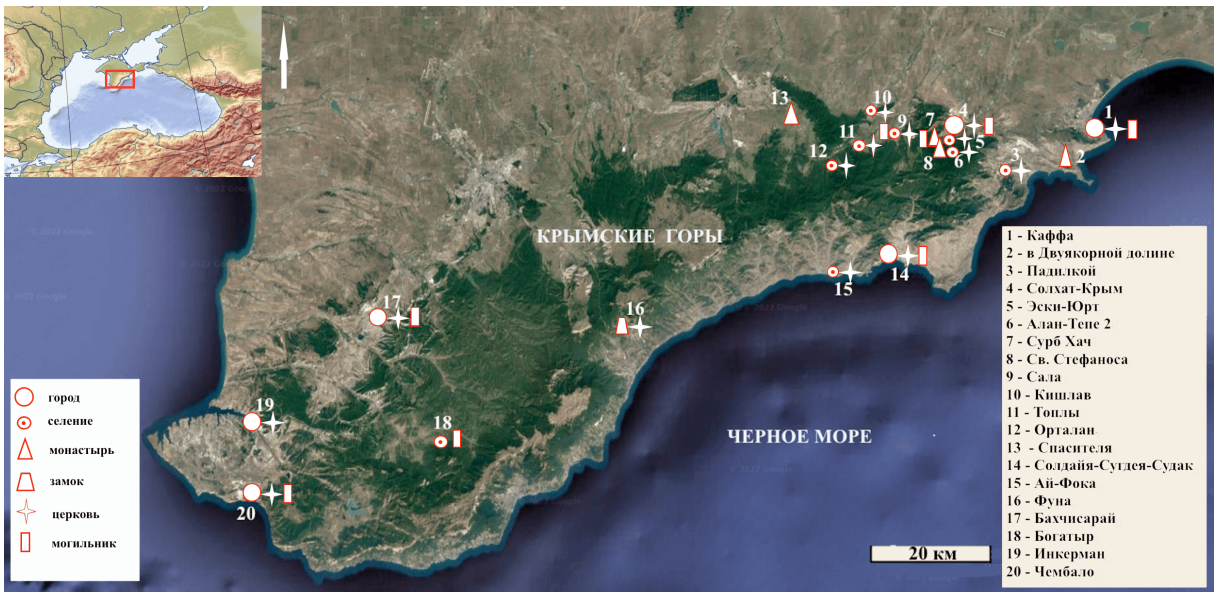

Рис. 1. Спутниковая карта Google Earth южной и юго-восточной части Крымского полуострова с указанием упоминаемых в публикации городов, селений, замков, монастырей, церквей и могильников XIII–XVIII вв.

материальной культуры крымских армян XIII–XVIII вв., которые напрямую соотносятся с культурно-историческими процессами, протекавшими на полуострове в указанное время и в рамках единой контактной культурной зоны [Байбуртский, 2024б, с. 205–208]. Данное заключение основано на анализе массового археологического материала и строительных остатков, которыми сформирован культурный слой изучаемых памятников. Оно позволяет рассматривать в локальном крымском варианте «археологию позднесредневековых армянских древностей» для XIII – середины – 3-й четверти XV вв. составной частью «археологии Золотой Орды» и «Византийской археологии» [см. напр.: Бочаров, 2019, с. 16–17], а для конца XV–XVIII вв. составной частью «Османской археологии» [Науменко, Сейдалиев, 2021; Мыц, 2023, с. 325–326].

Список источников

Байбуртский А. М. Армянские древности Крыма XIII–XVIII вв. (постановка проблемы) // Боспорские исследования. 2024а. Вып. XLIX. С. 167–186.

Байбуртский А. М. Армянская община Таврики-Крыма в золотоордынское время: археологические памятники // Археология евразийских степей. 2024б. № 2. С. 202–213.

Бочаров С. Г. Древности Генуэзской Газарии как часть археологии Золотой Орды // Труды IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 13–18.

Мыц В. Л. Начало «Османской археологии» Крыма и возвращение Менгли I Гирея к власти в 1478 году // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 325–336.

Науменко В. Е., Сейдалиев Э. И. Османская археология в Крыму // История крымских татар: в 5 т. История Крымского ханства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. Т. III. С. 81–112.

Д. Г. Баринов[1], С. А. Курочкина[2], С. В. Баринова[3], О. В. Зеленцова[4]
[1,2,3] ООО «Центр реставрации и сохранения памятников»,
Саратов, Россия
[4] Институт археологии РАН,
Москва, Россия

АТКАРСКИЙ МОГИЛЬНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРДВЫ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ПЛАНИГРАФИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД)

Аннотация. Археологические исследования на Аткарском грунтовом могильнике были начаты почти сто лет назад и с перерывами велись почти 8 полевых сезонов. За все годы исследований раскопано около 1269 кв. м, обнаружено 97 погребальных комплексов, погребальный обряд могильника достаточно устойчивый, отличия видны только в ориентировке покойных.

Ключевые слова: Аткарск, мордва, мокша, эрзя, грунтовый могильник, золотоордынское время

Аткарский грунтовый могильник расположен южнее города Аткарск Саратовской области на правом высоком берегу реки Медведица (приток Дона). От русла реки он отдален широкой пойменной долиной. Могильник расположен в верховьях оврага, поверхность его задернована, имеет уклон в сторону реки.

Первые находки с могильника поступили в Саратовский краеведческий музей в 1916 г. В 1927 г. к спасательным раскопкам на могильнике приступает профессор Саратовского государственного университета П. С. Рыков, он исследовал пять погребений, дальнейшие работы были продолжены его учеником Н. К. Арзютовым. В процессе работ выяснилось, что овраг разделяет могильник на две части – северную и южную. Погребенные южного участка могильника ориентированы головой в южном направлении, с небольшими отклонениями к западу, на северном участке преобладает западная ориентировка с отклонениями к северу. Всего в 1927–1928 гг. на площади около 500 кв. м было обнаружено 37 могил, содержащих такое же число погребенных, и три ямы с черепами лошадей [Арзютов, 1929, с. 4–5].

В 1979–1980 гг. археологическим отрядом Саратовского государственного университета под руководством С. Ю. Монахова с целью определения границ могильника проводятся шурфовочные работы и небольшие раскопки. Всего за два сезона работ в северной части могильника было исследовано около 200 кв. м, обнаружено 20 погребальных комплексов [Монахов, 1991, с. 167–170].

В 1989–1990 гг. исследования могильника продолжает Ю. А. Африканов. За два года работ на северной стороне оврага было изучено около 180 кв. м площади могильника, обнаружено 10 могил.

В 1996 г. экспедиция Саратовского госуниверситета под руководством С. В. Ляхова возобновляет раскопки на северном участке Аткарского грунтового мордовского могильника, на площади 343 кв. м было обнаружено 27 погребальных комплексов, состоящих из четырех мужских, десяти женских, одиннадцати детских и подростковых, одного кенотафа и одного парного погребения. Работы проводились и в 1997 г., была вскрыта площадь 46 кв. м, обнаружены три могилы: парное мужчины и женщины, а также женское и детское погребения [Ляхов, 1999, с. 94].

За все годы исследований на Аткарском грунтовом могильнике раскопано около 1 269 кв. м, обнаружено 97 погребальных комплексов. Стратиграфия могильника достаточно простая: дерновый темно-коричневый слой мощностью 0,05–0,1 м подстилает слой супеси черного цвета толщиной 0,5–0,7 м, по мере понижения он имеет тенденцию к осветлению. Подстилает этот слой материковая светло-желтая супесь. Могильные ямы фиксировались только в материковом грунте [Ляхов, 1997, с. 83].

Южный участок могильника исследовался только Н. К. Арзютовым, по методике того времени работы производились

© Баринов Д. Г., Курочкина С. А., Баринова С. В., Зеленцова О. В., 2025

траншеями, между которыми оставались значительные участки неисследованной площади, поэтому достаточно сложно говорить о планиграфии этого участка.

Всего на южном участке могильника исследовано 18 могил, из них мужских погребений 3 (16,67 %), женских 8 (44,44 %), детских и подростковых 7 (38,89 %). Из детских погребений 3 уложены скорченно на бок, руки перед лицом (у остальных позу невозможно определить), что соответствует женским погребениям. Таким образом, число женских погребений на южной стороне могильника составляет 11 (61,11 %). Глубина могил колеблется от 0,4 до 0,9 м. Могильные ямы прослежены в 12 погребениях (66,67 %) они фиксируются только на уровне материка, это ямы прямоугольной формы с закругленными углами, их размеры различны. В 12 погребениях (66,67 %) в заполнении могил – около ног или черепа покойных – были зафиксированы угольки. Заупокойная пища найдена в двух могилах (11,11 %), причем в одном случае кости птицы и скорлупа от яйца лежали в горшке. Остатки деревянных конструкций и подстилка из коры зафиксированы в 6 погребениях (33,33 %), гроб найден в одной могиле (5,56 %), у одного погребенного (5,56 %) яма была забутована камнем. Следует отметить, что в детских погребениях полностью отсутствуют следы от подстилки и деревянных конструкций.

Поза погребенных типична для мордвы-мокши XIII–XIV вв. Мужчины покоились на спине вытянуто головой на юг (с отклонениями к западу), руки слегка согнуты и размещены в районе тазовых костей или груди. Женщины лежали скорченно на правом боку, руки согнуты в локтях кистями перед лицом – 9 погребений (81,82 % от всех женских погребений участка). Две женщины были уложены на левый бок (11,11 %).

Могильники мордвы-мокши золотоордынского времени с аналогичным погребальным обрядом и ориентировкой покойных в южном (с отклонениями) направлении хорошо известны, это могильники: Муранский [Алихова, 1954, с. 263], Кузькинский [Сташенков, 2019, с. 415], Белогорский [Баринов, Курочкина, 2024, с. 33], Бокинский [Андреев, 2020, с. 153] и др.

На северном участке могильника за все годы исследований обнаружено 79 могил, из них мужских взрослых и подростковых погребений 21 (26,587 %), женских 25 (31,65 %), детских 23 (29,11 %). Глубина могил колеблется от 0,4 до 1,35 м. Могильные ямы прослежены в 46 погребениях (58,23 %), они фиксируются только на уровне материка, это ямы прямоугольной и подтрапециевидной формы с закругленными углами, их размеры различны. По всей площади северного участка могильника, а также в заполнении могил встречаются угольки, обгоревшие куски дерева и небольшие кострища, кости животных, керамика. Остатки деревянных конструкций и подстилка из коры, войлока и кожи зафиксированы в 34 погребениях (43,04 %), в 7 случаях в засыпи могил камни (8,86 %).

На северном участке могильника меняется ориентировка покойных, она становится западной, северо-западной. Так же, как и на южном участке могильника, мужчины покоятся на спине вытянуто, руки слегка согнуты и размещены в районе тазовых костей или груди. Женщины лежат скорченно на правом (60 %) или левом (40 %) боку, руки согнуты в локтях кистями перед лицом. Зафиксировано 6 парных погребений мужчины и женщины, парное и тройное погребения детей, 1 кенотаф. Два мужских погребения сопровождали скелеты лошадей, причем лошади лежали под погребенными, еще в двух мужских погребениях обнаружены лошадиные черепа, один из черепов был положен под голову покойному. Три ямы с черепами и костями лошадей были зафиксированы в раскопе Н. К. Арзютова.

Наиболее близким территориально (60 км), а также по погребальному обряду и ориентировке погребенных является Комаровский могильник, расположенный на реке Сердобе на севере Саратовской области [Моржерин, 2013, с. 150–151]. Большой мордовский могильник золотоордынского времени с единым погребальным об-

рядом, но различной ориентировкой (в северный и южный сектор) известен в Самарском Заволжье [Сташенков, 2014, с. 326–327].

В целом для Аткарского могильника характерен устойчивый погребальный обряд, отличия видны только в ориентировке покойных и, вероятно, в женском костюме. Скорее всего, это два могильника, принадлежащих одному народу – мордве, но разным этническим группам: мокше (южная часть могильника) и эрзе (северный участок).

Список источников

Алихова А. Е. Муранский могильник и селище // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1954. Том 1. № 42. С. 259–301.

Андреев С. И. Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. № 2. С. 151–165.

Арзютов Н. К. Финский могильник XIII–XV вв. близ города Аткарска // Труды Нижне-Волжского краевого музея. 1929. Вып. 1. С. 4–19.

Баринов Д. Г., Курочкина С. А. Белогорский могильник средневековой мордвы // Археология евразийских степей. 2024. № 3. С. 30–37.

Ляхов С. В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Ореон, 1997. Вып. 2. С. 79–97.

Ляхов С. В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: СГПИ, 1999. Вып. 3. С. 94–100.

Монахов С. Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточноевропейской степи. Саратов: СГУ, 1991. Вып. 2. С. 167–188.

Моржерин К. Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Научная книга, 2013. Вып. 11. С. 140–160.

Сташенков Д. А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 326–329.

Сташенков Д. А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII–XIV вв.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань, Кишинев: Stratum, 2019. Т. 2. С. 413–432.

Е. М. Болдырева
Государственный исторический музей,
Москва, Россия

ИССЛЕДОВАНИЯ 2022–2024 ГГ. В РЕМЕСЛЕННОМ КВАРТАЛЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА САРАЯ (СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ)

Аннотация. С 2022 г. ПАЭ ГИМ проводятся исследования в северо-западной периферийной части Селитренного городища с целью изучения ремесленного квадрата на памятнике. В ходе раскопок был обнаружен городской квартал – усадьба ремесленников с особенностями планировки, характерными находками и их специфичным применением в строительстве и быту.

Ключевые слова: Золотая Орда, Селитренное городище, ремесленный квартал, средневековая планировка, производство керамики

Городище Селитренное исследовалось Поволжской археологической экспедицией (ПАЭ) МГУ им. М. В. Ломоносова и ИА РАН с 1965 по конец 90-х гг. XX в. под руководством А. П. Смирнова, Г. А. Федорова-Давыдова и В. Л. Егорова. В XXI в. исследования здесь продолжаются Марийским, Казанским университетом и Астраханским музеем-заповедником [Пигарев, 2015, с. 50–51; Пигарев, 2019, с. 38–39]. С 2022 г. на памятнике работает ПАЭ ГИМ и ИЭА РАН. Проводятся работы в северо-западной, периферийной, части городища. Проект направлен на изучение следов

© Болдырева Е. М., 2025

ремесленных производств в новой, не исследованной ранее части памятника.

По результатам первых лет исследований реконструируется следующая картина жизни в этой части памятника: она разделяется на 2 периода (рис. 1). Основу планировки квартала составляет городская улица. Она вытянулась с юго-запада на северо-восток. Ее ширина около 2 метров, в материке читаются колеи от колесного транспорта с впечатанной в материк керамикой. Существовала она здесь с самого начала обживания квартала и до конца городской жизни. Вела улица к обрыву бэровского бугра, т. е. к воде. К северу от улицы существовало 1 или 2 жилых дома, которые построены вдоль ее границы. Сооружения, расположенные к северу от дороги, образуют прямоугольную в плане площадку, в юго-восточном углу которой была расчищена круглая в плане и квадратная в придонной части яма размерами 290×220 см, глубиной 260–280 см. К южной части этой ямы вела менее глубокая яма-траншея, шириной 140 см и глубиной 132–136 см. Характерное слоистое органическое заполнение и большая заиленность объекта наталкивают на мысль о том, что яма являлась хранилищем или местом стока воды, а яма-траншея, ведущая в сторону обрыва, выводила излишки воды или 2-я яма тоже хранилище, а площадку можно интерпретировать как небольшую городскую площадь, примыкающую к средневековой улице.

К югу от улицы сначала располагались легкие наземные конструкции, а позднее была построена многокомнатная усадьба ремесленника. В настоящее время ее размеры в границах раскопа 17×9 метров, т. е. площадь этого многокомнатного жилого дома около 150 кв. м, в нем располагалось не менее 6 жилых комнат.

В ходе раскопок на площади менее 300 кв. м было обнаружено около 200 медных и 3 серебряных монеты. Больше всего монет было утеряно вдоль улицы и у внешних стен домов, есть два небольших клада из трех и пяти монет. В настоящее время определены 54 монеты[68] (табл. 1).

Находки из этих домов можно разделить на 2 условные группы. Первая – это классические предметы быта золотоордынских городов: светильники, оселки, пломбы, набор астрагалов, коньки и т. д. Также присутствует небольшое количество импорта: есть фарфор и селадон, а также закавказская поливная керамика. Вторая группа – это специализированные находки. К ним можно отнести печной припас, сепаи, различные глиняные комочки и подставки, использовавшиеся в горнах, подставки для продухов воздуха, а также различные приспособления, необходимые не только для горна, но и для изготовления изделий. Здесь есть как терочники для перемалывания красителей и компонентов, так и матрицы для изготовления изразцов и формы-калыпы для массивных блюд с ярким резным декором, миски с известью, штампы для изразцов. Еще одной яркой находкой является предмет, похожий на гончарный круг (D – 44 см). Массивный круглый диск из глины, ошлакованный от сильного огня, лежавший на суфе в одном из сооружений. Из поволжских памятников известен только один подобный предмет, найденный ПАЭ в 1973 г. на Водянском городище (D – 19,5 см), однако он отличается отверстием в центре и желобом по краю [Федоров-Давыдов, 2001, с. 196–197].

Таблица 1

Монеты, найденные в ходе раскопок

Эмитент	Время чеканки	Кол-во
Узбек хан, Сарай ал-Джедид	2-я половина 1330-х гг.	20 шт.
Джанибек хан, Сарай ал-Джедид	1340-е гг.	16 шт.
Джанибек хан, Сарай ал-Джедид	1350-е гг.	11 шт.
Хизр-хан, Сарай ал-Джедид	1360–1361-е гг.	2 шт.
Кильдибек, Сарай ал-Джедид	1361–1362-е гг.	1 шт.
Хайр-Пулад, Сарай ал-Джедид	1362–1363-е гг.	1 шт.
Азиз-шейх, Сарай ал-Джедид	1366 г.	3 шт.

[68] Монеты были идентифицированы и прочитаны н. с. Института востоковедения РАН Е. Ю. Гончаровым.

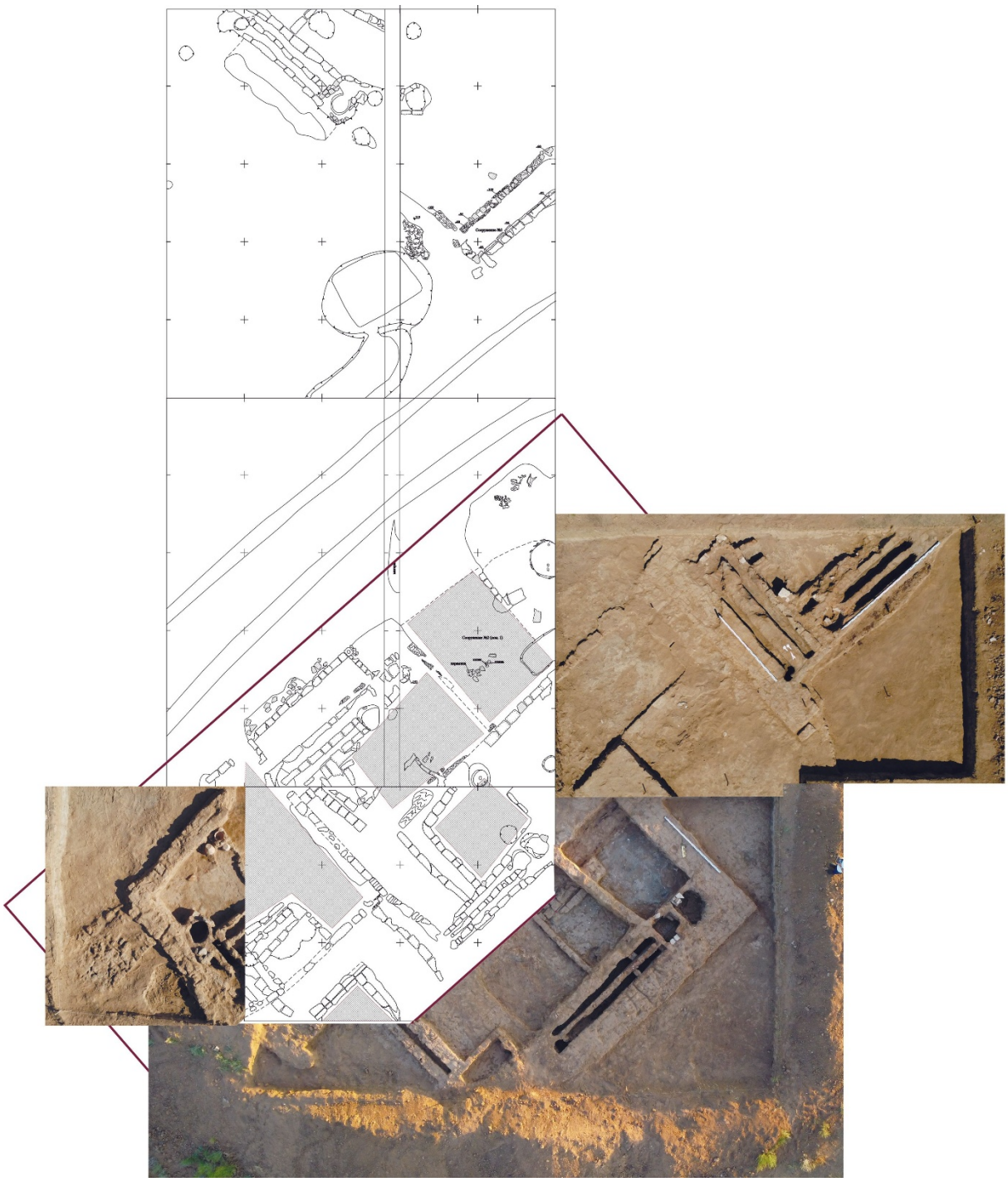

Рис. 1. Сводный план раскопа 2022–2024 гг.

Таким образом, по нумизматическим и стратиграфическим данным четко реконструируется период существования этой части города Сарая, с 1330-х до конца 1360-х гг. Наибольшего расцвета он достиг при ханах Узбеке и Джанибеке. В это время здесь были построены дома ремесленников, представляющие собой постройки из сырцового кирпича с небольшим количеством обожженного кирпича. В стандартное обустройство золотоордынского дома была добавлена специфика этого района. Так, в качестве строительных материалов здесь использовалась бракованная керамика, ею делались различные вымостки вокруг домов, она использовалась в укреплении стен и для заполнения суф. Кроме того, в этих домах было обнаружено большое количество одинаковых видов посуды, т. е. они выполняли не только роль жилых построек, но и являлись складами изготовленных на продажу товаров.

Список источников

Пигарев Е. М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2015. 208 с.

Пигарев Е. М. Селитренное городище: история исследований. Йошкар-Ола, Марийский гос. ун-т, 2019. 244 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 256 с.

С. Г. Бочаров[1], А. Н. Масловский[2]

[1] Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

[2] Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник им. А. А. Горбенко, Азов, Россия

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ЭВОЛЮЦИИ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. В докладе предложена концепция градообразования на территории Золотой Орды, основанная на результатах новейших археологических исследований. Выявляются причины и закономерности в образовании, развитии и исчезновении городов Золотой Орды. В развитии городов этих государств выделяется семь различных хронологических периодов, которые охватывают временной диапазон от 40-х гг. XIII в. до 20-х гг. XV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, археология, закономерности в эволюции городов, историческая география

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

Скорость, с которой в степях Восточной Европы, где до этого безраздельно господствовало кочевое скотоводство, появились два десятка крупных городских центров и еще большее число небольших городков, беспрецедентна в мировой истории. Возникновение кочевых империй Евразии обычно сопровождалось появлением хотя бы одного столичного города [Пэрлээ, 1957; Данилов, 2004; Города…, 2018, с. 169–202, 281–314], но масштабы градостроительства в Золотой Орде несопоставимо больше. Столь же скоротечно эти урбанистические центры исчезают. Параллельное сосуществование на огромной территории многочисленных развитых, благоустроенных по меркам своего времени городов и степи с кочевыми племенами на протяжении более столетия требует теоретического осмысления.

Попытаемся высказать предварительные соображения о динамике урбанизационных процессов в Золотой Орде с учетом влияния на них мира золотоордынских сельских поселений [Бочаров, Масловский, 2022б, с. 98–101].

1-й этап (1240–1250-е гг.) охватывает временной отрезок после завоевания восточноевропейской степи монголами. Сюда массово переселялось население из захваченных регионов с оседлым населением.

2-й этап (1260–1290-е гг.) стал периодом создания золотоордынских городов и главного города Генуэзской Газарии – Каффы. Они возникли после создания системы поселений, которую увенчали. Данные археологии и письменных источников прямо или косвенно подтверждают существование в это время целого ряда городов Золотой Орды. Это было невозможно

© Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2025

без решений государственной власти. Создание городов стало одним из проявлений суверенитета нового государства. Расцвет градостроительства произошел при Менгу-Тимуре (1266–1282 гг.). Скорее всего, именно у него генуэзцы получили разрешение основать город Каффа.

3-й этап (1290–1340-е гг.) – время непрерывного роста городов, когда численность их населения и территория возросли многократно. Только на этом этапе транзитная торговля стала играть важную роль в жизни городов, а города Золотой Орды и генуэзская Каффа – важную роль в международной торговле [Карпов, 2021, с. 250–251].

4-й этап (1340–1350-е гг.) – стагнация. Рост городов останавливается. Свою роль в этом сыграла пандемия чумы, но нет серьезных оснований считать, что в Золотой Орде она протекала как-то уникально смертоносно. Не меньшее значение имел кризис мировой торговли, известный как кризис Таны [Карпов, 2015]. В его начале и затяжном характере видится результат государственной политики. На это же указывает и определенная переориентация торговых связей, фиксируемая по данным археологии [Масловский, 2015, с. 11].

5-й этап (1360–1370-е гг.) – «Великая замятня». Весь расцвет оседлой жизни и городов в степи базировался на хрупком балансе между различными этно- и социокультурными группами населения, который мог поддерживаться только при сильной государственной власти. С ее упадком он неизбежно и непоправимо был нарушен. Не нужно было даже массовой резни, хотя и такие события, безусловно, происходили. В степи просто стало небезопасно. И мир золотоордынской деревни стал рушиться, а вслед за ним стал угасать и мир городов.

6-й этап (1380–1390-е гг.) нельзя назвать в полной мере периодом последнего подъема. Хотя хан Тохтамыш предпринимал меры для возрождения золотоордынских городов. Смута не закончилась, а только затихла. Сельская округа золотоордынских городов, судя по монетным находкам, продолжала существовать, пусть и в сильно уменьшенном виде, как и сами города. При отсутствии войн они могли сохраниться и со временем даже достигнуть нового, пусть и меньшего по масштабам, расцвета. Но власти Золотой Орды не смогли обеспечить даже короткий период мирной жизни без войн. Генуэзские власти воспользовались этим и окончательно включили в свои владения три поздневизантийских города – Солдайю, Воспоро и Чембало.

7-й этап (1390–1420-е гг.) – окончательная гибель оседлой жизни на основной степной территории Золотой Орды. Тимур не имел возможности и не ставил перед собой задачу уничтожить все оседлое население степей. Какие-то остатки сельского населения сохранялись и после 1395 г. Фатальным оказалось разрушение политической структуры государства. Сил, способных остановить смуту, уже не было. Сельские поселения вне пределов старых земледельческих районов исчезают. У городов Золотой Орды остается возможность существовать только в виде маленьких поселков, что и фиксируется для регионов Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья середины вт. пол. XV в.

В распоряжении властей Золотой Орды были огромные материальные ресурсы, которые обеспечили бурный расцвет городской жизни. Этот рост, при соблюдении определенных условий, мог бы стать долговечным и в перспективе привести к созданию своеобразной цивилизации. Однако реализация этого сценария оказалась невозможна из-за сохранения кочевого скотоводства у этнических групп, составлявших военную и политическую элиту государства. Неустранимые противоречия и изъяны хозяйственной и социальной структуры государства [Бочаров, Масловский, 2022а, с. 326], а не грозные природные явления, болезни и даже войны с внешними врагами не оставили шансов на будущее как для существования государства Золотая Орда, так и для развития его городов.

Список источников

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Некоторые соображения об эволюции городов Золотой Орды // Stratum plus. 2022а. № 6. С. 319–329.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Периодизация развития градостроительства в Золотой Орде // Археология евразийских степей. 2022б. № 4. С. 98–103.

Города средневековых империй Дальнего Востока / отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: Изд-во восточной литературы, 2018. 367 с.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в Средние века. М.: Алетейя, 2015. Вып. 9. С. 8–43.

Карпов С. П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. Том 1. 378 с.

Масловский А. Н. Керамика Юго-Восточного Крыма на территории Восточной Европы в XIII–XIV вв. и влияние внешнеполитических факторов на ее распространение // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке империй. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 9–24.

Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43–53.

А. И. Бугарчев[1], С. В. Ушакова[2], Е. А. Фёдорова[3]

[1] Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Казань, Россия
[2] Государственный исторический музей,
Москва, Россия
[3] Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник,
Болгар, Россия

О БУЛГАРСКИХ ПУЛАХ XIV В. «АЛИ ДЕРВИШ» (ПО ФОНДАМ ГИМ И БГИАМЗ)

Аннотация. Статья посвящена изучению медных монет с легендой «Али Дервиш». В фондах ГИМ выявлено 15 таких пулов, в фондах БГИАМЗ – 143 пула. Пулы «Али Дервиш» чеканились с фактическим весом 1,0±0,2 г. За исключением одного пула, все экземпляры «Али Дервиш» найдены на территории бывшей Волжской Булгарии, что свидетельствует об их региональном характере обращения.

Ключевые слова: монета, пул, денежное обращение, Ага-Базар, Болгарское городище, «Али Дервиш», XIV век, Государственный исторический музей, Болгарский музей-заповедник

В нумизматических фондах Государственного исторического музея (далее – ГИМ, Москва) и Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (далее – БГИАМЗ, Болгар) хранится большое количество золотоордынских монет XIII–XV вв. В данном сообщении планируется ввести в научный оборот подборки неопубликованных медных монет «Али Дервиш», хранящихся в двух указанных музеях (рис. 1). Первый блок таких пулов из ГИМ хранится в коробке 112, в конверте, на котором написана атрибуция – «Золотая Орда. Али Сарай. Б.г. Ае. 12 экз.». Приведем вес указанных монет: 0,79; 1,01; 1,07; 1,11; 1,19; 1,20; 1,24; 1,46; 1,50; 1,73; 1,74; 1,98 г. Всего 12 экземпляров. Второй блок из ГИМ – это нумизматический сбор с городища Ага-Базар как результат работ 1967 г., в том числе три пула «Али Дервиш» – 0,77; 0,86 и 1,22 г [Бугарчев, Пахомова, 2018].

Большинство находок подобных монет происходит из Татарстана. Можно указать на статьи С. А. Яниной: раскопки периода 1946–1958 гг. – 18 экз. из Ага-Базара в 1952 г. [Янина, 1954, с. 452]; 14 экз. с Болгарского городища [Янина, 1958, с. 412; Янина, 1960, с. 220].

Гораздо больше монет «Али Дервиш» хранится в БГИАМЗ. Например, кратко изданы результаты раскопок Болгарского городища 1974–1983 гг. – 126 экз. с городища

© Бугарчев А. И., Ушакова С. В., Фёдорова Е. А., 2025

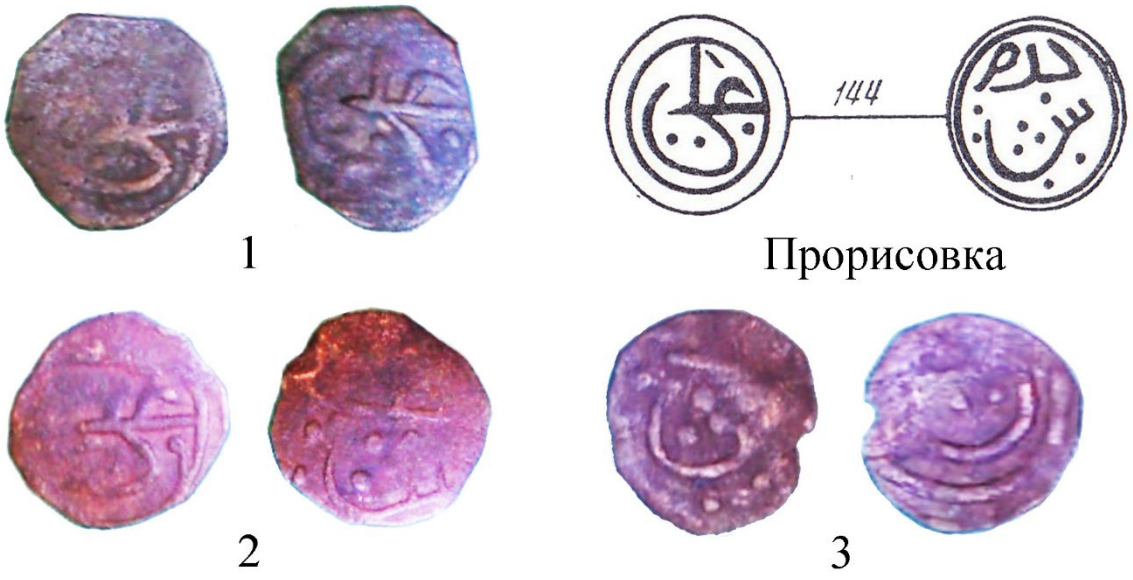

Рис. 1. Опись пулов «Али Дервиш»: *1* – Фонды ГИМ, вес 1,98 г. *2* – Фонды ГИМ, вес 1,74 г. *3* – Фонды ГИМ, вес 1,50 г. (Прорисовка из статьи С. А. Яниной 1958 г.)

и 2 монеты из Ага-Базара [Фёдоров-Давыдов, 1987, с. 201, 203, без метрологии].

Известны находки в Ага-Базаре из БГИАМЗ с указанием метрологии – 32 монеты, подъемный материал с Болгарского городища с указанием веса (работы 1970–2010 гг.) – 46 экз., находки в раскопах[69] – 22 пула.

В раскопе СХСIX[70] Болгарского городища найдено 43 пула «Али Дервиш» [Мухаметшин, Фёдорова, 2016, с. 25].

Единичные находки зафиксированы с Атрясского комплекса, из Джукетау, с селища Чакма. Вне Татарстана известен один пул с Селитренного городища [Клоков, Лебедев, 2002, с. 114, № 127/4]. Данные факты свидетельствуют о том, что монеты «Али Дервиш» обращались только на территории бывшей Волжской Булгарии и почти не выходили за пределы Средневолжского региона.

На сегодняшний день нам известно 172 экземпляра, по которым сохранилась метрологическая информация, что позволяет построить гистограмму (гист. 1).

Максимум 1,0±0,2 г – 43 экз. (25,0 % от всех учтенных экземпляров). Средний вес – 1,28 г. Основная масса учтенных пулов располагается в диапазоне 0,8–1,7 г (116 экз., или 67 %). Это составляет две трети всего комплекса.

Что касается времени выпуска, то, по мнению Д. Г. Мухаметшина, пулы «Али Дервиш» выпускались в конце XIV в. [Мухаметшин, Фёдорова, 2016, с. 22].

Теперь посмотрим, какое место занимали пулы «Али Дервиш» в монетной системе средневекового Булгара.

Самыми распространенными золотоордынскими пулами на археологических памятниках Средней и Нижней Волги являются четыре типа[71] монет:

– «лев и солнце» – выпускались с 737/1336 г. на монетном дворе (МД) Сарай;

– «двуглавый орел» – выпускались с 743/1342 г. на МД Сарай ал-Джадид;

– «розетка» – с 750/1349 г. на МД Сарай ал-Джадид;

– с именем хана Хызра – с 762/1360 г. на МД Сарай ал-Джадид и Гулистан.

По общему числу данные 4 типа составляли большинство среди находок медных

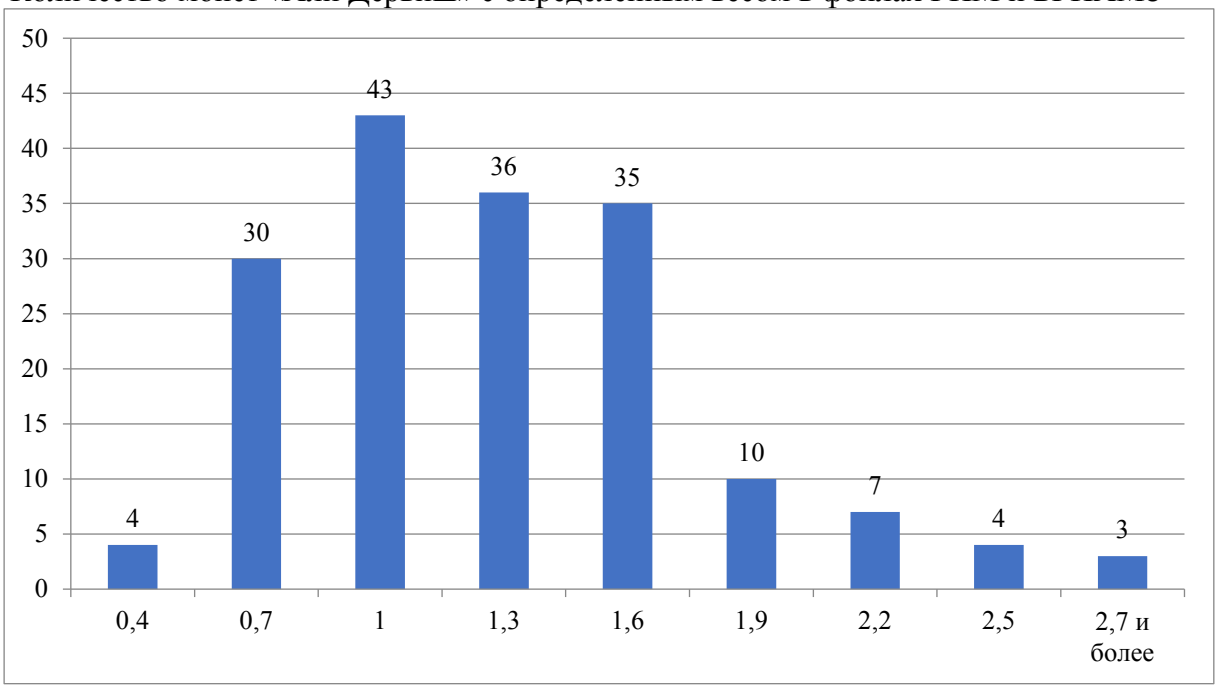
[69] Раскопы городища: LXVIII – 1, LXXXII – 1, LXXXIV – 1, XCIII – 1, XCV – 3, CXXIII – 4, CXXXII – 1, CXXXVII – 1, CXXXIX – 3, CXLI – 1, CXLIX – 2, CLXVIII – 1, CXCII – 1, CXCIX – 1 экз.

[70] Рук. А. Г. Ситдиков, С. Г. Бочаров.

[71] Как критерий типа здесь принимается два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты [Петров, 2010, с. 126].

Гистограмма 1

Количество монет «Али Дервиш» с определенным весом в фонлах ГИМ и БГИАМЗ

монет. Например, в раскопе CLXXIX[72] Болгарского городища из 1 903 медных монет 966 экземпляров – это перечисленные выше типы, что составляет половину от всего «медного» монетного сбора (а точнее – 50,8 %) [Бугарчев, 2020]. Или раскоп CLXII[73] – из 558 пулов 322 экземпляра, или 57 %, – это эмиссии четырех типов в 1330–1360-х гг.

По нашему мнению, указанные 4 типа продолжали обращаться на местных рынках и после 1360 г. Они составляли определенную систему номиналов. Приведем результаты гистограмм:

– «лев и солнце», МД Сарай – 1,2±0,2 г;

– «двуглавый орел», МД Сарай ал-Джадид – 1,2±0,2 г;

– «розетка», МД Сарай ал-Джадид – 1,7±0,2 г;

– «с именем Хызра», МД Сарай ал-Джадид – 2,6±0,2 г [Бугарчев, 2020].

Исследуя монетные находки с Селитренного городища, авторы В. П. Лебедев и В. П. Клоков высказали гипотезу, что пулы «розетка» с указанием МД Сарай ал-Джадид могли выпускаться на разных МД [Клоков, Лебедев, 2002, с. 149]. Есть основание перенести это мнение и на другие типы пулов середины XIV в. – «лев и солнце», «двуглавый орел» и «с именем Хызра».

В первой половине XIV в. основой мелко-розничного монетного обращения служили медные монеты типов «лев и солнце» и «двуглавый орел». В начале 1350-х гг. в обращение был запущен тип «розетка» в полтора раза тяжелее «льва» и «орла». В 1360 г. в значительном количестве – с именем Хызр хана. Последние были в два – два с половиной раза тяжелее пулов 1330–1340-х гг. По нашему мнению, все указанные типы могли обращаться одновременно.

После пулов с именем Хызра, после 762 г. х. (1360–1361 гг.) объемы чеканки на всех монетных дворах Золотой Орды значительно снизились. Для поддержания медного монетного обращения в Булгаре стали активно надчеканиваться пулы предыдущих выпусков. Различные виды надчеканок второй половины XIV в. были рассмотрены в статье Д. Г. Мухаметшина и Е. А. Фёдоровой [Мухаметшин, Фёдорова, 2016]. Кроме этого, в Средневолжском регионе были выпущены два новых типа – пулы «Шонгат» и «Али Дервиш».

[72] Учтено 172 экз. Максимум 1,0±0,2 г, 43 экз. (25,0 %).

[73] Рук. В. Ю. Коваль, Д. Ю. Бадеев.

Монеты с легендой «Шонгат», как сейчас установлено, чеканились на территории Атрясинского археологического комплекса (современный Тетюшский район Татарстана) в 60–70-х гг. XIV в. [Степанов, Бугарчев, 2018]. Средний вес известных авторам 17 экземпляров равен 1,8 г. Безусловно, такого количества экземпляров «меди» мало для серьезных выводов, но можно предположить, что пулы «Шонгат» в весовом отношении соответствовали пулам «розетка».

Монеты с легендой «Али Дервиш» более многочисленны. И данные гистограммы отражают реальные цифры технического задания, по которому они выпускались. Вполне возможно, что данные монеты заменили (или дополнили) пулы «лев и солнце» и «двуглавый орел».

Таким образом, мы видим, что в Булгарском регионе во второй половине XIV в. чеканка не прекратилась. Кроме надчеканивания старых монет, были в ограниченном количестве выпущены региональные эмиссии – пулы «Шонгат» и «Али Дервиш». На старых монетных дворах Сарай и Сарай ал-Джадид чеканки дирхамов и пулов продолжалась на протяжении всей второй половины XIV в. Появлялись новые монетные дворы, например, Орда, Хаджи-Тархан, ал-Джадид и другие. Все вместе они составляли монетную систему и функционировали с разной степенью интенсивности на протяжении 80 лет – с 1320-х гг. до конца XIV в.

Список источников

Бугарчев А. И. Предварительные итоги изучения нумизматического материала раскопа CLXXIX Болгарского городища // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 8–11.

Бугарчев А. И., Пахомова С. Г. Нумизматический материал из Ага-Базара // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара: СГСПУ, 2018. С. 277–279.

Клоков В. Б., Лебедев В. П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. М.: Информэлектро, 2002. Вып. IV. С. 73–165.

Мухаметшин Д. Г., Фёдорова Е. А. Нумизматический материал из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // Нумизматика Золотой Орды. 2016. № 6. С. 18–32.

Петров П. Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. Вып. 3. С. 121–149.

Степанов О. В., Бугарчев А. И. О монетах с топонимом «Шонгат» // Туган жир – Родной край. 2018. № 4. С. 83–85.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 158–204.

Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1954. № 42. С. 424–484.

Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1958. № 61. С. 392–423.

Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1960. № 80 С. 210–224.

Д. Э. Василиненко
НАО «Наследие Кубани»,
Краснодар, Россия

МОРСКИЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ В ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Склады пифосов IX–X вв. и отдельные находки тарных сосудов маркируют маршрут каботажного плавания вдоль восточного берега Черного моря. Транзитным грузом являлась нефть, перевозимая в Трабзон. Этим же маршрутом доставлялись грузы в центры фемы Анакопия-Сотириуполь. Маршрут контролировался фемой Эвксинского Понта.

Ключевые слова: Восточное Причерноморье, средневизантийское время, склады пифосов, каботажная торговля, фема Анакопия-Сотириуполь

Обособленные скопления пифосов численностью до нескольких десятков штук (т. н. «склады») обнаружены в Северо-Восточном Причерноморье в непосредственной близости к бухтам, наиболее пригодным для отстоя судов.

Ранее известные склады были отнесены к XII–XIII вв. [Армарчук, 2017, с. 6, 11–15; Дмитриев, 2008, с. 319]. Хронологические позиции тарных сосудов из складов, открытых в последнее время, позволяют датировать их последней четвертью XI – второй половиной XIII в.

На территории поселения Варваровка-3 (г.-кур. Анапа) также известен единственный более ранний склад пифосов, датированный IX–X вв. [Василиненко, Жупанин, 2023, с. 54–64].

Известны случаи трансчерноморских перемещений пифосов, используемых как тара для транспортировки различной продукции, а также для хранения провианта и воды в поздневизантийское время.

В этом отношении небезынтересны пифосы из груза судна, затонувшего во вт. пол. XIII в. бухте Судак-Лимен. В составе груза – пифосы крымского производства и пифосы, аналоги которых были отмечены среди керамической продукции Абхазии [Зеленко, Тимошенко, 2016, с. 67–70, 73, рис. 1d; Тесленко, 2015, с. 145, 146, 151, рис. 9. 2].

Представляется, что совместное нахождение крымских, абхазских и местных причерноморских тарных сосудов в складах Северо-Восточного Причерноморья маркирует маршрут каботажной торговли, проложенный в предшествующий период.

Фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (далее – ВКПР) конца IX–XI вв. были обнаружены в трех кораблекрушениях на Южном берегу Крыма. По мнению ряда исследователей, данный вид тары предназначался для транспортировки нефти с побережья Таманского полуострова.

Нахождение ВКПР в комплексах из квартала Сарачхане в Стамбуле, датированных сер. X – вт. пол. XI вв., предполагают поступление их сюда морским путем [Лебединский, Гинькут, Пронина, 2022, с. 169, табл. 1; Науменко, 2009, с. 57; Науменко, 2019, с. 84].

В географии ал-Идриси упоминаются два направления морских навигаций по Черному морю: транзитный прямой путь Трапезунд – Матарха и от Трапезунда вдоль восточного побережья к Матархе.

Нахождение ВКПР в кораблекрушении у м. Херсонес свидетельствует о том, что часть грузов нефти поступала в Трабзон и Синопу по основным, оптимальным транзитным путям [Лебединский, Гинькут, Пронина, 2022, с. 163, рис. 3].

Однако нахождение небольшого количества фрагментов ВКПР в культурных слоях и комплексах этого времени в Восточном Причерноморье (поселение Варваровка-3, замок Баграта, крепость Анакопия) свидетельствует о перевозках нефти как транзитного груза и по каботажному маршруту вдоль восточного побережья

© Василиненко Д. Э., 2025

[Василиненко, Жупанин, 2023, с. 60–62, рис. 7. 11–13; Бгажба, 1977, с. 15, 16, рис. 2].

Этим же маршрутом в пифосах перевозились иные грузы, комплектуемые по маршруту передвижения судов.

Следует отметить серию пифосов, плечики которых оформлены реберчатыми выступами, дополненных рядом округлых налепов с пальцевыми вдавлениями [Тесленко, 2015, с. 127, рис. 1. 4, с. 135, 138, рис. 10. 4; Якобсон, 1979, с. 115, рис. 71. 3, с. 117]. Морфология этих пифосов указывает на их крымское происхождение. Согласно классификации И. Б. Тесленко, они отнесены к группе II, появление которой датируется XII–XIII вв. [Тесленко, 2015, с. 146, 154].

Схожие пифосы известны в Приазовье (Таманское городище) и Восточном Причерноморье, на поселении Малый Утриш [Армарчук, 2017, с. 12, рис. 1:4; 2; 3:2], недавно открытых «складах» пифосов в районе Голубой бухты (г.-кур. Геленджик).

Близкие пифосы, определенные как крымские импорты, были выявлены при раскопках дворца в с. Лыхны в Абхазии. Здесь они были перекрыты слоем пожара, который датирован кладом монет конца 70-х гг. XI в. [Хрушкова, 1998, с. 42, рис. 29, 30].

Нахождение фрагментов ВКПР на территории Анакопии, импортных крымских пифосов в непосредственной близости к ней свидетельствует о том, что она могла являться одним из пунктов каботажного плавания при транзите нефти.

Византийское присутствие в Анакопии подтверждено лапидарными надписями, датированными 898/899, 914, 929 гг.

Согласно сфрагистическим данным во вт. четв. – сер. XI в. Анакопия была объединена в одну фему с Сотириуполем, находящимся в Южном Причерноморье.

Еще одним пунктом византийского присутствия к северу от Анакопии, вероятно, мог быть некий центр близ устья реки Мзымты, маркируемый рядом христианских храмов [Виноградов, Белецкий, 2015, с. 276].

Не исключено, что эта территория в сер. – третьей четв. XI в. также входила в состав фемы Анакопиии и Сотириуполя [Искусство Абхазского царства..., 2011, с. 83; Виноградов, 2020, с. 149].

Предположительно, около 1075 г. византийцы теряют Анакопию и земли к северу от нее [Виноградов, 2020, с. 145–150].

Авторы предполагают, что целью каботажного плавания вдоль восточного берега Черного моря при транзите нефти в Трабзон могло быть снабжение продовольствием двух вышеупомянутых пунктов.

Закупка продукции в Северо-Восточном Причерноморье могла быть обусловлена меньшей стоимостью товаров здесь, нежели в Крыму. В окрестностях с. Гай-Кодзор, в 8 км к северо-востоку от с. Варваровка, ранее были обнаружены два монетных клада X–XI вв., что может характеризовать этот регион как в определенной мере крупный торговый центр [Василиненко, Жупанин, 2023, с. 62].

Возможно, что предпосылкой к организации каботажного маршрута, связывающего фемы Херсона и Сугдеи, Анакопии и Сотириуполя, могло являться создание фемы Эвксинского Понта, упомянутой в Эскуриальском тактиконе, составленном в 971–975 гг. Эта фема существовала и позже, в XI в. [Степанова, 2022, с. 243–246]. Кроме выполнения основной функции – прикрытия византийской столицы с севера – она могла контролировать и морские перевозки между этими фемами.

В дальнейшем возникшие в средневизантийское время портовые пункты функционировали во время Трапезундской империи и генуэзской Газарии, вплоть до посл. четв. XV в., о чем можно судить по наличию в составах некоторых складов фрагментов глазурованных красноглиняных сосудов, орнаментированных сграффито, и пифосов группы III по классификации И. Б. Тесленко [Тесленко, 2015, с. 136–138, 146].

Список источников

Армарчук Е. А. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 95 с.

Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми: Алашара, 1977. 80 с.

Василиненко Д. Э., Жупанин О. Ф. Комплекс средневековых пифосов на территории поселения Варваровка-3 // Древности Боспора. 2023. Т. 28. С. 54–64.

Виноградов А. Ю. Toponymica Pontica. Анакопия // Homo omnium horarum: сб. статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. М.: Изд-во ун-та Дмитрия Пожарского, 2020. С. 141–155.

Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М.: Индрик, 2015. 372 с.

Дмитриев А. В. Средневековые пифосы из Новороссийска и его окрестностей // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Вып. VIII. С. 319.

Зеленко С. М., Тимошенко М. Э. Пифосы с места обследования средневековых кораблекрушений в бухте пгт. Новый Свет (Крым) // Судакский сборник. Феодосия: Арт Лайф, 2016. Вып. 1. С. 66–73.

Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / А. С. Агумаа, Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов, Е. Ю. Ендольцева; отв. ред. Е. Ю. Ендольцева. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 272 с.

Лебединский В. В., Гинькут Н. В., Пронина Ю. А. Мореплавание в Северном Причерноморье в контексте средиземноморской морской торговли во второй половине X – начале XIII вв. (по данным исследованных кораблекрушений) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 1. С. 157–181.

Науменко В. Е. Керамика и находки из слоев и строительных комплексов VIII–X вв. // Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь, 2009. Т. I. С. 31–74.

Науменко В. Е. О боспорской нефти Константина VII Багрянородного и византийском «греческом огне»: археологические свидетельства // Вестник ВолГУ. 2019. Т. 24. № 6. С. 81–89.

Степанова Е. В. Печати Эвксинского Понта // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 29 мая – 2 июня 2022 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 243–246.

Тесленко И. Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 125–162.

Хрушкова Л. Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.: Наука, 1998. 112 с.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

М. Ю. Гончаров
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник им. А. А. Горбенко, Азов, Россия

КОМПЛЕКС ЖИЛИЩ XIV В. ИЗ РАСКОПОК ПО УЛ. ИЗМАЙЛОВА, 48 В Г. АЗОВЕ В 2016 Г.

Аннотация. В статье рассматриваются два жилища разных типов из раскопок в центральной части Азака, датируемые XIV в. Они примечательны своими размерами и некоторыми конструктивными особенностями, и их изучение позволяет расширить наши знания о жилищном строительстве и городской застройке Азака.

Ключевые слова: Золотая Орда, Азак, жилище, землянка, тандыр, печь

Золотоордынское городище Азак, лежащее под современным городом Азовом, по средневековым меркам было довольно крупным городом. Благодаря многолетним раскопкам в городе мы знаем, что для Азака, как и для многих средневековых городов, была характерна плотная застройка. А. Н. Масловский оценивает численность населения города приблизительно в 54 тыс. человек, а площадь города в 363 га [Масловский, 2024, с. 244–247]. Это довольно многочисленное население проживало в жилищах различного типа: наземных, землянках и полуземлянках. Хотя нами накоплен значительный материал о жилых комплексах Азака, их изучение остается актуальным, т. к. каждый новый подобный объект дополняет наши знания о городе и позволяет точнее реконструировать его облик.

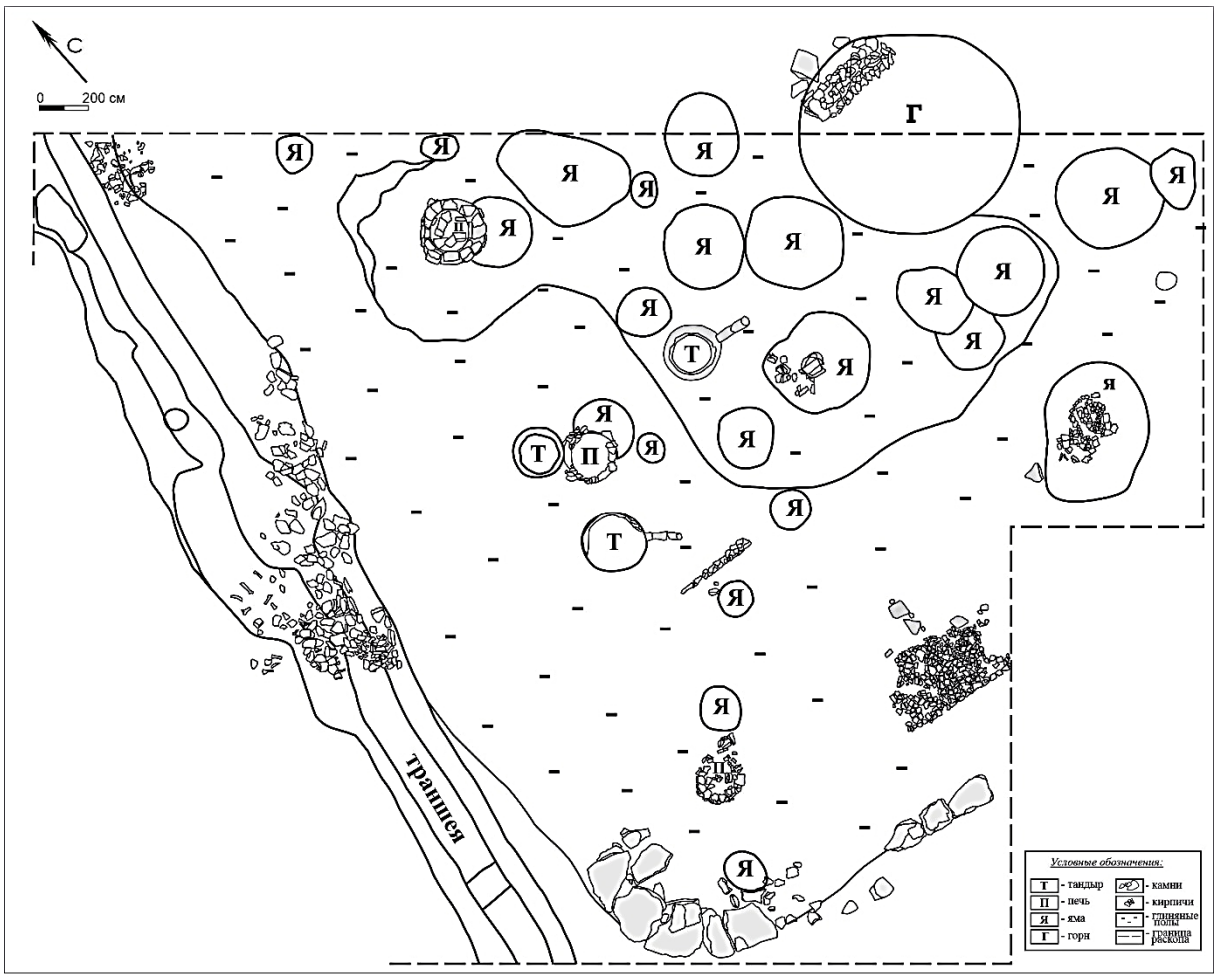
В этой связи заслуживает особого внимания раскоп по улице Измайлова, 48, от-

© Гончаров М. Ю., 2025

носящийся к центральной части городища, ожидаемо оказавшийся весьма насыщенным интересными материалами. Раскоп не был закончен из-за запутанных махинаций и судебных тяжб застройщика. Выданный нам в начале небольшой аванс быстро закончился, а дальнейшее финансирование прекращено. Однако обнаруженные комплексы были настолько интересны, а находки многочисленны, что было решено продолжать раскопки за счет собственных резервов, пока участок не опечатали. Было неясно, сколько отведено нам времени, и мы стремились выбрать все уже вскрытые комплексы. Наземные жилища большой площади расчищались обширными участками, которые после изучения прокапывались до материка.

Изначально предполагалось провести раскопки на площади 1 512 кв. м, реально удалось вскрыть 728 кв. м, где были исследованы 5 жилищ. Особый интерес представляют земляночное жилище 2 и наземное 3. Жилище 2 представляло собой выкопанную в материке глубокую прямоугольную землянку, стенки которой прослежены на глубину до 2,2 м. Мы полагаем, что это подвал большой усадьбы. В юго-восточной стенке жилища в материке был сделан пандус, переходивший в две высокие ступеньки. С боков пандус ограничивали две приземистые стенки, вырезанные в материке. В пределах раскопа удалось проследить ширину комплекса по оси ЮВ – СЗ, которая составила 10,5–13 м (последнее значение – с учетом пандуса). На дне жилища 2 обнаружены 2 ямы. К северо-востоку, рядом с пандусом, на материке была обнаружена нижняя часть тандыра, дно которого было выложено из плинфы. Возможно, данный комплекс связан с верхним уровнем жилища 2. Впоследствии подвал был засыпан, а на засыпи возведена подквадратная в плане кирпично-каменная постройка. В ней были вторично использованы детали от разных построек, скрепленные глиняным раствором, среди которых выделяется фрагмент полого каменного блока с отверстием светового колодца.

В 2-3 метрах к северо-западу от подвала располагалось жилище 3 (рис. 1), обнаруженное неглубоко от современной дневной поверхности, почти сразу под асфальтом. Видимо, в пределах раскопа была изучена большая часть комплекса, его ширина по линии З – В составила до 17 м. Жилище-3 было построено не на материке, а на слое погребенной почвы, верхним горизонтом которой выступал утрамбованный черно-серый грунт, характерный для нижнего слоя мостовой. В местах, где устанавливались тандыры или печи, выкапывались впущенные в материк округлые котлованы большего, чем комплексы, диаметра. Стенки печей и тандыров из обожженной глины или кирпича дополнительно обкладывались сырцами или обмазывались сырой глиной. После их установки поверх слоя погребенной почвы настилались глиняные полы мощностью 0,3–0,6 м. На некоторых участках полов стратиграфически фиксировались прослойки черно-серого гумусированного суглинка, т. е., видимо, полы настилались насколько раз. Данный комплекс имел производственное значение. В пользу этого предположения говорит отсутствие внутри суфа, канов и тошнау. Зато здесь были найдены 3 печи для выжигания древесного угля, в одной из них даже нашли образцы продукции. Также были найдены 3 тандыра. Следов деревянных конструкций – столбов, настила и др. – в жилище не зафиксировано, что может быть связано с пожарной безопасностью, учитывая количество источников огня. С запада вдоль границ жилища прослежены остатки конструкций из необработанного камня, возможно, завал основания стены. К стенам примыкал участок уличной мостовой, состоявшей из мощного слоя костей крупного рогатого скота, фрагментов керамики, камней и кирпича. Мостовая, стена и край полов перекрывали заполнение глубокой и широкой ливнесточной траншеи, пересекавшей раскоп по диагонали с юга на север. По всей видимости, создание такого большого комплекса потребовало перестройки центральной части города. Кроме засыпанной траншеи, возможно, была застроена одна из городских площадей – отсюда и слой утрамбованного грунта под полами. В южной части жилища была расчищена кир-

1

Рис. 1. План жилища 3

пичная площадка размерами 2,5×1,5 м со ступенькой, лежавшая немного выше уровня полов. Предположительно, данная конструкция связана со входом в жилище. В 1,5 м к югу от площадки исследованы 2 участка каменной кладки протяженностью 2,4 и 4 м, сложенных из массивных плит и блоков, вероятно, остатки южной стены.

Мы отмечаем, что жилищное строительство в Азаке имело свои особенности и рассмотренные комплексы не вполне соответствуют имеющимся классификациям, предложенным, например, В. Л. Егоровым [Егоров, 1970, с. 172–193] или Э. Д. Зиливинской [Зиливинская, 2008, с. 105]. Но, возможно, дело в незавершенности раскопок и том, что наши комплексы имели хозяйственное назначение.

Хотя исследовать весь раскоп не удалось, некоторые выводы все же можно сделать. Несмотря на многолетние исследования, мы продолжаем находить новые типы жилищ и примеры радикальных градостроительных решений. В данном случае мы отметили, что из-за плотной застройки приходилось выкраивать площадь под здания за счет общественных пространств, также засыпались более ранние сооружения. По концентрации печей, горнов и тандыров, а также по тому, как быстро оказался засыпанным глубокий подвал, можно сделать вывод об интенсивной хозяйственной жизни Азака.

Список источников

Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая: по материалам раскопок 1959–1965 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. Поволжье в Средние века. М.: Наука, 1970. № 164. С. 172–193.

Зиливинская Э. Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Изд-во Астр. ун-та, 2008. 171 с.

Масловский А. Н. О численности населения золотоордынского Азака и его округи // Археология евразийских степей. 2024. № 2. С. 241–251.

О. М. Громоздова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена территориальному распространению поясных гарнитур XIII–XIV вв. в Сибири. Анализируются археологические находки из различных регионов, включая Приобье, Енисейскую Сибирь и Забайкалье. Рассматриваются формы, материалы и орнаменты наборных поясов, их символическое значение. Выделяются особенности взаимодействия регионов с имперской администрацией.

Ключевые слова: Сибирь, Средневековье, монгольское время, наборные пояса

С образованием империи Чингисхана в 1206 г. на территории Евразии происходят значительные политические, социально-экономические и культурные изменения. В стороне от этих процессов не осталась и территория Сибири, включая Приобье, Енисейскую Сибирь и Прибайкалье. В исторических источниках содержатся сведения об интеграции этих территорий в Монгольскую империю, однако часто они носят фрагментарный характер, и археологические памятники остаются ключевыми источниками о тех событиях.

В предметном комплексе XIII–XIV вв. выделяется категория вещей, носящих символический характер. К ним относится и наборный пояс, который отражал положение его владельца в обществе. Он являлся символом власти и свободы. Важен был и процесс раздачи поясов, поскольку с его помощью закреплялся сюзеренитет.

Поясная гарнитура монгольского времени включала в себя черты искусства покоренных территорий. Особенности формы поясов выделил М. Г. Крамаровский на материалах Улуса Джучи: крупные сабельные обоймы с петлей и подпрямоугольный наконечник, часто посаженные лунницы и двухчастная пряжка [Крамаровский, 2002, с. 69]. Не все сибирские материалы сопоставляются с золотоордынскими, не только в силу местных особенностей торевтики, но еще и потому, что часто встречаются лишь единичные элементы гарнитуры из-за грабительских раскопок, что затрудняет реконструкцию облика целого пояса.

В сибирских памятниках поясные гарнитуры представлены многообразием форм, материалов и сюжетов (рис. 1). В двух могильниках Томского Приобья – Басандайском и у устья Малой Киргизки – были обнаружены наборные пояса с бляхами-обоймами [Басандайка, 1947, с. 155], бронзовая бляха с растительным орнаментом и остатки пояса с кожаными и бронзовыми бляхами [Плетнева, 1997, с. 58, 65]. В Новосибирском Приобье на гарнитуры богат могильник Высокий Борок: в нем выявлены части трех поясов: железные бляхи с круглыми щитками, с растительным орнаментом, а также бронзовые четырехлепестковые бляхи [Адамов, 2000, с. 56]. В могильнике Кротово-15 при раскопках были обнаружены бронзовые бляхи-обоймы, лунницы и пряжка. Отдельные элементы пояса обнаружены на памятниках Седова Заимка-2 и Красный Яр-1. В Среднем Причулымье в Калмакском могильнике найдены нефритовые бляхи с круглым щитком.

На Алтае находки поясных наборов известны на двух памятниках. В их числе комплекс Кармацкий, по которому А. А. Тишкиным было дано название местной культуре монгольского времени. Здесь обнаружены остатки пояса с бронзовой пряжкой и бляхами [Тишкин, 2020, с. 230]. Схожий облик угадывается в предмете из могильника Красноярское I [Гаврилова, 1965, с. 6].

Приенисейская Сибирь стала местом концентрации элементов поясной гарнитуры XIII–XIV вв. Наборный агальматолитовый пояс из могильника Часовенная

© Громоздова О. М., 2025

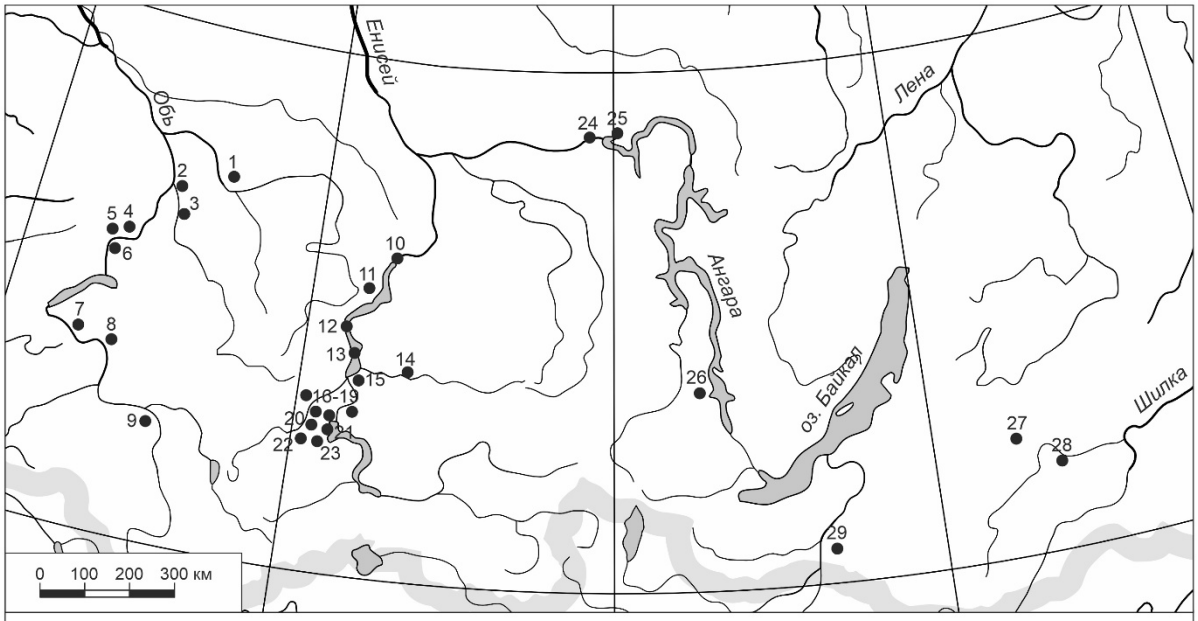

Рис. 1. Карта распространения наборных поясов монгольского времени на территории Сибири

Гора был обнаружен вместе с роскошным сопроводительным инвентарем [Там же, с. 73]. Регион Хакасско-Минусинской котловины богат на находки частей пояса. Часть из них опубликована – предметы из деревни Быстрой [Савинов, 1990, с. 123] и могильника Койбалы I[74]. Однако существует массив предметов, которые отражения в публикациях не нашли. Речь идет о фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, в которых хранятся бляхи-обоймы с различными орнаментами (в основном фонде – 17 предметов). В Туве наборные пояса встречаются на памятниках Урбюн I [Савинов, 1990, с. 120] и Аймырлыг-2 [Овчинникова, 2018, с. 153].

В Нижнем Приангарье в инвентаре могильника Проспихинская Шивера IV насчитывается шесть поясов [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015, с. 117]. Вблизи от него расположен другой могильник – Чадобец – с четырехлепестковыми бляхами-обоймами [Там же]. В верхнем течении Ангары известен один из немногих случаев нахождения поясной бляхи на поселении в устье р. Унги [Окладников, 1971, с. 15].

Восточное Забайкалье – территория, наиболее приближенная к очагу зарождения Монгольской империи. В местных памятниках – в Ильмовой пади [Гаврилова, 1965, с. 75], Воробьиной пади и Ундугунском могильнике [Кириллов, 1979, с. 95] – также обнаружены части наборных поясов. Здесь преобладают бляхи квадратной формы, что отличает их от других сибирских коллекций.

Аналогии прослеживаются между предметами из сибирских памятников, связи можно усмотреть и с вещами из Улуса Джучи. Так, бляха-обойма с растительным орнаментом в могильнике у устья Малой Киргизки идентична бляхе, происходящей из грабительских раскопок под Канском. Поясные бляхи из Кармацкого могильника на Алтае аналогичны находкам из Нижнего Приангарья [Тишкин, 2020, с. 233], фрагмент идентичного изделия хранится в Зеленогорском музейно-выставочном центре (№ 1867/14). Часовенногорские бляхи похожи на предметы из Бейского

[74] Скобелев С. Г. Кыргызы Среднего Енисея под властью монголов (по археологическим свидетельствам) [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. 2001. URL: https://zaimka.ru/skobelev-kyrgyz/ (дата обращения: 21.01.2025).

района Хакасии и могильника Проспихинская Шивера IV. Изображения на ангарских бляхах-обоймах идентифицируются с общеимперским сюжетом «лань под раскидистым деревом» и т. д.

Таким образом, можно выделить регионы Сибири, где концентрируется наибольшее количество поясных наборов. В первую очередь это Енисейская Сибирь и Приобье. Такое распределение может быть объяснено разными причинами: от особенностей взаимодействия с монгольской администрацией до слабой изученности и малого количества материала, введенного в научный оборот. В Сибири самыми частыми материалами для изготовления поясов были бронза, железо, кость и рог. Случаи использования золота и серебра единичны и в основном в качестве покрытия, в отличие от Улуса Джучи. Наиболее распространены растительные орнаменты (в оформлении поясов мастера часто обращались к мотиву четырехлепесткового цветка) и геометрические (многие бляхи имеют форму круга, либо из кругов составлены композиции на щитке). Анималистические сюжеты встречаются в основном в Хакасско-Минусинской котловине и в Приангарье, что, вероятно, говорит об особенности этих регионов для имперской власти, поскольку изображения животных могли носить только представители военной администрации. Для более глубокого анализа необходимы дальнейшие изыскания в музеях и введение их материалов в научный оборот, а также комплексный анализ материалов XIII–XIV вв.

Список источников

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. 256 с.

Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. 308 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и в Средневековье. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1979. 96 с.

Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи: От Калки до Астрахани. Казань: Ин-т ист. АН РТ, 2002. С. 43–75.

Овчинникова Б. Б. Могильник Аймырлыг-2 – наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 149–155.

Окладников А. П. Прошлое Приангарья в свете археологии // Быт и искусство населения Восточной Сибири. Приангарье. Новосибирск: Наука, 1971. Ч. 1. С. 7–27.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 114–131.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в Ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2 (43). С. 116–125.

Тишкин А. А. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических деталей наборного пояса монгольского времени из памятника Кармацкий (Верхнее Приобье) // Археологические вести. 2020. № 26. С. 230–235.

А. Т. Дукомбайев
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

СЫРЦОВАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ЧАСТЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Памятники культовой архитектуры, сложенные из сырцового кирпича, являются важными объектами историко-культурного наследия. Концентрация мавзолеев в определенных регионах считается археологическим показателем избранности территории. Традиция возведения мавзолеев в степях Казахстана берет свое начало с эпохи Золотой Орды, возраст составляет 800 лет.

Ключевые слова: культово-мемориальные сооружения, купольное перекрытие, Алиптомар, Калпе Кажы

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта грантового финансирования AP26101503 «Междисциплинарные исследования золотоордынских культовых мемориалов Сарысу-Тенгизского водораздела».

Культово-мемориальные сооружения, сложенные из сырцового кирпича, являются важными объектами историко-культурного наследия. В результате археологических исследований наибольшее скопление памятников архитектуры обнаружено в Центральном и Северном Казахстане: на территории Тенгиз-Коргалжынской впадины (оз. Тенгиз, Коргалжын, Кокай, Султанкельды, Есей, Биртабан, Шолак, Шалкар, Балыксор, Коктал, Жумай, Кумколь), Нура-Ишимского междуречья (р. Нура, Ишим) и Сарысу-Тенгизского водораздела (р. Сарысу, Куланотпес, Жаксы Кон, Жаман Кон, Ащылы, Сары-Кенгир, Кара-Кенгир Терисаккан, Кыпшак, Керей, оз. Сулуколь, Сауманколь, Киякты).

Самые первые упоминания и описания культово-мемориальных сооружений Центрального и Северного Казахстана отмечены в трудах путешественников и разведывательных экспедиций – П. И. Рычков, Н. Витзен, Г. Ф. Генс, И. П. Шангин, Г. И. Спасский, С. Б. Броневский, А. И. Левшин, М. Красовский, Ч. Ч. Валиханов, И. А. Кастанье, Л. Ф. Семенов, А. А. Шахматов, Г. Г. Герасимов, А. Х. Маргулан, М. К. Хабдулина, Э. Р. Усманова, Т. Н. Смагулов.

Элитарность мемориальных ансамблей обосновывается красотой декора, строгостью и простотой формы и стиля и расположением на особом, сакральном, участке транспортной евроазиатской торговой магистрали. Этот участок являлся местом отдыха казахских кочевий перед ежегодным преодолением безводного пространства Бетпакдалы и после него.

Концентрация архитектурных мемориалов отражает тот факт, что археологическим показателем избранности территории выступают культовые сооружения – мавзолеи. Степень обжитости магистралей демонстрируют примыкающие к мавзолеям поселения, города, кыстау-зимовки.

Территория Тенгиз-Коргалжынской системы озер и верховья реки Нуры считались благоприятными для расселения как в прошлом, так и в настоящее время.

Мы имеем возможность изучать традиции и архитектурные особенности, проводить культурные аналогии благодаря исследованиям мавзолеев XVII–XX вв.

В ходе проведения археологической разведки были найдены 24 сырцовых мавзолея. Сырцовые мавзолеи разнообразны по архитектуре, возведены над захоронениями известных личностей своей эпохи. Многие мавзолеи частично или полностью разрушены под воздействием атмосферных факторов, таких как дожди, ветер и перепады температур, которые негативно влияют на их сохранность. Несмотря на свою хрупкость и уязвимость перед воздействием атмосферных и антропогенных факторов, культово-мемориальные сооружения сохранились до наших дней и продолжают удивлять своей практичностью и эстетическим совершенством.

© Дукомбайев А. Т., 2025

В обнаруженных мавзолеях можно выделить некоторые сходные черты. Материалом для их возведения во всех случаях послужил кирпич-сырец – крайне недолговечный строительный материал. Культовые объекты располагаются на территории старинных казахских кладбищ (зиратов), как правило, на возвышенных местах, караванных дорогах и около речки или озера. В условиях довольно плоского рельефа Тенгиз-Коргалжынской впадины мавзолеи видны со значительного расстояния и могли в свое время могли использоваться в качестве ориентиров [Байпаков, Хабдулина, Варфоломеев, 2011, с. 107].

Мавзолеи в плане округлой, квадратной, пирамидальной и подпрямоугольной форм. Можно также выделить портально-купольные и беспортальные, однокамерные и двукамерные (основная часть и привходовая пристройка) мавзолеи (рис. 1) [Герасимов, 1957, с. 50; Зиливинская, 2014, с. 142–165].

В рамках данного исследования привожу описание двух сырцовых мавзолеев: Алиптомар и Калпе Кажы.

Мавзолей Алиптомар. Географические координаты: N 50° 33′ 22.87″, E 70° 7′ 36.90″, H – 345,2 м.

Мавзолей Алиптомар – памятник культовой архитектуры Казахстана XIX–XX вв. Расположен в открытой степной местности, на небольшой возвышенности, в 8 км к юго-востоку от с. Коргалжын Коргалжынского района Акмолинской области. В 2006 году памятник обследовался отделом свода научно-исследовательских и проектных работ филиала Республиканского государственного предприятия «Казреставрация» под руководством Г. Камаловой. Мавзолей округлый в плане, диаметр наружный – 6,8 м, внутренний – 3,8 м, высотой 7 м. Мавзолей имеет купольное перекрытие, судя по сохранившейся части, – сферический, на 70 % руинирован. Толщина стен – 1,5 м (4 кирпича), сложен из сырцового кирпича, размерами 31×22×10 см и 36×36×10 см. Входной проем фиксируется полуциркульным порталом, вытянутым по высоте опорных стен мазара. Внутри на высоте 15-го ряда имеются две ниши в виде треугольных арок размером 31×40 см и глубиной 36 см. Вход прямоугольный (высота – 1 м, ширина 0,47 м) [Свод памятников истории..., 2009, с. 450].

История этого мавзолея записана со слов бывшего сотрудника Целиноградского областного историко-краеведческого музея, бывшего директора Музея современного искусства г. Астаны, ныне пенсионера Нелли Викторовны Шивриной. Она услышала легенду о мавзолее от жителя с. Абай Жакена Камбарулы, которому было уже за семьдесят лет в 1980-е гг. По преданию, на нынешней земле Кызылжар жил состоятельный человек по имени Алиптомар. Поскольку одним из пяти столпов ислама является долг мусульманина совершить хадж в Мекку, Алиптомар решился на шестимесячную дорогу. Попрощался со всеми родственниками и близкими людьми и отправился в долгий путь, взяв с собой одного сына. Но по дороге на пятый день паломничества Алиптомар скончался.

Мавзолей Калпе Кажы. Географические координаты: N 49° 46′ 8.64″, E 69° 33′ 9.81″, H – 354 м.

Мавзолей Калпе Кажы расположен на возвышенности в 6 км к северу от с. Баршино Нуринского района Карагандинской области, на правом берегу реки Кон, на территории старого казахского кладбища. Памятник нашли при содействии местного пастуха Боранбая (1967 г. р.), он рассказал нам, что его отец 1914 г. р., рассказывая о мазаре Калпе Кажы, употреблял выражения «Ертеден тур», нам остается только делать предположения о времени воздвижения памятника. Пастух Боранбай нам также поведал о том, что округлые оградки, стоящие в степи помимо зиратов, являлись границами кочевий и выпасов скота.

Мавзолей и прилегающее к нему кладбище находятся на вершине возвышения, с которого открывается вид во все стороны местности.

Мавзолей представляет собой сооружение цилиндрической формы с яйцевидным куполом. Сохранность мазара удовлетворительная. Имеются трещины и частичный смыв кладки стен. Высота стен мазара без купола – 4 м, общая высота мазара с ку-

Рис. 1. Сырцовые мавзолеи XVII–XIX вв.: *1* – Абай, *2* – Ак Едил кожа, *3* – Алиптомар, *4* – Балабейит, *5* – Канықей, *6* – Коргалжын, *7* – Мамбе кажы, *8* – Оркендеу 3, *9* – Кызыл Ту 1, *10* – Кызыл Ту 2, *11* – Жангабыл, *12* – Бигабыл, *13* – Майшоккыр, *14* – Баршынгуль, *15* – Жантеке, *16* – Кызыл-Мешит, *17* – Аккошкар, *18* – Караганды, *19* – Калпе кажы, *20* – Баршын 2, *21* – Акайдар, *22* – Канай, *23* – Сабынды, *24* – Кон

полом – 6,5 м. Размеры входного проема 70×90 см. Толщина стен – 75 см. Характерная особенность мавзолея – наличие сравнительно большого количества оконных проемов размером 15×20 см в стенах и в куполе – всего 19 штук. Проемы расположены группами. В стенах в одном уровне 2 группы: с восточной стороны 3 оконных проема, с юго-западной стороны еще 3 проема. В куполе оконные проемы расположены группами на двух уровнях: с восточной стороны – 5 штук, с юго-восточной стороны – 2 штуки, с юго-западной стороны – 4 проема, с северо-западной стороны – 2 проема.

Сохранение памятников сырцовой архитектуры степи – настоятельная необходимость, т. к. мы имеем исчезающий вид позднесредневекового мемориального зодчества, ведущего свое начало с древних эпох; это важно для понимания развития строительных технологий и архитектурных стилей; способствует популяризации историко-культурного туризма.

Список источников

Байпаков К. М., Хабдулина М. К., Варфоломеев В. В. Культовые памятники Тенгиз-Коргалжынской впадины. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. 208 с.

Герасимов Г. Г. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата: АН КазССР, 1957. 61 с.

Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / отв. ред. Г. М. Камалова. Алматы: Аруна, 2009. 568 с.

Ю. А. Зеленеев
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Россия
Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Казань, Россия

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Аннотация. Западная часть Среднего Поволжья являлась зоной лесостепи. В XIII–XV вв. этот регион входил в северо-западную окраину Золотой Орды, где граничил с Рязанским княжеством по реке Цне. Из золотоордынских городов здесь был только Мохши. В последней трети XIV в. административный центр из Мохши был перенесен ниже по течению реки в замок, который археологически известен как Итяковское городище.

Ключевые слова: Золотая Орда, Мохши, Итяковское городище, мордва, могильники

Лесостепь – это природная зона, которая постоянно изменяла свои границы в зависимости от климатических условий того или иного периода. Кроме того, здесь наблюдаются различные почвы: степные и песчаные. Как правило, именно на песчаных почвах находятся лесные участки [Гроссет, 1930, с. 23]. Например, в Пензенской губернии есть и степные, и лесные участки [Гроссет, 1930, с. 23]. При изменении климата наблюдаются и ландшафтные преобразования, например, в середине XV в. степи были около Рязани [Кириков, 1978, с. 23].

В западной части лесостепного Среднего Поволжья и Поочья мы знаем один археологический памятник, который может относиться к золотоордынским городам XIV в. Это Наровчатское городище, отождествляемое с городом Мохши. В материалах Наровчатского городища (за исключением могильников) нет вещей ранее XIV в. Отнесение его к XII–XIV вв. ошибочно [Белорыбкин, 2022, с. 152].

© Зеленеев Ю. А., 2025

Не существовало в Западном Поволжье и Улуса Мухши или Мордовского улуса. Слово «улус» в свободном переводе звучит как «народ-государство». Чингисхан выделил в улус земли на западе своему сыну Джучи. Впоследствии земли джучидов делились на улусы-уделы, но этот процесс не был быстрым, по крайней мере, в XIII–XIV вв. [Фёдоров-Давыдов, 1973, с. 55].

Наименование же «Мордовский улус» или «Улус Мухши» в источниках не встречается. М. Г. Сафаргалиев пишет об административном центре, который возглавлялся темником, а возникновение города Темникова относит к 1257–1259 гг. [Сафаргалиев, 1960, с. 95]. Мохши мог быть ставкой темника, но археологические материалы показывают существование города не ранее начала XIV в.

Впоследствии, в последней трети XIV в. – первой трети XVI в., возможно, роль города и административного центра переходит к поселенческому памятнику, известному в археологической литературе как Итяковское городище.

Завоевание западной части лесостепного Среднего Поволжья во время похода Бату происходит в 1237–1239 гг. При этом передвижение основных сил завоевателей в конце 1237 г. из анализа письменных и археологических источников не ясно.

После образования Золотой Орды часть лесостепного Поволжья вошла в ее состав. Здесь сформировалась граница между этим государством и зависимыми от него русскими княжествами, которая известна и по письменным источникам, и археологически. Лучше известна граница на северо-западе, с Рязанским княжеством [Зеленеев, 2011, с. 136–138]. Хуже известна граница с Нижегородским княжеством, на севере.

Мордовские поселения в 1221 г., т. е. после основания Нижнего Новгорода располагались южнее реки Сундовик, где, считается, и проходила русско-мордовская граница. А. В. Кучкин пишет, что она проходила по этой реке и в начале XIV в. [Кучкин, 1984, с. 217]. Граница также была нижегородско-ордынской, но очень неустойчивой.

Археологические памятники мордвы – в первую очередь могильники – показывают границу между Ордой и Нижегородским княжеством [Зеленеев, 2022, с. 201].

Продвижение русских князей на юг и восток от Нижнего Новгорода было прервано нашествием Батыя, но не прекратилось. Во второй половине XIV в. при впадении Пьяны в Суру в 1374 г. был заложен Курмыш. Граница Нижегородского княжества переносится в Запьянье. Правда, из источников не совсем понятно, где находилась эта область. А. В. Кучкин говорит о территориях южнее верховьев Пьяны [Кучкин, 1984, с. 227]. Но из текстов источников вытекает, что Запьянье – это территория южнее низовьев Пьяны. Это связано со своеобразием реки, которая делает изгиб и впадает в Суру географически сравнительно недалеко от своего истока. В настоящее время этот район называется Межпьяньем. В XIV в. он мог являться пограничным между Нижегородским княжеством и мордвой, то есть Золотой Ордой.

Во время сражения на Пьяне нижегородские и союзные им войска, переправившись через нижнюю Пьяну, вошли на чужую территорию, хотя о том, что это золотоордынские земли, в сюжете не говорится [Библиотека…, 1999, с. 96–99].

Впоследствии нижегородская граница продвигалась на юг, но, скорее всего, несущественно. По крайней мере, в 1401 г. московские войска взяли в плен жену и детей нижегородского князя Семёна Дмитриевича «в татарской земли», которая называлась Цибирца. Современное название с. Чеберчино на р. Чеберчинка в Дубёнском районе Мордовии [Полубояринова, 1978, с. 14]. В географическом отношении это Среднее Посурье.

Таким образом, в западной лесостепной части Среднего Поволжья складывается приграничный район Золотой Орды. Центр его находился в Примокшанье, где формируется административный центр. С начала XIV в. он носит название Мохши, археологическое название – Наровчатское городище. Левобережье Мокши, представлявшее собой свободные от леса участки, занимает степное тюркское население.

Для создания административного центра имело значение не только наличие природных условий, но и то, что южная мордва, судя по источникам, не оказала военного сопротивления нашествию. Видимо, эти факторы сказались на том, что Примокшанье стало северо-западным административным центром Золотой Орды.

Вплоть до Великой замятни существовала довольно стабильная граница между Ордой и Рязанским княжеством.

Иная картина наблюдалась на нижегородско-ордынском пограничье. Археологические и письменные источники не дают данных о влиянии золотоордынского примокшанского центра на территории, расположенные к северу от него. Здесь складывается регион, представленный мордовско-эрзянскими памятниками с непонятным подчинением.

Лесостепь западной части Среднего Поволжья в XIII–XV вв. вплоть до ее южной границы по линии Сызрань – Самара постепенно занимается ведущей земледельческое хозяйство мордвой.

Список источников

Белорыбкин Г. Н. Наровчатское городище и Улус Мухши // Археология Волго-Уралья. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. VI. С. 152–164.

Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. 583 с.

Гроссет Г. Э. Лес и степь. М.: Издание облплана ЦЧО, 1930. 93 с.

Зеленеев Ю. А. Нижнее Примокшанье в XIII–XV вв. (о золотоордынско-рязанской границе) // Золотоордынское наследие. 2011. Вып. 2. С. 136–138.

Зеленеев Ю. А. Посурье, Примокшанье и сопредельные юго-восточные территории // Археология Волго-Уралья. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. Т. VI. С. 197–211.

Кириков С. В. Человек и природа в восточноевропейской лесостепи. М.: Наука, 1978. 183 с.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 354 с.

Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 130 с.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1960. 279 с.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 180 с.

Э. Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия

СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ: КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Аннотация. В работе рассматриваются строительные приемы и материалы, применяемые в каменном строительстве в Золотой Орде. Добыча камня велась закрытым и открытым способом. Известь, необходимую для строительных растворов, получали в результате обжига известняка. Постройки имели глубокий фундамент, кладка стен обычно была панцирной. Здания имели как плоские, так и купольные перекрытия. В строительном деле Золотой Орды прослеживаются влияния Руси, Закавказья и Малой Азии.

Ключевые слова: каменоломни, печи для обжига извести, фундаменты, кладка стен, перекрытия

Общественные и культовые здания в Золотой Орде строили из камня и обожженного кирпича. Каменное строительство получило распространение в районах, где имеется много природного камня. Технология добычи камня с древнейших времен до новейшего времени не сильно менялась. Камень добывался открытым и закрытым способами [Заграевский, 2008, с. 12]. Золотоордынские каменоломни не изучены, но на территории Золотой Орды найдены места выработки камня более раннего времени.

На городище Эски-Кермен исследована открытая каменоломня VI в. [Хайреди-

© Зиливинская Э. Д., 2025

нова, 2016]. Разработка здесь велась непосредственно с поверхности известняковой скалы. Каменоломня закрытого типа домонгольского периода была обнаружена в окрестностях городища Верхний Джулат [Кесати, 2020, с. 359–361]. Учитывая традиционность методов и приемов выработки камня, обе каменоломни дают представление о том, как мог добываться камень для строительства в золотоордынских городах.

Основой строительных растворов для каменного и кирпичного строительства являлась известь, которую получали при пережигании камня. Известняк обжигали в специальных печах цилиндрической формы. В городах Золотой Орды такие печи известны. На Селитренном городище на берегу Ахтубы был раскопан горн для получения извести, который состоял из предтопочной ямы, топочного устья и обжигательной камеры [Пигарев, 2015, с. 80–83]. Подобные печи также были найдены недалеко от Старого Орхея, в Белгороде-Днестровском и на городище Жайык в Западном Казахстане [Чеботаренко, Бырня, 1960, с. 47–49; Кравченко, 1979, с. 130; Калменов, 2014, с. 74–77].

В Волжской Болгарии традиции каменного строительства существовали с домонгольского времени. Известны памятники этого периода, такие как мечеть в Биляре [Халиков, Шарифуллин, 1979], крепость в Алабуге [Нигамаев, 2005, с. 21–22], бани в Муромском городке [Васильев, Матвеева, 1986, с. 180]. В золотоордынский период строительство из камня достигает значительного размаха.

Каменные постройки имели глубокий фундамент. Грунт под фундаментом часто укрепляли вбитыми в него дубовыми сваями. Деревянная субструкция под фундаментом часто встречается в древнерусском зодчестве [Рапопорт, 1994, с. 64–69]. В некоторых случаях под основание фундамента клали глиняную подушку или песчаную подсыпку [Егерев, 1958, с. 387; Беляев, Ёлкина, Лазукин, 2018, с. 52].

Фундаменты зданий клались из грубо оббитых камней на известково-песчанистом растворе. На фундамент устанавливался цоколь здания, состоящий из менее крупных, грубо обработанных камней. Стены фундамента и цоколя выкладывались панцирной кладкой, то есть внешний и внутренний фасы стен были из крупных камней, а пространство между ними забутовано мелкими необработанными камнями, кирпичным и каменным боем. Ряды клались на растворе различного качества: во внешних рядах он был более чистый, известково-песчанистый, а в забутовке – с кусочками кирпича, камня, углей и негашеной извести [Айдаров, 2001, с. 16; Беляев, Ёлкина, Лазукин, 2018, с. 53]. Стены могут иметь уступчатый профиль, как, например, в мечети Болгара и в Черной палате [Полякова, 2001, с. 168]. Стены также выкладывались панцирной кладкой, причем наружный ряд облицовки сложен из обработанных камней, а внутренний – из грубо сколотых, так как предназначен под штукатурку. Пространство между ними, заполненное мелким камнем, обильно заливалось известковым раствором с добавлением песка. По мнению исследователей, такая техника характерна для Закавказья, особенно Армении [Егерев, 1958, с. 367]. В некоторых постройках для увеличения прочности стен и углов в забутовку закладывались бревна.

Перекрытия зданий в Волжской Болгарии были как плоские, так и сводчатые. В частности, мечеть Болгара и часть построек Малого городка имели плоское перекрытие [Егерев, 1958, с. 378–379; Беляев, Ёлкина, Лазукин, 2018, с. 54–70].

Мавзолеи перекрывались куполами. Для облегчения сводов в кладке использован местный известковый туф. Изнутри переход к куполу осуществляется при помощи арочных или пирамидальных тромпов. В мавзолеях кубическое основание переходит к восьмиграннику при помощи «турецких треугольников» – строительный прием, типичный для Малой Азии [Райс, 2004, с. 145]. Снаружи купола имели шатровое покрытие, также характерное для Малой Азии. В банных постройках использовались все виды перекрытий.

Изнутри стены и своды построек покрывались известковой штукатуркой из белого, тонко отмученного раствора на алебастровой основе [Беляев, Ёлкина, Лазу-

кин, 2018, с. 53]. В банях использовался водостойкий раствор и стены окрашивались в красный, серый и синий цвета [Шарифуллин, 2001, с. 230]. Полы в зданиях были деревянными или обмазанными известковой обмазкой. Двери вставлялись без дверной коробки. Освещались здания окнами, в которые вставлялись гипсовые рамы с круглыми оконными стеклами [Валиулина, 2005, с. 57].

Еще одним регионом Золотой Орды, где строительство из камня было преобладающим, являлся Крымский полуостров. Наиболее хорошо изучены строительные и конструктивные приемы, применявшиеся при строительстве медресе в Солхате [Кирилко, 2011]. Стены постройки возведены из местных пород камня – известняка, песчаника и конгломерата. Здание имело фундамент, который не всегда совпадал с плоскостью стены, а мог быть и шире нее. Стены сложены панцирной кладкой, причем главный восточный фасад и дворовые фасады выполнены из гладких тесаных блоков известняка, а остальные части стен – из бута. Для увеличения прочности здания углы его были сложены из крупных, хорошо обработанных блоков. Кладка велась рядами, высота которых зависела от размеров квадров облицовки и угловых конструкций. Между крупными камнями бута была уложена мелкая щебенка, швы заполнены раствором. Кладка велась на известково-песчанистом растворе двух видов. Тыльные и боковые фасады здания были оштукатурены известковым раствором с добавлением растительных волокон.

Помещения медресе были перекрыты сводами. Их основания поставлены на карнизы из одного слоя золотоордынского обожженного кирпича. В зените сводов айванов вставлены специальные замковые камни из тесаных блоков известняка с железными кольцами для подвешивания светильников.

Внутри по периметру двора находилась галерея. Вход в медресе был оформлен массивным порталом, украшенным резьбой по камню. Исследователи единодушны в том, что портал солхатского медресе является образцом сельджукского зодчества и камнерезного искусства.

Анализ строительных приемов, применяемых в каменном строительстве, позволяет сделать вывод, что в строительном деле Золотой Орды прослеживаются черты древнерусского, армянского, малоазийского и, возможно, азербайджанского зодчества.

Список источников

Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 5–150.

Беляев Л. А., Ёлкина И. И., Лазукин А. В. Малый городок: Исследования 1981–1984 и 2011–2015 гг. // Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Казань, М.: ИА им. А. Х. Халикова АН РТ, ИА РАН, 2018. Т. I. 95 с.

Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии. Казань: КГУ, 2005. 278 с.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Кн. изд-во, 1986. 231 с.

Егерев В. В. Архитектура города Болгара // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 61. С. 360–392.

Заграевский С. В. Организация добычи и обработки белого камня в Древней Руси // Русское общество спелеологических исследований. М., 2008. С. 5–28.

Калменов М. Д. Исследования городища Жайык в 2012–2014 гг. // Средневековые города бассейна реки Урал. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2014. С. 64–91.

Кесати З. М. Каменоломни закрытого типа на городище Верхний Джулат // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала: МавраевЪ, 2020. С. 359–361.

Кирилко В. П. Солхатское медресе // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2011. № 6. С. 125–210.

Кравченко А. А. Производственные комплексы Белгорода XIII–XIV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наукова думка, 1979. С. 115–136.

Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 226 с.

Пигарев Е. М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2015. 208 с.

Полякова Г. Ф. Археологическое исследование соборной мечети // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 150–176.

Райс. Т. Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 238 с.

Рапопорт П. А. Строительное производство на Руси X–XIII вв. СПб.: Изд-во РАН, 1994. 160 с.

Хайрединова Э. А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2016. Вып. XXI. С. 193–207.

Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань: ИЯЛИ, 1979. С. 21–46.

Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1960. № 4 (70). С. 45–52.

Шарифуллин Р. Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 217–261.

К. В. Карепин
Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия

СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА КАК ОСОБОЙ ЗОНЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматривается существование в конце XIII–XIV вв. в долине Северского Донца системы поселений, которые концентрируются вокруг нескольких крупных городищ. Прослежена хозяйственная основа существования данных поселений, а также указываются возможности контактов оседлого населения и кочевников в рамках отношений торговли и обмена.

Ключевые слова: Северский Донец, Золотая Орда, поселения, землепользование

В период своего наибольшего расцвета в начале XIV в. Золотая Орда занимала площадь около 6 млн кв. км и была одним из наибольших государств своего времени. На таких пространствах очевидным будет наличие разнообразных природно-климатических условий, а значит, и существование различных систем землепользования с разной организацией поселенческого и хозяйственного пространства. Исходя из этого, возникает необходимость членения территории Золотой Орды на отдельные субрегионы, а также выделения в их рамках и изучения отдельных хозяйственных зон.

Подобной хозяйственной зоной можно считать среднее течение Северского Донца, где для изучаемого периода фиксируется большое количество поселенческих памятников, представленных городищами, селищами, а также сезонными стойбищами. На относительно ограниченной территории мы отмечаем порядка 15 поселений (рис. 1), что указывает на высокую степень заселенности указанного региона во второй половине XIII – XIV вв., что, в свою очередь, ставит перед нами задачу выяснения взаимосвязей данных поселений в рамках построения единой модели землепользования.

Несмотря на наличие значительного числа поселений, ситуация с их изучением далека от завершения. Степень изученности большинства из них ограничивается сбором подъемного материала. В то же время достаточно исследованным является Царино городище у села Маяки Славянского муниципального округа ДНР (рис. 1, *1*) [Кравченко, 2015]. Само городище представляет собой крупный ремесленный центр. Здесь обнаружены следы чугунолитейного производства (заготовки и готовые изделия), изготовления предметов из цветных металлов (мергелевые литейные формы для отливки блесен), косторезного производства. Большое количе-

© Карепин К. В., 2025

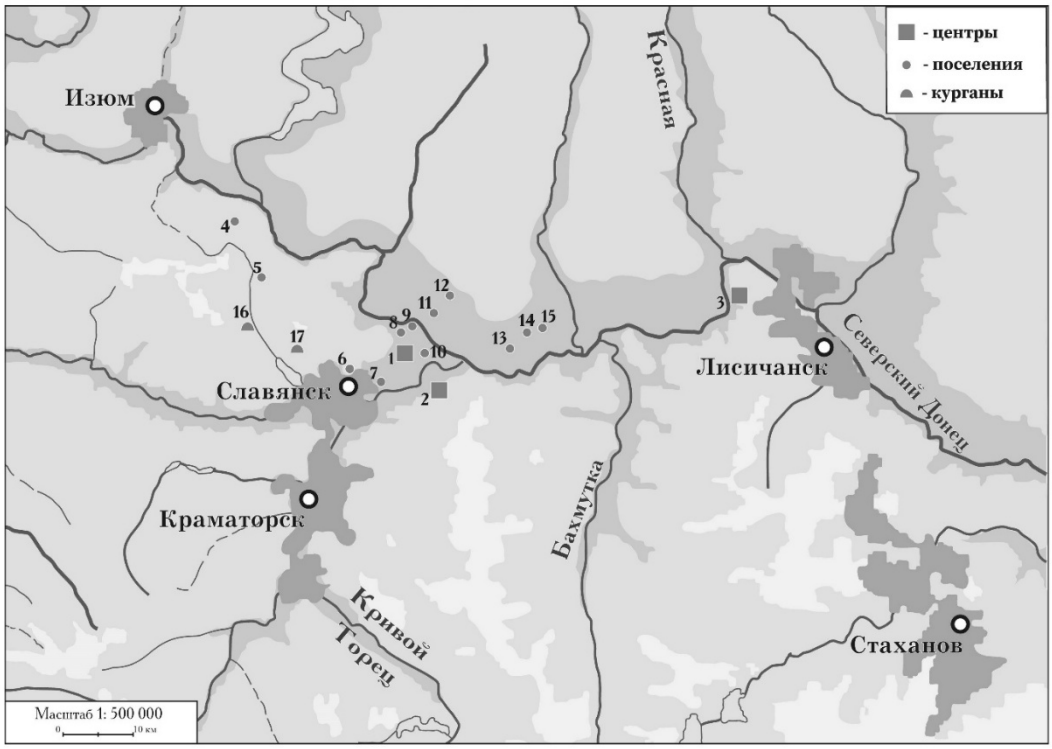

Рис. 1. Поселенческие памятники на территории среднего течения Северского Донца: *1* – Маяки, *2* – Райгородок, *3* – Шипиловка, *4* – урочище Выла, *5* – Краснополье, *6* – Карповка-2, *7* – Славянск, *8* – Сидорово, *9* – Пришиб, *10* – Казачья Пристань, *11* – Правдешино, *12* – Явир, *13* – Зливки, *14–15* – Ямполь

ство монет, а также находки гирь указывают на то, что городище являлось также торговым центром региона. Подтверждается это также и находками предметов импорта, таких как крымская поливная посуда и керамика Азака. И ко всему прочему, ряд находок косвенно указывает на то, что поселение также выполняло функцию административного центра.

Помимо Царина городища в этом же районе располагается Райгородское городище (рис. 1, *2*) – другой золотоордынский центр, обнаруженный в начале XX в. местным священником и археологом Василием Спесивцевым. Находки, происходящие из этого памятника, указывают на довольно высокий уровень развития поселения [Спесивцев, 1905]. К сожалению, после этих работ в дальнейшем исследования не проводились, район стал зоной обширных сельскохозяйственных работ, которые изменили ландшафт и уничтожили большое количество памятников. Следствием этих процессов стало то, что Райгородское городище на сегодняшний день утеряно.

Остальные поселения так или иначе стремятся к этим двум центрам, создавая по отношению к ним своеобразную хозяйственную округу. Подобная округа, хоть и в значительно большем масштабе, фиксируется в районе Азака, крупного золотоордынского центра в устье Дона [Минаев, 2019]. Она же свидетельствует о сложной поселенческой структуре в указанной зоне и о сложных и налаженных связях, позволявших этой структуре существовать. И если говорить об административной подчиненности этих поселений Царину или Райгородскому городищу мы можем лишь умозрительно, то наличие экономических отношений в рамках данной структуры очевидно.

Причем население этой структуры использовало доступные природные ресурсы с максимальной выгодой для себя, оставаясь при этом довольно самодостаточным. Так, расположение вдоль течения Северского Донца обуславливало занятие населения в рыболовецком промысле. Причем этот промысел был настолько организован, что здесь же на месте производился не только лов рыбы, но и изготовление снастей. Так, на одном из прилегающих к Цариному городищу поселений были обнаружены специфические блесны из цветных металлов, уже упомянутые литейные формочки для них, в свою очередь, были найдены в ходе иссле-

дования Царина городища [Кравченко, 2009]. С другой стороны, наличие земледелия в регионе требует дополнительных доказательств, поскольку обнаруженные на Царином городище земледельческие орудия вполне могут относится к предшествующим периодам.

Стоит также отметить, что в этом районе также были найдены курганные захоронения интересующего нас периода. Кроме этого, часть поселений имеет ряд признаков, по которым их можно определить в качестве сезонных стойбищ кочевников. Все это, вкупе с недавно обнаруженным памятником у села Шипиловка ЛНР (рис. 1, *3*), который трактуется авторами открытия как кочевая ставка хана Булака [Санжаров, 2018], указывает на присутствие вместе с оседлым населением и кочевого элемента, которые, очевидно, имели налаженные связи между собой. Вероятно, между ними происходил обмен, следы которого также зафиксированы в керамическом материале. В то же время этот вопрос требует дальнейшей разработки.

Тем самым район среднего течения Северского Донца являлся особой зоной землепользования в XIII–XIV вв., основанной на использовании природных ресурсов при взаимодействии кочевого и оседлого элементов. Однако более детальное моделирование экономических взаимосвязей между отдельными элементами данной структуры возможно лишь при проведении дальнейших исследований.

Список источников

Кравченко Э. Е. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Донские древности. № 10. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 242–262.

Кравченко Э. Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–478.

Минаев А. П., Юдин Н. И. Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев; Казань: Stratum Plus, 2019. С. 657–667.

Санжаров С. Н. Некоторые аспекты средневековой истории Донбасса и ставка хана Золотой Орды на Луганщине // Вестник ЛНУ им. В. Даля. 2018. № 9 (15). С. 126–145.

Спесивцев В. Ф. Находки в Райгородке // Труды XII Археологического съезда. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905. Т. 1. С. 153–157.

В. Ю. Коваль
Институт археологии РАН,
Москва, Россия

ИМПОРТНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК В БОЛГАРЕ

Аннотация. Структура привозной глазурованной керамики в Болгаре, где такая посуда представляла собой импорт из городов Нижнего Поволжья, существенно отличалась от материалов этих производственных центров: кашинная (фаянсовая) посуда здесь преобладала над красноглиняной (майоликой), тогда как в поволжских центрах Золотой Орды соотношение было прямо противоположным.

Ключевые слова: глазурованная керамика, импорт, археология, Золотая Орда, торговля

Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Импортная керамика Болгара уже становилась объектом внимания исследователей, рассматривавших торговые связи Волжской Булгарии [Полубояринова, 2008], однако пока имеются лишь самые общие сведения о тех разновидностях керамических импортов, которые были встречены здесь при раскопках, оставалась

© Коваль В. Ю., 2025

также неясной структура этого импорта. Количественные данные есть только для редких групп импортов – китайского фарфора и иранского люстра [Полубояринова, 2003а; Полубояринова, 2003б]. В этом отношении Болгар заметно отставал по степени изученности от золотоордынских городов Нижнего Поволжья, поливная керамика которых исследовалась Н. М. Булатовым [Булатов, 1968; Булатов, 1976], приведшим статистические данные о соотношении разных групп глазурованной посуды на Селитренном, Царевском и Маджарском городищах.

Получить общее представление об импортной керамике Болгара удалось в ходе раскопок 2011–2019 гг. на участке, расположенном в 150 м к юго-западу от Соборной мечети Болгара, т. е. в самом центре города золотоордынской эпохи, где были изучены остатки монументальной постройки городского базара, впервые открытые М. Д. Полубояриновой в 1989 г. [Баранов, Бадеев, Коваль, 2012, с. 158–171] и изученные благодаря совместным усилиям Института археологии РАН и Института археологии Академии наук Татарстана.

За годы раскопок базар был исследован на 85 %, а всего на базаре и вокруг него была вскрыта площадь более 2 200 кв. м. С этой площади было собрано около 1,5 тыс. обломков импортной поливной керамики размерами не менее чем 2×2 см каждый. Из них около 1 000 образцов было взято в коллекцию находок, переданную на хранение в музей. К настоящему времени обработаны находки 2012–2013 гг. (350 экз.), которые составляют представительную выборку, по которой можно судить обо всей совокупности рассматриваемых импортов.

Оказалось, что в упомянутой выборке абсолютно преобладала посуда, изготовленная из кашина, которая составляла 62 % всех изученных образцов. Треть всех поливных керамических импортов была сформована из различных глин (от белого до красного цвета), а 5 % приходилось на долю китайской керамики (селадоны, фарфор и др.). Это соотношение основных классов керамики было диаметрально противоположным по сравнению с данными по столичным центрам Золотой Орды на Нижней Волге. Так, на Селитренном городище кашинная керамика составляла 38 % всей поливной посуды, а керамика на глиняной основе – 62 % [Булатов, 1968, табл. 2]. Такое различие можно объяснить тем, что в нижневолжских центрах почти вся поливная посуда изготавливалась на месте, а в Болгаре те же самые изделия являлись импортом, причем местные запросы явно отличались от рыночной ситуации в Сарае и других нижневолжских городах. При этом по хронологии материалы Болгара и нижневолжских столиц практически совпадают. Хотя, в отличие от последних, Болгар существовал еще с X в., до второй четверти XIV в. импортная поливная посуда тут фактически не известна. Таким образом, все рассматриваемые находки сосредоточены в позднезолотоордынском горизонте IV слоя (датированном сотнями монет 1330–1360-х гг.). Следовательно, импорт глазурованной керамики в Болгар происходил преимущественно в этот непродолжительный период, что позволяет проводить корректные сравнения с теми статистическими данными, которые имеются по керамике нижневолжских столиц.

Кашинная керамика, изготовленная в золотоордынских городах Нижнего Поволжья, представлена в Болгаре обломками хорошо узнаваемых и вполне типичных для середины XIV в. изделий – чаш и ваз гюльабдан, относившихся к широко распространенным типам полуфаянсов:

– с полихромной подглазурной росписью;

– с полихромной росписью и низкорельефной росписью ангобом (под бесцветной глазурью);

– с черной росписью под бирюзовой глазурью;

– с низкорельефной росписью ангобом под бирюзовой или ультрамариновой глазурью.

К числу персидских импортов в Болгаре относились фаянсы «минаи», полуфаянсы типа «ладжвардина», полуфаянсы с бихромной (черно-синей) росписью и с черной росписью под бирюзовой глазурью.

Заметным отличием Болгара является исключительная редкость находок декоративных облицовочных плиток, которые представлены здесь только изделиями из кашина. Такие плитки составляли большую редкость и при прошлых раскопках Болгара. Сложно сказать, откуда они могли быть привезены сюда – из Ирана или Нижнего Поволжья, но второй вариант кажется более доступным и, следовательно, более вероятным.

Среди импортной керамики, изготовленной из различных глин, самую заметную долю (36 %) составляла красноглиняная полумайолика, облицованная белым ангобом и сплошным покрытием зеленой поливой, без какого-либо дополнительного декора, составлявшая наиболее массовую и самую дешевую разновидность поливной посуды, поступавшей на рынок. Практически так же часто встречалась полумайолика с декором сграффито (32 %). Вслед за этими лидирующими группами следует майолика, т. е. керамика из различных глин, покрытая непрозрачной (по большей части бирюзовой) поливой (15 %). Наименее распространенными разновидностями поливной керамики из глин были тисненая керамика со сплошным покрытием зеленой прозрачной глазурью и полумайолика с красочной росписью под бесцветной или чуть зеленоватой глазурью. До появления сравнительных данных по центрам производства и массового потребления такой керамики (т. е. по городам Нижнего Поволжья и Крыма) представленные материалы не позволяют получить их правильную интерпретацию.

В этой связи более перспективной представляется группировка импортов по основным центрам ее производства. Очень хорошо вычленяется из общей массы импортов продукция городов Юго-Восточного Крыма (Солхата, Солдайи и Каффы), отличающаяся формовочной массой с примесью красного шамота и (иногда) мелких карбонатов. Доля этих изделий в импорте поливной керамики из глин превышала 1/3 (35 %). Основную массу таких импортов составляла ординарная зеленая полумайолика, т. е. дешевая массовая керамика, представленная в основном различными по форме кувшинами. К производству Юго-Восточного Крыма относились также тисненые кувшины, облицованные зеленой глазурью, и монохромная зеленая полумайолика с декором сграффито.

В заметно меньшем объеме (19 %) попадала в Болгар красноглиняная керамика из городов Нижнего Поволжья, отличающаяся песчанистым тестом и монохромной зеленой глазурью. Еще более редким импортом была поздневизантийская поливная керамика, представленная яркими образцами константинопольской продукции XIV в. – «Elaborate Incised Ware», поздними дериватами «Zeuxippus Ware» и чашами с пятнами марганца под бесцветной глазурью.

Светлоглиняная керамика, обнаруживаемая в комплексах золотоордынской эпохи, могла происходить из городов Средней Азии. В этой группе импортов преобладали изделия, покрытые бирюзовой прозрачной глазурью, а также украшенные каплями такой глазури, либо росписью бирюзовой и ультрамариновой глазурями.

К египетским импортам могла принадлежать чаша на высокой ножке, покрытая зеленой глазурью, подражающая китайским селадонам. К числу китайских импортов в Болгаре относятся селадоны, сине-белый фарфор, «Цычжоу-яо» и «Цзюнь-яо». Последняя разновидность (также иногда причисляемая к фарфору), производилась в местности Цзюнтай (Juntai – нынешний Yuzhou) в провинции Хэнань, начиная с эпохи Сун.

Но вот в отношении кашинной керамики применение принципа деления импортов на группы по центрам производства оказывается многократно сложнее. В частности, отсутствуют надежные критерии для различения изделий иранского производства и ранних образцов нижневолжской продукции, поскольку само производство кашинной керамики в Золотой Орде могло быть налажено только иранскими мастерами. Все эти мастера пользовались схожими технологиями и одним и тем же сырьем, поэтому технологические различия между иранской и ордынской поливной посудой из кашина практи-

чески отсутствовали, а различия в декоре в случае миграции мастеров уже не могут рассматриваться как главный признак атрибуции сосудов.

Хотя полученные данные о долях импорта из разных регионов нельзя считать в полной мере достоверными, а количество образцов, для которых пока невозможно точно установить регион происхождения, остается достаточно большим, общую картину структуры импорта поливной посуды в Болгар второй трети XIV в. установить все же можно. Наибольшую долю импорта составляли кашинные сосуды (в основном – чаши) нижневолжского производства (около 1/3). На втором месте по числу находок (около 1/5) находилась разнообразная иранская керамика, также почти исключительно кашинная. Третье место принадлежало крымской ординарной поливной красноглиняной посуде, к которой примыкала аналогичная посуда из Нижнего Поволжья, небольшая группа византийских импортов. Последние места в объеме импортов занимали изделия среднеазиатского происхождения и китайская керамика. Эти данные показывают главные направления торговых связей, нацеленных на доставку в Болгар привозной столовой посуды, поступавшей на стол привилегированной части населения города.

Список источников

Баранов В. С., Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 158–171.

Булатов Н. М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 4. С. 95–109.

Булатов Н. М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов. Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 73–107.

Полубояринова М. Д. Китайский селадон из Болгара // РА. 2003а. № 2. С. 155–164.

Полубояринова М. Д. Китайский фарфор из Болгара // РА. 2003б. № 3. С. 136–144.

Полубояринова М. Д. Торговля Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М.: Наука, 2008. С. 26–102.

С. А. Курочкина[1], Д. Г. Баринов[2], Л. А. Ширяев[3]
[1,2] ООО «Центр реставрации и сохранения памятников», Саратов, Россия
[3] Национальный музей Республики Татарстан, Казань, Россия

ГЛИНЯНЫЕ ФОРМЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Ф. В. БАЛЛОДА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ В 1922 Г. (ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Аннотация. В работе сделана попытка проанализировать и атрибутировать изображения и знаки с глиняных форм, найденных на Селитренном городище. Сюжетные изображения находятся на лицевой стороне форм, на оборотной стороне процарапаны различные знаки.

Ключевые слова: Селитренное городище, глиняные формы, изображения

В фонде археологии Национального музея Республики Татарстан хранится коллекция Ф. В. Баллода. В 1922 г. в ходе археологических исследований на Селитренном городище им были найдены 25 глиняных форм.

Глиняные формы из данной коллекции имеют особенность: на лицевой стороне

© Курочкина С. А., Баринов Д. Г., Ширяев Л. А., 2025

помещены сюжетные изображения, на оборотной – нанесены знаки.

По классификации Е. М. Пигарева, С. Ю. Скисова представленные формы относятся к типам 2–3 [Пигарев, Скисов, 2000, с. 169–171]. Внутренний трапециевидный контур имеет сложную фигурную форму; выделено ушко: тип 2 (1 форма) (рис. 1, *2*), тип 3 (20 форм) (рис. 1, *1, 3–4, 5, 7–8*). У 4 форм тип не определяется, (обломаны).

Внутри трапециевидного контура находятся изображения, представленные 7 сюжетами.

Лань (2 экз.): лежит, ноги подогнуты к животу, голова повернута назад, уши длинные (рис. 1, *3*).

Заяц (1 экз.): лежит, передние лапы вытянуты, смотрит вперед. Над ним – трилистник (рис. 1, *2*).

Переплетенные змеи (2 экз.): 2 переплетенные змеи вертикально «стоят на хвостах», а над их головами – образ солнца (рис. 1, *7*).

Рыба (2 экз.): имеет толстое тело, крупную голову с обозначенными глазом и ртом, выраженные спинной и раздвоенный хвостовой плавники, чешую (рис. 1, *5*).

Солнце (12 экз.): круг, внутреннее пространство которого разделено на 8–12 секторов (рис. 1, *1*).

Символ из 3 частей (2 экз.): круг, линия и, возможно, хвост птицы (рис. 1, *8*). Данный символ показывает связь солярного изображения (круг) с зооморфным мотивом (хвост птицы).

Бык (корова)? (2 экз.): животное лежит, передние ноги с копытами вытянуты вперед, голова повернута назад, обозначен глаз, над головой – небольшие рога (рис. 1, *4*).

На оборотной стороне форм процарапаны знаки. При их описании мы придерживаемся принципов классификации, предложенной М. Д. Полубояриновой [Полубоярinova, 1980, с. 165–212].

Трезубец: знак состоит из 3 вертикальных и 1 горизонтальной линий. Одна вертикальная линия имеет небольшой отросток (рис. 1, *7*).

Кресты: знак состоит из 2 вертикальных линий, иногда с дополнениями в виде черточек. Варианты: 1) крест прямой; 2) крест косой с лопастью (рис. 1, *8*).

Птичья лапка: знак состоит из 3 черточек, которые выходят из одной точки. С обеих сторон от крайних черточек отходят 4 вертикальные черточки (рис. 1, *1*).

Черта: различные прямые линии. Варианты: 1) 6 косых параллельных линий; 2) 2 косые параллельные линии; 3) 3 косые параллельные линии, дополненные вертикальной чертой, идущей перпендикулярно.

Знак в виде буквы «ᒧ»: похож на букву арабского алфавита.

Треугольник: варианты: 1) равнобедренный треугольник с отходящей от него чертой; 2) 2 треугольника, перечеркнутые линиями и с кружком внутри одного из них.

Перпендикуляр: знак, состоящий из перпендикулярных друг другу линий. Варианты: 1) перпендикуляр перечеркивает линия; 2) над перпендикуляром сверху проходит линия (рис. 1, *3–4*).

Знак в виде полукруга: варианты: 1) фигура, близкая к полуовалу, от которого отходит вертикальная линия, внизу перечеркнутая косой черточкой; 2) двойная линия в виде полукруга (сохранился не полностью).

Знак в виде галочки: 2 галочки, расположенные перпендикулярно друг к другу (рис. 1, *5*).

Знак в виде копытца: напоминает раздвоенное копытце.

Песочные часы, круг и линии: 2 треугольника, вершины которых упираются в круг. От верхнего треугольника отходит черта, к которой идут 2 линии от круга.

Круг и линии: круг, от которого отходят вертикальные линии: 1 – вверх (с небольшим наклоном), 4 – вниз. Причем одна крайняя линия немного изгибается, и от нее отходит небольшая черточка (рис. 1, *2*).

Знак в виде ромбов: 2 ромба, от которых идут вверх 2 параллельные линии и 2 линии снизу в виде галочки.

На некоторых формах изображения и знаки не сохранились (формы обломаны, слоятся) (рис. 1, *6*).

Нужно отметить, что нет жесткой связи между изображением на лицевой стороне

Рис. 1. Глиняные формы из фондов Национального музея Республики Татарстан

формы и процарапанным знаком на оборотной: одному образу соответствует несколько знаков.

Сюжетные изображения с рассмотренных форм встречаются на различных золотоордынских предметах: монеты, зеркала, поливная керамика и др. На формах изображены реальные животные, которым приписывались магические свойства. Некоторые образы выступают как тотемные предки. Также просматривается китайское влияние.

Исследователи, описывая подобные формы с золотоордынских городищ, высказывали разные точки зрения об их назначении. Возможно, подобные формы предназначались для изготовления обрядовых предметов, участвовавших в низовых культах плодородия. Областью применения данных предметов могла быть обрядовая кулинария [Пигарев, Скисов, 2000, с. 179]. Образы животных, символы, процарапанные знаки на формах могли «защищать» предметы, которые «делались» в глиняных формах. Также они могли быть связаны с традиционной культурой, сохранившейся в преданиях и традициях.

Список источников

Пигарев Е. М., Скисов С. Ю. Группа форм для изготовления обрядовых предметов с городских поселений Золотой Орды (из фондов Астраханского музея) // РА. 2000. № 4. С. 169–181.

Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 165–212.

Л. Э. Макласова
Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ,
Казань, Россия

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ В КОНСТРУКЦИИ НЕКОТОРЫХ БОКТАГ С ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА

Аннотация. В работе обобщенно рассматривается конструкция и разность подходов к изготовлению каркасов женского головного убора боктаг (с узким диаметром ствола) на примере выбранных памятников с удовлетворительной сохранностью бересты. С помощью анализа деталей прослежены вариации кроя и некоторые технологические процессы его изготовления. Сравнение поволжских и южноуральских уборов показало новый силуэт берестяной конструкции.

Ключевые слова: Золотая орда, боктаг, береста, конструкция

Боктаг – это знаковый головной убор и статусный элемент костюма знатной замужней кочевницы, имеющий сложное конструктивно-технологическое исполнение, множество дополнительных элементов и украшений. Изучение этой части кочевнического костюма позволяет полнее воссоздать облик средневековой золотоордынской женщины. Анализируя археологический костюм с памятников Волго-Уральского региона, в частности головной убор, в череде стандартных Г-образных каркасов с широким и узким диаметром ствола в погребениях Южного Урала встретилась довольно интересная вариация конструкции боктаг – тонкие, очень высокие, с иным строением капители. Если боктаг с широким диаметром типичен и встречается в ряде памятников Поволжья, то «уральские узкоствольные» боктаг отличаются высотой, задранной вверх маленькой капителью и меньшим количеством деталей в каркасе.

Для того чтобы показать некоторые технологические особенности производства, было выбрано несколько памятников с поволжской и южноуральской территорий с достаточно неплохой сохранностью бересты. Если обобщать, то конструкция каркаса выполнена из бересты и состоит из двух основных частей – ствол и капитель (которые могут выкраиваться одной деталью или быть наборными; у капители обязательно имеется крышка) (рис. 1) – и дополнительных элементов – феска, боковые планки, дополнительное усиление (их наличие варьируется). Самые простые в конструктивном плане головные уборы с территории Южного Урала – это Линёвские I, II[75,76] и Башкир-Беркутовские курганы[77,78]. В некоторых курганах Поволжья узкоствольные боктаг имеют более слож-

© Макласова Л. Э., 2025

[75] Линёвские I и II курганы исследованы в 1985–90 гг. под руководством В. А. Иванова у села Большевик Кваркинского района Оренбургской области.

[76] Архив ИА РАН. Р-1. № 14087. С. 4–5, 15–16, 19–20.

[77] Башкир-Беркутовские курганы исследованы 1968–1969 гг. под руководством Н. А. Мажитова у дер. Башкир-Беркутово Кугарчинского района Республики Башкортостан.

[78] Архив ИА РАН. Ф-1. Р-7. № 3704. С. 12.

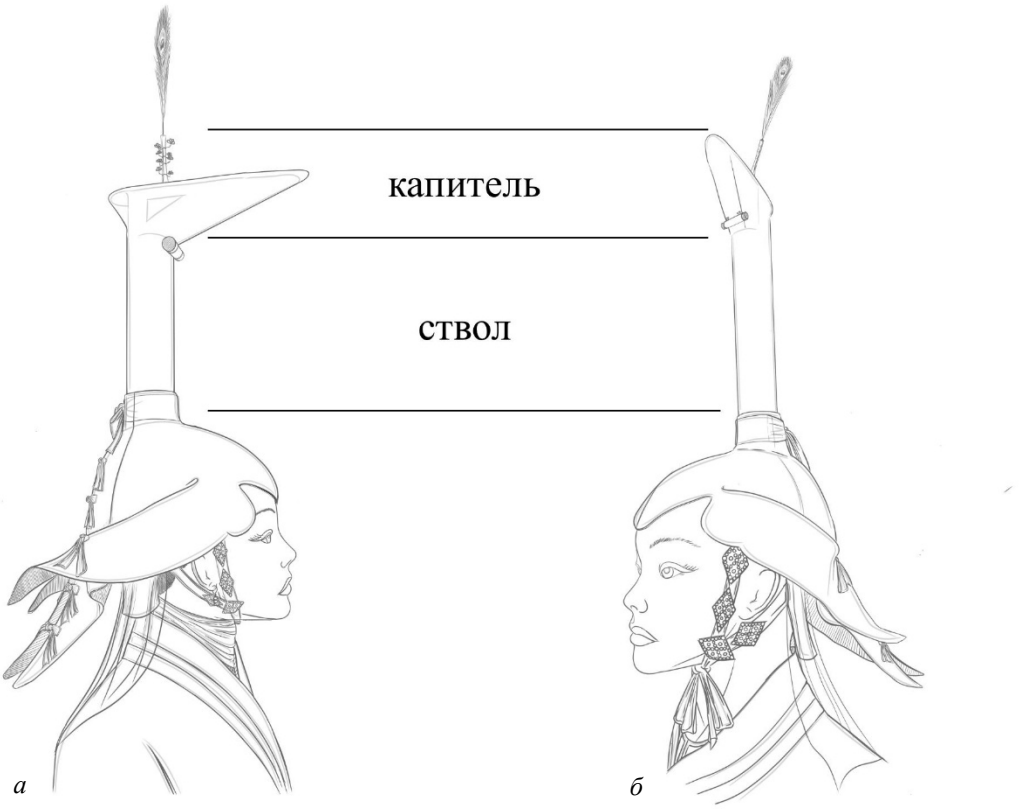

Рис. 1. Версия графической реконструкции боктаг:
а) с территории Поволжья; *б)* с территории Южного Урала

ную конструкцию, это Солодовка I, II[79,80,81] и Усть-Курдюм [Гарустович, 1998, с. 209–211, 213–216][82]. Все выбранные каркасы имеют деформацию и небольшие утраты, в основном мелких деталей (планки или крышки капители), только в одном случае от каркаса сохранился только ствол (Линёвский I кур. 15).

Конструкция поволжских боктаг (Солодовка I, кур. 8, пог. 2; Солодовка II, кур. 7; Усть-Курдюм, кур. 7) схожа, за небольшими отличиями в деталях (рис. 1, *а*). Это ствол, передняя часть капители, состоящая из двух деталей, крышка и внутреннее усиление прутиками некоторых «технологических узлов». Те самые небольшие отличия: усиление «пяточки» на крышке в Солодовке I кур. 8 пог. 2; фрагмент задней детали капители в Солодовке II кур. 7 и фрагмент выступа на стволе в виде ступеньки от задней части капители в Усть-Курдюме кур. 7. Во всех трех боктаг не сохранились боковые планки.

Береста, использованная для изготовления таких боктаг с малой площадью «полотна», раскраивалась рационально, сами детали могли быть наборными из нескольких частей, длина могла достигать 25 см.

В противовес поволжским, южноуральские уборы состоят из 2–3 деталей. Ствол, передняя деталь капители (могла быть цельной или состоять из 2 частей) и крышка (во всех случаях утрачена). С учетом маленького диаметра ствола и небольшого размера капители конструкция не нуждалась во внутреннем усилении из прутиков. В Башкир-Беркутово кур. 2 ствол в верхней части имеет «подпрямо-

[79] Курганная группа Солодовка (Волгоградская область, Ленинский район, к северо-востоку от с. Солодовка) в разный период исследовалась А. А. Глуховым, В. И. Мамонтовым, Е. П. Мыськовым. В 1989 г. В. И. Мамонтовым была раскопана Солодовка II, а в 2003 г. А. А. Глухов раскопал Солодовку I.
[80] Архив ГУК ОНПЦ. Б/н. С. 32–35.
[81] Архив ВОКМ. № 63. С. 56–58.
[82] Курганный памятник Усть-Курдюм (с. Усть-Курдюм, Саратовская область) был обнаружен в 1920 г. Ф. Д. Баллодом и в 1963 г. исследован И. В. Синицыным.

угольно-скругленный» вырез под капитель и небольшие отгибы на шов сшивания с крышкой. В Линёвском I кур. 15 на стволе отсутствует вырез под капитель, но отпечаток на бересте и отверстия, расположенные вокруг, подтверждают ее наличие. Это новое конструктивное решение, за счет которого упразднились задняя часть капители и боковые планки (рис. 1, *б*). Такая конструкция деталей дает непривычное совмещение ствола с капителью под углом 120–130°. Отдельный интерес вызывает каркас из Линёвского II кур. 1 с наименьшим количеством деталей из всех ранее встреченных боктаг – ствол и крышка, где ствол объединен с капителью в единую «фигурную» деталь.

Весь изученный археологический материал с территории Южного Урала показал, что каркасы боктаг производились из узкого пласта бересты длиной до 50 см, при этом ширина варьировалась от 11 до 16 см. Это позволяло изготовить ствол диаметром в основании 2,5–3,8 см (причем пласт бересты брался ровный, без сучков и наростов). А за счет упрощения и изменения конструкции высота головного убора увеличивается.

В целом, исследованный археологический материал дал новое понимание в построении некоторых золотоордынских боктаг с узким диаметром ствола выделившейся «южноуральской» подгруппой. Такое упрощение конструкции, возможно, следует принципу провинциализации, т. е. чем дальше от политических центров, тем конструктивно проще головной убор. С другой стороны, нельзя отрицать и других аспектов, к примеру, местную сырьевую базу. При попытке стандартизировать берестяные каркасы боктаг в один усредненный образ не надо забывать про уникальность каждого головного убора и индивидуальный подход человека к его изготовлению. Все это показывает разнообразие боктаг и методов его изготовления территории Золотой Орды.

Список источников

Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

А. Н. Масловский
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник им. А. А. Горбенко, Азов, Россия

О КРУПНЫХ ПОДВАЛЬНЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

Аннотация. Характеризуется тип построек Азака, уникальный для крупных городов Золотой Орды, которые представляют собой подвальные помещения крупных домов, принадлежавших купцам. Помимо размеров их отличает отсутствие выделенной жилой зоны. На сегодня их обнаружено несколько десятков. Затрагиваются вопросы планировки, топографии, хронологии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Азак, торговля, купцы

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

Среди разнообразных построек Азака особняком стоят крупные земляночные сооружения. Первоначально они были определены как землянки для содержания рабов [Гудименко, 1993, с. 15]. Основанием для этого служило то, что постройки этого

© Масловский А. Н., 2025

типа имели значительные размеры, и аналогичные, как казалось, сооружения, исследованные на нижневолжских памятниках, интерпретировались как камеры для рабов [Федоров-Давыдов, 1994, с. 45].

Изучение всей серии этого типа землянок показало ошибочность такого объяснения. Прежде всего, они значительно крупнее. Если для городов Нижнего Поволжья указываются размеры землянок в 11–32 кв. м, то в Азаке сооружения рассматриваемого в статье типа составляют от 50 до более чем 400 кв. м. В них нет суф и выделенных ступенчатых тамбуров. Не менее важно то, что на сооружение таких крупных земляночных сооружений требовалось большое количество трудозатрат и качественного строевого леса, что делало их слишком дорогостоящими для целей содержания рабов.

Крупным землянкам Азака уже были посвящены: краткий обобщающий очерк и раздел в работе о домостроительстве Азака в целом [Масловский, 2009; Масловский, 2014]. Материалы двух комплексов были опубликованы отдельно [Кравченко, 2013]. За последующие годы объем материалов многократно возрос. Это позволяет обратиться к теме заново и уточнить ряд вопросов, связанных с данными уникальными для Золотой Орды сооружениями. По сумме собранных данных они могут быть определены как подвальные помещения домов большого размера.

На настоящий момент изучено несколько десятков землянок данного типа. Из-за того что работы носят спасательный характер, почти все комплексы изучены фрагментарно. За единичными исключениями они имеют прямоугольную форму. В большинстве случаев их ширина не превышала 7–8 м. При больших размерах они разделялись внутренними перегородками, которые, очевидно, выполняли функции промежуточных опор для перекрытия. В одном случае такой опорой выступал материковый останец (рис. 1, *1*). В других случаях перегородки сооружались из сырцового кирпича или камня. Для промежуточной опоры могли использоваться и вертикальные столбы.

Исследованы землянки размерами от 7×7 до 14×17 м. Зафиксирован комплекс значительно большего размера (21 × более 25 м). Глубина котлованов от уровня дневной поверхности XIV в. составляла от 2 до 3 м.

Лишь в одном случае был сооружен выделенный тамбур со ступенями, который в дальнейшем был переделан в пандус с очень мощным каменным покрытием. Пандусы были зафиксированы еще в одном случае. В большинство землянок вход, вероятно, осуществлялся с первого этажа по деревянным лестницам. Каменные опоры для подобной лестницы из дикого камня были зафиксированы в одном случае.

Столбовые ямы вдоль стен не фиксируются. Основой конструкции стены выступали массивные балки, уложенные по периметру стен. Чаще для них вырезались неглубокие канавки (рис. 1, *1, 3*), но в некоторых случаях балки укладывались просто на землю (рис. 1, *2*). Во всех случаях в углах стен, у дна врезаны небольшие ниши, служившие, вероятно, для укладки балок. На горизонтальную раму устанавливались вертикальные столбы. В одном случае сохранился паз для его установки. Стены подвалов обшивались вертикально установленными досками, заведенными между балкой и материковой стеной. Качество обшивки сильно колебалось. Иногда использованы доски шириной 28–32 см и толщиной 3 см. В других случаях фиксируются распиленные вдоль тонкие стволы или узкие плашки. Большинство полов были земляными. Дважды встречены деревянные полы (рис. 1, *3*).

Судя по завалам в заполнении, наземные стены этих домов могли сооружаться из самых разных материалов (сырцовый кирпич, рваный камень, обожженный кирпич, даже турлук), которые комбинировались в пределах одной стены. Также в заполнении встречены развалы печей из сырцовых блоков, столовые сервизы, фрагменты фресок.

Таким образом, конструкцию таких домов можно определить как фахверковую. Для других типов домов Азака она не отмечена.

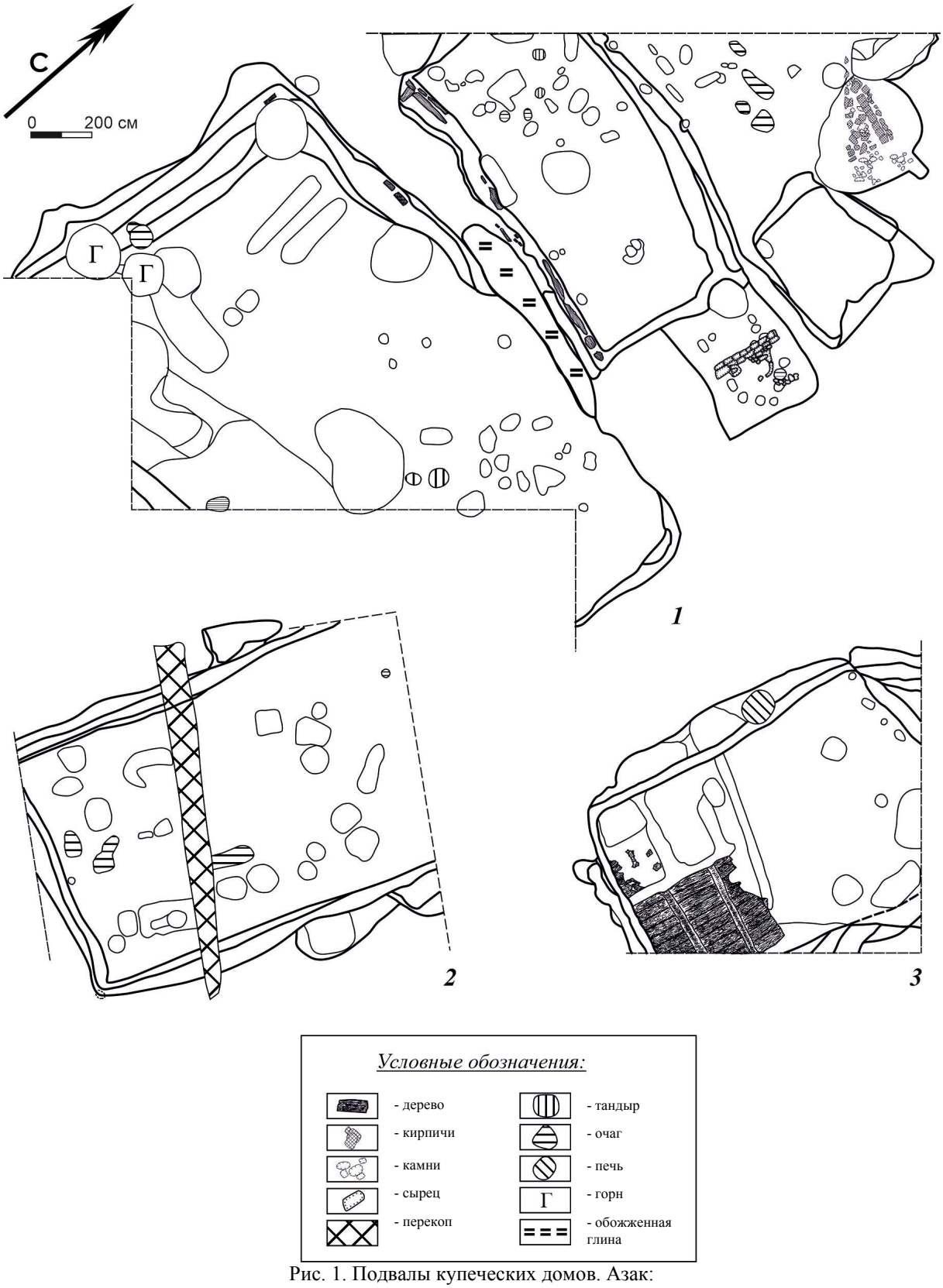

Рис. 1. Подвалы купеческих домов. Азак:
1 – ул. Мира, 35А (2002 г., 2009 г.); *2* – ул. Измайлова, 60 (2010 г.); *3* – ул. Измайлова, 49а (2002 г.)

Главная особенность таких подвалов – отсутствие обособленного жилого помещения. В редких случаях находок тандыров пространство вокруг них не выделено. В большинстве случаев на полах фиксируются небольшие прокаленные пятна. Внутреннее пространство иногда делится на отдельные помещения и всегда содержит

следы дополнительных погребов, других конструкций, вкопанные сосуды.

Находки больших скоплений тарной керамики и зерна указывают на использование подвалов в качестве складских помещений. В придонной части подвалов неоднократно встречены изделия из золота, слоновой кости, жемчуг, скопления монет, в т. ч. иностранных, редкие керамические импорты. Это наряду с высокой стоимостью сооружения таких построек позволяет предполагать, что большинство домов принадлежало крупным купцам. В ряде случаев в подвальных помещениях зафиксированы остатки ремесленных мастерских, включая ветряные мельницы. Вероятно, мастерские принадлежали купцам, или они сдавали помещения в аренду.

Дома данного типа встречены в полосе шириной около 400 м, вытянутой вдоль главных городских магистралей, от границ итальянских кварталов на юг до городской окраины. Зафиксировано расположение нескольких домов этого типа в ряд или поблизости друг от друга.

О времени появления больших домов в Азаке говорить затруднительно. Больше информации о времени прекращения их функционирования. Первый период их массового запустения относится к 1340-м гг. и может быть связан с событиями 1343 г. и последующего «кризиса Таны». Второй период датируется 1360-ми гг. и связан с кризисом Великой замятни. К финальному периоду жизни Азака (1381–1395 гг.) относятся единичные комплексы.

Список источников

Гудименко И. В. Итоги раскопок III Азовского археологического отряда и отряда «Дельта» в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов, 1993. Вып. 11. С. 12–19.

Кравченко С. А. Жилища купцов из Азака (по материалам раскопок 2009–2010 годов) // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 167–179.

Масловский А. Н. Об одном типе земляночных сооружений золотоордынского Азака // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: ВГПУ, 2009. Вып. 13. С. 297–299.

Масловский А. Н. Домостроительство золотоордынского Азака // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Том III. С. 401–403.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 232 с.

Л. Ф. Недашковский[1], И. В. Волков[2], М. Б. Шигапов[3]
[1,3] Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
[2] Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия
[3] ООО «Поволжская археология», Казань, Россия

МОРДОВСКАЯ КЕРАМИКА С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА

Аннотация. Работа посвящена мордовской керамической посуде, найденной на золотоордынском сельском поселении Багаевское. Исследуются морфологические черты мордовской посуды и топография находок керамики на раскопе. Привлечены аналогии с соседних памятников.

Ключевые слова: золотоордынское Багаевское селище, мордовская керамика

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00024, https://rscf.ru/project/24-28-00024.

В ходе раскопок Багаевского селища, которое представляет собой крупное золотоордынское сельское поселение, экспедицией под руководством Л. Ф. Недашковского с 2002 по 2024 г. получена коллекция керамики, идентифицированной как мор-

© Недашковский Л. Ф., Волков И. В., Шигапов М. Б., 2025

довская. Мордовская посуда с золотоордынских поселений лепная, формовочная масса – с обильной примесью крупного (до 5 мм в сечении) шамота в тесте. На раскопе I на Багаевском селище данная керамика представлена в значительном количестве – 258 фрагментов, это число значительно больше, чем на соседних селищах. В слое раскопа I найдено 125 фрагментов, из ям происходят 133 фрагмента.

Форма сосудов горшковидная с широким туловом или баночная. Некоторые формы мордовской керамики напоминают формы древнерусской посуды. Вероятно, она изготавливалась и использовалась местным мордовским населением. Цвет керамики, как правило, темно-коричневый (рис. 1), серый или черный. Обжиг посуды однослойный (рис. 1, *3*) или трехслойный (рис. 1, *1–2, 4*). Наибольшая ширина сосудов приходится во всех случаях на середину тулова. Венчики прямые или слегка отогнутые (рис. 1, *1–3*), иногда с небольшим утолщением края. Диаметр венчика реконструирован у восьми сосудов и составляет 12, 15,2, 16,2, 16,8, 18 (рис. 1, *1*), 18,2 (рис. 1, *3*), 18,4 и 19 (рис. 1, *2*) см. Наибольший диаметр, который удалось реконструировать у шести сосудов, составляет 16,9, 19,2, 21,8 (рис. 1, *2*), 22,8 (рис. 1, *1*), 23,4 и 26 (рис. 1, *3*) см. Дно сосудов плоское, диаметр дна удалось реконструировать у одного изделия – 11,6 см (рис. 1, *4*).

Аналогии формам мордовских сосудов встречаются в материалах Увекского городища [Кубанкин, 2013, с. 369, 381, рис. 2. 1–2; Недашковский, 2000, с. 98–99, 102, рис. 27. 7] и поселений его округи, в том числе на поселении Шумейка [Баринов, 1997, с. 244, 248, рис. 4. 1, 6, 15, 17–20]. На Белогорском могильнике найдена аналогичная керамика [Баринов, Курочкина, 2024, с. 35, рис. 3. 7–8]. В инвентаре Аткарского могильника также присутствуют мордовские сосуды [Монахов, 1991, с. 180–183, рис. 6. 1–6], как и в инвентаре Комаровского могильника [Моржерин, 2013, с. 144, 150, 157–158, 170, рис. 10. 1, 20. 1–12].

Распределение мордовской керамики на раскопе I по штыкам следующее: в первом штыке найдено 17 фрагментов, во втором – 73, в третьем – 20, в четвертом – 11. В бровках найдено 4 фрагмента мордовской посуды. На большинстве участков раскопа мордовская керамика полностью отсутствует, а там, где встречается, как правило, фиксируются лишь отдельные находки на участках [Недашковский, Шигапов, 2019, с. 471–472, 478–479, рис. 8–9].

Мордовская керамика найдена в 20 сооружениях раскопа I: в яме 4 (зерновая яма, соединенная с погребом) – 13 фрагментов, в яме 5 (зерновая) – 4, в яме 7 (хозяйственная) – 1, в яме 9 (полуземлянка) – 59, в яме 12 (хозяйственная в створе ямы 9) – 5, в яме 15 (хозяйственная в створе ямы 9) – 2, в яме 16 (зерновая в створе ямы 9) – 1, в яме 22 (хозяйственная в створе ямы 9) – 2, в яме 29 (зерновая) – 2, в яме 31 (хозяйственная, соединенная с погребом) – 3, в яме 32 (зерновая) – 2, в яме 35 (хозяйственная в створе ямы 9) – 9, в яме 36 (зерновая; в яме найдена мордовская лопастная сюльгама с узкими плоскими треугольными лопастями, относящаяся к типу, характерному для XIII–XIV вв.) – 5, в яме 37 (хозяйственная) – 6, в яме 39 (зерновая) – 1, в яме 40 (зерновая) – 1, в яме 42 (погреб) – 7, в яме 44 (хозяйственная яма, соединенная с погребом) – 6, в яме 45 (хозяйственная, соединенная с погребом) – 3, в яме 50 (хозяйственная) – 1. Находки, связанные с мордовскими древностями, датируются всеми периодами существования Багаевского селища.

В яме 9 (понижение, в котором оборудована полуземлянка) найдено 59 фрагментов мордовской посуды. В ямах в створе ямы 9 найдено еще 19 фрагментов.

Топография находок мордовской керамики на раскопе, находки в жилище, хозяйственных, зерновых ямах и погребах свидетельствуют, что мордовская керамика использовалась в быту. Вероятно, она применялась в процессе приготовления пищи, а также как столовая посуда.

Несмотря на значительное число находок мордовской керамики на Багаевском селище, ее доля на раскопе I составляет 0,8 % всей найденной керамической посуды. На расположенном неподалеку сельском поселении Широкий Буерак ее доля

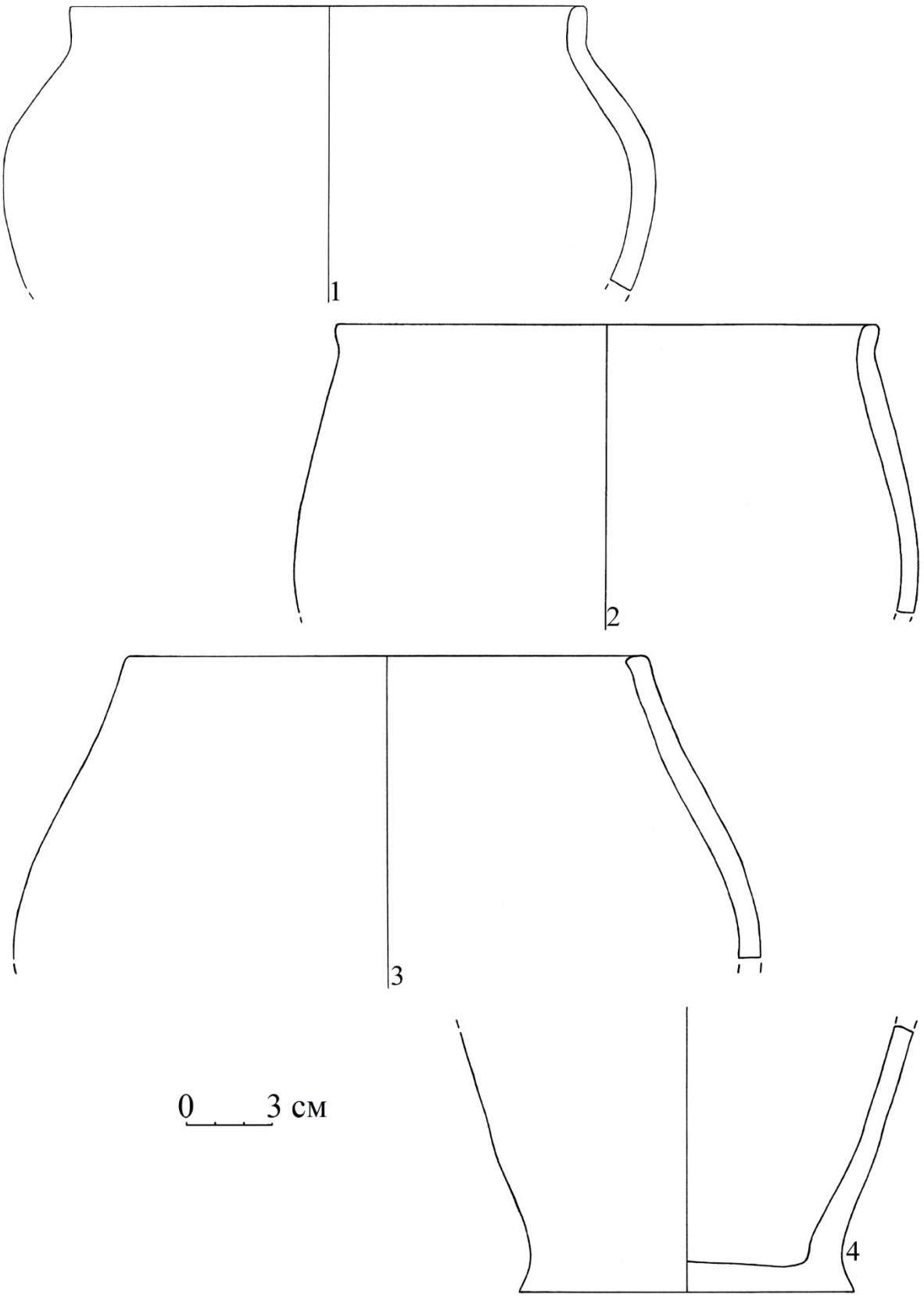

Рис. 1. Мордовские сосуды с Багаевского селища: *1* – раскоп I-2016, яма 42; *2* – раскоп I-2007, яма 4; *3–4* – раскоп I-2008: *3* – культурный слой, *4* – яма 9

больше и составляет 6,6 % [Недашковский, Шигапов, 2017, с. 121]. Доля мордовской посуды на соседнем сельском поселении Колотов Буерак составляет 0,3 %. Находки мордовской керамики в малом городе, на Хмелевском I селище, составляют не более 0,4 %. Таким образом, находки мордовской керамической посуды на золотоордынских селищах свидетельствуют о присутствии мордовского населения, численность которого на разных поселениях существенно отличалась.

Список источников

Баринов Д. Г. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов: ТОО «Орион», 1997. Вып. 2. С. 241–252.

Баринов Д. Г., Курочкина С. А. Белогорский могильник средневековой мордвы // Археология евразийских степей. 2024. № 3. С. 30–37.

Кубанкин Д. А. Мордовское население на золотоордынских памятниках правобережья Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Тип. ИП Беглакова Е. С., 2013. Вып. 10. С. 369–381.

Монахов С. Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. Вып. 2. С. 167–188.

Моржерин К. Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Научная книга, 2013. Вып. 11. С. 140–179.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Находки с селища Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 116–130.

Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б. Особенности топографии и застройки Багаевского селища // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019. Т. 2. С. 463–482.

Е. М. Пигарёв
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Аннотация. В публикации приводится обобщающая информация об исследованиях в 2017–2024 гг. стеклоделательной мастерской Селитренного городища. Дается краткая характеристика обнаруженным на раскопе объектам и вещевому материалу. На анализе нумизматического материала показана хронология жизни усадьбы. Выделяются три исторических периода существования с характеристикой видов ремесленной деятельности ее жителей.

Ключевые слова: Селитренное городище, Золотая Орда, стеклоделие, гончарство, металлургия

Археологическая экспедиция Марийского государственного университета и Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ продолжает исследования стеклоделательной мастерской Селитренного городища. Мастерская была обнаружена в 1966 г. Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР в ходе осмотра памятника. В 1967 г. на месте обнаружения отходов стеклоделательного производства был заложен раскоп № III площадью 120 кв. м, исследования на котором проводились под руководством Л. Л. Галкина [Зеленеев, Пигарёв, 2020, с. 18–20]. В 2017 г. раскопки производственной усадьбы возобновились, и к настоящему времени площадь раскопа составляет 640 кв. м[83].

В ходе этих работ были исследованы производственная и хозяйственно-бытовая

© Пигарёв Е. М., 2025

[83] Ситдиков А. Г. Отчет о проведении археологических раскопок на территории ОКН федерального значения «Городище Сарай-Бату, столица Золотой Орды в XIII–XV вв.» (Селитренное городище) в Харабалинском районе Астраханской области в 2024 году. Открытый лист: № Р018-00103-00/01367069.

зоны усадьбы и обнаружен многокомнатный усадебный дом. Нам еще не известна северо-западная часть этой конструкции, раскопанная к настоящему времени часть дома площадью 196 кв. м состоит из 16 помещений различного назначения. Пока вызывает вопрос строение его внешних стен, возможно, они были сложены из обожженного кирпича и опирались на фундаментное глинобитное основание, которое было зафиксировано в 2024 г. с северной и южной стороны сооружения. В пользу этого свидетельствует обилие кирпичного боя в верхних слоях по периметру дома. Внутренние стены, разделяющие здание на помещения, как и было зафиксировано ранее, были сложены из сырцового кирпича. Применялось два метода укладки кирпича во внутренних стенах: обычный – кирпичи уложены плашмя вперевяз – и фахверковый – кирпичи уложены между вертикальными жердями под наклоном («елочка»); в обоих случаях использовался глиняный раствор.

Нами был зафиксирован редко встречаемый на Селитренном городище строительный прием возведения внутренней, разделяющей дом на две части стены. Она состоит из двух параллельных кладок «елочка», пространство между которыми шириной до 20 см забито утрамбованным грунтом. Вертикальные жерди каркаса этой фахверковой конструкции опирались в нижней части на горизонтально уложенные бревна. Эта центральная стена была возведена в первый строительный период, т. е. во время первичной планировки внутреннего интерьера дома, и оставалась на всем протяжении его функционирования.

Ранее нами выделялось два исторических (строительных) периода жизнедеятельности усадебного дома, но в полевом сезоне 2024 г. ситуация на раскопе изменилась, и был выделен третий период. В каждый исторический период изменялся внутренний интерьер дома, происходили перепланировки и перестройки помещений и, возможно, изменялось их функциональное использование. Внутренние конструкции некоторых помещений (стены, суфы) разбирались, старый пол засыпался на 20–30 см принесенным грунтом, поверх которого укладывался новый глинобитный пол, на котором возводились новые конструкции. Не зафиксировано серьезных изменений во внутреннем интерьере помещений № 1, 2, 4. Помещения № 1 и 2 являлись жилыми комнатами, а помещение № 4 – умывальней (тошнау). По полученной к настоящему времени информации, можно предварительно говорить о том, что в первом (раннем) историческом периоде восточная часть дома являлась жилой.

Полученный вещевой материал показывает, что в каждый из трех исторических периодов происходило изменение ремесленной деятельности жителей усадьбы. Неизменными остаются первые производственные направления, зафиксированные ранее: изготовление изделий из стекла, изготовление украшений из полудрагоценных материалов, производство поливной керамики. Эти виды ремесленной деятельности относятся к первому (раннему) этапу жизни усадьбы. В восточной части помещения № 12 под глиняными полами второго (среднего) этапа обнаружены остатки круглой кирпичной конструкции со следами сильного теплового воздействия. Видимый диаметр конструкции более 2 м. Исследование этого объекта намечено на предстоящий полевой сезон, но уже сейчас можно отметить, что его конструкция схожа с горнами для обжига керамических изделий, неоднократно исследованных на Селитренном городище.

Во втором (среднем) историческом периоде происходит смена деятельности. Культурный слой этого периода насыщен обломками изделий из цветного и черного металлов и шлаками. К черной металлургии относятся многочисленные находки кованых изделий из железа (гвозди, скобы, штыри, звенья цепей и т. п.), обломки чугунных котлов и цун (втулки от колес), встречены два обломка железной крицы. К изготовлению предметов из цветных металлов относятся украшения (кольца, перстни, серьги, бляшки, накладки), часть из которых покрыта фольговым золочением, а также обломки бронзовых зеркал и сосудов, обрезки медных листов. Наиболее редкие и интересные находки из этой группы представлены бронзовым литым

шестопером и бронзовым штемпелем для чеканки серебряных монет (дирхем Хызр хана, монетный двор Азак).

К этому историческому периоду относятся также четыре круглые в плане печи, обнаруженные в помещениях № 11 и 13. Расчистка этих объектов еще не производилась, но уже сейчас можно констатировать, что они появились в первом историческом периоде и продолжали использоваться во втором. Печи несут на себе следы ремонта, в ходе которого их толстые глиняные стены были дополнительно обложены керамическими обломками (стенки хумов, крупных кувшинов и т. п.). Это было сделано, видимо, для уменьшения потери тепла. Необходимо отметить, что в третьем историческом периоде они были перекрыты новыми глиняными полами. Мы предполагаем, что обнаруженные конструкции являлись печами-муфелями, которые использовались как стеклодувами, так и медниками и ювелирами.

В третьем (позднем) историческом периоде вновь происходит изменение видов деятельности жителей усадьбы. В помещении № 3 обнаружены остатки полукруглой кирпичной конструкции со следами долговременного теплового воздействия и скопление обломков архитектурного декора из алебастра. Причем часть изделий в виде полуфабрикатов – с нанесенным контуром орнамента, но с не выбранным для создания рельефа тестом. Мы предполагаем, что обнаруженная конструкция являлась сушильным шкафом для изделий из алебастра.

Культурный слой этого исторического периода в помещении № 13 чрезвычайно насыщен чешуей и костями частиковых и осетровых пород рыб. Кроме того, здесь же была обнаружена деревянная сливная труба, выходящая за пределы помещения и раскопа. Исследование этого помещения предстоит в 2025 г., но уже сейчас можно предположить, что нами обнаружены остатки производства по обработке рыбы, возможно, связанного с изготовлением рыбьего клея.

В заполнении помещений дома обнаружено большое количество разнообразной тарной, столовой и парадной керамики, как изготовленной местными мастерами, так и привезенной из других производственных центров (Китай, Хорезм, Юго-Восточный Крым).

Особо ценной категорией являются нумизматические находки. В полевом сезоне 2024 г. было обнаружено 257 медных и 3 серебряных монеты. Общий комплекс медных монет, найденных в ходе исследований стеклоделательной мастерской с 2017 по 2024 г., состоит из 618 экземпляров. Большая часть монет выпущена на монетных дворах Сарай и Сарай ал-Джедида, в единичных экземплярах представлен выпуск монетных дворов Хаджи-Тархана, Гюлистана, Хорезма, Мохши. Впервые на Селитренном городище встречена монета Сарайчука. Монетный комплекс распределяется по десятилетиям следующим образом: 1330-е гг. – 74 экз., 1340-е гг. – 121 экз., 1350-е гг. – 161 экз., 1360-е гг. – 145 экз., 1370-е гг. – 11 экз., 1380-е гг. – 22 экз., 1390-е – 19 экз., часть недатированных монет относятся специалистами к концу 90-х гг. XIV в.

Монеты, обнаруженные в объектах и заполнении помещений, дают возможность датировать исторические периоды жизнедеятельности усадьбы. Первый период хронологически относится к концу 1330-х – концу 1350-х гг.; второй – к 1360–1370-м гг.; третий – с 1380-х гг. до начала XV в.

Таким образом, опираясь на данные нумизматики, с большой долей уверенности можно считать, что жизнь на территории ремесленной усадьбы происходила, не прерываясь, с конца 1330-х гг. до начала XV в., когда она по каким-то причинам была оставлена и заброшена. Экономическая активность жителей усадьбы снижается в 1370-х гг., но не исчезает полностью, сохраняясь до конца столетия.

Продолжение исследования стеклоделательной мастерской, включающее в себя полное исследование усадебного дома и его внутренних помещений, даст возможность более корректно реконструировать жизнь ее жителей.

Список источников

Зеленеев Ю. А., Пигарёв Е. М. Изучение стеклоделательной мастерской Селитренного городища (работы 2017–2019 гг.) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С.18–20.

Н. Н. Точилова[1], Н. В. Ениосова[2]

[1] Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, Санкт-Петербург, Россия

[1] Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

[2] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ С ТРОИЦКОГО XVII РАСКОПА)

Аннотация. Доклад посвящен поясным накладкам с изображением фантастических зверей – находкам золотоордынского происхождения из раскопок в Великом Новгороде в 2023 г. На основе аналогий с территории Нижнего и Среднего Поволжья и археологического контекста одной из накладок они датируются сер. XIV – нач. XV в. Все три экземпляра принадлежат одной культурной традиции, имеют общие морфологические признаки и черты декора и произведены с помощью одинаковой технологии из оловянно-свинцовой бронзы.

Ключевые слова: Великий Новгород, Золотая Орда, археология города, цветная металлообработка, РФА

В ходе работ на Троицком XVII раскопе в Великом Новгороде в 2023–2025 гг. обнаружены 3 поясные накладки с изображением фантастических зверей. Контекст 2 находок установить невозможно, но один экземпляр происходит из слоя сер. XIV – нач. XV вв.

Накладка с изображением дракона со змеевидным телом из овала – килевидная с фестончатыми краями, без нижней петли, получена литьем в разъемную глиняную форму. Качество изделия достаточно высокое, о чем говорит хорошая степень проработки деталей изображения (рис. 1, *1*). Тонкое тело дракона представлено в V-образном изгибе с двумя округлыми петлями: у него две передние лапы, изображенные в движении, упирающиеся в нижние фестоны формы. Сохранились мелкие детали рельефа, хотя они утратили четкость в процессе многократного копирования модели в глиняную форму готового изделия со следами износа. У этого экземпляра нет видимых литейных дефектов на обороте. Пластины крепления отливались в прямом виде, а затем были согнуты для фиксации.

Точные аналогии новгородскому изображению были обнаружены на Карельском перешейке недалеко от Тиверского городка и в Крыму. Исследователи сходятся во мнении, что данная категория предметов входит в круг золотоордынских древностей и датируется широко XIII–XIV вв. [Сокровища земли..., 2022, с. 172; Масюта, Лесная, 2020, с. 238]. Появление поясов с драконовидной символикой связывается с первым поколением Джучидов (20–50 гг. XIII в.) и является важной частью развития воинской культуры Золотой Орды [Крамаровский, 2001б, с. 46; Крамаровский, 2001а, с. 18, 36]. При достаточно выраженном типологическом единообразии ордынские пояса с «драконьей» символикой представляют довольно разнообразную стилистическую картину [Крамаровский, 2001б; Юрченко, 2013, с. 419]. Появление изображения дракона на воинских поясах

© Точилова Н. Н., Ениосова Н. В., 2025

Рис. 1. Поясные накладки золотоордынского облика. Сер. XIV – нач. XV в. Троицкий XVII раскоп. Великий Новгород. 2024

связывается с контактами монголов и джурдженей-удиге [Шавкунов, 1990, табл. 41. 5–7; табл. 43. 7, 31; табл. 44. 10, 12; табл. 49. 3]. Однако представляется правильным рассматривать генезис этого образа в более широком контексте, привлекая материалы династии Юань [Точилова, 2023б] и более ранних периодов [Золотая Орда и Причерноморье, 2019, с. 76–77]. Тип изображения на таких поясах достаточно единообразен. Новгородская накладка, а также ее непосредственные аналогии представляют другую иконографическую схему. Сходство прослеживается в изображении голов с распахнутой пастью и характерным плавником, обрамляющим нижнюю челюсть, но композиция тела другая. Типологически близкие изображения можно встретить на накладках на сумки, известных по материалам Волго-Уралья [Баранов, Бугров, Ситдиков, 2016, с. 140]. Композиционная схема изображения тел различается, но сохраняется иконографическое и стилистическое родство в изображении голов.

Вторая накладка имеет аналогичную форму с нижней петлей и продетым в нее кольцом (рис. 1, *2*). На накладке показано профильное изображение фантастического животного с крупным телом, змееобразным закрученным хвостом и выставленными вперед передними лапами. Форма лапы, находящейся на первом плане, анатомически переходит в оперенное крыло. Аналогичное строение предполагается и у второй конечности, однако крыло за спиной располагается перпендикулярно по отношению к туловищу. Проработка головы читается слабо, однако можно различить очертание раскрытой пасти, раздвоенного языка и небольшого хохолка на макушке.

Изображение крылатого дракона имеет утраты из-за воздействия коррозии, но это изделие изначально не отличалось хорошим качеством и четко проработанным рельефом. Судя по остаткам литейного шва на боковых плоскостях накладки, она отлита в разъемную глиняную форму, полученную путем оттиска готового изделия со стертым изображением. После отливки на лицевой стороне рельеф был зачищен напильником, следы которого сохранились на обрамлении. На обороте есть две пластинчатые скобы, полученные во второй створке глиняной формы – плоской, с двумя глубокими узкими прорезями для пластин крепления. Оборотная сторона пористая и бугристая, что также свидетельствует о плохом качестве отливки, литейные дефекты не были устранены абразивной обработкой. Подвесное кольцо – согнутая толстая проволока диаметром 3 см.

В отличие от предыдущего, данный тип изображения часто встречается на территории Среднего и Нижнего Поволжья [Масюта, Лесная, 2020, с. 239] и входит в отдел пальметовидных накладок как части обоймиц (В-III), типа В-III-1 [Полякова, 1996, с. 208], однако наличие скоб для крепления позволяет атрибутировать их как поясные. Аналогии представляют собой изделия и изображения достаточно разного уровня исполнения и проработки. Для них характерны единообразие композиционной схемы и стилистических особенностей изображения фантастического существа, а также устойчивость формы самих накладок.

Интересной аналогией является роговая накладка из Бешенцево-3 (Нижний Новгород), иконографически она полностью совпадает с изображениями, представленными на металлических изделиях [Точилова, 2023а, с. 123, 127].

На третьей накладке из культурного слоя усадьбы Г Троицкого раскопа помещено изображение животного с длинной шеей, небольшой головой, миндалевидным глазом и круглыми ушками (рис. 1, *3*). Показан длинный S-образный язык. Абрис тела, моделировка лап позволяют увидеть в изображении образ хищного зверя. Близкие аналогии для этой накладки встречаются среди находок Великого Новгорода и Торжка (Нутный-IV 2011, Алексеевский II раскоп), однако географию аналогий на данный момент расширить не удалось.

Это изделие отличается самым высоким качеством отливки и хорошей проработкой деталей. Фон рельефного изображения, бордюр и оборотная сторона тщательно зачищены после отливки. Для получения оттиска в глиняной форме служила модель с проработанным и хорошо сохранившимся рельефом, возможно, матрица. Скобы на обороте были утрачены, но накладку хотели отремонтировать: об этом свидетельствует разметка для припаивания новых пластин для крепления ремня.

Химический состав металла, исследованный методом РФА, практически идентичен у всех трех экземпляров. Накладки отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (Sn – 9–13 %, Pb – от 0,69 до 3 %). Во всех случаях зафиксирована довольно высокая рудная примесь никеля (до 1,5 %). Для новгородского металла такая концентрация никеля является необычной, обычно она зафиксирована в сотых и тысячных долях процента, что свидетельствует против производства трех накладок в Новгороде. Цинк в концентрации от 0,2 до 0,4 % попал в сплав вместе с медью либо как рудная примесь, либо в результате многократной переплавки медно-цинкового сплава.

Двух- и трехкомпонентные бронзы со средним и низким содержанием легирующих компонентов – олова и свинца – доминирующие сплавы для золотоордынского времени, что установлено на основе изучения больших выборок, полученных для Селитренного, Царевского, Водянского и Увекского городищ, Азака, некрополей и селищ [Ковалева, 2022, с. 84–88]. В металлообработке золотоордынского Болгара двойные и тройные бронзы составляют 1/3 выборки [Зайцева, 2010, с. 126–127]. Преобладание бронзовых сплавов над латунными характерно и для древнерусского металла XII–XIV столетий, включая Новгород, но в золотоордынских сплавах содержание олова и свинца заметно выше, особенно если в выборки попадают металлические зеркала или некоторые виды сосудов с высокой (до 30 %) концентрацией олова.

В отсутствие производственных свидетельств – литейных форм, матриц или бракованных отливок – мы не можем локализовать место производства обсуждаемых ременных накладок, но концентрация находок в Среднем и Нижнем Поволжье, возможно, указывает на мастерские, выпускавшие изделия этого типа.

Список источников

Баранов В. С., Бугров Д. Г., Ситдиков А. Г. Музей Болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.

Зайцева И. Е. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 116–138.

Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингизидской империи. Казань; СПб.: Изд-во ООО «Парадиз», 2019. 500 с.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001а. 364 с.

Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XIII – первой половины XIV вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение и история Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001б. С. 43–81.

Ковалева К. С. Химический состав цветных металлов золотоордынских городов: предварительные данные // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 84–88.

Масюта Д. А, Лесная Е. С. Деталь поясного набора золотоордынского времени из Юго-Западного Крыма // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 238–247.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 154–258.

Сокровища земли Карельской. Каталог выставки / сост. С. В. Бельский, М. С. Светоч. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник, ИИМК РАН, 2022. 240 с.

Точилова Н. Н. Лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода // Археология евразийских степей. 2023а. № 5. С. 124–130.

Точилова Н. Н. Роговые обоймицы из раскопок в Великом Новгороде и Смоленске // Поволжская Археология. 2023б. № 2 (44). С. 150–159.

Шавкунов. Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 281 с.

Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.

М. Л. Цымбал
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

ГОРОДА И ЗАМКИ ТАВРИКИ XIII В.: КОМПЛЕКСЫ РАЗРУШЕНИЙ

Аннотация. В работе рассматриваются археологические свидетельства разрушения городов и замков Таврики в XIII в. Анализируются слои разрушений, выявленные в Херсоне, на памятниках Юго-Западного и Южного Крыма, их датировка и степень изученности археологических комплексов.

Ключевые слова: Херсон, Юго-Западный Крым, слой разрушения, слой пожара XIII века, археологический комплекс

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

Среди наиболее дискуссионных событий средневековой истории Крыма особое место занимает разрушение ряда поселений и замков в XIII в. Их следы зафиксированы на значительной части исследованных памятников. Однако большая часть подобных объектов либо не подвергалась полноценным археологическим исследованиям, либо изучалась в рамках разведок и шурфовок. При этом основные работы были проведены в 1960–1970-х гг., когда хронология массового археологического материала XII–XV вв. еще не была достаточно разработана [Цымбал, 2024, с. 286].

В результате относительно достоверные данные о разрушениях XIII в. имеются преимущественно для крупных поселений, где проводились масштабные исследования. Что касается замков, то в настоящее время их существование и возможное разрушение в XIII в. остаются недостаточно подтвержденными. Кроме того, остается неясным, были ли эти разрушения синхронными, а также каковы их причины.

На данный момент наиболее изученным является Херсон. Практически в каждом квартале города зафиксированы археологические комплексы, связанные с разрушением в ходе пожара XIII в.: помещения со слоем пожара и обгоревшими предметами, перекрытые завалами обрушившейся черепицы, засыпанные колодцы с материалом со следами горения. Однако все это фиксировалось не всегда достаточно подробно в связи с большим интересом к нижележащим слоям. Кроме того, даже зафиксированные комплексы не все опубликованы. Среди опубликованных комплексов XIII в. можно выделить материалы из раскопок X квартала [Голофаст, Рыжов, 2003], а также помещения № 5, 9 XCVII квартала [Ушаков, Байбуртский, 2023]. Следует отметить и материалы из колодца № 2 раскопа 12 «Южного пригорода», ко-

© Цымбал М. Л., 2025

торый, однако, не содержит следов горения и, по всей видимости, был засыпан не позднее конца XIII в. [Цымбал, 2023]. Важное значение имеют и издания, посвященные публикации отдельных категорий находок (в основном керамики) из слоев разрушения XIII в. [Седикова, 2018; Ушаков, 2005; Рыжов, Голофаст, 2000 и др.].

Среди городов, расположенных на Внутренней гряде Крымских гор, слои разрушения, связанные с пожаром, зафиксированы на Эски-Кермене, Бакле и Тепе-Кермене. Наиболее изученным на данный момент является Эски-Кермен, однако его исследования в основном были сосредоточены на отдельных находках или категориях предметов [напр.: Айбабин, Хайреди-нова, 2015]. Приятным исключением является серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции», выпускаемая с 2021 г., в которой публикуются полные результаты раскопок, проводившихся с 2018 г. [Итоги..., 2021, и др.].

Вторым по степени изученности памятником, в котором фиксируются слои пожара XIII в., является Бакла. Но на данный момент полноценно опубликованы лишь материалы из помещения № 6, исследованного В. Е. Рудаковым в 1973 г. [Рудаков, 1975], частично и другие находки [Талис, 1969, с. 59, рис. 17. 4–6; 20–21, и др.].

Тепе-Кермен является наименее изученным памятником. Единственные опубликованные материалы, связанные с разрушением XIII в., происходят из слоя пожара в нескольких местах городища, выявленного в ходе раскопок 1969 г. [Талис, 1971; Талис, 1977, рис. 4. 1–2, 4–6].

Среди небольших крепостей Юго-Западного Крыма археологические данные позволяют говорить о разрушении в XIII в. только трех объектов: Исар-Кая, Камара-Исар и Чоргунского Исара. Из них лишь для Исар-Кая имеются основания считать, что его разрушение в ходе пожара произошло одновременно с крупными городами [Мыц, 1987].

Материалы из раскопок Чоргунского Исара в 2019 г. позволили сделать вывод о существовании крепости в пределах XIII в. [Неделькин, Гинькут, 2022, с. 287–288], что, однако, требует дополнительного подтверждения, поскольку на памятнике присутствует значительное количество более раннего материала.

Можно говорить и о разрушении Камара-Исара в пределах XIII в. Часть материалов из раскопок 2011 г. уже опубликована [Байбуртский, Филипенко-Коринфский, Фомин, 2023], другие готовятся к публикации.

Менее изученной остается ситуация разрушения ряда городов и замков на территории Южного берега Крыма. Это связано с рядом факторов: во-первых, с их большим количеством; во-вторых, с труднодоступностью ряда объектов, так как часть из них находится в зоне современной застройки; в-третьих, с неполной публикацией материалов уже исследованных объектов.

Наиболее убедительно задокументированы следы разрушения XIII в. на территории Алустона. Здесь были выявлены комплексы разрушенных помещений, содержащие характерные следы пожара и обрушений, опубликованных В. Л. Мыцом [Мыц, 2016].

Материалы, свидетельствующие о пожаре, также выявлены в ходе раскопок Е. А. Паршиной Партенита в 1985–1988 гг. [Тесленко, Паршина, Александрова, 2020]. В одной из усадеб с помещениями, условно обозначенными как «Ж» и «З», зафиксирован слой пожара. Однако эти комплексы не могут быть безусловно увязаны с пожарами третьей четверти XIII в., поскольку среди находок из Партенита зафиксировано значительное количество керамики групп Aegean Ware и Champlevé Ware, которые к моменту разрушения в основном уже выходят из оборота. И это разрушение, вероятно, могло произойти в первой половине XIII в.

Среди малых замков Южного берега Крыма к разрушенным в XIII в. с большой долей вероятности можно отнести Алупка-Исар [Фирсов, 1967], а также Рустофиль-Кале [Бочаров, Новиченкова, Горбунов, 2010]. Время существования последнего на основании проведенных разведок определяется второй половиной XII–XIII вв. [Бочаров, Зоря, 2023, с. 25].

Остальные города и замки Южного берега Крыма в настоящее время не имеют точно установленных хронологических рамок и могут быть лишь условно отнесены к числу поселений, погибших в XIII в.

Причины разрушения ряда городов Таврики в XIII в. на данный момент остаются неустановленными. Археологические данные позволяют утверждать, что значительная часть разрушений произошла в третьей четверти XIII в. Надежно связать их с конкретными историческими событиями можно будет в результате будущих исследований.

Список источников

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Металлические изделия из слоя пожара второй половины XIII в. на городище Эски-Кермен // Археологический альманах. 2015. № 33. С. 393–414.

Байбуртский А. М., Филипенко-Коринфский А. А., Фомин М. В. Храм Камара-Исара // Археологические исследования в южнобережном и Горном Крыму: материалы Второго археологического семинара. Ялта, 2023. С. 7–18.

Бочаров С. Г., Новиченкова Н. Г., Горбунов В. И. Исследования Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедиции в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Киев: ІА НАН України, 2010. С. 41–42.

Бочаров С. Г., Зоря Р. С. Методические аспекты изучения малых византийских крепостей (исаров) Южного берега Крыма в Севастопольском государственном университете на примере археологических раскопок укрепления Рустофиль-Кале // BYZANTINOTAURICA: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: тенденции, факторы, влияния, конфликты. 2023. № 3. С. 21–25.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсона // МАИЭТ. 2003. № 10. С. 182–260.

Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Симферополь: ООО «Антиква», 2021. 348 с.

Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 233–238.

Мыц В. Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum plus. 2016. № 6. С. 69–106.

Неделькин Е. В., Гинькут Н. В. Археологические исследования крепости Чоргуньский Исар (Юго-Западный Крым) в 2019 году // Археология евразийских степей. 2022. № 6. С. 268–292.

Рудаков В. Е. Материалы XII–XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ. 1975. № 12. С. 20–30.

Рыжов С. Г., Голофаст Л. А. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсона // АДСВ. 2000. № 31. С. 251–407.

Седикова Л. В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // МАИЭТ. 2018. № 23. С. 402–458.

Талис Д. Л. Раскопки Баклинского городища в 1961–1965 гг. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 57–63.

Талис Д. Л. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермен // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. 1971. С. 250–262.

Талис Д. Л. Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 98–104.

Тесленко И. Б., Паршина Е. А., Александрова И. А. Археологические комплексы и керамические находки XII–XIII вв. из раскопок средневекового Партенита (по материалам исследований 1985–1988 гг.) // История и археология Крыма. 2020. № 12. С. 269–290.

Ушаков С. В. Поливная керамика из комплексов XIII в. Северо-Восточного района Херсона (квартал XCVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 70–92.

Ушаков С. В., Байбуртский А. М. Комплексы с поливной керамикой XIII в. из раскопок Северо-Восточного района Херсона (квартал XCVII, помещения 5 и 9) // История и археология Крыма. 2023. № 20. С. 257–278.

Фирсов Л. В. Средневековое укрепленное поселение на горе Крестовой близ Алупки // Записки Одесского археологического общества. Одесса: Одесское кн. изд-во, 1967. Т. 2 (35). С. 214–228.

Цымбал М. Л. Комплекс находок из колодца № 2 раскопа 12 «Южного пригорода» Херсонеса Таврического // Byzantinocaucasica. 2023. № 3. С. 89–119.

Цымбал М. Л. Херсон во второй половине XIII–XIV вв.: к хронологии разрушения города // Археология евразийских степей. 2024. № 2. С. 283–294.

А. А. Шкалюкова, Н. И. Демирова
Государственный исторический музей,
Москва, Россия

МАТЕРИАЛЫ ГИМ О РАСКОПКАХ А. П. СМИРНОВЫМ БАНИ «КРАСНАЯ ПАЛАТА» В 1938–1940 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена археологическим исследованиям бани «Красная палата» в Болгаре, проведенным в 1938–1940 гг. На основе материалов ГИМ восстанавливаются детали интерьера бани, включая каменные чаши, фонтаны и систему водоснабжения. Основная цель публикации – уточнить и дополнить информацию о бане «Красная палата» на основе архивных данных и музейных коллекций.

Ключевые слова: А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, Красная палата, Волжская Булгария, Болгар

Археологические объекты Болгара и его окрестностей неизменно привлекали внимание А. П. Смирнова. Начиная с 1938 г., он провел здесь более 20 полевых сезонов, участвовал в организации Болгарского музея-заповедника. В ходе работ 1938–1940 гг. под его руководством была раскопана баня «Красная палата».

Она располагалась у подножия склона верхней террасы левого берега р. Меленки к северу от Соборной мечети. Это известный комплекс, который неоднократно публиковался [Смирнов, 1940; Смирнов, 1951, с. 210–222; Калинин, Смирнов, 1946; Хованская, 1954, с. 407–414; Зиливинская, 2019, с. 74–75]. Однако ряд деталей, в числе которых каменные чаши и фонтан (сейчас этот фонтан – часть постоянной экспозиции зала № 12 в Историческом музее) оказались вне поля зрения исследователей. В ходе раскопок чаши рассматривались А. П. Смирновым как архитектурные объекты, поэтому он зафиксировал их в полевой документации, но не стал брать в коллекцию. На данный момент остальные водоемы, кроме уже упомянутого центрального фонтана, могут быть изучены только на основании полевых отчетов за 1938–1940 гг. и технической документации, которая раздроблена между Институтом истории материальной культуры РАН и ОПИ ГИМ. Попытаемся составить более полное представление об этих элементах интерьера в Красной палате на основе материалов, отложившихся в ГИМ.

Красная палата впервые была опубликована авторами раскопок в 1946 г.: была выдвинута версия о первоначальном существовании 22 фонтанов и дано общее указание на их размер: «небольшие водоемы различной формы, в которых с трудом мог уместиться взрослый человек» [Калинин, Смирнов, 1946]. Благодаря полевому дневнику Н. Ф. Калинина в ОПИ ГИМ[84] мы можем уточнить данные о размерах и устройстве данных объектов.

В комнате А (предбанник) на площадке южной лежанки был обнаружен камень в форме правильного блока длиной 130 см, шириной 20 см и толщиной 15 см. Камень расколот на две части, которые явно составляли единое целое. По всей длине блока, имеющего форму дуги, расположено сквозное отверстие диаметром 2,5 см, выполненное с высокой точностью, как будто от металлического стержня. Камень мог быть частью арки или круга, обрамляющего свод или бассейн.

Главный фонтан, выполненный в форме 12-лепесткового цветка, располагался в центре крестообразного зала. Диаметр чаши фонтана 100 см. В центре водоема находятся два отверстия диаметром около 20 см, заполненные известью, с небольшим отверстием для трубки. На западном краю внутреннего борта водоема вырублен желоб, заканчивающийся сквозным отверстием с вмазанным в него концом глиняной трубы, соединенной с трубопроводом, проходящим под полом здания. Водоем установлен на каменном столбе цилиндрической формы с диаметром 42 см. В центре столба просверлена цилиндрическая труба диаметром 17 см, совпадающая с отвер-

© Шкалюкова А. А., Демирова Н. И., 2025

[84] ОПИ ГИМ. Ф. 496 Оп. 1. Ед. хр. 28. ЛЛ. 2–40.

стием водоема фонтана[85]. Также Н. Ф. Калинин отмечает, что во времена существования бани фонтан был сдвинут.

В западной стене, почти в центре, расположен водоем. У южной стены находится фигурный водоем с тремя каннелюрами по фасаду. Пол в этой части сохранился полностью, а плиты около водоема повторяют его форму.

В юго-восточном углу зала, у южной стены, был обнаружен крупный фигурно-фестончатый водоем, декорированный каннелюрами. Он расположен на одной линии с центральным фонтаном зала В.

Комната С располагается к северо-западу от центра. В центре западной и северной стен расположены 2 низких каменных водоема высотой по 18 см. Предполагается, что в этой комнате должен быть 3-й водоем, но в том месте был произведен кладоискательский раскоп, поэтому водоем не сохранился.

В комнате Д находятся 3 каменных водоема: первый – в центральной части западной стены, второй – в середине южной стены, к борту которого подходит медная трубка диаметром 2 см, вмонтированная в пробитую стенку водопроводной трубы. Напротив расположен еще один каменный водоем.

Таким образом, центром главного зала был большой фонтан. Высота чаши 56 см, диаметр 106 см, его объем составлял около 500 литров. Он располагался на высокой цилиндрической подставке, вода в него подавалась и уходила с помощью керамических труб[86].

В каждой комнате-мыльне было до 3 водоемов, они имели плоское дно с отверстиями для ухода воды. Плоской стороной чаши примыкали к стене, а противоположная могла быть полукруглая (4 шт.), фестончатая (3 шт.) и с угловатым оформлением края (8 шт.). Высота водоемов начиналась от 18 см, их ширина около 60 см. Вода в каменные чаши подавалась из труб, выходящих из стены над чашами. Трубы завершались медными трубочками диаметром около 2 см (возможно, с краниками). Часть стены, прилегающая к чаше, могла оформляться каменной аркой с отверстиями для труб.

Наряду с материалами А. П. Смирнова о раскопках 1939 г. в коллекцию ГИМ попали несколько работ художника Н. О. Фреймана, работавшего в экспедиции. На одном из полотен изображен центральный зал с фонтаном и несколькими каменными водоемами, а на другом – комната к северо-западу от центрального зала с еще 2 водоемами, один из которых расколот. Работы выполнены с высокой степенью точности, например, явно просматривается уклон пола по направлению к центру зала, который отмечен и в дневнике Н. Ф. Калинина.

Таким образом, архивные и изобразительные материалы ГИМ (рис. 1) позволили уточнить расположение и размеры водоемов, их возможное оформление в интерьере. Выявленные документы и изобразительные источники позволяют более полно представить устройство и функционирование бани «Красная палата» в XIV в., а также могут быть использованы для ее репрезентации в исследованиях и музейной экспозиции.

[85] ОПИ ГИМ. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 28. ЛЛ. 38–38 об.
[86] ОПИ ГИМ. Ф. 496. Ед. хр. 99. Л. 76.

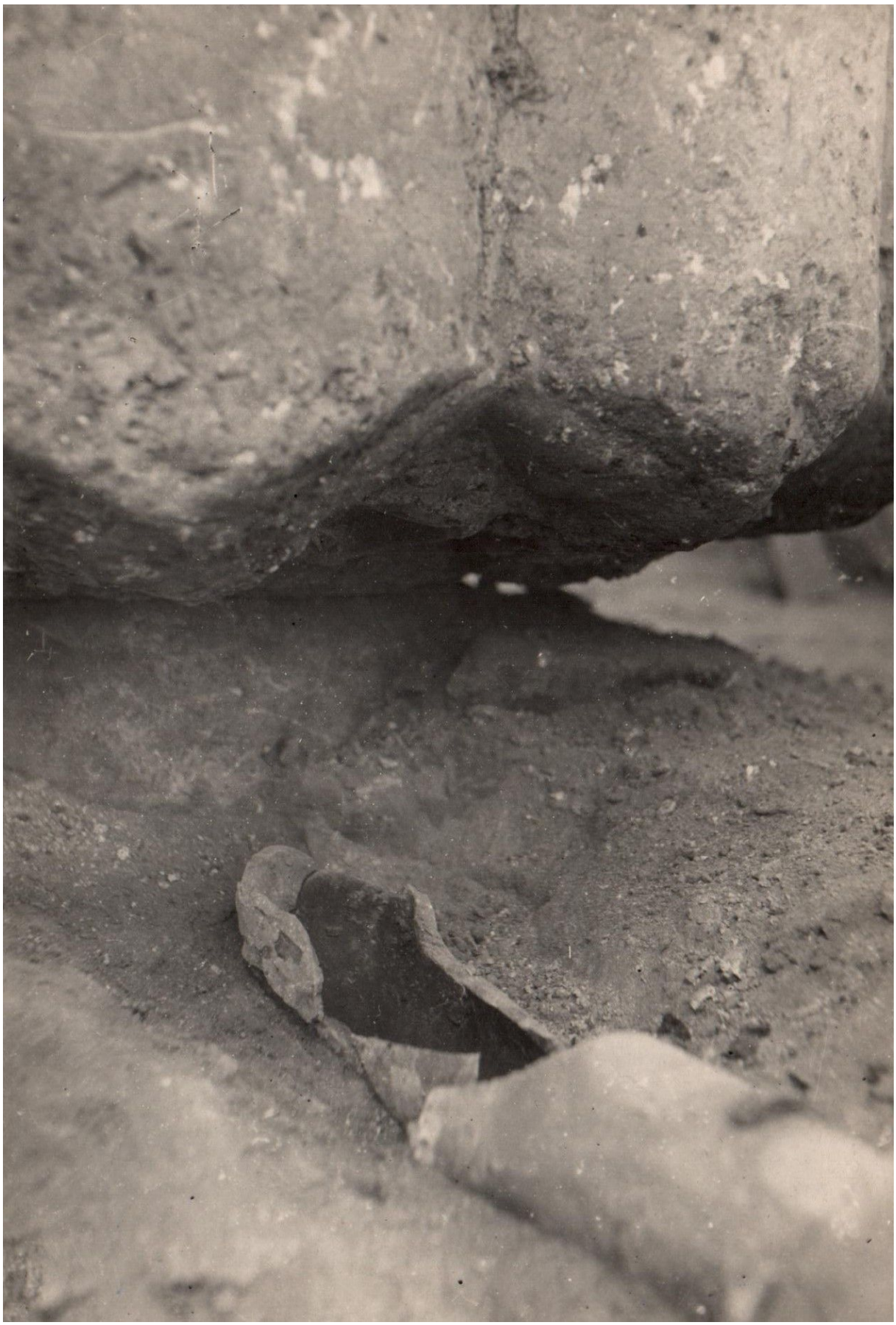

Рис. 1. Труба у основания фонтана

Список источников

Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество. Казань: Изд-во АН РТ, 2019. 353 с.

Калинин Н. Ф., Смирнов А. П. Реконструкция болгарской бани XIV в. (Из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.) // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 26–33.

Смирнов А. П. Баня XIV в. в Великих Болгарах // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 82–88.

Смирнов А. П. Волжские Булгары. Труды ГИМ. М.: Издание ГИМ, 1951. Вып. XIX. 277 с.

Хованская О. С. Бани города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т 1. С. 392–423.

КОЧЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. А. Васютин
Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ УР-БЕДАРИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Аннотация. В статье анализируются материалы погребений по обряду кремации курганов № 30, 77–80 некрополя Ур-Бедари. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь имели синтезный характер (артефакты включают в основном предметы верхнеобского и сросткинского культурных комплексов). Трупосожжения принадлежали носителям верхнеобской культуры, на обрядность и вещественный комплекс которых значительное влияние оказали «скросткинцы».

Ключевые слова: Присалаирье, бассейн р. Ур, могильник Ур-Бедари, кремированные погребения, верхнеобская культура

Раскопки курганного могильника Ур-Бедари (госкаталог Ур-Бедари II) планомерно проводились под руководством директора Прокопьевского краеведческого музея и учителя истории в средней школе № 1 г. Прокопьевска Михаила Георгиевича Елькина с 1951 по 1965 г. В завершающий отчет 1965 г. М. Г. Елькин включил материалы курганов № 77–80 с численным преобладанием кремированных погребений: из 13 погребений 10 было совершенно по обряду трупосожжения, 2 – по обряду трупоположения и одно – захоронение лошади[87].

Курганы № 77–80 имели в плане овальную (курган 77 – 26 (С–Ю) × 24 (З–В) м, высотой 1,2 м; курган № 79 – 10×10 м, высотой 0,8 м), удлиненно-вытянутую ладьевидную (курган № 78 – 26 (С–Ю) × 9 (З–В) м, максимальная высота 0,3 м) либо эллипсообразную (курган № 80 – 32 (С–Ю) × 17 (З–В) м, высота 1,2 м) форму насыпи. В кургане № 77 были зафиксированы два погребения по обряду кремации на стороне. В кургане № 78 – 4 погребения с трупосожжениями на стороне. На площади кургана № 79 обнаружено одно погребение с трупосожжением и материковая яма с черепом и конечностями коня. В кургане № 80 выявлены 3 погребения по обряду кремации на стороне и 2 погребения по обряду трупоположения. Трупосожжения были расположены на уровне погребенной почвы (курган № 77, могила 1) и в материковых ямах разного размера, глубиной от 0,15 до 1,2 м (курган № 77, мог. 2; курган № 78, мог. 1, 2, 3, 4; курган 79, мог. 1; курган № 80, мог. 2, 3, 5) [Елькин, 1970, с. 3–13].

Курганы не были ограблены, в некоторых могилах сохранился относительно богатый инвентарь. Например, в могиле 2 кургана № 77, где был захоронен юноша (сохранились фрагменты длинных костей) по обряду трупосожжения на стороне, были найдены череп лошади, бронзовые и железные удила, в том числе железные восьмеркообразные удила, три пары железных стремян, игральные альчики, бараньи позвонки (остатки тризны), костяные подвески, железный вотивный нож, тесло, бронзовая булавка, бронзовая ажурная подвеска, бронзовая подвеска с изображением рыбки, бронзовый наконечник ремня с двусторонним орнаментом, железная круглая пряжка. Помимо снаряжения верхового коня, наконечников стрел, поясной гарнитуры, украшений в погребениях с трупосожжениями рассматриваемых курганов найдены остатки берестяного колчана (курган № 77, мог. 1), мечи (курган № 77, мог. 1, «тайник»; курган № 78, мог. 3), железный котел (курган № 77, мог. 1), роговые подпружные пряжки (курган 77, мог. 2; курган № 80, мог. 4). Интересно наличие «тайников» в ямах рядом

© Васютин С. А., 2025

[87] Елькин М. Г. Отчет о раскопках курганного могильника позднего железного века в долине р. Ур. Беловского района Кемеровской области, проведенных экспедицией Прокопьевского краеведческого музея с 29 июня по 24 июля 1965 года. Архив АН РАН. Ф. 1. Р. 1. № 3133. 17 л. Приложение Р. 1. № 3133[а]. 18 л.

или под погребенными. Так «тайник» в могиле 3 кургана № 80 содержал две пары железных удил с восьмеркообразными кольцами, два железных стремени, железные кинжал и нож, шесть трехгранных наконечников стрел[88].

Отдельно следует сказать о погребении по обряду кремации кургана № 30. Курган с круглой насыпью (16×18 м) высотой 1,3 м. В его центре находился глубокий грабительский раскоп. В кургане были изучены девять могил. В мог. 6 в материковой яме, под слоем бересты найдено скопление обожженных костей и набор предметов снаряжения верхового коня (железные удила, фрагменты стремян, «часть уздечного набора») [Елькин, 1970, с. 81–84, 89, рис. 1, 2].

М. Г. Елькин датировал погребения в курганах № 30, 77–80 второй половиной – концом X в. и связывал их с «тюрками Южного Кузбасса», которые «находились под значительным влиянием и воздействием государства енисейских кыргызов» [1970, с. 86–88, 91, 93]. В публикации материалов курганов № 77–80 А. М. Илюшин указывал, что погребения по обряду кремации на стороне в этих курганах относятся к «кемеровскому варианту сросткинской культуры» конца IX–X вв. [1990, с. 52].

На основании ряда признаков представляется возможным интерпретировать погребения по обряду трупосожжения раннесредневекового могильника Ур-Бедари как могилы носителей верхнеобской культуры.

Рассматриваемые захоронения имеют аналогии с погребениями верхнеобской культуры в курганных могильниках Ваганово I, Калтышино II, Озерки I и II [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010; Васютин, Васютин, Онищенко, 2012]. Все они относятся к юрт-акбалыкскому (конец VIII в. – рубеж IX–X вв.) или завершающему калтышинскому / ур-бедаринскому (X в.) этапам развития кузнецкого локального варианта верхнеобской культуры [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012, с. 36–37, табл. 3]. К общим чертам можно отнести кремации на стороне, расположение трупосожжений на древней дневной поверхности и в неглубоких материковых ямах, деревянные рамы-обкладки, прокалы погребальных костров, погребальные берестяные футляры, перекрытия и подстилы из нескольких прошитых слоев бересты, черепа и кости коня, жертвенные и тризновые комплексы и др. [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 54–69; Васютин, Васютин, Онищенко, 2012, с. 20–28, 42–51].

Также можно увидеть аналогии в погребальной обрядности верхнеобских курганов Новосибирского Приобья второй половины VIII–IX в. – завершающий юрт-акбалыкский этап существования верхнеобской культуры на данной территории. В этот период получает широкое распространение обряд кремации на стороне, представленный в могильниках Красный Яр I, Крохалевка XIII, Умна III, Юрт-Акбалык VIII [Троицкая, Новиков, 1998, с. 23–24].

В погребениях верхнеобской культуры IX–X вв. широкое распространение получают предметы вооружения, поясной гарнитуры и конской упряжи сросткинского типа, что говорит о тесных контактах «верхнеобцев» с носителями сросткинской культуры. Также в верхнеобских погребальных памятниках встречаются отдельные предметы культурного комплекса кыргызов, артефакты из Китая, Внутренней и Центральной Азии, Казахстана, Южной Сибири, Барабинской лесостепи и Южного Урала [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30–31, 35–56; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 25–48; Васютин, Васютин, Онищенко 2012, с. 30–37, 42–51].

Завершающий этап кузнецкого локального варианта верхнеобской культуры характеризуется влиянием на погребальный обряд «верхнеобцев» сросткинской культуры и носит синтезный характер. В курганах № 77–80 могильника Ур-Бедари можно отметить некоторые черты трансформации погребального обряда: большее количество могил под насыпью (до 5 могил в кургане № 80); более глубокие материковые ямы; малочисленность погребений на уровне погребенной и предматериковой почвы; деревянные столбики у могил и в погребальных ямах, характерные для сросткинских памятников; «тайники»; редкое присут-

[88] Елькин М. Г. Отчет о раскопках курганного могильника позднего железного века в долине р. Ур. Беловского района Кемеровской области, проведенных экспедицией Прокопьевского краеведческого музея с 29 июня по 24 июля 1965 года. Архив АН РАН. Ф. 1. Р. 1. № 3133. 17 л. Приложение Р. 1. № 3133[а]. 18 л.

ствие керамической посуды. Образцовым погребально-поминальным комплексом данного этапа является курган № 8 могильника Озерки I, на площади которого в двух больших деревянных оградах были зафиксированы сожжения людей и животных, а на периферии парное захоронение с конем «сросткинцев» [Бобров, Васютин, Васютин, 2005; Васютин, 2020, с. 123–125, рис. 1, 2]. Не исключено, что в ур-бедаринском кургане № 80 трупоположения – это погребения сросткинских (?) инкорпорантов, а в могиле 6 с трупосожжением кургана № 30, в свою очередь, погребли представителя «верхнеобского социума».

Таким образом, есть основания полагать, что кремированные погребения в курганах № 77–80 могильника Ур-Бедари относятся к верхнеобской культуре (Кузнецкому локальному варианту верхнеобской культуры), ее завершающему этапу конца IX–X в. Данный этап характеризуется определенной трансформацией погребального обряда и вещевого комплекса, связанной со значительным влиянием сросткинского культурного комплекса.

Список источников

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Охранные раскопки верхнеобского кургана № 8 на могильнике Озерки I в 2005 г. (Калтышинский археологический микрорайон) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11. № 1. С. 212–218.

Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С. Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI в. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Васютин С. А. Вопросы хронологии памятников Калтышинского археологического микрорайона // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2020. Вып. 28. С. 121–127.

Елькин М. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1970. Вып. 2. С. 81–93.

Илюшин А. М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М. Г. Елькина в 1965 г.) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1990. С. 46–61.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

А. В. Выборнов
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

КУРГАНЫ КОЧЕВНИКОВ X ВЕКА У АУЛА ТЕБИС В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Аннотация. На берегах озер Аялвач и Таштагол в Барабинской лесостепи были исследованы курганы, датируемые X в. и имеющие аналогии в различных группах средневекового населения Обь-Иртышского междуречья. Предполагается, что создатели курганов – одна из групп сросткинского круга культур, ставшая основой для формирования курганов венгеровского типа.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, Средневековье, курганные могильники, сросткинская культура, венгеровская культура

Исследования проведены в рамках Проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2025-0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

В окрестностях аула Тебис (Чановский район, Новосибирская область) на берегах озер Аялвач и Таштагол расположены одноименные курганные могильники.

© Выборнов А. В., 2025

В 2022 г. значительная часть их территории, связанная с проходящими здесь нефтепроводами, была исследована широким раскопом. Могильники представляют собой группы курганов без ясной планиграфической связи – часть объектов практически не выделяются на поверхности, иные и вовсе не имеют выраженных в современном рельефе признаков, некоторое количество курганов разрушено в ходе прокладки нефтепроводов, прокладки грунтовых дорог.

Курганы содержат погребения по обряду ингумации и следы их последующего нарушения с использованием огня. Захоронения в грунтовых могилах, в том числе с деревянными обкладками и берестяным покрытием, содержат погребения как детей, так и взрослых с очень лапидарным погребальным инвентарем.

Всего исследовано четыре кургана и отдельная грунтовая могила на Озере Таштагол-1, а также три кургана и две отдельные могилы на Озере Аялвач-1. В обоих могильниках обязательным элементом является ров. Контур его подпрямоугольный, сглаженные углы, перемычка-вход с восточной стороны, сечение U-образное. Высокая, ясная насыпь формировалась не во всех случаях. На всех изученных курганах встречались следы прокаленного грунта или древесные угли – отдельные комки, пятна на горизонте, линзы в насыпи или в заплывах во рвах.

Погребения располагаются в центральной части окруженного рвом пространства. Это, как правило, одиночные ингумации, совершенные в небольших (около 10 см) углублениях от древней поверхности. На уступе с северной стороны могильной ямы располагались остатки шкуры коня в виде костей черепа и конечностей (копытами к могиле, головой на запад). На шкуре лошади фиксируются остатки стремян с прямой подножкой, вытянутым арочным проемом, отверстием для путлища на расширенной площадке дужек и удил с прямыми грызлами и стержневидными S-образными псалиями. Погребенные укладывались на дно могилы с берестяным покрытием вытянуто на спине, головой на запад. В могилах встречались многочисленные украшения (серьги, кольца, парные застежки, подвески и нашивки из мелких бляшек, бронзовых бусин и бисера, зеркало, перстни), наконечники стрел железные и костяные, а также отдельные предметы, сильно фрагментированные или неясной функции.

Могила и шкура лошади покрывались берестой. На древней поверхности находятся остатки некой рамы – сгоревших деревянных элементов, слагавших прямоугольный контур согласной ориентации между рвом и центральным погребением. Насыпь формировалась на отдельных курганах в пределах рва, подквадратной формой основания, из дерновых блоков и грунта, которые были взяты при подготовке подкурганной поверхности и копке рва. Насыпь сооружалась в несколько этапов с применением огня – разведением костров на промежуточных поверхностях. Кроме того, намеренному сожжению подвергалась окружавшая могилу деревянная рама. Уверенно следует констатировать постингумационное нарушение погребений – сохранились следы ям от поверхности насыпи в центр могил, в которых разводили костры и после того закапывались.

На южной поле насыпи кургана 4 Озера Таштагол-1 была обнаружена ямка с двумя небольшими керамическими плоскодонными сосудами с рядом ямочных вдавлений. На юго-западной поле насыпи этого же кургана было обнаружено единственное впускное погребение – покрытый берестой младенец, головой на запад. На древней поверхности, во рвах и на отдельных насыпях фиксируются немногочисленные фрагменты костей животных (как правило, череп и конечности мелкого рогатого скота), фрагменты керамических сосудов, отдельные металлические изделия (например, навершие плети).

На основании типологии предметного комплекса, анализа погребальных структур, радиоуглеродной датировки (большая часть калиброванных дат по ±2σ в пределах 887–995 гг.) следует считать, что могильники Озеро Таштагол-1 и Озеро Аялвач-1 относятся к одному историческому периоду и связаны с одной культурно-исторической общностью. Предметный

комплекс этого населения включал украшения в виде сердцевидных подвесок, сферических серег, широких перстней, парных застежек; конское снаряжение с вытянутыми стременами с прямой подножкой и удилами с изогнутыми псалиями; костяные и железные черешковые наконечники стрел; лепная керамическая посуда с плоским дном и пояском ямочных вдавлений. Обязательными элементами обряда и деталями сооружения являются ров со входом с восточной стороны, наличие деревянных обожженных элементов, захоронение головой на запад. Судя по захоронению женщины с богатым набором украшений (включающим типичные парные застежки, кольца, подвески) в кургане 7 могильника Озеро Аялвач-I и ребенка в кургане 10 могильника Озеро Таштагол-I, наличие шкуры коня не было обязательным для этой группы людей, так же как и применение берестяного покрытия дна или могилы (впрочем, эта деталь могла и не сохраниться в постингумационных условиях).

По совокупности признаков эти курганы наиболее близки отдельным курганам могильника Чулым-2, которые можно связывать со сросткинской культурой [Бараба…, 1988, с. 67] и курганами венгеровского типа по Д. Г. Савинову [Там же, с. 107–108]. Основные составляющие погребальной идеологии сближают рассматриваемые комплексы именно с венгеровской культурой – расположение погребенного и ограничение погребального пространства рвом. Остальное – детали, отражающие социальную дифференциацию и трансформацию во времени.

Мы предполагаем, что тебисские курганы созданы одной из групп носителей сросткинской культуры. Представление о том, что эта культура – синтез тюркских пришельцев и коренного населения, выраженная в предметном комплексе и некоторых особенностях курганных захоронений, многолика и по-разному проявляется в различных регионах степей и лесостепей юга Западно-Сибирской равнины, вполне обосновано. Выделяемые крупные группы Верхнего Прииртышья, Среднего Прииртышья и Верхнего Приобья [Горбунов, 2020, с. 333] соответствуют этническим (или языковым, государственным) общностям, распространившим общий облик предметов украшений и вооружения из некоего общего центра. Но и в ареалах этих крупных групп выделяются субтерритории и периоды проявления своеобразия в облике предметного комплекса и погребальных структурах. Такие явления вызваны разницей в географических условиях местности и дифференциацией носителей различных исходных культур. В случае с тебисскими курганами субстратами их создателей явились группы местной, скорее всего, поздней потчевашской культуры (согласно мнению в отношении венгеровской культуры [Молодин, Соловьев, 2004, с. 127]), и пришедших тюрок (вероятно, кыпчаков). Потчевашские признаки в погребальной практике тебисских курганов – неглубокие могильные ямы, ориентация погребенных головой на запад, использование берестяного покрытия [История Сибири, 2019, с. 370]. Схожие процессы наблюдаются у современников венгеровского типа курганов, наследниках потчевашской культуры лесного Прииртышья – носителей усть-ишимской культуры, где также начинают встречаться захоронения со шкурой коня и с использованием огня при возведении насыпей [Там же, с. 371]. Также в венгеровских курганах сохранится большая часть погребальных элементов тебисских захоронений, но пропадет обычай укладывания шкуры коня. Предметный комплекс будет расширяться за счет «лесных» вещей.

Впрочем, венгеровская культура могла сформироваться и на иной тюркской основе, а тебисские курганы являются лишь двумя могильниками из множества, которые связываются с кыпчакским населением [Кляшторный, Савинов, 2007, с. 46]. Однако ретроспективный взгляд делает неизбежной построенную взаимосвязь тебисского и венгеровского населения – на близкой территории последовательно развивается погребальная практика с совпадением большинства структурных признаков и трансформацией предметного комплекса.

Список источников

Горбунов В. В. Кимаки, кыпчаки и сросткинская культура: общее и особенное // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 332–334

История Сибири: в 4 т. Т. 2. Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Раннесредневековые миграции тюркских племен в западный ареал Великой Степи (кимако-кипчакский феномен) // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. II. С. 42–46.

Бараба в тюркское время / В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин, В. И. Соболев, Н. В. Полосьмак, Е. А. Сидоров, А. И. Соловьев, А. П. Бородовский, А. В. Новиков, А. Р. Ким, Т. А. Чикишева, П. И. Беланов. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Ю. В. Герасимов, М. А. Корусенко
Омская лаборатория Института археологии и этнографии СО РАН,
Омск, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО АРЕАЛА ПОТЧЕВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу культурной атрибуции археологических памятников степного Прииртышья с керамикой потчевашского облика. Анализ погребального обряда памятников Западной Сибири и Северного Казахстана показывает недостаточную обоснованность гипотезы о миграции носителей потчевашской культуры так далеко в степь. Имеющиеся данные позволяют локализовать ее южную периферию в лесостепном Прииртышье.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Северный Казахстан, Прииртышье, раннее Средневековье, потчевашская культура

Исследование выполнено в рамках государственного задания FWZG-2025-0014 «Население юга Западно-Сибирской равнины: социокультурная динамика и культурное наследие».

Потчевашская культура впервые выделена В. И. Мошинской на материалах курганов и городища на Чувашском мысу под Тобольском и соотнесена с населением южной зоны таежного Прииртышья второй половины I тыс. до н. э. [Мошинская, 1953, с. 216]. Границы ее распространения определены от устья Иртыша до границы с лесостепной зоной и от Тюмени до устья р. Тара [Там же, с. 218]. Этническая принадлежность населения потчевашской культуры В. И. Чернецовым была предположена как угорская [Чернецов, 1953, с. 241]. Благодаря масштабным археологическим исследованиям, развернутым в Тоболо-Иртышье в 1960-х гг. археологами из Свердловска, Москвы и Омска качественно выросла источниковая база по потчевашской проблематике. Было установлено, что ареал распространения памятников с характерной фигурно-штамповой орнаментацией охватывает не только южную тайгу, но и лесостепь, и даже северные районы степного пояса. Новые материалы позволили уральским археологам установить хронологические рамки бытования потчевашской культуры V–VIII вв. н. э. [Памятники…, 1970, с. 208], а сопоставление с материалами позднего Средневековья – предположить самодийскую принадлежность ее населения [Генинг, 1972, с. 274]. По мнению В. А. Могильникова, культура, население которой имело смешанный угро-самодийский состав, существовала в VI–IX вв. н. э., а южную границу ее распространения определяют погребения, обнаруженные в могильниках Павлодарского Прииртышья [1981, с. 86]. С этой точкой зрения согласилась и Ф. Х. Арсланова, считая, что

© Герасимов Ю. В., Корусенко М. А., 2025

курганные могильники у с. Бобровка и с. Качиры Павлодарской области маркируют инфильтрацию в этот регион «лесостепного населения Западной Сибири» [1983, с. 115]. Т. Н. Смагулов дополняет перечисленные курганные могильники поселенческими комплексами, на которых обнаружена керамика потчевашского облика, и рассматривает их как свидетельство проникновения таежников в степное Приирышье в поисках новых пастбищных угодий [2006, с. 90]. Тюменские археологи также включают указанные памятники в круг потчевашских древностей [Западная Сибирь…, 2022, с. 105; рис. 44].

Итак, памятники потчевашской культуры локализованы в таежном и подтаежном Прииртышье, в период максимального ее расширения – до южной лесостепи. Керамика потчевашского типа встречена и южнее, вплоть до Павлодарского Прииртышья, включая Бобровский и Качирский курганные могильники и поселения Кызыл-Как, Вторы 4, Комарицыно [Смагулов, 2006, с. 86]. Вопрос интерпретации указанных комплексов до настоящего времени не имеет однозначного решения. В историографии предложены варианты диффузии угро-самодийского и тюркоязычного населения, миграции таежного населения с последующей ассимиляцией кочевниками. Что касается поселений, то отнесение их к потчевашской культуре, равно как и отрицание такой возможности, при современной степени их изученности, не имеет достаточных оснований. Публикуя керамику данных памятников с потчевашской орнаментацией, Т. Н. Смагулов, не привел статистических данных, характеризующих коллекцию в целом [Там же]. Отсутствует информация о наличии и характеристике объектов на поселениях, что позволило бы соотнести их с известными памятниками потчевашской культуры по морфологическим признакам. Возможно, что эти элементы не сохранились до наших дней; подобная ситуация нередка и в Омском Прииртышье, поэтому мы не станем пока отрицать возможность интерпретации перечисленных комплексов как потчевашских. В то же время известные сегодня материалы позволяют выполнить сравнительный анализ особенностей погребального обряда, зафиксированных на памятниках Северного Казахстана и южнотаежного Прииртышья, соотносимых с потчевашским населением. Погребальный обряд Качирского и Бобровских I и II могильников охарактеризован Ф. Х. Арслановой [1968, с. 102–103]. Всего из состава могильников исследовано 14 курганов, в которых зафиксированы следующие типы погребений: кремация на стороне – 6, трупоположение на древнем горизонте – 5, ингумация в овальной яме – 2, в яме с подбоем – 1 захоронение. Костяки укладывались головой на ЮЗ, вытянуто на спине, лишь в одном случае, в могиле с подбоем, скелет был обращен к СЗ и лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами. Сопроводительный инвентарь включает предметы вооружения, детали конской сбруи, украшения, посуду, бытовые предметы; в рамках нашей темы мы остановимся на керамике. Погребения с кремацией сопровождались большим количеством керамических сосудов – до 8, в курганах с ингумацией встречены только по одному сосуду. Часть сосудов орнаментирована по шейке и плечикам рядами оттисков косо поставленного гребенчатого крупнозубого штампа, разделенными прочерченной каннелюрой, на переходе к тулову – треугольными фестонами, выполненными тем же орнаментиром, что характерно для потчевашской традиции. В то же время форма сосудов – кувшиновидная, с высокой шейкой и раздутым туловом, иногда с ребром по линии плечиков – ассоциируется, скорее, с кушнаренковской традицией керамического производства. Посуда, на которой наблюдается подобный орнаментально-морфологический синкретизм, известна на средневековых памятниках Западной Сибири [Западная Сибирь…, 2022, с. 95; рис. 37], что свидетельствует о взаимодействии носителей разных культурных традиций как механизме их развития. Погребальный обряд населения потчевашской культуры, хорошо изученный на памятниках южнотаежного Прииртышья, сочетает кремацию

на стороне и ингумацию, что зафиксировано в пределах одного могильника. Могильники известны как грунтовые, так и курганные. В составе погребального инвентаря, помимо керамики, нередки находки предметов вооружения, поясных наборов, украшений, элементов конского снаряжения, аналогичных степным. Ингумации совершались в овальных или подпрямоугольных ямах глубиной порядка метра, преобладала ориентация костяков на северо-запад, в нескольких случаях встречена ориентация на север или запад, юго-западная зафиксирована лишь единожды.

Итак, погребальный обряд двух групп памятников сближают такие элементы, как биритуализм, наличие курганного способа захоронения, использование сходных типов вещей в составе погребального инвентаря. При этом такой существенный показатель, как ориентация костяка, убедительно отличает погребения потчевашской культуры от захоронений в Качирском и Бобровских могильниках. Что же касается элементов вещевого комплекса, то они сами по себе не могут служить надежным идентификатором культурной принадлежности памятника в условиях довольно тесных обменных связей раннего Средневековья. Встречающиеся в могильниках и на поселениях таежной зоны предметы степных культур рассматриваются как результат межкультурных связей. Мы полагаем, что и керамику с характерным для таежных традиций орнаментом в комплексах степной зоны следует оценивать аналогично и не рассматривать ее как свидетельство миграций таежного населения далеко на юг.

Список источников

Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 98–111.

Арсланова Ф. Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1983. С. 105–117.

Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Н. П. Матвеева, А. П. Зыков, А. С. Зеленков, Е. А. Третьяков, А. Н. Багашев, О. Е. Пошехонова, С. М. Слепченко, Е. А. Алексеева, Л. Клима, В. С. Кулешов. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.

Могильников В. А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тысячелетия н. э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 82–86.

Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. № 35. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 189–220.

Памятники железного века в Омском Прииртышье / В. Ф. Генинг, Л. Н. Корякова, Б. Б. Овчинникова, Н. В. Федорова // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири // Томск: ТомГУ, 1970. С. 203–228.

Смагулов Т. Н. Памятники потчевашского типа в Павлодарском Прииртышье // Известия НАН РК. Сер. общественных наук. 2006. № 1. С. 85–91.

Чернецов В. Н. Усть-Полуйское время в Приобье // МИА. № 35. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 221–241.

Н. Н. Головченко
Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КАМЕНЬ-2 В ФОРМАТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается возможность интерпретации эпонимного для культуры населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа курганного могильника Камень-2 в формате поликультурности. Феномен поликультурности данного памятника обсуждается на погребальном, планиграфическом, предметном и ритуальном уровнях.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, курганные могильники, феномен поликультурности

Курганный могильник Камень-2, располагавшийся в окрестностях города Каменьна-Оби (Алтайский край) исследовался в 1974, 1975 гг. совместной экспедицией Института археологии СССР и Барнаульского государственного педагогического института под руководством В. А. Могильникова и А. П. Уманского. В ходе данных исследований было вскрыто 11 курганов скифского времени, содержавших 70 погребений. В 1976 году исследования на данном памятнике продолжили В. А. Могильников и А. В. Куйбышев, вскрыв еще 14 курганов, 13 из которых, содержащие 47 погребений, также были датированы эпохой раннего железа, а конкретно IV–III вв. до н. э.

К 1980 г. курганный могильник Камень-2 оказался самым изученным некрополем рассматриваемой эпохи в лесостепном Алтае. Во многом именно на этом основании выделенная А. П. Уманским и В. А. Могильниковым для данного период и региона культура получила название «каменской» [Уманский, 1980; Могильников, 1997]. Хотя культурная атрибуция этого комплекса оказалась затрудненной его фрагментарной публикацией, фактически изданными в усечённом варианте оказались лишь результаты работ 1976 г. [Могильников, Куйбышев, 1982].

Последнее обстоятельство дает возможность более детально рассмотреть могильник Камень-2 в формате поликультурности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Гипотеза поликультурности в отношении южносибирских материалов была высказана Д. Г. Савиновым [2002], и применена к верхнеобским находкам А. П. Бородовским [2016; 2017]. А. П. Бородовский, особо отметил, что феномен поликультурности по данным археологии может быть представлен с различной степенью достоверности на нескольких уровнях – погребальном, планиграфическом, предметном и ритуальном [2017].

Погребальный уровень. Несвоевременная публикация результатов исследований и масштабность проведенных изысканий привели к тому, что не только о структуре могильника Камень-2, но даже о его точном месте расположения существуют различные точки зрения. Разобраться с путаницей между полевой документацией и публикациями удалось только спустя 50 лет со времени исследования данного памятника, когда П. И. Шульгой и Н. Н. Головченко были предприняты работы по изданию его материалов. В процессе проведенных исследований установлена двухчастность некрополя – на нем выделяется Южная (кург. 1–12) и Северная (кург. 13–26) группа курганов, которые по своим конструктивным особенностям и сопроводительному инвентарю несколько отличаются друг от друга.

Планиграфический уровень может быть представлен как в рамках всего некрополя в целом, так и одного кургана. К примеру, на могильнике Камень-2 зафиксированы земляные курганы с кольцевым (к. 1),

© Головенко Н. Н., 2025

с разомкнутым (кург. 13, 14) и дважды разомкнутым (кург. 20, 21, 22, 23, 24, 26) ровиком. Основная же часть курганов в составе Южной и Северной групп ровиков не имела. При этом в оформлении центральных могил прослеживается следование принципу перпендикулярности, как у населения пазырыкской культуры Горного Алтая. Суть его заключается в том, что ориентация умершего перпендикулярна линии длинной оси цепочки курганов. При повороте цепочки соответственно изменялась и ориентация умерших [Шульга, 2003, с. 32]. Несмотря на то что большая часть курганов Камня-2 многомогильные (содержат от 2–4 до 20 погребений), пять курганов – одномогильные (в Южной группе – кург. 8, в Северной – кург. 14, 18, 19, 22). Подобное сочетание временных и планиграфических контекстов является одним из главных индикаторов их поликультурности.

Предметный уровень. При анализе сопроводительного инвентаря (на Камне-2 достаточно скромного) очевидна необходимость его разделения на несколько групп. Одной из них являются подлинно инокультурные предметы, имеющие прямые аналогии в погребальных комплексах другой культурной традиции из сопредельных регионов. К их числу следует отнести заколку с золотой обкладкой из погребения 6 кургана 2, аналоги которой можно усмотреть в материалах скифского времени, происходящих из Горного Алтая и Тувы. Кроме того, на Камне-2 выявлено значительное количество каменных алтариков, произведенных явно не в алтайской лесостепи и имеющих прототипы на западе (Прииртышье, Притоболье, Приуралье). Имеются и сосуды с саргатским орнаментом.

К другой группе относятся вещи из транскультурного предметного комплекса, к числу которых могут быть отнесены, к примеру, раковины каури, украшавшие пояс война из погребения 5 кургана 15 [Могильников, Куйбышев, 1982].

Особой категорией предметов с неоднозначной кулайской атрибуцией являются каменные неорнаментированные пряслица. Пряслица Южной и Северной групп Камня-2 существенно различаются между собой по материалу и форме. В Южной пять пряслиц были глиняными и одно каменное, тогда как в Северной каменных было три, а глиняное одно. Также различалась форма глиняных пряслиц: в Южной группе они в сечении уплощенные и конические, а в Северной – полушарные. Впрочем, некоторые из них могут быть отнесены к саргатской традиции.

Следующей группой важных предметов для «поликультурной диагностики» являются те, которые связаны не только с явным заимствованием, но и с адаптацией их под «местные реалии». К ним можно отнести глиняные курильницы могильника Камень-2 (5 экз.). Все они представляют собой небольшие толстостенные сосуды с отверстием в придонной части, слегка наклоненными стенками и округло-уплощенным, реже плоским дном, напоминая группу находок, хорошо известную по саргатским и не только памятникам [Зах, 2021, с. 66–82].

Особое значение для определения формата поликультурности имеют неординарные захоронения, снабженные разнокультурным сопроводительным инвентарём. К ним явно относится самое престижное на могильнике Камень-2 погребение воина с поясом, украшенным раковинами каури, массивным железным чеканом, двумя наборами конской упряжи и нагайкой, из погребения 5 кургана 15.

Ритуальный уровень. В рамках фиксируемых ритуальных практик обращает на себя внимание помещение двух поясов при погребенном. Один пояс – «воинский» (с чеканом) – был надет и застегнут, другой – «стрелковый» – оказался расстегнутым и уложенным вдоль тела (погр. 5 кург. 15). Другие явления событийной сакрализации также нашли место в среде оставившего могильник Камень-2 населения. Так, в погребении 5 кургана 16 выявлен сломанный оселок. Примечательно и то, что в Южной и Северной группе зафиксировано по одному погребению с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря (погр. 6 кург. 2 и погр. 2 кург. 25) – когда погребенного мужчину сопровождает ассоциируемый с женским

бытом предметный комплекс (пряслице, алтарик, курильница, заколки, гривны, бусины).

Подводя итог необходимо отметить, что маркеры поликультурности отмечаются на могильнике Камень-2 на всех уровнях, что отражает высокий уровень культурно-бытовой адаптивности оставившего его населения. При этом данный памятник является элитарным даже на фоне известных Новотроицкого и Быстровского некрополей, параметры погребальных сооружений, качество и количество сопроводительного инвентаря на Камне-2 достаточно низко (несмотря на наличие заколки и нескольких блях, обложенных золотом). Важной чертой могильника является и фактически полное отсутствие в его предметном комплексе изделий художественной металлопластики, выполненных из бронзы. Продолжение исследований приведет к более корректному определению места могильника Камень-2 в системе погребальных ансамблей Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Список источников

Бородовский А. П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 94–102.

Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. 2017. № 23. С. 229–240.

Зах В. А. Курильницы и блюда-алтарики саргатской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №2 (53). С. 66–82.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–135.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 195 с.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. 202 с.

Уманский А. П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 280. Барнаул: АлтГУ, 1980. С. 51–53.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 204 с.

П. К. Дашковский
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ ВТОРИЧНОГО ХАРАКТЕРА В ПАМЯТНИКАХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ХАНХАРИНСКИЙ ДОЛ)

Аннотация. В работе отражены некоторые аспекты изучения вторичных погребений пазырыкской культуры на могильнике Ханхаринский дол, который расположен в Северо-Западном Алтае. Появление вторичных погребений у кочевников связано с палеодемографическими процессами, сезонными перекочевками и традицией хоронить умерших на родовых кладбищах, что имело и определенное мировоззренческое обоснование.

Ключевые слова: Алтай, скифская эпоха, вторичные погребения

В последние годы среди исследователей наблюдается повышенный интерес к погребениям с нарушенной анатомической целостностью, а также к постпогребальным ритуалам, которые были достаточно широко представлены у разных народов, в т. ч. и у кочевников степной полосы Евразии [Очир-Горяева, 2016]. Вторичные

© Дашковский П. К., 2025

погребения фиксируются в погребальной обрядности разных народов Сибири, начиная с эпохи неолита и вплоть до этнографической современности [Зайцева, 2005]. В этой связи заслуживают внимания вторичные погребения, которые были зафиксированы в процессе раскопок курганов № 4, 5, 6, 8, 21, 37, относящихся к пазырыкской культуре, на могильнике Ханхаринский дол. Данный памятник расположен в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края) [Дашковский, 2023].

Все указанные выше погребения не содержали никаких признаков ограбления или осквернения. Установленные особенности расположения костей позволяют сделать вывод о том, что все захоронения были совершены через более или менее длительный промежуток времени после смерти, когда тело покойника частично или почти полностью разложилось. В этой связи в погребениях зафиксированы практически все кости каждого скелета человека, но несколько в смещенном состоянии.

Погребальный инвентарь из вторичных погребений могильника Ханхаринский дол достаточно разнообразный и включает в себя изделия из железа, бронзы и золота (зеркала, кинжал, ножи, удила, заколки, серьги, аппликации от головного убора), а также керамическую посуду. Указанные категории предметов требуют отдельного рассмотрения, поэтому отметим, что они имеют устойчивые аналогии среди памятников скифской эпохи Алтая [Кубарев, 1991; Кирюшин, Степанова, 2004; Дашковский, 2023; Суразаков, 1989]. На основании проведенного анализа курганы № 4, 5, 6, 8, 21 и 37 могильника Ханхаринский дол датированы IV–III вв. до н. э.

Вторичные погребения в могильниках скифской эпохи Горного Алтая встречаются не часто. В частности, такие объекты были обнаружены на Средней Катуни при исследовании курганов на могильнике Верх-Еланда-2 [Степанова, Неверов, 1994, с. 19], а также на некрополях Барангол-2, 4, Чултуков Лог 1, 2 [Бородовский, Бородовская, 2016].

Важно отметить, что в районе среднего и нижнего течения р. Катунь вторичные погребения обнаружены в курганах, которые относятся к кругу не совсем классических памятников пазырыкской культуры. В данном случае исследователи отмечают, что такие объекты выявлены на могильниках т. н. северо-пазырыкской погребальной традиции [Бородовский, Бородовская, 2016, с. 146] или т. н. тыткескенского варианта пазырыкской культуры [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 167]. Либо они обнаружены на некрополях, на которых фиксируется межкультурное взаимодействие, поскольку на таких памятниках выявлены погребения северопазырыкского, кара-кобинского типов и захоронения быстрянской культуры [Бородовский, Бородовская, 2016, с. 146]. Некоторые ученые высказали мнение, что вторичные погребения со следами действия огня, наряду с погребальной конструкцией в виде рамы и отсутствием сопроводительных захоронений лошадей, не являются типичными чертами погребального обряда пазырыкской культуры [Кубарев, Шульга, 2007, с. 11].

Результаты исследования погребений на могильнике Ханхаринский дол позволяют дополнить сделанные выводы относительно рассматриваемого феномена. Прежде всего необходимо отметить, что раскопки более 40 курганов на некрополе Ханхаринский дол показали, что значительная их часть может быть отнесена именно к классическим памятникам пазырыкской культуры.

Примечательно, что из шести вышеуказанных вторичных погребений в пяти случаях зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей. Обратим внимание на то, что если сопроводительные захоронения лошадей в курганах пазырыкской культуры встречаются примерно в 37 % случаях [Тишкин, Дашковский, 2003], то на могильнике Ханхаринский дол этот показатель существенно выше, что подчеркивает особый социальный статус похороненных людей [Дашковский, 2023]. Во-вторых, важно отметить половозрастной состав погребенных. В пяти из шести курганов это были одиночные погребения

женщин (курганы № 4, 6, 8, 21, 37), а в одном случае парное погребение ребенка и подростка мужского пола (курган № 5). Среди женских погребений обращает на себя внимание тот факт, что в четырех случаях это были захоронения достаточно возрастных и даже пожилых женщин в возрасте 35–50 лет и старше 55 лет. Только в одном случае в кургане № 21 зафиксировано погребение молодой девушки в возрасте 17–19 лет. Среди исследованных вторичных погребений в курганах скифского времени в районе нижнего и среднего течения р. Катунь также обнаружены преимущественно женские вторичные погребения [Бородовский, Бородовская, 2016; Степанова, Неверов, 1994].

В-третьих, следует обратить особое внимание на наличие на костях искусственных повреждений, нанесенных острым инструментом, что свидетельствует в пользу того, что тела умерших людей в той или иной мере препарировали. При этом предпринимались определенные меры по сохранению «формы тела» [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005]. Отмеченная практика обращения с телами покойников на могильнике Ханкаринский дол находит определенные аналогии в Минусинской котловине [Murphy, 2004, с. 122–132] и в Туве [Мандельштам, 1983, с. 27; 1992, с. 181]. По мнению Э. М. Мерфи, с которым можно согласиться, практика вторичных погребений в скифское время на территории Евразии, вероятнее всего, связывается с сезонными миграциями и необходимостью хоронить покойников на родовых кладбищах [Murphy, 2004, с. 122–132]. Наличие вторичных погребений женщин в достаточно зрелом и преклонном возрасте в погребениях скифского времени Алтая вполне закономерно, поскольку, вероятно, сезонные или вынужденные перекочевки были для них особенно тяжелы.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в курганах № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский дол обнаружены погребения вторичного характера. Основная причина появления практики вторичных погребений у кочевников Горного Алтая в скифское время, вероятно, связана с палеодемографическими процессами, сезонными перекочевками и традицией хоронить умерших на родовых кладбищах, что имело и определенное мировоззренческое обоснование.

Список источников

Бородовский А. П., Бородовская Е. П. Вторичные погребения раннего железного века горной долины нижней Катуни // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 134–146.

Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Выпуск 6).

Дашковский П. К., Тишкин А. А., Тур С. С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. 292 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.

Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг: Некоторые итоги и перспективы // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.

Очир-Горяева М. А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 113–128.

Степанова Н. Ф., Неверов С. В. Курганный могильник Верх-Еланда-2 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Murphy E. M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia // Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Наука, 2004. Вып. 3. С. 122–132.

М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

УЮКСКИЕ КУРГАНЫ В ДОЛИНЕ ЦАРЕЙ (ТУВА)

Аннотация. В Уюкской котловине исследована серия памятников уюкского этапа уюкско-саглынской культуры (конец VI–IV вв. до н. э.). Это земляные насыпи; центральная могила в срубе в три венца, в глубокой яме, пол и перекрытие в одном направлении; несколько костяков лежат головой на З, на боку с согнутыми ногами. Нет каменных «подушек», керамики и бронзовых пряжек со шпеньком, что отличает эти памятники от саглынского этапа.

Ключевые слова: уюкско-саглынская культура, курганные могильники, погребальный обряд, коллективные захоронения, керамика, украшения, оружие

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

К уюкскому этапу уюкско-саглынской культуры – концу VI–IV вв. до н. э. в Турано-Уюкской котловине, которая в настоящее время известна как Долина царей, относятся могильники Кош-Пей 1 и 2, Белое озеро 3 и 4 (раскопки Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН 1987–1990, 2009, 2010, 2013 гг., руководитель Вл. А. Семенов), курган к западу от пос. Аржан (Л. С. Марсадолов, 1989), Уюк-Тарлак (А. В. Адрианов, 1916), Туран I–V и Уюк I, II (С. А. Теплоухов, 1927, 1929), Малиновка 1 (А. М. Мандельштам, 1977–1978).

Курганы около горы Кош-Пей – элитные комплексы: большие наземные сооружения с глубокими ямами, сложными конструкциями, большим количеством украшений из драгоценных металлов, предметами из бронзы (оружием, зеркалами, деталями пояса) [Семенов, 2010, с. 241–246]. На могильнике Кош-Пей 1 раскопано три кургана. Кург. 1 имел земляную насыпь, кург. 2 – без наземного сооружения, кург. 3 – земляная насыпь обложена по краю камнем. Ровиков, характерных для других сооружений Кош-Пейской группы, не зафиксировано. Для всех исследованных объектов отмечено, что перед погребением поверхность земли под курганом была зачищена до материка, т. е., снят дерн и слой белой засоленной земли, в кург. 1 на этом уровне по всей площади был разведен костер, а в кург. 3 – уложен слой ила, покрытый ветками караганника. Могильные ямы имели форму усеченной пирамиды – верхняя часть была почти в два раза больше нижней, где устанавливался сруб. Сверху был уступ, на котором лежали бревна перекрытия ямы. Прослеживаются «дромосы» – кург. 1 и кург. 3 с ЮВ угла ямы, кург. 2 – с Ю, которые были довольно неглубокие и имели символическое значение. Особенной была организация внутримогильного пространства в кург. 3 – сверху на краю ямы лежали четыре массивных бревна лиственниц, стены были облицованы деревянными плахами, покрытыми слоями вываренной бересты; в верхней части находилась решетчатая конструкция с частично сохранившимся берестяным покрытием, напоминающая каркас юрты. Срубы небольшие по площади 4×4 и 3×3 м, сложены в три венца и перекрыты массивными бревнами в 3–4 наката, лежащими параллельно полу из толстых досок. Несмотря на то что все погребения ограблены в них сохранился достаточно представительный набор инвентаря, свидетельствующий о том, что здесь были погребены представители элиты. Среди находок нашивные бляшки на одежду из золотой фольги в виде птицегрифов и пантер, золотая накладка на пояс в виде лошади с крылом, железные, плакированные золотом поясные пряжки в виде скребущего хищника и спиралевидных узоров, золотое навершие головного убора

© Килуновская М. В., Семенов Вл. А., 2025

в виде козла, стоящего на конусовидной подставке, золотая серьга с витой из золотых нитей цепочкой с сердоликом, многочисленные бусы из сердолика, бирюзы и пасты, золотой бисер и многое другое. Везде найдены бронзовые зеркала, наконечники стрел, втоки от акинаков, а также остатки железных предметов, плакированных золотом. Интересен бронзовый котелок-курильница из кург. 2, находящий аналогии в пазырыкской культуре. Кург. 1 на Кош-Пее 2 несколько отличается от описанных выше – земляная насыпь, сильно потревоженная при распашке имела меньшие размеры (30 м), четко прослеживается ров, заполненный горелой землей и имеющий перемычки с ЮВ и СЗ, нет перекрытия ямы и дромоса. В разграбленном погребении сохранились золотые нашивки на одежду и серьги. Курганы, раскопанные на могильнике Кош-Пей, представляют определенное культурное и хронологическое единство, о чем свидетельствует вещевой комплекс из погребений, который в сочетании с датами ^{14}C позволяет их датировать в пределах конца VI – начала V вв. до н. э. [Семенов, 2015, с. 186–187].

Захоронения на Белом озере характерны для уюкской культуры – коллективные, в срубах в глубоких ямах, были сделаны для рядового населения [Килуновская, 2015, с. 137–149]. Могильник Белое озеро 3 исследован полностью и широкой площадью. Состоит из четырех курганов, вытянутых в цепочку СВ – ЮЗ, наземные сооружения представляют собой высокий валик выброса из ямы, покрытый камнями, по краю окруженный кольцом-крепидой со входами с З и В, а в кург. 3 – рвом. Диаметр курганов 22–30 м, высота до 1,6 м. Под курганом прослеживается платформа из темно-серой гумусированной супеси. Валик выброса не использовался для заполнения могилы, которая заполнялась землей и глиной, взятой из Белого озера. В валике выброса найдено несколько впускных детских захоронений. В кург. 3 и 4 зафиксированы прорезающие валик выброса «дромосы» – с ЮЗ и СВ. Скорее всего, это были грабительские ходы, но, возможно, и подхоронительные. В кург. 4 он шел до самого перекрытия сруба и был заполнен камнем. Глубина могильных ям около 4 м. Зафиксированы перекрытия ям на глубине около 2 м на специальной приступке. Перекрытие сруба, которое лежит параллельно полу, делалось из горбыля в несколько слоев, перемежающихся берестой, Все захоронения ограблены еще в древности через центр. Могилы «очищены» почти полностью – практически нет останков погребенных, вещевой комплекс очень скудный – несколько золотых нашивок, фрагмент пояса, наконечники стрел. В кург. 1 – извлеченные из могилы человеческие останки были сложены на помост на краю могилы. По всей видимости, ограбление носило определенный ритуальный характер.

Отличительная черта могильника Белое озеро 3 – с востока цепочка из ритуальных колец с костями жертвенных животных (в основном МРС и лошади), углями и фрагментами красноглиняных и сероглиняных сосудов, с выделенными венчиками и налепами с насечками под валиками, баночной формы, которая сближает эти памятники с предыдущей алды-бельской, раннескифской культурой. Датируется могильник концом VI–V вв. до н. э.

К середине-концу VI в. до н. э. относятся кург. 2 и 3 на Белом озере 4 (раскопки В. А. Завьялова 2013 г.) [Предварительные итоги..., 2014, с. 347–353]. Они возникли немного раньше и относятся к переходному этапу от алды-бельской к уюкской культурам. Особенно интересно неразграбленное погр. 4 кург. 3, в котором захоронено четыре человека. У взрослого мужчины, в грудном позвонке которого обнаружены фрагменты острия кинжала, найдены бронзовый кинжал с навершием в виде грифонов, чекан и колчанная крепежная гарнитура. При скелете женщины найдены золотые пектораль и сережка, каменный оселок, деревянный гребешок, бронзовые зеркало, нашивка на кожаную сумочку в виде стилизованной пантеры, ножичек и шило в кожаном чехле, а также берестяной туесок и деревянный ковш. Скелеты 3 и 4 – двух подростков, также сопровождались инвентарем, следует упомянуть подвеску из рога и золотую серьгу.

Перед нами семейный склеп, рассказывающий о культуре рядового населения уюкской культуры.

Несмотря на то что все эти памятники очень сильно разграблены, на примере как элитных, так и рядовых захоронений можно установить закономерности в изменении погребального обряда и инвентаря, произошедшие в середине VI в. до н. э. и обусловленные проникновением на территорию Тувы инноваций.

В непосредственной близости от Белого озера на могильнике Оргу-Хову 2 исследован курган позднего, следующего за уюкским, этапа скифской культуры IV–III вв. до н. э. В нем фиксируются существенные изменения в обряде и вещевом комплексе – высокий сруб в сравнительно неглубокой яме, пол и перекрытия которого положены перпендикулярно, вазообразный высокогорлый керамический сосуд, многочисленные раковины каури – украшения пояса, костяные широкие накладки на лук, тонкие нашивные бляшки на одежду из золотой фольги и др. Все это демонстрирует проявление новых культурных реминисценций, которые широко распространяются на позднем этапе скифских культур в Центральной Азии.

Список источников

Килуновская М. Е. Комплекс памятников скифского времени на Белом озере в Уюкской котловине (Тува) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 137–149.

Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. / М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов, В. Глухов, В. А. Завьялов, Т. Р. Садыков, Н. Ю. Смирнов // Бюллетень № 4. Охранная археология. СПб.: Периферия, 2014. С. 327–366.

Семенов Вл. А. Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI –V вв. до н. э.) // Древние культуры Евразии. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 241–246.

Семенов Вл. А. Элитные погребения уюкской культуры у горы Кош-Пей (Тува) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Оттиск, 2015. С. 178–187.

С. М. Киреев[1], А. А. Тишкин[2]
[1] Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия
[2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КИНЖАЛЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А. В. АНОХИНА

Аннотация. В Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина хранится небольшая коллекция кинжалов из цветного металла, которые могут быть отнесены к раннескифскому времени. Эти находки неоднократно привлекались исследователями для решения разных научных задач. Однако в публикациях встречаются неточности, что снижает эвристическое значение археологических источников и обозначает необходимость исправления ситуации.

Ключевые слова: музей, кинжалы, раннескифское время, история изучения

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Коллекция из пяти древних кинжалов (рис. 1), ныне хранящихся в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина (далее – НМРА), сформировалась в период с 1939 до 1982 гг. Все эти предметы являются случайными находками. Они неоднократно рассматривались исследователями, которые занимались изучением вооружения населения Алтая I тыс. до н. э., а также более широким спектром проблем. Основ-

© Киреев С. М., Тишкин А. А., 2025

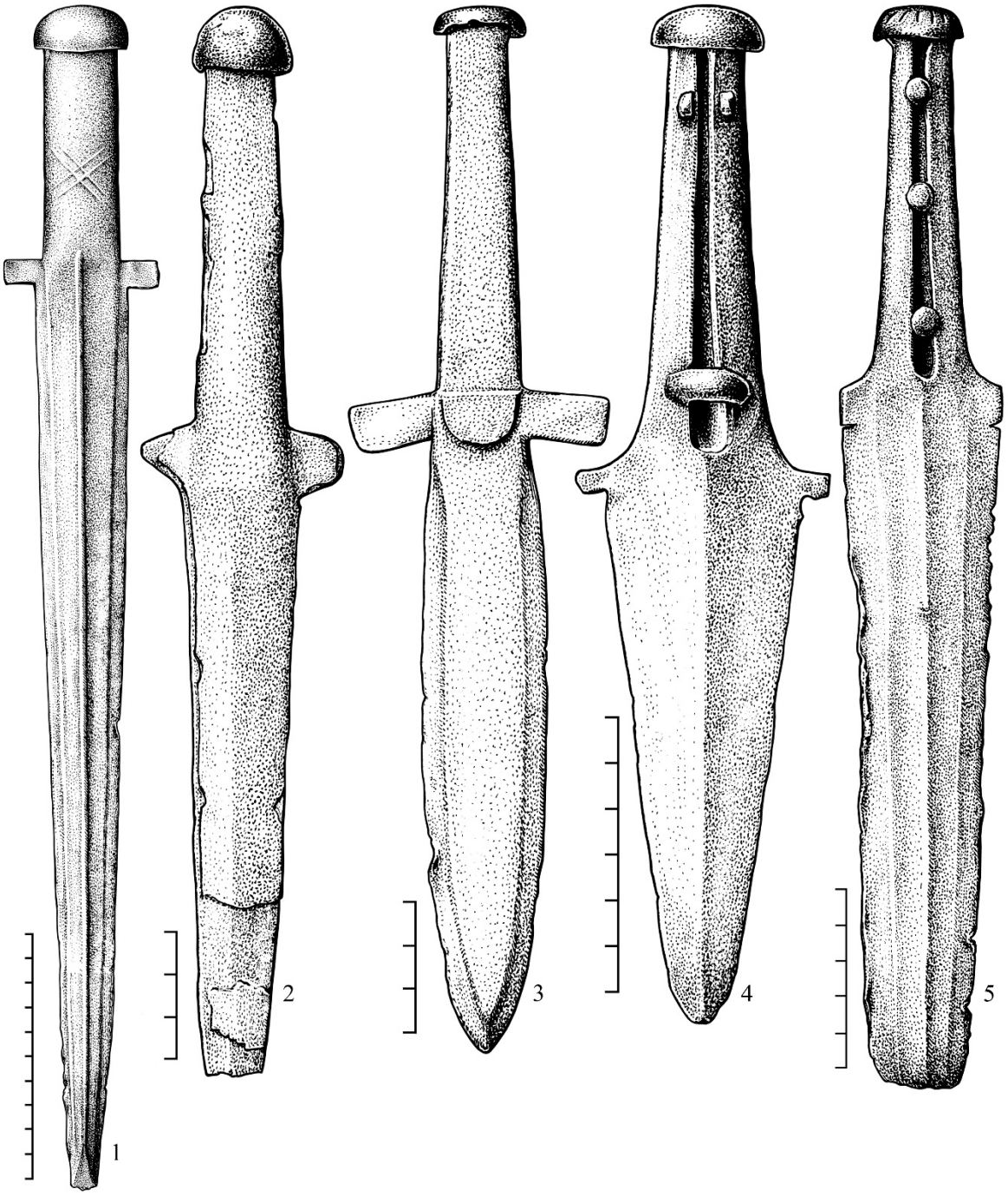

Рис. 1. Кинжалы из собрания НМРА (рис. И. А. Чудилина)

ная цель данного сообщения заключается в том, чтобы привести сведения о кинжалах в соответствие с музейной документацией для дальнейшего, более детального изучения важных археологических источников.

М. П. Грязнов, обосновывая выделенный им майэмирский этап эпохи ранних кочевников Алтая, в перечне случайных находок указал бронзовый кинжал с р. Яшмеш, имевшийся в фондах музея [1947, с. 14, рис. 5–6]. Эта находка (рис. 1, *2*) значится в Книге поступлений НМРА. Запись сделана 22 октября 1953 г. под номером 226. В музейной документации дается описание кинжала «…с полукруглой шляпкой на рукоятке», покрытого благородной патиной. «Носок обломан, в нескольких местах поврежден». Кроме этого, приводятся размеры (длина 25,4 см, ширина 4,7 см) и инвентарный № 1312, отмечены неполная сохранность и материал (бронза). Важным является информация о происхожде-

нии: «Найден на реке Яш-мош (Jаш мӧш), приток Каракола, Элекмонарского аймака на глубине 1,5 м старожилами 15.05.1939 г.».

Н. Л. Членова [1976, табл. 6. 7, 11, 12] в одной из своих монографий опубликовала три кинжала из рассматриваемой коллекции (рис. 1, *1–3*). Первый из них (рис. 1, *1*) в Книге поступлений НМРА записан 6 октября 1969 г. под номером 6 408. Имеются такие сведения о нем: «Акинак – кинжал бронзовый; инв. № 1499; материал: металл – бронза; размеры: длина 49 см, ширина 4 см; сохранность: покрыт зеленой патиной, носок обломлен; происхождение: Передано из Шебалино около ДЭУ, выкопано из земли и доставлено Морозовым». О втором кинжале (рис. 1, *2*) информация приведена выше. Третья находка (рис. 1, *3*) в музейной документации представлена следующим образом: «Кинжал бронзовый, обоюдоострый, лезвие сильно оттянуто и выщерблено, середина выпуклая, ручка оканчивается заступами в 2 см. Инв. № 1519. Материал: бронза. Размеры: длина 24 см. Сохранность: хорошая. Происхождение: найден в Усть-Канском р-не, перевал Келей в 8 км от с. Келей. Найден Белековым В. Б. Закуплен музеем». Информация записана в Книге поступлений 29 июня 1973 г. под номером 7 310. Там также указан акт закупки № 49 от 27.06.1973 г.

Н. Л. Членова, впервые публикуя находку из с. Шебалино, назвала ее «кинжалом-мечом». Она дала краткую характеристику изделию, указала на возможность сопоставления его с предтагарскими кинжалами из Минусинской котловины, а также с бронзово-железными мечами с Украины, что позволило обосновать вероятную датировку VII–VI вв. до н. э. [Членова, 1976, с. 40]. Что касается кинжала с р. Яшмеш, то Наталья Львовна согласилась с датой, ранее обозначенной М. П. Грязновым, но предложила отнести его к переходным карасукско-майэмирским предметам вооружения [Членова, 1976, с. 41]. Рассматривая впервые опубликованный кинжал с перевала Келей (рис. 1, *3*), Н. Л. Членова [1976, с. 40] отметила его близость по форме клинка с «предтагарскими» кинжалами.

Следующей по хронологии изданий является статья В. Д. Кубарева [1981], посвященная преимущественно пазырыкским кинжалам. Но наряду с ними опубликованы более ранние изделия ближнего боя, а также кинжал, найденный «у с. Дектиек» (рис. 1, *1, 2, 4*). В Книге поступлений НМРА эта находка записана 17 ноября 1975 г. под номером 7 839. В музейной документации она представлена следующим образом: «Кинжал бронзовый – имеет небольшое перекрестие, основание гораздо шире рукояти. Рукоять имеет продольную прорезь. Инв. № 64. Материал: бронза. Размеры: длина – 22 см, ширина – 4,5 см. Сохранность: хорошая. Передал Фалев М. (в справочной карточке записан как Фалеев М. – *Авт.*), житель с. Шебалино. Акт № 70». Отмеченные Владимиром Дмитриевичем особенности изделия позволили сопоставить этот кинжал (рис. 1, *4*) с позднекарасукскими экземплярами [Кубарев, 1981, с. 31, рис. 1. 4].

В 1982 г. опубликована сводка изделий эпохи бронзы из Горного Алтая. Там также приведен кинжал из Дъектиека (рис. 1, *4*), но ошибочно указано, что он из Шебалино, а также отражено мнение Н. Л. Членовой о позднекарасукской принадлежности изделия и датировке VIII–VII вв. до н. э. [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 58, рис. 6. 6].

В 1986 г. В. А. Кочеев [1986, рис. 1. 1] впервые опубликовал кинжал (рис. 1, *5*) из окрестностей с. Чибиля Улаганского района, описав его общие признаки (грибовидное навершие и рукоять с односторонним желобком с кнопками-перемычками) и датировав VIII–VII вв. до н. э. Необходимо также привести музейные сведения о находке, которая в Книге поступлений НМРА записана под номером 8 412. Имеется такая информация: «Кинжал бронзовый карасукской эпохи. Инв. № 1 552. Дата поступления 24.02.1982 г. Материал: бронза. Размеры: длина 30 см, клинка 20 см, Сохранность: конец клинка обломлен, на лезвии зазубрины. Происхождение: кинжал найден в 1978 г. в урочище Шибелу-Сёок недалеко от с. Чибиля Улаган-

ского района. Он лежал между камней в сухом месте. Передал Чуу Анатолий Алексеевич в феврале 1982 г.».

В последующие годы все представленные выше кинжалы использовались исследователями [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кочеев, 1999]. Их общей идеей являлось то, что такие изделия могут датироваться в рамках VIII–VI вв. до н. э. и связаны с культурой, получившей название «бийкенская» [Тишкин, 2011]. При этом стоит отметить использование устаревших обозначений в коллективной монографии «Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века», в которой опубликован кинжал из Дьектиека и упомянута без иллюстрации находка из с. Чибиля [Алтай…, 2009, рис. 18. 9]. Частично это же можно сказать и о недавно опубликованном сообщении В. Хорват [2024].

В заключение следует указать, что часть публикуемой информации подготовлена по записям в Книгах поступлений НМРА и справочных карточках, в свое время составленных сотрудниками музея Л. Соколовой, В. Н. Елиным и В. А. Кочеевым. Более детальное изучение кинжалов будет дано в планируемых статьях.

Список источников

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.

Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С. П. Грушин, Д. В. Папин, О. А. Позднякова, Е. А. Тюрина, А. С. Федорук, С. В. Хаврин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.

Кирюшин Ю. Ф. Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кочеев В. А. О некоторых случайных находках из Горного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 158–164.

Кочеев В.А. Оружейный комплекс раннескифского времени Горного Алтая (проблема реконструкции военного дела) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. Вып. № 4. С. 110–120.

Кубарев В. Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29–54.

Тишкин А. А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica». Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 272–290.

Хорват В. Бронзовые кинжалы в предгорьях Алтая в начале скифского времени, отражающие западные влияния // VI Северный археологический конгресс. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2024. С. 249–252.

Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.

Г. В. Кубарев
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ТЮРКСКОЙ ЗНАТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО АЛТАЯ

Аннотация. В статье рассматриваются все известные на сегодняшний день поминальные комплексы тюркской знати на территории Российского Алтая. Автор анализирует их конструктивные особенности, основания для датировки и племенной принадлежности. Алтайские памятники сильно уступают в статусности десяткам поминальных комплексов Центральной Монголии, Восточного Казахстана и Центрального Тянь-Шаня.

Ключевые слова: Российский Алтай, поминальные комплексы, тюрки

Исследование выполнено по проекту РНФ № 24-28-01323, https://rscf.ru/project/24-28-01323.

В 1964 году С. С. Сорокин впервые обнаружил и описал тюркский поминальный комплекс с валом, рвом и двумя каменными изваяниями на правом берегу р. Джа-

© Кубарев Г. В., 2025

затор на Алтае [1969, с. 77–79, рис. 7, 8]. Однако в результате более чем десятилетних целенаправленных работ с конца 1960-х по начало 1980-х гг., В. Д. Кубареву удалось обнаружить еще девять подобных раннесредневековых сооружений с валом и рвом. В своей обобщающей монографии по тюркским каменным изваяниям Алтая исследователь отдельно и достаточно подробно их охарактеризовал и отнес к так называемому аютинскому типу поминальных оградок Алтая [Кубарев, 1984, с. 50–55]. Главной отличительной особенностью этих поминальных сооружений он считал наличие вала и рва. Четыре подобных объекта (Макажан, Малталу, Ян-Гобо, Актру) были им исследованы [1984, с. 52–55, табл. XXX, XLI, 1, XXXIX]. Автор данной статьи раскопал еще одно сооружение с валом и рвом – памятник Аржан-Бугузун [Кубарев, Слюсаренко, Кубарев, 2009]. Наконец, еще одна оградка с валом и рвом (Бертек-6) была зафиксирована на плоскогорье Укок, на левом берегу р. Ак-Алаха [Археологические…, 2004, с. 128]. Таким образом, на сегодняшний день на территории Российского Алтая известно одиннадцать подобных поминальных сооружений. Причем все они расположены на юге и юго-востоке этого региона, к которому с юга примыкает Монгольский Алтай.

Несмотря на то что В. Д. Кубарев отнес такие сооружения к одному типу, они достаточно разнородны. Первую и наиболее многочисленную группу таких памятников составляют многоплитовые квадратные ограды размером около 4–5 м, окруженные валом и рвом размерами в среднем 20×16 м. Это 6 объектов в местностях Малталу, Кыпчыл (два комплекса), Боголок, Актру, Бертек. Памятники представляют собой от одной до двух-трех оградок, окруженных валом и рвом. В случае двух или трех сооружений, они возводились по оси С–Ю. Исследованный в Хар-Ямаатын-гол на территории Монгольского Алтая поминальный комплекс с валом и рвом, в центре которого находилась многоплитовая квадратная ограда, на основе методики wiggle-matching был датирован 655–660 гг. [Кубарев, 2015, с. 148]. Учитывая реалии, изображенные на изваяниях из поминального комплекса Кыпчыл (коленчатый кинжал, кувшинообразный сосуд), можно предположить, что он относится ко второй половине VI – первой половине VII вв.

Во вторую группу входят два поминальных комплекса в урочище Малталу и в степи Макажан, главным отличием которых является оградка в виде четырехплитового ящика. Размеры оградок составляют 1,5×1,5 м и 2×2 м. Они также окружены валом и рвом, размерами 9×9 м и 12×10 м. На внешних сторонах плит оградки из Макажана зафиксированы рисунки животных, тамги (?) и орнамент в виде косой сетки [Кубарев, 1984, табл. XXX, 2, 3]. На территории Центральной Монголии к ним близки тюркские поминальные сооружения вариантов I-Б-в и II-А-в по типологии В. Е. Войтова, предположительная датировка которых приходится на начало VIII в. [1996, с. 32, 49].

У многих из оградок первой и второй групп у восточной стенки были установлены реалистичные и мастерски выполненные изваяния, а на восток отходили ряды балбалов. Как правило, в восточной части вала и рва этих сооружений имеется проход. Некоторые из раскопанных поминальных оградок как первой, так и второй групп имели столбовые ямки с остатками деревянных стволов – в центре и по периметру.

Остальные три сооружения аютинского типа являются единичными для территории Российского Алтая и во многом для сопредельных регионов. Так, необычайно большая многоплитовая оградка (13,5×13,5 м) в Ян-Гобо не имела вала и рва, однако насчитывала 57 балбалов, отходящих на восток на расстояние 220 м [Кубарев, 1984, с. 53, 54, табл. XXXIX]. После выборки каменного заполнения внутри сооружения и за пределами ее восточной стенки была прослежена тщательная вымостка поверхности плитами и камнями. Снаружи и вдоль восточной стенки ограды зафиксировано шесть столбовых ямок с остатками лиственничных стволов. В центре сооружения находилась яма (245×170 см) с подобием деревянного гробовища. Вероятно, прав был В. Е. Войтов, который предполо-

жил, что памятник Ян-Гобо относится к эпохе Первого Тюркского каганата – второй половине VI – началу VII вв. и соотносится с вариантом I-А-а его типологии [1996, с. 27, 30, 68–70].

Еще одно раскопанное сооружение Аржан-Бугузун находится в верхнем течении р. Бугузун. Оно представляло собой четыре каменные насыпи (диаметром от 2 до 10 м), возведенные в ряд по линии В – З и окруженные валом и рвом. Размеры этого сооружения составляли 32×36 метров. Сторонами оно ориентировано почти строго по странам света. В северной стенке вала и рва различимы три прохода, каждый шириной около 1 метра. Под насыпями курганов ям и погребений не зафиксировано, каменные изваяния и балбалы отсутствовали. По аналогиям – украшениям конской узды в полихромном стиле, найденным в насыпи объекта № 1, – и радиоуглеродным датам этот поминальный памятник датируется V–VI вв. [Кубарев, Слюсаренко, Кубарев, 2009, с. 314, 315].

Еще одно сооружение с валом и рвом в долине р. Башкаус размерами 20×16 м, с проходом в восточной части. В его центре возведен каменно-земляной курган диаметром около 8 м. Изваяние не найдено, однако в восточном направлении отходит ряд камней-балбалов.

Подводя итог нашему исследованию, можно прийти к нескольким выводам:

1. На территории Российского Алтая известно небольшое количество тюркских поминальных сооружений (11 объектов), и все они концентрируются в его южной и юго-восточной частях. Наряду с территорией Тувы и Хакасии этот регион следует считать периферийным по отношению к подобным памятникам в Монголии, Центральном Тянь-Шане и Восточном Казахстане.

2. Большая часть, а именно первая и вторая группы объектов, по своим конструктивным особенностям находят многочисленные аналогии с памятниками на территории Монголии. В частности, оградки в виде четырехплитового ящика (как с валом и рвом, так и без них) на юге Алтая, вероятно, оставлены собственно тюркамитугю, относятся к периоду Второго Тюркского каганата (682–744 гг.), с большой долей вероятности – к периоду союзнических отношений и сюзеренитета тюрок над карлуками на территории Алтая в 682–710 гг. Поминальные сооружения аютинского типа с многоплиточными оградками, вероятно, были оставлены преимущественно другими тюркоязычными кочевниками – карлукскими племенами – в VII–VIII вв.

3. Памятник Аржан-Бугузун содержит украшения в полихромном стиле и относится к предтюркскому времени – V–VI вв. Вероятно, это сооружение можно считать поминальным и предполагать его генетическую связь с поминальными сооружениями тюркской знати. Прежде всего, их сближает наличие вала и рва. Еще два поминальных памятника (Ян-Гобо и Башкаус), вероятно, датируются эпохой Первого Тюркского каганата – второй половиной VI – началом VII вв.

4. По размеру поминальных сооружений, отсутствию таких важных элементов, как черепаха со стелой, скульптур сановников, львов и пр., изваяний аристократов, сидящих по-восточному, крупных руничесских, согдийских текстов либо текстов на брахми алтайские памятники сильно уступают в статусности десяткам поминальных комплексов Центральной Монголии [Войтов, 1996], каганским поминально-погребальным комплексам Елеке сазы в Восточном Казахстане [Самашев, 2022] и Малый Хонахай в Центральном Тянь-Шане [Lin Meicun, 2005]. Поминальных и погребальных памятников каганского статуса и высшей элиты Тюркских каганатов на территории Российского Алтая до сих пор не обнаружено. По моему мнению, это лишний раз подтверждает периферийность этого региона, в котором, согласно письменным источникам, проживали карлукские племена, и номинальность его вхождения в состав Тюркских каганатов.

Список источников

Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). / В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак, А. В. Новиков, Е. С. Богданов, И. Ю. Слюсаренко, Д. В. Черемисин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с. (Мат-лы по археологии Сибири: Вып. 3).

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: ГМВ, 1996. 152 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-гола (Монгольский Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 136–150.

Кубарев Г. В., Слюсаренко И. Ю., Кубарев В. Д. Исследование поминального комплекса V – начала VI вв. Аржан-Бугузун на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 312–316.

Самашев З. С. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 4 (34). С. 163–190.

Сорокин С. С. Материалы к археологии Горного Алтая // Учен. зап. ГАНИИИЯЛ. Барнаул: Алт. книжн. изд-во, 1969. Вып. 8. С. 71–88.

Lin Meicun, A survey of the Turkic cemetery in Little Khonakhai // Les Sogdiens en Chine. Paris, 2005. P. 341–358. (École Française d'Extrême-Orient, Etudes thématiques, 17).

Л. С. Марсадолов
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ИХ ЛАНДШАФТНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены новые подходы к изучению «оленных» камней Монголии и Тувы. Анализируются нанесенные на них изобразительные образы, которые имеют близкие семантические параллели в более поздних памятниках Алтая и других регионов. Одной из недостаточно изученных научных проблем является исследование природного окружение вокруг каменных изваяний разных исторических периодов.

Ключевые слова: «Оленные» камни, Монголия, Тува, Алтай, ландшафт, изобразительные образы, семантика

Археологи многих стран мира внесли большой вклад в изучение «оленных» камней в разных регионах Азии. В ходе 150-летних научных исследований было найдено большое число этих объектов – около 1,5 тыс., а с помощью традиционных и новых методов копирования созданы хорошие прорисовки многих каменных изваяний.

«Оленные» камни Центральной Азии – сакрально и семантически сложные объекты, в которые заложена сумма мировоззренческих знаний древних кочевников Евразии как об окружающем мире, так и о социальной структуре. Эти объекты входили составной частью в крупные и небольшие межплеменные, племенные, родовые ритуальные и культовые центры.

На современном этапе научных исследований ландшафтный аспект – природное окружение вокруг каменных изваяний разных исторических периодов на археологических памятниках Евразии – является одной из недостаточно изученных проблем.

Археологи выяснили, что лицевой частью многие «оленные» камни Центральной Азии ориентированы в восточную сторону. Но на какую точку в окружающем ландшафте направлен «*взгляд головы изваяния*» и почему выбрана именно эта точка – эти проблемы почти не рассматриваются археологами. В ходе работ Саяно-

© Марсадолов Л. С., 2025

Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа на археологических памятниках Алтая и Тувы в 1980–2010-х гг. были предприняты попытки найти научное объяснение для этих проблем [Марсадолов, 2007]. С 1987 г. в Пулковской обсерватории РАН совместно с Эрмитажем была разработана методика полевых геодезических измерений и созданы программные средства для астроархеологических исследований памятников древних культур.

Место для сооружения каменных изваяний и курганов-храмов для таких объектов, как Аржан-1, Юстыд, Адыр-Кан (Чуйский комплекс), Улуг-Хорум, выбиралось, вероятно, очень тщательно и долго, т. к. центральной точке для возведения сакрального объекта придавалось большое значение. Следует отметить одинаковые принципы при выборе центральной точки на этих объектах в разных районах Саяно-Алтая: в древности выбирали межгорную долину, которую окружали относительно высокие северные и южные отроги гор, но низкие восточные и западные точки ландшафта. В ходе полевых исследований САЭ ГЭ было выяснено, что выбор низких точек на востоке и на западе объясняется тем, что они лежат на линии весеннего и осеннего равноденствия солнца. Это астрономическое наблюдение подтверждается и тем, что на ряде «оленных» камней изображен солнечный диск с лучами.

Из ландшафтных и астрономических данных вытекает новый семантический аспект для объяснения ряда изобразительных образов на «оленных» камнях Монголии и Саяно-Алтая (рис. 1). На ряде «оленных» камней с изображениями, созданных «артелями мастеров» в IX–VII вв. до н. э., довольно четко отразились два основных сезона – Весна и Осень, переданных через сакральные образы Оленя и Кабана. Такие противостоящие друг другу изображения отмечены на «оленных» камнях из Монголии, из кургана Аржан-1 в Туве и на бронзовом кинжале из дер. Казак-Кочердык в Курганской области (первая половина VII в. до н. э.) [Грязнов, 1980; Волков, 2002; Котов, 2003] (рис. 1, *6–8*). Осмысление двух переломных моментов в жизни Природы и Общества между точками весеннего и осеннего равноденствия, связанными и с хозяйственной жизнью древних кочевников Центральной Азии (переходом с зимних на летние пастбища и возвратом на зимние), а также с началом периода осенней массовой охоты на диких кабанов, наиболее ярко отразилось в материалах из кургана-храма Аржан-1 в Туве и Башадарских курганах на Алтае, где были найдены клыки от десятков кабанов.

Сакрально-научные астрономические идеи IX–VII вв. до н. э., отраженные на «оленных» камнях, не были забыты и в последующие исторические периоды. Например, на передней части маски коня № 10 из Пазырыка-1 на Алтае, датируемой серединой V в. до н. э., помещено изображение хищника, выше которого расположено наголовье в виде рогов северного оленя в натуральную величину. Фигура барса на маске изготовлена из меха жеребенка, шкура которого затем была окрашена в синий цвет, а сверху приклеены тонкие золотые кружки (рис. 1, *3*) [Грязнов, 1980, с. 38–40, 84, рис. 38], что отражало и звездную сущность этого «небесного леопарда».

Результаты исследований САЭ ГЭ по поиску древних знаний, заложенных в стационарные и мобильные древние объекты в разных регионах Евразии, позволяют найти и реконструировать:

– астрономическое объяснение ориентации объектов, изваяний, цепочек курганов в разных регионах Азии;

– геометрические, планиграфические и математические основы разметки объектов и памятников (святилищ, изваяний/стел, курганов, керексуров, выкладок и др.);

– сакральные «астропути-дороги», отраженные на древних святилищах, изваяниях, в курганах и на петроглифах;

– сакральные астроаспекты окружающего ландшафта;

– цветовой символизм камней, влияние света и тени на изваяния;

– связи астрообъектов с окружающей их топонимикой;

– космогонические представления древних кочевников Саяно-Алтая;

– древние и современные модели окружающего мира и другие аспекты.

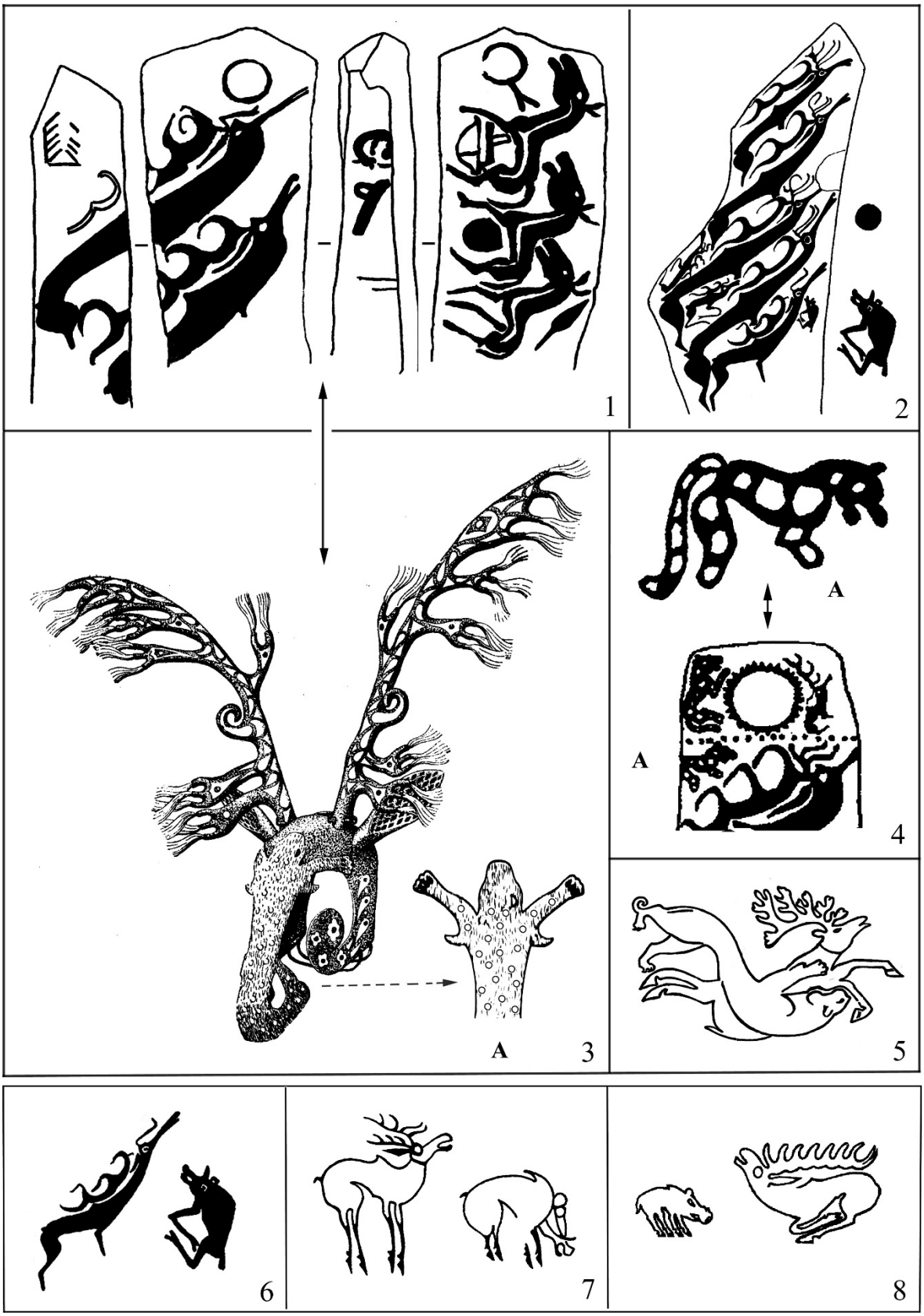

Рис. 1. Изобразительные образы на «оленных» камнях Монголии (*1, 2, 4, 6*) и Тувы (*7*, Аржан-1), на маске (*3*) и седле (*4*) коня из Пазырыка-1 на Алтае и на бронзовом кинжале из Казак-Кочердыка (*8*). По материалам В. В. Волкова (*1, 2, 4, 6*), М. П. Грязнова (*3, 5, 7*) и В. Г. Котова (*8*). Составлено Л. С. Марсадоловым

Социальные и сакральные заказы вождей, жрецов и мастеров часто зависели от могущества власти и от экономических возможностей правителя-заказчика, жреца,

знати, племени, рода, от их общественного и личного влияния, связей с соседними регионами, а также от многих других факторов.

У древних «ученых-жрецов» Саяно-Алтая были свои цели и задачи, но они при подготовке и в ходе кратко- и долговременных ритуалов старались сохранить в камне для соплеменников и потомков на разнообразных объектах полученные ими Знания на века, на тысячелетия и для Вечности.

Список источников

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука ЛО, 1980. 61 с.

Котов В. Г. Семантика архаического бронзового кинжала из Курганской области // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Изд-во Музея-заповедника «Аркаим», 2003. С. 130–133.

Марсадолов Л. С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Вып. 5. 278 с.

О. А. Митько

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

ПЛАСТИНЫ ОТ ЗАЩИТНОГО ДОСПЕХА В ПОГРЕБЕНИЯХ КЫРГЫЗОВ УСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Аннотация. Обнаруженные в погребениях усинских кыргызов IX–XIII вв. железные панцирные пластины с различным количеством отверстий для крепления, относятся к ламеллярному доспеху. Их отличительной особенностью являются небольшие размеры и вес, а также сферический выступ (умбон) у одной из длинных сторон. Наиболее близкие им аналогии встречаются среди панцирных пластин из древнетюркских памятников.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, Усинская котловина, Средневековье, кыргызы, кремация, защитный доспех

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009.

В течение последних двух десятилетий в расположенной в Западном Саяне Усинской котловине исследовано 16 средневековых комплексов. Особенности погребального обряда (трупосожжение на стороне) дают возможность соотнести их с племенной группой енисейских кыргызов, известной в исторических анналах под именем усинцы. Сопроводительный инвентарь усинцев типичен для снаряжения верхового коня и всадника Южной Сибири. Соотношение наступательного и защитного оружия свидетельствует, что основной боевой единицей был легковооруженный конный воин. Отдельные пластины, встречающиеся среди кремированных останков, вместе с другими металлическими предметами позволяют дать лишь общую характеристику усинского доспеха.

На четырех памятниках всего обнаружено семь пластин. В насыпи разграбленного кыргызского кургана 1 на могильнике Саяны-Пограничное-1 найдена хорошо сохранившаяся овально-прямоугольная пластина [Дорога…, 2015, с. 99]. Четыре пары отверстий расположены по ее длинным сторонам, одно по центру и по два отверстия в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Особенностью пластины является наличие полусферического выступа в центральной части (рис. 1, *1*).

© Митько О. А., 2025

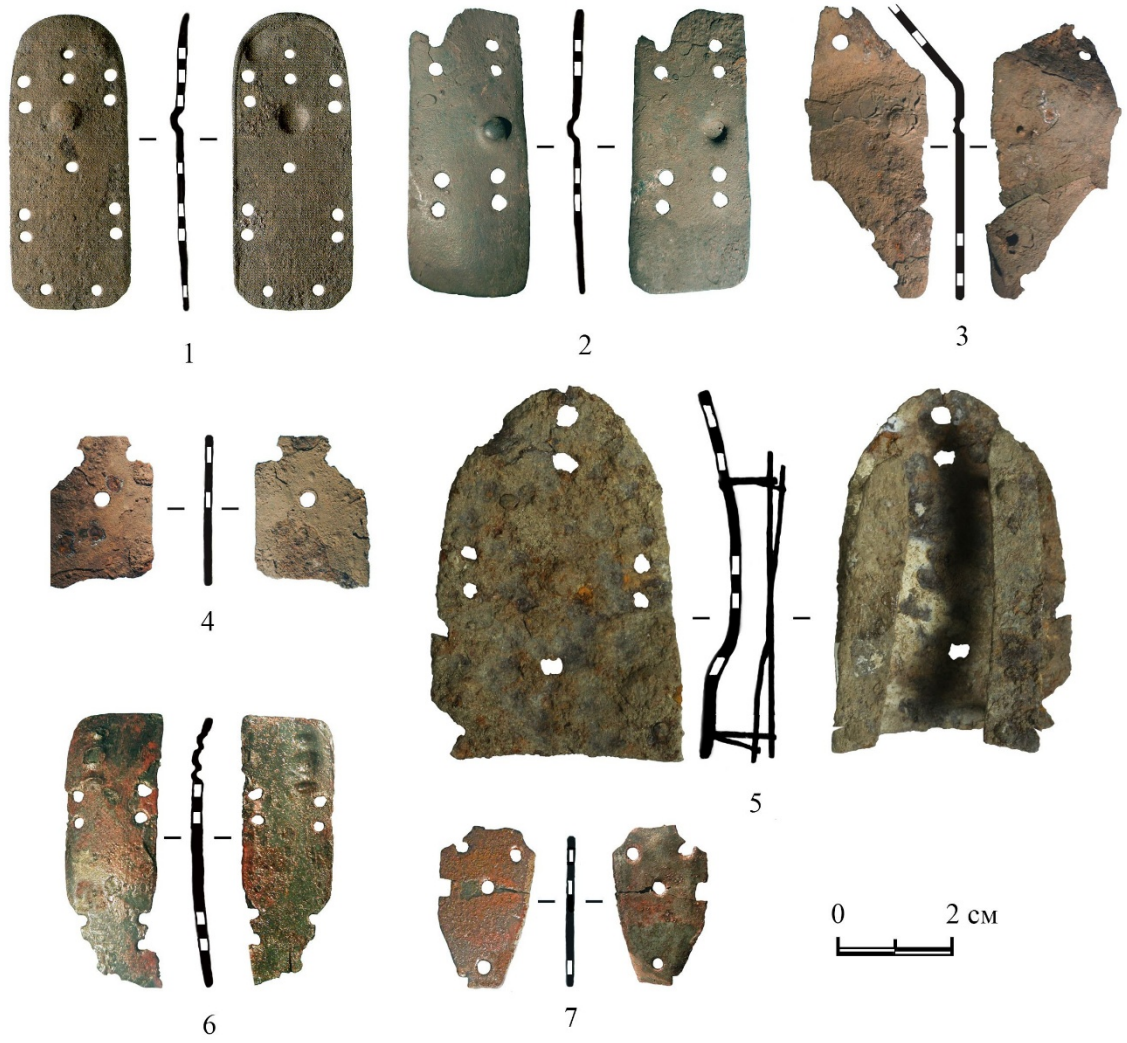

Рис. 1. Железные панцирные пластины от ламеллярных доспехов: *1* – могильник Саяны-Пограничное-1, курган 1 (по: [Дорога…, 2015, с. 98, рис. 3]); *2–4* – могильник Мутная-1, курган 5; *5* – могильник Мутная-1, курган 24; *6–7* – одиночный курган Булыгино

В кургане 5 на памятнике Мутная I зафиксировано три однотипные пластины. Первая из них, с округленными углами, визуально слабо фиксируемой трапециевидной формы (разница сторон 1,5 мм). Верхний угол разрушен. Размеры пластины 5,4×2,2 см, толщина менее 1 мм. По краям длинных сторон четыре пары отверстий диаметром до 3 мм. Сферический выступ (диаметр 4 мм, высота до 3 мм) расположен у одной из длинных сторон (рис. 1, *2*). Вес изделия 4 г.

Вторая пластина согнута в двух местах, края сторон обломаны. Размеры 5,4×2,2 см, толщина менее 1 мм. Вдоль длинных сторон четыре пары отверстий. Сферический выступ разрушен (рис. 1, *3*). Вес 3,5 г.

От третей пластины сохранился лишь фрагмент (размеры 3×2,2 см, толщина менее 1 мм), на котором прослеживается три отверстия. Их расположение отличается от первых двух пластин (рис. 1, *4*). Вес 1,5 г.

В кургане 24 найдена овально-прямоугольная пластина с семью отверстиями: две пары по краям и по одному отверстию в верхней и нижней части. Размеры пластины 6×4 см, толщина около 1 мм. На обратной стороне фиксируются две узкие полосы крепления на шпеньках, длина которых до 1 см (рис. 1, *5*). Вес 13 г. Первоначально пластина входила в набор ламеллярного доспеха, но затем была переделана и использовалась в конструкции панциря типа куяка, имевшего жесткую систему крепления.

В одиночном кургане Булыгино найдены две поврежденные панцирные пластины. Размеры первой 5×1,8 см, толщина менее 1 мм. В продольном и поперечном направлении она слегка выгнута, по краям длинных сторон расположено четыре пары отверстий диаметром около 2 мм. У короткой стороны, с небольшим смещением от центра, находятся три полусферических выступа: более крупный в центре, по сторонам от него два мелких (рис. 1, *б*). Вес 3,5 г.

Вторая пластина фрагментирована, размеры 3×1,8 см, толщина менее 1 мм. На сохранившейся части два отверстия расположены у короткой стороны и два в центральной части пластины (рис. 1, *7*). Вес 2,1 г.

Самостоятельного датирующего значения усинские пластины с выпуклостями не имеют. По своим морфологическим особенностям они относятся к ламеллярному доспеху с вертикальным расположением пластин, появление которого в Центральной Азии фиксируется с сяньбийского времени, а на Саяно-Алтае с приходом тюрков. В типологической матрице защитного вооружения енисейских кыргызов они датируются IX–XII вв. [Худяков, 1980, с. 119, 122, табл. 13]. Среди древностей Минусинской котловины и Тувы их точные аналогии не выявлены, но они встречаются в древнетюркских комплексах. Это хорошо известный панцирь из кургана 11 могильника Балык-Соок в Горном Алтае, на котором полусферические выступы, по мнению Г. В. Кубарева, играли декоративную роль [2005, с. 104–105]. Полоса из 36 пластин, идентичных усинским по форме (но бóльших размеров), количеству и расположению отверстий, была обнаружена в могиле № 7 могильника Урочище Балчикова-3 в этом же регионе. В центре верхней части пластин расположен полусферический выступ (диаметр 1 см, высота 2 мм), что позволило их датировать тем же временем, что и панцирь из памятника Балык-Соок: VIII – первой половиной IX [Шульга, Горбунов, 2002, с. 123, рис. 3–12, с. 129]. За пределами Саяно-Алтая, на памятнике Акчий-Карасу в Кыргызстане, сохранились фрагменты панциря, на котором поверхность покрытия декорирована сферическими выступами [Худяков, 2003, с. 87, рис. 12]. В классификации В. В. Горбунова овально-прямоугольные пластины с умбоном входят в тип 13, относящийся к сяньбийской линии развития. По его мнению, традиция декорирования умбоном могла быть позаимствована тюрками из Средней Азии и через кыпчаков распространиться до Восточной Европы. Датировка пластин с умбоном широкая – от VI до XIII вв. н. э. [Горбунов, 2003, с. 48].

Что касается усинских экземпляров, то их датировка совпадает со временем обитания кыргызов на территории Усинской котловины – с 840 по 1293 гг. Обращают на себя внимание небольшие размеры и вес пластин, изготовленных из тонкого листа железа. На наш взгляд, умбоны на краях пластин могли играть не только декоративную роль, но и служили для дополнительной сцепки пластин. Аналогии пластин с тремя полусферическими выступами из одиночного кургана Булыгино среди южносибирского материала не выявлены. Отметим, что из 19 курганных захоронений на могильнике Мутная I панцирными пластинами сопроводили лишь двух умерших, а на могильнике Эйдиктыр-кыр, насчитывающим 60 погребальных объектов, не обнаружено ни одной пластины. Это можно объяснить высокой стоимостью защитного доспеха и особенностями погребального обряда, отражающего известный принцип – «pars pro toto» («часть вместо целого»).

Список источников

«Дорога длиной в тысячелетия...» / Н. Ф. Соловьева, С. В. Александров, Н. А. Боковенко, К. В. Горлов, А. Ю. Городилов, М. Е. Килуновская, Н. С. Курганов, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Т. Р. Садыков, Вл. А. Семенов, Н. Ю. Смирнов, С. Б. Шапиро. СПб.: Дюбавич, 2015. 196 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая: по материалам погребальных памятников. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 399 с.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2003. 202 с.
Шульга П. И., Горбунов В. В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

И. С. Половников
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РОГОВЫХ СВИСТУНОК НА СТРЕЛАХ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ САЯНО-АЛТАЯ I ТЫС. Н. Э.

Аннотация. В статье рассматриваются технологические особенности изготовления «свистящих стрел» (свистунок) в различных историко-культурных контекстах Южной Сибири. Анализируются археологические, литературные сведения и экспериментальные данные по их изготовлению. Особое внимание уделено роговому сырью, а также различным типам заготовок. На основании сравнительного анализа выявлены различия в технологических схемах изготовления свистунок. Отмечено, что наиболее ранние свистунки имеют бочонковидную форму и датируются серединой IV века до н. э.

Ключевые слова: Южная Сибирь, хунну, монголы, свистящие стрелы, технология изготовления

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0005.

Под свистункой в археологической литературе принято понимать изделие овально-удлиненной по линии насада формы, с проемами для древка стрелы, полое внутри и имеющее несколько (чаще не более трех) округлых, овально-прямоугольных или прямоугольных сквозных отверстий для потока воздуха на сферически-выпуклой стороне [Худяков, 1980, с. 110].

Считается, что «свистящие стрелы» являются изобретением хуннуских мастеров-оружейников [Никоноров, Худяков, 2004, с. 45]. В изложенной Сыма Цянем легенде, хуннуский шаньюй Модэ сделал себе подобную «свистящую стрелу» и с ее помощью начал тренировать своих подчиненных в стрельбе из лука [Бичурин, 1950, с. 46–47]. В легенде технических деталей их производства не раскрывается.

В литературном памятнике «Тайная история монголов» содержатся некоторые подробности изготовления свистунок в монгольское время. Так, в юности Темучжину подарили стрелу-йори, и в «Сокровенном сказании» в переводе С. А. Козина отмечено, что она была сделана из «двух склеенных рогов бычка двухлетки, с просверленными дырочками» [Сокровенное сказание…, 1941, с. 105]). Однако в переводе Б. И. Панкратова указано, что стрела-йори была склеена из рога [Родословная…, 1998, с. 48–49].

Ранее автором проведено исследование следов от инструментов, с помощью которых были изготовлены свистунки гунно-сарматского времени Горного Алтая и древнетюркского времени Хакасско-Минусинской котловины [Половников, 2021].

Целью данной работы является анализ последовательности технологических операций изготовления роговых свистунок из погребальных комплексов Саяно-Алтая. Наиболее подходящим сырьем для подобных изделий служит роговая спица косули. Она имеет большую длину и меньшее поперечное сечение, а ее структура не полностью состоит из компактного вещества [Бородовский, 1997, с. 93]. Материалом для экспериментальных реплик свистунок послужили отростки рога марала [Митько, Половников, 2023, с. 149].

А. П. Бородовский, опираясь на материалы Белого Бома-II (погребение 2, раскоп 1),

© Половников И. С., 2025

описал технологическую схему изготовления свистунок Горного Алтая первой половины I тыс. По этой схеме спица рога косули делилась круговым подрезанием на цилиндрические заготовки, затем прострагиванием верхнего слоя достигалась необходимая толщина будущей свистунки. Далее ей придавалась бочонковидная форма. В финале следовали сверление отверстий, выборка внутренней полости и поверхностная круговая шлифовка [Бородовский, 1997, с. 93, табл. 47. 11–14]. По нашим наблюдениям, в данную схему следует внести некоторые дополнения.

Практика изготовления реплик свистунок показала, что делить на отдельные цилиндрические заготовки и придавать форму будущей свистунки затруднительно, так как работать приходилось с мелкими объектами (2–4 см в длину). Без специального приспособления удерживать их в руках затруднительно. Строгание лишней компакты удобно было совершать только после жесткой фиксации заготовки на древке. Добиться ее фиксации и дальнейшей доработки до бочонковидной формы удалось также и другим способом – не отсекая от ствола рога. Таким образом можно подготовить несколько свистунок, перед тем как приступать к сверлению сквозных отверстий. Подобный метод первоначального этапа формирования свистунок можно проследить на заготовке из коллекции Минусинского музея (номер по ГК: 25950144). Изделие из рога представляет собой роговой ствол, на котором оформлено четыре бочонковидных части, каждая из них имеет длину и ширину в пределах 2 см (рис. 1).

Учитывая данный факт, можно говорить о производстве свистунок по двум технологическим схемам. В рамках первой от стержня рога, методом подсечки, ци-

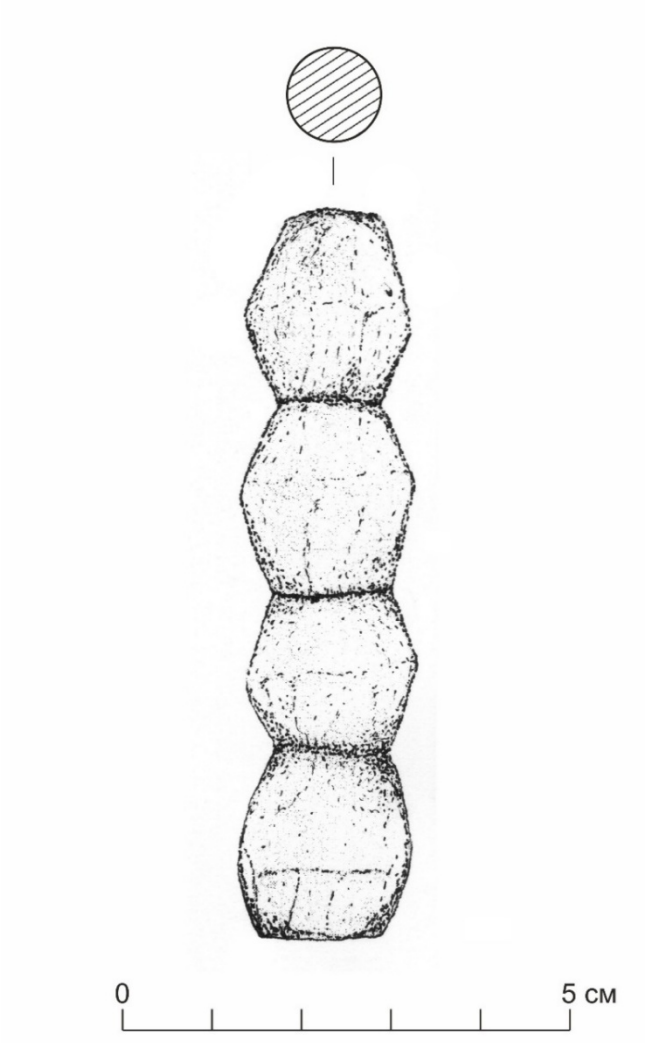

Рис. 1. Заготовка для свистунок

линдрические заготовки полностью отделялись от рогового ствола. По второй технологической схеме заготовки не отделялись от стержня до тех пор, пока каждой не придавалась бочонковидная форма. Данный способ является более удобным и эффективным, он экономит время.

В заключение стоит отметить, что самое раннее свидетельство появления свистунок зафиксировано в Туве в саглынском кургане середины IV в. до н. э. [Семенов, 2019, с. 176, рис. 9. 8]. Эта свистунка бочонковидной формы с тремя округлыми отверстиями на сферическо-выпуклой стороне.

Список источников

Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 382 с.

Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Сокровенное сказание / С. А. Козин. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV).

Митько О. А., Половников И. С. «Поют» ли «поющие стрелы»? // «Поющие стрелы Маодуня»: Хунну от неизвестности до империи. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 147–151.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское востоковедение. М.: Филомэтис, 2004. 320 с.

Половников И. С. Технология изготовления роговых свистунок наконечников стрел из гунно-сарматских и древнетюркских погребальных комплексов Горного Алтая и Минусинской котловины // Новые материалы и методы археологического исследования. М.: ИА РАН, 2021. С. 142–144.

Родословная Чингис-хана / пер. Б. И. Панкратова; публикация Ю. Л. Кроля и Е. А. Кузьменкова // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 44–65.

Семенов А. В. В преддверии Саянского каньона: могильник Чирик-Даш и окружающие памятники // Бюллетень ИИМК РАН. № 9. 2019. С. 170–176.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Е. А. Радовская
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
Алтайский государственный краеведческий музей,
Барнаул, Россия

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ СХЕМ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ ИЗ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье представлен краткий обзор разработанных классификаций металлических зеркал из комплексов Алтая скифо-сакского времени. Установлено, что в период с конца 1980-х по начало 2000-х гг. опубликованы пять разработок по систематизации этих изделий. При анализе находок исследователями учитывались расположение, форма и длина рукояти, несколько реже – массивность и форма диска. Приведены выводы ученых относительно происхождения и хронологии некоторых типов зеркал.

Ключевые слова: Алтай, скифо-сакское время, металлические зеркала, систематизация, классификация

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Классификация является одним из важнейших инструментов при работе с такой категорией археологических находок, как металлические зеркала. Существует ряд

© Радовская Е. А., 2025

типологических и классификационных схем отечественных исследователей по зеркалам Северного Причерноморья, Волго-Донского междуречья, Минусинской котловины [Кузнецова, 2002, с. 31–220; Скрипкин, 1990, с. 88–97; Членова, 1967, с. 81–92]. В настоящее время ведется активная работа по систематизации зеркал из памятников Алтая. Для эффективного построения классификации необходимо проанализировать имеющийся опыт группировки данных изделий и обобщить выводы исследователей относительно интерпретации выделенных типов.

Первая классификация для зеркал Алтая скифо-сакского времени была предложена В. Д. Кубаревым, по итогам раскопок на памятниках Юго-Восточного Алтая. Археолог разделил находки на две группы – крупные (диаметр 7–9 см) и уменьшенные (диаметр 2,5–6 см). По форме рукояти и способу крепления все зеркала были распределены на восемь типов: 1) с ручкой-петлей, оформленной в виде фигурки животного; 2) с прямоугольной или квадратной петлей; 3) с овальной или круглой петлей; 4) с подквадратной утолщенной ручкой и двумя круглыми отверстиями в ней; 5) с округлой сплошной ручкой, снабженной горизонтальной петлей на обратной стороне; 6) без боковой ручки, с намеченным овальным выступом и отверстием в верхней части; 7) с небольшой петлей в центре диска; 8) абсолютно круглые диски без петель и ручек [Кубарев, 1987, с. 90–92; 1991, с. 98–106; 1992, с. 88–92].

«Медалевидные» зеркала, как считал В. Д. Кубарев, также в большом количестве известны в позднескифских памятниках Монголии. Подобные изделия фиксируются на территории Тувы и Забайкалья. Высокую концентрацию «медалевидных» зеркал в исследованных могильниках автор раскопок объяснил местным происхождением таких находок. Что касается зеркал с дугообразной петелькой в центре, то он отмечал, то они имеют «тагарские корни» [Кубарев, 1992, с. 98–100]. Изделия, отнесенные к восьмому типу, а именно зеркала, не имеющие рукоятей и петель для подвешивания, по мнению исследователя, представляют завершающий этап развития «медалевидных» зеркал, и датируются, соответственно, II–I вв. до н. э. [Кубарев, 1987, с. 92].

Свой вариант систематизации металлических зеркал из археологических комплексов Горного Алтая и его северных предгорий предложил А. С. Суразаков [1989, с. 77–80]. Археологом учтено 87 предметов, которые он разделил на «настоящие зеркала» и их «миниатюрные копии». Основным критерием, взятым автором за основу при распределении предметов на шесть типов, стала форма ручки и ее длина. К первой группе изделий исследователь отнес дисковидные экземпляры с одним или несколькими отверстиями по краю. Второй тип, он же самый многочисленный, объединяет серию «медалевидных» зеркал с короткой боковой ручкой, не превышающей диаметр диска. К третьей категории отнесены как бронзовые находки, так и их деревянные копии, чьи боковые держатели равны диаметру диска или же превышают его. К оставшимся трем типам археолог отнес единичные предметы, в том числе и импортные образцы.

Бронзовые зеркала первого типа, по мнению А. С. Суразакова, аналогичны изделиям, известным в памятниках Тувы V–III вв. до н. э. Находки, выделенные во второй тип, наиболее характерны для рассматриваемой территории, а экземпляры с длинной боковой ручкой (третий тип) находят параллели к западу от Алтая в комплексах VI–III вв. до н. э. [Суразаков, 1989, с. 77–79].

По результатам раскопок группы памятников в долине р. Эдиган (Северный Алтай) Ю. С. Худяковым была получена серия зеркал пазырыкской культуры. Анализ находок позволил ему составить классификацию изделий рассматриваемой категории [Худяков, 2001, с. 94–102]. По материалу изготовления предметы отнесены к одному классу – «бронзовые». По способу крепления исследователь разделил все находки на четыре отдела: с рельефным центральным держателем, с боковым держателем-петлей, с боковым держателем-

ручкой и изделия без держателя. В зависимости от сечения диска (плоский, плоский массивный и плоский листовой) зеркала распределены по нескольким группам. Согласно схеме Ю. С. Худякова все изделия относятся к одному типу – «округлые», а также в зависимости от индивидуальных конструктивных особенностей представляют различные модификации той или иной разновидности зеркал.

Для памятников пазырыкской культуры, как считал Ю. С. Худяков, характерны округлые полноразмерные зеркала с боковым или центральным держателем, хронологический охват которых варьируется в пределах V–III вв. до н. э. Для позднего этапа данной общности свойственны зеркала уменьшенных размеров или изготовленные из листовой бронзы с боковым держателем или без него. Эта особенность, по мнению Ю. С. Худякова, объясняется эволюцией погребальной обрядности, а именно появлением традиции замены настоящих предметов на вотивные копии, изготовленные специально для погребения [1998, с. 135–143].

В одном из разделов совместной монографии Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина, посвященном вещевому комплексу из памятников Алтая раннескифского времени, в качестве отдельной категории предметов туалета рассматриваются бронзовые зеркала [1997, с. 87–89]. В данной работе авторами предпринята попытка классификации 14 раннескифских зеркал. Было выделено пять разновидностей рассматриваемых изделий: 1) тонкие бронзовые зеркала с центральной ручкой-петлей без бортика; 2) аналогичные первому типу, но с большей толщиной диска; 3) изделия с центральным держателем и прямым бортиком; 4) зеркала с наклоненным к центру бортиком; 5) единичная находка с боковой рукоятью, оформленной на конце в виде стилизованной головы птицы. Традиция изготовления зеркал с бортиком, как предполагают авторы исследования, могла зародиться в Китае, где подобные изделия известны уже в VIII–VII вв. до н. э., и далее проникнуть на Алтай и в Казахстан в VII–VI вв. до н. э. К V в. до н. э. рассматриваемые предметы постепенно исчезли [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88–89].

В вышедшей в 2004 г. монографии Ю. Ф. Кирюшина и Н. Ф. Степановой [2004, с. 76–84] приводится анализ 160 зеркал, представляющих одну из наиболее многочисленных категорий находок, относящихся к населению Горного Алтая скифо-сакского времени. В рамках исследования авторами разработана классификация зеркал, где в качестве основополагающего критерия была выбрана конструкция изделий (односоставные и сложносоставные). В зависимости от материала изготовления все предметы подразделяются на бронзовые зеркала и их деревянные копии. Изделия каждого отдела, исходя из расположения ручки относительно диска, распределяются на подотделы (зеркала с центральной ручкой, с боковой рукоятью, а также находки без какого-либо держателя). Далее по форме ручки, как одному из наиболее изменчивых показателей, выделяются типы, а по ее оформлению – варианты. В заключение авторы пришли к выводу, что наибольшее распространение на территории Горного Алтая получили зеркала с боковой ручкой в различных вариациях. К наиболее ранним находкам, бытовавшим в скифскую эпоху на территории Горного Алтая, ими отнесены массивные экземпляры с бортиком и без него, с центральной ручкой-петелькой. Уменьшенные (менее 7 см в диаметре), так называемые зеркала-бляшки с центральной ручкой-петелькой и тонким, слегка вогнутым диском, являются, как считают исследователи, наиболее поздней разновидностью рассматриваемой категории предметов [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 70, 84].

Таким образом, в период с конца 1980-х по начало 2000-х гг. были разработаны пять классификационных схем для металлических зеркал из памятников Алтая скифо-сакского времени. При анализе предметов исследователями учитывались такие характеристики, как расположение, форма и длина рукояти, несколько реже рассматривались массивность и форма диска. К наиболее ранним находкам ав-

торы классификаций относят массивные зеркала с бортиком и без него, имеющие центральную ручку-петельку; к поздним – уменьшенные изделия с тонким, иногда вогнутым диском, в том числе без рукояти или с центральным петельчатым держателем. В настоящее время серия металлических зеркал из памятников Алтая скифо-сакского времени представлена более чем 250 образцами, что актуализирует создание новой классификационной схемы, обобщающей все известные находки.

Список источников

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 194 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III века до н. э. М.: Индрик, 2002. Т. 1. 351 с.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.

Худяков Ю. С. Бронзовые зеркала пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 94–102.

Худяков Ю. С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 135–143.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

С. С. Радовский
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

ГРИВНЫ ИЗ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена анализу 16 шейных гривен из погребальных комплексов быстрянской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Наибольшее распространение получили цельнолитые бронзовые изделия округлой в разрезе формы. Выделяется группа предметов, отнесенная к раннему этапу существования быстрянской культуры. Предположительно, гривны обнаружены в погребениях людей, имевших при жизни высокий статус.

Ключевые слова: Алтай, скифо-сакское время, быстрянская культура, шейные гривны

Одними из самых распространенных шейных украшений во многих общностях древности и Средневековья являются гривны. Рассматриваемые изделия служат важным этнокультурным и хронологическим маркером, а в ряде случаев и показателем прижизненного статуса умерших. Перечисленные особенности данных предметов находят отражение в материалах быстрянской культуры северных предгорий Алтая VI–III вв. до н. э.

В материалах погребальных комплексов лесостепной части северных предгорий Алтая скифо-сакского времени найдено 16 изделий или их фрагментов, интерпретируемых нами как гривны (Аэродромный, мог. 1, 6, 8; Березовка-I, кург. № 14, мог. 3; Березовка-XI, кург. № 24 (52); Боровое-V; Быстрянка, кург. № 8; Каменка (Красный Яр), кург. № 1, 6; Первомайский, кург. № 43, 44, мог. 3; Рубцовский, мог. 3, 4, 8, 10; ЦРК, мог. 2).

© Радовский С. С., 2025

Большая часть гривен (восемь единиц) изготовлена из бронзы (рис. 1, *3–4, 6–8*). Еще два предмета имели основу из бронзового сплава с покрытием из золота (рис. 1, *2, 9*). Из железа сделаны четыре экземпляра (рис. 1, *5*). Зафиксировано также по одному изделию, сделанному из золота (рис. 1, *1*) и белого металла, предположительно серебра (Первомайский, кург. № 44, мог. 3).

Несколько отличался способ конструирования изделий. Пять гривен изготовлены из металлической пластины, свернутой в трубку (рис. 1, *2, 5, 9*). Предмет из могильника Быстрянка также сделан из пластины, представляющей собой широкую серповидную пектораль (рис. 1, *1*). Шесть экземпляров изготовлены из сплошного металлического прута (рис. 1, *3–4, 6–8*). Абсолютному большинству гривен (14 единиц) придана округлая в разрезе форма (рис. 1, *2–5, 7–9*). И только две имели уплощенное подовальное (рис. 1, *6*) или подрямоугольное сечение (рис. 1, *1*).

Оформленные окончания имелись только у восьми сохранившихся находок. Края трех из них были расплющены, образуя расширения (рис. 1, *6–8*). Двумя экземплярами представлены изделия с валиками на окончаниях (рис. 1, *3*). По одному – с отверстиями (рис. 1, *1*) и конусообразными расширениями на концах (рис. 1, *5*). Кроме того, еще две гривны с сохранившимися краями не имели специально оформленных окончаний (рис. 1, *2, 5*).

Наблюдается некоторая корреляция оформления отдельных типов изделий и даты сооружения конкретного комплекса. Наиболее ранним является широкое плоское изделие по типу пекторали из могильника Быстрянка (рис. 1, *1*). Подобные варианты шейных украшений распространены в материалах алды-бельской культуры раннескифского времени Тывы [Савинов, 2002, с. 84–85; Чугунов, 2014, с. 59–61]. Также уже в ранних комплексах быстрянской культуры (VI–V вв. до н. э.) фиксируются бронзовые изделия из массивного цельнолитого стержня и трубчатые гривны, покрытые золотом (рис. 1, *2, 4, 6, 9*). Погребения могильника Рубцовский, где обнаружены только железные гривны (рис. 1, *5*), вероятно, датируются не ранее конца V в. до н. э.

Для полноценного анализа гривен из комплексов северных предгорий Алтая необходимо привести аналогии из памятников скифской эпохи сопредельных территорий. В захоронениях пазырыкской культуры найдены в основном трубчатые металлические гривны с несомкнутыми концами, округлые в сечении [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 99]. При этом обнаружены и цельнолитые экземпляры, причем отмечено, что они происходят из более ранних комплексов. Всего в пазырыкских погребениях зафиксированы около 20 металлических гривен. Часто предметы обернуты золотой фольгой и имеют зооморфные окончания или отдельно сделанные наконечники. Края изделий также могли быть расплющены или быть с отверстиями. Несколько чаще гривны находят в погребениях мужчин, но нередко обнаруживают в захоронениях женщин и детей [Там же, с. 96–98].

Гривны каменской культуры изготовлялись из цельнолитого бронзового дрота и иногда имели следы позолоты [Могильников, 1997, с. 76–77]. Окончания гривен иногда были расплющены, имели валики или зооморфные изображения [Там же, рис. 56]. Всего на территории лесостепного Алтая найдены около 20 металлических гривен. По наблюдениям В. А. Могильникова [1997, с. 77], данные изделия фиксируются в захоронениях мужчин, а также женщин с особым социальным статусом, возможно, связанных с культовой деятельностью.

Для многих культур и отдельных памятников отмечено, что гривны помещались в погребения людей «с особым прижизненным статусом» [Петренко, 1978, с. 41; Могильников, 1997, с. 77; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 96–97]. В этом отношении население быстрянской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени не является исключением. В большинстве случаев в захоронениях с гривнами обнаружен разнообразный и «богатый» инвентарь, а в нескольких объектах присутствовали сопроводительные погребения лошадей. Все это может свидетель-

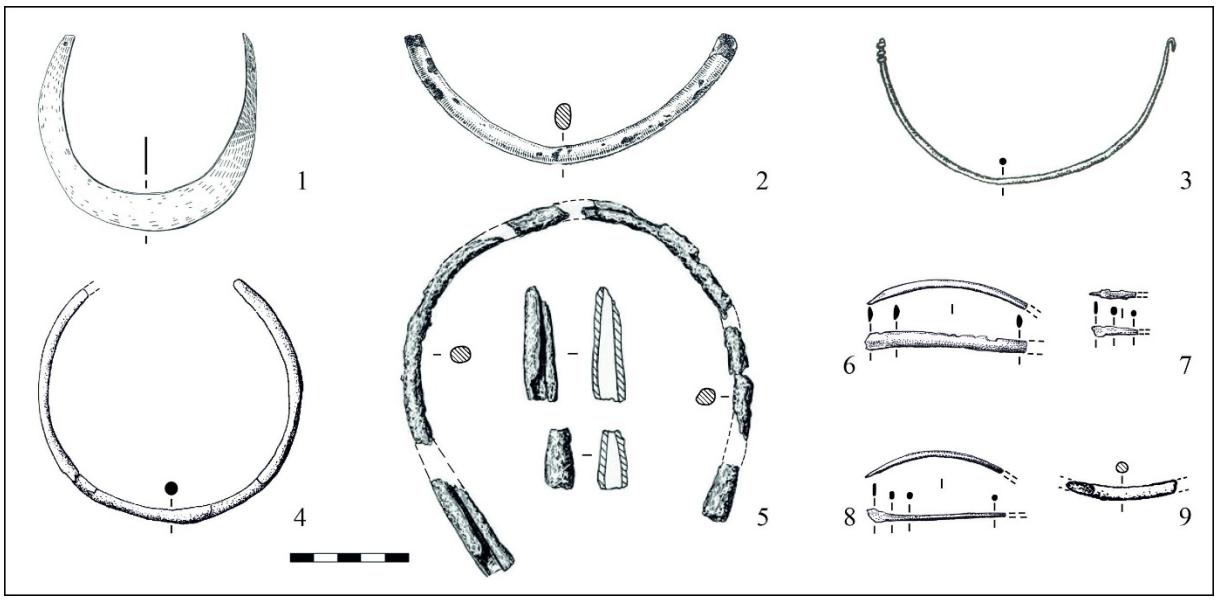

Рис. 1. Гривны из погребальных комплексов северных предгорий Алтая скифо-сакского времени: *1* – Быстрянка, кург. № 8 [по: Завитухина, 1966, рис. 2. 6]; *2* – Березовка-I, кург. № 14, мог. 3 [по: Полторацкая, 1961, рис. 6. 2]; *3* – Березовка-XI, кург. № 24 (52) [по: Абдулганеев, 2007, рис. 15. 2]; *4* – Боровое-V [по: Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 3]; *5* – Рубцовский, мог. 4 [по: Кунгурова, 2023, рис. 4]; *6–8* – Аэродромный, мог. 1, 6, 8; *9* – Каменка, кург. № 6 [по: Абдулганеев, 1999, рис. 1. 6]

ствовать о том, что умершие, в могилу которым укладывали гривны, при жизни имели особый, вероятно, достаточно высокий статус.

Таким образом, гривны населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени изготавливались чаще всего из бронзы (иногда с позолотой). Преобладают цельнолитые предметы, несколько реже фиксируются трубчатые изделия. Окончания предметов оформлены в виде расширений, валиков, отверстий или специально не обрабатывались. Гривны зафиксированы в погребениях мужчин, женщин и детей, вероятно, имевших при жизни достаточно высокий статус. Наиболее ранними экземплярами являются золотая пектораль из комплекса Быстрянка, а также массивные цельнолитые предметы и трубчатые изделия, обложенные золотом. В целом гривны из северных предгорий Алтая скифо-сакского времени соотносятся с синхронными материалами из памятников сопредельных и ряда более отдалённых территорий. Количество находок металлических гривен в комплексах быстрянской культуры вполне сопоставимо с аналогичными показателями материалов из синхронных памятников соседних районов.

Список источников

Абдулганеев М. Т., Могильник Красный Яр (по раскопкам 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 101–104.

Абдулганеев М. Т. Материалы к своду памятников истории и культуры Красногорского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.

Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. Вып. 8. С. 61–77.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Казаков А. А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск: [б.и.], 1992. С. 100–114.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кунгурова Н. Ю. Рубцовский могильник (Предалтайская равнина) // Вестник МИЦАИ. 2023. Вып. 36. С. 20–29.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушкинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // Археология СССР. САИ. Вып. Д4–5. М.: Наука, 1978. 144 с.

Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. № 3. С. 74–88.
Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб: СПбГУ. 2002. 204 с.
Чугунов К. В. Азиатские пекторали раннескифского времени // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 59–70.

А. В. Семенов
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

РЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОГА С ЗООМОРФНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ТУВЫ (III–II ДО Н. Э.)

Аннотация. В захоронениях позднего этапа уюкско-саглынской культуры (IV–II вв. до н. э.) в Туве встречаются предметы, оформленные в скифо-сибирском зверином стиле. Помимо изделий из металла, в комплексах присутствуют резные изделия из рога. В данном исследовании рассматриваются подобные находки из раскопок ТАЭ ИИМК РАН, их технологические и стилистические особенности, а также аналогии в Туве и за ее пределами.

Ключевые слова: Тува, Алтай, изделия из рога и кости, скифский звериный стиль, уюкско-саглынская, алды-бельская, пазырыкская культуры

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

Захоронения поздне-скифского периода (озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры) на территории Тувы отличаются разнообразием как наземных и внутримогильных конструкций, так и сопроводительного инвентаря. С конца IV в. до н. э. в них появляются керамика и предметы, свидетельствующие об инокультурных влияниях, однако вплоть до II в. до н. э. сохраняются основные черты культуры – коллективные захоронения в срубах, расположение покойных в скорченной позе на боку и ориентация на СЗ – С – СВ, а также всаднические комплекты вооружения.

Особая категория предметов – изделия косторезного ремесла, которые украшались в зверином стиле. На территории Тувы распространены изделия из рога марала, изредка – из кабаньего клыка [Бородовский, 2007, с. 137]. Это поясные пряжки, горлышки кожаных фляг, обоймы, гребни, окончания ремней. В отличие от изделий из золота и бронзы, эти предметы вряд ли являлись импортами, скорее всего, данным ремеслом владели носители местной культуры.

Для изделий из Тувы в основном характерна рельефная, высокорельефная и выемчатая резьба, в отдельных случаях встречается гравировка. Здесь представлены как целые фигуры животных, так и их части (обычно головы), присутствуют сцены терзания. Поясные пряжки изготавливались из рогового разветвления, а обоймы, особенно в виде клыков (кочедыки), из отростков рога марала.

1 – пряжка из могильника Даган-Тээли 1, курган 2 [Семенов, 2003, табл. 100. 1] с многофигурной композицией;

2 – роговая пряжка из Саглы-Бажи II, курган 13, в виде лежащей лошади и роговые накладки на гребень с изображениями баранов [Грач, 1980, с. 35, 178–179];

3 – парные роговые пряжки из Аймырлыга в виде козерогов с «перекрученным» крупом;

4 – фрагмент пряжки из Суглуг-Хема II (сруб 5) [Семенов, 2003, табл. 56–29] (рис. 1, *1*). Сцена терзания – голова барса

© Семенов А. В., 2025

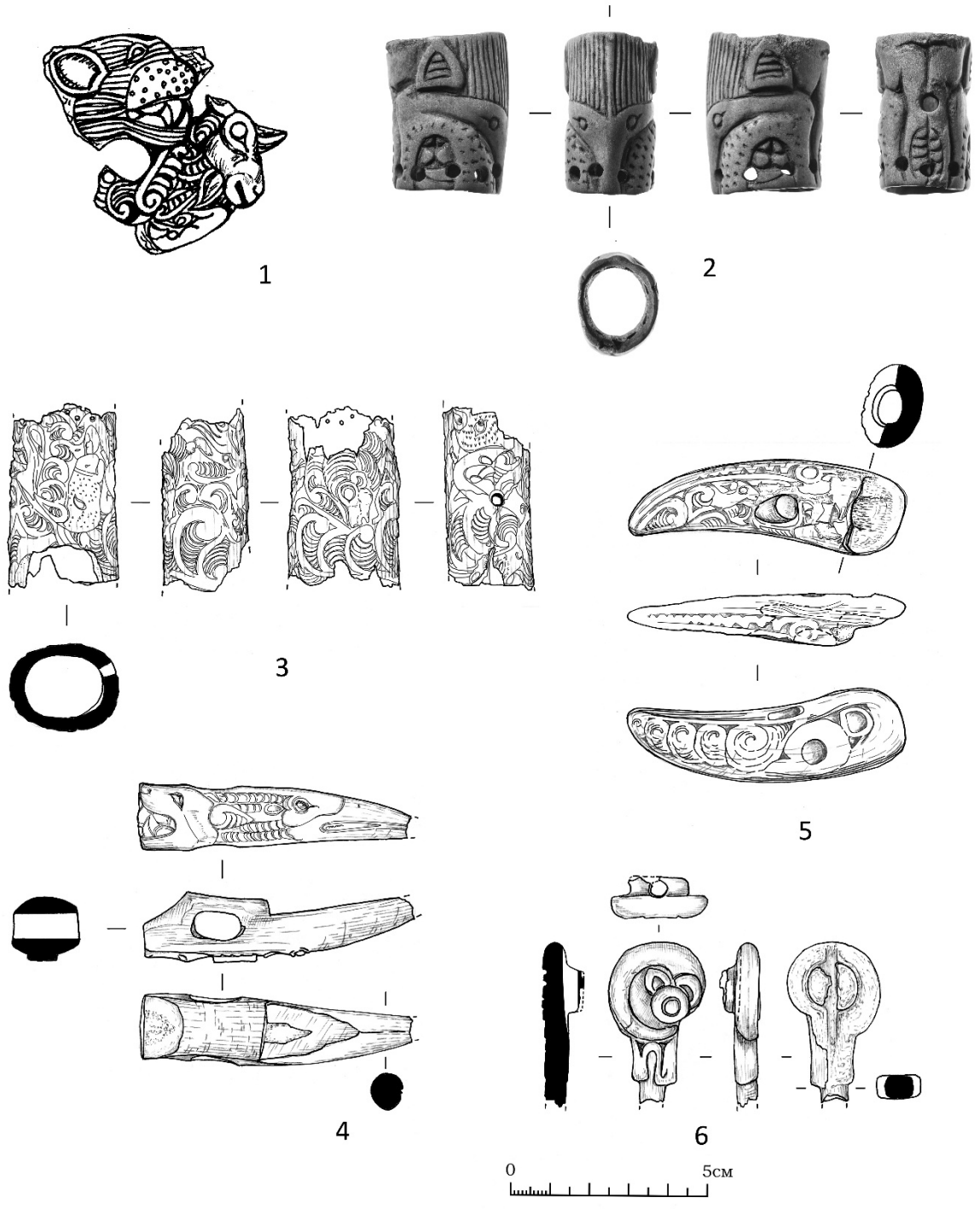

Рис. 1. Изделия из рога с территории Тувы: *1* – фрагмент пряжки, Суглуг-Хем II, кург. 5; *2* – горлышко фляги, Саускен 3, кург. 15; *3* – горлышко фляги, Хондергей 22, кург. 2; *4* – роговая обойма (кочедык?), Хондергей-22, кург. 2; *5* – поясное украшение (кочедык ?), Хондергей-22, кург. 2; *6* – навершие шпильки, могильник Саускен 3, кург. 15

и голова копытного с подогнутой передней ногой;

5 – горлышко фляги, Саускен 3–15 в виде объемной головы хищника (вероятно, барса). Роговые цилиндрики, орнаментированные в зверином стиле, идентифицируемые как детали кожаных фляг встречаются в Туве в нескольких могильниках (Суглуг-Хем, Саускен 3 и 5, Аймырлыг, Дужерлиг-Ховузу-1, Хондергей-22). Они 4–5 см в высоту и 2,5–3 см – в ширину, характерной чертой является наличие с од-

ной стороны отверстий для пришивания и орнаментация сложной резьбой с многофигурными композициями;

5 – роговой цилиндрик Хондергей-22-2 (рис. 1, *3*). Поверхность полностью покрыта фигурами животных, которые переплетаются между собой;

6 – поясное украшение, напоминающее клык (возможно, кочедык), с прорезанным сбоку продолговатым отверстием, Хондергей-22-2 (рис. 1, *4*), размерами 6×2 см. В технике рельефной резьбы показана голова хищника, а тонкий конец выполнен в виде головы грифона, которая «смотрит» в противоположную сторону;

7 – инструмент для развязывания узлов (кочедык), Хондергей-22-2 (рис. 1, *5*), имитирует кабаний клык, размерами 6×2 см.

Помимо «имитаций» в погребении обнаружены две подвески из настоящего кабаньего клыка без орнаментации.

8 – навершие шпильки или шила, Хондергей-22-2 (рис. 1, *6*) в виде объемной головки козерога или горного барана (аргали?). Размеры изделия 2×3 см.

Корни художественной традиции, фиксируемой нами в позднескифское время на территории Тувы, восходят к предшествующей – алды-бельской культуре, или, что вероятно, к еще более раннему периоду – аржанскому. Многофигурные композиции, где фигуры животных «перетекают», вписаны одна в другую, декорированы скобчатым орнаментом, мы можем наблюдать на гривне «царицы» и маленькой золотой чаше из кургана Аржан 2. Специалистами высказывалось мнение об инокультурном происхождении золотых предметов из Аржана 2, при этом отмечалось, что гравированный орнамент чаши и ряда других предметов наносился после изготовления, непосредственно перед погребением, то есть на территории Тувы.

Отсюда можно заключить, что на протяжении всего скифского времени в Туве существовал самобытный вариант скифо-сибирского звериного стиля, более выраженный в уюкско-саглынский период в косторезном ремесле, нежели в торевтике, чьими основными отличительными чертами является натурализм, который сочетается с декорированием фигур скобчатым и точечным орнаментом, волюты, спирали, меандры, перетекание фигур животных одна в другую.

Скобчатый орнамент мы можем наблюдать на резном роге Верхней Катуни, на псалии в виде протом грифонов из могильника Красный Яр 1 [Бородовский, 2007, с. 142]. Нужно отметить значительное стилистическое сходство в изображениях кошачьих хищников на резных изделиях Тувы и кожаных аппликациях из Пазырыка, на колодах из второго Башадарского кургана. Близкой аналогией является резная роговая бляха из могильника Гоньба-2 в Верхнем Приобье [Там же, с. 144, рис. 127]. Алтай и Туву сближает и технология подготовки наиболее распространенного сырья – одинарных роговых пластин, когда при раскрое использовались широкие разветвления рога марала и розетки сброшенного рога [Там же, с. 138].

В результате наблюдается следующая картина: расцвет косторезного ремесла в Туве приходится на период бытования уюкско-саглынской культуры, причем, скорее всего, на ее завершающий этап (конец IV – начало II вв. до н. э.). Хотя пронизки, наконечники и детали поясного гарнитура из рога широко представлены в комплексах алды-бельской культуры, художественные резные изделия в них исключительно редки. По-видимому, искусство Тувы получает импульс со стороны Алтая, однако оно не заимствует образы и стиль, опираясь в этих моментах на местную художественную традицию, прослеживаемую с начала VII в. до н. э. И в дальнейшем, уже в III–II вв. до н. э., когда пазырыкская культура исчезает, носители саглынской традиции в Туве продолжают воспроизводить доставшиеся от предков образы и художественные приемы, воздействуя на искусство всего центральноазиатского региона.

Список источников

Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: ГРВЛ, 1980. 256 с.

Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПБ: Петербургское востоковедение, 2003 240 с.

Б. А. Сиражева
Стамбульский университет,
Стамбул, Турция
Государственный историко-культурный музей заповедник «Берел»,
Жамбыл, Казахстан

КАТАЛОГИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА КОСТОРЕЗНОГО ДЕЛА КАЗАХСТАНА

Аннотация. Автор представляет каталог предметного комплекса косторезного дела Казахстана, основанный на многолетних археологических и этнографических исследованиях XX–XXI вв. Он охватывает ремесло кочевых народов Евразии, от Каспийского моря до Алтая, отражая культурные и технологические традиции, а также локальные различия в использовании сырья, заготовок и в ассортименте продукции. Издание включает описание и атрибуцию изделий, основанные на палеоэтнографическом подходе, что позволяет проследить преемственность культурных традиций.

Ключевые слова: косторезное дело, археология, этнография, каталог, Казахстан

Археологические исследования территории Казахстана насчитывают более 300 лет, начиная с XVIII в. Однако изучение косторезного ремесла народов Казахстана, населявших эту территорию с древности до этнографического времени, остается одной из менее исследованных областей археологии региона. Особенно важным является исследование косторезного ремесла древних и средневековых кочевников. Актуальность этого направления обусловлена накоплением значительного объема материалов, требующих систематизации и глубокого анализа. Современные достижения трасологических исследований костного сырья открывают новые перспективы для использования костяных изделий в изучении социально-экономических и культурных особенностей жизни протоказахского общества. В свете последних археологических открытий возникает необходимость теоретического осмысления и обобщения этих данных.

В настоящее время готов к публикации каталог, посвященный древнему и этнографическому косторезному искусству на территории Казахстана. Коллекция изделий является результатом многолетних исследований археологов и этнографов, проводившихся в XX и начале XXI в. На данный момент в научно-исследовательских институтах и музеях Республики Казахстан накоплено значительное количество материалов по косторезному делу, охватывающих период с палеолита до этнографической современности. Это требует комплексного изучения в рамках единого исследования. Источниковую базу составляют более 1 000 единиц предметов, изготовленных из рога и кости, а также многочисленные отходы и заготовки косторезного производства, полученные в Институте археологии им. А. Х. Маргулана, его филиале, а также из фондов Центрального государственного музея Республики Казахстан, музея археологии «Гылым ордасы», историко-краеведческих музеев Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Актюбинской и Кызылординской областей, а также из фондов Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии. Для иллюстративной части книги выбраны наиболее репрезентативные изделия из костяного и рогового материала из вышеуказанных коллекций.

Под понятием «кость» понимаются все изделия, изготовленные из различных органических материалов, включая кость (трубчатую и плоскую), рог (цельный и по-

© Сиражева Б. А., 2025

лый) и клык (по определению А. П. Бородовского [2007]). Основную часть косторезной коллекции составляют изделия из рога, что согласуется с выводами А. П. Бородовского для Южной Сибири и Л. И. Смирновой для Восточной Европы [1998]. Казахстан можно отнести к этим регионам.

Атрибуция и описание предметов косторезного ремесла в контексте кочевой среды основываются на палеоэтнографическом методе, который позволяет интегрировать достижения материальной культуры, связывая прошлое и настоящее. Эта закономерность была установлена множеством исследователей, которые анализировали археологические и этнографические материалы, относящиеся как к культуре ранних кочевников, так и к их поздним потомкам.

Каталог состоит из трех глав, каждая из которых посвящена различным аспектам косторезных изделий в культурах кочевников. Первая глава рассматривает изделия из кости и рога в культурах ранних кочевников, разделенные на три части:

1.1. Предметы боевого и конского снаряжения.

1.2. Предметы домашнего обихода.

1.3. Предметы, связанные с духовной жизнью населения.

Предметы из кости и рога встречаются в культурах ранних кочевников, хотя их количество и разнообразие уступают изделиям из бронзы и керамики. Однако до сих пор не существует детальной классификации этих объектов, что затрудняет их исследование. Исследователи часто ограничиваются общими терминами, такими как «поделки из кости», что связано с недостаточностью фотографий и рисунков в отчетах, а также плохой сохранностью многих предметов.

Для классификации предметов из кости и рога в кочевнических культурах Казахстана автор предлагает три категории: предметы боевого и конского снаряжения; предметы домашнего обихода; предметы, связанные с духовной жизнью населения. В хронологическом плане разделение осуществляется на сакский (VIII–II вв. до н. э.) и гунно-сарматский (II в. до н. э. – IV в. н. э.) периоды с выделением двух этапов в сакской культуре: VIII–V вв. до н. э. и IV–II вв. до н. э.

Во второй главе исследуются изделия из кости и рога в культурах средневековых кочевников. Эта глава также состоит из трех подразделов:

2.1. Предметы боевого снаряжения.

2.2. Предметы конского снаряжения.

2.3. Предметы домашнего обихода, детали одежды, а также культовые предметы и игральные принадлежности.

Косторезное дело в материальной культуре средневековых кочевников играет важную роль наряду с другими ремеслами, такими как деревообработка и кузнечное дело. Исследования Б. Б. Овчинниковой [2003] и Г. В. Кубарева [1997, 2012] подтверждают наличие различных техник резьбы по кости, таких как ажурная, рельефная и объемная резьба.

Тем не менее, косторезное дело в Казахстане в Средневековье не достигло такого уровня развития, как в других регионах, что связано с изменениями в хозяйственном укладе кочевников. Б. Кумеков подчеркивает, что многие представления о кочевниках, занимающихся исключительно скотоводством и охотой, устарели [1972, 2004].

Необходимо отметить, что, несмотря на обилие археологического материала, получить универсальные выводы о сырьевой базе, ассортименте предметов, их функциональном назначении и методах изготовления для всей материальной культуры древнего Казахстана невозможно из-за неравномерности исследований. В различных областях Казахстана изучены в основном памятники одного-двух районов, и доступные данные составляют лишь треть от общего объема информации, что делает неверным трактование их как результата всестороннего исследования.

В третьей главе рассматривается косторезное дело казахов, охватывающее следующие темы:

3.1. Основные виды костяных и роговых изделий и сфера их применения.

3.2. Технологическая система и инструментарий обработки кости казахских мастеров.

3.3. Значение кости и рога в духовной жизни казахов.

Косторезное дело у казахов является частью прикладного искусства, а не отдельным ремеслом. Современное мастерство ограничено изготовлением сувенирной продукции. Сохранение древних верований, связанных с костями животных, также является важной частью казахской культуры, в том числе в ритуалах и повседневных практиках.

Косторезные предметы трудно датировать, поскольку их существование в неизменном виде имеет широкий временной и территориальный диапазон. Преемственность в этом деле сложно доказать, что особенно очевидно в случае изделий, украшенных циркульным орнаментом, известным еще с бронзового века и сохраняющимся до XIX в.

Нужно отметить, что, несмотря на исследование трех значительных периодов развития косторезного ремесла, специфический инструментарий мастеров-косторезов не был выявлен, что обусловлено кочевым образом жизни, где важна была компактность, мобильность и универсальность. Кочевники использовали общий инструментарий для различных видов ремесел, что обусловлено отсутствием строгого разделения труда в их среде.

В заключение – косторезное производство в кочевой культуре Казахстана характеризуется несколькими особенностями: рассредоточенность изделий в погребальных памятниках, распространение специфических предметов на большие расстояния, отсутствие полуфабрикатов и заготовок, что отражает мобильность производственного процесса. Эти характеристики связаны с рациональностью и цикличностью культурных традиций, преемственность которых прослеживается через различные исторические эпохи. Кочевое производство основывалось на рациональном подходе, обеспечивающем эффективное использование материалов и технологий. Данные особенности подробно представлены в настоящем каталоге, который адресован широкому кругу специалистов и способствует дальнейшему развитию исследований в области археологии, этнографии и прикладного искусства.

Список истчоников

Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 1997. 294 с.

Кубарев Г. В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 40–45.

Кумеков Б. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Кумеков Б. Об общем и особенном тюркской степной цивилизации // Journal of Turkic Civilization studies. Bishkek. 2004. № 1. С. 87–92.

Овчинникова Б. Б. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и Средневековье: материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, 2003. Кн. II. С. 262–270.

Смирнова Л. И. Организация косторезного ремесла в Древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 237–247.

А. И. Соловьев
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

«АЛЛЕЯ ДУХОВ» И КОЧЕВОЙ МИР

Аннотация. Некоторые знаковые элементы погребальной практики аристократии средневекового Китая (павильоны для церемоний и ведущие к ним ряды скульптурных изваяний «аллеи духов») находят структурно-функциональные параллели с каменными оградками древнетюркской эпохи. Имеющиеся материалы позволяют рассматривать балбалы как субституты отсутствующих людей.

Ключевые слова: балбал, каменная оградка, культурная традиция, верования, поминально-погребальные комплексы Китая

Исследование выполнено по теме FWZG-2025-0001.

Одним из важных элементов архитектуры древних сооружений азиатской части Великой степи, по поводу смыслового содержания которого так и не сложилось единого мнения, остаются ряды вертикальных камней около этих строений. Разброс гипотез, связанных с данным феноменом, весьма значителен: от символических изображений убитых «хозяином» погребального или «поминально-мемориального» комплекса врагов до понимания таких камней как коновязей для лошадей участников «погребально-поминального тоя» восточно-алтайских тюрков. Наиболее последовательно последняя концепция выражена в трудах ее автора – В. Д. Кубарева [1984, с. 68, 69; 1997, с. 21–33]. В справедливости этой идеи усомнился Д. Г. Савинов, который отметил, что «трудно представить себе кочевника, проводящего всю жизнь в седле и привязавшего коня на расстоянии нескольких сот метров от места проведения ритуальных действий» [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 238]. Трактуются балбалы и как знак внимания определенного человека к покойному [Кубарев, 1984, с. 69], и как символ погребальных даров [Кляшторный, 1978, с. 252–255], что созвучно мнению С. И. Руденко [1960, с. 326], соотносившего число таких камней с количеством участников ритуала. Наиболее же популярная концепция о связи каменных столбиков с числом истребленных врагов, хотя и опирается на сведения китайских хроник, также подвергается критике.

Не секрет, что сакральный смысл целого ряда феноменов, фиксируемых в обрядовой и погребальной практике древних популяций Северной Азии, можно понять только при обращении к материалам самого широкого территориального и культурного диапазона. Это связано, с одной стороны, с архетипами человеческого сознания, а с другой – с активными, порой весьма далекими и поразительно широкими культурно-историческими связями местного населения. Особое внимание в этом плане привлекает удивительная, поистине евразийская масштабность тюркоязычного кочевого мира. Но, искусственно «сократив» последний до границ Северной Азии, обратим внимание на культурные связи тюркских государственных образований с Китаем, которые имели долгую историю и отличались тем неустойчивым состоянием, когда годы зыбкого мира легко переходили в военное противостояние. Не углубляясь в тонкости, обратим внимание и на то, что порой землями Поднебесной правили «варварские» императоры, и на то, что в этой истории имели место и периоды, когда Китай делил земли своих беспокойных соседей на округа и ставил во главе их своих чиновников из числа представителей тюркской знати. Таким образом, вектор их взаимодействия не был однонаправленным, а напоминал скорее маятник, колебания которого были сильно растянуты во времени. Поднебесная империя сама испытывала мощные культурные импульсы со стороны варварского мира, которые воспринимала, по-своему трактовала, перерабатывала и после стереотипизации возвращала обратно.

© Соловьев А. И., 2025

Данные обстоятельства позволяют подойти к проблемам реконструкции некоторых аспектов феноменов обрядовой практики тюркского населения с позиций потенциала китайской культурно-исторической традиции. Речь идет о так называемой «аллее духов», представляющей собой ряды скульптурных изваяний, в том числе чиновников и воинов, установленные вдоль дорожек, ведущих к церемониальным павильонам – крытым четырехугольным сооружениям на каменной платформе, где проводились нужные ритуалы и располагалась скульптура погребенного. Само же курганное погребальное сооружение может отстоять от павильона на значительном расстоянии, позволяющем с позиции привычного археологического картографирования даже трактовать его как самостоятельный объект [Комиссаров, Соловьев, Кудинова, 2018, рис. 1, 2].

В Китае ряды каменных скульптур в архитектурном ансамбле некрополей известны с эпохи поздней Античности под названием «аллеи духов» (шэньдао, гуйдао, шэньлу). В классическом виде они появляются уже на памятниках династии Восточная Хань, и первая из них была сооружена в погребальном комплексе императора Гуан У-ди [Комиссаров, Соловьев, 2013, с. 524]. Вскоре обычай строить «аллеи духов» распространился на захоронения аристократии и чиновников, с чем, надо полагать, быстро познакомились представители «варварских» племен, имевшие довольно тесные контакты с имперской элитой, особенно в эпоху раннего Средневековья (династия Тан), когда процессы взаимовлияния были особенно сильны.

С позиции планиграфии и, очевидно, семантического наполнения такие комплексы обнаруживают очевидное сходство с устройством памятников кочевого населения Северной и Центральной Азии. А существование антропоморфных персонажей на «аллеях духов» указывает на возможность видеть их в балбалах возле древнетюркских оградок, своего рода церемониальных павильонах. Что касается различий в зрелищном аспекте, которые лежат между этими изваяниями и простыми камнями каменных оградок, они могли нивелироваться базовыми аспектами архаичного и традиционного мировоззрения местного населения. Речь идет об архетипичном представлении, связанном с внешней оболочкой живого существа – будь то шкура животного, кожа или одежда человека, служившими вещным аналогом своего «хозяина», в равной степени обладавшими диагностирующими и жизнесохраняющими характеристиками, определявшими внешние сущностные, а в случае одежды и социальные характеристики носителя. Считалось, что в последней даже какое-то время пребывала душа усопшего. Подобные представления фиксируются в традиционной культуре тюркоязычного населения Северной Азии, нганасан, кетов, ненцев, которые, например, в случае физической невозможности осилить трудный маршрут к святыням Ямала с оказией отправляли на поклонение божествам вместо себя свою одежду [Головнев, 2000], обских угров, осетин и многих других народов.

Традиции драпировки каменных валунов, «доводившей» облик почитаемого объекта до необходимой персонификации, сохранились и в Монголии. Так, по сведениям Г. Р. Галдановой, Н. Л. Жуковской, Г. Н. Очировой, когда проводилась периодическая инкарнация шамана-батыра Даян Дерхе, представлявшего в основе «камень высотой в человеческий рост без каких-либо антропоморфных признаков», последний оборачивался в шелк и приобретал сходство с человеческой фигурой, перед которой ставились разного рода жертвы, а ткань ежегодно обновлялась в день совершения служб [1987]. Можно считать, что опыт использования одежд-оболочек имел поистине транскультурный евразийский масштаб. И хотя остается неясным, насколько стары эти приемы, нет никаких оснований ограничивать их появление двумя-тремя последними столетиями и не считать возможным распространение таких действий уже в самой глубокой древности.

Подведем итог. Для архаичного мировоззрения очень значимым моментом оказывается примат зрелищного восприятия и связанное с ним осознание приоритета внешней оболочки над тем, что она окружает и заключает в себя, и, как следствие, признание за ней трансформирующих возможностей – то есть способности магическим образом преобразовывать это самое внутренне содержание в соответствующую себе субстанцию. Таким образом, мы подходим к важному для нас выводу о том, что каменные плиты и стелы, установленные возле оградок, не имеющие дополнительной моделировка корпуса и деталей экипировки, могли выполнять роль манекенов, на которые набрасывалась одежда, застегивались пояса, подвешивалось оружие и т. д. И все детали, которые доводили их облик до ассоциации с конкретной особой, воспроизводились методом коллажирования из реальных вещей – либо действительно принадлежавших изображаемому субъекту, либо соответствовавших в сложившихся архетипах его образу. Так одежда людей, которые не смогли физически оказаться в нужном месте, будучи накинутой на вертикальные камни, преображала последние в глазах участников обряда во вполне реальных гостей и обеспечивала отсутствующим соплеменникам эффект присутствия и отдачу своей доли почестей.

В условиях, когда отсутствовала реальная возможность создать череду образов, необходимых для совершения обрядов, последние, вероятно, можно было заменить серией вертикальных камней, установленных и наряженных соответствующим образом. Впрочем, действительность всегда может оказаться сложнее любой гипотезы. И в целом ряде случаев высока вероятность несколько иной трактовки.

Список источников

Галданова Л. Р., Жуковская Н. Л., Очирова Г. Н. Культ Даян-Дэрхэ в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1987. С. 401–431.

Головнев А. В. Путь к семи чумам // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: ИИиА УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 208–236 с.

Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела древнетюркских текстах: к интерпретации Ихе-Ханыннорской надписи // Тюркологический сборник 1974. М.: ГРВЛ, 1978. С. 238–255.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии (исторические исследования). СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Погребальная скульптура средневекового Китая и ее влияние на искусство сопредельных народов // 43-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. Т. LXIII. Ч. 1. С. 522–527.

Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Кудинова М. А. К изучению Шисанлина – погребально-поминального комплекса эпохи позднего Средневековья в Китае // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 46–58.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В. Д. Каменные изваяния Алтая (краткий каталог). Новосибирск; Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1997. 184 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 361 с.

А. Д. Таиров
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ И САЯНО-АЛТАЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В РАННЕСАКСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В раннесакское время Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан и Саяно-Алтай являлись зоной бытования ряда однотипных предметов материальной культуры, что свидетельствует о стабильных этнических, экономических и культурных связях их кочевого населения и налаженной системе коммуникаций, охватывающей Саяно-Уральский субрегион Степной Евразии.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Саяно-Алтай, ранние кочевники, этнокультурные связи

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055.

Этнокультурные связи древнего населения, история которого не освещена в письменных источниках, возможно реконструировать на основе анализа данных археологии.

Материалы южноуральских памятников VIII–VI вв. до н. э. показывают, что в раннесакское время степи Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, а также Саяно-Алтай были зоной бытования ряда однотипных предметов быта, вооружения и конской упряжи, образцов скифо-сибирского звериного стиля. Помимо широко распространенных в евразийских степях изделий, таких как стремевидные удила, подпружные пряжки, дисковидные зеркала с петелькой на оборотной стороне, ножи, наконечники стрел, встречаются и достаточно редкие предметы. К последним можно отнести «зеркала» с длинной боковой ручкой в виде ножа или заостренного на конце штыря, бронзовые кинжалы (североказахстанского, нурманбетского, уст-буконского, баландинско-уйгаракского типов) и чеканы, в том числе чеканы с головкой хищной птицы в углу между бойком и втулкой [Таиров, 2017, с. 113–134]. Достаточно редкими являются бронзовые ножи с валиком на одной стороне рукояти у ее окончания, известные как в Южном Зауралье, Центральном Казахстане, так и на Саяно-Алтае [Таиров, 2023].

В Южном Зауралье, Центральном Казахстане и Туве встречены бронзовые втульчатые четырехгранные наконечники стрел, у которых в нижней части одной из граней имеется круглое сквозное отверстие. Через это отверстие в березовое древко стрелы вбивался березовый же гвоздик (шпонка), который препятствовал слетанию наконечника с древка [Чотбаев, 2013, рис. 74; Чугунов, 2011, с. 365, рис. 16, 10, 12; Таиров, 2015, рис. 2, 4].

Степи Урало-Иртышского междуречья и Саяно-Алтай являлись зоной распространения портупейных поясов с золотыми, бронзовыми или железными обоймами, в том числе украшенными изображениями животных или сложным геометрическим орнаментом. Близки и зооморфные пряжки, подковообразные бляшки и костыльки, крепившиеся к таким поясам.

Южное Зауралье, Центральный и Восточный Казахстан, а также Тува входят в зону распространения стремевидных удил с прямоугольным или треугольным окончанием звеньев, с упором или без него, и напускных трехдырчатых псалий с двуплановым расположением отверстий.

На этих же территориях обнаружены и однотипные золотые серьги с конусовидной подвеской, гладкой или украшенной зернью. Абсолютное количественное преобладание серег этого типа в Туве и на Алтае позволяет, по мнению К. В. Чугунова [2003, с. 389], считать их характерными для алды-бельской культуры Тувы и племен раннескифского времени Алтая. Распространение их на запад связывается с продвижением носителей традиции их изготовления [Тишкин, 1999, с. 190]

© Таиров А. Д., 2025

или с контактами населения Казахстана и Саяно-Алтая [Чугунов, 2003, с. 393].

Некоторые параллели между Южным Зауральем, Северным и Центральным Казахстаном и Саяно-Алтаем прослеживаются и в погребальном обряде. Имеются в виду погребения «вытянуто на спине», совершенные на уровне древней поверхности, в простой яме или яме с подбоем вдоль длинной стенки.

Этнокультурные связи кочевого населения Южного Зауралья, Центрального и Восточного Казахстана и Саяно-Алтая особенно наглядно выступают при сравнении предметов, оформленных в традициях звериного стиля из элитных погребений [Таиров, 2017, с. 128–129].

Абсолютное большинство металлических предметов в комплексах ранних кочевников Южного Зауралья VIII–VI вв. до н. э. отлиты из бронз, одним из основных компонентов которых является олово [Таиров, Блинов, 2024, с. 243–244]. Однако расположенный в Зауралье иткульский очаг металлургии и металлообработки в VIII – начале VI в. до н. э. находился еще только на стадии становления [Бельтикова, 1997, с. 19–20] и никак не мог полностью удовлетворить потребности кочевой зауральской степи в меди и изделиях из нее. Отсутствие на Урале месторождений олова делало необходимым установление связей с регионами, где они имелись и разрабатывались. Основным источником сырья и, вероятно, готовых изделий для зауральских номадов раннесакского времени выступал, вероятно, Северный и Центральный Казахстан, с его богатейшими запасами меди, а также наличием месторождений олова [Байтлеу, Анкушев, 2021; Цветной металл... 2024, с. 30–32]. Вполне очевидно, что племена тасмолинской культуры Казахстана выступали и как посредники в поставках на Южный Урал олова из алтайских рудников. О связях кочевников этих регионов свидетельствует серия изделий из погребений VII–VI вв. до н. э. Северного Казахстана со своеобразной рецептурой металла [Барцева, 1987, с. 73].

Связи ранних кочевников Южного Зауралья и Саяно-Алтая в раннесакское время базировались на общности их происхождения и экономических интересах южнозауральских и центрально-казахстанских номадов, через которых эти связи в основном и осуществлялись. Контакты же «тасмолинцев» с населением Алтая выступали в форме непосредственного постоянного взаимодействия, охватывающего различные сферы их хозяйственной и социальной жизни. Возможно, имели место и различные политические контакты – объединения в военные союзы, отправка посольств, обмен дарами и т. п. Безусловно, контакты были не только мирными, но и военными. Имели место и миграции отдельных родов или родовых групп кочевников с востока на запад, с Саяно-Алтая в степи Казахстана и Южного Зауралья и в обратном направлении. Возможно, как раз таким перемещением небольших групп населения с территории Саяно-Алтая можно объяснить появление в Южном Зауралье уздечных распределителей типа 1 и ажурной зооморфной наносной подвески варианта 1 типа 1 [Шульга, 2008, с. 81, 89]. Возможно, с миграцией части населения раннесакского времени Саяно-Алтая на запад связаны особенности конструкции погребальных сооружений и погребального обряда некоторых групп кочевников Южного Зауралья [Савельев, 2006, с. 103].

Близость происхождения кочевников Саяно-Уральского субрегиона Степной Евразии и интенсивные связи, которые охватывали различные слои общества, способствовали и развитию духовно-идеологических контактов, что нашло отражение в репертуаре образов звериного стиля.

Список источников

Байтлеу Д. А., Анкушев М. Н. К вопросу об источниках сырья горно-металлургических центров эпохи палеометалла в Центральном Казахстане // Genesis: исторические исследования. 2021. № 8. С. 19–27.

Барцева Т. Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и Средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987. С. 65–83.

Бельтикова Г. В. Зауральский (Иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.

Савельев Н. С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирендык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 92–104.

Таиров А. Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 300–319.

Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казак гылыми-зерттеу медениет институтыньщ баспа тобы, 2017. 392 с.

Таиров А. Д. Новые данные о восточном направлении этнокультурных связей ранних кочевников Южного Зауралья // Наука ЮУрГУ: материалы 75-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. С. 86–91.

Таиров А. Д., Блинов И. А. Состав металла предметов из случайных находок на территории степной и лесостепной зон Южного Зауралья // Археология евразийских степей. 2024. № 1. С. 237–255.

Тишкин А. А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 184–190.

Цветной металл эпохи бронзы Северного Казахстана: геохимическая характеристика и рудная база / Д. А. Артемьев, А. Д. Дегтярева, С. В. Кузьминых, Л. Б. Орловская // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 19–37.

Чотбаев А. Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана: Филиал ИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 200 с.

Чугунов К. В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 386–395.

Чугунов К. В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 358–369.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

В. В. Тараканов
Хакасский НИИ языка, литературы и истории,
Абакан, Россия

КЕРАМИКА РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ

Аннотация. Исследование Базинского поселения позволило выделить керамику развитого и позднего Средневековья Хакасско-Минусинского края, которая ранее была практически неизвестна. Сосуды, в основном горшковидной формы, украшены различными типами штампа, нанесенными под углом на верхнюю поверхность венчика. К настоящему времени число находок подобной керамики увеличивается.

Ключевые слова: керамика, Хакасско-Минусинский край, развитое и позднее Средневековье, венчик, штамп

Средневековая керамика Хакасско-Минусинского края, в который входит Хакасско-Минусинская котловина и горно-таежное окружение, в своем развитии специфична. Хорошо известны сосуды раннего Средневековья, особенно из погребений VI в. – до середины IX в. [Кызласов, Мартынов, 1986, с. 183–210; Худяков, 1989, с. 144–145; Митько, 1999, с. 86–90]. Поселенческую раннесредневековую керамику открывает Л. П. Левашева в 1934 г. В 1940 г. Л. А. Евтюхова, исследуя поселение у села Малые Копены, существенно расширила знание о ней [1948, с. 73–77]. С тех пор известно более 30 пунктов обнаружения такой керамики [Тараканов, 2005, с. 141].

Но керамика развитого и позднего Средневековья Хакасско-Минусинского края до конца 80-х гг. XX в. была представлена единичными находками. Наиболее знаменита боковина сосуда с венчиком,

© Тараканов В. В., 2025

найденная Л. Р. Кызласовым в кургане № 3 могильника Све-Тах, он его датировал XI–XII вв. [1975, с. 203, 205, рис. 14, с. 210]. И. Л. Кызласов к раннему этапу аскизской культуры отнес обломки двух сосудов, обнаруженных на Оглахтинской крепости [1983, с. 39, табл. XXIV. 1, 2]. Касаемо каменского этапа аскизской культуры он писал, что керамика XIII–XIV вв. остается неизвестной [Там же, с. 63]. Ю. С. Худяков считал, что позже XI в. в производстве керамики происходит деградация, характерная для всех кочевых культур [1986, с. 62, 64]. Поддержал эту точку зрения и О. А. Митько [1999, с. 86].

Все меняется с момента обнаружения в 1989 г. Е. Д. Паульсом и М. Л. Подольским Базинского поселения в 1 км к северу от с. Верхняя База. Они датировали его XIII–XVII вв., не беря во внимание находки фрагментов «кыргызских ваз». С 2003 по 2006 гг. на поселении проводил исследования автор статьи. Получена керамическая серия из более 1 200 фрагментов. На основе изучения ям и стратиграфии удалось выделить в керамическом комплексе два хронологических горизонта. В яме № 1 осколки «кыргызских ваз» совместно залегали с керамикой, схожей с посудой раннего Средневековья, комплекс датирован VIII–X вв. [Тараканов, 2007, с. 243, рис. 3].

В перекрывающих яму № 1 слоях керамика представлена фрагментами толщиной в среднем 0,7–0,9 см. Внешняя ее поверхность в основном заглажена. Наблюдается цветовая слоистость на изломе и неоднородная по цвету поверхность. Сосуды в основном горшковидной формы, с отогнутым наружу венчиком, небольшой широкой горловиной, покатыми плечиками, выпуклым туловом, сужающимся к плоскому дну (рис. 1, *1*).

Верхняя поверхность венчика выровнена и немного шире стенки, (рис. 1, 1–*7*). По ней наносились под углом оттиски разнообразных штампов. Чаще всего встречается зубчатый штамп (рис. 1, *1–3*), присутствуют оттиски в виде ломаной пополам линии (рис. 1, *4*), глубоких тычков и соединяющей их перемычки (рис. 1, *5*), изогнутого вдавления с короткой линией посередине (рис. 1, *6*), аморфных вдавлений (рис. 1, *7*).

Орнамент наносился на верхнюю часть выпуклого тулова зубчатым штампом (рис. 1, *1, 8*), округлыми пальцевыми вдавлениями, в виде штампа вытянутых треугольников, направленных вершинами длинных сторон друг к другу (рис. 1, *9*), и других, менее распространенных типов. Отмечается, что на один сосуд наносился одинаковый штамп на тулове и на венчике (рис. 1, *1*).

По скобовидному кресалу, костяной щеточке (рис. 1, *11*) и китайской монете «Дадин тунбао» династии Цзинь (рис. 1, *10*), которые были обнаружены вместе с вышеописанной керамикой, второй хронологический горизонт датирован XII–XIV вв. [Тараканов, 2007, с. 243–246].

По профилю и месту нанесения орнамента очень схож с базинской керамикой уже упомянутый обломок сосуда из могильника Све-Тах. Зубчатый штамп по срезу венчика имеется у фрагмента из поселения Устье не р. Сир [Сунчугашев, 1993, с. 105, рис. 101, 7].

Керамика с разными оттисками по срезу венчика в начале 2000-х гг. была найдена на поселении Таяты IV в Кизир-Казырском горно-таежном районе Хакасско-Минусинского края. Н. В. Леонтьев и С. Н. Леонтьев датируют ее поздним Средневековьем [2009, с. 97–99, 171–173, рис. 84–88]. В 2024 г. автор статьи в окрестностях аала Чарков обнаружил поселение, керамика которого по орнаментации идентична с базинской керамикой второго хронологического горизонта. Также в этом году подобная керамика найдена В. А. Чертыковым в долине реки Аскиз.

Таким образом, в настоящее время керамика развитого и позднего Средневековья Хакасско-Минусинского края известна, постепенно увеличивается ее количество и расширяется ее ареал в регионе. Материалы Базинского поселения предоставляют возможность выявления подобной керамики в материалах других комплексов.

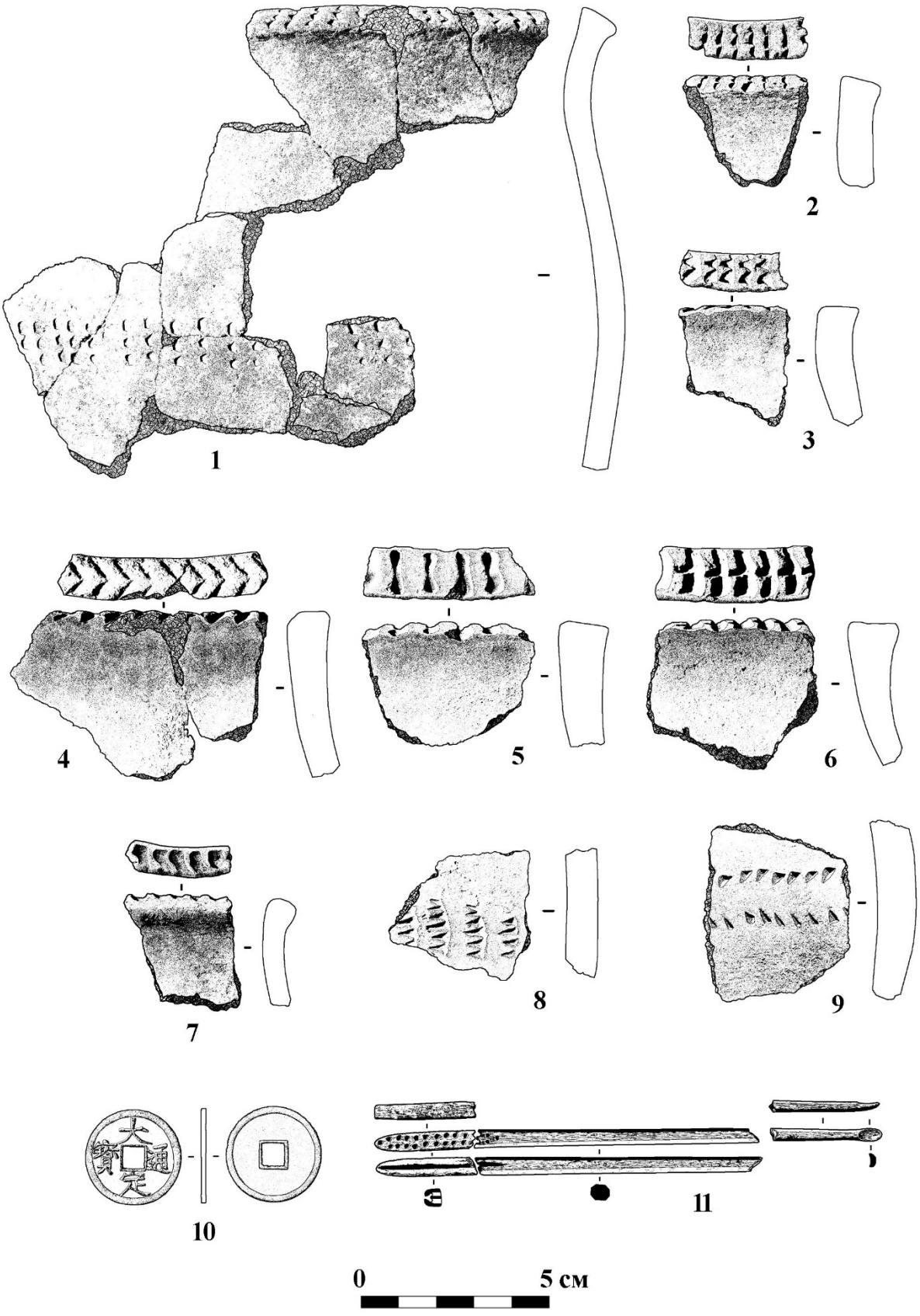

Рис. 1. Материалы Базинского поселения:
1–9 – керамика; 10 – китайская монета «Дадин тунбао»; 11 – костяная щеточка

Список источников

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Типография изд-ва «Советская Хакасия», 1948. 110 с.

Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л.: Изд-во АН СССР, 1975. С. 193–211.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов Л. Р., Мартынов С. В. Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI–IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 183–210.

Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 178 с.

Митько О. А. Древнетюркская керамика Среднего Енисея // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. Вып. 4. С. 85–103.

Сунчугашев Я. И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1993. 112 с.

Тараканов В. В. Актуальные проблемы изучения средневековых поселений Хакасско-Минусинского края // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 140–142.

Тараканов В. В. Базинское поселение как индикатор хронологии эпохи Средневековья Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Абакан: ХГУ, 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 238–247.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Енисее: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 1986. 80 с.

Худяков Ю. С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. 177 с.

А. А. Тишкин (мл.)
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

ФОРМА И ОРНАМЕНТАЦИЯ ЩИТОВ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ)

Аннотация. К настоящему времени накопилась существенная информация об изображениях щитов на «оленных» камнях, которые представляют собой фигуры воинов с различным снаряжением и оружием. Существует широкое разнообразие форм и орнаментации изображенных предметов защитного вооружения. На основе этих и других характеристик возможно создание детальной классификации щитов древних кочевников Внутренней Азии.

Ключевые слова: «оленные» камни, щит, форма, орнамент, вооружение

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Большинство «оленных» камней рассматриваются исследователями как отражение фигур воинов с различными предметами снаряжения и оружием, среди которого наиболее часто встречаются луки в горитах (иногда с колчанами), кинжалы, чеканы, боевые ножи, топоры, мечи. Известно и защитное вооружение – щиты (рис. 1), панцири и шлемы. На рассматриваемых изваяниях присутствует определенный набор перечисленных изделий, который может стать маркером иерархии воинов в обществе древних кочевников.

Изучение изображений воинских щитов на «оленных» камнях уже имеет свою историю. Основная цель данного сообщения – проанализировать имеющиеся классификационные разработки щитов с учетом рассмотрения формы и орнамента для дальнейшего более детального и репрезентативного таксономического группирования.

В монографии Ю. С. Худякова и Н. Эрдэнэ-Очира «Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.)» отражены сведения о комплексе вооружении бронзового и раннего железного веков. Исследователи отметили,

© Тишкин А. А. (мл.), 2025

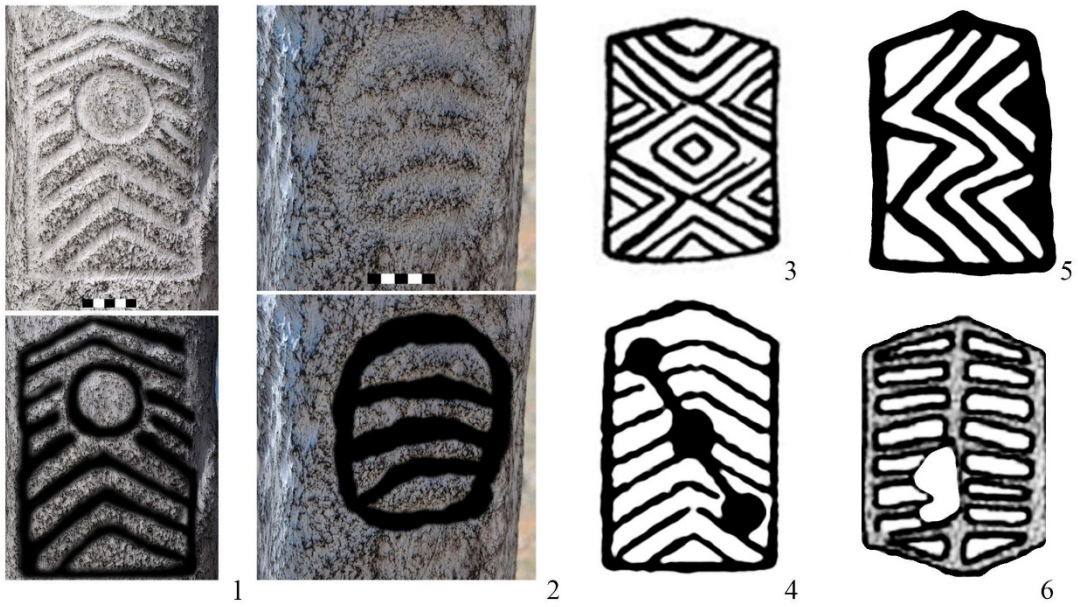

Рис. 1. Изображения щитов на «оленных» камнях: *1* – Баян зурх, «оленный» камень № 13 (фото микалентной копии А. А. Тишкина); *2* – по: [Тишкин, Мухарева, 2014, рис. 5г]; *3* – по: [Волков, 2002, табл. 74. 1], *4–6* – по: [Монгол…, 2021, зураг II. 66]

что среди изображений на «оленных» камнях часто встречаются пятиугольные решетчатые фигуры, которые следует идентифицировать как изображения щитов. В большинстве случаев щиты представлены в виде вытянутого по высоте прямоугольника с треугольным верхом. Тем не менее отмечается разнообразие форм и размеров: «Значительно реже встречаются прямоугольники с треугольным верхом и полукруглым низом или закругленными верхним и нижним концами. В одном случае щит имел прямоугольную, почти квадратную форму, без выступающих верхней и нижней частей. Иногда вершина щита увенчана прямоугольным или полукруглым выступом. На некоторых щитах подобные выступы имеются не только на вершине, но и на всех пяти углах» [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 62–63].

Характерной особенностью рассматриваемых изображений является орнамент (рис. 1). На щитах может демонстрироваться елочный (рис. 1, *1, 4*), ромбический (рис. 1, *3*), зигзагообразный (рис. 1, *5*) и другой узор (рис. 1, *6*). Подобное декорирование отмечено на изделиях защитного вооружения, которые обнаружены в курганах пазырыкской культуры. В связи с этим следует отметить, что на некоторых изображениях, выявленных на «оленных» камнях, практически в точности передано украшение внешней поверхности пазырыкских щитов, изготовленных из кожи и деревянных палочек. Данное наблюдение может свидетельствовать о наличии именно такой конструкции у более древних кочевников Внутренней Азии.

Отдельно нужно обратить внимание на круг или окружность. Они представлены на ряде изображений щитов в верхней части или крупной точкой в центре. Намного реже встречаются два или три малых круга, расположенные по диагонали и соединенные между собой линией (рис. 1, *4*). Помимо кругов отмечены овальные и ромбические фигуры. В работах В. В. Волкова [1981, с. 235] и Э. А. Новгородовой [1989, с. 197] все они трактуются как металлические умбоны. Такие находки известны в древнекитайских погребениях [Варенов, 1990, с. 58–65].

К настоящему времени разработаны классификации изображений на «оленных» камнях, также отдельное внимание уделяется их семантике. Важным событием стало трехтомное издание, вышедшее в Монголии и посвященное «оленным» камням. В одном из томов приводится классификация изображений щитов. Ис-

следователи пришли к выводу, что на 285 известных древних изваяниях имеется 286 щитов трех типов – четырехугольные, пяти- и шестигранные [Монгол..., 2021, с. 176]. В основе этой классификации лежит разделение изображений по форме. Помимо этого, в классификации отражены номера и наименования памятников, на которых были обнаружены изваяния. Также приводятся описания отдельных экземпляров и наскальных изображений с Ихтамира (Архангай) и Самагалтая (Тува).

В отдельной монографии монгольского специалиста Ж. Баярсайхана «Оленные камни Северной Монголии» представлена статистика древних изваяний с изображениями щитов, найденных на указанной территории. Согласно опубликованным данным, лишь 94 (25,8 %) из 358 изученных им «оленных» камней имели на своей поверхности изображение щита. Также автор рассматривает их месторасположение на обелиске: 84 (93 %) на задней стороне, 5 (6 %) на левой и 1 (1 %) на передней [Bayarsaikhan, 2022, p. 157–158]. Помимо этого, Ж. Баярсайханом учитывались стилизованные изображения оленей (64), реалистичных животных (6), оленей и животных вместе (15), изваяния без животных (11). Исходя из этих данных, щиты в основном воспроизводились на стелах с изображениями стилизованных оленей и со смешанными изображениями животных, реже на двух других. Приводятся и другие сведения: пятиугольники встречаются чаще, чем четырехугольники и шестиугольники; большинство из щитов имеют ряд «шевронов», иногда с изображением ромбов, горизонтальных и вертикальных линий; на некоторых «оленных» камнях встречаются изображения двух щитов. Ж. Баярсархан в указанной монографии привел интерпретации других ученых, касающиеся цели и назначения рассматриваемых изображений. Он отметил, что является сторонником теории, что деревянные щиты, обнаруженные в пазырыкских погребениях Алтая, идентичны изображениям на «оленных» камнях, что подтверждается формой, внешним видом и сходством орнамента [Bayarsaikhan, 2022, p. 159]. Щиты в большинстве случаев находятся на обратной стороне изваяния и редко – слева или спереди. Основываясь на этом, было сделано предположение, что воины передвигались со щитами, перекинутыми через спину.

Представленный опыт классификации изображений щитов имеет некоторые недостатки. Основная проблема заключается в том, что исследователи рассматривали неполный набор имеющихся признаков, а также привлекали другие показатели, не относящиеся собственно к щитам. При этом отмечается и демонстрируется разнообразие форм и орнаментов [Bayarsaikhan, 2022, p. 158, fig. 63]. Для создания классификации изображений щитов на «оленных» камнях следует учитывать не только основные характеристики, а всю совокупность выявляемых показателей. Например, кроме изображений щитов четырех-, пяти- и шестиугольной формы встречаются щиты с закругленным верхом, округлые или овальные (рис. 1, *2*), как, например, на «оленном» камне № 2 памятника Тавтын хутул [Тишкин, Мухарева, 2014, с. 127]. Следует учитывать число, положение и форму умбонов. Отдельное внимание стоит уделить орнаментам, которые отражали реальные образцы. Таким образом, учитывая и оценивая имеющиеся показатели, можно создать классификацию, которая будет содержать всеобъемлющую информацию о каждом из известных изображений щитов на «оленных» камнях.

Список источников

Варенов А. В. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, 1990. С. 56–72.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: АН МНР, 1981. 254 с.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл / Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Боть III. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2021. 448 н. (на монг. яз.).

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: ГРВЛ, 1989. 384 с.

Тишкин А. А., Мухарева А. Н. Комплекс «оленных» камней на перевале Тавт (Монгольский Алтай) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии: сб. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 144 с.

Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с.

Bayarsaikhan J. Deer Stones of Northern Mongolia. Washington, DC: Arctic Studies Center and International Polar Institute Press, 2022. 285 p.

А. А. Тишкин
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

РОЛЬ И МЕСТО «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ НА МЕМОРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Аннотация. «Оленные» камни имеют широкое распространение и уже давно изучаются исследователями. В данном сообщении речь пойдет о мемориальных комплексах, которые в разной мере сохранились на территории Внутренней Азии и выявлены благодаря находкам «оленных» камней. Такие памятники позволяют рассматривать идеологию одной из самых архаичных кочевых империй.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, древние кочевники, мемориальный комплекс, «оленные» камни

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

В 1975 г. вышла статья В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой «Оленные камни Ушкийн-Увэра». В ней авторы опубликовали схематичный план обследованного необычного комплекса, который находился рядом с херексурами на территории Северной Монголии, и дали описание выявленных изваяний. В конце текста было отмечено, что скопления «оленных» камней «…по всей вероятности, не связаны с погребениями, а входили в состав какого-то культового сооружения, скорее всего, жертвенника» [Волков, Новгородова, 1975, с. 84].

В 1979 г. вышла монография В. Д. Кубарева, в которой были детально представлены результаты обследований и раскопок на Юстыдском комплексе, находящемся в Юго-Восточном Алтае. Опубликованный схематичный план (рис. 1, *1–3*) демонстрировал ситуацию, схожую с той, которая ранее отмечена В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой [1975, рис. 1] на Ушкийн-Увэре. В ходе экспедиционных работ были найдены орудия труда, остатки более 30 «оленных» камней и зафиксировано более 100 кольцевых выкладок [Кубарев, 1979, с. 16, рис. 3–10].

Масштабные исследования В. В. Волкова [2002] в Монголии позволили выявить и опубликовать серию комплексов, аналогичных Ушкийн-Увэру.

Существенный вклад в изучение традиций ритуального использования «оленных» камней внесли А. А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар. Часть результатов отражена в совместной монографии [2021]. Одной из основных их заслуг является проведение масштабных раскопок вышеуказанного комплекса Ушкийн-Увэр. Получена наиболее полная информация об особенностях памятника и о доминирующей роли «оленных» камней на нем. Приведены доказательства о единстве планировки ансамблей сооружений с изваяниями и ритуально-погребальных комплексов херексуров Центральной Монголии, а также сделан вывод, что «оленные» камни использовались как кенотафы [Ковалев, Эрдэнэбаатар, Рукавишникова, 2016, с. 92].

Публикация каталога «оленных» камней Монголии и анализ привлеченных аналогичных материалов из соседних территорий [Монгол…, 2021] демонстрирует широкое распространение мемориальных

© Тишкин А. А., 2025

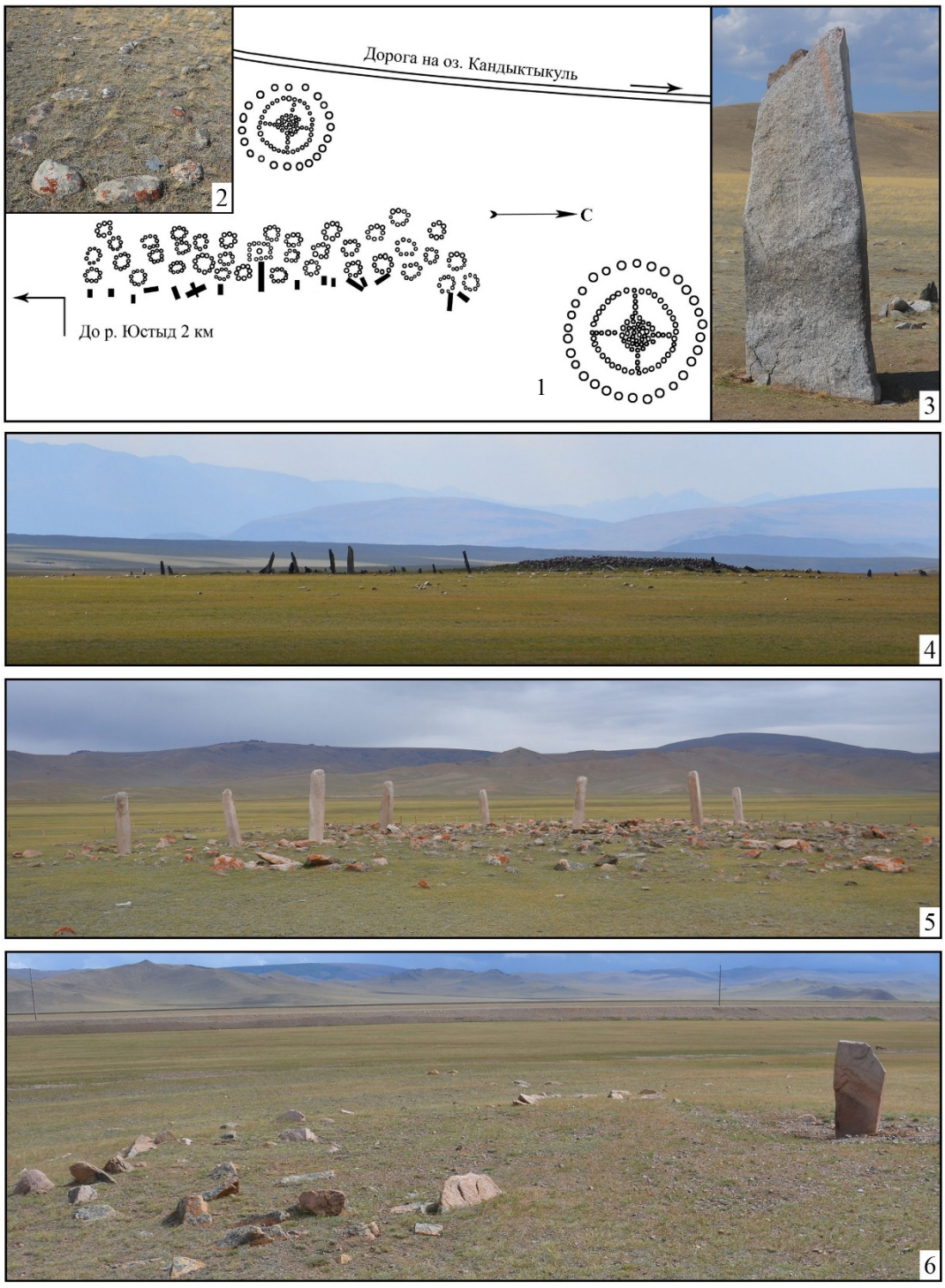

Рис. 1. Мемориальные комплексы Внутренней Азии: *1–3* – часть глазомерного плана (по: [Кубарев, 1979, рис. 3]), поминальники и центральный «оленный» камень Юстыдского комплекса на Алтае; *4* – остатки изваяний и стел в долине Годон-Гола на северо-западе Монгольского Алтая; *5, 6* – памятники Дааган дэл и Дунд шургахын ам в Завханском аймаке Монголии (все фотоснимки выполнены автором)

комплексов древних кочевников во Внутренней Азии. Где-то такие памятники сохранились более-менее полностью, где-то лишь частично, где-то были практически полностью разрушены. Но масштабность данного явления прослеживается четко. Такая ситуация может свидетельствовать о реализации мифологизированной доктрины в объединении высокого социального уровня.

Под мемориальным комплексом древних кочевников в представленном контексте мы понимаем специально организованный объект с размещенными «оленными» камнями и разными каменными конструкциями (платформы, жертвенники, поминальники и др.), которые сооружены для сохранения памяти о выдающихся людях и важных событиях. В связи с тем, что оформленные изваяния олицетворяют в основном воинов, рассматриваемые памятники вполне можно обозначать и как древние военные мемориалы (memorialis с лат. яз. переводится как «памятный»). В их планиграфии прослеживаются закономерности и определенные архитектурные решения, а также отражено смысловое содержание (вполне возможно, мифологизированное), и выполнены ритуально реализованные действия не только отдельной группой людей, но и крупным социумом во Внутренней Азии в рамках общей идеологической линии. Такие комплексы играли важную объединяющую роль, являлись местом проведения необходимых ритуалов и мероприятий. Аналогичная практика была широко распространена в древности и сохранилась до наших дней.

В ходе многолетних экспедиционных работ нами обследованы десятки мемориальных комплексов. Предварительно можно выделить несколько типов таких памятников, исходя из размеров занимаемой территории, а также по числу «оленных» камней и особенностям других сооружений. Например, в долине реки Годон-Гол (Баян-Ульгийский аймак Монголии) выявлены остатки более 150 изваяний и стел, размещенных в одну линию у крупного херексура (рис. 1, *4*). Относительно часто встречались комплексы, где располагались восемь «оленных» камней. В качестве примера приведем фотоснимок хорошо известного памятника Дааган дэл (рис. 1, *5*). Нами обследовались малые мемориальные комплексы, где находилось от двух до пяти изваяний, а также персональные – вообще с одним «оленным» камнем (рис. 1, *6*).

Мемориальные комплексы численно преобладают в Центральной Монголии, но они есть к западу и к северу от нее. Разрушенный мемориальный комплекс недавно исследовался в Туве [Килуновская, 2021]. Обозначенная тема требует дальнейшего системного изучения. Необходимо проведение раскопок, что дополняет сведения археологических обследований. Об этом свидетельствует уже указанный опыт, а также находки на памятнике Хушуун дэнж-04 [Результаты исследований…, 2024].

Список источников

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.

Килуновская М. Е. Комплекс с оленными камнями на могильнике Ховужук-Аксы (Овюрский хошуун Республики Тыва) // Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Харь говь, Суртийн дэнж. СПб.: СПбГМИСР, 2021. С. 93–115.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Харь говь, Суртийн дэнж. СПб.: СПбГМИСР, 2021. 160 с.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И. В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. С. 82–92.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть III / Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2021. 448 н. (на монг. яз.).

Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки / А. А. Тишкин, Т.-О. Идэрхангай, С. Ю. Бондаренко, В. В. Горбунов, П. Эрдэнэпурэв, Д. Цэнд, Ж. Энхзул // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 260–263.

А. А. Тишкин[1], А. Л. Автушкова[2]
[1] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[2] Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск, Россия

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА, ОБНАРУЖЕННЫХ НА ПАМЯТНИКЕ КОЛЫБЕЛЬКА-4 (ФОНДЫ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Аннотация. В Новосибирском государственном краеведческом музее хранится коллекция предметов, обнаруженных на памятнике Колыбелька-4. В данном сообщении впервые приводятся результаты рентгенофлюоресцентного анализа некоторых металлических деталей конского снаряжения. Полученные результаты свидетельствуют об их разном происхождении, что может отражать результаты контактов нескольких групп древних кочевников на территории Барабы в раннескифское время.

Ключевые слова: Колыбелька-4, музей, детали конского снаряжения, РФА

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-18-00470-П, https://rscf.ru/project/22-18-00470/.

Памятник археологии Колыбелька-4 находится на территории Краснозерского района Новосибирской области, в 1 км к северо-западу от одноименного села. Он представляет собой скопление земляных курганов, которые на протяжении длительного времени подвергаются распашке. В ходе обследований обнаружены древние изделия из цветного металла. Большая часть найденных предметов опубликована [Автушкова, Плахута, 2020]. В настоящее время они хранятся в Новосибирском государственном краеведческом музее и составляют отдельную коллекцию (ОФ 22 965). Основной целью данного сообщения является публикация результатов рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) некоторых деталей конского снаряжения для возможного определения их происхождения и связи с культурами кочевников раннескифского времени, изученных на ближайших территориях. Перед тем как представить полученные химические составы использовавшихся сплавов, необходимо указать, что все предметы были реставрированы. Однако за время, прошедшее после такой процедуры, под покрытием уже сформировался слой окислов, который не давал возможности для получения объективных результатов анализа. В связи с этим осуществлялось аккуратное механическое снятие поверхностных слоев коррозии на маленьких участках. Из-за ограниченного объема публикации ниже приводятся результаты только их тестирования. РФА осуществлялся известным портативным спектрометром неразрушающего действия «INNOV-X SYSTEMS ALPHA SERIES^{TM}» с использованием специального стенда.

Обломок стремевидного окончания одного из звеньев удил (ОФ 22965/26) не был включен в вышеуказанную публикацию. Исследование прибором участка, освобожденного от реставрационного покрытия и поверхностной коррозии, определило следующие показатели: Cu (медь) – 97,46 %; As (мышьяк) – 2,21 %; Pb (свинец) – 0,27 %; Fe (железо) – 0,06 %. Они свидетельствуют об использовании при отливке мышьяковистой меди с рудной примесью в виде свинца.

Следующие три изделия представляют собой комплект (ОФ 22965/45), состоящий из целых металлических удил с двумя псалиями (рис. 1, *2–4*). Они кратко описаны ранее [Автушкова, Плахута, 2020, с. 144–145, рис. 1. 1; 2. 1] и находят аналогии среди изделий Вакулихинского клада [Бородаев, 1998], обнаруженного на территории северо-западных предгорий Алтая в зоне распространения памятников майэмирской (майемерской) культуры раннескифского времени [Тишкин, 2019]. Сна-

© Тишкин А. А., Автушкова А. Л., 2025

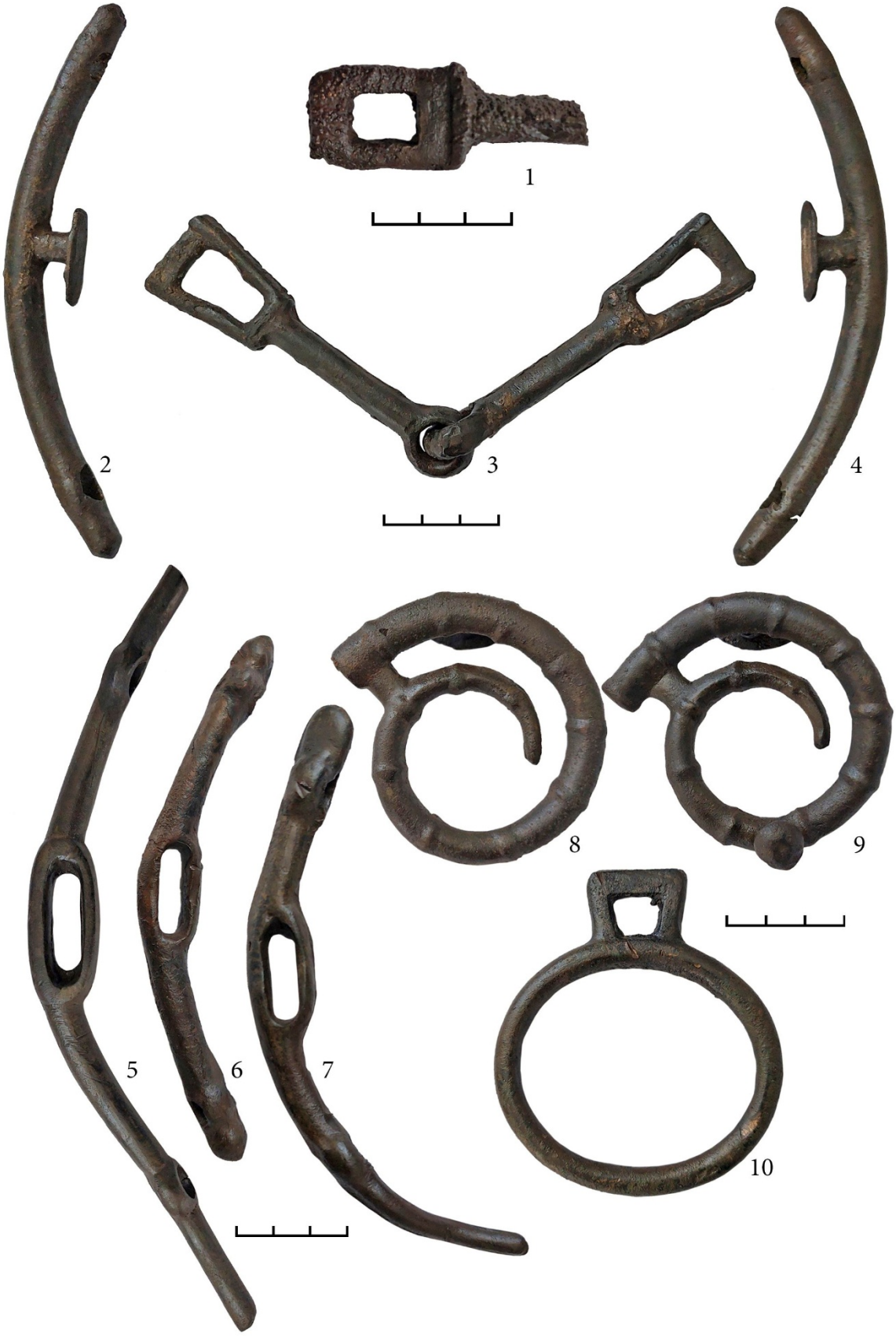

Рис. 1. Колыбелька-4. Бронзовые детали конского снаряжения
(фотоснимки выполнены А. А. Тишкиным)

чала прибором исследовался один из псалиев (рис. 1, *2*), который вставлялся в симметричное звено удил. Получен следующий результат анализа участка, освобожденного от окислов: Cu – 80,74 %; Sn (олово) – 18,51 %; Pb – 0,59 %; Fe – 0,16 %. Выявленные показатели свидетельствуют о медно-оловянном сплаве с рудной примесью в виде свинца и с остатками окислов, проникших вглубь изделия. Исходя из имеющегося опыта, для изучения прибором удил отдельно исследовалось каждое звено. Получены такие результаты тестирования участка симметричного звена, очищенного от окислов: Cu – 88,99 %; Sn – 10,67 %; Pb – 0,21 %; Fe – 0,13 %. Выявленные показатели аналогичны предыдущим и отличаются только количественно. Изучение спектрометром ассиметричного звена проводилось таким же образом: Cu – 95,93 %; Sn – 3,45 %; As – 0,38 %; Pb – 0,09 %; Fe – 0,08 %; Ni (никель) – 0,07 %. Данный бронзовый сплав отличается не только существенным уменьшением содержания олова, но и набором рудных примесей. Это обстоятельство в очередной раз подтверждает способ изготовления двусоставных удил в раннескифское время, реконструированный Р. С. Минасяном [1994]. Для второго псалия получен такой поэлементный ряд: Cu – 82,41 %; Sn – 16,76 %; Pb – 0,66 %; Fe – 0,17 %. Он отражает схожесть с результатами тестирования первого псалия. Такие детали отливались по одной рецептуре, а затем комплектовались с готовыми удилами.

Из следующих трех разрозненных металлических псалиев (рис. 1, *5–7*), судя по всему, в предыдущую публикацию попал только один [Автушкова, Плахута, 2020, рис. 1. 3]. Фотоснимки двух других (рис. 1, *5, 7*) расширяют знакомство с коллекцией. Все три изделия объединяет схожее оформление центрального отверстия. Первый (ОФ 22965/30) из них отличается длиной и деформацией одного из окончаний (рис. 1, *5*). С помощью спектрометра исследовался участок, освобожденный от окислов. Выявлены следующие показатели: Cu – 96,48 %; As – 3,15 %; Bi (висмут) – 0,21 %; Pb – 0,16 %. Они указывают на мышьяковистую медь с другими рудными примесями (висмут и свинец). Следующий псалий (рис. 1, *6*) (ОФ 22965/37) по длине самый маленький. Прибором получены такие результаты: Cu – 92,39 %; Sn – 5,37 %; As – 2,1 %; Pb – 0,14 %. Они отражают прочный сплав мышьяковистой меди с оловом. Но искусственной добавкой было только олово. Исследование третьего псалия (ОФ 22965/38), который немного отличается от предыдущего (рис. 1, *7*), производилось аналогичным образом: Cu – 97,02 %; As – 2,74 %; Fe – 0,13 %; Pb – 0,11 %. В данном случае изделие изготовлено из мышьяковистой меди.

Два других изделия (рис. 1, *8, 9*) представляют собой комплект пряжек (ОФ 22965/46–47), использовавшихся для крепления легкого седла. Они оформлены оригинально – в виде закрученного рога горного барана с проработкой характерных деталей. Сведения о пряжках опубликованы [Автушкова, Плахута, 2020, с. 145, рис. 2. 5]. Похожее изделие известно на территории Синьцзяна [Шульга, 2010, рис. 77. 24]. Сначала РФА осуществлялся на пряжке без шпенька-застежки (рис. 1, *8*), и прибором выявлен такой поэлементный ряд: Cu – 84,27 %; Sn – 14,5 %; As – 1,05 %; Pb – 0,13 %; Ni – 0,05 %. Эти данные указывают на отмеченный выше сплав мышьяковистой меди с оловом, количество которого более существенное, что могло повлиять не только на прочность изделия, но и на цвет металла. Вторая аналогичная пряжка, но с выступающей наружу застежкой грибовидной формы (рис. 1, *9*) тестировалась аналогичным образом: Cu – 83,01 %; Sn – 15,52 %; As – 1,19 %; Pb – 0,23 %; Ni – 0,05 %. Этот результат практически аналогичен предыдущему, что свидетельствует об их совместном изготовлении и комплектовании.

И наконец, заключительное изделие (рис. 1, *10*) представляет собой крупную пряжку-блок (ОФ 22965/24) для крепления подпружного ремня у седла. Широкие аналогии таких изделий отражены в публикации материалов из Колыбельки-4 [Автушкова, Плахута, 2020, с. 148, рис. 3. 1; 4. 5]. Спектрометром зафиксированы такие показатели: Cu – 85,63 %; Sn – 11,81 %; As – 1,57 %; Pb – 0,85 %; Fe – 0,14 %.

И в данном случае выявлен уже хорошо знакомый сплав меди с примесями и оловом.

В заключение необходимо отметить, что проведенный РФА указывает на разные рецептуры сплавов для изготовления деталей конского снаряжения. При этом основные аналогии изделиям находят отражение в материалах майэмирской (майемерской) и тасмолинской культур.

Список источников

Автушкова А. Л., Плахута Д. О. Памятники тасмолинской культуры на территории Новосибирской области (по материалам 2014–2017 гг.) // РА. 2020. № 2. С. 143–151.

Бородаев В. Б. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и Средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 56–73.

Минасян Р. С. Способы литья бронзовых удил в предскифское и скифское время // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: ИИМК РАН; ГЭ, 1994. С. 157–163.

Тишкин А. А. Майэмирская (майемерская) культура / История Алтая: в 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и Средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 201–210.

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

В. Б. Трубникова, В. М. Лурье
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия

ТУВИНСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В МОГИЛЬНИКАХ ТЕСИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (МИНУСИНСКИЕ КОТЛОВИНЫ)

Аннотация. Впервые проведен предварительный сравнительный анализ погребального обряда и инвентарного комплекса между тесинскими грунтовыми могильниками Минусинских котловин и памятниками озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской и улуг-хемской культур Тувы конца I тыс. до н. э. Установлено их влияние на сложение тесинской традиции.

Ключевые слова: тесинская культура, Тува, Минусинские котловины

Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

Тезис о тесных связях тесинской культуры, получившей распространение в Минусинских котловинах на рубеже эр, с археологическими материалами, происходящими с территории Тувы, давно признается большинством исследователей, изучающих данную проблематику: предполагается, что в конце I тыс. до н. э. на территорию Минусинских котловин проникают новые группы населения [Кызласов, 1960, с. 163; Пшеницына, 1975, с. 162; Кузьмин, 1983, с. 75; Вадецкая, 1983, с. 22; Савинов, 2009, с. 83], что может быть связано с миграциями кочевников хунну, которые спровоцировали дальнейшее переселение через Саянский хребет. Между тем анализ, демонстрирующий связи археологических комплексов Тувы и Минусинских котловин этого времени, до сих пор не был сделан. Активные работы последних лет в Центральной Туве, с одной стороны, как и открытие новых могильников тесинской культуры в Минусинских котловинах, с другой – позволяют наконец провести сравнительный анализ.

Тесинские могильники предлагается сравнить, во-первых, с группой памятников Ала-Тей 1, Терезин и Урбюн III, объединенных рядом исследователей в отдельную улуг-хемскую культуру [Килу-

© Трубникова В. Б., Лурье В. М., 2025

новская, Леус, 2017а; 2017б]; во-вторых, с синхронными улуг-хемской культуре памятниками озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры [Семенов, 2003]. Сходства обнаруживаются в следующих пунктах:

Погребальный обряд

1. Для тесинских могильников и могильника Ала-Тей 1: наличие в одной могиле погребенных, ориентированных головой в противоположные стороны относительно друг друга [Савинов, 2009, с. 54–55; Килуновская, Леус, 2024, с. 27, рис. 1].

2. Сочетание в могильниках погребений в положении как на спине вытянуто, так и на боку [Трубникова, Лазаретова, 2023, с. 182; Килуновская, Леус, 2024, с. 27].

3. В отдельных могильниках фиксируется различие позы в зависимости от пола погребенного: у мужчин руки уложены вытянуто вдоль тела, у женщин – сложены на груди или животе [Трубникова, Лазаретова, 2023, с. 186–188; Килуновская, Леус, 2017а, с. 73; 2018, с. 130].

4. Появление в тесинских курганах-кладбищах круглых оград «башенного типа», сложенных из горизонтально уложенных плит (Есино III, Усть-Камышта-I, к. 10) [Савинов, 2009, с. 50–52, рис. 4], схожих с подобным типом оград в озен-ала-белигском этапе (Аргалыкты-1, Аймырлыг XXIII) [Семенов, 2003, с. 125, табл. 37; 2022].

Инвентарный комплекс

1. Распространение сосудов с перегородкой. В тесинских могильниках – на дне могил [к примеру: Кузьмин, 2011, с. 196–197, рис. 40, 41] (рис. 1, *1*), в Туве в улуг-хемской культуре – у уровня дневной поверхности [Килуновская, Леус, 2024, с. 28] (рис. 1, *2, 3*).

2. Появление в Минусинских котловинах вазовидных сосудов с налепами по тулову в виде волнистой линии и спирали (рис. 1, *4, 5*), аналогичных тувинским (рис. 1, *6, 10*) [Минусинские котловины: Савинов, 2009, с. 62, рис. 6; Кузьмин, 2011, с. 196–197, рис. 40, 41; Тува: Семенов, 2003, с. 130, табл. 42.8; с. 158, табл. 70.4; с. 160, табл. 72.16; с. 188, табл. 100.55].

3. В мужских погребениях тесинских грунтовых могильников и могильников улуг-хемской культуры на костях стоп зафиксированы железные пряжки (в единичных случаях – бронзовые) [Трубникова, Лазаретова, 2023, с. 187; Килуновская, Леус, 2017, с. 73–74].

4. Появление в грунтовых тесинских памятниках хуннских бронз местного изготовления [Лурье, Трубникова, 2023], схожих по составу набора с бронзами из могильников улуг-хемской культуры [Килуновская, Леус, 2017а; 2017б; 2018].

5. Наличие в инвентарном комплексе тесинских грунтовых могильников бронзовых пятикольчатых пряжек (рис. 1, *7*) [Лурье, Трубникова, 2023, с. 184, рис. 1. 4], получивших распространение и в озен-ала-белигском этапе (рис. 1, *8, 9*) [Семенов, 2003, с. 91, табл. 3, 27; с. 105, табл. 17.2].

Краткий обзор выделенных признаков не только подтверждает тувинский генезис культурной традиции тесинских грунтовых могильников, но и позволяет обозначить новые перспективы в будущих исследованиях. Так, наличие в тесинской культуре признаков и улуг-хемской культуры и озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры свидетельствует, что переселение в Минусинские котловины групп людей в конце I тыс. до н. э. носило массовый и разнообразный характер.

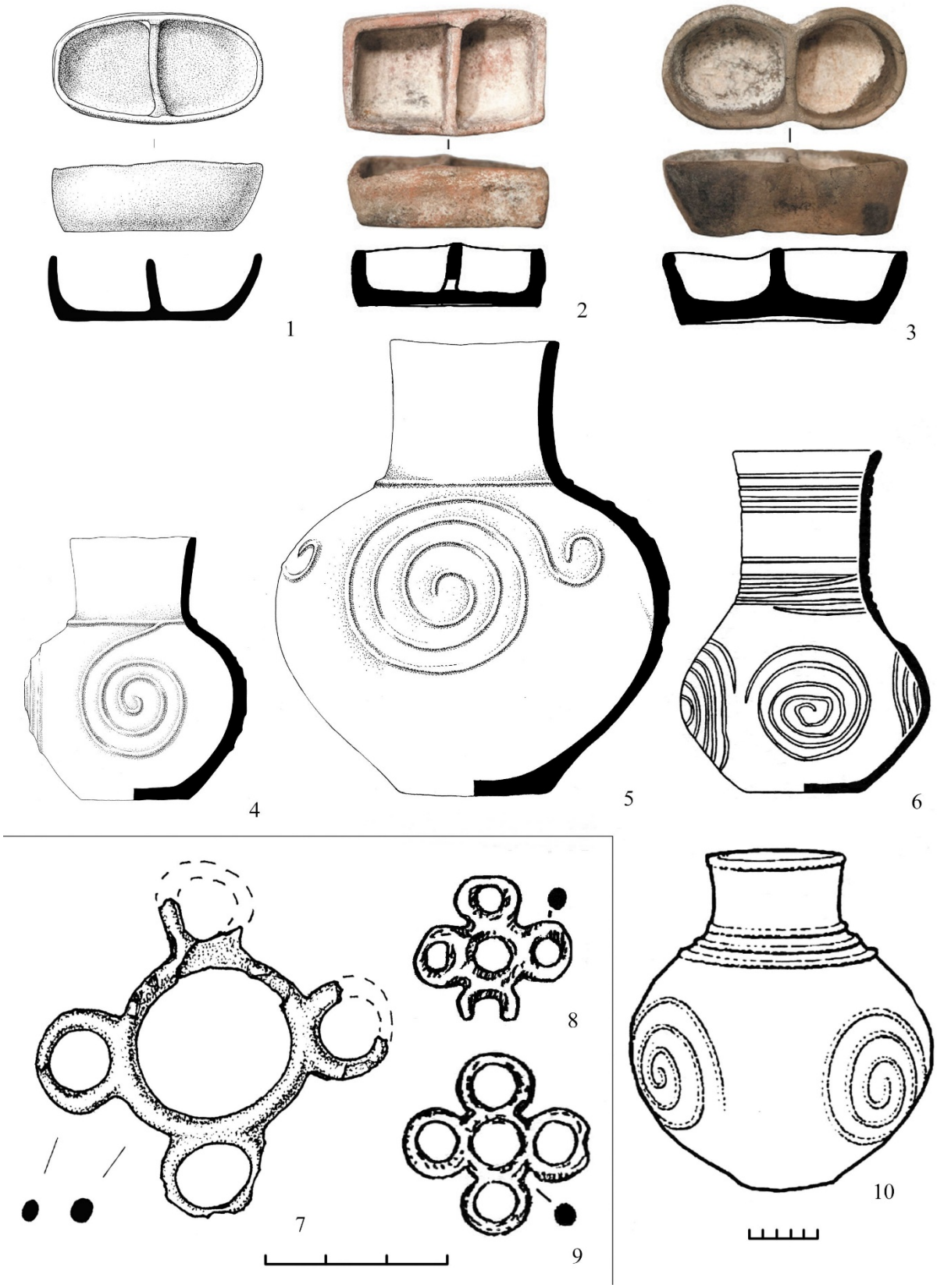

Рис. 1. *1* – Хызыл Салда 9, кург 1, мог. 16; *2* – Ала-Тей 1, мог. 76; *3* – Ала-Тей 1, мог. 91; *4* – Усть-Камышта-1, кург. 10, об. 12; *5* – Усть-Камышта-1, кург. 10, об. 16; *6* – Суглуг-Хем I, ср. 25; *7* – Хызыл Салда 9, кург. 1, мог. 9; *8* – Суглуг-Хем I, ср. 2; *9* – Суглуг-Хем I, ср. 16; *10* – Дужерлиг-Ховузу, кург. 2 [по Семенов, 2003, табл. 3, 27; 17, 2; 42, 8; 100, 55; Килуновская, Леус, 2023, рис. 2. 3, 4]. *1–6, 10* – керамика, *7–9* – бронза

Список источников

Вадецкая Э. Б. Поиски «самодийцев» на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. ТД ОНК по археологии. Омск: ОмГУ, 1983. С. 20–23.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Могильник Ала-Тей и памятники хунну в Туве // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб.: Скифия-принт, 2017а. С. 72−75.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Искусство конца первого тысячелетия до н. э. в Туве // КСИА. № 247. 2017б. С. 87–102.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Культурные и хронологические признаки эпохи хунну в Туве // Археологические вести. Вып. 24. 2018. С. 125–152.

Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // Археологические вести. Вып. 43. 2024. С. 25–34.

Кузьмин Н. Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 72–75.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.

Лурье В. М. Трубникова В. Б. Хуннские бронзы в тесинских комплексах по материалам раскопок Саянской археологической экспедиции 2020–2022 гг. // «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 183–187.

Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 150–162.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну. (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.

Семенов А. В. Проблемы происхождения обряда захоронения в склепах второй половины I тысячелетия до н. э в Туве // Ермолаевские чтения. 2022. С. 17–23.

Трубникова В. Б., Лазаретова Н. И. Гендерные особенности погребального обряда тесинских грунтовых могильников (по материалам кургана Хызыл Салда 9) // Записки ИИМК РАН. № 29. 2023. С. 180–191.

А. В. Харинский, С. В. Снопков
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

ПРОИЗВОДСТВО ЖЕЛЕЗА ЖИТЕЛЯМИ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БАЙКАЛА В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н. Э. – СЕРЕДИНЕ II ТЫС. Н. Э.

Аннотация. К III–II вв. до н. э. относится появление на западном берегу Байкала самых ранних горнов для восстановления железа. Их конструкция напоминала воронку, вырытую в земле. Горны располагались вокруг ямы, с которой соединялись с помощью подземных каналов. Самые поздние горны этого типа датируются VI в. В середине II тыс. н. э. в Предбайкалье получают распространение четырехугольные ямно-наземные горны.

Ключевые слова: Приольхонье, металлургический центр, горн

В конце I тыс. до н. э. железо начинает играть ведущее значение при изготовлении орудий труда и оружия у жителей западного побережья озера Байкал. В это время не только наблюдается распространение изделий из этого металла, но и фиксируются наиболее ранние сооружения для его получения – ямные сыродутные железовосстановительные горны. Некоторые из них к настоящему времени исследо-

© Харинский А. В., Снопков С. В., 2025

ваны в Приольхонье – центральной части западного побережья Байкала. Как правило, они концентрируются по несколько в одном месте, образуя металлургические центры, которые могли функционировать в течение длительного времени. На этих археологических объектах не зафиксированы следы долговременного пребывания человека и отсутствуют материалы, не связанные с производством металла.

На шести металлургических центрах: Барун-Хал 2, Барун-Хал 3, Онтхэ 2, Курма 28, Курминское озеро 1 и Курминское озеро 5 – проводились археологические раскопки. Общее количество горнов, вскрытых на них, составило девятнадцать. Кроме этого, по одному горну исследовано на археологических объектах Черноруд 2 и Шракшура 10 [Харинский, Снопков, 2004; 2020; Металургический центр…, 2013; Kozhevnikov, Kharinsky, Snopkov, 2019]. Для части из них получены радиоуглеродные даты, на основании которых можно судить о тенденциях в производстве железа, характерных для территории Приольхонья практически на протяжении двух тысяч лет (табл. 1).

Наиболее ранние железовосстановительные горны на территории Приольхонья появляются в III–II вв. до н. э. (Барун-Хал 2, Курминское озеро 1). Они связаны с распространением здесь населения, оставившего захоронения елгинского типа [Харинский, 2014]. Горны располагались вокруг ямы диаметром не менее 2 м и глубиной более 1 м, которая выкапывалась в плотном суглинке. Зачастую стенки ямы подвергались обжигу. В результате чего суглинок спекался, становясь твердым и более устойчивым к разрушению.

Конструкция горнов напоминала воронку. Высота рабочей камеры горна состав-

Таблица 1

Радиоуглеродные даты по металлургическому центру Курма 28

№	Место отбора образца (уголь)	Датировка по ^{14}C (лет назад)	Индекс лаборатории и №	Калиброванная дата[89]
1	Черноруд 2, рабочая камера горна	690±40	Le-11450	1250–1400 гг.
2	Барун-Хал 2, нора суслика у пригорновой ямы	2 180 ± 30	СОАН-3711	361–168 гг. до н. э.
3	Барун-Хал 2, южная часть пригорновой ямы	2 050 ± 35	СОАН-3902	171 г. до н. э. – 168 г. н. э.
4	Барун-Хал 2, дно горна 1	1 915 ± 35	СОАН-3903	5–210 гг.
5	Барун-Хал 3, траншея	1 110 ± 80	СОАН-4595	690–1119 гг.
6	Барун-Хал 3, дно траншеи	1 770 ± 35	СОАН-4883	136–377 гг.
7	Барун-Хал 3, дно горна 1	1 820 + 35	СОАН-4882	87–324 гг.
8	Барун-Хал 3, горн 2	1 435 + 45	СОАН-5282	544–665 гг.
9	Онтхэ 2, яма, к юго-востоку от горна 2	270 ± 100	Le-11451	1400–2000 гг.
10	Курма 28, под глиняным сводом горна 1	1 540 ± 25	СОАН-8662	453–549 гг.
11	Курма 28, в центре пригорновой ямы	1 585 ± 35	СОАН-8792	431–521 гг.
12	Курма 28, в западной части пригорновой ямы	1 665 ± 55	СОАН-8793	291–451 гг.
13	Курма 28, дно ямы с углем перед фурмой горна 1	1 510 ± 45	СОАН-8794	468–592 гг.
14	Курма 28, основание северо-восточной стенки горна 1	1 550 ± 40	СОАН-8795	446–548 гг.
15	Курминское озеро 1, горн 2	2 240 ± 30	СОАН-4105	390–200 гг. до н. э.
16	Курминское озеро 1, горн 5	1 680 ± 40	СОАН-4331	240–430 гг.
17	Курминское озеро 1, горн 4	1 635 ± 55	СОАН-4329	260–540 гг.

[89] Даты и их промежутки погрешностей калиброваны в программе Oxcal 4.3 (Bronk Ramsey, 2017) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer et al., 2013), при вероятности 95,4 %.

ляет 1,2–1,4 м, а объем – 0,1–0,35 куб. м. Ее верхнее загрузочное отверстие выходило на поверхность земли. Оно было треугольной, с закругляющимися углами, формы, размерами 0,55–0,90×0,75–1,10 м. Горловина горна (фурма) под землей соединялось с пригорновой ямой. Ее длина составляла 0,12–0,7 м.

Внутреннюю поверхность рабочей камеры горна сначала обжигали, затем футеровали и снова обжигали. Футеровка делалась из глины и необожженных кирпичей, для скрепления которых использовалась арматура из прутьев. Необходимость футеровки определялась физическими свойствами обожженной глины – низкая теплоемкость и высокая огнеупорность, позволяющими достигать высокой температуры и при этом сохранять стенки горна для последующего применения. Кроме того, обожженная глина обладает высокой гигроскопичностью и абсорбцией, благодаря чему водяные пары в рабочей камере горна частично поглощаются футеровкой, улучшая протекание восстановительных реакций в горне.

В горне послойно размещали железную руду и древесный уголь. Перед началом работы загрузочное отверстие закладывалось треугольными кирпичами и замазывалось глиной. Судя по остаткам керамического свода горна 1 металлургического центра Курма 28, вдоль загрузочного отверстия вкруговую делался ленточный налеп из глины. Его толщина составляла 6–7 см, ширина 10 см. Налеп с силой прижимался к стенке загрузочного отверстия, своим внешним краем он опирался на глиняную обмазку рабочей камеры. С помощью деревянных шипов (зубов) треугольные кирпичи, образующие купол, крепились к ленточному налепу. Длина самых маленьких треугольных кирпичей свода составляла около 25 см, ширина в основании 14,5 см, толщина 6–7 см. Сверху горна оставалось небольшое отверстие для выхода дыма.

Нижнее отверстие горна закрывалось куполообразным каменно-кирпичным сооружением. Фрагменты глиняной обмазки с отверстиями для сопел (диаметр 3–4 см) свидетельствуют о том, что использовался принудительный поддув воздуха. Через нижнее отверстие из горна в пригорновую яму выпускались шлаки, а после завершения горения угля через него извлекали крицу. Некоторые горны использовали для получения железа по нескольку раз, о чем свидетельствуют следы их ремонта и консервации.

Со II в. н. э. наряду с пригорновыми ямами на металлургических центрах начинают сооружаться траншеи, вокруг которых располагались воронкообразные горны (Барун-Хал 2, Барун-Хал 3, Курминское озеро 1). Конструкция горнов в это время не претерпела значительных изменений. Лишь в середине I тыс. появляются дугообразные горны, имевшие горизонтальное дно (Барун-Хал 3). Внешняя часть фурмы горна не спускается вниз к яме или траншее, а поднимается вверх, образуя пригорновое углубление. В продольном сечении эти горны напоминают дугу, один из концов которой образует рабочая камера, а другой – пригорновое углубление. Средняя часть горна представлена соединительным каналом (фурмой), через который в рабочую камеру подавался воздух и извлекалась крица. Объем рабочей камеры дугообразных горнов был меньше, чем у воронкообразных, а процесс их сооружения легче. Теперь не надо было выкапывать пригорновую яму или канал, с которым соединялись горны. Помимо дугообразных железовосстановительных горнов в это же время в Приольхонье распространяются и кузнечные горны такой же формы, но меньших размеров.

С XIII в., а может быть, и несколько раньше, в Приольхонье начинают сооружаться четырехугольные ямно-наземные горны (Онтхэ 2, Черноруд 2, Шракшура 10), существенно отличающиеся по своей конструкции от воронкообразных и дугообразных горнов конца I тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э. Их нижняя часть располагалась в яме, а верхняя возвышалась над землей. Яма имела прямоугольную форму. Вдоль ее стенок устанавливались каменные плиты, щели между которыми замазывались глиной. Снаружи стенки горнов дополнительно крепились обожженными глиняными бордюрами.

В нерабочем состоянии у горнов отсутствовала передняя стенка и крышка. Размер рабочей камеры у этого типа горнов составлял 22–40×55–66 см, высота 25–40 см. Объем рабочих камер составлял 0,03–0,05 куб. м. Перед началом процесса восстановления железа рабочая камера горна сверху перекрывалась каменными плитами, а спереди закрывалась глиняными валиками или каменной плитой. В передней стенке камеры оставалось отверстие, в которое вставлялось сопло. Через него с помощью мехов в горн подавался воздух, улучшающий процесс горения угля. Возле горнов в Чернору́де 2 и Онтхэ 2 были обнаружены округлые ямки, в которые были установлены деревянные столбы. Вероятно, к этим столбам крепился деревянный рычаг, соединявшийся с воздуходувными мехами.

Концентрация на территории Приольхонья значительного количества сыродутных горнов позволяет говорить о нем как о горно-металлургическом районе, который снабжал железом не только Прибайкалье, но и, возможно, соседние территории.

Список источников

Металлургический центр Курма 28 (Приольхонье) / А. В. Харинский, С. В. Снопков, А. Ю. Казанский, Г. Г. Матасова, Н. О. Кожевников, Т. Амано // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 117–120.

Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 20–44.

Харинский А. В., Снопков С. В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. Вып. 2. С. 167–187.

Харинский А. В. Снопков С. В. Производство железа на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал) в XIII–XVII вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 65–93.

Kozhevnikov N. O., Kharinsky A. V., Snopkov S. V. Geophysical prospection and archaeological excavation of ancient iron smelting sites in the Barun-Khal valley on the western shore of Lake Baikal (Olkhon region, Siberia) // Archaeological Prospection. 2019. Volume 26. Numb. 2. P. 103–119 (17).

К. В. Чугунов
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ МОГИЛЫ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЧИНГЕ-ТЕЙ I В ТУВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу серии сопроводительных воинских погребений, открытых на периферии элитного кургана алды-бельской культуры. Корреляция признаков позволяет сравнить их и разделить на две группы. Анализ колчанных наборов из комплексов указывает на хронологические причины выявленных различий.

Ключевые слова: алды-бельская культура, сопроводительные погребения, стратиграфия, хронология, корреляция признаков

Обобщенные сведения о погребально-поминальном комплексе Чинге-Тей I[90] уже введены в научный оборот [Чугунов, 2011б; 2019а; Олещак, Чугунов, 2020; Чугунов, Сутягина, 2022; The food…, 2023], что позволяет не приводить его подробного описания. Систематические исследования памятника, наблюдения за стратиграфией выкидов грунта из могильных ям и особенностей залегания слоев камней и суглинка в кладке кургана, анализ комплектов сопроводительного инвентаря

© Чугунов К. В., 2025

[90] В предыдущих публикациях было принято написание Чинге-Тэй, однако памятник был включен в Перечень объектов культурного наследия как погребально-поминальный комплекс Чинге-Тей I, что заставляет использовать сейчас именно такое его наименование.

из погребений и культовых приношений позволяют сделать заключение об очень длительном функционировании этого элитного мемориала.

Поскольку периферийная зона кургана исследована полностью, то открытые здесь погребения могут быть рассмотрены отдельно. Очевидно, что все они объединены общим контекстом размещения внутри памятника и, вероятно, могут быть условно определены как своеобразная «охрана» погребального пространства внутри обводной стены. Могилы были устроены вдоль фасада этой стены и ориентированы относительно нее, поэтому ориентировка погребенных в данном случае зависела от конкретного местоположения и не может являться существенным признаком.

Радиоуглеродные датировки образцов из могил ожидаемо показали широкий интервал календарного времени, обусловленный «гальштаттским плато» на калибровочной кривой. Тем не менее, почти все даты располагаются в пределах раннескифского периода, с верхней границей, не выходящей за середину VI в. до н. э. [The food…, 2023, table 2].

Между тем в процессе исследований выявлена различная стратиграфическая позиция захоронений, которая позволяет разделить комплексы на группы. Грунт, извлеченный из четырех могильных ям, залегал на погребенной почве в виде ровного слоя на значительной площади. Наземное сооружение склона кургана, состоящее из пластов ила и уложенных на него камней, несомненно, было возведено после устройства этих захоронений. В одном случае близко расположенных могильных ям прослежено последовательное залегание слоев грунта – сначала выкопана яма для могилы 6, а затем устроена могила 5. Одно захоронение (могила 2), безусловно, было впущено в уже существующий склон кургана, поскольку никаких следов выкида грунта на погребенной почве не отмечено, а разрез над ямой демонстрирует восстановление наземного сооружения. Стратиграфия выкидов из остальных трех могил не столь однозначна. Здесь грунт из могильных ям залегал непосредственно над могилой, лишь незначительно распространяясь рядом, в основном к внешнему краю кургана. Возможно, для их устройства сооружение на склоне разбиралось от кромлеха к фасаду, то есть погребения также могут носить впускной характер.

Сопроводительные захоронения на Чинге-Тее I устраивались в двух видах погребальных камер – в каменных ящиках из плит, установленных на ребро, и в небольших прямоугольных срубах. По этому признаку могилы обнаруживают корреляцию с рассмотренными выше наблюдениями, что едва ли случайно: у захоронений в ящиках выкид выровнен по площади, а у могил, содержащих срубы, концентрируется над ямами. Исключением является впускное погребение в каменном ящике в могиле 2. Этот комплекс занимает промежуточное положение и по некоторым другим признакам, учитывающим основные категории находок (табл. 1). В частности, только в этой могиле человек был похоронен с железным кинжалом, но без горита.

Таблица 1

Сопроводительный инвентарь сопроводительных погребений могильника Чинге-Тей I

	М6	**М5**	**М3**	**М4**	**М2**	**М8**	**М7**	**М1**	**к1зц М3**
каменный ящик	+	+	+	+	+				
выкид выровнен	+	+	+	+					
сруб						+	+	+	+
выкид над ямой					+	+	+	+	+
пектораль							+	+	+
серьга с конусом					+	+		+	
серьга листовидная			+	+			+		
ковш в головах	+		+	+	+				
пронизи за головой			+	+				+	+
наборный пояс		+	+	+		+	+		+

Окончание табл. 1

	М6	**М5**	**М3**	**М4**	**М2**	**М8**	**М7**	**М1**	**к1зц М3**
горит (лук + колчан)	+	+	+	+		+	+	+	+
чекан или топор			+	+	+	+	+		+
нож железный			+		+	+		+	+
оселок	+		+	+	+		+	+	+
нож бронзовый	+	+		+			+		
детали плети		+					+		
зеркало					+			+	
гребень					+		+	+	
краска					+	+			

Представленные в табличной форме основные категории находок в погребениях под склоном кургана, встреченные в двух и более комплексах, показывают их корреляцию с двумя группами могил, определенных на основе внутримогильного сооружения. По многим показателям она демонстрирует определенное единство всего массива сопроводительного инвентаря, что свидетельствует об однокультурности комплексов. В обеих группах встречены разные типы серег, железные или бронзовые ножи, отсутствуют или присутствуют наборные пояса и другие атрибуты. Небольшие золотые пронизи, лежавшие за черепом в нескольких могилах вместе с бирюзовыми бусинами (возможно, признак особой прически), найдены в двух каменных ящиках вместе с листовидными серьгами, но и в срубе могилы 1, где у погребенного обнаружена серьга с припаянным конусом. В то же время есть категории находок, коррелирующие только с одной из групп. Так, золотые пекторали найдены только в срубах, а деревянные ковши – только в каменных ящиках.

Если рассматривать комплектность сопроводительного инвентаря в целом, то нельзя определенно утверждать, что две группы могил демонстрируют разный социальный статус погребенных – и в той, и в другой есть как относительно бедные, так и богатые захоронения. Наличие пекторалей на груди у погребенных в срубах, возможно, объясняется расположением захоронений в топографически значимых местах – точно на север (могила 1) и точно на запад (могила 7) от центра кургана. Вместе с тем выявленная стратиграфией дискретность совершения захоронений заставляет обратиться к анализу наиболее массовой категории находок в могилах – наконечникам стрел.

Колчанные наборы найдены в четырех из пяти каменных ящиков и во всех трех срубах под склоном большого «царского» мемориала. Для сравнения колчанов всю выборку уместно дополнить материалами могилы 3, исследованной в кургане 1 сателлитной западной цепочки погребально-поминального комплекса. Эта могила по всем показателям тяготеет ко второй группе захоронений (табл. 1), поскольку была устроена в срубе, а выкид из этого бокового захоронения не зафиксирован на погребенной почве. Добавление колчана из этой могилы сделает количество стрелковых наборов из двух групп равным, и сопоставление их будет более корректным.

Всего в восьми колчанах найдено 112 бронзовых наконечников, которые на основании устройства насада на древко распределяются по трем группам: втульчатые (53), черешковые (53) и зажимные (6). Такое соотношение очень характерно для алды-бельской культуры. Ранее проведенные исследования колчанных наборов раннескифского времени Тувы показали, что наиболее показательные изменения в них фиксируются на уровне отделов их базовой классификации (по сечениям головки) [Чугунов, 2019б, с. 36]. Сопоставление наконечников стрел из каменных ящиков и срубов Чинге-Тея I демонстрирует правомерность такого подхода. Диаграммы процентного соотношения наконечников стрел различных отделов (рис. 1) показывают, что в колчанах из срубов увеличивается количество трехгранно-

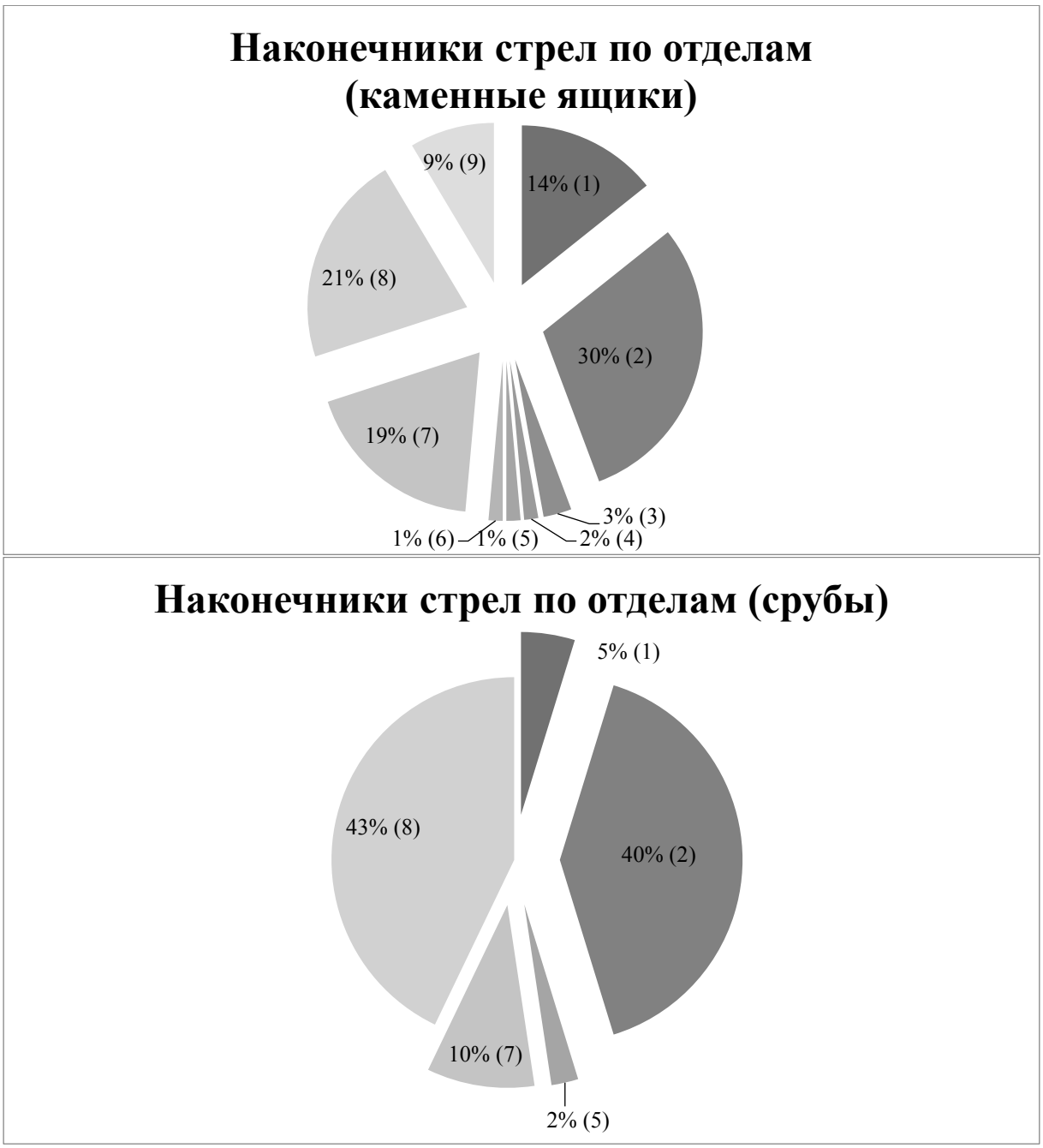

Рис. 1. Процентное соотношение наконечников стрел в колчанах из комплексов погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I: 1 – втульчатые четырехгранно-двухлопастные; 2 – втульчатые четырехгранные; 3 – втульчатые трехлопастные; 4 – втульчатые трехгранно-трехлопастные; 5 – черешковые четырехгранно-лопастные; 6 – черешковые четырехгранные; 7 – черешковые трехлопастные; 8 – черешковые трехгранно-трехлопастные; 9 – зажимные трехгранно-трехлопастные

трехлопастных черешковых стрел, а втульчатые четырехгранно-двухлопастные вытесняются четырехгранными наконечниками со скрытой втулкой. Точно такая же тенденция ранее была прослежена по колчанным наборам из кургана Аржан-2 [Чугунов, 2011а, с. 324]. Таким образом, внутренняя дискретность формирования погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I еще раз подтверждается и дает основания для разработки микрохронологии позднейшего этапа алды-бельской культуры.

Список источников

Олещак Л., Чугунов К. В. Исследования кургана раннескифского времени на периферии «царского» погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I в Туве // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 347–349.

Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. СПб: Изд-во СПбГУ, 2011а. Вып. 1. С. 262–335.

Чугунов К. В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Terra Scythica». Новосибирск, 2011б. С. 358–369.

Чугунов К. В. Исследования погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I в Туве // АСГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019а. Вып. 42. С. 92–109.

Чугунов К. В. Классификация стрел К. Ф. Смирнова и колчанные наборы раннескифского времени восточной зоны как хронологический индикатор // Скифия и Сарматия. К 100-летию со дня рождения К. Ф. Смирнова. М.: ИА РАН, 2019б. С. 31–44.

Чугунов К. В., Сутягина Н. А. Элитное захоронение раннескифского времени в кургане Чинге-Тей I: предварительная публикация и перспективы исследований // Camera praehistorica. 2022. № 2 (9). С. 8–25.

The food culture of the Iron Age nomadic elite from the ‘Valley of the Kings’ in Tuva: radiocarbon dating, stable carbon and nitrogen analysis of the Chinge Tey barrows (Turan-Uyuk Basin, Russia) / Oleszczak L., Pokutta D., Chugunov K., Götherström A. // Journal of Archaeological Science: Reports. 2023. 51. 1–18.

П. И. Шульга
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ДВУХЧАСТНОГО МОГИЛЬНИКА КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАМЕНЬ-2 В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ И ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ ФРАТРИЙ

Аннотация. На основе материалов могильников каменской культуры Камень-2 и Новотроицкое-1, 2 в Верхнем Приобье сделан вывод о существовании в скифское время традиции устройства на одной площадке двух сосуществовавших древних кладбищ, намеренно расположенных на одной площадке. Вполне вероятно, такого рода памятники являются парными кладбищами, устраиваемыми двумя родственными фратриями.

Ключевые слова: каменская культура, скифское время, Верхнее Приобье, могильник, погребальный обряд, фратрии

В ходе анализа материалов полностью исследованного эпонимного могильника Камень-2 [Могильников, Куйбышев, 1982], датируемого в рамках IV–III вв. до н. э., установлено, что данный памятник состоял из двух почти равных курганных групп (южной и северной), находившихся в 300–400 м друг от друга [Шульга, Головченко, 2024]. На первый взгляд, разрыв между указанными группами не столь значителен. Однако расположенный между ними элитный курган № 4 с шатровой конструкцией не относится к каменской культуре и, вероятно, датируется более ранним временем (рис. 1). Несмотря на синхронное функционирование и принадлежность к одной археологической культуре, погребальный обряд и керамические сосуды указанных групп между собой существенно различались.

Различия курганов по диаметру и наличию ровиков. В равной по количеству курганов южной группе почти не было кольцевых ровиков, тогда как в северной ровики имелись у семи курганов. Нужно отметить, что реальные отличия по этим параметрам могли быть не столь значительны, поскольку контуры распаханных насыпей устанавливались приблизительно, диаметр насыпи мог быть занижен, а кольцевые ровики – оказаться за рамками раскопа.

© Шульга П. И., 2025

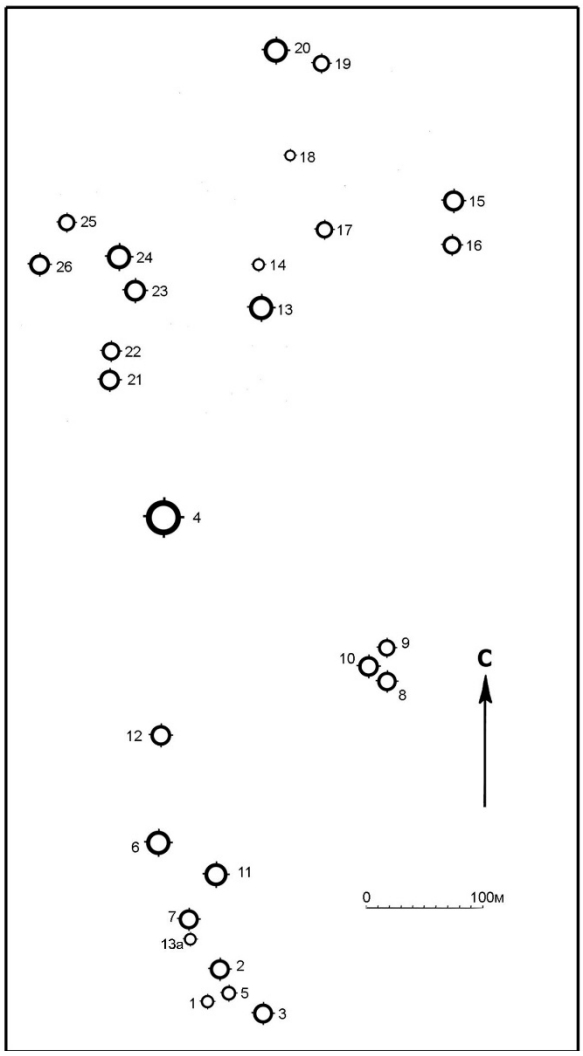

Рис. 1. План курганного могильника Камень-2

Различия по длине могил и половозрастному составу умерших. В южной группе явно преобладали захоронения женщин, тогда как в северной – мужчин. В южной группе зафиксировано в три раза больше отдельных детских погребений, в том числе младенческого возраста, а в северной почти все дети 6–8 лет.

Различия в планиграфии и количестве могил наиболее выражены. Планировка могил в южной группе достаточно сложная – от линейной до круговой – и соответствует основным типам каменской культуры. В северной группе планировка проще, а формирование многомогильных курганов приостановилось на начальной стадии.

Различия в особенностях погребального обряда. В южной группе курганов различия между захоронениями незначительны, и в целом они близки к большей части каменской культуры. В северной группе различия существенные – как с южной группой, так и между собой. Там имеются два одномогильных кургана с диагональными захоронениями в подквадратных могилах с нехарактерными для могильника перекрытиями. Там же в отдельных курганах зафиксирован редкий обряд с расположением костей ног мелкого рогатого скота (далее МРС) по четырем углам («шкура овцы»), а также устойчивое сочетание в жертвенной пище бока лошади, на который укладывалась нога МРС. При этом в северной группе кости лошади в жертвенной пище преобладают – найдены в 9 (56 %) погребениях из 16. В южной группе почти во всех погребениях находились кости МРС, а кости лошади зафиксированы только в двух погребениях (17 %) из 12.

Помимо этого, для северной группы курганов характерно положение погребенных с разведенными в стороны руками. Оно зафиксировано в 11 погребениях,

а в курганах 20 и 26 сочеталось с положением ног, раскинутых ромбом («поза всадника»). В южной группе такое положение умерших встречается редко.

Выявленное на могильнике Камень-2 разделение погребений на две группы, значительно различающиеся между собой, но относящиеся к одному хронологическому периоду, – явление не единичное. Наибольшее сходство обозначенные выше особенности могильника Камень-2 имеют с Новотроицким некрополем [Шульга, Уманский, Могильников, 2009]. Полностью исследованные могильники Новотроицкое-1 и Новотроицкое-2 также в какой-то период одновременно функционировали на одной площадке высокой речной террасы. Располагались они аналогично – в меридиональном направлении относительно друг друга на расстоянии 300–400 м. В каждом зафиксировано почти одинаковое количество курганов каменской культуры. В погребальном обряде и инвентаре Новотроицких могильников 1 и 2 также зафиксированы явные специфические особенности.

Существенное сходство прослеживается и с Быстровским некрополем, находящимся в 100 км к СЗ от с. Новотроицкое [Троицкая, Бородовский, 1994]. На общем плане Быстровского некрополя выделяется три могильника (Быстровка-1, 2, 3), расположенные друг от друга на расстоянии около 400 м и 200 м. Можно полагать, что в рамках V–III вв. до н. э. в Новотроицком и Быстровском некрополях, а также на могильнике Камень-2 одновременно функционировали по два кладбища.

Судя по наиболее представительным материалам Новотроицкого некрополя (296 погребений) и могильника Камень-2 (117 погребений), на каждом из этих обособленных могильников (курганных групп) хоронили своих сородичей два близкородственных коллектива. Все это позволяет с достаточным основанием говорить о существовании в скифское время специфических памятников еще мало изученного типа, включавших в свой состав два сосуществовавших древних кладбища, намеренно расположенных в 300–400 м друг от друга.

Вполне вероятно, достоверно зафиксированное сосуществование двух древних кладбищ (курганных могильников Новотроицкое-1, 2 и двух курганных групп на могильнике Камень-2) является следствием существования фратрий в каменском обществе. Факт обнаружения указанных двухчастных погребальных памятников позволяет надеяться на выявление подобных структур на других могильниках скифского времени в Южной Сибири, а возможно, и на удаленных территориях.

Список источников

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–135.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Шульга П. И., Головченко Н. Н. Новые данные о планиграфии могильника Камень-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. 30. С. 849–853.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

А. О. Хотылев[1], С. В. Ольховский[2]
[1] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
[2] Институт археологии РАН, Москва, Россия

ИМПОРТ СТРОИТЕЛЬНОГО КАМНЯ В ФАНАГОРИЮ В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Аннотация. Фанагория, основанная на южном побережье Таманского залива в середине VI в. до н. э., в IV–II вв. до н. э. являлась крупным транзитным центром на перекрестке торговых путей между Средиземноморьем, Малой Азией, Меотидой и Предкавказьем. Развитие Фанагории заметно осложняло отсутствие местных каменных месторождений, но в IV–II вв. в город поступили крупные объемы необработанных камней, использованные для постройки большого причала и, вероятно, для гражданского строительства. В результате комплекса естественно-научных исследований установлен состав найденных в Фанагории горных пород, идентифицированы регионы происхождения некоторых типов пород, выявлена корреляция между периодом интенсивного хлебного экспорта Боспора в Средиземноморье и периодом систематических поставок каменного материала в Фанагорию.

Ключевые слова: Фанагория, Античность, хлебная торговля, импорт, строительный камень, геоархеология

Продолжительное археологическое изучение акрополя Фанагории показало, что, по крайней мере, в первые 150–200 лет своего развития горожане испытывали острый дефицит строительного камня: дома строили преимущественно из саманных кирпичей, а камни использовали для фундаментов общественных зданий. Причина тому – отсутствие каменных месторождений в окрестностях города, ближайший источник камня (ископаемые мшанковые рифы) расположен на побережье Керченского пролива более чем в 30 км от Фанагории.

После вхождения Фанагории в состав Боспорского царства в начале IV в. до н. э. возможности для строительства заметно улучшились: в город начали систематически поступать крупные объемы необработанного камня. Об этом наглядно свидетельствует крупный портовый причал, построенный в море напротив акрополя Фанагории и ныне полностью замытый донными отложениями. Этот причал частично изучен: в нем пробиты шурфы, извлечены и проанализированы крупные выборки каменного материала и археологических предметов.

Несомненно, что практически весь каменный материал, из которого построен причал Фанагории и фундаменты зданий на акрополе, был привезен сюда из иных регионов, для чего потребовались тысячи судовых рейсов. При этом в текстах древних авторов отсутствуют упоминания о морской торговле необработанными камнями. Это вполне объясняется тем обстоятельством, что прибрежные города Средиземноморья и Малой Азии располагали собственными источниками строительного камня и потребность в подобной торговле была минимальна.

Крупные объемы каменного материала, найденные в Фанагории, доказывают, что, по крайней мере, в некоторых ситуациях торговля необработанным камнем оказалась экономически оправданна. Приступая к изучению этого казуса, мы поставили перед собой следующие задачи:

– оценить объем и вес найденного в Фанагории каменного материала;

© Хотылев А. О., Ольховский С. В., 2025

– идентифицировать состав и соотношение горных пород, использованных в фундаментах ранних построек акрополя и причала;

– определить регионы происхождения тех типов горных пород, для которых это возможно;

– определить хронологический период поставки каменного материала в Фанагорию.

Достигнутые к настоящему времени результаты позволяют утверждать следующее.

Верифицированные размеры фанагорийского причала (длина основной конструкции 185 м, ширина до 65 м, высота до 2,5–3 м; длина боковой конструкции 100 м, ширина до 35 м, высота до 2–2,5 м) позволяют оценить, что объем необходимого каменного материала суммарно для обоих сооружений составляет 26–27 тыс. м^3, а вес – не менее 50 000 тонн.

Причал Фанагории построен из разнообразных горных пород, в том числе: известняки, мраморы и мраморизованные известняки – 35–55 %; вулканические породы – 10–45 %; песчаники, алевролиты – 5–10 %; метаморфические породы (гнейсы, хлоритовые сланцы) – 5–25 %; плутонические породы (граниты, гранодиориты, граносиениты) – менее 5 %. Аналогичный ассортимент горных пород в сходных соотношениях составляет фундаменты зданий на акрополе [Каменный…, 2022, с. 59].

Практически весь строительный камень относится к категории окатанных валунов размером 20–40 см и их фрагментов, а также гальки. Существенная часть неокатанных обломков представлена главным образом керченскими известняками.

Регионы происхождения известняков и мергелей определены с помощью анализа микрофауны: видовой состав раковин фораминифер относится к планктонным формам верхнего мела, происходящим из центральной зоны палеоокеана Тетис. В Эгейском море осадочные комплексы мелового возраста встречаются редко и представлены иными породами, т. е. поставки в Фанагорию известняков из Эгейского моря маловероятны [Поставки…, 2023, с. 15–17]. Найденные в Фанагории фораминиферы происходят из двух регионов – с южного побережья Черного моря (район г. Хопа, Турция) и с северного побережья Средиземного моря (район г. Мармарис, Турция).

Регионы формирования вулканических пород определены на основе их геохимических и изотопных особенностей, а также изотопного возраста. Для определения изотопного возраста выполнено датирование U–Pb изотопной системы по цирконам и K–Ar изотопной системы по валовым пробам. В результате установлено, что найденные в Фанагории андезиты имеют возраст 3,6 млн лет и происходят с острова Эгина (Саронический залив Эгейского моря), а трахибазальты имеют возраст 73 млн лет и происходят из района г. Синоп, Турция (южное побережье Черного моря) [Применение…, 2022, с. 613–614].

Идентифицированные таким образом районы расположены на морских побережьях вблизи крупных древних портов. Учитывая окатанность каменного материала, мы полагаем, что он был собран на ближайших пляжах, что сокращало затраты сил и времени на его перевозку и погрузку.

Период строительства причала установлен благодаря тому, что при расчистке шурфов в интервалах между камнями кладки были найдены тысячи фрагментов разнообразных керамических сосудов и предметы из органики. Комплекс керамики, обнаруженной внутри конструкции причала, относится преимущественно к 400–350 гг. до н. э. Этот же временной интервал установлен в результате радиоуглеродного датирования фрагментов плетеной корзины, наполненной мелкой галькой, найденной внутри конструкции причала [Причал…, 2025].

Отметим, что состав каменного материала в фундаментах построек акрополя заметно изменялся с течением времени: в объектах 540–525 гг. до н. э. доля известняков составляет лишь 5 %, а к 340-м гг. до н. э. возрастает до 40 % [Каменный…, 2022, с. 60–66]. Это можно объяснить тем обстоятельством, что после вхождения Фанагории в состав Боспорского царства она получила доступ к низкокачественным, но доступным известнякам из каменоло-

мен Керченского полуострова. Таким образом, крупномасштабные поставки в Фанагорию строительного камня из отдаленных регионов преобладали как минимум в интервале с 450-х до 340-х гг. до н. э., что хронологически совпадает с периодом известного по письменным источникам крупномасштабного экспорта хлеба из Боспорского царства в Афины.

Корреляцию этих процессов возможно объяснить следующим образом. Отведенная Фанагории царями Боспора роль основного на Азиатском Боспоре центра транзитной торговли подразумевала ее превращение в крупный порт, обслуживающий множество судов и лодок, курсирующих между Средиземноморьем, Малой Азией, Меотидой и Предкавказьем. При этом вблизи Фанагории не было естественной гавани: перед городом простиралось обширное мелководье, не защищенное от преобладающих ветров и волн, а первая портовая инфраструктура, по всей вероятности, представляла собой в лучшем случае деревянный свайный причал.

Мы полагаем, что одной из главных целей строительства полноценного порта в Фанагории являлось ускорение товарооборота, то есть создание условий, при которых каждое задействованное в хлебной торговле судно в течение одной навигации успевало бы выполнить несколько рейсов между Средиземноморьем и Боспором. Это требовало от порта возможностей для одновременной разгрузки/загрузки как минимум нескольких судов.

Идея строительства портовой инфраструктуры из традиционного для Средиземноморья материала – камня – в условиях Фанагории имела шансы на реализацию лишь в ситуации полной уверенности в стабильных и достаточных поставках каменного материала. То есть, начиная строительство причала, горожане рассчитывали на систематические поставки строительного камня на протяжении, по крайней мере, многих десятилетий. Причиной этой уверенности, несомненно, был стабильный экспорт хлеба, подразумевающий ежегодные заходы в Фанагорию сотен торговых судов.

Предположение, что значительный объем поступившего в Фанагорию каменного материала непосредственно связан с хлебным экспортом в Афины, подтверждается идентификацией острова Эгина, расположенного в Афинском заливе, в качестве одного из основных «доноров» каменного материала. Представляется убедительной гипотеза, что каменный материал загружали на порожние суда-зерновозы на Эгине и в иных локациях по пути из Афин на Боспор в качестве дешевого, но высоколиквидного в Фанагории товара. Ввиду невозможности загрузить все суда, следующие на Боспор за хлебом, более рентабельными товарами, попутная перевозка необработанного камня в Фанагорию оказалась экономически целесообразна для судовладельцев.

Косвенным доказательством прямой связи поставок строительного камня с динамикой хлебного экспорта является и тот факт, что одновременно с резким сокращением этого экспорта из Фанагории на рубеже III–II вв. до н. э. практически прекратились и поставки качественного строительного камня из отдаленных регионов. Именно с этого времени среди материала фанагорийских построек начали преобладать известняки, привезенные с Керченского полуострова.

Список источников

Каменный материал некоторых построек акрополя Фанагории / А. О. Хотылев, О. В. Хотылев, С. В. Ольховский, А. А. Майоров // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3. С. 51–70.

Поставки строительного камня в Северное Причерноморье в середине 1-го тысячелетия до н. э. по данным микропалеонтологического анализа / А. О. Хотылев, Л. Ф. Копаевич, М. Р. Латыпова, П. А. Прошина, А. А. Майоров, С. В. Ольховский, Ф. С. Щепелев // Вестник Московского университета. Сер. 4: Геология. 2023. № 1. С. 3–19.

Применение методов изотопной геохронологии для локализации регионов импорта каменного материала / А. О. Хотылев, С. В. Ольховский, А. А. Майоров, О. В. Хотылев, В. Б. Хубанов // Российские нанотехнологии. 2022. Т. 17. № 5. С. 603–615.

Причал классического времени в порту Фанагории (Таманский полуостров) / А. О. Хотылев, С. В. Ольховский, А. В. Смокотина, О. В. Хотылев, А. А. Майоров. 2025 (в печати).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – «Археологические вести»;
АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет;
АДСВ – «Античная древность и Средние века»;
АлтГТУ – Алтайский государственный технический университет;
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики;
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан;
АН СССР – Академия наук СССР;
АО – «Археологические открытия»;
АСГЭ – «Археологический сборник Государственного Эрмитажа»;
АЦПО – Археологический центр Псковской области;
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник;
БГМУ – Белорусский государственный медицинский университет;
БГПУ – Благовещенский государственный педагогический университет;
БГУ – Бурятский государственный университет;
БелНИГРИ – Белорусский научно-исследовательский геологоразведочный институт;
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный музей-заповедник;
БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс;
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН;
БрГУ – Брянский государственный университет;
БФУ – Балтийский федеральный университет;
ВАУ – «Вопросы археологии Урала»;
ВГПУ (ВГПИ) – Воронежский государственный педагогический университет (институт);
ВГУ – Воронежский государственный университет;
ВДИ – «Вестник древней истории»;
ВЛС – воздушное лазерное сканирование;
ВМУ – «Вестник Московского университета»;
ВолГУ – Волгоградский государственный университет;
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт;
ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества;
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет;
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры;
ГАИО – Государственный архив Иркутской области;
ГАМЗ – Государственный археологический музей-заповедник;
ГАН – Государственная академия наук;
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы;
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области;
ГАТО – Государственный архив Томской области;
ГИ НГУ – Гуманитарный институт НГУ;
ГИИ – Государственный институт искусствознания;
ГИМ – Государственный исторический музей;
ГМВ – Государственный музей Востока;
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы;
ГЭ – Государственный Эрмитаж;
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР;
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук;
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет;
ДонГУ – Донецкий государственный университет;
ДонНУ – Донецкий национальный университет;
ЕГПИ – Елецкий государственный педагогический институт;
ЕГУ – Елецкий государственный университет;

ЕМЗ – Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник имени А. И. Кытманова;
ЕНУ – Евразийский национальный университет;
ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения»;
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет;
ЗООИД – «Записки Одесского общества истории и древностей»;
ЗРАО – «Записки Русского археологического общества»;
ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан;
ИА НАНУ – Институт археологии НАН Украины;
ИА РАН – Институт археологии РАН;
ИАИ РАНИОН – Институт археологии и искусствознания РАНИОН;
ИАК РАН – Институт археологии Крыма РАН;
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН;
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН;
ИГАИМК – «Известия Государственной академии истории материальной культуры»;
ИГ РАН – Институт географии РАН;
ИГУ – Иркутский государственный университет;
ИИАЭ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН;
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН;
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН;
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР;
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН;
ИОГУНБ – Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека;
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН;
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет;
ИрНИТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет;
ИТУАК – «Известия Таврической ученой архивной комиссии»;
ИЦиГ СО РАН – Институт цитологии и генетики СО РАН;
ИЭРиЖ – Институт экологии растений и животных;
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории;
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ;
КГМУ – Курский государственный медицинский университет;
КГПУ (КГПИ) – Красноярский государственный педагогический университет (институт);
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет;
КемГУ – Кемеровский государственный университет;
КИО – культурно-историческая общность;
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей;
КМДПиНТ – Каменский музей декоративно-прикладного искусства и народного творчества;
КНП – культура наконечников на пластинах;
КСГО – Кузнецко-Салаирская горная область;
КСИА – «Краткие сообщения Института археологии»;
КСИИМК – «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР»;
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет;
ЛГУ – Ленинградский государственный университет;
ЛНУ – Луганский государственный/национальный университет;
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии;
ЛОИИМК – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры;
МАИЭТ – «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии»;
МАО – Московское археологическое общество;

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории;

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН;

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ;

МБК – московская белоглиняная керамика;

МВПХУ – Московское высшее художественно-промышленное училище;

МГУ – Московский государственный университет;

МИА – «Материалы и исследования по археологии СССР»;

МИАСК – «Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа»;

МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований;

МО ГАИМК-ИИМК – Московское отделение ГАИМК-ИИМК;

НА – научный архив;

НАН – Национальная академия наук;

НАНТ – Национальная академия наук Таджикистана;

НГУ – Новосибирский государственный университет;

НГУАДИ – Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств;

НМРА – Национальный музей Республики Алтай;

НА ГМЗ КП – Научный архив Государственного музея-заповедника «Куликово поле»;

НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив ИА РАН;

ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей;

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет;

ОИКМ – Омский историко-краеведческий музей;

ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет;

ОмГУ – Омский государственный университет;

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ;

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет;

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет;

ПИФИ – Петербургский историко-филологический институт;

ПИФК – «Проблемы истории, филологии, культуры»;

РА – «Российская археология»;

РАИК – Русский археологический институт в Константинополе;

РАН – Российская академия наук;

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук;

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы;

РАО – Российское археологическое общество;

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет;

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет;

РГТЭУ – Российский государственный торгово-экономический университет;

РГУ – Ростовский государственный университет;

РГУЭ – Ростовский государственный экономический университет;

РНФ – Российский научный фонд;

РО – рукописный отдел;

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН;

СА – «Советская археология»;

САЭ ГЭ – Саяно-Алтайская археологическая экспедиция ГЭ;

САИ – «Свод археологических источников»;

САК – Староладожский археологический комплекс;

СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет;

СамНЦ РАН – Самарский научный центр РАН;
СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН;
СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет;
СГПУ (СГСПУ) – Самарский государственный социально-педагогический университет;
СГУ – Самаркандский государственный университет;
СЗИН – Северо-Западный институт наследия (Санкт-Петербург);
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук;
СПбГМИСР – Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов;
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук;
СФУ – Сибирский федеральный университет;
СЭ – «Советская этнография»;
ТАС – «Тверской археологический сборник»;
ТГИМ – «Труды ГИМ»;
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет;
ТГЭ – «Труды Государственного Эрмитажа»;
ТУАК – Тверская ученая архивная комиссия;
ТюмГУ – Тюменский государственный университет;
ТюмНЦ – Тюменский научный центр СО РАН;
УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт;
УдГУ – Удмуртский государственный университет;
УдИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН;
УдмФИЦ УрО РАН – Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН;
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания;
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук;
УрФУ – Уральский федеральный университет;
ФЕН НГУ – факультет естественных наук НГУ;
ФИЦ – Федеральный исследовательский центр;
ФИЦ УУХ – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии;
ФНИ – фундаментальное научное исследование;
ФНЦ – Федеральный научный центр;
ХГУ – Хакасский государственный университет;
ХНУ – Харьковский национальный университет;
ХСб. – «Херсонесский сборник»;
ЦААПЧ АН РС(Я) – Центр арктической археологии и палеоэкологии человека АН Республики Саха (Якутия);
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт;
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН;
ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН – Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН (г. Миасс);
ЮУрГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет;
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет;
ЯГУ – Якутский государственный университет.

Научное издание

ТРУДЫ VII (XXIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

В трех томах

Том II

Красноярск, 6–10 октября 2025 г.

Корректор *Т. Ю. Чабан*
Компьютерная верстка *Е. А. Сафиной*
Иллюстрация на обложке *О. М. Громоздовой*

Подписано в печать 14.08.2025. Печать плоская. Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 58,1. Тираж 1000 экз. Заказ № 24237

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел.: (391) 206-26-16; http://bik.sfu-kras.ru
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Для заметок